

**Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»**

**Автобиографические сочинения
в междисциплинарном исследовательском
пространстве: Люди, тексты, практики**

Редакторы:

Ю.П. Зарецкий, Е.К. Карпенко, З.В. Шушпанова

Коллективная монография

**БИБЛИО-ГЛОБУС
Москва 2017**

УДК 303.01

ББК 60

А22

Рецензенты:

В.Г. Безрогов — доктор педагогических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии образования, главный научный сотрудник центра истории педагогики и образования ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО».

П.Ю. Уваров — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, заведующий Отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН.

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском пространстве: Люди, тексты, практики / ред. Ю.П. Зарецкий, Е.К. Карпенко, З.В. Шушпанова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: «БИБЛИО-ГЛОБУС», 2017. — 560 с.

ISBN 978-5-6040237-6-1

DOI 10.18334/9785604023761

В основу коллективной монографии легли доклады, прочитанные участниками международной конференции «Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: Люди, тексты, практики», проходившей в Москве в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» 1-2 июня 2016 года. Авторами глав являются ученые из России, Великобритании, Германии, Италии, Литвы, Мали, Нидерландов, Франции. Исследуемые ими автобиографические тексты созданы представителями разных профессиональных и социальных групп: не только интеллектуалами, членами правящей верхушки и клириками, но и теми, кого обычно называют «маленькими людьми». В географическом плане эти тексты охватывают Россию и страны Европы, в хронологическом – период от раннего Нового времени до XX века. Книга в первую очередь адресована преподавателям и студентам ВУЗов, научным работникам (культурологам, историкам, филологам, философам, антропологам, психологам). Однако она также обращена к широкому кругу читателей, которых интересуют рассказы людей о себе в разные периоды истории и современные способы их изучения.

ISBN 978-5-6040237-6-1

© Коллектив авторов, 2017

© Оформление, дизайн обложки

ООО Издательский дом «БИБЛИО-ГЛОБУС», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРОВ	7
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО	11
I. НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ДИСЦИПЛИН, МЕТОДОВ, КУЛЬТУР	13
<i>Божков О.Б., Игнатова С.Н.</i> Три основных фактора успешности междисциплинарного исследования	13
<i>Зайцева Ю.Е.</i> Автобиографический Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: комму- никативный, нарративный и экзистенциальный ас- пекты	27
<i>Рождественская Е.Ю.</i> Когерентность автобиогра- фии и нарративизация идентичности	45
<i>Глебкин В.В.</i> Автобиографии в проблемном поле когнитивной науки	63
<i>Алташина В.Д.</i> Автовымысел и теория возможных миров	83
II. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ	99
<i>Деккер Р.</i> Долгосрочные тенденции в развитии автобиографического письма в Нидерландах после 1500 года	99
<i>Ружжью Ф.-Ж.</i> Лексикон социального простран- ства в сочинениях личного характера	119

Янке Г. Каритас Пиркхаймер, Мартин Лютер и другие духовные лица. Автобиографическое сочинение как социальная практика в немецкоязычных странах (XV и XVI столетия) 149

III. СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ 197

Егорова О.В. Исследование этнографии детства чувашей по автобиографическим материалам 197

Килин А.П. «Я изложил только основные черты биографического очерка...»: Автобиография в структуре судебного-следственного дела 213

Носенко-Штейн Е.Э. «Я никогда не чувствовала себя неполноценной»: Саморепрезентация людей с ограниченными возможностями здоровья в автобиографиях 235

IV. МНОГООБРАЗИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ФОРМ 255

Павлова С.Ю. Жанр мемуаров во Франции: историческое и автобиографическое 255

Майга А.А. Травелог как автобиографическое сочинение 267

Михайлова М.В., Рампаццо К. Автобиографический компонент в эпистолярной литературе: Письма Г.И. Чулкова к жене и возлюбленной 281

V. ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО, СОВРЕМЕННОСТИ 299

Почкаев Р.Ю. «Миссия в Хиву и Бухару...» графа Н.П. Игнатьева: Роль одного дипломата в среднеазиатской политике России по его собственным мемуарам 299

<i>Мамедов Р.</i> Кавказские посредники в российской имперской политике на Северном Кавказе. Мемуары Мусы Кундухова	317
<i>Клочкова Ю.В.</i> Мемуары Софьи Семеновны Чекиной: Автобиография без биографии	339
VI. АВТО/БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЕЙ	365
<i>Попова А.В.</i> Исповедальная интенция в «Истории моей жизни» Жорж Санд	365
<i>Салманова И.Ф.</i> Феномен Льва Толстого-автобиографа	385
<i>Мартынова Л.А.</i> Трансформация или углубление? Образ А.П.Чехова в автобиографической литературе современников: Л.А. Авилова «А.П. Чехов в моей жизни»	397
<i>Шуринова Н.С.</i> Косвенный адресат в «Дневниках странной войны» Ж.-П. Сартра	423
VII. ГОЛОСА И ОБРАЗЫ «МАЛЕНЬКИХ» ЛЮДЕЙ	433
<i>Капоче Н.</i> «Маленькая художница» Барбора Диджиокене / Варвара Горохова: Автотексты эмигрантки по зову сердца	433
<i>Демкова Н.С., Луц С.А.</i> Неизданная рукопись воспоминаний врача С.Д. Чечулина «Ежегодник моей жизни»	451
<i>Слепцова И.С.</i> «Это всё для памяти П.В. Бугрова»: Жизненный путь в дневниках ярославского крестьянина с точки зрения микроистории	469

ПРИЛОЖЕНИЯ	491
<i>Отредакторов журнала «AvtobiografiЯ»</i>	491
<i>Автобиографические тексты</i>	519
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	543
ABSTRACTS	547

От редакторов

В основу этой коллективной монографии легли доклады, прочитанные участниками международной конференции «Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: Люди, тексты, практики», проходившей в Москве в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» 1-2 июня 2016 года. Конференция была организована группой междисциплинарных исследований автобиографии факультета гуманитарных наук университета при поддержке программы «Научный фонд НИУ ВШЭ». Она задумывалась с целью поиска общего языка в осмыслении автобиографических текстов представителями различных социогуманитарных дисциплин: культурологами, историками, филологами, философами, антропологами, психологами, социологами. Судить, насколько этот поиск оказался успешным, предстоит, конечно, читателям. Однако сам факт того, что на объявление о конференции откликнулось более ста российских и зарубежных ученых может, по-видимому, свидетельствовать об актуальности задачи, поставленной организаторами.

Что найдет в книге читатель? Прежде всего, разнообразие теоретико-методологических подходов к исследованию автобиографических текстов: от классического литературоведения и традиционной политической историографии до социологического дискурс-анализа, когнитивистики и социальной психологии. Это разнообразие является зримым свидетельством растущего интереса к личным документам исследователей из самых разных областей знания. Истории, которые в разных обстоятельствах и по разным причинам люди рассказывают о себе, служат для них отправной точкой для осмысления литературных моделей и социальных структур, политической конъюнктуры и индивидуального опыта, жизненных миров и ментальных установок.

Помимо теоретико-методологического разнообразия, мы стремились максимально широко представить способы рассказывать о себе и те обстоятельства, которые эти способы породили. Поэтому читатель встретит в книге анализ очень разных автобиографических форм: от социологического интервью и делопроизводственной автобиографии до философской переписки и автофигии. Выстраивая этот материал, мы также стремились отказаться от систематизации исследуемых текстов в соответствии с их национальной и/или языковой принадлежностью. В результате в одном разделе наряду с анализом русскоязычных личных свидетельств читатель увидит статьи, посвященные французским, голландским, немецким автобиографиям, дневникам, мемуарам.

В географическом отношении автобиографические сочинения, о которых идет речь в монографии, относятся к России и странам Европы, в хронологическом – к периоду от раннего Нового времени до XX века. Важно добавить, что они созданы представителями разных профессиональных и социальных групп: интеллектуалами (прежде всего, писателями и философами), членами правящей элиты, клириками, простецами (крестьянами) и теми, кого называют «маленькими людьми». И это не случайно: мы хотели не только представить разнообразие подходов к изучению автобиографических текстов и их жанровые особенности, но и разнообразие условий, в которых они родились.

В силу разных обстоятельств, в первую очередь из-за ограниченных издательских возможностей, в монографию вошли не все присланные участниками конференции тексты. В то же время, мы посчитали возможным включить в неё исследования тех коллег, которые по разным причинам не смогли приехать в Москву. Прежде всего, это относится к зарубежным ученым: из Великобритании, Германии, Италии, Литвы, Мали, Нидерландов, Франции. Мы исходили из того, что российскому читателю важно иметь представление о сегодняшнем положении дел в изучении автобиографичес-

ких сочинений «из первых рук». Особо следует отметить, что в числе авторов этой книги немало начинающих исследователей: студентов, аспирантов, молодых ученых, причем не только российских. Их работы публикуются рядом с работами таких мэтров, как Рудольф Деккер, Наталья Сергеевна Демкова, Франсуа-Жозеф Ружжью, Габриэла Янке.

Итак, эксперимент завершен. На суд читателей выносятся исследования, дающие материал для ответа на вопрос: могут ли ученые, представляющие разные области научного знания, найти общий язык? Или хотя бы понимать друг друга?

Юрий Зарецкий, Елена Карпенко,
Зинаида Шушпанова

Приветственное слово

Дорогие коллеги, в первую очередь я хотел бы сердечно поблагодарить вас за приглашение на эту замечательную конференцию. Я приветствую Вас от имени Германского исторического института в Москве. Приветствую в аудиториях Высшей школы экономики, университета, тесному и плодотворному сотрудничеству с которым наш Институт чрезвычайно рад.

Сегодня первый день лета... Однако прежде чем академический мир Москвы оставит позади себя стресс экзаменационной сессии, исчерпает остатки публичного энтузиазма в марафоне академических мероприятий и обретет на некоторое время заслуженный покой, хорошая традиция – собрать научное сообщество еще раз, благословить и отпустить отдыхать. Но мы знаем, что «летняя пауза», сулящая нам «отпуск», тоску по коллегам, новым темам и конференциям, и всякое отсутствие бюрократии, конечно, незаметно, но довольно скоро закончится.

А пока месяц июнь 2016 г. начинается с события, которое, без сомнения, запомнится нам на месяцы вперед. Уверен, эта конференция наметит будущие пути междисциплинарных исследований «ego», «личного», «Selbst».

Совсем недавно в гостях у нашего Института побывал известный немецкий медиевист, который изучает воспоминания и память из перспективы нейро- и когнитивных научных дисциплин (уже своим исследовательским подходом он вызвал нешуточные дискуссии). Чем-то подобным занимаются и психологи, когда пытаются понять, какие процессы задействованы в организме при, например, созерцании предмета искусства, как физиологически организовано эстетическое восприятие.

После того как «автор» как автономный субъект, казалось бы, столько раз в гуманитарных науках пережил

свою смерть и забвение, остается лишь в очередной раз удивляться тому, как он неизменно восстает из пепла и порождает новые споры.

Эго-тексты прошлого бесконечно разнообразны. Мы постоянно открываем те, которые считались утерянными, как, впрочем, и совершенно неизвестные нам до сих пор. И даже тексты автобиографического характера, нам давно знакомые, при новом обращении к ним выказывают свой неисчерпаемый потенциал.

Такого количества Автобиографического как на этой неделе да еще за такой короткий промежуток времени в моей жизни еще не было! После этой большой конференции, открывающейся сегодня здесь и предлагающей нам необыкновенно широкий спектр методов и исследовательских подходов, в нашем Институте (на ул. Воронцовской, д. 8/7) 3-4 июня, т.е. непосредственно вслед за Вашей, состоится конференция на тему «Светское и сакральное в автобиографических практиках Нового времени (XVIII – начало XX вв.)». Разумеется, я сердечно приглашаю Вас присоединиться к нам.

Почти за 200 лет до сегодняшнего события и тоже в июне родился Иван Гончаров. Он создал нерукотворный памятник дивану – объекту муз и кузнице творческих планов. Пусть аура этого чарующего образа осенит и Ваше лето. Но прежде, дабы воздать должное Штольцу, alter ego Обломова, давайте-ка сначала поработаем.

Я желаю конференции живой, заинтересованной и плодотворной дискуссии!

Проф. д-р Николаус Катцер
Директор Германского исторического института в Москве

I. На перекрестке дисциплин, методов, культур

Три основных фактора успешности междисциплинарного исследования

Олег Божков, Светлана Игнатова

В последние годы вокруг проблемы междисциплинарности научного познания время от времени возникает довольно оживленная дискуссия. Одни активно предостерегают от неуместного увлечения междисциплинарными подходами, особенно в отношении тех наук, дисциплины которых еще не оформились. Пожалуй, наиболее аргументированно эта позиция представлена в статье А. Оскольского¹. Другие же утверждают, что эпоха отдельных научных дисциплин уже прошла и только общими (междисциплинарными) усилиями могут быть разрешены сложные научные задачи². Одна из основных проблем междисциплинарных исследований – это «поиск общего языка» между представителями разных дисциплин. Но эффективность такого поиска тем выше, чем более строгие и определены «исходные» языки. Для того, чтобы смело пускаться в междисциплинарное плавание, надо твердо держаться в лодке своей собственной научной дисциплины. Рассмотрим, какие факторы способствуют успеху междисциплинарных исследований.

---

¹ Оскольский А. Осторожно, междисциплинарность! // Троицкий мост. 2013. 24 сентября.

² См. в частности Dogan M. The New Social Sciences // International Social Science Journal. 1997, Vol. 153. P. 429-443; Heintz Ch. (ed.) Studies in Cognitive Anthropology of Science // Journal of Cognition and Culture. 2004. No 4 (3-4). Origgi G., Sperber D. Evolution, communication and the proper function of language // P. Carruthers, A. Chamberlain (ed.). Evolution and the Human Mind. Cambridge, 2000. P. 140-169.

Во-первых, исходный эмпирический материал должен быть интересным и актуальным для всех участников междисциплинарного проекта. Некоторые объекты изучения, в частности, – это в социологии, имманентно требуют именно междисциплинарного подхода. Исследователям часто приходится работать с локальными базами данных, собранными под отработку той или иной методической находки. Работа с методикой и методологией пуста без привлечения актуального социологического материала. Только на живых массивах данных можно проверить те или иные гипотезы и наработки. Биографические и автобиографические тексты и документы являются адекватной эмпирической базой для такого анализа. Они одинаково привлекают и социологов, и психологов, и историков, и социолингвистов, несмотря на существенные подчас различия их научных задач. Это, пожалуй, ключевой момент, обуславливающий необходимость понимания и учета двух других факторов, которые мы считаем не менее существенными.

Во-вторых, единство массива вынуждает участников искать удобные для всех не только формы представления исходных данных, но и инструменты для их анализа и обработки. В этом пункте необходимо подключение квалифицированного программиста, который существенным образом дисциплинирует всех остальных. Это важно, тем более потому, что современные исследования, связанные с анализом больших массивов текстов, теоретически и практически немислимы без применения специализированных компьютерных программ. А поскольку исходный массив един, в базе данных он должен быть представлен, с одной стороны, максимально экономно, а, с другой, – так, чтобы каждый из участников междисциплинарного исследования мог решать свои задачи.

И, в-третьих, важен фактор, с которого начали, – все участники междисциплинарного проекта должны быть специалистами каждый в своей области знания. Так как именно профессионализм всех участников может обеспе-

чить и поддержать комплексный подход и выход на новые уровни познания.

Примером объекта, который требует в изучении именно междисциплинарного подхода можно назвать материалы Биографического фонда СИ РАН, созданного 25 лет назад по инициативе Валерия Борисовича Голофаства, которые включают личные документы и биографические материалы (дневники, письма, автобиографии, биографические интервью и анкеты, официальные и частные документы и свидетельства). Биографии являются важным инструментом для изучения динамики социальных ценностей через призму индивидуального опыта отдельных людей. Такая информация представляет особую значимость в переломные моменты жизни общества, поскольку именно биография отдельного человека может служить типичным проявлением определенных социокультурных процессов. «Биографические схемы» наделяют любые жизненные моменты особым значением, связывая их со значением жизни в целом³. Модели жизни образуют внутреннее строение любой культуры и дают возможность говорить о «биографизации поведения» и «жизненных программах» личности⁴. Понятие «макроповедения» выводит события индивидуальной жизни из рамок индивидуально-семейного, группового обихода на уровень анализа мегапроцессов, происходящих в обществе. Классическими стали исследования рабочих Д. Берто, коллективного исторического сознания Л. Нитхаммера⁵.

---

³ Об этом см. к примеру, Luckman Th. Remarks on Personal Identity: Inner, Social and Historical Time // Identity: Personal and Socio-Cultural. A Symposium. Acta University Ups.; 1983; Рождественская Е. Биографический метод в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

⁴ Голофаств В.Б. Концепции индивида и пространство биографий // Право на имя: биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках. Чтения памяти Вениамина Иофе. СПб, 18-19 апреля 2003. СПб. 2004. С. 5-17. Козлова Н.Н. Методология анализа человеческих документов // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 14-26.

⁵ См. классические работы Берто Д., Берто-Вьям И. Семейное владение и семья: трансмиссии и социальная мобильность, прослеживаемые на пяти

Биографический фонд представляет собой уникальный, актуальный, сложный и многоуровневый эмпирический материал, и является не просто архивом данных, а «живым» эмпирическим организмом, фиксирующим отражение социально-культурных трансформаций в практиках и языке носителей этих изменений. Можно его охарактеризовать как коллективную биографию разных поколений и разных социальных групп. Эти данные охватывают большой период времени (примерно с середины XIX века). Биографический фонд состоит из двух основных частей – Основного собрания БФ и конкурсных материалов (биографических текстов, присланных на конкурсы, проводившиеся сотрудниками Социологического института РАН в период с 1993 по 2010 годы). Документы, представленные в Биографическом фонде исключительно разнообразны и по жанрам, и по стилистике, ведь авторы этих документов – люди разного уровня образования, принадлежат разным культурным слоям общества. В Фонде зарегистрировано более 700 авторов биографических текстов и более 1000 единиц хранения. В 2007 году разработана концепция и структура электронной базы данных в формате Microsoft Access и зарегистрированы все биографические материалы Фонда. Регистрация материалов производилась по десяти параметрам для каждого автора и пятнадцати для текста, что позволило провести предварительный количественный анализ всего корпуса текстов Фонда, результаты которого представлены в ряде статей участников проекта⁶. В Биографическом фонде представлена жизнь всех социальных слоев прошлого и настоящего: потомственных крестьян,

---

поколениях // Социологические исследования. 1993. № 2. С. 58-67. Нитхаммер Л. Вопросы к немецкой памяти. Статьи по устной истории. М.: Новое издательство, 2012; а также Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 71-88.

⁶ Божков О., Дивисенко К. Электронная база данных Биографического фонда: краткий анализ материалов // «Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. №3. С. 60-62.

бывших дворян, пролетариев, революционеров, артистов, интеллигенции. Хорошо представлены в Фонде репрезентативные группы инженеров, медицинских работников, военных, рабочих, сельских предпринимателей. В этом проблемном поле отражены личные истории индивидов, образы прошлого, настоящего и будущего, ценности, нормы, новые формы поведения, нарративы, я-концепции и т.д. Для того, чтобы понять механизм становления новых форм поведения и закрепления их в культуре необходимо обратиться к достаточно длинной исторической ретроспективе. Решение этой задачи требует эмпирического материала, охватывающего большие временные циклы, а также усилий специалистов разных научных дисциплин. При этом методы и принципы анализа могут быть общими, а методологический посыл – разным.

Биографии как источник информации и объект изучения привлекают внимание исследователей в различных социальных и естественных науках и на их пересечении, например, медицинская биографика, биографии в педагогике, этнографии, истории, психологии. Биографические исследования могут допускать статистические методы анализа эмпирических данных, полученных на больших выборках. Количественный анализ текстов биографий, личных документов, построение графиков и схем, ведение своего рода биографической статистики являются элементами номотетического подхода. Качественные методики, связанные с этнометодологическим, антропологическим подходом, нарративным и дискурсивным анализом составляют идеографический подход к анализу таких данных. Возникает ситуация, когда необходимо не механически суммировать методы и методики разных наук, а найти точки соприкосновения и способы координации, выработать правила их релевантного применения. Такой подход к обработке биографического материала в методологической литературе до сих пор не разработан.

К настоящему моменту четко обозначились два подхода при использовании биографического материала: со-

циосимволический и социоструктурный. Первый («герменевтический») ориентирован на анализ смыслов и значений, которые передают индивиды, рассказывая о своей жизни. Процедура интерпретации становится здесь ключевой⁷. Второй подход рассматривает связи, нормы и процессы, которые составляют фундамент социальной жизни и создают различного рода общественные структуры.

По своей форме биографические исследования можно отнести к лонгитюдным исследованиям, так как речь идет об охвате длительных периодов жизни за счёт ретроспекции, анализа прошлых обстоятельств и событий, использования «памятников», документов прошлой жизни индивидов или социальных групп, за счет прогнозов и предвидений личности относительного собственного будущего. Лонгитюдность здесь имеет значение темпоральности, т.е. обязательного соотношения всех биографических данных со временем жизни⁸. Понятие «временной перспективы»⁹ создает широкое поле возможностей для исследования репрезентаций прошлого, настоящего и будущего в биографических данных.

Приемы историков в работе с такими данными значимы для других исследователей в сфере гуманитарного знания, в том числе для социологов. В источниковедении, в частности, разработаны классификации мемуарных документов, методы критики источников, текстологического анализа (так называемые внешняя и внутренняя критика).

---

⁷ О методе см. Шютц А. Смысловая структура современного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003; Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.

⁸ См. исследование Нурковой В. В. Переживание времени при актуализации автобиографического опыта: датировка, оценка длительности и темпоральная организация личного прошлого // Время пути: исследования и размышления. К.: Изд-во Института социологии НАН Украины, 2008. С. 115-136.

⁹ См. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004; Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010.

Опыт историков полезно перенять для широкого биографического исследования. В педагогике широко используются возможности автобиографий для анализа педагогических ситуаций с точки зрения педагогической антропологии, для формирования комплексного педагогического мировоззрения по проблемам детства и становления личности, соотношения педагогики и судьбы в истории каждого человека¹⁰. В этнографии одним из наиболее результативных методов получения полевой этнографической информации считается биографический подход, а биографические рассказы совершенно особым фольклорным жанром¹¹.

Биографический метод исследования личности широко используется и в психологии (Олпорт Г., Маслоу А., Бюлер Ш., Франкл В., Адлер А., Томэ Г., Ананьев Б.Г.) как способ исследования, диагностики, коррекции и проектирования жизненного пути индивида. Г. Томэ писал о новой отрасли — психологии жизненного пути¹². В «пространственном», содержательном плане структура жизненного пути складывается из разнообразных деятельностей: общения, занятий, характеристик среды и др. «измерений» [Buhler С.]. Эти измерения требуют четкой систематической фиксации и возможности соотнесения с конкретной биографией конкретного индивидуума или коллективной биографией социальной группы. В 1990-е годы Абульханова-Славская К.А. обогатила понятийный аппарат биографического метода такими понятиями, как жизненная позиция, жизненная перспектива, линия жизни и другие¹³. В психологии и смежных науках разрабатываются и другие понятия (техники бытия, жизненный план, жизненная про-

---

¹⁰ Хеннингсен Ю. Автобиография и педагогика. М.: Изд-во УРАО, 2000.

¹¹ Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи: быт, фольклор, история. М.: Индик, 2001.

¹² Томэ Г. Теоретические и эмпирические основы психологического развития человеческой жизни // Принцип развития в психологии. М.: Наука, 1978. С. 173-196.

¹³ Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.

грамма, сценарий жизни, биографический кризис, жизненный опыт, жизненный выбор) пригодные для пополнения понятийного аппарата биографического метода. Понятие «временной перспективы» [Zimbardo P.G., Boniwell I.] создает широкое поле возможностей для исследования репрезентаций прошлого, настоящего и будущего в биографических данных. Временная перспектива индивида обладает когнитивной, эмоциональной и социальной компонентами, ее формирование на уровне личности обусловлено множеством факторов социокультурного, экономического и политического характера, проявляющихся на уровне общества, а также зависит от конкретных диспозиций и характеристик индивида или социальной группы¹⁴.

Психологический подход к изучению биографий позволяет рассматривать онтогенез личности и направлен на изучение психологических механизмов и закономерностей социального поведения индивида на жизненном пути. Исследования в рамках психологии жизненного пути требуют четкой систематической фиксации и возможности соотнесения биографий индивида и социальной группы. Исследования психологов ориентированы на фиксацию и изучение различных характеристик нарративной идентичности, конструирование такой идентичности¹⁵.

Методы когнитивных наук (когнитивной психологии, когнитивной лингвистики) совершили переворот в методологии социогуманитарных наук. Тезис о том, что язык связан с познанием, а значит, с познающим субъектом – его мышлением, понятийной системой, физиологией, психи-

---

¹⁴ См., к примеру, работы Зимбардо. Zimbardo P.G., Boniwell I. Balancing one time perspective of optimal functioning. // In: P.A. Linley, S. Joseph (ed.). Positive psychology in practice. Hoboken: Wiley, 2004. P. 165-178; Zimbardo P.G., Boyd J.N. Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. № 77. P. 1271-1288.

¹⁵ Макадамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии: Методология психологии. 2008. Т.3. № 3. С. 135-167; Тжебиньский Е. Нарративное понимание и нарративные действия // Позднеклассическая психология. 2006-2007. Т. 3. № 1. С. 56-81.

кой, социально-культурными особенностями, фоновыми знаниями, прошлым опытом является базисным для биографических исследований. Положение о неразрывном единстве языка и ментальной организации человека и о том, что язык может служить источником сведений о мышлении, в наши дни возведено в методологический принцип¹⁶.

Следовательно, язык получил статус «окна» в человеческое сознание, а языковые структуры стали материалом для изучения ментальных репрезентаций (ментальных моделей, ментальных пространств, отдельных концептов и их кластеров). Таким образом, анализ картин мира, структур знания, концептов, фреймов, идеологий, дискурсов и пр. имеет естественные когнитивные измерения. Биографические материалы могут быть изучены, в том числе, с точки зрения анализа социально-когнитивных особенностей конструирования личного автобиографического Я-нарратива людей различных поколений в культурно-историческом контексте¹⁷.

Сложность организации биографического материала требует построения различных когнитивных моделей анализа, опирающихся на дискурсивные, нарративные и социолингвистические методы, интерпретационный феноменологический анализ, элементы дискурс-анализа, категориальный контент-анализ, методы обоснованной теории (Ground theory) с обязательным привлечением электронных технологий как для фиксации самих биографий, так и для их анализа. Таким образом, анализ картин мира, структур знания, концептов, фреймов, идеологий, дискурсов и пр. связан с изучением когнитивных измерений.

Усилиями Лакоффа Дж., Лангакера Р., Филлмора Ч., Вежбицкой А., Джекендоффа Р. сложилась аксиоматика ко-

---

¹⁶ См. работы В.И. Карасик [2010], М.А. Кронгауз, [2012] И.Б. Левонтиной [2010].

¹⁷ Singer J.A., Blagov P., Berry M., Oost K.M. Self-defining memories, scripts, and the life story: Narrative identity in personality and psychotherapy // Journal of Personality. 2013. 81(6). P. 569-582.

гнитивного подхода, базирующаяся на признании примата когнитивного подхода над языковым (когнитивные структуры определяют функционирование любых компонентов языковой системы). Особенно значимы работы Дж. Лакоффа, по сути создавшего современную теорию метафоры и придавшего этому языковому феномену дополнительное, когнитивное, измерение¹⁸. Немецкие исследователи изучали метафору как отражение общих для определенной социальной группы представлений, оказывающих серьезное влияние на «конструирование социальной реальности». На основе анализа метафор политического дискурса Ch. Landtsheer и ее коллеги сделали вывод о том, что метафора является способом преодоления реальных проблемных ситуаций и эффективным средством воздействия на процесс принятия решений¹⁹.

Представители критического дискурс-анализа – КДА [ван Дейк Т., Водак Р. и др.] усматривают основную задачу современных исследований в разработке такой теоретической модели, которая бы объединила социологические, когнитивные и лингвистические категории²⁰. В работах специалистов по КДА особое внимание уделяется социальному, гендерному и этническому неравенству, а также фактам злоупотребления властью в различных сферах общественной жизни. С помощью когнитивной методологии изучаются негативные образы «чужих» как представителей иных рас, этносов, культур.

Разнообразие и уникальность биографических материалов, особенно при больших массивах такого рода дан-

---

¹⁸ Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС Эдиториал, 2004.

¹⁹ Landtsheer Ch. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gra-tification Approach // Communicatuon and Cognition. 1991. Vol. 24. № 3/4. См. также исследование Walter J., Helmig J. Discursive Metaphor Analysis: (De)Construction(s) of Europe. // T. Carver, J. Pikalo, (ed.). Political Language and Metaphor. Interpreting and Changing the World. Routledge innovations in political theory. Vol 30. New York: Routledge, 2008. P. 119-131.

²⁰ См. в частности статьи Р. Водака [2006, 2011] а также монографию Т.А. ван Дейка [1989].

ных, создают определенные трудности в анализе. Современная быстродействующая компьютерная техника и развитие компьютерных программ открывают некоторые перспективы для преодоления этих трудностей. Впрочем, это не освобождает исследователей от дополнительных рутинных и трудозатратных операций (например, оцифровка изобразительных материалов, транскрибирование аудиозаписей, сканирование и распознавание машинописных текстов, и перевод рукописных текстов в формат Word). Серьезную методологическую проблему составляет осмысленная (необходимая и достаточная) формализация разнородных данных, которая является принципиальным условием для эффективного использования компьютерных программ. В этом аспекте определенную новизну представляет, в частности, обращение к перспективным разработкам в области построения баз знания, которые позволяли бы строить на основе слабоструктурированных текстов («текст» понимается нами в самом широком смысле) динамические ряды разнородных эмпирических данных, а также выйти на сложный многоуровневый анализ, с использованием наработок математиков и лингвистов по составлению словарей, сложных систем баз данных, вывода их на аналитические процедуры.

Междисциплинарность нынче в моде. И это вовсе не радует, т.к. мода в науке – сродни конъюнктуре. К сожалению, сплошь и рядом междисциплинарность понимается весьма примитивно: дескать, собрались представители разных научных дисциплин и работают на одном объекте. На наш взгляд, не объект, а научная проблема должна быть объединяющим началом такого рода исследования. Личные документы – основа Биографического фонда – и объект внимания не только историков, социологов, психологов, лингвистов и иных специалистов-гуманитариев. И, когда они собираются вместе, скорее напрашивается образ лебедя, рака и щуки – каждый тянет в свою сторону. Один из самых трудных вопросов – поиск такой научной проблемы, которая представляла бы для всех названных специалистов

обоюдный интерес сама по себе и имела бы комплексный характер. Многие социологи и их коллеги по социогуманитарным и естественным дисциплинам сталкиваются именно с этой проблемой: находят общий объект, а проблемы и методы у всех разные. Возникает ситуация, когда необходимо не механически суммировать методы и методики разных наук, а найти точки соприкосновения и способы координации, выработать правила их релевантного применения. Такой подход к анализу биографических текстов в методологической литературе до сих пор не разработан, что делает актуальными любые исследовательские продвижения в этой области.

Библиография

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
2. Берто Д., Берто-Вьям И. Семейное владение и семья: трансмиссии и социальная мобильность, прослеживаемые на пяти поколениях // Социологические исследования. 1993. № 2. С. 58-67.
3. Божков О., Дивисенко К. Электронная база данных Биографического фонда: краткий анализ материалов // «Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. №3. С. 60-62.
4. Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. 2011. №4. С. 286-291.
5. Водак Р. Взаимосвязь «Дискурс общество»: когнитивный подход к критическому дискурсу-анализу // Политическая лингвистика. 2006. №19. С. 107-116.
6. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Под ред. В.С. Малахова. М.: Искусство, 1991.
7. Голофаст В.Б. Концепции индивида и пространство биографий // Право на имя: биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках. Чтения памяти Вениамина Иофе. СПб., 18-19 апреля 2003. СПб.: 2004. С. 5-17.
8. Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 71-88.
9. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. /

- Сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989.
10. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь / Пер. с англ. О. Гатановой. СПб.: Речь, 2010.
  11. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010.
  12. Козлова Н.Н. Методология анализа человеческих документов // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 14-26.
  13. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. 3D / Максим Кронгауз. М.: Астрель: CORPUS, 2012.
  14. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС Эдиториал, 2004.
  15. Левонтина И.Б. Русский язык со словарем. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010.
  16. Макадамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии: Методология психологии. 2008. Т.3. № 3. С. 135-167.
  17. Нитхаммер Л. Вопросы к немецкой памяти. Статьи по устной истории. М.: Новое издательство, 2012.
  18. Нуркова В.В. Переживание времени при актуализации автобиографического опыта: датировка, оценка длительности и темпоральная организация личного прошлого / Время пути: исследования и размышления / Под ред. Р.А. Ахмерова, Е.И. Головахи, Е.Г. Злобиной, А.А. Кроника, Д.А. Леонтьева. К.: Изд-во Института социологии НАН Украины, 2008. С. 115-136.
  19. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004.
  20. Оскольский А. Осторожно, междисциплинарность! // Троицкий мост. 2013. 24 сентября. С. 5.
  21. Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи: быт, фольклор, история. М.: Индрик, 2000.
  22. Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
  23. Тжебинский Е. Нарративное понимание и нарративные действия // Позднеклассическая психология. 2006-2007. Т. 3. №1. С. 56-81.
  24. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса / Пер. с англ. Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009.

25. Томэ Г. Теоретические и эмпирические основы психологического развития человеческой жизни // Принцип развития в психологии. М.: Наука, 1978. С. 173-196.
26. Хеннингсен Ю. Автобиография и педагогика. / Пер. с нем. В.А. Волкова. М.: Изд-во УРАО, 2000.
27. Шютц А. Смысловая структура современного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлужановой; Научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.
28. Buhler C., Massarik F. (Ed.). The Course of Human Life: A Study of Goals in the Humanistic Perspective. New York: Springer, 1968.
29. Dogan M. The New Social Sciences: Cracks in the Disciplinary Walls // International Social Science Journal. 1997. Vol. 153. 429-443.
30. Heintz Ch. (Ed.) Studies in Cognitive Anthropology of Science // Journal of Cognition and Culture. 2004. No 4, (3-4).
31. Landtsheer Ch., de. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communicatuon and Cognition. 1991. Vol. 24. No 3/4.
32. Luckman Th. Remarks on Personal Identity: Inner, Social and Historical Time // Identity: Personal and Socio-Cultural. A Symposium. Uppsala: Acta University Ups, 1983.
33. Origgi G., Sperber D. Evolution, communication and the proper function of language // P. Carruthers, A. Chamberlain (ed.). Evolution and the Human Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P.140-169.
34. Singer J.A., Blagov P., Berry M., Oost K.M. Self-defining memories, scripts, and the life story: Narrative identity in personality and psychotherapy // Journal of Personality. 2013. Vol. 81. No 6. P. 569-582.
35. Zimbardo P.G., Boniwell I. Balancing one time perspective of optimal functioning // P.A. Linley, S. Joseph (ed.). Positive psychology in practice. Hoboken: Wiley, 2004. P. 165-178.
36. Zimbardo P.G., Boyd J.N. Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. No 77. P. 1271-1288.

**Автобиографический Я-нарратив
как инструмент конструирования идентичности:
коммуникативный, нарративный
и экзистенциальный аспекты²¹**

Юлия Зайцева

Понятие «идентичность» в психологии традиционно связывается с одним из трех способов поиска самотождественности. Во-первых, с процессом определения места человека в пространстве социума. Социальная идентичность создается через отождествление себя с неким социальным статусом (профессиональным, семейным, гендерным, расовым, религиозным, этническим и т.п.). Самоопределение может строиться через исполняемую социальную функцию или через принадлежность к сообществу, социальной группе. Во-вторых, как идентификация с позицией в уникальной системе межличностных отношений. Межличностная или отношенческая идентичность, в отличие от социальной, предполагает определение себя через опыт неформализованного взаимодействия со значимыми другими или важными референтными группами. В-третьих, процесс самоидентификации протекает через конструирование, за-

---

²¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 15-36-01357 «Метафоры времени и пространства в жизненных сценариях и Я-нарративах людей различных поколений».

щиту и переконструирование личной идентичности. Ее достижение связывают с определенностью в жизненных принципах, целях, ценностях, которые задают общую логику жизненных выборов, индивидуализируют жизненную историю²².

Множественность сформированных идентичностей в течение жизни определяется, с одной стороны, многообразием жизненных пространств человека, с другой стороны, его изменчивостью с течением времени. Субъективное переживание себя как Я – единого в своей сущности, несмотря на изменчивость, уникального и отличающегося от всех других, субъекта – ставит перед психологами задачу исследования особых механизмов достижения подобного самоидентитета. Оставляя философам обсуждения проблемы Я как имманентной сущности, основы свободы воли и сознания²³ обратимся к психологическим механизмам конструирования человеком своей самоидентичности через поиск определенности своей жизненной позиции в различных пространствах (физическом, социальном, символическом, временном, экзистенциальном).

Со времен Э. Эриксона²⁴, артикулировавшего эту проблему в психологии как возрастную задачу становления

---

²² Гуревич П.С., Спирова Э.М. Идентичность как социальный и антропологический феномен. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015; см. наши работы: Зайцева Ю.Е. Конструирование личной идентичности в ситуации жизненного выбора: к методологии исследования субъективных стратегий // Вестник СПбГУ. Сер. 12, Психология. Социология. Педагогика. 2015. Вып. 1. С. 5-18; Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход // Вестник СПбГУ. Сер. 16. 2016. №1. С. 118-136; а также Handbook of Identity Theory and Research // S.J. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles (ed.). NY: Springer, 2011.

²³ Философия самоопределения / В.А. Андрусенко, Б.В. Емельянов, К.Н. Любутин, Ю.Ш. Стрелец. Оренбург: Изд-во Оренб. гос. ун-та, 1996; Трубина Е.Г. Рассказанное Я: проблема персональной идентичности в философии современности / Рос. АН. Урал. отд-ние. Екатеринбург: Ин-т философии и права, 1995; Расторгуев М.В. Кризис «антропологии самоидентичности» в современной культуре. Автореф. дисс на соск. уч. степ. канд. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2006.

²⁴ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

личности, изменилось понимание процесса достижения идентичности. Современные когнитивные модели²⁵ подчеркивают континуальный характер поиска самотождественности, полагая данную задачу не решаемой окончательно в подростковом или даже взрослом возрасте, но перманентно требующей пересмотра, выработки стратегии и стиля конструирования будущей идентичности из множества возможных. Тема жизненного выбора (включая моральные решения) как механизма непрерывного становления Я все чаще звучит в рассуждениях современных философов и психологов²⁶, а идентичность связывается с совокупностью потенциальных и реализованных выборов субъекта²⁷.

Уникальность человека как субъекта собственной жизни – это сложный конструкт, осознаваемый им постепенно²⁸. По мере роста произвольности и самостоятельности происходит осознание человеком себя как причинного фактора сперва простых действий, затем поступков других людей и своих собственных выборов, а в пределе – измене-

---

²⁵ Marcia J.E. Development and validation of ego identity status // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1966. Vol. 5. P. 551-558; Ego identity: A handbook of psychosocial research / eds J.E. Marcia, A.S. Waterman, D.R. Matteson, S.L. Archer, J.L. Orlofsky. New York: Springer, 1993; Berzonsky M.A. Social-Cognitive Perspective on Identity Construction // S.J. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles (ed.). *Handbook of Identity Theory and Research*. New York: Springer, 2011. P. 55-77; ego же Identity style: conceptualization and measurement // *Journal of Adolescent Research*. 1989. Vol. 4. No. 3. P. 268-282; Adams G.R., Abraham K.G., Markstorm C.A. Relations among identity development, self-consciousness and self-focusing during middle and late adolescence // *Developmental Psychology*. 1987. Vol. 23. P. 292-297.

²⁶ Johnson M. *The Narrative Context of Self and Action // Moral Imagination: Implications of Cognitive Science for Ethics*. Chicago: University of Chicago Press, 1993. P. 150-184; Худ Б. Иллюзия Я, или Игры, в которые играет с нами мозг. М.: Эксмо, 2015.

²⁷ Зайцева Ю.Е. Конструирование личной идентичности в ситуации жизненного выбора: к методологии исследования субъективных стратегий // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12, Психология. Социология. Педагогика*. 2015. №. 1. С. 5-18.

²⁸ Рубинштейн С.Л. *Основы общей психологии*. СПб.: Питер, 2009.

ний собственного жизненного маршрута и личности как таковой. Параллельно с этим процессом, люди учатся рассказывать истории о себе и о своей жизни. Именно эти, рассказываемые вместе с родителями истории, согласно нарративному подходу в психологии, и начинают формировать нашу идентичность, в том числе сам феномен нашего Я²⁹.

Известно, что способность опознавать себя в зеркале, требует достаточного когнитивного развития и пространства социализации³⁰. Пройти «тест метки» способны только коллективные животные, активно взаимодействующие в своем сообществе. И даже для человека – это не врожденная способность. Младенец до полутора лет, как и большая часть представителей животного мира, реагирует на отражение в зеркале как на другого ребенка. Даже овладев речью в достаточной мере, человек не включает в практику своего разговора личное местоимение Я. Феномен осознания себя как «главного героя» жизненного повествования нарабатывается вплоть до возраста трех лет. То есть почти год, рассказывая и конструируя совместно со взрослыми истории о самом себе, он учится опознавать себя как постоянного субъекта жизненных перипетий³¹.

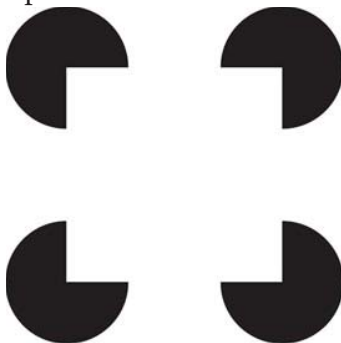
---

²⁹ McAdams D.P. Biography, narrative, and lives: An introduction // D.P. McAdams., R.L. Ochberg. (ed.). Psychobiography and life narratives: A special issue of the Journal of Personality Durham. NC: Duke University Press, 1988. P. 1-18; Макадамс Д.П. Психология жизненных историй / Методология и история психологии: Методология психологии. 2008. Т. 3. №. 3. С. 135-167; Habermas T., Bluck S. Getting a life: The emergence of the life story in adolescence. Psychol. Bull., 2000. Vol. 126. P. 748-769; Fivush R. Owning experience: The development of subjective perspective in autobiographical memory // С. Moore, K. Lemmon (ed.). The self in time: Developmental perspectives Mahwah. NJ: Erlbaum, 2001. P. 35-52.

³⁰ Harter S. The construction of the Self. Developmental and sociocultural foundations. 2nd ed. NY, London: The Guilford Press, 2012; Кроссли М. Нарративная психология: самость, психологическая травма и конструирование смысла. Х.: Гуманитарный центр, 2013.

³¹ Fivush R. Owning experience: The development of subjective perspective in autobiographical memory // С. Moore, K. Lemmon (ed.). The self in time: Developmental perspectives Mahwah. NJ: Erlbaum, 2001. P. 35-52.

Современные исследователи³² склонны полагать, что Я человека – это сложная когнитивная иллюзия, складывающаяся из множества историй нашей жизни. По аналогии с воспринимаемым нами иллюзорным квадратом, которого в действительности нет на изображении (рис. 1.), Я формируется в качестве «центра хроникальной гравитации» жизненных историй³³.

Рис. 1. Зрительная иллюзия восприятия отсутствующего на рисунке белого квадрата как метафора Иллюзии Я³⁴.

По мере вхождения в культуру и приобретения нарративной компетентности, согласно модели Т. Хабермаса и С. Блак³⁵, дети последовательно учатся рассказывать «правильно структурированные истории», осваивая четыре типа временной согласованности в структуре автобиографического нарратива. К ним относятся: временная (умение выстроить события в хронологической последовательности); биографическая (умение включить в личную историю шаблоны культурно-типичных жизненных сценариев); при-

---

³² Худ Б. Иллюзия Я, или Игры, в которые играет с нами мозг. М.: Эксмо, 2015.

³³ Dennett, цит. по Худ Б. Иллюзия Я, или Игры, в которые играет с нами мозг. М.: Эксмо, 2015. С. 18.

³⁴ Там же.

³⁵ Habermas T., Bluck S. Getting a life: The emergence of the life story in adolescence // Psychol. Bull., 2000. Vol. 126. P. 748-769.

чинно-следственная (умение отразить в истории причинно-следственные взаимосвязи событий жизни и паттерны «цель-средство») и, наконец, тематическая (умение организовать историю вокруг главной «темы», ценности или жизненного принципа, иллюстрацией которой будет конкретное жизнеописание).

К трем годам дети учатся выстраивать личный опыт в хронологической последовательности. К пяти – хорошо различают основные элементы тематически структурированной («не запутанной» и «интересной») истории. Между пятью и десятью годами ребенок учится каузально и тематически структурировать отдельные эпизоды своей биографии. Одновременно с этим осваивается культурно-типичный жизненный сценарий: выделяются нормативные фазы жизни и способы обоснования причин жизненных событий. К подростковому возрасту появляется каузальная согласованность автобиографии как целого: анализ события, его последствий и трансформаций в контексте целостного жизненного пути. К этапу «зарождающейся взрослости» молодые люди готовы использовать в своих автобиографических нарративах все четыре вида согласованности, включая тематический. Нарративное понимание в связке с автобиографической памятью в этот момент начинает активно участвовать в формировании личной идентичности³⁶.

В рамках научно-исследовательского проекта «Метафоры времени и пространства в Я-нарративах и жизненных сценариях людей различных поколений» нами на базе корпуса автобиографических текстов Биографического Фонда

---

³⁶ Макадамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии: Методология психологии. 2008. Т. №. 3. С. 135-167; Polkinghorne D. Narrative knowing and the human sciences. Albany, 1988; Нуркова В.В. Общая психология в 7-т.: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. Т.3. Память. 2-е изд. М.: Академия, 2008; Habermas T., Bluck S. Getting a life: The emergence of the life story in adolescence // Psychol. Bull., 2000. Vol. 126. P. 748-769; Fivush R. Owning experience: The development of subjective perspective in autobiographical memory // С. Moore, K. Lemmon (ed.). The self in time: Developmental perspectives. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2001. P. 35-52.

СИ РАН проводится исследование трех аспектов автобиографирования. Разнообразие функций практики автобиографирования в процессе конструирования идентичности видна, если последовательно поместить текст автобиографии в коммуникативный, нарративный и экзистенциальный контексты. Автобиографирование как *коммуникативная практика* показывает множество Я-позиций, с точки зрения которых осуществляется вход в жизненный мир героя, и их ценностную структуру. Здесь мы в первую очередь обращаем внимание в тексте на отбор нарратором определенных жизненных событий, включение в самоописание конкретного круга значимых других и сообществ, указание на особенные места физического и культурно-исторического пространств, символы и метафоры, важные для самоидентификации. *Нарративная практика* автобиографирования открывает психологу типичные для личности, социальной группы или культуры механизмы интерпретации, кодирования и придания смысла жизненным эпизодам. Формальная структура Я-нарратива представляет собой когнитивную схему, упорядочивающую личный опыт социального взаимодействия через закономерности его описания. Устойчивые паттерны изложения фактов биографии в виде историй определенного типа, темы, тона и последовательности влияют на восприятие образа героя повествования. Автобиографирование как *экзистенциальная практика* позволяет нарратору выстроить самоидентичность героя своего повествования по отношению к базовым данностям человеческого бытия: смыслу жизни в целом (как некоторой ведущей теме жизненной истории), проблеме выбора – мере авторства своей судьбы (его свободы и ответственности), признать или обесценить роль Другого в своем Я, и наконец, увидеть динамику и структуру целостного жизненного пути во времени.

«Жизненный путь как осмысленное целое, существующее для других в форме завершенных историй»³⁷ – экзи-

---

³⁷ Сапогова Е.Е. Экзистенциальная психология взрослости. М.: Смысл,

стенциальный феномен, требующий от автора определенного уровня личностной, когнитивной и человеческой зрелости. Мы полагаем, что тематическая нарративная согласованность, далекая временная перспектива, способность автора к разотождествлению с последующей интеграцией с героем повествования, а также центрирование жизнеописания на уникальности субъекта в динамике его взаимодействия с жизненным пространством и временем жизни, являются предикторами достижения экзистенциальной идентичности.

Подробнее раскроем логику и методологию нашего анализа автобиографий с точки зрения трех указанных выше практик. Начнем с изучения практики написания *автобиографии как коммуникативного акта*³⁸. В рамках концептуальной модели Диалогического Я³⁹ нами рассматривается множество Я-позиций, с точки зрения которых осуществляется вход в жизненный мир героя. Отдельно изучается коммуникативная и ценностная позиция автора текста автобиографии. Сама дискурсивная ситуация написания или рассказывания автобиографии актуализирует определенную Я-позицию, влияя на отбор жизненных эпизодов и организацию их в единое пространство текста. В рамках такого видения, мы наблюдаем как автор знакомит собеседника (читателя) со своим жизненным миром, выступая перед ним в определенной ипостаси. В отличие от автобиографий – резюме, анамнеза и пр. здесь цель автора автобиографии быть понятым в ценностно-смысловом отношении. Множественная и диалогическая природа нашего

2013. С. 496.

³⁸ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. Habermas T., Bluck S. Getting a life: The emergence of the life story in adolescence // Psychol. Bull., 2000. Vol. 126, P. 748-769; Дивисенко К.С. (Авто) биографический нарратив как коммуникативное действие и репрезентация жизненного мира // Социол. журнал. 2011. № 1. С. 36-52.

³⁹ Херманс Г. Личность как мотивированный рассказчик: теория валуации и метод самоконфронтации // Постнеклассическая психология. 2006-2007. Т. 3. №1. С. 7-53.

я⁴⁰ позволяет переключать Я-позиции в зависимости от коммуникативного контекста. Культурно-социальный контекст задает дискурсивную рамку такого переключения. Исследуя автобиографии людей различных поколений, социальных групп, можно заметить, какие идентичности (внутренние Я-позиции) чаще становятся героями Я-повествований, проявляя себя через систему валюаций (ценностно окрашенных событий, значимых других, жизненных устремлений).

Вторым аспектом нашего изучения является *автобиографирование* как *нарративная практика*⁴¹. Задачей данного этапа анализа является раскрытие социально-когнитивных, речевых механизмов интерпретации, кодирования и придания смысла жизненным эпизодам. Языковая форма, в которую мы облачаем свой рассказ, отражает когнитивную схему структурирования личного жизненного опыта. Нарративная структура предполагает выделение из цельного потока социального взаимодействия отдельных эпизодов, приобретающих смысл в контексте логики реализации намерений главного героя. Соавторами нашей жизненной истории являются не только непосредственные собеседники, но и культура в целом⁴². Для того, чтобы быть понятным, повествование должно быть организовано по определенной структуре⁴³. Нарративная схема – это когнитивный механизм организации информации с целью пони-

---

⁴⁰ Худ Б. Иллюзия Я, или Игры, в которые играет с нами мозг. М.: Эксмо, 2015; Херманс Г. Личность как мотивированный рассказчик. С. 7-53.

⁴¹ Макадамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии: Методология психологии. 2008. Т. 3. №. 3. С. 135-167; Зайцева Ю.Е. Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход // Вестник СПбГУ. Сер. 16. 2016а. №1. С. 118-136.

⁴² Polkinghorne D. Narrative knowing and the human sciences. Albany, 1988.

⁴³ Тюпа В.И. Введение в сравнительную нарратологию: научно-учебное пособие для самостоятельной исследовательской работы. М.: Интрада, 2016; Зайцева Ю.Е. Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход // Вестник СПбГУ. Сер. 16. 2016. №1. С. 118-136.

мания смысла социального взаимодействия героев, разворачивающегося во времени и пространстве. Обязательными структурными элементами нарративной схемы, включенными в логику нашего анализа были: 1) начало истории (отдельного эпизода и всей автобиографии), 2) ее кульминация в виде столкновения намерения (интенции) главного героя и препятствия (пресса), 3) окончание истории, 4) ценностная интеграция, 5) главный герой истории – персонаж, реализацию намерения которого прослеживает рассказчик в своем повествовании. Тип, тон, тема Я-нарратива фиксируют особенности начала и окончания историй, активность или пассивность героя, его намерения и характер препятствий, успех или неудачи, извлечение опыта или его обесценивание, правила согласования эпизодов во времени. Предложенная нами схема нарративного анализа жизненных историй, образно представленная на рисунке 2, в виде метафоры «Золотой рыбки», позволяет проследить типичные индивидуальные особенности в построении нарративной схемы.

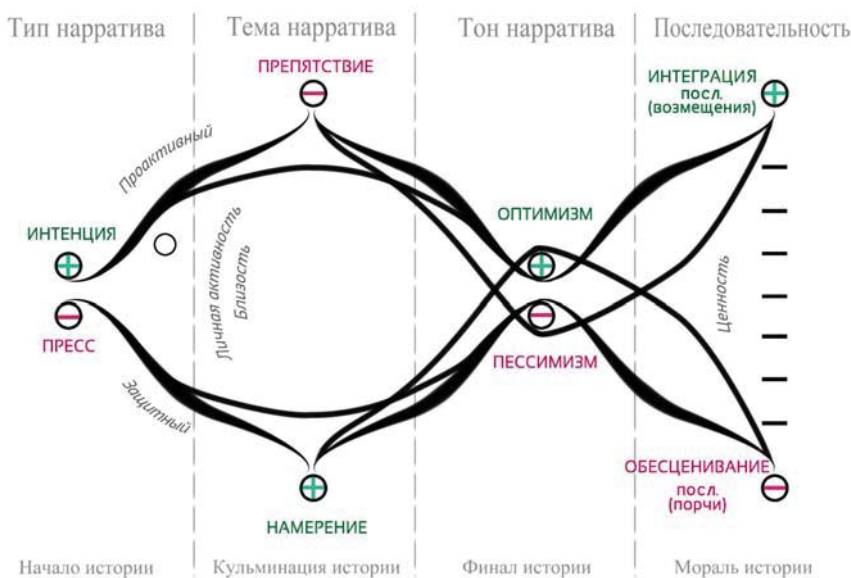

Рис. 2 Схема нарративного анализа жизненной истории (метафора «Золотой рыбки»).

Третий аспект анализа связан с *автобиографированием* как *экзистенциальной практикой*. Автобиография, охватывающая все пространство жизни человека, ставит автора в позицию наблюдателя за перипетиями героя экзистенциального субъекта. Перед автором появляется задача определения идентичности героя в жизни в целом. Законы жанра требуют, чтобы повествование было центрировано вокруг определенной темы или нескольких тем, последовательно сменяющих друг друга. Основной целью является показать тождественность героя самому себя внутри каждой фазы жизни и в то же время событийную динамику его преобразований. Рамками для подобной глобальной самоидентичности становятся предельные темы человеческого существования: жизнь и смерть, свобода и ответственность, близость и одиночество, наличие предельного смысла жизни. Когнитивным механизмом, позволяющим

конструировать идентичность на основе разрозненных жизненных событий и множественности Я-позиций, является временная перспектива.

Согласно результатам качественного анализа 43 устных автобиографических интервью, перечня (кратких письменных описаний) семи Я-определяющих воспоминаний, на основе которых строилась устная автобиография и 43 письменных Я-нарративов тех же авторов (сочинение на тему «Краткая история моей жизни», стандартизированное по объему и времени написания). Нарративная согласованность эпизодов различного типа⁴⁴ в пространстве времени жизни может служить различным стратегиям самоидентификации. Выборку исследования составили представители двух поколений: 25 человек (10 м, 15 ж) в возрасте 18 – 25 лет (1991-1999 год рождения, поколение Y) и 18 человек (4 м, 14 ж) в возрасте 35 – 55 лет (1961-1981 год рождения, поколение X). Использовался метод двойного слепого кодирования. Результаты обсуждались минимум двумя экспертами. Ниже приведем наиболее общие полученные нами закономерности связи нарративной согласованности (кодировка по Allé et al.), особенностей самоидентификации, нарративной структуре описания отдельных жизненных историй и оценки темы авторств своей жизни. Данные представлены по текстам представителей обоих поколений.

Простейший способ согласования, выстраивание событий в хронологической последовательности, чаще всего определяет героя как пассивного субъекта, эмоционально реагирующего на происходящее и имманентно тождественного самому себе. Такой автор в практике автобиографирования подспудно отвечает на вопрос: «Что случилось со мной в жизни?». Ценностное осмысление жизненной позиции автора на основе отдельных эпизодов не происходит.

---

⁴⁴ Habermas T., Bluck S. Getting a life: The emergence of the life story in adolescence. *Psychol. Bull.*, 2000. vol. 126. P. 748-769; Allé M.C., Potheegadoo J., Köber C. et al. Impaired coherence of life narratives of patients with schizophrenia // *Scientific Reports*. 2015. Vol. 5. P. 12934.

Структура нарратива часто не полна: представлены финал истории и пресс, отсутствует эксплицитное описание интенции и интеграция. Описания преимущественно в виде «ландшафта действий», но не «ландшафта сознания». Описание намерений пропускается, описываются результаты действий или «прессы» (препятствия) и затруднения героя. Мотивы и причины собственных выборов не рефлексированы. Смена жизненных маршрутов происходит для героя и автора внезапно, даже если инициатором перемен являлся исключительно сам автор, косвенная отсылка к причине экстернализована («Случился подростковый возраст и что-то пошло не так» – ж, 42 г.). Подчеркиваются внешние или внутренние обстоятельства (состояния), которые не поддаются контролю или управлению, отрицание авторства своей жизни, подчеркивание роли случая.

По мере социализации рассказчиком усваивается следующая, биографический способ нарративного согласования. Идентификация происходит преимущественно по сравнению с другими людьми. Последовательность жизненных событий сопоставляется с культурно-типичным, нормативным жизненным сценарием. Вопрос, задаваемый автором автобиографии: «В чем я был лучше или хуже других (успешней, удачливей, счастливей)?». Структура нарратива часто полная, тема близости доминирует над темой личной активности, подчеркивается значимость совместно разделяемой интенции, интеграция через ценности нормативной ориентации и интересов расширенной семьи. Субъектность и личное авторство жизни рассматривается как вынужденная мера (напр., результат развода). Текстуально часто употребляется местоимение «мы», объединяющее со значимыми другими («у нас появилась девочка», ж. 43 – в значении взрослый сын завел романтические отношения). При данной стратегии позиция субъекта, как и в первом случае, рассматривается скорее, как пассивная, обусловленная объективными и устойчивыми параметрами (чертами личности, везением, сложностью жизненных задач, не зависящим от субъекта состоянием). В теме авторства жиз-

ни подчеркивается роль совместного управления жизнью, влияния на нее значимых других, социального окружения, Бога.

Третий тип согласования – каузально-мотивационный, чаще всего связан с подчеркиванием активной жизненной позиции субъекта. Поиск самоидентификации происходит по сравнению с самим собой. Подчеркивается нетождественность себя на различных этапах жизни и роль личных жизненных усилий по достижению этих изменений. Основной вопрос автора автобиографии, который он задает себе: «Кем я стал по сравнению с самим собой?». Идентификация с личным жизненным пространством (сферой интересов, профессиональной идентичности, друзей и сообществ) сопровождается тенденцией к его расширению, экспансии. Важной ценностью, через которую интегрируются как истории поражений, так и истории побед является личный опыт, приложение жизненных усилий. Неизменной ценностью остается новизна. Местоимение Я в тексте звучит значимо чаще, чем «мы». Описания значимых других часто категориальные, безличные: «коллеги», «друзья», «любимые люди». Экзистенциальная тема авторства жизни обосновывается через примеры многочисленных жизненных ситуаций, в которых совершался личный выбор, герой выступал в качестве автора своей судьбы.

Четвертый тип согласования – тематический, также отражает активную субъектную позицию, однако, ориентирован на подчеркивание самотождества субъекта, обретение им ценностной идентичности. Основной вопрос: «Ради какой ценности я жил?». Может подчеркиваться одновременно и множественность этапов жизни, идентичностей, и единство центральной темы жизни, что составляет основу самоопределения. Истории рассказываются в контексте их связи с общей темой, может быть подчеркнута изменение отношения к происходившим событиям, переосмысление. Авторство жизни признается не за героем, но за нарратором.

Мы полагаем, что вариант тематической согласованности подчеркивающий личные жизненные усилия по поддержанию каких связей с миром, другими людьми и самим собой, которые составляют его незаменимость и безусловную ценность как уникальности, относится к экзистенциальному уровню нарративной согласованности. Среди 43 текстов данной выборки такого обнаружено не было. Однако, среди автобиографий, написанных с целью финальной интеграции жизненного пути (см. напр., автобиографию О. Сакса) подобный феномен встречается. Написание текста такого типа является практикой конструирования экзистенциальной идентичности.

Таким образом, в данной статье нами предложены методологические и методические аспекты анализа автобиографического Я-нарратива как коммуникативной, нарративной и экзистенциальной практик конструирования личной идентичности. Приведены основные результаты качественного анализа 43 автобиографий, представителей двух поколений, подчеркнуты общие закономерности взаимосвязей нарративной согласованности жизненных событий во времени (по Хебермасу, Блак), когнитивной схемы организации описания отдельного жизненного события (авторский метод анализа), актуализированных Я-позиций и их валуаций (по Хермансу) и стратегий поиска личностной самоидентификации.

Библиография

Источники и документы:

1. Sacks O. My own life. Oliver Sacks on learning he has terminal cancer // The New York Times. Feb.19.2015 [Электронный ресурс]: <http://www.nytimes.com> (дата обращения 04.11.2015). Перевод приведен по «Таких, как мы, больше не будет». Оливер Сакс о жизни, смерти и смысле // [Электронный ресурс]: <http://www.factroom.ru/life/oliver-sacks> (дата обращения 04.11.2015).

Исследования:

2. Гуревич П.С., Спирина Э.М. Идентичность как социальный и антропологический феномен. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015.
3. Дивисенко К.С. (Авто)биографический нарратив как коммуникативное действие и репрезентация жизненного мира // Социол. журнал. 2011. № 1. С. 36-52.
4. Зайцева Ю.Е. Конструирование личной идентичности в ситуации жизненного выбора: к методологии исследования субъективных стратегий // Вестник СПбГУ. Сер. 12, Психология. Социология. Педагогика. 2015. № 1. С. 5-18.
5. Зайцева Ю.Е. Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход // Вестник СПбГУ, Сер. 16. 2016. Вып.1, С. 118-136.
6. Кроссли М. Нарративная психология: самость, психологическая травма и конструирование смысла. Х.: Гуманитарный центр, 2013.
7. Макадамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии: Методология психологии. 2008. Т.3. №. 3. С. 135-167.
8. Нуркова В.В. Общая психология в 7-т.: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. Т.3. Память. – 2 изд. М.: Академия, 2008.
9. Постмодернизм: энциклопедия / сост. и науч. ред.: А.А. Грицанов, М.А. Можейко. Минск: Интерпрессервис: Кн. дом, 2001.
10. Расторгуев М.В. Кризис «антропологии самотождественности» в современной культуре. Автореф. дисс на соиск. уч. степ. канд. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2006.
11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2009.
12. Сапогова Е.Е. Экзистенциальная психология взрослости. М.: Смысл, 2013.
13. Трубина Е.Г. Рассказанное Я: проблема персональной идентичности в философии современности / Рос. АН. Урал. отделение. Екатеринбург: Ин-т философии и права, 1995.
14. Тюпа В.И. Введение в сравнительную нарратологию: научно-учебное пособие для самостоятельной исследовательской работы. М.: Интрада, 2016.
15. Философия самоопределения / В.А. Андрусенко, Б.В. Емельянов, К.Н. Любутин, Ю.Ш. Стрелец. Оренбург: Изд-во Оренб. гос. ун-та, 1996.

16. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001.
17. Херманс Г. Личность как мотивированный рассказчик: теория валюации и метод самоконфронтации // Постнеклассическая психология 2006-2007. Т. 3. №1. С. 7-53.
18. Худ Б. Иллюзия Я, или Игры, в которые играет с нами мозг. М.: Эксмо, 2015.
19. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
20. Adams G.R., Abraham K.G., Markstorm C.A. Relations among identity development, self-consciousness and self-focusing during middle and late adolescence / *Developmental Psychology*. 1987. Vol. 23. P. 292-297.
21. Allé M.C., Pothegadoo J., Köber C. et al. Impaired coherence of life narratives of patients with schizophrenia // *Scientific Reports*. 2015 Vol. 5. P. 12934.
22. Berzonsky M. Identity style: conceptualization and measurement // *Journal of Adolescent Research*. Vol. 4. No. 3. 1989. P. 268-282.
23. Berzonsky M. Social-Cognitive Perspective on Identity Construction // S.J. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles (ed.). *Handbook of Identity Theory and Research*. New York: Springer, 2011. P. 55-77.
24. J.E. Marcia, A.S. Waterman, D.R. Matteson, S.L. Archer, J.L. Orlofsky (eds.). *Ego identity: A handbook of psychosocial research*. New York: Springer, 1993.
25. Fivush R. Owing experience: The development of subjective perspective in autobiographical memory // *The self in time: Developmental perspectives*. C. Moore, K. Lemmon (ed.). Mahwah, NJ: Erlbaum, 2001. P. 35-52.
26. Habermas J. *The theory of communicative action. Lifeworld and system: A critique of functionalist reason: Vol. 2*. Boston: Beacon Press, 1985.
27. Habermas T., Bluck S. Getting a life: The emergence of the life story in adolescence // *Psychol. Bull.* 2000. Vol. 126. P. 748-769.
28. *Handbook of Identity Theory and Research* / Schwartz S.J., Luyckx K., Vignoles V.L. (Eds.). NY: Springer, 2011.
29. Harter S. *The construction of the Self. Developmental and sociocultural foundations*. – 2nd ed. NY. London: The Guilford Press, 2012.
30. Johnson M. *The Narrative Context of Self and Action* // *Moral*

Imagination: Implications of Cognitive Science for Ethics. Chicago: University of Chicago Press, 1993. P. 150-184.

31. Marcia J.E. Development and validation of ego identity status // Journal of Personality and Social Psychology. 1966. Vol. 5. P. 551-558.
32. McAdams D.P. Biography, narrative, and lives: An introduction // D.P. McAdams, R.L. Ochberg (ed.). Psychobiography and life narratives: A special issue of the Journal of Personality Durham, NC: Duke University Press, 1988. P. 1-18.
33. Polkinghorne D. Narrative knowing and the human sciences. Albany, 1988.

Когерентность автобиографии и нарративизация идентичности

Елена Рождественская

Введение

Автобиография как история жизни менее прозрачна и доступна пониманию в отличие от родственного понятия жизненного пути, который отмечен вехами институционального нормирования. Благодаря этому мы всегда ощущаем разрыв между нормой и идентичностью, тем менее заметный, чем больше от нас ждут предсказуемого поведения. В этом смысле автобиография имеет двойную структуру. Первая, наиболее очевидная, обусловлена социальной подотчетностью и является следствием институциональных практик, формирующих типичные автобиографии. Вторая структура связана с Я-концепцией ее носителя и поэтому обременена предварительным, до вмешательства социолога, смысловым конституированием. Говоря хабермасовским языком, автобиография открывается как *символически предструктурированный объект*. Ее носители и населяющие историю персонажи обладают полнотой того дотеоретического, еще нами не проинтерпретированного знания, с помощью которого они в состоянии компетентно говорить и согласованно действовать как субъекты действия. Чужой жизненный мир не авансирует социальному интерпретатору роли естественного герменевта. Эта естественная прединтерпретированность социального мира, заключенного в рамки автобиографии как истории жизни некоего актора, создает иллюзию о совмещении предмета и метода, о непроблематичном доступе к смысловому горизонту жизненного мира, ожидание связности и последовательности автобиографического текста. В статье мы рассмотрим феномен связности или когерентности автобиографии в контексте сюжета нарративной идентичности автора автобиографического текста и разберем эмпи-

рический кейс автобиографии на предмет усилий ее субъекта по конструированию связности.

Нарративная идентичность

Развернутый ответ на классический вопрос: *Кто я?* возможен благодаря специфической способности человека к саморефлексии, разделению себя одновременно насубъекта и объекта, и занятию позиции, отношения к самому себе¹. Поэтому развитие этой темы видится, как минимум, в двух направлениях:

- Как вопрос о качественной идентичности – о приписываниях и предикатах, с которыми индивид себя определяет, его характеристики, диспозиции, групповые принадлежности, роли и оценки.
- В отношении структурных аспектов вопрос об идентичности – это вопрос о единстве личности в смысле непрерывности и когеренции/связности (внутренней согласованности).

В этом смысле нам близка трактовка идентичности, предложенная Ю. Хабермасом, который выделяет личностную и социальную идентичность, между ними как двумя измерениями балансирующая Я-идентичность. Если личностная идентичность как вертикальное измерение обеспечивает связность истории жизни человека, то социальная идентичность по горизонтали интегрирует различные требования ролевых систем, которым подлечит человек².

В традиции философского анализа *нарративная идентичность* – философский конструкт, тематизирующий прежде всего темпоральную конструкцию идентичности как *эмплотмента*³. Рассказывание здесь – средство

---

¹ См. Keupp H., Ahbe T., Gmuer W., Hoefler R. u.a. Identitaetskonstruktionen. Das Patchwork der Identitaeten in der Spaetmoderne. Reinbek: Rowolt, 1999.

² Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1, С. 138.

³ Эмплотмент (emplotment (англ.) = em-plot-ment), можно перевести как сюжетирование. Эмплотмент в концепции нарративной идентичности П. Рикера означает внутреннюю необходимую связь между рассказами,

для понимания человеком своей временности и способ придания смысла жизненному пути. Сходно развивается и в концепции Т. Сэрбин «*нарративный принцип*», согласно которому темпорально члененное и структурированное по смыслу упорядочение опыта превращается в *плот* через цель и функции рассказывания в ситуации коммуникации⁴. В социологическом подходе М. Зоммерса описывается нарративная идентичность, возможности познания и действия, диспозиции к действиям как погружение в заданный «социальный нарратив», в котором акторы обживают, социализируются, придают формы своим пережитым опытам⁵. Похожим образом, в центре анализа оказывается не рассказывающий индивид, который в нарративной конструкции своей личной истории опыта создает идентичность. Рассказчик рассматривается, скорее, как владелец и пользователь нарративно опосредованной культуры, создающий свои опыты в предлагаемых формах, нарративных «*ready-mades*»⁶. Выбор в пределах резервуара одобряемых и доступных нарративов выражает тем самым его отношение к себе и подчиняет его условиям социальной регуляции. По этой логике, нарративная идентичность возникает через перенимание *канонических нарративов* соответствующих групп, к которым индивид испытывает чувство принадлежности, или к которым он институционально приписан. Соответственно возможности индивидуального нарратива весьма ограничены. Различия других концепций нарратив-

---

которые мы рассказываем о себе, и структурой человеческого опыта, из которого возникают нарративы и к которому они возвращаются [3, 53-54]. Об эмплотменте писал и Хайден Уайт в отношении исторических нарративов: «Эмплотмент – это ансамбль из серии исторических событий, превращенный в нарратив с сюжетом» [4, 223].

⁴ См. Sarbin T. The poetics of identity // *Theory & Psychology*. 7. 1997. P. 67-82.

⁵ Somers M.R. The narrative constitution of identity: a relational and network approach // *Theory and society*. 23. 1994. P. 605-649.

⁶ Keupp H., Ahbe T., Gmuer W., Hoefler R. u.a. Identitaetskonstruktionen. Das Patchwork der Identitaeten in der Spaetmoderne. Reinbek: Rowolt, 1999.

ной идентичности зависят от предметной области анализа в зависимости от того:

- основываются ли они на автобиографических воспоминаниях,
- понимаются ли нарративы как внутренний монолог, который человек ведет о себе и других,
- постулируется ли квазивиртуальная история жизни, события которой имеют символическое значение,
- идет ли речь о рассказывании как форме познания,
- в соответствии нашему подходу – речь о рассказах, которые человек в определенной ситуации производит как вербальное действие, и которые могут стать предметом эмпирического анализа.

Как известно, важнейший медиум идентификационных усилий – язык. Поэтому лингво-символическая сфера культуры дает возможности для социализации в риторической компетенции, доступ к нарративным формам, а через них – к образцам толкований и смысловым горизонтам.

Итак, для перспектив биографического анализа мы понимаем нарративную идентичность как конституируемую непосредственно в речевых практиках повседневных рассказов. В этом смысле нарративная идентичность есть способ, каким человек в конкретных интеракциях осуществляет идентификационную работу как нарративное изображение и производство ситуативно релевантных аспектов своей идентичности. Это локальная и прагматически размещаемая идентичность, которая производится и изображается посредством автобиографического рассказа и вследствие этого является лишь частичной идентичностью, не реализующей *самости личности* и не обладающей онтологическим статусом.

Связность/когерентность (авто) биографии

Нарративная идентичность и биография теоретически или в идеале обладают связностью/когерентностью, понимаемой как создание связного образа на основе автобиографических воспоминаний и биографической перспективы на собственное прошлое. Эта связность принадлежит

к числу *социализируемых компетенций* (темпоральная непрерывность, синхронная плотность), предполагающих сложную работу по воспоминанию и рефлексии. Чаще под *когерентностью* понимается либо достигнутая идентичность в биографии, либо формообразующий принцип истории жизни до рассказа о ней. Более того, в некоторых актуальных теориях идентичности, концепциях К. Гергена, Х. Херманса⁷, невозможность когерентности в биографическом проекте рассматривается в качестве характеристики постмодерна.

В этом дискуссионном понятии когерентности важно вычленить различные уровни анализа, особенно в перспективе изучения, например, «разорванных» социально-историческими факторами биографий, что характерно для российской биографики XX века. Тогда сложности обеспечения когерентности биографии рассказчиками, пережившими социальные травмы, гипотетически должны найти отражение в биографических разрывах и фигурах умолчаниях. В любом случае, проблемы когерентности могут сигнализировать как о идентификационных проблемах личности рассказчика, так и быть особенностью нарративного текста, жанр которого может и не учитывать нелегитимных опытов рассказчика, питающих идентификационные поиски. Поэтому когерентность может пониматься как на локально-текстуальном, так и глобальном уровне биографии в целом. Под *локальной когерентностью* понимается причинно-следственная, конечная взаимосвязь между предложениями внутри секвенций как смысловых единиц текста и аргументами, в противном случае текст утрачивает информативность и понятность⁸. Если же текстуальный анализ не позволяет реконструировать усилия рассказчика по дости-

---

⁷ См. работы Gergen K. Die Konstruktion des Selbst in Zeitalter der Postmoderne // Psychologische Rundschau. 41. 1990. P. 191-199; Hermans H. The coherence of incoherent narratives // Narrative Inquiry. 2000. 10 (1), P. 223-227.

⁸ Beaugrande R.-A. & Dressler W.U. Einfuehrung in die Textlinguistik. Tuebingen: Niemeyer, 1981.

жению локальной когерентности, дополняемые распрашиваниями в процессе рассказывания в расчете на слушающего, то это становится дополнительной исследовательской задачей.

В отличие от локальной, *глобальная когерентность* понимается как способность совмещения в когерентный образ или гештальт автобиографических воспоминаний и биографической перспективы на собственное прошлое. Эта компетенция является результатом социализации и взросления, так как ей предпослана сложная работа по воспоминанию и рефлексии⁹. Глобальная когерентность включает темпоральную непрерывность, а также синхронизацию образов Я и действий рассказчика в различных сферах жизни. Соответственно, в высшей степени дискуссионным является вопрос о недостатке глобальной связности – это симптом *дефицитарной идентичности* или характеристика постмодерна, под влиянием которого противоречивые интенции различных социальных устремлений индивида не складываются в когерентный образ.

Дальнейшее углубление в дискуссию о глобальной когерентности биографии и идентичности позволяет выделить следующее. С одной стороны, она может быть понята как качество идентичности рассказчика, то есть, как существующее вне текста и независящее от него, лишь получающее свое выражение в тексте. С другой стороны, она может выступать как признак текста, свойство автобиографического рассказа. Во многих работах, более того, направлениях – как нарративная психотерапия – рассказывание историй жизни имеет именно этот эффект производства когерентности, ремонта биографии за счет разработки нового позитивного нарративного сценария, как в работах Г. Гумбриум и Й. Хольстайна, Дж. Фридман и Дж. Комбс¹⁰.

---

⁹ Habermas T. & Paha Ch. The development of coherence in adolescents' life narratives // Narrative Inquiry, 2001. 11 (1). P. 35-54.

¹⁰ Gubrium J. & Holstein J.A. Narrative practice and the coherence of stories // The Sociological Quarterly. 1998. 39 (1). P. 163-187. Freedman J., Combs G. Invitations to new stories: Using questions to explore alternative possibilities.

Но заявка на исследование нарративной идентичности как эмпирического феномена обязывает отнести к когерентности как не априори данному, а достигаемому качеству либо самой личности рассказчика, либо характеристики текста. Очевидно, также необходима герменевтическая диспозиция исследователя, до известного момента уверенного в когерентности идентичности и биографии рассказчика. «Но всякое понимание вообще строится в горизонте обманутого ожидания – как утверждает М. Ямпольский. – Когда мы начинаем читать любой текст, мы понимаем его только потому, что проецируем на него какое-то ожидание смысла и несостоятельную традицию»¹¹.

Автобиографический рассказ Аллы Алиевой¹² в определенном смысле классичен для биографического исследования – крымская татарка, родилась в Андижане (Узбекистан), куда ее семья была сослана в эпоху сталинских репрессий. Повод написать собственную автобиографию сложился из-за андижанских погромов в раннее постсоветское время, пробудившее волну националистических и ксенофобских настроений. Безусловно, этот фрейм актуализации социально-исторического фона оказал решающее влияние на модус рассказа, названного автобиографией, но озаглавленного «Кое-что о моей маме», а в итоге описывающего жизненные перипетии целого клана. Такого рода автобиографии имеют характер свидетельств, функция которых, прежде всего, в обретении и поддержании коллективной идентичности, солидаризации со своей национальной/социальной группой, разделившей пережитой опыт.

Кейс Аллы Алиевой

Императивом для написания этой автобиографии выступает, скорее, отрыв от повседневности, хотя здесь мы

In: S. Gilligan & R. Price (eds.) *Therapeutic Conversations*. New York: Norton, 1993. P. 291-303.

¹¹ Ямпольский М. Настоящее как разрыв. Заметки об истории и памяти // НЛО. 2007. № 83.

¹² Имя не изменено по желанию автора, которая любезно предоставила свою автобиографию для анализа.

найдем тематизацию повседневности, структурированную через традицию этнической группы. То, что выделяет судьбу семьи А.А., – опыт сталинских репрессий. Поэтому на первый взгляд, факт обращения к собственной семейной истории через призму репрессий может означать ее понимание как исключительной, экстраординарной, достойной внимания других (в смысле, употребленном Мартиной Бургос¹³).

В Крыму была единственный раз. Полуостров был мне чужим. Задуматься о том, кто я, заставили меня события 2 мая 1990 года. В тот вечер, возвращаясь из гостей, случайно оказалась рядом. Не показались странными ни свернутые шеи светофоров, ни люди, запрудившие проезжую часть. Начала что-то понимать, увидев, как два подростка указывают в мою сторону пальцем, возбужденно приговаривая: «Рус, рус,» (узб). – русская, русская. Масла в огонь добавил случайный прохожий, посоветовавший мне бежать отсюда во избежание изнасилования (было употреблено нецензурное выражение). На этой площади была только часть толпы, пытавшаяся разбить камнями окна хакимата.

Основная лавина шла целенаправленно громить армянские и еврейские кварталы. На проспекте, по которому она двигалась, хватало домов, где жили не узбеки. Кое-где были выбиты стекла, не более. Петардами взрывались будки «Газированная вода», горели потрескивая мастерские сапожников, подожженные по маршруту следования. Их владельцами традиционно были армяне и евреи. Это был хорошо спланированный погром. Людей выгоняли на улицу, их дома грабили, а затем поджигали. Были редкие случаи изнасилования. Варварская акция преследовала другую цель: липкий страх физического уничтожения должен был согнать с насиженных мест людей, которые возомнили, что это их Родина. Сразу после этих событий

---

¹³ Бургос М. История жизни. Рассказывание и поиск себя // Вопросы социологии. 1992. Т.1. №2. С. 123-130.

начался массовый исход. Моя записная книжка напоминает кладбище, где вместо надгробий адреса и телефоны.

До сих пор не знаю, как я дошла до своего дома, находящегося в пяти минутах ходьбы от площади. Весь наш огромный дом, расположенный вдоль дороги, девяносто процентов жителей которого были узбеками, затаившись, темнел окнами всю эту страшную ночь. После полуночи та же толпа хлынула обратно уже по нашей улице. Движение не прекращалось до трех-четырёх часов ночи. Стражи правопорядка появились только на следующий день. Улицы пустели задолго до введенного комендантского часа – люди боялись выходить из дома. В официальную версию о вандалах – футбольных болельщиках не верил никто.

Я запретила себе бояться где-то на третий день. Мои родители жили с этим страхом всю свою жизнь. Мне досталось не в пример им, совсем мало. В последний раз?». Анализ автобиографического текста Алиевой в фокусе когерентности

Последняя страница автобиографии выносит на поверхность события не клановой, но личной истории рассказчицы, которые имеют преемственность со сталинскими репрессиями благодаря фактору этнических чисток. В первой редакции текст А.А. содержал фразу-образ «Я перебираю в памяти жизни моих родных как четки, бусину за бусиной». Эти символические четки – рассказ – также имеют структуру круга: судьба родителей, изломанная в сталинскую эпоху по причине национальности, имеет преемственность в переживаемых их дочерью испытаниях, опять же связанных с инородностью. Проблематика «свой-чужой» актуальна для всех, упоминаемых в рассказе поколений, только ее наполнением может выступать этничность, культурный капитал, социальный статус, пол.

Повседневность здесь не исчезает, она видна как нити между бусин, она связует яркие события, имеющие интeрcубъективное значение (раскулачивание, война, лагерный опыт, переселение, голод и т.д.), создавая нарратив-

ный фон, позволяя читателю вжиться в проживаемые события и занять определенную позицию. Именно включение в рассказ повседневности, имеющей столь малый статус в классической истории, апеллирует к эмоциям, чувствам читателя, побуждая к сопереживанию (или отторжению), приближая к альтер-эго рассказчицы. Это погружение в определенном смысле противоречит необходимости занять исследовательскую позицию по отношению к тексту: трудно анализировать то, с чем идентифицируешься благодаря переживанию. Тем не менее, сам стиль рассказа не лишен отстранения (признание в отрывочности, неумении слушать, нарративная свернутость некоторых пассажей, граничащих по лаконичности с сообщением, периодическое пренебрежение к хронологии, местами избегание оценок и выводов, коды отдельных отрывков).

В поисках структур коллективного опыта наше внимание, безусловно, привлекут отфильтрованные из основного текста два корпуса информации, которые облечены в форму «стратегий совладания», а именно, культурно специфический опыт представителей определенной этнической группы и опыт репрессированных. Добавим, что эти интересосубъективные сгустки социальных изобретений (от способа отбора будущей невестки в бане до бартерной расплаты за услуги чиновников) гендерно окрашены, практики пола здесь имеют различное наполнение и значение.

Итак, мы отберем в первый кластер этнической субкультуры следующие секвенции:

«Его знакомство с будущей женой было достаточно традиционным. Селекцией занималась женская половина его родни. Смотр устраивали в бане, так было сложнее скрыть явные физические недостатки. После вердикта можно было увидеть суженую где-нибудь на посиделках, затем приступали к официальной части сватовства».

«Фамилий тогда не носили, они пришли вместе с русификацией. Тезок дифференцировали по имущественному положению, физическим недостаткам и пр., и пр.».

«Только протекция земляка, служившего в прокуратуре, помогла ей устроиться санитаркой в больницу».

«Была очень набожна, каждое утро совершала намаз и читала (на арабском) Коран».

«На маме, как старшей, был весь дом. Ей удалось закончить только начальную школу».

«Ей было 17, он – на десять лет старше. На браке настояли ее родные. «За ним, как за каменной стеной». Так оно и было».

«Ревнуя, папа «увольнял» ее отовсюду. Позже, в 70-е, работая вместо нее дворником, «заработал» ей пенсию».

«Все, что он зарабатывал, тайком переправлял родным».

«Усто (узб.)» – мастер, уважительно называли его узбеки. Умел многое: стриг, чинил обувь, ремонтировал электроприборы и пр., и пр.».

«Татары распознали цыган мгновенно. «Фараунлар (тат.)», – называла их мама. – «Фараоново племя».

Во второй кластер практик репрессирования попадут следующие секвенции:

«Раскулачивание в 30-х деда коснулось вплотную. Кофейня стала основным доводом для его перевоспитания на строительстве «Беломорканала».

«Как жена кулака, она была лишена всех гражданских прав и, главное, права на работу».

«Голод унес их младшую. Умерла от туберкулеза».

«В период коллективизации односельчане его (деда) раскулачили. Деньги в банке были конфискованы, земля – национализирована».

«Устроиться на работу папа сумел только после того, как официально, через газету, отказался от своих родных».

«Все, что он зарабатывал, тайком переправлял родным. Если бы об этом узнали, однозначно лишился бы работы. Доносы были нормой».

«Донос земляка о его кулацком происхождении положил конец его карьере летчика».

«Оставшиеся в живых проверялись особым отделом. Практиковались ложные расстрелы. Когда меня поставили к стенке, мне было уже все равно. Так измучили меня допросы».

«Здесь ему выдали документы и отправили в Узбекистан. Видя его недоумение, цинично объяснили: "Вашему народу, так пострадавшему во время войны, решили дать отдохнуть в Узбекистане". По приезде в кишлак, где жили его родители, комендант по спецпереселенцам отобрал его документы, заявив, что они ему больше не понадобятся».

«Только в 1980, после обращения в редакцию газеты "Красная Звезда", папе выдали долгожданное удостоверение (участника войны)».

«В ночь с 17 на 18 мая каждый дом был окружен автоматчиками. Во избежание беспорядков мужчин тут же отделили от женщин и детей. На сборы дали двадцать минут. Из домов выносили даже лежащих больных».

«И мама и ее сестра знали русский, их оставили работать на бумажном комбинате. Те, кто не знал языка, валили и сплавляли лес. Там и гибли: кто на лесоповале, а кто – на Каме».

«Место проживания было своеобразной резервацией. Без разрешения коменданта передвигаться с места на место запрещалось категорически».

«Урал сказался на артрите ее суставов. В 50-е, всех кто не работал, сгоняли на сбор хлопка. По домам ходил управдом, для которого чудовищно распухшие колени моей мамы не были аргументом».

«В 50-е годы, в условиях жесткого лимита на прием крымских татар в вузы, его дочь поступила в медицинский институт. Ему это стоило бесплатных плотницких работ в огромном новом доме. Опять-таки содействие доброго папиного знакомого, не взявшего с него за

это ни копейки, позволило мне поступить в университет».

«Уже потом, в 70-ые, в родном городе папы – Бахчисарае – им, узнав, что они татары, отказали в гостинице».

«Уже после смерти родителей, в апреле 1999... на его имя пришло письмо из мэрии г. Белогорска (бывшего Кара-субазара, где они жили до войны), согласно которому папа должен был до марта того же года получить украинское гражданство. В противном случае его отлучат от перерегистрации в очереди ветеранов войны».

«Это был хорошо спланированный погром. Людей выгоняли на улицу, их дома грабили, а затем поджигали. Были редкие случаи изнасилования».

Итак, мы получили два парафраза, два плотных тематизированных описания, сохраняющих язык рассказчицы и последовательность их появления в тексте. Если первый являет собой образ тесно спаянной общины, которая основывается на традиционном разделении труда, мужской ролью кормильца, женской ролью ответственности за дом и детей, религиозности, то второй раскрывает масштаб прессинга государственной машины против отдельного человека, последовательное, укорененное в повседневности лишение свобод, но и формы личного сопротивления. Именно последнее обстоятельство и насыщает содержанием микроисторию, поскольку знание о социально изобретенных стратегиях сопротивления тоталитарному режиму передается лишь изустно. Если бы в нашем распоряжении было несколько отобранных историй или нарративных интервью, то следующим этапом нашей работы стало бы сравнение подобных плотных описаний на предмет общего и различного, и «выращивание» (в духе обоснованной теории) обобщенного описания социального времени, породившего такие коллективные практики «совладания» с историей.

Помимо выделенных аспектов, текст, безусловно, содержит еще несколько интересных с точки зрения устной

истории горизонтов смысла. На примере маргинального персонажа по имени Надие-Надя тематизируется конфликт женской и этнической идентификации. *«На Урале Надя жила отдельно. Метаморфозу имени объясняла тем, что не хотела судьбы младшей сестры отца. Та, Эдие, покончила жизнь самоубийством»*. Мы не узнаем из текста, почему покончила собой Эдие, но важно, что в целях избегания подобной судьбы, Надие русифицирует свое имя и тем самым дистанцируется от своей национальности и группы родственников. Отметим попутно, что и отец рассказчицы прибегает к сходной стратегии, но гораздо более публичной, отказываясь от отца через газету. Но для него автор находит оправдание: необходимость работы, а также предполагает форму легитимации: семейный совет. Содержанием биографических практик Нади становятся сексуальный либертинаж, обман мужей, пьянство, воровство, вранье, эксплуатация родных, отчуждение близких и одиночество в конце жизни. Обрыв этнических символов идентификации оборачивается в конце жизни для Нади забвением кровнородственных контактов, но между ними еще и пренебрежение традиционными нормами женской морали, которая регламентируется, как упомянуто в начале автобиографии, старшим поколением женщин (*«селекцией занималась женская половина родни»*). Насильственная миграция и разлучение семей создали условия для вымывания этого влияния на процесс традиционной женской идентификации части татарок как в положительном (в смысле получения образования), так и отрицательном значении (девиантное поведение). Появление таких маргинальных биографий в роду как история жизни Нади можно рассматривать и как определенную социальную цену, которую платит род за выживание, но и назидательный пример для других поколений этнической группы, смысл рассказывания которого – в послании/призыве к солидарности, сплочению и выживанию, т.е. выбору: кто – свой, кто – чужой.

В заключение отметим еще одну текстуальную особенность автобиографии А.А. – наличие особых метафор,

аккумулирующих смысл происходящих поворотных событий на фоне повседневности. Это могут быть предметы, как, например, *«Шаль, случайно взятая бабушкой из дома в холодную майскую ночь депортации 44-го, запачканный уголок этой шали так и не отстирался, это была крымская грязь», «Встретились, всплакнули», «Свою кофемолку я узнала сразу же, как только увидела», «или «Налын, обувь на деревянной подошве, очень напоминающая японские гета, папа сделал мне в детстве. Летом ходить в них было сплошным удовольствием».* Это могут быть жесты: *«О дяде (мама) вспоминала, глядя, как я нарезаю хлеб. “Так же тонко, как и он”. И заключала: “Жадный был, очень”, или устойчивые привычки: «Донос земляка о его кулацком происхождении положил конец его карьере летчика. Небо любил самозабвенно. Всегда провожал и встречал меня в аэропорту, несмотря на мои протесты», «Когда меня поставили к стенке, мне было уже все равно. Так измучили меня допросы. Не мог (позже) смотреть фильмы о войне».* Эти метафоры – своего рода ключи памяти, которые открывают ценностно окрашенное воспоминание, свернутое в темном хранилище памяти, делают его достоянием дня сегодняшнего. Их устойчивость связана со встроенностью в повседневность, телесный габитус вовлеченных персонажей. И благодаря им история приобретает свой чувственный характер, ее населяют не только события и имена, но цвет, запахи и жесты.

Как нам представляется, поиск ответа на вопрос, центральный для каждой истории жизни, автобиографии, – как я стала такой, какая я есть, – осуществляется здесь на балансе кажущихся равноценными упоминаниями о пережитых событиях и фреймом (рамочным смыслом), который задан в начале рассказа коннотацией имени матери со словом свобода и приобретен/поддержан в конце заключительным запретом себе бояться происходящего. То, что было дано (родителями, традицией, Богом, как угодно), будет возвращено, – в такой приблизительно жанровой формуле нам рассказана эта автобиография.

Между этими полюсами – биографическая процессуальность, накопление приобретаемого опыта, которое позволило автору найти общее, преемственное с родителями: стигму инородности, но и сформулировать дельту различия: «мои родители жили с этим страхом всю жизнь», и запретить себе это, хотя и со знаком вопроса. Таким образом, автобиография А.А. приобретает целостность или когерентность за счет смысловых рамок, ограничивающих бесконечное число возможных для упоминания событий, фактов; их последовательность, хотя и нарушаема с точки зрения линейного времени, тем не менее подчинена событийной логике утраты свободы и тщетной, но не бессмысленной и соразмерной социальным обстоятельствам борьбе за их отвоевывание.

Заключение

Если центральная социальная функция (авто)биографий заключается в производстве или концептуализации непрерывности жизненного пути и когерентности последующего рассказа о ней, то в этом «повинна» особая модальность биографического опыта. Приобретая тот или иной жизненный опыт, действующий субъект расширяет свое предшествующее знание и повышает свою готовность впоследствии ориентироваться в сложных или неожиданных ситуациях. Наслоение жизненных практик в (авто)биографии объективирует приобретающие социальное значение индивидуальные жизненные образцы (удачных-неудачных карьер, успешных-неуспешных браков, миграции, стратегий выживания и т.д.), «отдавая» их в пространство наследуемого социального опыта и изменяющегося социального времени. Это процесс превращения субъективного в интрасубъективное, и, далее, в объективированное, то есть, процесс выкристаллизовывания собственно социальности.

В двойном горизонте прошлого и будущего прошлое изменчиво, оно подвергается ре-интерпретации в той мере, в какой это требует актуальная Я-концепция. Будущее приобретает конкретные черты в той степени, в какой оно

наполняет горизонт ожиданий. Тем самым реинтерпретация прошлого и конкретное наполнение будущего являются различными аспектами (авто)биографической перспективы. Важно отметить, что ее конструирование – заслуга не только индивида, а производное от совокупной деятельности многих индивидов, получившее объективированную форму социальных (авто)биографических схем. Чтобы организовать свою биографию, индивид рутиннообразно вовлекается в хронологию течения нормальной жизни.

В русле тенденций де-стандартизации эти структуры подвергаются определенной эрозии, когда социальные нормы могут утрачивать характер «интерсубъективных маркеров» для субъективных биографических путей. Очевидно, тогда и возникает исследовательский интерес к повседневности, отношение к ней как конструируемому ресурсу, когда осознается ее амбивалентное качество быть, словами Светланы Бойм, аморфной и неформальной, но, тем не менее, создающей условия для сохранения форм и формальностей, олицетворяющей одновременно и спонтанность, и застой¹⁴.

Воспоминания, опрос свидетелей, биографии и автобиографии, личные фотографии и другие субъективные объекты воспоминаний – важнейшие источники для исследования исторического развития, в котором субъекты, а также их опыты играют существенную роль в анализе развития консенсуса и конфликта в обществе, в отношении между «большой политикой» и субъективными возможностями в общественных отношениях, их границах и связях. Речь здесь об исследовании людей в истории и их способе обращения с историей, топосе вспоминать, означать, понимать.

---

¹⁴ Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни. М.: НЛО, 2003. С. 38.

Библиография

1. Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131-143.
2. Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни М.: НЛО, 2003.
3. Бургос М. История жизни. Рассказывание и поиск себя // Вопросы социологии. 1992. Т.1. N 2. С.123-130.
4. Ямпольский М. Настоящее как разрыв. Заметки об истории и памяти // НЛО № 83, 2007. [Электронный ресурс] <<http://magazines.russ.ru/nlo/2007/83/ia6.html>>.
5. Beaugrande R.-A. & Dressler W.U. Einfuehrung in die Textlinguistik. Tuebingen: Niemeyer, 1981.
6. Freedman J., Combs G. Invitations to new stories: Using questions to explore alternative possibilities. In: S. Gilligan & R. Price (eds.) Therapeutic Conversations. New York: Norton, 1993, P. 291-303.
7. Gubrium J. & Holstein J.A. Narrative practice and the coherence of stories // The Sociological Quarterly. 1998. 39 (1), P. 163-187.
8. Gergen K. Die Konstruktion des Selbst in Zeitalter der Postmoderne // Psychologische Rundschau. 41. 1990. P. 191-199.
9. Hermans H. The coherence of incoherent narratives // Narrative Inquiry, 2000. 10 (1). P. 223-227.
10. Habermas T. & Paha Ch. The development of coherence in adolescents' life narratives // Narrative Inquiry. 2001. 11 (1). P. 35-54.
11. Keupp H., Ahbe T., Gmuer W., Hoefler R. u.a. Identitaetskonstruktionen. Das Patchwork der Identitaeten in der Spaetmoderne. Reinbek: Rowolt, 1999.
12. Ricoeur P. Time and Narrative, Vol. 1. Trans. Kathleen McLaughlin and David Pellauer. Chicago: The University of Chicago Press, 1984. Temps et Recit. Tome I (L'ordre philosophique). Paris: Seuil, 1983.
13. Roberts (editor), The History and Narrative Reader, Routledge (2001), P. 221-236.
14. Somers M.R. The narrative constitution of identity: a relational and network approach // Theory and society. 23. 1994. P. 605-649.
15. White H. The Historical Text as Literary Artifact (1978), reprinted in Geoffrey Sarbin T. The poetics of identity / Theory & Psychology, 7, 1997. P. 67-82.

Автобиографии в проблемном поле когнитивной науки

Владимир Глебкин

Автобиографии по своей сути являются ярко выраженным междисциплинарным феноменом, однако нельзя сказать, что междисциплинарным исследованиям уделяется достаточно места при исследовании автобиографий. Особую проблему представляет собой методология междисциплинарных исследований. До середины XX века автобиографии были, главным образом, объектом интереса филологов и историков и за редкими исключениями воспринимались как историко-филологический сюжет. Со второй половины XX века к анализу автобиографий обратились также социологи, психологи, социальные и культурные антропологи, и поле для междисциплинарных исследований заметно расширилось. Однако такое расширение вплоть до настоящего момента осталось почти не замеченным: каждая исследовательская группа продолжает обрабатывать свой ограниченный дисциплинарными межами участок и часто не имеет представления о том, что происходит в непосредственной близости от нее.

Данная статья, носящая обзорный характер, посвящена новым возможностям, которые открывает для анализа автобиографий когнитивная наука (*cognitive science*) – интегративная область знания, активно развивающаяся в последние полвека и объединяющая усилия психологов, биологов, антропологов, лингвистов, философов, специалистов по искусственному интеллекту для того, чтобы понять, как устроены и как функционируют различные когнитивные системы в человеке, каким образом человек решает разнообразные когнитивные задачи, встающие перед ним¹. Эти

---

¹ О когнитивной науке см., к примеру, Величковский Б.М. Когнитивная наука. Основы психологии познания. М.: Академия, 2006; Frankish K.,

возможности заметно расширяют перспективу традиционных историко-филологических исследований, и знакомство с ними может быть полезным историкам и филологам как для постановки новых вопросов к автобиографическим текстам, так для осваивания нового инструментария, позволяющего уточнить ответы на традиционные историко-филологические вопросы.

Не претендуя на охват всего поля, данная статья обращается к трем сюжетам, носящим междисциплинарный характер. Первый ее раздел посвящен культурно-исторической типологии и связи когнитивных операций, осуществляемых нарратором в процессе создания автобиографии, с типом культуры, которой он принадлежит. Второй раздел связан с выявлением различий между устным автобиографическим рассказом и письменным текстом, с ограничениями, которые письменная форма фиксации накладывает на структуру нарратива; третий – с проблемой реконструкции сущности (человек, личность), которая стоит за текстом автобиографии.

1. Автобиографии и культурно-историческая типология

Модели, использующие когнитивный критерий при построении культурно-исторической типологии, являются антитезой утверждениям о когнитивном единстве человечества как биологического вида, имеющим давнюю историю и весьма влиятельным в когнитивной науке последних десятилетий. Универсалистские теории, в прошлом носящие исключительно умозрительный характер, получили в последние годы определенное экспериментальное подтверждение: в ряде кросс-культурных исследований было показано, что представители разных культур уже в раннем возрасте осваивают одинаковый в целом набор базовых когнитивных операций². Не оспаривая наличия определен-

---

Ramsey W. The Cambridge handbook of cognitive science. Cambridge University Press, 2012.

² Обзор см. в Callaghan T., Moll H., Rakoczy H., Warneken F., Liszkowski U.,

ных когнитивных инвариантов, авторы когнитивных типологических моделей указывают в качестве контраргумента на значимые различия в когнитивных операциях, которые выпадают из поля зрения при универсалистском подходе. Так В.Н. Романов, опираясь на работы школы культурно-исторической психологии, говорит о двух базовых типах культур: симпрактическом и теоретическом³. Для культур первого типа доминирующим каналом в ситуации принятия решений, а также при трансляции культурных навыков является ситуативное познание, повседневный опыт; носители культур второго типа, используя симпрактический канал в целом ряде ситуаций, при необходимости оказываются в состоянии дистанцироваться от ситуационного контекста и совершать теоретические операции по абстрактным, не связанным с повседневным опытом правилам. Мы предлагаем тетрарную модель когнитивного развития, опирающаяся на идеи Романова: для первобытной и традиционной культур⁴, типологически соотносимых с понятием симпрактической культуры, базовыми являются когнитивные уровни А и В, в основе которых лежит ситуативное познание, в ранних теоретических культурах (Древняя Греция, Древняя Индия, Древний Китай) над ними надстраивается уровень С, характеризующий теоретические формы,

---

Behne T., Tomasello, M. *Early Social Cognition in Three Cultural Contexts*. Antigonish: St. Francis Xavier University, 2011.

³ Романов В.Н. Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 8-9, 65-68; Романов В.Н. Историческое развитие культуры. Психолого-типологический аспект. М.: Издатель Савин С.А., 2003, с. 47-49; Романов В.Н. Культурно-историческая антропология. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. С. 81-135, 189-196.

⁴ Традициональными называются культуры, в которых главными видами деятельности являются охота и собирательство или простейшие формы земледелия и скотоводства. Подробнее об этом термине см. Глебкин В.В. Тетрарная модель когнитивного развития и культурно-историческая типология // Этнографическое обозрение, 2016. №3. С. 138. См. также о нашу работу: Glebkin V. The Problem of Cultural-Historical Typology From the Four-Level-Cognitive-Development Theory Perspective // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2015. V. 46 (8). P. 1010-1022.

содержанием которых является повседневная реальность, а в современных индустриальных культурах – также уровень D, объекты которого могут быть описаны как формы, содержанием которых являются объекты уровня C.

Если рассматривать автобиографию как когнитивный феномен и исследовать специфику когнитивных операций, осуществляемых при создании автобиографического нарратива, возникает вопрос, на каком когнитивном уровне эти операции осуществляются и в каком типе культур они возможны. Есть целый ряд данных⁵, свидетельствующих о том, что представители традиционных культур не в состоянии описывать свою биографию, эта способность формируется лишь в ранних теоретических культурах. Другими словами, для ее формирования необходимо осваивание когнитивного уровня C. Такая неспособность к построению автобиографического нарратива связана с отсутствием целого ряда других когнитивных способностей: умения выделить предмет из группы, следуя абстрактному признаку, решать силлогизмы и контрфактуальные задачи, описывать свои достоинства и недостатки и др.⁶, а также способности создать связный нарратив, в котором организующий структуру текста принцип выходит за рамки ситуационного контекста. При попытках описания собственной биографии нарратор в таких культурах осуществляет перевод временного плана в пространственный: описывается не человек в различные периоды своей жизни, а пространственные локусы, в которых этот человек побывал, начинающиеся и завершающиеся «здесь и теперь», в момент и в точке рассказа⁷. Другими словами, специфической особенностью подобных рассказов является трансформация разомкнутого повествования в цикл.

Важным материалом для понимания связи процесса формирования автобиографической памяти и построения

---

⁵ См. исследования В. Röttger-Rössler [1993]; В. Н. Романова [1991].

⁶ Обзор работ по данной теме см. в нашем исследовании [6, 132–133].

⁷ См. Романов В.Н. Историческое развитие культуры. М.: 1991. С. 61.

автобиографического нарратива с типом осуществляемых когнитивных операций дают тексты, созданные авторами, которые обладают навыками письма, но для которых симпрактический регистр является определяющим в их повседневной деятельности. Такие авторы занимают как бы промежуточное положение между носителями симпрактической и теоретической культур. Основные особенности такого рода текстов, отличающие их от автобиографического нарратива, созданного в теоретической культуре, могут быть сформулированы следующим образом:

А) Нарратор не в состоянии удерживать «внешнюю рамку» рассказа и связанные с ней структурные и стилистические ограничения. Пользуясь физической терминологией, при наличии в тексте «ближнего порядка», в нем отсутствует «дальний порядок».

Б) Нарратор излагает воспоминания с позиций участника, погруженного в «поток событий», а не стороннего наблюдателя. Это ведет к избыточности и экспрессивной перегруженности отдельных воспоминаний. Создается впечатление, что автор во время рассказа заново переживает происходящее, и нахлынувшие на него эмоции ведут его за собой, лишая повествование логической связности и последовательности.

В) Рассказ адресован не абстрактному читателю, а находящемуся «здесь и теперь» собеседнику, обладающему тем же контекстным знанием, что и автор. Нарратор оказывается не в состоянии дистанцироваться от собственного опыта и сделать в тексте пояснения, позволяющие понять содержание истории читателю, не погруженному в контекст. Это является еще одной из причин, по которым текст теряет логическую связность.

В₁) Формат устного рассказа превалирует в подобных нарративах над форматом письменной речи.

Одним из наиболее ярких примеров такого рода текстов являются записки Е.Г. Киселевой⁸. Однако многие особенности, выявляемые в тексте Киселевой, находят свое подтверждение и в других типологически близких нарративах. Так, показательным примером являются тексты «производственных автобиографий», созданных рабочими и крестьянами, которые не получили систематического образования и не овладели навыками «правильного» построения нарратива. В частности, сделанные утверждения могут быть проиллюстрированы на материале «Афтобиографии» Алексея Рыбакова⁹. Ниже приводятся два фрагмента автобиографии (в авторской орфографии и пунктуации).

1. *С отцом я работал по сапожному ремеслу в Бестужевской волости Вельского уезда Вологодской губернии, в качестве подмастерья, два года; тогда я уже был 11-ти лет. На 12-м же году в зиму я работал с отцом в Тотемском уезде, Зайчерицкой волости, в сапожной мастерской. Проработав там год, я вернулся домой вместе с отцом, но отец недолюбливал меня как старшего сына, и в то время уже подросток второй брат, стал отец меня изгонять, истязать физически, так как отец изрядно любил водку. Все эти истязания происходили таким образом: придет отец выпивши, поставит нас на колени, заставит читать и петь молитвы, в ночное время происходит эта сцена. Когда мать станет защищать, то отец избьет и мать, а нам, чтоб не заснули, насыплет в нос и глаза нюхательного табаку. В такой обстановке воспитание текло до 13-летнего возраста.*

Тринадцати лет я ушел к другому мастеру, Табурову, Павлу Ефимовичу, доучиваться сапожному ремеслу на полтора года. Подучился и после этого я работал само-

---

⁸ Опубликовано в издании: Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. «Я так хочу назвать кино». М.: 1996. Анализ нарративной структуры с когнитивной точки зрения см. в [5, 178-182].

⁹ Опубликовано в издании: Тан-Богораз В.Г. (ред.). Революция в деревне. Ч.2. М.-Л.: ГИЗ, 1925.

стоятельно один год в семье отца, в одной избенке с отцом, но приготавливал пищу, все, что нужно было для пропитания, самостоятельно, сам. Так как отец мне отказал в кормлении, я, видя все эти невозможности, четырнадцати лет уехал в г. Архангельск, но работать на лесопильных заводах я не мог, так как мне было мало лет. Тогда я пошел по городу, иду и осматриваю красоту города. Вижу, едет какая-то дама; за кучера солдат. «Стой, мальчик!» – кричит дама по направлению ко мне, я остановился; спрашивает меня: «Из крестьян?» – «Из крестьян!» – отвечаю я. – «Паспорт есть?» – «Есть», – ответил я. – «Хочешь быть у нас за кучера?» – «Хочу». – «Жалование вам будет 2 р. 50 к. К праздникам дарить будем то на рубашку или брюки»¹⁰.

2. При свержении самодержавия я в конце марта, числа не помню, был избран на железнодорожный съезд М. ж. д. от всего участка, так как меня рабочие любили. По приезде на съезд в Петроград съезд производили – Гагаринская три; в то время был министр путей сообщения из коалиции, Некрасов, а со мной были товарищи большевики Солушин Казимир, Чичерин Селиверст Степанович, врач Богдатыева, Степанов, старый работник партии. Последние двое оставались в среде рабочих. На станции Масеньга первое время как Богдатыева так и Степанов были ко мне недоверчивы, так как я был молодой. На съезде нас с Селиверстом Чичериным заклеили большевиками, хотя я и не знал еще, что за большевики. Я спрашиваю у товарища Солушина: «Зачем они меня оскорбляют большевиком, да еще шпионом?» Но Солушин засмеялся: «А ты разве не большевик?» – «Да конечно нет, какой же я большевик?» Тогда Солушин рассказал мне, что «ты, говорит, ярый большевик, потому что ты тянешь за рабочих да против министров, – значит, большевик». – «Не пойму, какой я большевик: ведь я хочу,

---

¹⁰ Тан-Богораз В.Г. (ред.). Революция в деревне. Ч.2. М.-Л.: ГИЗ, 1925. С. 131-132.

чтоб была рабоче-крестьянская власть, а большевики – немецкие шпионы и хотят вернуть царя на престол». Солушин радостно меня остановил, говорит: «Мы с тобой поговорим опосля в номере». И поговорили мы с ним. Узнал я и анархистов, узнал я много. Думаю, какого чорта они нас дурачат? Вечером пошли встречать Кропоткина, едущего из Англии».¹¹

Хотя во вступлении к тексту автор оговаривает, что «в настоящей афтобиографии могут быть большие недочеты, которые для меня незаметны, как для самоучки», в целом он понимает, как должна быть устроена такая «производственная» автобиография, какие события должны включаться в описание и как стилистически они должны быть описаны. Однако он не в состоянии до конца «удерживать рамку» и постоянно нарушает канон, которому пытается следовать. Так, интересно сочетание «канцелярского» языка описания (*отец недолюбливал меня как старшего сына... При свержении самодержавия я в конце марта, числа не помню, был избран на железнодорожный съезд М. ж. д. от всего участка*) с элементами устного рассказа, которые проявляются как в стилистических конструкциях (*Думаю, какого чорта они нас дурачат?*), так и в чуждых жанру «производственной автобиографии» диалогах, ориентированных на «здесь и теперь» находящегося собеседника. Также, в конце первого абзаца первого фрагмента приводится явно избыточное с точки зрения требований жанра описание истязаний автора его отцом: видимо, воспоминание о событии оказывается настолько эмоционально ярким, что нарратор погружается в этот эмоционально переживаемый поток и забывает о рамке, которую он пытался выдерживать.

Второй фрагмент также ориентирован на присутствующего рядом с нарратором собеседника, обладающего таким же контекстным знанием, как и он. Так, непонятно, о

---

¹¹ Тан-Богораз В.Г. (ред.). Революция в деревне. Ч.2. М.-Л.: ГИЗ, 1925. С. 134.

ком идет речь в предложении: *Думаю, какого чорта они нас дурачат?* По тексту сложно понять, кто имеется в виду под «они». Можно предположить, что это какие-то люди, говорившие о большевиках как о немецких шпионах. Однако никаких упоминаний об этих людях в тексте нет, и об их статусе и контексте общения с рассказчиком можно лишь догадываться. Нельзя сказать, что подобных логических пропусков, ведущих к смысловой неопределенности и смысловым разрывам, в «афтобиографии» Рыбакова много, но их присутствие даже в небольшом количестве мешает восприятию нарратива как целостного произведения.

Отдельно следует отметить акцент, сделанный в автобиографии на страданиях автора, особенно, при описании им детства и юношеских лет. Эта черта, ярко проявляющаяся в записках Киселевой, резко контрастирует с наблюдениями психологов о перевесе позитивных воспоминаний над негативными в создаваемых их респондентами «линиях жизни»¹². Можно предположить, что подобный акцент на страданиях характеризует особенности воспоминаний, в которых эмоциональная составляющая доминирует над рациональной. Как уже отмечалось, нарративы такого рода обычно создаются людьми, в жизни которых определяющим является симпрактический контекст¹³.

---

¹² Об этом см. в нашем исследовании Глебкин В.В. Культурно-исторические основания гипотезы о двух системах автобиографической памяти. 2013. С. 181.

¹³ Интересно, что приведенные характеристики соотносятся с исследованиями К.Ф. Седова [12], изучавшего особенности построения нарратива школьниками 6-7, 10-11 и 15-16-летнего возраста. Отмеченные особенности характерны для школьников 10-11 лет и практически исчезают в 15-16-летнем возрасте, где структура рассказа у респондентов оказывается приближенной к структуре рассказа взрослого человека. Этот факт говорит о корреляции между онтогенетическим и филогенетическим развитием. Отдельно следует обратить внимание на распространенное среди когнитивных психологов утверждение, что подростки до 17-18 лет в норме не способны к целостным автобиографическим воспоминаниям [19; ср. 7, 360-374]. Другими словами, овладение навыком построения нарратива является необходимым, но не достаточным условием создания автобиографического повествования.

2. Автобиографическая память и автобиографический нарратив: устный и письменный регистры автобиографического повествования

Несмотря на близость объектов исследования, предмет исследования и исследовательские процедуры для когнитивистов, изучающих автобиографическую память, а также историков и филологов, работающих с автобиографическим нарративом, обладают значимыми отличиями. Исследователи, изучающие автобиографическую память, работают в прямом контакте с респондентами, и базовым регистром для них оказывается непосредственная коммуникация; историки, филологи и культурологи анализируют письменные тексты. При этом дополнительные ограничения, которые накладываются письменной формой фиксации воспоминаний, обычно даже не осознаются в подобных исследованиях. Однако эти ограничения могут быть существенными, в частности, при анализе событийной структуры нарратива. Исследования когнитивных психологов¹⁴ показывают, что выбор респондентом событий, характеризующих его прошлое (например, по методике «линии жизни»), связан со структурой личности респондента: конструируемое в нарративе прошлое является проекцией настоящего, оказываясь для личности нарратора, в свою очередь, дополнительным основанием и точкой опоры. Однако при письменных воспоминаниях к базовому критерию, определяемому структурой личности автора, добавляется стилистический: выбор эпизодов и принципов их описания испытывает влияние образцов создания письменного дискурса, на которые осознанно или неосознанно ориентируется нарратор. Такое влияние может проявляться на разных уровнях: от локального (отдельный эпизод) до глобального (нарратив в целом). Иными словами, можно предположить, что, если бы автор написанной автобиографии рассказывал

---

¹⁴ См. диссертацию В.В. Нурковой, 2009; а также статью Conway M. Memory and the self // *Journal of Memory and Language*. 2005. V. 53. P. 7.

о своем прошлом или воспроизводил его по методике «линии жизни», состав задающих нарратив событий в большей или меньшей степени отличался бы от первоначального.

Различия между устной и письменной формой фиксации одного и того же события могут быть исследованы экспериментально¹⁵. В частности, удобным материалом для таких экспериментов является «фильм про груши» (pear film), снятый в 1975 г. У. Чейфом и за прошедшие 40 лет создавший отдельное направление исследований в социолингвистике и когнитивной лингвистике¹⁶. Фильм не содержит слов; развертывающаяся в фильме история выражается лишь в действиях и звуках, т.е. является, по замыслу авторов, инвариантом для носителей разных языков и культурных традиций. Тогда концептуализация этой истории, выбор эпизодов и языковых средств для ее описания должны отражать языковые и культурные линзы, сквозь которые человек смотрит на реальность, осмысляя и осваивая ее.

Однако pear film может быть использован не только для такого кросс-лингвистического и кросс-культурного анализа, но и для анализа особенностей эпизодической памяти. В серии экспериментов, проводимых Н. Векуа и А. Волковой под моим руководством, участников просили пересказать «фильм про груши» через неделю после просмотра. Часть участников записывала свои рассказы, а часть пересказывала их сидящим напротив слушателям. Полученные в исследовании результаты носят предварительный характер, но основные статистические закономерности можно проиллюстрировать двумя приводимыми ниже pear stories, первая из которых записана через неделю после просмотра, а вторая рассказана.

---

¹⁵ В данном случае речь идет не об автобиографических воспоминаниях, а о более широком контексте эпизодической памяти.

¹⁶ См. Chafe W. (ed.), *The Pear Stories: Cognitive, Cultural, and Linguistic Aspects of Narrative Production*. Norwood, N.J.: Ablex, 1980.

Изображается мужчина, который собирает груши. К дереву приставлена лестница, по которой он поднимается и спускается, набрав плоды, чтобы положить их в корзины, стоящие у ствола. Когда он спускается в первый раз, мимо него проходит мужчина, который ведет за собой козу. Мужчина продолжает свою работу. Когда он забирается снова, по тропинке едет на велосипеде мальчик, который, недолго думая берет одну из корзин, ставит ее на велосипед спереди и уезжает. Мальчик едет дальше, но дорога становится трудной из-за камней, и он падает, а все груши из корзины рассыпаются по земле. Это видят трое мальчиков неподалеку, они бросаются ему на помощь. Закончив собирать упавшие фрукты, мальчик садится на свой велосипед и отправляется дальше, не заметив, что с его головы слетела шляпа. Один из его помощников поднимает ее и отдает мальчику, который взамен угощает их тремя грушами. Все продолжают свой путь. Далее опять показывается тот мужчина, который собирал груши. Он спустился с дерева и обнаружил пропажу одной из корзин, и как раз в это время мимо него проходят эта троица, каждый из них ест грушу. Мужчина провожает их удивленным взглядом.

Фильм начинается с того / то что фермер собирает груши с дерева и складывает их в свой / фартук // Затем он спускается вниз / и перекладывает груши в корзину / и процедура с собиранием груши снова продолжается // Фермер одет в шляпу / красный шейный платок и фартук / в который он складывает груши // Далее в кадре человек / с ослом / который проходит мимо фермера / и насвистывает какую-то мелодию // Пока фермер собирает груши / мимо едет мальчик на велосипеде / останавливается / смотрит на фермера / а затем берет корзину / целую корзину с грушами / всего их было три / ставит на свой велосипед и уезжает // Дальше в кадре девочка и мальчик / этот / которые едут друг другу навстречу на велосипедах // Мальчик отвлекается / его

велосипед наезжает на камень / и он падает / с него падает шляпа / и груши рассыпливаются по земле // К нему на / навстречу подходят три мальчика / у одного из них / игрушка / с мячиком // Они помогают ему собрать груши, которые все в пыли // Все происходит в полном / в полной тишине / а затем мальчик дает им в благодарность по груше каждому // Мальчики продолжают свой путь / потом один из них замечает то, что шляпа мальчика / который упал / лежит на дороге / и возвращает ему ее // В последних кадрах мы видим / как мимо недоумевающего фермера проходят мальчики с грушами / которыми их угостили // Все

Можно заметить, что устный рассказ больше по объему, чем письменный, и в нем большее внимание уделяется деталям: обращается внимание на одежду фермера, на звуковой фон, на котором разворачивается действие и т.д. Письменный текст более фрагментарен, в нем выделяется каркас действия, а значительная часть деталей выпадает из поля зрения. Обобщая полученные результаты (носящие, подчеркну еще раз, предварительный характер), можно предположить, что письменный рассказ, созданный человеком теоретической культуры, в большей степени ориентирован на воспроизведение логической структуры повествования, а когда какие-то элементы этой структуры забываются, нарратор достраивает ее сам, руководствуясь ображениями логической связности. Так, в первой истории исчезает сюжет с встреченной девочкой, и падение оказывается вызванным трудностью дороги.

Исследования, подобные приведенному выше, могут быть полезными при сопоставлении нарративных структур изначально рассказанных и затем переведенных в письменную форму автобиографий с автобиографиями, которые сразу же были записаны, а также для понимания механизмов формирования ложных воспоминаний (воспоминаний, в истинности которых человек уверен, но которые никогда с ним не происходили). Последний сюжет требует отдельного обсуждения, которое выходит далеко за рамки данной ста-

тьи¹⁷, однако полученные данные свидетельствуют, что письменная форма фиксации, при прочих равных, может служить катализатором для таких воспоминаний.

Проблема ложных воспоминаний обращает нас к более фундаментальному вопросу о том, кто является субъектом автобиографии и с помощью каких осознанных или неосознанных процедур мы осуществляем реконструкцию этого субъекта. Краткому анализу данного вопроса посвящен последний раздел статьи.

3. Субъект автобиографии и когнитивная наука

Исследование автобиографий связано с широким спектром научных проблем, и даже если ограничиться историко-филологической тематикой, проблемное поле оказывается весьма разнообразным. В большинстве своем вопросы, обращаемые к автобиографиям, не отличаются от вопросов к другим историческим источникам. Однако есть первичная интенция, сближающая исследователя и «наивного» читателя, которая характеризует именно автобиографии: стремление понять, что за человек стоит за текстом, сформировать в сознании его образ, сопоставимый в идеале по четкости с образами людей, которых мы непосредственно знаем. При такой постановке вопроса жанр автобиографии сближается с жанром исторической биографии, который всегда находился между наукой и беллетристикой. Стремление восстановить по текстам мемуаров образ политического деятеля, поэта, художника (или простого человека) и как-то отнестись к нему, сформировать к нему собственное отношение, исходно и по-человечески понятно, но оно не учитывает огромного количества подводных камней, здесь возникающих. Что это значит: восстановить образ стоящего за текстом человека (подчеркну, не как носителя определенной традиции или определенной ментальности, не как носителя некоторого набора социальных ролей, которые он более или менее успешно исполняет, а

---

¹⁷ Анализ исследований по проблеме см., напр., в коллективной монографии: False-memory creation in children and adults. 2000.

как некую исходную целостность, связанную и с культурной традицией, и с социальными ролями, включающую их в себя как свои составляющие, но не сводящуюся к ним)? Как методологически описывать эту целостность? Как убедиться в том, что мы видим реальный образ, а не собственное отражение в зеркале?

В первом приближении, методологические контуры поставленной задачи могут быть выражены предложенной Г. Риккертом оппозицией *генерализирующие понятия* – *индивидуализирующие понятия* (с ее помощью он обосновывал различие между естественнонаучным и гуманитарным знанием)¹⁸. В естественных науках понятие рассматривает объект как часть класса («материальная точка», «млекопитающее», «кислота» и т.д.). При этом его индивидуальные, специфические особенности, выделяющие объект из класса, отбрасываются как второстепенные, и акцент делается на эквивалентности всех составляющих класс объектов по отношению к общему для них признаку. Для гуманитарного знания, по Риккерту, объект интересен сам по себе, во всем многообразии составляющих его качеств, образующих сложно организованную и иерархически упорядоченную систему.

В рамках предложенной Риккертом оппозиции *Хрущев, Франклин, Киселева* являются индивидуализирующими понятиями, и именно о таком понятии можно говорить, обсуждая объективацию сложной совокупности ощущений, складывающейся у нас при чтении той или иной автобиографии. Видимо, «наивным» эквивалентом этого понятия в повседневном языке является понятие *человек* в таких предложениях, как *Я не понимаю, что он за человек; Наш сосед по даче оказался своеобразным человеком; Ты не видишь во мне человека* и т.д. Это образ Другого, который складывается у нас от наших знакомых, коллег по работе, соседей, случайных попутчиков в поезде, т.е. некоторая данность, которая потом может вызывать разнообразные

---

¹⁸ См. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: 1995. С. 76-87.

оценки (личность, не личность, бессердечный, добрый и т.д.), но которая предшествует этим оценкам и составляет то, что мы пытаемся воссоздать при чтении биографии интересующего нас человека.

Несмотря на громадное различие в масштабах и кажущуюся пропасть между Франклиным, с одной стороны, и нашим соседом по даче, с другой, на каком-то глубинном уровне основания нашего восприятия первого и второго сходны. Они оба для нас – *люди* (разумеется, выполняющие определенные социальные роли и воспроизводящие в своем поведении некоторый набор литературных, культурных, социальных моделей, но не сводящиеся к ним, а представляющие собой исходную целостность, просвечивающую сквозь эти модели и роли). Принципиальное типологическое различие указанных ситуаций состоит лишь в том, что в случае соседа по даче у нас есть собственный опыт общения, а в случае Франклина – только тексты.

Попробуем проанализировать, какие (обычно, неявные) методологические предпосылки присутствуют в нас, когда мы относимся к другому не как к средству для решения собственных задач, а как к *человеку*. Если опять обратиться к повседневному опыту, то этот вопрос может быть переформулирован следующим образом: когда у нас возникает уверенность, что личность другого человека понятна нам, перестает вызывать у нас вопросы? Разумеется, у нас никогда не может быть полной картины, и мы домысливаем в своем сознании образ «другого», опираясь на относительно небольшой набор фактов. Тем не менее, можно реконструировать, что порождает в нас уверенность в правильном понимании. Кажется, за этим стоит способность предсказывать поведение (слова и действия) «другого» в различных конкретных ситуациях. Хотя индивидуальность «другого» выражается для нас в особенностях интонации, в особом стиле поведения, индивидуально окрашенных оборотах речи, понимание «другого» как человека сводится не к узнаванию этих особенностей, а к предсказуемости поведения. Сами эти особенности обретают свое значение толь-

ко после того, как структура личности становится понятной для нас. Такой «наивный бихевиоризм» проявляется также и в нашем восприятии самих себя («не ожидал я от себя такого, думал, что уж себя-то я знаю, а оказалось – нет» – реакция на собственное поведение в нестандартной ситуации). Тогда под личностью в нашем повседневном опыте следует, видимо, понимать структурное ядро, определяющее поведение человека.

Замечу, что это структурное ядро мы выстраиваем на основании наших наблюдений в конечном количестве ситуаций, которые мы рассматриваем как базовые и на их основе создаем свою модель. Если поведение человека в дальнейшем противоречит построенной модели, мы корректируем модель, используя новую информацию. Другими словами, образ «другого» в нас соответствует введенному М. Вебером понятию «идеального типа»¹⁹.

Следует еще раз подчеркнуть, что проблему экспликации используемого исследователем идеального типа, возможности (и необходимости) движения от данного идеального типа к индивидуализирующему понятию, а также критериев проверки сделанных наблюдений и выводов нельзя еще считать даже поставленной в должной мере. Обращение к данным когнитивной науки дает новый импульс для проблематизации описанного сюжета. Пожалуй, одним из наиболее интересных в данном отношении результатов является предложенная Д. Канеманом²⁰ оппозиция *experiencing self* (ощущающее Я) – *remembering self* (вспоминающее Я). Канеман показал, что наше восприятие прошлых событий заметно отличается в ряде важных аспектов (например, в оценке длительности) от непосредственного переживания этих событий. Так, в эксперименте «холодная рука» участников просили на время опустить кисть руки в холодную воду, что вызывало болезненные

---

¹⁹ См. Вебер М. «Объективность» познания. М.: 1995. С. 580-593.

²⁰ Kahneman D. Thinking fast and slow. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2011. P. 377-385.

ощущения. Первая сессия длилась 60 сек. при температуре воды 14°C; вторая – 90 сек. (60 сек. при температуре 14°C и затем еще 30 секунд при температуре на 1°C больше – такое повышение температуры достаточно для того, чтобы чувство боли уменьшилось). Через некоторое время испытуемым предлагали повторить менее неприятную для них сессию по их выбору. Оказалось, что более 80% участников выбирали сессию 2, хотя очевидно, что в последней сессии они испытывали больше неприятных ощущений. Этот и целый ряд подобных экспериментов (например, фиксация уровня боли при колоноскопии в процессе и после обследования) привел Канемана к утверждению, что длительность события не играет роли в воспоминаниях о нем, в памяти остаются лишь высшая точка (пик) и конечное значение. Это утверждение подтвердилось и в серии экспериментов с оценкой качества жизни. Участников просили оценить, насколько счастливой была жизнь героини придуманной истории, женщины, которая в одной версии прожила 30 или 60 счастливых лет, а в другой версии к этим счастливым годам добавлялось еще пять, неплохих, но не столь счастливых. К удивлению экспериментаторов, большинство участников, вне зависимости от возраста, оценивали выше первую версию. Другими словами, добавление к жизни пяти вполне достойно прожитых лет уменьшало оценку ее качества. Канеман обобщил результаты экспериментов в следующем высказывании: «История (story) рассказывает о значимых событиях и осевших в памяти моментах, а не о том, как переживается течение времени. Не обращать внимания на длительность – нормально для истории, и ее смысл часто определяется тем, как она завершается. Одни и те же базовые черты проявляются и в правилах построения нарративов, и в воспоминаниях о колоноскопии, отпуске и фильмах. Все это показывает, как работает *вспоминающее я*: оно составляет истории и хранит их для того, чтобы использовать в будущем»²¹.

---

²¹ Об этом см. Kahneman D. Thinking fast and slow. N.Y., 2011. P. 387.

Безусловно, предложенная Канеманом оппозиция упрощает реальную ситуацию: в действительности решения, которые принимает «ощущающее я», опираются, в значительной степени, на наши представления о самих себе и, в частности, на истории, хранимые «вспоминающим я». Тем не менее, она высвечивает фундаментальную проблему. Жизнь, представленная как история в воспоминаниях, в своем течении не является историей. Допуская концептуализацию в виде множества различных нарративов, она обладает иной, гораздо более разветвленной и логически не упорядоченной структурой. Переход от автобиографического нарратива к индивидуализирующему понятию, стоящему за ним, предполагает особый инструментарий, в разработке которого пока делаются лишь первые шаги, и опыт когнитивных исследований дает важные ориентиры для движения в данном направлении.

Библиография

Источники и документы:

1. Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М.: Гнозис; Русское феноменологическое общество, 1996.
2. Тан-Богораз В.Г. (ред.). Революция в деревне. Ч.2. М.-Л.: ГИЗ, 1925.

Исследования:

3. Вебер М. «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики / Культурология. XX век. М.: Юрист, 1995. С. 557-603.
4. Величковский Б.М. Когнитивная наука. Основы психологии познания. В 2-х т. М.: Академия, 2006.
5. Глебкин В.В. Культурно-исторические основания гипотезы о двух системах автобиографической памяти // Историческая психология и социология истории. 2013. Т.6. № 2. С. 169-184.
6. Глебкин В.В. Тетрарная модель когнитивного развития и культурно-историческая типология // Этнографическое обозрение, 2016. №3. С. 128-145.
7. Нуркова В.В. Культурно-исторический подход к автобиографической памяти. Дисс... доктора психологических наук. М., 2009.

8. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Культурология. XX век. М.: Юрист, 1995. С. 69-103.
9. Романов В.Н. Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.
10. Романов В.Н. Историческое развитие культуры. Психолого-типологический аспект. М.: Издатель Савин С.А., 2003.
11. Романов В.Н. Культурно-историческая антропология. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014.
12. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004.
13. Bjorklund D. (ed.) False-memory creation in children and adults: theory, research, and implications. Mahwah, N.J.: L. Erlbaum, 2000.
14. Callaghan T., Moll H., Rakoczy H., Warneken F., Liszkowski U., Behne T., Tomasello M. Early Social Cognition in Three Cultural Contexts. Antigonish: St. Francis Xavier University, 2011.
15. Chafe W. (ed.), The Pear Stories: Cognitive, Cultural, and Linguistic Aspects of Narrative Production. Norwood, N.J.: Ablex, 1980.
16. Conway M. Memory and the self // Journal of Memory and Language. V. 53, 2005. P. 594-628
17. Frankish K., Ramsey W. The Cambridge handbook of cognitive science. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
18. Glebkin V. The Problem of Cultural-Historical Typology From the Four-Level-Cognitive-Development Theory Perspective // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2015. V. 46 (8). P. 1010-1022.
19. Habermas T., Bluck S. Getting a Life: The Emergence of the Life Story in Adolescence // Psychological Bulletin. 2000. V. 126. No 5. P. 748-769.
20. Kahneman D. Thinking fast and slow. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2011.
21. Röttger-Rössler B. Autobiography in Question. On Self Presentation and Life Description in an Indonesian Society // Anthropos. 1993. Bd. 88. H. 4/6. P. 365-373.

Автовымысел и теория возможных миров

Вероника Алташина

Автовымысел (autofiction) в настоящее время представляет собой наиболее востребованную повествовательную стратегию французской литературы. Серж Дубровски предложил этот неологизм еще в 1977 году, имея в виду «вымысел об абсолютно реальных событиях», что, в свою очередь, отсылает нас к определению «возможного мира» применительно к литературе, предложенному Томасом Павелом: «правдоподобная альтернатива реального мира»²². В автовымысле, как в магическом театре Гессе, можно увидеть все самые сокровенные внутренние процессы, пережить несколько жизней, реализовать то, что в реальности осталось лишь в мечтах.

«И как один и тот же город, если смотреть на него с разных сторон, кажется совершенно иным и как бы *перспективно* умноженным, таким же точно образом вследствие бесконечного множества простых субстанций существует как бы столько же различных универсумов, которые, однако, суть только перспективы одного и того же соответственно различным *точкам зрения* каждой монады» [27]. Идея Лейбница о нашем мире, как о наилучшем из возможных, легла в основу философской теории возможных миров, предложенной американским философом Солом Крипке (род. 1940)²³ в 1950-х годах и развитой позднее Дэвидом Льюисом (1941-2001)²⁴ в гипотезе модального реализма, утверждающей существование возможных миров, в

---

²² La Théorie littéraire des mondes possibles. Dir. Fr. Lavocat, Paris, Éditions du CNRS, 2010. P. 50.

²³ Kripke S. Semantical Analysis of Modal Logic (abstract) // The Journal of Symbolic Logic. 1959, 24(4); Kripke S. Semantical Considerations on Modal Logic // Acta Philosophica Fennica, 1963. №16. P. 83-94.

²⁴ Lewis D. Counterfactuals. Harvard University Press, Cambridge, MA, 1973; Lewis D. Truth in Fiction // American Philosophical Quarterly. 15. 1978, P. 37-46; Lewis D. On the Plurality of Worlds. Oxford: Blackwell, 1986.

которых реализуются наши потенциальные возможности: если кто-то жалеет, что не стал скрипачом, значит, он стал им в другом возможном мире.

В 1970-х годах теория возможных миров привлекает внимание литературоведов, применивших ее в нарратологических исследованиях, изучении семантики, прагматики, теории жанров и т.д. «Логика возможных миров близка тем, кто любит свободу, религию, литературу», – утверждал Т. Павел в своем выступлении на конференции 27 февраля 2006 г.²⁵ Применительно к литературе эту теорию разрабатывают У. Эко, Т. Павел, Л. Долежел.²⁶ Эстафету перехватывают французские исследователи Ж. Женетт («Вымысел и слог», 1991)²⁷ и Ж.-М. Шеффер («Вымысел: зачем?», 1999)²⁸. Материалы двух конференций 2005-2006 годов были объединены в авторитетный сборник «Литературная теория возможных миров», изданный в 2010 г. под редакцией Франсуаз Лавока, автора монографии «Факт и вымысел» (2016)²⁹.

Поскольку большинство из названных трудов российскому читателю, даже специалисту, почти неизвестны, остановлюсь кратко на основных положениях теории возможных миров применительно к литературоведению.

Проблема, встающая перед теоретиками возможных миров, сформулирована несколько иначе – речь идет о тех критериях, которые позволяют отличить вымысел от ре-

---

²⁵ Pavel Th. *Fictional Worlds*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986.

²⁶ Eco U. *Lector in fabula. La cooperazione interpretativa nei testi narrative*. Milano, Bompiani, 1979; Pavel Th. *Possible Worlds in Litterary Semantics // Journal of Aesthetics an Art Criticism*, 1975. Vol. 34.No 2. P. 165-176; Pavel Th. *Fictional Worlds*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986; Doležel L. *Extensional and Intensional Narrative Worlds // Poetics*. 1979. Vol. 3. No 8; Doležel L. *Heterocosmica. Fiction and Possible Worlds*. Baltimore / Londres, Johns Hopkins University Press, 1998.

²⁷ Женетт Ж. *Вымысел и слог / Фигуры: В 2 т. М.: издание Сабашниковых*, 1998. Т.2. С. 471-536.

²⁸ Schaeffer J.-M. *Pourquoi la fiction?* Paris: Seuil, 1999.

²⁹ Lavocat F. *Fait et Fiction. Pour une frontière*. Paris: Seuil, 2016.

альности, при этом некоторые (Р. Барт, Х. Уайт) защищают мнение о неразличимости между историей и литературой, фактом и вымыслом, в то время как Ж. Женетт, Ж.-М. Жеффер, Т. Павел, Ф. Лавока настаивают на необходимости границ. Так, Ж.-М. Шеффер полагает, что в настоящее время происходит рождение «новой модальности существования» – «виртуальной реальности», которая в равной степени отличается и от реальности «подлинной» и от вымысла³⁰. С точки зрения Ф. Лавока, само многовековое стремление переходить через границы, разрушать их, объединять вымысел и реальность свидетельствует о наличии этих границ³¹. В своей последней книге она настаивает на том, что границы вымысла являются необходимостью (логической, когнитивной, прагматической), а также утверждает, что вымысел не является автономным и гомогенным миром, внутри которого все является фикцией, без учета степени фикциональности. Л. Долежел обращается к проблеме референции, разделяя тексты, которые являются репрезентацией существующего независимого мира («*world-imaging texts*», по терминологии Долежела) и тексты фикциональные («*world-constructing texts*»), которые не поддаются проверке на правдивость, а потому нельзя сказать являются ли они правдивыми или лживыми. По его мнению, основным критерием вымысла является именно невозможность определить степень его достоверности. Отсутствие эмпирических соответствий характеризует вымысел и с точки зрения Т. Павела, который считает, что главное – не референция, а инференция, т.е. не отсылка к реальности, а те выводы, заключения, которые мы делаем, читая художественный текст³². Поэтому не важно похож ли Британик Расина на исторический персонаж, а важно то, какие отклики, эмоции он в нас вызывает. Об этой же идее сопереживания,

---

³⁰ Schaeffer J.-M. Ibid. P. 8.

³¹ Lavocat F. Ibid. P. 12.

³² Pavel Th. Mondes possibles, normes et biens. [Электронный ресурс] http://www.fabula.org/atelier.php?Mondes_possibles%2C_normes_et_biens
Дата обращения: 19/09/2016.

погружения в текст пишет Ж.-М. Шеффер: надо, чтобы персонажи и их судьбы нас интересовали, поэтому они должны резонировать с нашими реальными переживаниями, а для этого создатель вымысла должен изобрести такие приманки, которые могли бы создать ситуацию погружения.³³ Шеффер рассматривает погружение и как средство, позволяющее создать вымысел, его роль состоит в том, чтобы заставить нас принять (до некоторой степени) положение, которое могло бы быть нашим, если бы мы в реальности оказались в подобной ситуации³⁴. О важности погружения в вымысел, равно как и о том, что неврологические исследования фикционального погружения доказывают отсутствие активации церебральных зон памяти, в отличие от того, что происходит в реальной действительности, когда активируются зоны, соответствующие семантической памяти, пишет и Ф. Лавока, приводя этот аргумент в защиту границ между вымыслом и реальностью. При контакте с вымыслом эмпатия не ведет ни к какому действию, даже если нам очень хочется его совершить³⁵. Художественное повествование, будучи описательным, не отсылает ни к каким реальным референциям, и сама постановка вопроса о достоверности ведет к отказу от эстетического удовольствия в пользу научных наблюдений³⁶.

Долежел определяет вымышленные миры как «маленькие», построенные при помощи текста, неполные с точки зрения логики, часто гетерогенные в их макроструктуре³⁷ и потенциально парадоксальные³⁸. О том, что парадокс является одной из базовых характеристик вымысла пишет и Лавока, при этом читатели, воспринимают его как имманентный для художественного текста, не замечая па-

---

³³ Schaeffer J.-M. Pourquoi la fiction? P. 186, 195.

³⁴ Ibid. P. 198.

³⁵ Lavocat F. Fait et Fiction. Pour une frontière. P. 167-169.

³⁶ Schaeffer J.-M. Ibid. P. 201.

³⁷ Doležel L. Heterocosmica. Fiction and Possible Worlds. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998. P. 15-16.

³⁸ Ibid. P. 160-168.

радоксальности многих ситуаций и положений³⁹. «Семантика возможных миров настаивает на том, что этот мир строится его автором, а роль читателя состоит в том, чтобы его реконструировать. Благодаря усилиям автора, текст предлагает серию инструкций для читателя, которым он следует при реконструкции этого мира»⁴⁰, – утверждает Долежел.

Автовымысел представляет собой особый маленький мир, построенный при помощи текста и лишь косвенно отсылающий нас к реальности (зачастую, чтобы понять эти референции надо хорошо знать жизнь автора), этот мир неполон с точки зрения логики, ибо в нем дается лишь отдельный фрагмент, тем более неполный при использовании субъективной точки зрения. При этом парадокс заключается именно в том, что при наличии отсылок к реальности, мы имеем дело с чистым поэзисом вместо мимесиса.

Популярность автобиографических произведений, по мнению Д. Виара, объясняют два феномена: с одной стороны, ограничения в том, что касается изображения «субъекта», были сняты, с другой – уход в себя в период, отмеченный разочарованием в больших коллективных проектах, благоприятствует развитию индивидуализма, которое отмечают современные социологи. Еще один фактор – интерес к рассказам о прошлом, ярко проявившийся с начала 1970-х годов⁴¹. Однако писатели, которые обращаются к изображению своей жизни, избегают традиционных приемов и изобретают новые жанры: autofiction (автовымысел, Серж Дубровски), automythobiographie (автомифобиография, Клод Луи-Комбер), autobiogr (автобиограф, Юбер Люко), otobiographies (афтобиографии) и circonfession (circonsision – обрезание + confession – исповедь, Жак Деррида), curriculum vitae (Мишель Бютор), prose de mémoire (проза памя-

---

³⁹ Lavocat F. *Fait et Fiction. Pour une frontière.* P. 413-442.

⁴⁰ Doležel L. *Heterocosmica. Fiction and Possible Worlds.* P. 21.

⁴¹ Viart D. *Versier B. La Littérature française au présent.* P.: Bordas, 2008. P. 27-28.

ти, Жак Рубо), nouvelle autobiographie (новая автобиография, Ален Роб-Грийе), égolittérature (эгоБиблиография, Филипп Форэ) или даже autobiographie de mon père (автобиография моего отца, Пьер Паше)⁴².

Победу в этом конкурсе неологизмов однозначно одержал термин autofiction – автовымысел, не только крайне востребованный в современной французской литературе, но и получивший теоретическое осмысление и ставший предметом изучения современного французского литературоведения.

Серж Дубровски (род. 1928), французский писатель и литературный критик, автор критических эссе и автобиографических романов, определил этим неологизмом жанр своего произведения «Сын» / «Нити» (1977, французское название романа «Fils» может иметь двойной смысл, что и обыгрывается автором). По словам автора, этот текст представляет собой «вымысел об абсолютно реальных событиях и фактах»⁴³. «Мой роман – это моя жизнь. И это верно в двух смыслах: моя жизнь является основой моего романа, мой роман является основой моей жизни», – утверждает Дубровски⁴⁴, продолживший развивать изобретенный им жанр в других своих произведениях.

Столь востребованный ныне термин, первоначально был встречен весьма недоброжелательно коллегами Дубровски, университетскими преподавателями, которые сочли предложенный неологизм бесполезным, нелепым и чудовищным. Однако, как показали прошедшие десятилетия, термин не только утвердился в литературоведении, но и предвосхитил те тенденции, которые разовьются в литературе рубежа веков.

В интервью журналу Télégama от 27/08/2014, взятом у писателя в связи с выходом его очередного автовымысла «Чудовище», Дубровски назвал себя писателем XX века,

---

⁴² Ibid. P. 29.

⁴³ Ibid. P. 30.

⁴⁴ Ibid. P. 31.

который дал следующему столетию название нового литературного жанра. «Я чрезвычайно удивлен, увидев, как само слово автовымысел и его практика оказались востребованными в начале XXI века во всех языках и странах», – признается писатель. «Автовымысел существовал до меня. Я лишь дал ему имя, и я счастлив, что нашел верное слово, которое пришло к культуре XXI столетия». Автовымысел, по Дубровски, это повествование, характеристики которого соответствуют характеристикам автобиографии, но который сочетает реальные факты с фикциональными элементами, производя комбинирование автобиографической стратегии и романного жанра.

С 1990-х годов проводятся регулярные конференции, материалы которых издаются в сборниках и монографиях. В 2007 г. в коллективном сборнике «Генезис и автовымысел», изданном по результатам одноименной конференции, был помещен обширный библиографический указатель книг, статей и диссертаций об автовымысле; в 2010 г. были изданы материалы представительной конференции, организованной университетом Лиона в 2008 г., в 2013 г. увидел свет сборник статей «Автовымысел: практика и теория»⁴⁵. Количество автовымыслов год от года растет, раскрывая все новые возможности жанра – Протея.

Итак, автовымысел – жанр литературы, определяемый «оксюморонным пактом», сочетающим два противоположных типа повествования: с одной стороны, это повествование, основанное, как и автобиография, на принципе трех совпадений: автор является рассказчиком и главным героем, а с другой, – на вымысле в повествовательной стратегии и паратексте (заглавие, жанр). Автовымысел, который называют также «личный роман», основан на скреплении рассказа о реальной жизни автора и фиктивного мо-

---

⁴⁵ Autofictions et Cie. Actes du colloque des 20 et 21 novembre 1992, n°6 de la revue RITM, Université Paris-X-Nanterre, 1993; Autofiction: pratiques et théories. Articles. Paris: Mon petit éditeur, 2013; Genèse et autofiction. Louvain-la-Neuve: Academia-Bruylant, 2007.

дуса повествования, когда возможно употребление третьего лица, имена собственные и названия мест могут быть изменены, события переставлены или модифицированы, и где большое место уделено подсознанию. Для Дубровски, это «вымысел о событиях и фактах из реальной действительности», когда фикциональность используется в качестве инструмента для поисков самоидентичности, в частности, через психоанализ. Клоэ Делом считает, что «автовымысел предполагает совершенно особенный пакт между автором и читателем. Автор берет на себя только одно обязательство: лгать читателю самым достоверным способом»⁴⁶, создавая «правдоподобную альтернативу реального мира», как в возможных мирах Т. Павела, приглашая читателя к «взаимному игровому притворству»⁴⁷.

Сам термин состоит из двух корней: *auto* (grec *autos*: «soi-même» «сам») и *fiction* – от латинского глагола « *fingere, fingo, is, fixi, fictum*», что означает: управлять, трогать ласкать, составлять, причесывать, завивать, моделировать, притворяться, придумывать, представлять себе, воображать. Эта множественность значений латинского глагола как нельзя лучше отражает специфику новоназванного (но не новосозданного!) жанра: автор управляет своей реальной судьбой, составляет из подлинных фактов вымышленное повествование, моделирует, придумывает, воображает. Проблема имитации и симуляции оказывается в центре размышлений Ж.-М. Шеффера, который видит в них большой когнитивный потенциал, значительно превосходящий обычную денотацию, ибо «миметическое моделирование (которое представляет факты в соответствии с более общими или необходимыми модальностями)»⁴⁸, позволяет при экономии средств дать большее количество информации,

---

⁴⁶ Delaume C. *La Règle du Je. Autofiction: un essai*. Paris : PUF, coll. «Tra-vaux pratiques», 2010. P. 55.

⁴⁷ Schaeffer J.-M. *Pourquoi la fiction?* P. 46.

⁴⁸ Ibid. P. 78-79.

дает представление о последствиях, не прибегая к опытному пути в реальной действительности.

Виртуальные миры, созданные при помощи моделирования, могут впоследствии быть использованы в реальной действительности, т.е. читатель имеет возможность использовать виртуально приобретенные знания в жизни, ибо через процесс погружения в новый «как будто бы настоящий» мир, читатель приобретает опыт того, кого он имитирует.⁴⁹ Как для автора, так и для читателя автовымысел «отвечает собственно позитивистским нуждам», – через игровое дистанцирование от конфликта он ведет к его разрешению, снятию⁵⁰. Именно поэтому многие писатели обращаются к самым проблемным, травмирующим эпизодам своей жизни, будь то темное прошлое отца и трудное детство (Модиано), семейные неурядицы (Эрно), школьные годы (Пеннак) и т.п. Как замечает А. Женон, «Автовымысел – не просто новый литературный жанр, но средство, которое личность нашла для самопознания, для того чтобы отказать от идеи однозначной истины и взять на себя ответственность за свои внутренние надрывы. Как писал Серж Дубровски в “Разбитой книге”: “Если пытаюсь вспомнить о себе, то я себя изобретаю. Автобиография нашего времени будет автовымыслом или не будет вовсе”...»⁵¹. Чтобы лучше понять специфику данного жанра, обратимся к классическому труду Ф. Лежена «Автобиографический пакт» (1975)⁵², где автор выделяет следующие параметры:

1. Язык:

А) повествование

Б) проза

2. Сюжет: личная жизнь, история личности

---

⁴⁹ Ibid. P. 53.

⁵⁰ Ibid. P. 55.

⁵¹ Autofiction: pratiques et théories. Articles. Paris, 2013. P. 11.

⁵² Lejeune Ph. Le pacte autobiographique. P: Seuil, 1975. P. 14.

3. Положение автора: идентичность автора (фамилия которого отсылает к реальному лицу) и рассказчика

4. Позиция рассказчика

А) идентичность рассказчика и главного героя

Б) ретроспективность рассказа

Если в автобиографии соблюдены все условия, то в других жанрах одно или несколько из них отсутствуют:

- мемуары: (2)

- биография: (4а)

- роман от первого лица: (3)

- автобиографическая поэма: (1б)

- дневник: (4б)

- автопортрет или эссе: (1а и 4б)

Как представлены эти параметры в автовымысле? Обязательными являются № 1А и 2: повествование о собственной жизни автора в ее экзистенциальном аспекте, что же касается всех остальных, то с ними писатели могут обращаться вполне вольно: несмотря на то, что чаще всего речь идет о прозаическом повествовании, поэзия не исключается (вспомним «Неоконченный роман» Л. Арагона или «Дуб и пес» Р. Кено). Если автор не всегда идентичен рассказчику, а рассказчик – герою (возможна не только внутренняя, наиболее востребованная, фокализация, но также и нулевая (например, «Любовник» Дюрас) и внешняя (например, в «Миниатюрных жизнях» Мишона), то он непременно идентичен герою, который может носить его имя (возможна как полная омонимия (например, «Ригодон» Селина), так и частичная («Путешествие на край ночи», где героя зовут Фердинан Бардаму). Он может быть назван иначе («99 франков» Бегбедера) или вовсе не назван («Миниатюрные жизни» Мишона). Как правило, повествование ретроспективно, но возможны скачки между прошлым и настоящим, ведущие к использованию «двой-

ного регистра», что связано с экзистенциальным характером автовымысла, со стремлением познать самого себя.

По определению Ф. Лежена, автовымысел представляет собой «довольно зыбкое пространство между автобиографией и романом». В своей работе «Автобиографический пакт», вышедшей за два года до рождения нового термина, Лежен предлагает таблицу⁵³, представляющую возможные отношения между романом и автобиографией, три ячейки которой остались незаполненными.

Имя героя Пакт	≠ имени автора	= 0	= имени автора
Романный	Роман	Роман	?
0	Роман	Не определен	Автобиография
Автобиографический	?	Автобиография	Автобиография

Как известно, Д.С. Менделеев оставил в своей таблице пустые клетки для тех элементов, которые еще не были известны, но которые могли появиться в последствии. Лежен поступил аналогично: пустые клетки занимает отныне жанр автовымысла, в котором имя автора может совпадать с именем героя и при этом жанр произведения определен как роман; имя героя может не совпадать с именем автора, но при этом автор опирается на факты своей биографии; и, наконец, имя героя и жанр могут быть не обозначены.

Позднее сам Лежен определил «Автовымысел» как довольно зыбкое пространство между романом и автобиографией. Крупнейший специалист по автовымыслу, автор многочисленных работ Жан Лекарм предлагает две трак-

---

⁵³ Ibid. P. 28.

товки этого жанра⁵⁴. Узкая трактовка основана на полной омонимии автора – героя – рассказчика; при этом вымышленность характеризует не само содержание, но его организацию, облечение в художественную форму. Широкая трактовка основана на скрытой или не явно выраженной омонимии, при которой этот термин охватывает как автобиографические по сути своей произведения, так и романы. Автовымысел, в котором большое место уделено подсознанию, основан на скрещении рассказа о реальной жизни автора и фиктивной повествовательной стратегии и паратексте (заглавие, жанр).

Основные критерии автофикционального пакта можно выделить на основании анализа наиболее показательных текстов французских писателей⁵⁵, начиная с Сидони Колетт, которую Дубровски считает одним из первых и ярких представителей автовымысла, и которая не только в «Рождении дня» (1928), но и в серии о Клодине (1920-1922) черпает в своей жизни материал для творчества. Уже в начале XX века такие признанные классиками авторы, как А. Жид, Ф. Селин, Ж. Жене, С. де Бовуар, Р. Гари, М. Дюрас, А. Роб-Грийе и др. в тех произведениях, которые впоследствии станут их визитной карточкой («Имморалист» (1902), «Путешествие на край ночи» (1936), «Дневник воира» (1949), «Воспоминания благовоспитанной девицы» (1958), «Обещание на рассвете» (1960), «Плотина против Тихого океана» (1950) и «Любовник» (1980), «Романески» (1985-1994)) создают свои возможные миры, ибо по словам А. Жида, правду о себе проще сказать в художественном, а

---

⁵⁴ Lecarme J. Origines et évolution de la notion d'autofiction // Le Roman français au tournant du XXIe siècle. P. 20-21; Lecarme J., Lecarme-Tabone E. L'Autobiographie. P: A. Colin, 1997. P. 275.

⁵⁵ Подробный анализ текстов был проведен нами в двух статьях: Алташина В.Д. «Трехстворчатое зеркало» современного французского романа: автовымысел, биовымысел, интермедialность // Искусство романа на рубеже XX-XXI столетий. 1990-2015. Волгоград, 2015. С. 74-95; а также AUTOFICTION в современной французской литературе: легио из эго // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 3. С. 12-22.

не в документальном тексте. Настоящий всплеск автовымысла приходится на последние десятилетия XX – начало XXI вв., когда этот жанр оказывается привлекательным для подавляющего большинства наиболее именитых французских писателей – лауреатов Нобелевской премии Ж.-М. Леклезю и П. Модриано, Ф. Соллерса, П. Мишона, Д. Пеннака, М. Уэльбека, Ф. Бегбедера, А. Эрно и др.

Итак, определим автовымысел, пользуясь схемой Ф. Лежена:

1. Язык:

А) повествование

Б) проза доминирует, но не является обязательной

2. Сюжет: личная жизнь, самопознание

3. Положение автора: идентичность автора (фамилия которого отсылает к реальному лицу) и героя, который при этом может носить другое имя или не иметь его вовсе.

4. Позиция рассказчика

A1 внутренняя фокализация – повествование от 1-го лица,

A2 нулевая фокализация – повествование от 3-го лица, от лица всезнающего повествователя

A3 внешняя фокализация – повествователь говорит меньше, чем знает отдельный персонаж, объективное повествование со взглядом извне (по терминологии Ж. Женетта).

Б) ретроспективность рассказа с возможными скачками во времени и несоблюдением хронологии, использование «двойного регистра».

Таким образом, автовымысел сочетает черты автобиографии (1, 2, частично 3 и 4) и романа – возможность другого имени или его отсутствие, несовпадение автора, рассказчика и героя, сложный хронологический рисунок, художественность повествования и неоднозначность паратекста. Если в реальности из бесконечного множества универ-

сумов может осуществиться лишь один, то автовымысел позволяет конструировать многие возможные миры, и писатель, в отличие от Бога, который был вынужден иметь достаточные основания для выбора лишь одного мира, способен реализовать все «бесконечное множество возможных универсумов»⁵⁶.

Библиография

Источники и документы:

1. Дюрас М. Боль. [Электронный ресурс]: <http://www.erlib.com/> Дата обращения 16/06/2014.
2. Дюрас М. Любовник. М.: Флюид, 2010. С. 5-110.
3. Дюрас М. Плотина против Тихого океана. М.: Амфора, 2000.
4. Колетт С.-Г. Рождение дня. [Электронный ресурс]: <http://www.litmir.net> Дата обращения 16/06/2014.
5. Лейбниц Г.-В. Монадология / Лейбниц Г.-В. Сочинения в четырех томах: Т. I. М.: Мысль, 1982. Электронный ресурс: <http://vzms.org/monada.htm> Дата обращения 23/03/2017.
6. Beigbeder F. 99 francs. Paris: Grasset, 2000.
7. Beigbeder F. Un roman français. Paris: Grasset, 2009.
8. Camus A. Le premier homme. Paris: Gallimard, 1994.
9. Céline L.-F. Voyage au bout de la nuit. Paris: Gallimard/Futuropolis, 1988.
10. Céline L.-F. Rigodon. Gallimard, NRF, Paris, 1969.
11. Duras M. Un barrage contre le Pacifique. Paris: Belin, 2011.
12. Duras M. L'Amant. Paris: Edition de Minuit, 1984.
13. Ernaux A. Les armoires vides. Paris: Gallimard, 1974.
14. Ernaux A. Passion simple. Paris: Gallimard, 1992.
15. Ernaux A. La Honte. Paris: Gallimard, 1997.
16. Ernaux A. «Je ne suis pas sorti de ma nuit». Paris: Gallimard, 1997.
17. Ernaux A. L'Événement. Paris: Gallimard, 2000.

---

⁵⁶ См. Лейбниц. Монадология. Т. I. М.: Мысль, 1982. с. 53. «А так как в идеях Бога есть бесконечное множество возможных универсумов, из которых осуществиться может лишь один, то необходимо достаточное основание для выбора, которое определяет Бог скорее к одному, чем к другому».

18. Ernaux A. Les Années. Paris: Gallimard, 2008.
19. Gary R. La Promesse de l'aube. Paris: Gallimard, 1980.
20. Genet J. Journal du voleur. Paris: Gallimard, 1982.
21. Gide A. L'Immoraliste. Paris: Gallimard, 1972.
22. Houellebecq M. Les particules élémentaires. Paris: Flammarion, 1998.
23. Le Clézio J.-M. G. Onitsha. Paris: Gallimard, 1991.
24. Michon P. Vies minuscules. Paris: Gallimard, 1984.
25. Modiano P. Les boulevards de ceinture // Французская повесть. 70-е годы. М.: Радуга, 1982. С. 123-210.
26. Modiano P. Un Pedigree. Paris : Gallimard, 2005.
27. Pennac D. Chagrin d'école. Paris : Gallimard, 2007.

Исследования:

28. Autofictions et Cie. Actes du colloque des 20 et 21 novembre 1992, n°6 de la revue RITM, Université Paris-X-Nanterre, 1993.
29. Autofiction : pratiques et théories. Articles. Paris : Mon petit éditeur, 2013.
30. Delaume C. La Règle du Je. Autofiction: un essai. Paris: PUF, 2010.
31. Doležel L. Extensional and Intensional Narrative Worlds // Poetics. 1979. No 8.
32. Doležel L. Heterocosmica. Fiction and Possible Worlds. Baltimore: Londres, Johns Hopkins University Press, 1998.
33. Eco U. Lector in fabula. La cooperazione interpretativa nei testi narrative. Milano, Bompiani, 1979.
34. Genèse et autofiction. Louvain-la-Neuve: Academia-Bruylant, 2007.
35. Kripke S. Semantical Analysis of Modal Logic (abstract) / The Journal of Symbolic Logic, 1959, Vol. 24. No 4.
36. Kripke S. Semantical Considerations on Modal Logic // Acta Philosophica Fennica, 1963.No 16. P. 83-94.
37. Lavocat F. Fait et Fiction. Pour une frontière. Paris: Seuil, 2016.
38. La Théorie littéraire des mondes possibles, sous la direction de Françoise Lavocat, Paris, Éditions du CNRS, 2010.
39. Lecarme J. Origines et évolution de la notion d'autofiction / Le Roman français au tournant du XXIe siècle. P. 13-24.
40. Lecarme J., Lecarme-Tabone E. L'Autobiographie. P.: A. Colin, 1997.
41. Lejeune Ph. Le pacte autobiographique. P.: Seuil, 1975.
42. Lewis D. Counterfactuals. Harvard University Press, Cambridge,

- MA, 1973.
43. Lewis D. Truth in Fiction // American Philosophical Quarterly. 1978. Vol. 5. No 1. P. 37-46.
  44. Lewis D. On the Plurality of Worlds. Oxford: Blackwell, 1986.
  45. Murzilli N. De l'usage des mondes possibles en théorie de la fiction // Klesis. Revue philosophique. 2012: 24. P. 326-351.
  46. Pavel Th. Possible Worlds in Litterary Semantics // Journal of Aesthetics an Art Criticism. 1975. Vol. 34. No 2. P. 165-176.
  47. Pavel Th. Fictional Worlds. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986.
  48. Pavel Th. Mondes possibles, normes et biens. [Электронный ресурс]
http://www.fabula.org/atelier.php?Mondes_possibles%2C_norme_s_et_biens. Дата обращения: 19/09/2016.
  49. Schaeffer J.-M. Pourquoi la fiction? Paris: Seuil, 1999.
  50. Viart D. Versier B. La Littérature française au présent. Paris: Bordas, 2008.
  51. Женетт Ж. Вымысел и слог / Фигуры: В 2 т. М.: издание Сабашниковых, 1998. Т. 2. С. 471- 536.

II. История и теория

Долгосрочные тенденции в развитии автобиографического письма в Нидер- ландах после 1500 года¹

Рудольф Деккер

В этой статье мне хотелось бы в первую очередь обозначить некоторые долгосрочные тенденции в развитии автобиографического письма в Нидерландах. По ходу я остановлюсь на нескольких методологических проблемах и попытаюсь ответить на ряд историографических вопросов — как современных, так и прошлых лет.

Но прежде всего, одно общее соображение о том, как должен подходить историк к изучению автобиографических сочинений прошлого. По большому счету, историку не следует ограничиваться его архивными материалами и книгами — о своем предмете он должен узнать на практике. В нашем случае это означает, что он и сам должен вести дневник (по крайней мере, некоторое время), а в какой-то момент — обязательно написать автобиографию. В ходе учебных курсов по этой теме я часто на первом же занятии даю студентам задание в течение недели вести дневник. По прошествии недели я выясняю у них, удастся ли им ежедневно делать записи, не пропускают ли они те или иные важные детали, разрешают ли кому-нибудь знакомиться с содержанием дневника и т.д. Часто такой опыт оказывается чрезвычайно поучительным: понимание реальных трудностей ведения дневника оказывается важным для каждого, кто пытается изучать, интерпре-

---

¹ Статья была впервые опубликована в журнале «Человек» (2016. №5. С. 69-83), в этом сборнике перевод дан в новой редакции.

тировать и использовать тексты такого рода, относящиеся к прошлому.

Может быть, еще более важный опыт дает попытка написать автобиографию. Хотя, конечно, нельзя требовать этого от студентов, которым едва минуло двадцать лет. Должен признаться, я и сам только недавно предпринял попытку приняться за нее. Это полезный эксперимент. Теперь я намного лучше представляю себе трудности, с которыми сталкивается автобиограф: что включить, что опустить, что скрыть, для какого читателя предназначается ваш текст на самом деле и так далее. И еще: насколько можно доверять собственной памяти? После такого упражнения начинаешь подходить к чужим автобиографиям с большей осторожностью, а порой и с большим уважением.

Должен здесь добавить, что, если автобиографию пишут историки, у них возникают еще одна проблема. Они выучены быть объективными и снабжать свои тексты сносками, они видят свою задачу в том, чтобы отделять правду от вымысла. Но ведь автобиография всегда субъективна и в ней обязательно есть элемент литературности. И искренность в ней не менее важна, чем просто достоверность фактов. Как заметил один из ведущих специалистов в этой области, Пол Джон Икин (Paul John Eakin), «правда автобиографии не есть нечто заданное раз и навсегда — это содержание, развертывающееся и развивающееся в процессе создания себя». Автобиография — это «способ открытия себя». Конечно же, историку сама мысль о какой-то «субъективной правде», в том числе и в автобиографии, представляется опасной ересью. Об этой стороне отношений историков с жанром автобиографии писал Джереми Попкин (Jeremy Popkin) в книге «История, историки и автобиография» («History, historians and autobiography», 2005), показывая, как эту проблему пытались решить некоторые наши коллеги².

---

² О последних тенденциях и достижениях в историографии эгодокументов см. Baggerman A., Dekker R., Mascuch M. Egodocuments and history. A short account of the longue durée // *The Historian*. 2016. Vol. 78. No 1. P. 11-56.

Здесь не место подробно говорить о моей собственной автобиографии, разве что за одним исключением. В автобиографии каждого историка есть глава о «моем пути к истории». Такое название, собственно, носит краткая автобиография голландского историка Йохана Хёйзинги. Я расскажу лишь о «моем пути к эгодокументам». В 1970-х годах я работал в Амстердамском университете над диссертацией о мятежах и восстаниях в Голландской республике. Главными моими источниками были, как обычно, архивные документы, в частности протоколы допросов мятежников и вынесенные им приговоры. Но когда я наткнулся на дневники очевидцев, передо мной зачастую оказывалась совершенно другая история. И я осознал значимость этих эгодокументов, ибо расхождения между официальной и неофициальной историей бросались в глаза. Я стал сомневаться, с одной стороны, в справедливости господствующего среди тогдашних голландских историков мнения о решающей роли архивных документов, с другой – в справедливости их настороженного отношения к личным текстам. Однако обнаружить личные тексты в архивах и библиотеках, как выяснилось, было очень непросто: не существовало никакой методики, позволявшей отыскать эти источники, спрятанные в семейных архивах или собраниях рукописей. Поэтому мой следующий проект состоял в том, чтобы с небольшой командой провести систематический поиск по всем голландским архивам и библиотекам. Результатом стал сводный каталог с краткими описаниями всех дневников, автобиографий, мемуаров и других подобных текстов с XVI по начало XIX века, которые мы сумели отыскать. За ним последовал опубликованный в Интернете аналогичный каталог, охвативший весь XIX век вплоть до 1914 года. В результате теперь в распоряжении голландских историков есть уникальная база данных, к тому же достаточно полная, особенно когда речь идет о раннем Новом времени, — за прошедшие с тех пор годы всплыло всего несколько десятков рукописей этого периода, не вошедших в каталог.

Эти проекты финансировались Национальным фондом научных исследований Нидерландов (NWO). Частью наших

старших коллег тогда, тридцать лет назад, против нашего проекта вызывались возражения: документы такого рода считались ненадежными, интересными лишь как сборники анекдотов и описаний местного колорита. К тому же коллеги предупреждали, что мой поиск будет тщетным: слишком трезвыми, практичными, рациональными людьми были голландцы, личных текстов они просто не писали и вели лишь бухгалтерские книги. К счастью, оппозиция была побеждена.

Здесь нужно что-то сказать о самом слове «эгодокумент» и его изобретателе Жаке Прессере. Жак Прессер был профессором Амстердамского университета и вышел в отставку в 1969 году — в том самом, в котором я стал его студентом. Он читал курс по предмету, который сам назвал «эгодокументы», — тексты, в которых автор пишет сам о себе: дневники, мемуары, автобиографии. Слово «эгодокумент» было для него просто полезным обобщающим термином. Он был одним из очень немногих в Нидерландах, кто отстаивал их ценность. Он одним из первых прочел дневник Анны Франк, написал о нем и в своем главном труде, посвященном истории голландских евреев во времена немецкой оккупации, широко используя в нем эгодокументы (наряду с интервью, и тем, что позже получило название «устной истории»). И хотя коллеги критиковали его за использование и защиту этого рода источников, слово «эгодокумент» вошло в широкое употребление и скоро его стали включать в словари нидерландского языка.

Более чем через тридцать лет, отношение историков к эгодокументам полностью изменилось, и не только в Нидерландах. Наш сводный каталог, изданный в начале 1990-х годов, убедительно показал, что голландцы писали документы личного характера куда чаще, чем считалось, и в последующие годы появилось много публикаций их текстов. Некоторые недавно обнаруженные эгодокументы времен голландского Золотого Века принесли их малоизвестным авторам, таким как Херман Вербеек (Hermanus Verbeeck) или Давид Бек (David Beck), заслуженную посмертную известность: их цитируют едва ли не в каждом новом исследовании об этом

периоде. И эта перемена в отношении была общим явлением. С 1970-х годов в нескольких странах историки Алан Макфарлейн (Alan Macfarlane), Натали Дэвис (Natalie Davis), Эммануэль Ле Руа Ладюри (Emmanuel Le Roy Ladurie), Джим Амеланг (Jim Amelang) и многие другие, публикуют важные исследования, основывающиеся на эгодокументах. Термин «эгодокумент» прижился в нескольких языках. Позже, где-то около 2000 года, понадобился даже еще более общий термин — life writing, охватывающий и биографические, и автобиографические сочинения. Очевидно, что потребность в новых понятиях приводит к созданию неологизмов. Это было столь же верно и по отношению ко времени около 1800 года, когда вошло в оборот слово «автобиография», хотя имя его изобретателя остается неизвестным. По моему мнению, практическое использование новых слов важнее, чем строгое определение их значений.

В Нидерландах эта перемена в отношении затронула и сферу истории литературы. По большому счету, еще лет тридцать назад автобиографии вообще не относили к литературе. Конечно, за некоторыми из подобных текстов признавали литературную ценность, особенно если дело касалось всемирно признанных лучших образцов европейского канона — от Руссо, Гёте, Шатобриана, Стендаля и Жорж Санд в начале XIX столетия до таких современных авторов, как Жан-Поль Сартр, но они воспринимались как исключения, и, что еще важнее, они были написаны авторами, которые еще раньше приобрели репутацию романистов. Однако в 1968 году Стивен Шапиро опубликовал статью, в которой призывал своих коллег — литературоведов и литературных критиков — обратиться к изучению того, что он назвал «темным континентом литературы». С тех пор многое изменилось. Сегодня автобиография — это вполне признанная область литературных исследований.

До недавнего времени голландские историки литературы практически полностью игнорировали автобиографические сочинения. Среди них, как и среди историков, существовала убежденность, что голландцы не интересовались или

даже были неспособны к интроспекции и самоанализу. Даже автобиографии двух самых известных голландских поэтов XVII столетия, Якоба Катса и Константина Гюйгенса, до недавнего времени едва привлекали внимание. И в новой многотомной истории голландской литературы лишь в самом последнем из вышедших томов нашлось место «темному континенту литературы».

Важнейшим пунктом встречи истории литературы, факта и вымысла является автобиографический роман. В голландской литературе этот гибридный жанр занимает столь же важное место, как и в любой другой. Именно к нему можно отнести два самых известных голландских романа XIX века. В первом, «Максе Хавелааре» Эдуарда Доувеса Деккера, изданном в 1860 году, автор описал собственный опыт жизни в голландской Ост-Индии, заменив географические названия многоточиями. Вторая книга — роман Луиса Купейруса «Элине Вере» о жизни высшего общества в Гааге времен *fin-de-siècle*, предположительно основанный на не сохранившемся сегодня дневнике его автора.³

Вероятно, для историка четко отделять вымысел от факта важнее, чем для литературоведа. В принципе, составляя наш каталог голландских эгодокументов, мы сознательно не включали в него тексты, претендующие на принадлежность к художественной литературе, не считаясь с их иногда очевидными автобиографическими элементами. Однако мы, историки, должны признать и обратное: каждой автобиографии присуща известная доля литературности.

Общие тенденции: несколько цифр

Сначала взглянем на цифры. За период 1500–1914 годов удалось отследить около 2500 эгодокументов (автобиографий, мемуаров, дневников). На графике, построенном моей коллегой Арианной Баггерман, ясно виден резкий подъем в последней четверти XVIII века. Он отмечается по всей Евро-

---

³ См. Couperus L. *Eline Vere*. Brooklyn: Archipelago Books, 2010; Dekker E.D. (Multatuli). *Max Havelaar or, The coffee sales of a Dutch Trading Company*. Harmondsworth: Penguin, 1987.

пе. Толчком к нему во многом послужило появление двух книг: «Исповеди» Жан-Жака Руссо (первый том вышел в 1782 г.) и «Тайного дневника» («Geheimes Tagebuch») немецкого министра Каспара Лафатера (1771 г.). Обе книги стали очень авторитетными в Нидерландах, и около 1800 г. породили резкий рост числа автобиографических сочинений. За первое десятилетие XIX века насчитывается столько же текстов, сколько за всё XVI столетие. С этого времени наблюдался устойчивый рост, так что на девятнадцатый век приходится в 10-15 раз больше эгодокументов, чем на шестнадцатый⁴.

Можно поближе рассмотреть и отдельные жанровые разновидности, как, например, воспоминания о детстве. В XVI-XVIII столетиях таких текстов вообще не существовало, а в XIX веке они становятся очень популярными. Можно сказать, что авторы автобиографий открыли для себя детство, следуя за Жан-Жаком Руссо, писавшем в «Исповеди», что дабы понять взрослого, нужно знать ребенка. Это было логическим следствием тех новых идей о детях и воспитании XVIII столетия, которые выдвинул, в первую очередь, сам Руссо в знаменитом романе воспитания «Эмиль». Детство и отрочество теперь стали рассматривать как период, определяющий дальнейшую жизнь человека. Раньше авторы автобиографий очень скупо говорили о первых годах своей жизни или обходили их вниманием вовсе, не желая попусту тратить время. После Руссо детские годы стали восприниматься как

---

⁴ О долгосрочных переменах на протяжении XIX века см.: Baggerman A. Lost time. Temporal discipline and historical awareness in nineteenth-century Dutch egodocuments // Controlling Time and Shaping the Self. Developments in Autobiographical Writing since the Sixteenth Century. Leiden: Brill, 2011. Series Egodocuments and History 3, P. 455-541. График приводится в Baggerman A. Travellers in time. Nineteenth-century autobiographers and their fight against forgetting / Les écrits du for privé en Europe (du Moyen Age à l'époque contemporaine). Enquêtes, analyses, publications. Bordeaux: Preses Universitaires de Bordeaux, 2010. P. 65-81. Новейший обзор материалов с XVI в. по начало XIX в. см. в Baggerman A., Dekker R. Autobiografisch schrijven in Nederland: ontwikkelingen van de zestiende tot in de negentiende eeuw // Egodocumenten van Nederlanders uit de zestiende eeuw tot begin negentiende eeuw. Amsterdam: Panchaud, 2016. P. 7-25.

важнейший этап, к которому следует подходить со всей серьезностью. После приблизительно 1800 года автобиографы начинают рассматривать свою жизнь как процесс роста, личностного развития и в своих сочинениях историзировать собственную жизнь. И если посмотреть шире, это изменение совпадает по времени с трансформацией историографии из хроники в историю развития, в которой прошлое стало принципиально отличным от настоящего, но породившим его. Размышления об этом изменении в «историческом сознании», имевшем место на рубеже XVIII–XIX веков историка Райнхарта Козеллека, таким образом, вполне применимы к осознанию человеком прожитой им жизни. Так часто цитируемые слова «прошлое — это другая страна», можно уточнить: прошлое человека также стало другой страной.

Этот новый взгляд на самого себя является одним из элементов [цивилизационного] разрыва и рывка вперед, произошедшего на рубеже столетий. Он объясняет, почему все больше и больше людей стали писать о своей жизни, чтобы лучше ее понять. Но почему в XIX столетии автобиографии — и реже дневники — все больше и больше издаются? На этот вопрос мы с Арианной Баггерман попытались ответить, взглянув на роль издателей и новую фигуру профессионального литератора.

Рост интереса к мемуарной литературе и ее производству уже в начале XIX века наблюдается во всей Европе. Большинство этих мемуаров было написано военными, дипломатами и другими людьми, активно вовлеченными в общественную жизнь. Эти книги обычно были не слишком личными и аналитичными. Пример — опубликованные в 1714 году «Мемуары маршала де Граммона», как и множество других французских книг ставшие бестселлером. Некоторые из этих мемуаров были написаны «литературными неграми», другие были полностью фиктивными, как, например, мемуары французского дворянина д'Артаньяна, изданные в 1700 г. во Франции (а четыре года спустя — также и в Гааге), по которым Александр Дюма написал роман «Три мушкетера» (1844 г.). Д'Артаньян и остальные «три мушкетера»

ра» сегодня остаются популярными персонажами книг, спектаклей и фильмов.

Издатели в Нидерландах и других странах поняли потенциал, заключающийся в продаже книг этого жанра. Что интересно, публикация книги, которая революционным образом изменила этот жанр, тоже была инициативой голландского издателя.

Марк-Мишель Рей из Амстердама был постоянным издателем книг Руссо и с 1762 г. он в своих письмах убеждал философа написать мемуары. Совершенно очевидно, что издатель рассчитывал получить бестселлер. И Руссо действительно начал работу над книгой, но потребовал отложить публикацию до своей смерти. К моменту смерти Руссо успел умереть и Рей, но о рукописи прослышали несколько других издателей, и начали борьбу за права на публикацию. Когда книга вышла, она получила мгновенный успех: за первым тиражом в 14000 экземпляров немедленно последовали шесть или семь пиратских изданий. Два года спустя один из амстердамских издателей выпустил легальное издание, скорее всего, в первую очередь рассчитанное на голландский рынок, поскольку французский язык был здесь языком культурной элиты. О книге много писали в голландской прессе, а из сохранившихся дневников и писем мы знаем, что она была предметом постоянного обсуждения в обществе и что она вдохновила голландцев на написание дневников и автобиографий. «Исповедь» Руссо открыла издателям во всей Европе глаза на коммерческие возможности публикации автобиографий известных людей. Повсюду в Европе автобиографий стало печататься все больше и больше. В Голландии многие переводились с других языков, например, автобиографии Бенджамина Франклина, Сильвио Пеллико, а также некоторых сегодня забытых авторов, вроде немцев Иогана Землера, Арнольда Геерена, Генриха Жокке или Игнация Фесслера. Издатели также побуждали писать автобиографии голландских литераторов, часто после пробной публикации с продолжениями в каком-нибудь журнале. На рынок выплеснулось целый поток сочинений, авторами которых чаще всего

были забытые писатели, журналисты или актеры, которые хотели в конце карьеры извлечь дивиденды из своей славы. Последовать их примеру неоднократно убеждали и самого успешного голландского писателя XIX столетия Эдуарда Дувеса Деккера, который уже был упомянут выше. Деккер сначала хотел взяться за перо, однако, в конце концов передумал, главным образом, потому, что был первым голландским автором, пострадавшим из-за своей известности⁵.

Рост числа опубликованных автобиографий, рост интереса читающей публики к личной жизни писателей, актеров, политических деятелей, военных и т.п. и рост коммерческой ценности текстов автобиографий, написанных знаменитостью (или за нее «литературным негром»), — все это превратилось в самодвижущийся механизм и в наше время является знакомым всему миру явлением. Дальнейшее исследование в этом направлении должно включать анализ издательской политики, феномена «литературных негров» и рекламы.

Авторы

Кто был авторами всех этих эгодокументов? К каким социальным группам они принадлежали? Появление дневника и автобиографии как литературного жанра обычно связывают с подъемом буржуазии в эпоху Ренессанса. Согласно Якобу Буркхардту и его знаменитой книге «Культура Ренессанса в Италии» [«Die Kultur der Renaissance in Italien»] (1860 г.), автобиографические сочинения были проявлением растущего индивидуализма. Он считал, что в Средние века индивидуальность сковывалась родственными отношениями, феодальными установлениями и церковью, а в Италии XV столетия эти путы ослабли или вовсе исчезли. В подтверждение своей мысли Буркхардт ссылается на примеры скульптора Бенвенуто Челлини и врача Джироламо Кардано, чьи автобиографии, безусловно, являются свидетельствами уникальных личностей. Челлини начинает свою автобиографию сло-

---

⁵ О влиянии Руссо см. Baggerman A., Dekker R. Jean-Jacques Rousseau en zijn «Confessions» in Nederland in de negentiende eeuw // De Negentiende Eeuw. 2013. Vol. 37. No 1. P. 36-57.

вами: «Все люди всяческого рода, которые сделали что-либо доблестное или похожее на доблесть, должны бы... своею собственною рукою описать свою жизнь»⁶. Автобиографии Челлини и Кардано были изданы только спустя одно-два столетия после смерти их авторов. Более непосредственным образом на развитие автобиографического письма повлияли «Опыты» Мишеля Монтеня, происходившего из купеческого рода. Монтень — один из отцов-основателей литературы самоанализа и его «Опыты», впервые изданные в 1580 г., послужили источником вдохновения и для многих авторов в Нидерландах. Человек, два столетия спустя создавший современный тип автобиографии, Жан-Жак Руссо, также открыто преподносил себя в качестве буржуа.

Подтверждают ли голландские эгодокументы такое представление о них как о жанре средних классов? Старейший дошедший до нас эгодокумент в Нидерландах — краткая автобиография Эразма⁷. Эразм был человеком скромного происхождения, гуманистом и принадлежал той же самой группе, что и итальянский врач Кардано. Несколько ранних голландских эгодокументов были написаны учеными, по своему происхождению относившимися, как и Эразм, к (нижнему) среднему классу.

Голландская республика была образцом буржуазного государства. Страной управляла недворянская элита городских регентов, власть реформатской церкви была ограничена, а феодальные узы почти полностью исчезли. Однако двор штатгальтеров, принцев Оранских, был важным центром производства эгодокументов. В Голландской республике, как и в других странах, дворы принцев и монархов были административными и культурными центрами. Здесь писали мемуары и вели дневники еще с XVI века. Нередко первыми это начинали делать правящие принцы и короли. Например, в

---

⁶ Цитата дается в переводе М. Лозинского.

⁷ Имеется в виду «Compendium vitae» Эразма Роттердамского — жизнеописание философа, содержащееся в письме его близкому другу от 1524 года — примеч. перев.

Голландской республике штатгальтер провинции Фрисланд принц Вильгельм Фредерик Нассау вел в середине XVII столетия подробный дневник, опубликованный только недавно. Этот дневник позволяет гораздо лучше понять не только повседневную работу правительства, но и повседневную жизнь и сокровенные мысли самого автора, часто высказывавшегося с удивительной откровенностью. Немало эгодокументов того или иного рода оставили и другие члены Оранского дома.

Интересно, что штатгальтер принц Вильгельм V в 1782 одним из первых познакомился с «Исповедью» Руссо — он прочел книгу почти сразу после выхода из печати. Мы знаем об этом из записи в дневнике одного из его придворных, барона Гийсберга-Яна ван Харденброека. В разговоре со штатгальтером он прямо спросил, прочел ли тот «Исповедь» Руссо. Принц ответил утвердительно. Барон высказал предположение, что «некоторые моменты в “Исповеди” Руссо прямо напоминают чувства и обстоятельства принца». Удивительно, но принц Вильгельм согласился с этим весьма провокационным замечанием. Влияние Руссо прослеживается и в мемуарах жены Вильгельма принцессы Вильгельмины Прусской⁸.

Самый важный голландский дневник XVII века также создавался при дворе принцев Оранских. Это дневник, который вел Константин Гюйгенс Младший, секретарь штатгальтера-короля Вильгельма III. Гюйгенс постоянно был рядом с принцем Вильгельмом и сопровождал его в Лондон во время Славной Революции 1688 г., когда Вильгельм был коронован королем Англии. И в Голландии, и в Лондоне Гюйгенс находился в центре всех событий при дворе. Его дневник имел частный характер и был полон придворных сплетен. Он служил ему чем-то вроде записей для памяти, поскольку на его

---

⁸ О роли дворянства см. Baggerman A., Dekker R. Selbstzeugnisse, eine Literaturgattung des Adels? // Adelige über sich selbst. Selbstzeugnisse in nordwestdeutschen und niederländischen Adelsarchiven. Münster: LWL-Archivamt für Westfalen, 2015. Westfälische Quellen und Archivpublikationen 29. P. 11-21.

страницах Гюйгенс изо дня в день анализировал отношения между придворными и королем. Дневник можно представить как запись астрономических наблюдений с королем Вильгельмом в виде солнца в центре и придворных вращающихся вокруг него на разных орбитах. Дневник Гюйгенса насчитывает больше 2 000 страниц, и записи в нем делались ежедневно с регулярностью часов. Таким образом, этот дневник отражает также появление нашего современного ощущения времени как постоянного движущегося линейного потока. В обоих этих свойствах дневника Константина Гюйгенса обнаруживается связь с научной работой его брата Христиана Гюйгенса, знаменитого ученого, изобретателя маятниковых часов и первого, кто обнаружил кольцо вокруг Сатурна. Дневники придворных вроде Гюйгенса чаще всего были для их авторов своего рода компасом, помогавшим им прокладывать путь в беспокойном микрокосме княжеских и королевских дворов. Наиболее известный пример такого рода — мемуары близкого современника Гюйгенса, французского аристократа герцога де Сен-Симона. Эти мемуары — один из важнейших источников сведений о жизни двора Людовика XIV. Их широко использовали Норберт Элиас и Эммануэль Ле Руа Ладюри в своих исследованиях придворной культуры⁹.

Если вернуться к общей картине, то доля авторов, принадлежащих к среднему классу, росла, особенно с начала XIX века. Резко выросло и число эгодокументов, написанных по-голландски. В предыдущие столетия среди ученых и представителей высшего сословия было принято писать на латыни или на французском: латынь была международным языком ученых, французский — разговорным языком элиты. Одна голландка, Магдалена ван Шинне, которая около 1800 г. вела свой дневник на французском, была недавно даже включена

---

⁹ См. Family, culture and society in the diary of Constantijn Huygens Jr., secretary to Stadholder-King William of Orange. Leiden: Brill, 2013. Series Egodocuments and History 5; The diary of Constantijn Huygens Jr., secretary to stadholder-king William of Orange. Amsterdam: Panchaud, 2016.

Филиппом Лежёном в его исследовании в число самых важных французских авторов дневников. Расширение использования голландского языка в эгодокументах после 1800 года отражает рост числа авторов из среднего класса, писавших на голландском.

А каков был вклад низших классов? Понятно, что до XVIII столетия он был весьма скромнен. Хотя уровень грамотности в Нидерландах был относительно высок, лишь немногие дошедшие до нас эгодокументы принадлежат чернорабочим, матросам или крестьянам. В XIX столетии число таких документов росло медленно. Особенно часто писали их люди, сумевшие добиться в жизни успеха и на склоне лет вспоминая о проведенных в бедности молодых годах. В конце XIX столетия, например, пользовалась популярностью книга Ниил Дофф, вспоминая о своей юности в Амстердаме, когда ей, чтобы выжить, приходилось заниматься проституцией. Однако более многочисленными сочинения авторов из низших классов стали лишь в XX веке.

В Нидерландах мало кто из чернорабочих или фабричных работников писал автобиографии — не то, что в Англии, где они часто вдохновлялись социалистическими идеями. Однако существовала очень специфическая категория эгодокументов авторами самого простого происхождения и, как это ни удивительно, женщинами. Это были религиозные автобиографии, написанные ортодоксальными реформатскими авторами, описывающие опыт их обращения в «истинную» веру, то есть христианство пиетистского толка. Обычно их авторы принадлежали к мелким крестьянским или рыбацким общинам и их брошюры обычно печатались небольшим тиражом местными типографами или книжными лавками. Начиная с XVIII века количество таких маргинальных публикаций постоянно росло. Некоторые из этих религиозных автобиографий приобретали исключительную популярность и переиздавались по двадцать и более раз. При этом их печатали, продавали и читали только в самих этих общинах. Университетские и другие государственные библиотеки таких брошюр не покупали. Во многих случаях первые издания не

сохранились. Хотя подобные автобиографии носят, в основном, чисто религиозный характер, авторы обычно кое-что сообщают и о своей частной жизни. Сегодня эти книжечки можно порой недорого приобрести у букинистов, и я пытаюсь по возможности собирать их. Среди них попадаются раритеты, которых не найти ни в одной государственной библиотеке Нидерландов. Примечательно, что среди их авторов женщины встречаются гораздо чаще, чем среди авторов других автобиографических поджанров. Если в целом среди авторов эгодокументов, написанных до начала XIX столетия, женщин меньше 10%, то в данном поджанре их примерно половина. Безусловно, это что-то говорит о положении женщин в этих ортодоксальных религиозных группах, находившихся вне официальной голландской реформатской церкви. В этих изолированных общинах, сегодня насчитывающих примерно 300 000 членов, такого рода автобиографическая традиция сохранилась до сих пор и в Нидерландах все еще издаются истории религиозного обращения за счет их авторов.

На этих примерах я попытался показать, что социальное происхождение авторов эгодокументов варьировалось в широких пределах — от высших слоев общества до самых низших классов, и что в XIX столетии этот диапазон еще расширился.

Мотивы, стимулы и интерпретации: дневники 1940-1945 годов

Последнее, на чем я хотел бы остановиться, — дневники, которые велись во время Второй Мировой войны и германской оккупации. Один из таких дневников — возможно, самый известный в мире, — дневник Анны Франк. Он переведен почти на все языки мира и занимает почетное место среди десяти бестселлеров всех времен. Но это — лишь один из множества дневников, которые велись в те годы. Замечено, что в драматических обстоятельствах люди чаще склонны вести дневники. На протяжении всей истории Нидерландов во времена потрясений всегда появлялось больше дневников — а впоследствии и мемуаров, — написанных очевидцами. Это же характерно и для других стран. Период оккупации также

породил после 1945 года появление потока мемуаров, не прекратившегося и в наши дни.

В случае Анны Франк дополнительным стимулом был переданный в радиообращении из Лондона призыв Правительства Нидерландов в изгнании ко всем голландцам вести дневники и документировать все происходившее в это страшное время. У Анны Франк был и более личный мотив — желание стать писательницей. В ее дневнике отражается стилистика, характерная для девочек, читавших в 1920-е и 1930-е годы определенного рода книги, в которой часто встречались упоминания дневников. Возможно, ни один другой дневник не исследовался так скрупулезно, как ее, включая стадии его написания и моменты редактирования текста отцом Анны перед публикацией.

После войны в Нидерландах был основан специальный институт для сбора и изучения материалов об оккупации. Его нынешнее название — Институт войны, холокоста и изучения геноцида. Институт систематически собирал дневники военных лет, и сегодня в его коллекции несколько сотен документов.

Большой массив дневников военных лет позволяет проводить скорее количественные исследования, чем углубленный анализ единичных текстов. Однако, поскольку дневники (как и любые эгодокументы) носят глубокий личный отпечаток и непохожи друг от друга, такие исследования наталкиваются на свои специфические проблемы.

Это обстоятельство наглядно иллюстрируется недавним исследованием, результаты которого были опубликованы в 2012 году. Историк Барт ван дер Боом проанализировал 164 дневника военных лет, чтобы определить, знал ли средний голландец, что происходило с евреями после депортации в Восточную Европу. Не обнаружив в дневниках упоминаний о газовых камерах, он утверждал на этом основании, что голландцы не имели представления об «окончательном решении еврейского вопроса». Общественность в Нидерландах восприняла заключение историка с облегчением: оно смягчало чувство коллективной вины за этот черный эпизод в ис-

тории страны. Книга сразу же получила самую престижную в стране премию за лучшее историческое исследование.

Но ведь очевидно, что заключение автора, основанное на «нулевой информации», вводит в заблуждение. Дневник вообще, и уж, конечно, дневник военного времени нельзя рассматривать как простую запись мыслей его автора, как полное и прозрачное отражение рассудка человека. Историк должен прочитывать такой дневник не как объективный источник, из которого можно извлекать подлинные факты – не говоря уже о возможности извлекать из него «доказательства, выводимые из умалчивания». Чтение дневников военных лет наглядно показывает, насколько путанными и внутренне противоречивыми могут быть такие тексты и как они могут вводить читателя в заблуждение. Во многих дневниках та или иная информация бывает сознательно опущена, а иногда авторы прямо замечают, что писать обо всем, что знаешь, слишком опасно. Некоторые дневники сохранились с вырванными страницами и стертymi или затушеванными фрагментами. Многие велись не для того, не для того, чтобы поделиться своими страхами или задокументировать тревожную правду, но, напротив, с целью рассеять страхи, снять внутреннее напряжение. Описание своих худших страхов только делает их еще сильнее, а вот написать о надеждах – значит сделать их более реальными. Внимательное прочтение многих из этих текстов, не упускающее из виду их субъективный характер, приводит к заключению, очень отличному от того, что вынес Ван ден Боом. Оно также приводит и к совершенно иной интерпретации имеющихся в этих дневниках умолчаний¹⁰.

В заключении позвольте мне снова сослаться на личный опыт, связанный с эгодокументами. Около года назад я смотрел новый телевизионный документальный фильм о

---

¹⁰ Об этом см. Baggerman A., Dekker R., Mascuch M. Egodocuments and history. A short account of the *longue durée* // *The Historian*. 2016. Vol. 78. No 1. P. 40-42; Morina Ch. The bystander in recent Dutch historiography // *German History*. 2014. Vol. 32. No 1. P. 101-111.

Нидерландах послевоенных лет, куда вошли недавно обнаруженные киноматериалы: фильм начинался кадрами о вступлении канадских войск в Амстердам в мае 1945 г. Люди приветственно размахивали руками, поднимались на танки и так далее. Внезапно камера выделила крупным планом из центра толпы знакомое мне лицо: это была моя мать. Потом моя дочь напомнила мне, что все эти годы мама вела дневник и он до сих пор хранится на антресолях. Она нашла его, отыскала дату – и, к нашему удивлению, действительно оказалось, что моя мать в тот же самый день написала, как она вскочила сзади на канадскую военную машину, проехала на ней через весь город, и что ее фотографировали больше двадцати раз. Теперь этот снимок стал чуть ли не иконой: я видел его в натуральную величину и в Амстердамском историческом музее, и в Амстердамском музее Сопротивления. Однако здесь есть загадка. В рукописи дневника в самой середине записи есть пятно. Тут же рядом объясняется, откуда оно взялось: «Пятно от капли, упавшей с цветка ириса в моих волосах, который я ношу, потому что не хочу носить ничего оранжевого»¹¹. Я хорошо понимал это, поскольку моя мать была противницей монархии. Однако в фильме в ее волосах оранжевый цветок. А оранжевых ирисов не бывает – не был ли черно-белый снимок впоследствии раскрашен? Сегодня этого уже не узнать, однако мою мать, вопреки ее воле, превратили в оранжистку¹².

Это только мелкая деталь, но она показывает, что эго-документы могут дать нам новую и совершенно неожиданную информацию. Они могут дать ответ на многие вопросы, но и сами могут поставить новые.

Перевод Л.А. Резниченко

---

¹¹ Оранжевый цвет – цвет, ассоциирующийся с домом Оранских («Оранжевых»), правящим домом Нидерландов. (Примеч. перев.)

¹² См. вебсайт Амстердамского музея. [Электронный ресурс]. <http://hart.amsterdammuseum.nl/nl/page/54813/mijn-oma-en-de-bevrijding>.

Библиография

1. Baggerman A., Dekker R. Autobiografisch schrijven in Nederland: ontwikkelingen van de zestiende tot in de negentiende eeuw // Ego-documenten van Nederlanders uit de zestiende eeuw tot begin negentiende eeuw. Amsterdam: Panchaud, 2016. P. 7-25.
2. Baggerman A., Dekker R., Mascuch M. Egodocuments and history. A short account of the longue durée // *The Historian*. 2016. Vol. 78. No 1. P. 11-56.
3. Baggerman A., Dekker R. Jean-Jacques Rousseau en zijn «Confessions» in Nederland in de negentiende eeuw // *De Negentiende Eeuw*. 2013. Vol. 37. No 1. P. 36-57.
4. Baggerman A. Lost time. Temporal discipline and historical awareness in nineteenth-century Dutch egodocuments // *Controlling Time and Shaping the Self. Developments in Autobiographical Writing since the Sixteenth Century*. Leiden: Brill, 2011. Series Egodocuments and History 3. P. 455-541.
5. Baggerman A., Dekker R. Selbstzeugnisse, eine Literaturgattung des Adels? // *Adelige über sich selbst. Selbstzeugnisse in nord-westdeutschen und niederländischen Adelsarchiven*. Münster: LWL-Archivamt für Westfalen, 2015. Westfälische Quellen und Archivpublikationen 29. P. 11-21.
6. Baggerman A. Travellers in time. Nineteenth-century autobiographers and their fight against forgetting // *Les écrits du for privé en Europe (du Moyen Age à l'époque contemporaine)*. Enquêtes, analyses, publications. Bordeaux: Preses Universitaires de Bordeaux, 2010. P. 65-81.
7. Couperus L. Eline Vere. Brooklyn: Archipelago Books, 2010.
8. Dekker E. D. (Multatuli). Max Havelaar or, The coffee sales of a Dutch Trading Company. Harmondsworth: Penguin, 1987.
9. Family, culture and society in the diary of Constantijn Huygens jr., secretary to Stadholder-King William of Orange. Leiden: Brill, 2013. Series Egodocuments and History 5.
10. Morina Ch. The bystander in recent Dutch historiography // *German History* 32 (2014), P. 101-111.

11. The diary of Constantijn Huygens Jr., secretary to stadholder-king William of Orange. Amsterdam: Panchaud, 2016.
12. [Электронный ресурс]. <http://hart.amsterdammuseum.nl/nl/page/54813/mijn-oma-en-de-bevrijding>.

Лексикон социального пространства в сочинениях личного характера¹³

Франсуа-Жозеф Ружью

К 1980-м годам во Франции ослабевает господствовавшая с 1950-х социально-экономическая история, отмеченная фигурой Эрнеста Камиля Лабруса и его учеников, в центре их внимания были социальные группы, определяемые через совокупность социоэкономических характеристик; и возникает новый подход к анализу общества Старого порядка. Историки XVI в., XVII в. и XVIII в. мало занимались социальной историей провинции, города, сельской местности или сеньории. Эта история изучает способы конструирования и взаимодействия разных социальных групп в контексте социальной борьбы. Ее цель – приблизиться к истории социальных акторов, их положению в социальном пространстве и к тому, как они использовали в нем различные возможности. Процесс перехода был долгим: от изучения связей индивида и группы, как например, в просопографии или коллективной биографии; к анализу сетей (*réseaux*) или же лонгитюдным исследованиям семей, которые были лучше изучены во Франции, господствовавшей некоторое время исторической демографией, чем итальянской микроисторией. Но практиковавшаяся во Франции

---

¹³ Здесь и далее «*écrits personnels*» переведены как «сочинения личного характера». См. в частности статьи Ю.П. Зарецкого История субъективности и история автобиографии: Важные обновления // Неприкосновенный запас. 2012. Т. 83. № 3. С. 218-232; а также Свидетельства о себе «маленьких» людей: новые исследования французских историков // *Cogito*. Альманах истории идей. Вып. 5. Ростов н/Д: НМЦ Логос, 2011. С. 54-68. – Прим. перев.

социальная история совершенно не пыталась обнаружить нормативное социальное поведение и оценить индивидуальные или семейные траектории по отношению к ним. Она устанавливала значение социальных различий (*écarts*), диапазон и разнообразие которых делают условной социальную динамику, традиционно приписываемую Франции Старого порядка, и позволяют переосмыслить трудности, на которые обычно указывают, например, при попытках описывать социальный контекст французской Революции¹⁴. Рост интереса к индивидам и группам, которые не входили в ядро социальной организации общества Старого порядка, в частности к женщинам, позволило французской историографии использовать широко распространенные в мировом научном сообществе подходы гендерной истории. В середине 2010 годов оказалось, однако, что поворота к истории акторов, основанной на анализе способности индивидов к действию с опорой на картографию социальных возможностей, в полной мере не произошло. Многие недавние работы, часто доработанные диссертации, напротив, возвращаются к безусловно надежной рамке социальной группы, вписанной в географически ограниченное сообщество, даже если их авторы знакомы с различными мировыми тенденциями в современных исследованиях, такими как история гендера или пространственный поворот. Социальные практики, индивидуальные и семейные траектории, социальная и групповая идентичность – эти темы представляются второстепенными. Социология науки и ее инструменты позволяют без труда оценить академические процессы, которые привели к этой ситуации.

Одновременно с этими изменениями, в конце 1990 годов французские историки Старого порядка внесли ощутимый вклад в изучение сочинений личного характера. Мы предлагаем в этой категории объединить следующие тексты: записные и учетные книги, путевые и личные дневни-

---

¹⁴ См. примеры такого подхода см. в работах M. Marraud, J. Hébrard, R.J. Scott.

ки, автобиографии, письма, мемуары, а также городские хроники, которые велись в различных жанрах¹⁵. Помимо их реальных различий особенность этих текстов устанавливается по отношению к другим формам письменной продукции, в частности, связанной с политической, религиозной, административной властью, какой бы она не была. Гибридность большинства текстов, объединенных термином *сочинения личного характера*, оправдывает такой подход. В действительности авторы смешивали разные жанры, которые исследователи стремятся разделить в процессе издания. Например, смешение счетов и записей семейных событий отличает учетные книги (*livres de raison*); или элементы национальной или местной хроники вставляются в литании рождений и поминовений; а иногда личное размышление прорывает с относительной монотонностью повседневных дневниковых записей. В 2000-х годах, число документов, изданных и откомментированных существенно выросло, тем самым увеличился корпус доступных текстов, унаследованных от XIX века и расширенный во второй половине XX века. Пристальное внимание к рукописям, хранящимся в публичных и частных архивах способствовало появлению первых диссертаций, в центре внимания которых был либо писавший человек, либо тексты объединялись в серию для последующего анализа¹⁶. Наконец, целая группа работ позволила лучше понять движущие силы, которые способствовали появлению этих текстов, в частности, рост грамотности в обществе¹⁷. Однако, связь между исто-

---

¹⁵ См. J.-P. Bardet, F.-J. Ruggiu. *Les écrits du for privé en France de la fin du Moyen Age à 1914*. Paris: CTHS, 2014. Сошлемся также на сайт: www.ecritsduforprive.huma-num.fr, администратор Elisabeth Arnoul.

¹⁶ Из недавних примеров такого метода работы см. N. Hanafi, *Le frisson et le baume*. 2015; E. Berthiaud, *Attendre un enfant*. 2011; M. Chollet, *L'accès à la culture des Lumières des femmes de la noblesse*. 2014.

¹⁷ Об этом см. S. Mouysset, *Papiers de famille*, 2007; A. Bérroujon, I. Luciani, *Les écrits du for privé*, 2014; M. Cassan, Ch. Nougaret, *Une typologie des écrits du for privé*, 2014; A.Castillo Gómez, *Culturas del Escrito*, 2015.

рией акторов и историей личных письменных свидетельств еще не принесала во Франции ожидаемых результатов.

Недавняя книга Эммы Гриффин *Liberty's Dawn* о Великобритании эпохи «промышленной революции» как раз обнаруживает такую связь. Исходя из того, что на рубеже XVIII-XIX вв. растет число обычных людей, которые берутся писать мемуары или автобиографии, – тексты либо опубликованы, либо сохранились в архиве, – историк решила использовать этот корпус во все еще актуальных среди специалистов спорах о самом существовании «промышленной революции», а также ее возможного влияния на рабочие классы. Опровергая критиков, не признающих автобиографические источники в качестве значимого исторического документа, Эмма Гриффин выступает против историков-традиционалистов, которые оценивают длину рабочего дня или размер заработной платы, не «прислушиваясь или не придавая значение рассказам, которые оставили о себе рабочие...»¹⁸. В соответствие с этой точкой зрения, разделяемой и другими историками¹⁹, мы убеждены, что сочинения личного характера позволяют узнать настоящую историю «снизу» (*from below*). Важно понимать, что это не только история низших социальных классов, о которых обычно забывали, пока Эдвард П. Томпсон не употребил этот термин. Речь идет прежде всего об истории опыта и практик социальных акторов, наряду с общей социальной организацией, каким бы ни было их место в социальных иерархиях. В этом смысле сочинения личного характера являются не только хранилищем социальных фактов, но могут стать основанием для новой истории социального пространства Нового времени, в то время как старая историография опиралась на институциональные и нормативные источники.

---

¹⁸ E. Griffin, *Liberty's Dawn*, L., Yale University Press, 2013. P. 16.

¹⁹ См., например, T. Tackett, *Par la volonté du peuple*. 1997, P. 16. Автор систематически изучает то, что пишут депутаты в своих дневниках, письмах, мемуарах, цитаты самых известных занимают страницы. См. также об индивидуальном опыте переживании времени A. Baggerman, «Lost time», 2011.

На первом этапе нужно было восстановить социальные миры, с которыми соотносили себя писавшие люди. В основополагающей книге о народной автобиографии Джеймс С. Амеланг прекрасно описал социальные связи (*allégeances*) барселонского торговца XVII века²⁰. Семья, друзья, профессиональная среда, структура ремесленной корпорации, наконец, соседи образовывали совокупность кругов Микеля Паре (Miquel Parets), в которые вписывается его существование, как и существование тысяч его современников. В исследовании учетных книг (*livres de raison*), куда были включены не только горожане, Сильвия Муиссе графически представила круги, поместив в центр пару «отец-старший сын»; затем «дом», состоящий из живых и мертвых; «окружение», (*entourage*), в котором выделяются «близкие люди»; «среда» (*environnement*), не важно постоянная или ситуативная, состоящая из соседей, коллег, конкурентов, поставщиков, кредиторов и, наконец, местных известных людей (*personnalités locales*)²¹. Введения к изданиям текстов и непосредственное чтение сочинений постоянно подтверждают действенность этой схемы для писавших как в раннее Новое время, так и в XIX веке²². Как отмечает Сильвия Муиссе, личная запись – это прежде всего список лиц²³. Список может быть более или менее длинным и разнообразным, но его всегда можно использовать для качественного или количественного изучения социаль-

---

²⁰ J. S. Amelang, *The flight of Icarus*. Stanford, Calif: Stanford University Press, 1998.

²¹ S. Mouysset, «Livres de raison et construction des réseaux familiaux». Montpellier: Université Paul Valéry, 2003. P. 264.

²² См. J. Tricard, «La mémoire des Benoist», 1982; R. Sauzet, *Le notaire et son roi*. 1998. P. 85-109; J. Vassort, *Les papiers d'un laboureur*. 1999. P. 33-54; а также «Chronique mémorial des choses mémorables», 2010. P. 9-48. Детальные исследования М. de Oliveira et D. Terrier [2011] предлагают яркое сравнение социальных практик элит Нового времени и конца XIX века. Кроме того, см. G. Ciappelli, *Memory, Family and Self*, 2014.

²³ S. Mouysset. *Penser/Classer/Les écrits du for privé, objets matériels, objets édités*, éd. par Michel Cassan, Jean-Pierre Bardet, François-Joseph Ruggiu. Limoges: Presses universitaires de Limoges, 2007.

ных отношений писавшего. В учетных книгах простая запись семейных крещений, свадеб, похорон появляется чаще всего в связи с детьми главы семьи, для которых выбирали крестных и супругов. Но если рассматривать несколько поколений, что часто оказывается возможным, поскольку учетные книги старались передавать от отца к сыну, то даже обобщенные данные позволяют реконструировать многочисленные семейные и социальные отношения²⁴. Так, издатели дневника Рене-Пьера Непво, каноника собора Сен-Жюльен дю Ман посчитали, что за 50 лет ведения записей он упоминает около 2000 человек, при среднем количестве жителей в 17 000²⁵. Такое изобилие делает из дневника или автобиографии настоящую базу данных, что естественно открывает интересные перспективы анализа личных связей (*réseaux égocentrés*). Таким образом, сочинения личного характера дают доступ к бесконечной гамме социальных практик, от самых открытых, таких как принадлежность к профессиональному или научному сообществу, до более личных, например, сексуальная жизнь пишущего.

Второй этап состоял в изучении того, как писавшие осмыслили свое включение в те социальные миры, к которым они принадлежали. Личный текст был средством социализации²⁶, а в XIX веке стал использоваться как педагогический инструмент²⁷. Этот подход оказался особенно востребован английскими историками. Так, изучая юношеский дневник сэра Дадли Райдера, министра юстиции (Attorney General) при Роберте Уолполе, Р.А. Фозерджилл показал, что он явно свидетельствует об усилиях автора, который не

---

²⁴ См., например, O. Zeller. *Mobilités individuelles // Annales de démographie historique*. 2004. Vol. 108. No 2.

²⁵ R. P. Nepveu de La Manouillère // *Journal d'un chanoine du Mans*. 2013. P. 66.

²⁶ Об этом см. D. Tosato-Rigo. *Charlotte, Angletine, Catherine*. 2012.

²⁷ Ph. Lejeune, *Le moi des demoiselles*, 1993. Текущие исследования Sylvie Moret-Petrini (Université de Lausanne) о домашнем образовании и практиках воспитания в Швейцарии на рубеже XVIII-XIX вв., основанные на материале личных свидетельств, привнесут важные детали в изучение этого вопроса.

был джентельменом ни по рождению, ни по образованию, но всего лишь сыном суконщика, быть принятым английским «высшим обществом» (*polite society*). Р.А. Фозерджилл сравнивает их с усилиями актера, который готовится к роли, или с эмигрантом, который осваивает новую культуру:

*Я бы хотел научиться оставаться равнодушным в обществе дам. Это придает беседе живость и одухотворенность, что нравится всем женщинам, в также отличает характер современного джентельмена*²⁸.

Иногда усилия по соотнесению себя с ожиданиями социального мира не являются объектом прямой рефлексии, но они с определенной регулярностью прочитываются на протяжении заметок. За несколько лет до Дэдди Райдера джентельмен из Вирджинии Вильям Берд также принялся писать дневник, который характеризуют регулярные повторения одноотишной рутинной деятельности. Однако ритуальная последовательность подъемов, молитв, физических упражнений, чтения, развлечений традиционного аристократического общества показывает желание Вильяма Берда воспроизводить поведение британского джентельмена таким, каким оно представлено в основных учебниках по воспитанию джентельмена, распространенных в Англии второй половины XVII века²⁹. Во время своего пребывания в Англии Вильям Берд столкнулся с сильной социальной неприязнью из-за своего неопределенного статуса – джентельмена из Америки, плантатора и рабовладельца. Тогда он сделал из своей жизни и заметок в дневнике зеркало существования идеального английского джентельмена, которым он надеялся стать. Мы попытались показать,

---

²⁸ I wish I could arrive at the talent of appearing indifferent in the company of the ladies. It is this that chiefly gives that life and spirit to a conversation which is agreeable and which the women especially universally like, and indeed that enters very much in into the modern character of a gentleman. R.A. Fothergill, *Private Chronicles*.

²⁹ *The Secret diary of William Byrd of Westover 1709-1712*. N-Y, 1972. См. анализ К.А. Lockridge, *The Diary*. 1987. P. 46-52.

что большинство личных записок периода раннего Нового времени соответствуют этой логике адаптации к миру, в то же время растет число текстов, авторы которых, напротив, пытаются приспособить мир к собственным представлениям и социальным нуждам³⁰.

В этой статье, мы не пытаемся представить картографию социальных связей и их использования во Франции Старого порядка или углубить рефлексивное измерение личных записок в перспективе возникновения «я»³¹. Нам скорее интересуется способ, посредством которого пишущие воспринимали социальный порядок своей эпохи и говорили о нем. Интерес историков к социальному языку акторов не нов, но до настоящего времени этот интерес был направлен в основном либо на научные дискурсы, либо на системы различий между людьми, устанавливаемые через административные, юридические или нотариальные источники³². Нам хотелось бы проанализировать сочинения личного характера не ради социальных действий, которые они описывают в отношении других или самих себя; но ради слов, посредством которых в них описаны отношения между разными социальными группами и общие концепции социального порядка, на которых основано их восприятие. Материалом для статьи стали тексты, написанные с начала XVI по начало XIX века. Для нас не существенно различие между текущими записями, дневниками или хрониками и ретроспективными сочинениями такими как мемуары, хотя мы понимаем, что выбор модуса письма сильно влияет на содержание написанного. Географический принцип и со-

---

³⁰ F.-J. Ruggiu, *Une voix à soi? / Ecriture, récits, trouble(s) de soi. Perspectives historiques. France XVIe-XXe siècles*, éd. par Isabelle Luciani, Valérie Piétri, Aix-en-Provence, Presses universitaires de Provence. 2012. P. 159-185.

³¹ Об этом см. в других работах F.-J. Ruggiu, *Les écrits du for privé*. 2014. P. 9-34. См. также работы недавние работы I. Luciani [2014], а также С. Ulrich, K. von Greyerz et L. Heiligensetzer [2015].

³² См. основополагающую работу по истории Франции W. Sewell [1980] и недавнюю коллективную монографию под ред. G. Hanne, C. Judde de Larivière [2010]; о научных дискурсах D. Cohen [2010]; и об использовании нотариальных источников F. Cosandey [2005].

циальная база, даже если горожане, принадлежавшие к корпоративным сообществам самые многочисленные, также не учитывались. На этом этапе оказалось, что среди материалов представлен исключительно запад Франции; в гендерном отношении среди авторов выборки сочинений личного характера оказались только мужчины³³. Мы изучили две группы слов и выражений: первая касалась понимания социальных групп, вторая определений социального статуса (*qualification*) индивидов, в частности в учетных книгах.

Восприятие социальных групп

Десятилетия конца XVIII - начала XIX столетия характеризуются двойственными изменениями. Происходит основополагающая для новой социальной организации трансформация социальных отношений, которую некоторые наблюдатели начинают называть «обществом»³⁴, придавая новый смысл старому слову. Значение этого слова было очень неопределенным, как указано в академическом словаре конца XVII века: «Это слово употребляется в отношении компании людей, которые обычно собираются для совместных развлечений. Приятное общество. Этот человек из хорошей компании, нужно принять его в наше общество. Он тяжелый человек, нужно исключить его из нашего общества»³⁵. В связи с произошедшим изменением появился новый способ анализировать и сами социальные отношения. Некоторые личные документы свидетельствуют об освоении обычными людьми языка зарождающейся этнологии. Так, *Воспоминания* девяностолетнего Франсуа-Ива

---

³³ E. Arnoul. Le recensement des écrits du for privé / Les écrits du for privé en France de la fin du Moyen Age à 1914, dir. par Jean-Pierre Bardet, François-Joseph Ruggiu, Paris, CTHS, 2014, P. 259-272, 263.

³⁴ L. Kaufmann, J. Guilhaumou, L'invention de la société. P. 2004.

³⁵ См. Dictionnaire de l'Académie, 1694. Почти с тем же значением термин приводится в издании 1762 г., а также в большинстве сочинений личного характера второй половины XVIII века.

Бенара (François-Yves Besnard), родившегося в 1752 году, выступают как оправданием жизни кюре, который разоблачился во время Революции и стал одним из сотрудников нового режима на рубеже Террора и Директории, так и описанием обычаев своего времени³⁶. Написанный незадолго до смерти, его текст наследует и истории нравов, которая развивалась в конце XVIII века в русле *Картин Парижа* Луи-Себастьяна Мерсье, и большим социальным исследованиям первых десятилетий XIX века³⁷. Долго описывая пространственное устройство дома своей прабабушки в Дуэлла-Фонтен (современный департамент Мэн-э-Луар), с первых страниц он объясняет цель своего труда: «Я позволил себе это описание исключительно потому, что оно дает представление о тех, кто населял город (bourgeoisie) Дуэ...». И далее он продолжает: «... дома, нравы и быт наиболее выдающихся жителей были самыми простыми», открывая тем самым длинную серию этнографических заметок³⁸. Текст повторяет одну и ту же схему, соединяя личные воспоминания и картины нравов, а также среди прочего описания одежды, образа жизни, застольных привычек, способов заключения брака, цен на товары и зарплат рабочих. Описания даны для всех мест, где побывал автор: будь то Анжер, где он учился в семинарии, или Нуан, где он получил свой первый приход, или Париж, где он участвовал в разных мероприятиях перед Революцией. Записи революционного периода прерывают эту череду и *Воспоминания* становятся классическим мемуаром, когда автор оказывается в гуще пережитых политических событий. Но в конце текста, над которым, кажется, он работал до самых последних дней, автор возвращается к этнографическим наблюдениям. Бенара интересовала система анжуйского обще-

---

³⁶ F.-Y. Besnard. Un prêtre en revolution. éd. par Martine Taroni, Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2011.

³⁷ См. J. David. Les «tableaux» des sciences sociales naissantes. 2001.

³⁸ Besnard, François-Yves. Un prêtre en révolution. Souvenirs d'un nonagénaire, éd. par Martine Taroni, Rennes, Presses Universitaires de Rennes, 2011. P. 31-38.

ства, в его рассуждениях упоминаются структурированные социальные объединения, такие как «класс сельских рабочих» (*classe ouvrière des campagnes*)³⁹.

Работая над *Воспоминаниями*, Франсуа-Ив Бенар располагал обширной библиотекой этнографической литературы первой половины XIX века, но он об этом почти не упоминает. Подобная ориентация в меньшей степени обнаруживается и у других авторов последних десятилетий XVIII века, например, у Габриэля Або из Базингена (Gabriel Abot de Bazinghen). Проживая в городе Булонь-сюр-Мер (современный департамент Па-де-Кале), бывший офицер Шартрского полка, выходец из знатной провинциальной дворянской семьи, 1 января 1779 начал писать нечто среднее между локальным астрологическим календарем и личным дневником. В первых записях упоминается местная метеорология, похороны, свадьбы и рождения в высшем булоньском обществе, церковные церомонии, а также общие новости королевства. После долгих лет и эпизодических редакций, проект Габриэля Або приобретает наконец форму, и в 1783 пространное объяснение уточняет его намерения. Он пишет: «набросать здесь картину частной жизни моего города: дворянства, торговцев, людей легких и хорошо живущих; и провинции, а также деревенских людей, нравы, моду и способы показать себя в разном состоянии, образ жизни и т.д.»⁴⁰. Такой набор тематической композиции возобновляет хронологическую нить рассказа; заглавия разделов, которые он дает заметкам этого года, частично разрушают предшествующий способ ведения записей: «Образ жизни богатых людей в 1783»; «образ жизни в Булони»; «Питание»; «Цены на продовольствие в 1783»; «дома»; «мода»; «сельская жизнь»; «крестьяне» ... Эти рубрики регулярно встречаются в тексте, в частности, «Мода», хотя объем го-

---

³⁹ Ibid. P. 36.

⁴⁰ Boulonnais, noble et révolutionnaire. Le Journal de Gabriel Abot de Bazinghen (1779-1798), éd. par Alain Lottin, Louissette Caux, Michel de Sainte-Maréville, Arras: Artois Presses Université, 1995. P. 83-92.

родских хроник или политических ефемерид наряду с личными записками превосходит этнографические наблюдения. Габриэль Або ограничил свою миссию изучением дворянства и местных элит, но мы обнаруживаем в его тексте тот же тип наблюдений, что и у Франсуа Ива Бенара. Они происходят из чтения историй нравов, например, «Частная жизнь французов, с которой должны работать многие образованные люди», вышла, по сообщению автора, в начале 1783 года. Он называет также без тени сомнения амбициозную *Историю частной жизни французов от основания нации до наших дней*, опубликованную в 1782 году иезуитом, историком и эрудитом Пьером Жаном-Батистом Леграном д'Осси, который во время Революции, будет назначен хранителем французских рукописей в Национальной библиотеке и станет членом Института. Ле Гран д'Осси стремился изучать не «королей, министров, генералов, то есть класс людей известных, чьи таланты или ошибки, служба или интриги приводили к несчастьям или процветанию государства», но в первую очередь «буржуа в своем городе, крестьянина в своей избе или аристократа в своем замке, наконец, француза в лоне семьи и детей, в его труде и праздности»⁴¹. Пьер-Жан-Батист ле Гран д'Осси был также автором известного *Путешествия по Аверни*, опубликованного в Париже в 1788 и переизданного в 1794, с поясняющим подзаголовком⁴², которое вписывается в традиционный жанр пу-

---

⁴¹ P. J.-B. Le Grand d'Aussy. Histoire de la vie privée des Français, «Avertissement préliminaire». P. 1.

⁴² Voyage fait, en 1787 et 1788, dans la ci-devant Haute et Basse Auvergne, aujourd' hui départemens du Puy-de-Dôme, du Cantal et partie de celui de la Haute-Loire, ouvrage où l'on traite de ce qui regarde la nature du sol, les révolutions qu' il a éprouvées, ses productions, climat, météores, produits de volcanisation, mines, carrières, eaux minérales, mœurs des habitants, constitution physique, population, arts, commerce, manufactures, industrie, etc. Paris, Le directeur de l'Imprimerie des sciences et arts, an III. Предреволюционные произведения Жака-Ангуана Дюлора, в частности la Description des principaux lieux de France, Paris, Lejay, 1789, в шести томах также провозглашают интерес к «характеру каждого народа Франции», и являются примером подобной литературы.

тешествий и описаний Франции, процветавший в конце XVIII века. В общем, заметки, которые появляются в сочинениях личного характера в большей степени этнографические, чем пред-антропологические, а материальное изображение существования помещено на первый план ради научного размышления о происхождении народов. Многие авторы не объясняют так ясно как Габриэль Або из Базингена желание размышлять о нравах своего времени. У Жака-Луи Менетра (Jacques-Louis Ménétra), который писал после Революции, лексикон социального класса возникает, например, тогда, когда товарищ стекольщик замечает: *«дворяне со своими старыми свитками и храбрыми рыцарями, к которым они возводят свое происхождение, хотя большинство из них происходят из конюхов или извозчиков, не могут себе представить, что человек не из их класса, может быть создан для чего-то иного, а не для того, чтобы служить их капризам...»*⁴³.

Другие авторы обнаруживают более артикулированную рефлексию об отношениях между разными частями сообщества, к которому они принадлежат. Таков случай скромного торговца специями из Аббевиля Жоржа Меллье, который пишет с 1746 по 1786 текст, где перемешаны записи типичных семейных расходов и новостей с событиями чаще всего местными, но по мере старения автора также и национальными, и международными⁴⁴. В 1770-е годы реформы правительства под руководством генерального контролера финансов аббата Терре и канцлера Мопу, ведут, с его точки зрения, «королевство к волнениям». «Если Бог не приложит руку к нашим несчастьям и не совершит невероятное чудо, то, кажется, повсюду насупит конец света», — пишет он; в этот период его дневник теряет хронологическую связанность и незаметно превращается в историческое

---

⁴³ Ménétra, J.-L. Journal de ma vie. Jacques-Louis Ménétra // D. Roche (éd). Com- pagnon vitrier au XVIIIe siècle. Paris, Albin Michel, 1988 (1982). P. 259.

⁴⁴ Здесь мы дополняем исследование, начатое в работе F.-J. Ruggiu, «Les discours annalistiques comme discours de soi». 2011.

повествование 1770. Он дополняет зарождающиеся политические размышления социальным анализом в связи с наблюдениями за инфляцией: «рабочий не может сопротивляться, нужно чтобы он упал в изнеможении», «рабочий и бедняк здесь самые большие жертвы»; «уже три года хлеб, мясо, вино и прочие продукты стоят больше зарплаты рабочего»⁴⁵. С этого момента Жорж Меллье представляет общество, структурируя его вокруг пары «буржуа» или «знатные буржуа» и рабочие. Однако трудно понять, откуда Жорж Миллье берет этот словарь, при том, что он редко упоминает дворянство, широко представленное в городе. Он нигде не говорит об источниках информации и своей культуре, хотя регулярно упоминает «газеты».

Однако до 1770-х социальный словарь Миллье остается неопределенным именно потому, что аналитическое значение пока еще слабо представлено в его размышлениях. «Народ» (*peuple*) у него означает обычно толпу, которая мирно собирается на особенное событие и является синонимом «толпы людей» (*foule de monde*⁴⁶, *conours de monde*⁴⁷). Напротив, «чернь» (*populace*) ассоциируется у него с опасной толпой, такой, к примеру, которая собралась во время хлебного бунта 1757, когда «кричали ужасные речи, проклинали Бога и особенно власть...» и потребовалось успокаивать «волнения»⁴⁸. В 1758 смерть простого ткача мануфактуры Ван-Робэ-Луи Лоэна становится поводом для длинного хвалебного панегирика. Луи Лоэн прославляется в дневнике как член Ордена францисканцев, который «поступал столь благородно как святой», и как «один из моих друзей, я могу сказать настоящих друзей». Форма этой записи напоминает хвалебное слово епископу Амьена Луи-Франсуа д'Орлеану де ла Мотту, написанное в 1774 по слу-

---

⁴⁵ Tillette de Clermont-Tonnerre A. Livre de raison d'un bourgeois d'Abbeville (XVIIIe s.) / Bulletin de la Société d'Emulation d'Abbeville, 5 (1900-1902). P. 215.

⁴⁶ Ibid. P. 206.

⁴⁷ Ibid. P. 208.

⁴⁸ Ibid. P. 162.

чаю его смерти. Но текст Жоржа Меллье трансформирует Луи Лозна в знаковую фигуру, которая воплощает способность низших социальных слоев к христианской добродетели, а значит и их собственное, независимое от кодов и ценностей элит право на социальное признание. Указывая, что «он умер в возрасте 38 лет и что о нем скорбели все наши знатные горожане, как если бы он происходил из самого знатного рода», он подчеркивает значение этого события. Для обозначения высших социальных категорий он использует часто встречающееся понятие, как, например, во время рассказа о несчастном случае на мосту: «среди жертв не упоминают никого выдающегося» (*personne de distinction*)⁴⁹.

Как и у Жоржа Миллье до 1770 годов, у авторов сочинений личного характера второй половины XVIII века, происходящих из городской среды, термины «народ», «буржуа», «достойные» или «знатные» люди часто образуют единственные социальные ориентиры. Дневник шартрского мастера слесаря Этьенна Дубле в конце Старого порядка и во время Революции показывает столь глубокую впаянность в приходское сообщество, что оставляет в тени даже шартрское общество. «Мир» (*monde*), «люди» (*personnes*) или еще «бедные люди» (*pauvres gens*), пострадавшие от холода в 1783 году, являются единственными общностями, которые появляются из-под его пера наряду с часто упоминаемыми индивидами, членами его семьи или церковнослужителями⁵⁰. Рене-Пьер Непво, находившийся в лучшем социальном положении, чем Этьен Дубле и более свободный в писательских амбициях, упоминает в своем дневнике значительное число людей, чаще всего по случаю свадьбы или смерти, но использует для их социального положения словарь гораздо менее точный. Большинство его персонажей обозначены исключительно посредством дворянского титула, когда он у них есть, а чаще всего просто

---

⁴⁹ Ibid. P. 198.

⁵⁰ См. Ch. Marcel-Robillard. Le folklore de la Beauce. 1968, в особенности P. 82.

«Месье», «Мадам» или «Мадемуазель» (*Mr., Mme, Mlle*). Иногда, автор упоминает также статус, должность или профессию, но он редко доходит до такого обобщения, чтобы отнести индивидов, о которых он пишет, к социальной категории. Прямое упоминание дворянства после титула встречается у него крайне редко, как и упоминания о принадлежности к буржуазии, несмотря на то, что сомнения в дворянстве его семьи приводят к многочисленным записям, передающим его живое недовольство⁵¹. Единственные систематические характеристики – это место жительства и имущественное состояние, о котором Рене Непво, кажется, собрал энциклопедические сведения. В его тексте нет никакой исключительности в социальных терминах. Мадам де Монтопен, скончавшаяся в 1772 в возрасте 29 лет во время родов и получившая в замужестве «80 тысяч ливров серебром», также принадлежала к одному из «лучших провинциальных домов»⁵². Но «дом» (*maison*) означает также и коллективную сущность, которую представляют семья и бизнес Жана-Батиста Жака Леприна, торговца восковыми свечами из Мана, о смерти которого в 1781 Непво уточняет, что «у него осталось много детей. Старший живет на улице *quatre Roues*; а последний жил с отцом и матерью. Он торговал всем. Не известны дела его дома»⁵³.

За полтора века до этого Симон Ле Маршан, буржуа из Кана, предлагает более иерархизированный взгляд на социальный порядок своего города. Этот взгляд основан на ясном разделении людей на городскую буржуазию и дворянство, даже если он иногда объединяет их в коллективное «мы/они» (*on*). Во время бунта, произошедшего 27 и 28 мая 1630, он отмечает что «весь город взял оружие, как знать, так и буржуа, и строем ходили кругами по городу», чтобы подавить беспорядки, причиняемые «народом». Или

---

⁵¹ Nepveu de La Manouillère R.-P. *Journal d'un chanoine du Mans (1759-1807)* // (éd.) par Sylvie Granger, Benoît Hubert, Martine Taroni. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2013. P. 419.

⁵² Ibid. P. 180.

⁵³ Ibid. P. 356.

«маленькие люди этого города Кана», которые поднялись, чтобы освободить заключенных, ограбивших корабль с зерном несколькими днями ранее⁵⁴. Дворянство часто встречается в заметках Симона Ле Маршана как одна из составных групп населения Кана, призванная сражаться или участвовать в религиозных или светских церемониях⁵⁵. Использование коллективного «мы» (*nous*), которое обычно отсылает к военному сообществу, а иногда к тому, что пишущий считает локальными элитами, часто встречается у авторов в контексте городской жизни⁵⁶. Тем самым устанавливается дистанция по отношению к большей части населения. Им нет места в тех группах, которые автор замечает на своем уровне или в тех, которые он помещает ниже своего уровня, независимо от того стремится он их включить или нет. Неспособность образованных или аристократических элит, даже если не «видеть» народ, то хотя бы о нем письменно свидетельствовать до второй половины XVIII века, была показана Д. Коэном⁵⁷. Большинство авторов сочинений личного характера, включая и выходцев из относительно скромных социальных групп, также мыслят в логике «они» и «мы», что проявляется в использовании почтительных обращений (*M, Mme, Mlle*).

Понимание социальной стратификации

Изучение статусных приставок и эпитетов отличия (*épiphète d'honneur*) является одним из ключей к пониманию социальной стратификации Старого порядка. За попыткой Ролана Мюнье восстановить упорядоченную и четкую иерархическую систему, последовали размышления об

---

⁵⁴ Le Marchand, Samuel, *Journal de Simon Le Marchand, bourgeois de Caen, 1610-1693*, (éd.) par Gabriel Vanel, Caen, Louis Jouan Editeur, 1903. P. 125-128.

⁵⁵ *Ibid.* P. 32, 73.

⁵⁶ См. С. Chatelain. *L'inventaire du quotidien // Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 2000. Vol. 47. No 3. P. 451.

⁵⁷ D. Cohen. *La nature du peuple*. 2010 P. 23-32, особенно P. 25 и P. 27.

эволюции самих страт и о способах, посредством которых индивиды встраиваются в них⁵⁸. Вслед за Роланом Мюнье этот анализ чаще всего опирается на нотариальные акты, публичное измерение которых казалось столь убедительным, что историки придавали им социальное значение (*estime sociale*)⁵⁹. Шорлоны, семья магистратов, обосновавшихся в городе Гере, современный департамент Крез, нам позволяет погрузиться в практики авторов сочинений личного характера. Они оставили семейный журнал трех поколений, Исаака, затем его сына Жана-Батиста Алексиса, который приносит успех семье, став первым председателем суда в Гере, и наконец его внука, Жака-Алексиса⁶⁰.

Ниже приведена схема, составленная на основании записей о семейных рождениях, свадьбах, смертях⁶¹, титулы указаны перед именами крестных детей всех трех глав семейства с начала XVII по начало XVIII века⁶². За три четверти века у трех писавших авторов статусы обращения (*avant-noms*) мало меняются, при этом, как отмечают научные издатели этих текстов, семья не была заинтересована в

---

⁵⁸ R. Mousnier, *Recherches sur la stratification sociale*. Среди недавних работ упомяну коллективную монографию под ред. F. Cosandey, *Dire et vivre l'ordre social*, 2009; в частности, статьи R. Descimon, «Un langage de la dignité», и L. Croq, «Les frontières invisibles».

⁵⁹ См. анализ С. Dolan. *Le notaire, la famille et la ville*. Toulouse. 1998, в частности, Р. 44-49. Относительно важного вопроса о знании того, кто «нотариус или фигуранты распоряжались присвоением эпитетов отличия в том виде, в каком они появляются в документах». См. также исследование титулатуры, используемой в дневнике офицером (*officier seigneurial*) из Ниора с 1621 по 1654 – Ch. Blanquie, «Dire les mondes du village» / *Dire et vivre l'ordre social*. Paris. 2005.

⁶⁰ Этот семейный журнал был издан одновременно с Мемуарами Жана-Батиста Алексиса Шорлона как и заметки, которые он вел в течение жизни.

⁶¹ *Ecrits de Jean-Baptiste Alexis Chorllon, président au présidial de la Haute-Marche au XVIIe siècle*, éd. par Michel Cassan, Noël Landou, Paris: Champignon, 2002. Р. 71-82.

⁶² Мы не использовали все упоминания титульных обращений и терминов отличия, указанных в заметках о рождениях, свадьбах или похоронах, оставив в стороне дальних родственников или гостей семьи.

юридическом нобилитете. Кроме того, «благородные жены» (*honnêtes femmes*) первых поколений уступают место «дамам» «дамуазель», а «благородные мужья» (*nobles hommes*) трансформируются в «дворян» (*nobles*). Особенно подчеркнем, что использование статусных обращений практически систематическое; исключение составляют брат Жана-Батиста Алексиса Жан, умерший молодым, и один из родственников Леонар Буржуа, они обозначены только через имена. Однако, сама речевая ситуация семейной книги иная чем нотариальный акт, в котором пересекаются оценки нотариуса, клиента и разных сторон акта. Однако сочинения личного характера, в частности учетные книги, как показывает Сильви Муиссе⁶³, долго сохраняли доказательную силу. Они использовались для установления социальной идентичности семьи и ее членов, выступая частной записью (*registre privé*) гражданского состояния. Эта функция за ними сохранялась, даже когда во французском королевстве эта функция перешла от церкви к государству. Авторы конца XVIII века всегда осознают потенциальную возможность публичного использования частных текстов, как отмечает Ноэль Жак Франсуа Ибон де ла Френуа (Noël Jacques François Ibon de La Fresnoye): «*Опыт делает нас каждый день свидетелями; в самом деле его можно использовать с пользой, можно иметь все необходимые качества знатности, но нужны еще степени благородства; даже если они действительно имеются, то как их обнаружить; где идти их искать; приходится уступать по суровой необходимости, поскольку в роду были незнатные предки. Появляется наследство: некто может по праву на него претендовать, но нет никакого договора, по которому можно было бы установить степень родства, его вытесняют, потому что нельзя ничего доказать. Считается, что наши предки должны были бы предвидеть со-*

---

⁶³ S. Mouysset. *Papiers de famille*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2007. P. 42.

бытия. Это правда, но разве мы более предусмотрительны, чем они?»⁶⁴

Обращения к индивидам, чьи имена и фамилии появляются в текстах, обычно тщательно прописаны. Сочинения личного характера содержат большое число эпитетов достоинства, простых или сложных титутов (*Monseigneur, Monsieur, Maître, Dame, Damoiselle, Noble homme, Honnête personne...*), названий должностей (оруженосец, всадник, священник) и статуса (горожанин из...), дворянских титулов (граф..., сеньор...,) и наконец, рода деятельности или профессий (епископ из..., советник в суде; торговец). Сгруппировав их, можно представить картину социальных иерархий, тогда как историки прибегают к словарю терминов, относящихся к фамилии и имени индивидов раннего Нового времени, который сильно меняется от исследователя к исследователю⁶⁵.

На протяжении своего дневника, в котором смешаны семейные заметки и события города Пюи, адвокат и магистрат Жан-Доминик Миалон полностью раскрывает систему статусов индивидов (*systeme de qualification*). Статусные люди: судебные и военные офицеры, церковнослужители, обычно он их называет «Monsieur», составляют мир, к которому принадлежит и он сам. На внутренней границе этой группы среди торговцев, поверенных, представителей свободных профессий появляется несколько людей, таких как его собственный зять [*«le sieur Jacques Germain»*]⁶⁶, обозначенных как «le sieur», например, «сеньор Ламик (*sieur Lamic*) по представлению принял на себя обязанности мэра города [Пюи] в соответствии с указом от октября месяца 1722». В августе 1723 официально вступив в должность мэ-

---

⁶⁴ Le Livre de raison des Hibon de la Fresnoye 1552-1778, Mémoires de la société académique de l'arrondissement de Boulogne sur Mer, 27 (1912). P. 77.

⁶⁵ См. R. Descimon. Un langage de la dignité // Dire et vivre l'ordre social. 2005. P. 83.

⁶⁶ Journal d'un bourgeois du Puy au XVIIIe siècle ou le vrai journal de Jean-Dominique Mialon // (éd.) par Jean-Claude Besqueut, Gaston Joubert. Saint-Julien-Chapteuil, Les éditions du Roure, 1997. P. 15.

ра, он становится «Mr. Pascal Lamic», определение, которое автор дает почти систематически правителям городов, какой бы ни была их профессия, и он снова «le sieur Lamic» в декабре того же года, когда, как указывает Жан-Доминик Миалон, ему не удалось получить место в Штатах Лангедока⁶⁷. Другие мужчины, которые появляются в дневнике, почти всегда обозначены либо как «названный» (*le nommé*), либо вообще не получают никакого определения. Речь идет о лавочниках и ремесленниках, а также о преступниках, которые появляются в дневнике регулярно, так, например, сын «названного Дапейре, снабженца (*musnier*), ударил штыком названного Фонда д'Эспали на мосту дез Эстулия и убежал»⁶⁸ (1.05.1722). Что касается немногочисленных женщин, которых упоминает Жан Доминик Миалон, они принимают либо статус отца, либо мужа и обозначены как «Madame», «damoiselle» или «dame». Например, он упоминает о церемонии по поводу годовщины смерти своей супруги «dame Anne de Salomon» 27 апреля 1740 года. Также он использует слово «названная» (*la nommée*), как например, «названная Далиан, владелица мясной лавки, в возрасте 107 лет», умерла в 1741⁶⁹.

Из этого относительно короткого текста можно извлечь много сведений. Во-первых, Жан-Доминик Миалон, как, впрочем, и Шорлоны, не может не указать достоинство человека, хотя он редко прямо называет нормы или статусы французского общества своего времени. Одно из редких исключений приходится на 1741 год, где речь идет о налоговом конфликте вокруг одной семьи, недавно получившей дворянство через поддержку капитула Тулузы⁷⁰. Жан Доминик Миалон неявно выдает свое беспокойство, немного возмущившись столь быстрым социальным восхождением.

---

⁶⁷ Ibid. P. 25. В качестве исключения отметим, что в 1738, четверо из шести упомянутых консулов имеют перед именем «Mr», пятый назван только по имени, а шестой «названный Vatagol, мясник». P. 105.

⁶⁸ Ibid. P. 12.

⁶⁹ Ibid. P. 132, 141.

⁷⁰ Ibid. P. 142.

Второе наблюдение касается его относительно простого понимания общества Пюи первой половины XVIII века, он использует достаточно жесткое деление между группой «Monsieur» и «le sieur», группой тех, кого он обозначает «названный» (pommé) и тех, у кого нет никакого определения. Привычные социальные границы для него кажутся ему более существенными, чем реальные социальные практики. Когда он записывает: «8 января 1741, свадьба Месье Брунеля, сеньора де Боннивиля, президента суда с демуазель Гайяр, дочерью Гайяра, торговца кружевом, в прошлом мастера-шляпника»⁷¹; он не приписывает Гайяру, старинному мастеру – шляпнику, ставшему зятем одного из главных магистратов города, никакого особенного достоинства. Триптих, объединяющий фамилию, обращение и профессию представляется привычным способом идентифицировать индивида и Миалону, и большинству его современников. Большинство сочинений личного характера все еще широко используют такие системы обозначения, в которых отношения поддерживаются в соответствии с системой, сконструированной государством и для государства.

В этой статье мы решили отказаться и от изучения частных случаев, и от обобщающего изучения социальных миров Старого порядка; их можно было бы проиллюстрировать коллекцией примеров из личных сочинений. Мы пытались в корпусе текстов отследить и проанализировать дискурсы, термины и выражения, посредством которых авторы показывают свое понимание структур и динамики этого общества. Использование серии текстов в данном случае является ключевым инструментом анализа, который порождает определенные методологические проблемы, в частности необходимость хотя бы краткой контекстуализации анализируемых элементов, чтобы вернуть личным свидетельствам иллюстративную функцию⁷². Небольшое

---

⁷¹ Ibid. P. 141.

⁷² См. M. Cassan. Les livres de raison / Au plus près du secret des coeurs? Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2005. P. 29-41.

число рассмотренных текстов затрудняют любой хронологический анализ, хотя, представляется, что во второй половине XVIII века растет рефлексивность писавших людей относительно общества, в котором они живут, включая и некоторые тексты из среды простолюдинов. Широкое распространение новых моделей знания, в частности путевых рассказов, историй и описаний нравов отчасти объясняет эту эволюцию. Нужно лучше понять это соединение пережитого социальными акторами опыта, закрепленного в дискурсах личных свидетельств, и изменений социальных конструкций под влиянием научных текстов. Сочинения личного характера представляют также богатый материал для изучения способов социального отличия людей. Наряду с нотариальными актами или налоговыми документами, такие тексты позволяют понять, как социальные иерархии опосредуются авторами. Кроме того, они обнаруживают распространенные или практические представления о социальном порядке, понимать которые не менее важно, чем системы более глобальные.

Перевод с французского Е.К. Карпенко

Схема 1. Статусные именования семейства Шорлон (XVII-нач. XVIII вв.)

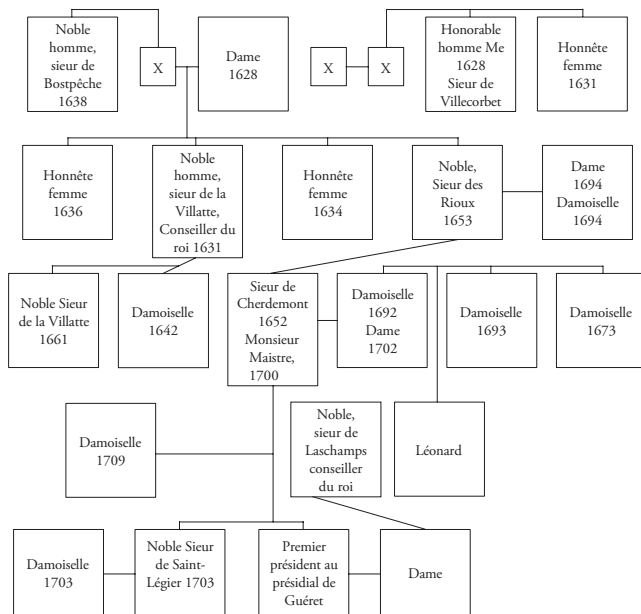

Tableau — Avant-noms portés dans la famille Chorllon (XVIIe-début du XVIIIe siècle)

Библиография

Источники:

1. Besnard F.-Y. Un prêtre en révolution. Souvenirs d'un nonagénaire, éd. par Martine Taroni, Rennes, Presses Universitaires de Rennes, 2011.
2. Boulonnais, noble et révolutionnaire. Le Journal de Gabriel Abot de Bazinghen (1779-1798), éd. par Alain Lottin, Louissette Caux, Michel de Sainte-Maréville, Arras, Artois Presses Université, 1995.
3. Chronique mémorial des choses mémorables par moy Pierre-Ignace Chavatte, 1657-1693. Le mémorial d'un humble tisserand lillois au Grand Siècle, éd. par Alain Lottin, Bruxelles, Palais des Académies, 2010.
4. Ecrits de Jean-Baptiste Alexis Chorllon, président au présidial de la Haute- Marche au XVIIe siècle, éd. par Michel Cassan, Noël Landou, Paris, Champion, 2002.
5. Guibert L. (éd.). Le livre de raison d'Etienne Benoit – 1426 / Bulletin de la Société Archéologique et Historique du Limousin, XXIX (1881), p. 225-317.
6. Journal d'un bourgeois du Puy au XVIIIe siècle ou le vrai journal de Jean-Dominique Mialon, éd. par Jean-Claude Besqueut, Gaston Joubert, Saint-Julien-Chapteuil, Les éditions du Roure, 1997.
7. Jules-Émile Scribe, patron lillois. Regards croisés sur un journal intime (1879-1891), éd. par Matthieu de Oliveira, Didier Terrier, Revue du Nord, 390 (2011/2), p. 279-510.
8. Le Livre de raison des Hibon de la Fresnoye 1552-1778, Mémoires de la société académique de l'arrondissement de Boulogne sur Mer, 27 (1912), p. 1-142.
9. Le Marchand, S. Journal de Simon Le Marchand, bourgeois de Caen, 1610-1693, éd. par Gabriel Vanel, Caen, Louis Jouan Editeur, 1903.
10. Mémoires de Jacques César Ingrand, né en 1733, éd. par Christiane Escanecrabe, Bonnes, Les Gorgones, 1999.
11. Ménétra J.-L. Journal de ma vie. Jacques-Louis Ménétra, compagnon vitrier au XVIIIe siècle, éd. par Daniel Roche, Paris, Albin

Michel, 1988 (1982).

12. Nepveu de La Manouillère R.-P. *Journal d'un chanoine du Mans (1759-1807)*, éd. par Sylvie Granger, Benoît Hubert, Martine Taroni, Rennes, Presses universitaires de Rennes, 2013.
13. *The Secret diary of William Byrd of Westover 1709-1712* // (éd.) par Louis Wright et Marion Tinling, N.Y.: Arno Press, 1972.
14. Tillet de Clermont-Tonnerre A. *Livre de raison d'un bourgeois d'Abbeville (XVIIIe siècle)* / *Bulletin de la Société d'Emulation d'Abbeville*, 5 (1900-1902), p. 143-164, 189-228, 233-247.

Исследования:

15. Amelang J.S. *The Flight of Icarus: Artisan Autobiography in Early Modern Europe*, Stanford, Stanford University Press, 1998.
16. Arnoul E. *Le recensement des écrits du for privé en France de la fin du Moyen Age à 1914 / Les écrits du for privé en France de la fin du Moyen Age à 1914*, dir. par Jean-Pierre Bardet, François-Joseph Ruggiu, Paris, CTHS, 2014, p. 259-272.
17. Baggerman A. *Lost Time: Temporal Discipline and Historical Awareness in Nineteenth-Century Dutch Egodocuments / Controlling Time and Shaping the Self: Developments in Autobiographical Writing since the Sixteenth Century*, éd. par Ariane Baggerman, Rudolf Dekker, Michael Mascuch, Leyde / Boston, Brill, 2011, p. 455-541.
18. Bardet J.-P., Ruggiu F.-J. (dir.). *Les écrits du for privé en France de la fin du Moyen Age à 1914*. Paris: CTHS, 2014.
19. Bérroujon A., Luciani I. *Les écrits du for privé: matière et texte / Les écrits du for privé en France de la fin du Moyen Age à 1914*, dir. par Jean-Pierre Bardet, François-Joseph Ruggiu. Paris: CTHS, 2014, p. 35-67.
20. Berthiaud E. *Attendre un enfant: Vécu et représentations de la grossesse aux XVIIIe et XIXe siècles (France)*, Thèse de doctorat, Université de Picardie Jules Verne, 2011.
21. Blanquie Ch. *Dire les mondes du village / Dire et vivre l'ordre social en France sous l'Ancien Régime*, dir. par Fanny Cosandey, Paris, EHESS, 2005, p. 45-67.
22. Cassan M. *Les livres de raison: invention historiographique, usages historiques / Au plus près du secret des coeurs? Nouvelles lectures historiques des écrits du for privé*, dir. par Jean-Pierre

- Bardet, François-Joseph Ruggiu, Paris, Presses de l'université Paris-Sorbonne, 2005, p. 29-41.
23. Cassan M., Nougaret Ch. Une typologie des écrits du for privé / Les écrits du for privé en France de la fin du Moyen Age à 1914, dir. par Jean-Pierre Bardet, François-Joseph Ruggiu, CTHS, 2014, p. 69-98.
  24. Castillo Gómez A. (éd.), *Culturas del escrito en el mundo occidental del Renacimiento a la contemporaneidad*, Madrid, Casa de Velázquez, 2015.
  25. Chatelain C. L'inventaire du quotidien: le «papier journal» d'un marchand angevin et de sa femme au XVIIe siècle / *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 47 (2000/3), p. 429-457.
  26. Chollet M. L'accès à la culture des Lumières des femmes de la noblesse en milieu rural d'après les écrits de Mme de Marans, Thèse de doctorat, Université du Maine, 2014.
  27. Ciappelli G. *Memory, Family, and Self. Tuscan Family Books and Other European Egodocuments (14th-18th century)*. Leyde: Brill, 2014.
  28. Cohen D. *La nature du peuple: les formes de l'imaginaire social, XVIIIe-XXIe siècles*. Seyssel: Champ Vallon, 2010.
  29. Cosandey F. (dir.). *Dire et vivre l'ordre social en France sous l'Ancien Régime*, Paris, EHESS, 2005.
  30. Croq L. *Les frontières invisibles: groupes sociaux, transmission et mobilité sociale dans la France moderne/Mobilité et transmission dans les sociétés de l'Europe moderne*, dir. par Anna Bellavitis, Laurence Croq, Monica Martinat, Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2009. P. 25-47.
  31. David J. Les «tableaux» des sciences sociales naissantes: comparatisme, statistique, littérature / *Revue d'histoire des sciences humaines*, 5 (2001), p. 37-59.
  32. Descimon R. *Un langage de la dignité. La qualification des personnes dans la société parisienne à l'époque moderne / Dire et vivre l'ordre social en France sous l'Ancien Régime*, dir. par Fanny Cosandey, Paris, EHESS, 2005, p. 69-123.
  33. Dolan Cl. *Le notaire, la famille et la ville (Aix-en-Provence à la fin du XVIe siècle)*, Toulouse, Presses universitaires du Mirail, 1998.
  34. Fothergill R.A., *Private Chronicles. A Study of English Diaries*, Londres, Oxford University Press, 1974.
  35. Griffin E. *Liberty's Dawn. A People's History of the Industrial Revolution*, New Haven/Londres, Yale University Press, 2013.

36. Hanafi N. Le fruit de nos entrailles: la maternité dans les écrits des nobles toulousaines du siècle des Lumières / *Annales du Midi*, 122 (2010/269), p. 47-74.
37. Hanafi N. Des plumes singulières. Les écritures féminines du corps souffrant au XVIIIe siècle / *Ecrire au quotidien*, dir. par Isabelle Laroue-Labarthe, Sylvie Mouysset, *Clio*, 35 (2012), p. 45-66.
38. Hanafi N. Le frisson et le baume. Expériences féminines du corps au siècle des Lumières, Paris, CTHS, 2015.
39. Hanne G., Judde de Larivière Cl. (dir.). Noms de métiers et catégories professionnelles: acteurs, pratiques, discours, XVe siècle à nos jours, Toulouse, Université de Toulouse-Le Mirail, 2010.
40. Hébrard J.-S., Rebecca J., *Freedom Papers: An Atlantic Odyssey in the Age of Emancipation*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 2012.
41. Kaufmann L., Guilhaumou J. (dir.). *L'invention de la société: nominalisme politique et science sociale au XVIIIe siècle*, Paris, EHESS, 2004.
42. Lebrun Fr. Une famille angevine sous l'ancien régime d'après son «papier memorial» / *Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest*, 82 (1975/1), p. 47-67.
43. Lejeune Ph. *Le moi des demoiselles: enquête sur le journal de jeune fille*, Paris, Seuil, 1993.
44. Lockridge K.-A. *The Diary, and Life, of William Byrd II of Virginia: 1674-1744*, Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1987.
45. Luciani I. *Se dire en disant le monde. Le récit de soi saisi par la performativité? / Récit de soi, présence au monde. Jugements et engagements. Europe, Afrique. XVIe-XXIe siècles*, dir. par Isabelle Luciani, Aix-en-Provence, Presses universitaires de Provence, 2014, p. 17-37.
46. Marcel-Robillard Ch. *Le folklore de la Beauce, vol. 4: Forges et forgerons du Pays chartrain, Souvenirs d'un maître serrurier chartrain*, Paris, G.P. Maisonneuve et Larose, 1968.
47. Marraud M. *De la ville à l'Etat: la bourgeoisie parisienne, XVIIe-XVIIIe siècle*, Paris, Albin Michel, 2009.
48. Mousnier R. *Recherches sur la stratification sociale à Paris aux XVIIe et XVIIIe siècles. L'échantillon de 1634, 1635, 1636*, Paris, Pedone, 1976.
49. Mouysset S. *Livres de raison et construction des réseaux famil-*

- iaux: l'exemple du Sud-Ouest de la France à l'époque moderne / Les ego-documents à l'heure de l'électronique: nouvelles approches des espaces relationnels, éd. Par Pierre-Yves Beaurepaire, Dominique Taurisson, Montpellier, Université Paul Valéry, 2003.
50. Mouysset S. Papiers de famille: introduction à l'étude des livres de raison: France, XVe-XIXe siècle, Rennes, Presses universitaires de Rennes, 2007.
  51. Mouysset S. Penser/Classer: la passion de la liste dans quelques livres de raison du Midi de la France à l'époque moderne / Les écrits du for privé, objets matériels, objets édités, éd. par Michel Cassan, Jean-Pierre Bardet, François-Joseph Ruggiu, Limoges, Presses universitaires de Limoges, 2007, P. 151-166.
  52. Pellegrin N. Une géographie pour les filles? Les recueils de costumes français de Jacques Grasset de Saint-Sauveur au tournant des XVIIe-XIXe siècles / Les costumes régionaux entre mémoire et histoire, dir. par Jean-Pierre Lethuillier, Rennes, Presses universitaires de Rennes, 2009, p. 217-234.
  53. Ruggiu F.-J. A Way Out of the Crisis: Methodologies of Early Modern Social History in France / Cultural and Social History, 6 (2009/1), p. 65-85.
  54. Ruggiu F.-J. Les discours annalistiques comme discours de soi / Car c'est moy que je peins. Ecritures de soi, individus et liens sociaux, dir. par Sylvie Mouysset, Jean-Pierre Bardet, François-Joseph Ruggiu, Toulouse, Méridiennes, 2011, p. 261-277.
  55. Ruggiu F.-J. Une voix à soi? Autour du diaire de Michel Chartier de Lotbinière / Ecriture, récits, trouble(s) de soi. Perspectives historiques. France XVIe-XXe siècles, éd. par Isabelle Luciani, Valérie Piétri, Aix-en-Provence, Presses universitaires de Provence, 2012, p. 159-185.
  56. Sauzet R. Le Notaire et son roi. Etienne Borrelly (1633-1718). Un Nîmois sous Louis XIV, Paris, Plon, 1998.
  57. Sewell W.-H. Gens de métier et révolutions: le langage du travail, de l'Ancien régime à 1848, Paris, Aubier-Montaigne, 1983 (version anglaise 1980).
  58. Tackett T. Par la volonté du peuple: comment les députés de 1789 sont devenus révolutionnaires, Paris, Albin Michel, 1997 (version anglaise 1996).
  59. Tosato-Rigo D. Charlotte, Angletine, Catherine... Le journal comme instrument de socialisation à l'ère des salons, *Clio*, 35

(2012), P. 191-200.

60. Tricard J. La mémoire des Benoist: livre de raison et mémoire familiale au XVe siècle / Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public, 13e Congrès, Aix-en-Provence, 1982, P. 119-140.
61. Ulbrich Cl., von Greyerz K., Heiligensetzer L.(dir.), Mapping the «I». Research on Self-Narratives in Germany and Switzerland, Leyde, Brill, 2015.
62. Vassort J. Les papiers d'un laboureur au siècle des Lumières. Pierre Bordier: une culture paysanne, Seyssel, Champ Vallon, 1999.
63. Vovelle M. La découverte de la Provence, ou les primitifs de l'ethnographie provençale (1750/1850) / Francia, 7 (1979), P. 219-249.
64. Zeller O. Mobilités individuelles, cycle et vieillissement d'une famille. Le livre de raison d'un échevin lyonnais du XVIIIe siècle, Annales de démographie historique, 108 (2004/2), p. 119-142.

**Каритас Пиркхаймер, Мартин Лютер
и другие духовные лица. Автобиографическое
сочинение как социальная практика
в немецкоязычных странах (XV и XVI столетия)**

Габриэла Янке

В этой статье рассматриваются два автобиографических текста, написанных представителями духовного сословия в условиях Реформации. Она имеет две задачи: во-первых, изучение *религиозных сюжетов*, и особенно изучение *людей веры*¹ как авторов определенного рода текстов, не обязательно являющихся религиозными по своей сути. При таком ракурсе в фокусе оказываются *самостоятельно действующие люди*², которые исповедуют свою веру через определенные *практики*, включенные в определенные исторические и культурные контексты. В частности, в фокусе

---

* Выражаю свою искреннюю благодарность Мартину Лёйчу, прочитавшему первую версию этой статьи и высказавшему свои замечания, а также Майке Шульц за очень важную помощь при подготовке окончательной редакции ее русского перевода.

¹ В английском тексте *religious persons* – специальный термин, конкретное содержание которого автор разъясняет далее (прим. перев.).

² В оригинале *historical agent* – широко употребляющийся в современном социогуманитарном знании термин, не имеющий устойчивого русского эквивалента (прим. перев.).

оказываются духовные лица как институционально обособленная группа, которая ведет религиозный образ жизни в составе вероисповедных институтов христианской церкви. Помимо представителей духовного сословия (монахов или монахинь, аббатов или аббатис, рукоположенных священников или епископов, кардиналов или других прелатов) и тех, которые занимали какое-либо институционально закрепленное положение в одной из протестантских церквей, существовало множество других людей, живших *религиозной жизнью* в контексте одной из христианских церквей. Словосочетание «люди веры» используется здесь, чтобы обозначить эту более широкую группу: она может также включать, например, бегинок, анабаптистов и других. Акцентирование внимания на двух представителях духовного сословия и их автобиографических текстах дает возможность выявить *религиозные сферы* жизни, как они понимались и проживались историческими действующими лицами в их конкретных контекстах, относящихся к началу XVI столетия.

Во-вторых, статья имеет дело с теми сторонами религии, которые могут проявляться в автобиографических сочинениях. Внимание, следовательно, концентрируется на определенном виде источников, выступающем в качестве окуляра для проникновения в особенности религии раннего Нового времени. Подход к автобиографическим сочинениям, прежде всего, состоит в понимании их как практик. Сказанное требует более общего методологического и понятийного пояснения: написание сочинения понимается как специфическая конфигурация практик, то есть как связанное с разнообразными поступками людей и конкретными историческими контекстами. Это дает возможность взглянуть на автобиографические сочинения – начиная от религиозных до вполне светских – как на важнейшие способы включения их авторов в социальные и религиозные пространства и виды деятельности через их практики письма. Следовательно, для уяснения того, какие социальные и религиозные практики порождали авторы своими

автобиографическими сочинениями, необходима тщательная реконструкция важнейших обстоятельств их написания. В этой связи возникает множество вопросов. Например, какие категории церковнослужителей и людей веры писали автобиографические тексты? Какое отношение их тексты имели к религии: (1) с точки зрения обстоятельств (писали ли они свои автобиографические тексты в религиозных контекстах?); (2) с точки зрения аудитории (писали ли они для аудитории других людей веры?); (3) с точки зрения содержания (писали ли они о религии?); (4) с точки зрения целей (писали ли они, преследуя религиозные цели?).

В этой статье речь пойдет об автобиографических текстах, написанных представителями духовного сословия или, в широком смысле, людьми веры – эта группа христиан выделена из целого ряда авторов автобиографических сочинений, созданных в немецкоязычных странах в XV-XVI столетиях³. В первую очередь я хочу рассмотреть два авто-

---

³ Эта статья продолжает исследования религии на материале автобиографических сочинений, развивая тему и методологию, предложенную в книге: Jancke G. *Autobiographie als soziale Praxis. Beziehungskonzepte in Selbstzeugnissen des 15. und 16. Jahrhunderts im deutschsprachigen Raum*. Köln, etc., 2002. Подробные сведения о ее источниках, а также источниках этой статьи см.: Ead. (при участии M. Jarzebowski, K. Krönert и Y. Avmann). *Selbstzeugnisse im deutschsprachigen Raum (Autobiographien, Tagebücher und andere autobiographische Schriften), 1400-1620. Eine Quellenkunde*. [Электронный источник]: <http://www.geschkult.fu-berlin.de/e/jancke-quellenkunde>. О религии в автобиографических сочинениях см.: Greyerz K. v. *Religion in the Life of German and Swiss Autobiographers (Sixteenth and Early Seventeenth Centuries)* // *Religion and Society in Early Modern Europe 1500-1800* / Ed. Idem. London, etc. 1984. P. 223-241; *Religion und Gewalt. Konflikte, Rituale, Deutungen (1500-1800)* // Hrsg. K. v. Greyerz und K. Siebenhüner in Verbindung mit Chr. Duhamelle, H. Medick und P. Veit. Göttingen, 2006. См. новые сборники, посвященные связи микроисторических подходов и биографии: *Theoretical Discussions of Biography. Approaches from History, Microhistory, and Life Writing* // H. Renders and B. de Haan (Ed.); foreword by N. Hamilton. Leiden; Boston, 2014 и *Microhistory and the Picaresque Novel. A First Exploration into Commensurable Perspectives* // B. de Haan and K. Mierau (Ed.). Newcastle upon Tyne, 2014.

биографических текста как социальные практики, включенные в соответствующие контексты. Обращаясь к примерам Каритас Пиркхамер и Мартина Лютера, внимание фокусируется на микроуровне, давая нам возможность посмотреть на сюжеты макроуровня из *контекстов и практик* отдельных людей. В методологическом смысле микроисторический подход применяется для того, чтобы реконструировать различные взгляды и стратегии этих писателей и затем поместить их в более широкие контексты. Этими широкими контекстами на мезоуровне в каждом из случаев является социальная группа, а затем, на макроуровне, их общество и историческая эпоха. Для того, чтобы на основе этого специфического типа источников проследить взгляды авторов на вопросы религии, его следует подвергнуть тщательной оценке. С точки зрения методологии, эта статья исходит из понимания автобиографических сочинений как специфической группы источников, представляющих систему взглядов их авторов. Статья имеет задачей осмыслить эти сочинения, исходя из понимания самими авторами того, что они делали, и теоретико-методологического истолкования автобиографического сочинения как практики – или точнее, как комплекса социальных практик, в особенности как литературного речевого акта⁴. При этом в центре

---

⁴ В связи с теорией речевых актов, разработанной Джоном Л. Остином и другими, см.: Jancke G. Autobiographische Texte – Handlungen in einem Beziehungsnetz. Überlegungen zu Gattungsfragen und Machtaspekten im deutschen Sprachraum von 1400 bis 1620 // Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte / Hrsg. W. Schulze. Berlin, 1996. S. 73-106 (Англ. перевод: Autobiographical Texts: Acting within a Network. Observations on Text Type and Power Relations in the German-Language Regions from 1400 to 1620 // Mapping the I: Early Modern Self-Narratives in Germany and Switzerland. Research and Perspectives // Cl. Ulbrich, K. v. Greyerz, L. Heiligensetzer (Ed.). Leiden, etc., 2015. P. 118-165). Ead. Die תּוֹרוֹכּוּ (sichronot, Memoiren) der jüdischen Kauffrau Glückel von Hameln zwischen Autobiographie, Geschichtsschreibung und religiösem Lehrtext. Geschlecht, Religion und Ich in der Frühen Neuzeit // Autobiographien von Frauen. Beiträge zu ihrer Geschichte / Hrsg. M. Heuser. Tübingen, 1996. S. 93-134; Ead. Autobiographie als soziale Praxis. S. 32-74.

внимания оказываются понятия, используемые в исследовании.

1. Автобиографические сочинения: Тексты, концепты человека⁵ и религии

Прежде, чем перейти к рассмотрению этих специфических источников, целесообразно обратиться к более общим вопросам, относящимся к текстам, «самостям» и религии. Сначала – что такое автобиографические тексты? Термин «автобиографические тексты» и другие, используемые сегодня учеными – «эгодокументы» или «рассказы о себе» (по-немецки – *Selbstzeugnisse*), – подразумевают тексты, в которых авторы писали о самих себе⁶. В современных ис-

---

⁵ Словосочетание “*concepts of person*” чаще всего переводится на русский язык как «концепты личности» (*person*=личность). Однако в данном случае переводчик посчитал необходимым отойти от сложившейся традиции вследствие нагруженности русского слова «личность» специфическими культурно обусловленными смыслами (см. об этом: Offord D. *Lichnost’: Notions of Individual Identity // Constructing Russian Culture in the Age of Revolution: 1881-1940 / Ed. C. Kelly and D. Shepherd. Oxford, 1998. P. 13-25*) – прим. перев. См. об этом применительно к российским исследованиям по истории культуры: Zaretskiy Y.P., Stepanov B. *Aron Gurevich's Medieval Individual // Saluting Aron Gurevich: Essays in History, Literature and Related Disciplines / ed. Y. Mazour-Matusevich and A.S. Korros. Boston, Leiden: Brill Publishing House, 2010. P. 301-322.*

⁶ Термин «рассказ о себе» (*self-narrative*) является вариантом перевода на английский язык немецкого *Selbstzeugnis*, введенного в научный оборот исследовательской группой «*Selbstzeugnisse in transkultureller Perspektive / Self-narratives in Transcultural Perspective*», работавшей в Свободном университете Берлина с 2004 по 2010 годы. Его составляющая «*narrative*» понимается здесь в широком смысле, как «метанарратив» или «мастер-нарратив», и не ограничивает автобиографические тексты теми, которые написаны исключительно в повествовательной форме. Одновременно такой перевод стремится избежать прямолинейных коннотаций термина «свидетельство», который был бы дословным переводом *Zeugnisse*. Существует также термин «жизнеописание»

следованиях эти термины используются для объединения и систематического изучения разных текстов, относящихся к различным эпохам и географическим регионам, написанных разными людьми, в разных социальных, культурных, религиозных, экономических и политических контекстах, каждый из которых определен специфическими нормами и властными отношениями, соответственно, написанных для разных целей, для разных аудиторий и в режимах разных литературных систем. Эти тексты объединяются в одну группу только в современных научных контекстах вследствие их общего признака, указывающего на наличие неких автобиографических черт.

Однако в Средние века и раннее Новое время эти сочинения, даже в Европе, отнюдь не составляли единый литературный жанр – точно так же, как и в современных обществах⁷. Мало того, они еще меньше были похожи на пол-

---

(life writing), который обычно включает в себя как автобиографические, так и биографические тексты. См. важные работы об эгодокументах и рассказах о себе: Dekker R. Egodocumenten: Een literatuuroverzicht // Tijdschrift voor Geschiedenis. 1988. No 2. S. 161-189; Egodocuments and History. Autobiographical Writing in its Social Context since the Middle Ages / Ed. R. Dekker. Hilversum, 2002; Von der dargestellten Person zum erinnerten Ich. Europäische Selbstzeugnisse als historische Quellen (1500-1850) / Hrsg. K. v. Greyerz, H. Medick und P. Veit. Köln, etc., 2001; Krusenstjern B. v. Was sind Selbstzeugnisse? Begriffskritische und quellenkundliche Überlegungen anhand von Beispielen aus dem 17. Jahrhundert // Historische Anthropologie. 1994. No. 2. S. 462-471; Schmolinsky S. Sich schreiben in der Welt des Mittelalters. Begriffe und Konturen einer mediävistischen Selbstzeugnisforschung. Bochum, 2012; Egodocuments / Ed. M. Fulbrook and U. Rublack // German History. 2010. No 3 (Special issue); Mapping the I: Early Modern Self-Narratives in Germany and Switzerland. Research and Perspectives // Cl. Ulbrich, K. von Greyerz and L. Heiligensetzer (Ed.). Leiden, etc. 2015; О жизнеописаниях (life writing) см.: Encyclopedia of Life Writing. Autobiographical and Biographical Forms / Ed. M. Jolly. 2 vols. London; Chicago, 2001.

⁷ Smith S., Watson J. Reading Autobiography. A Guide for Interpreting Life Narratives. Minneapolis; London, 2001. Appendix A: Sixty Genres of Life Narrative (P. 253-286). Говоря об автобиографических сочинениях, Смит и Ватсон используют термин *life narrative* («рассказ о жизни») и как его синоним – *life writing* («жизнеописание»).

ноценные «автобиографии» в современном понимании, то есть сочинения, в которых писатель делает свою личность центральной темой всего текста, представляющего собой отдельное сочинение, в большинстве случаев целую книгу, написанную в прозе с перспективой публикации в печати. Как показывают исторические исследования, если писатели Средневековья и раннего Нового времени хотели сказать что-либо о себе в письменной форме, они имели в своем распоряжении значительный диапазон жанров. В прошлом создавались разные виды *Selbstzeugnisse*: (1) Во многих случаях к основному тексту сочинения добавлялись небольшие автобиографические фрагменты в качестве предисловия или эпилога, составляя таким образом паратекст⁸, обычно в специальной форме перитекста. Короткие автобиографические фрагменты часто включались в самые разные автобиографические жанры, например, теологические трактаты и комментарии, исторические труды, трэвелогии, поэтические и научные сочинения по любой дисциплине. То есть как часть целого текста, построенная на иной тематической основе⁹. (2) В других случаях автобиографические заметки вставлялись от руки в печатные тексты: библии, молитвенники, письменные календари и множество других в качестве добавлений или комментариев к существующему тексту, тем самым составляя эпитекст, то есть внешний вариант паратекста. Эти практики автобиографического письма показывают использование уже существующих текстов, обеспечивавших пространство для индивидуальных авторов, а также контексты для индивидуальных автобиографических текстов. (3) Кроме этого, некоторые автобиографические тексты содержали обособленное описание жизни и личности автора, которое в некоторых смыслах может быть довольно близко к современным представле-

---

⁸ Genette G. *Seuils*. Paris, 1987. По Женетту, перитекст и эпитекст вместе составляют паратекст.

⁹ Об этой важной, но до недавнего времени не привлекавшей внимания группе текстов см. замечательное исследование Шмолински в прим. 6.

ниям об автобиографии. (4) Посредине находились комбинации автобиографических тем с различными другими сюжетами, например, религиозными, политическими, историческими и т.д. В этих случаях можно видеть смешение жанров. Автобиографические тексты любого типа обычно четко следовали какой-то стратегии письма, включая и те, которые целиком состояли из рассказа о жизни и личности одного человека. Прямым и/или косвенным образом их авторы использовали автобиографический материал для представления каких-то аргументов – как и в случае с другими, не автобиографическими, сочинениями¹⁰.

Автобиографические сочинения в обществах Средних веков и раннего Нового времени, как правило, включают довольно большую *группу разнородных текстов*, начиная, с одной стороны, с сухих заметок и компиляций каких-то фактов и дат, и заканчивая тщательнейшим образом продуманными сочинениями, с другой. Кроме того, они обычно добавлялись к литературным жанрам различных форматов, необязательно считающихся автобиографическими. В противоположность современным представлениям об «автобиографии», писатели Средних веков и раннего Нового времени не имели представления о том, что такое автобиографический жанр как таковой, чистый и не смешанный с другими литературными формами, сюжетами и функциями. Методы изучения исторических источников должны, следовательно, принимать во внимание ту систему литературных жанров, в которой рождался рассматриваемый текст¹¹. Также следует иметь в виду, что наши пред-

---

¹⁰ См. важное исследование содержания автобиографических текстов и стратегий, которым они следуют, особенно в методологическом плане: Enekel K.A.E. Die Erfindung des Menschen. Die Autobiographik des frühneuzeitlichen Humanismus von Petrarca bis Lipsius. Berlin; New York, 2008.

¹¹ Ср.: Hartmann E., Jancke G. Roupens «Erinnerungen eines armenischen Revolutionärs» (1921/1951) im transepochnen Dialog – Konzepte und Kategorien der Selbstzeugnis-Forschung zwischen Universalität und Partikularität // Selbstzeugnis und Person – transkulturelle Perspektiven / Hrsg. Cl. Ulbrich, H. Medick, A. Schaser. Köln, etc., 2012. S. 31-71.

ставления об автобиографическом жанре в свою очередь связаны с определенными литературными системами, являющимися частью конкретных (современных) обществ в конкретных географических регионах¹². Применение к текстам других времен и географических регионов этих современных представлений может поэтому дезориентировать.

Второе: что понимается под «самостями» или «самостью», когда речь идет об автобиографических текстах? Этот вопрос становится особенно актуальным в тех случаях, когда эту группу текстов называют, что стало обыкновением, «эгодокументами» или «самоописанием». Так, обозначения «эго» и «самость» предполагают представление об автономном индивиде, то есть (а) свободном от каких бы то ни было обязательств и связей, поскольку (б) занятом своей собственной личностью и самостью, (в) обращающим внимание преимущественно на внутренние и частные измерения личного и социального пространства, (г) предполагающим, что самость является источником и центром этих наиболее ценных измерений человеческой жизни и мира¹³. Если исходить из таких представлений, работа с автобиографическими текстами обществ прошлого, вроде средневекового и раннего Нового времени, похоже, представляет проблему, ибо эти общества основываются на (а) социальных связях: патронаже, дружбе, родстве, внутрисемейных отношениях, вражде и т.д., (б) сообществах людей, (в) власти и подчинении, (г) представлениях о взаимных обязанностях и (д) деятельности исторических персонажей, которые точно так же ориентируются на связи, сообщества, иерархии и взаимные обязательства. Могут ли исследователи результативно изучать эти общества и их действующих лиц через призму автобиографических текстов? Положительный ответ очевиден – при условии, что они не будут

---

¹² Hartmann E., Jancke G. Roupens «Erinnerungen eines armenischen Revolutionärs». S. 32-34.

¹³ Об этих пространственных аспектах см.: Bähr A., Burschel P., Jancke G. Räume des Selbst. Eine Einleitung // Räume des Selbst. Selbstzeugnisse transkulturell / Hrsg. A. Bähr, P. Burschel, G. Jancke. Köln etc., 2007. S. 1-12.

считать, что их собственные представления о современном автономном индивиде являются универсальными для всех культур и исторических периодов.

Исторические исследования автобиографических текстов раннего Нового времени много внимания уделяли понятию современного «индивида» и только во вторую очередь задавали более общие вопросы о «человеке» и, в частности, о *представлениях о человеке*¹⁴. На фоне исторических условий обществ Средневековья и раннего Нового времени, представление об автономном индивиде – которого обычно имеют в виду такие обозначения, как «самость», «эго» и им подобные – представляется исключительно частным случаем, относящимся к конкретному историческому контексту (конец XVIII – начало XIX столетий) и определенному региону (Западная Европа). Автономный индивид – понятие, которое, безусловно, соответствует запросам специфической социальной группы, состоящей из мужчин, белых, христиан, горожан, неаристократических образованных элит обществ Нового времени. Фактически, это только одно из представлений о человеке среди других возможных. Следовательно, нужно делать различия между общим уровнем того или иного аналитического понятия

---

¹⁴ См. Jancke G. Patronagebeziehungen in autobiographischen Schriften des 16. Jahrhunderts – Individualisierungsweisen? // *Selbstzeugnisse in der Frühen Neuzeit. Individualisierungsweisen in interdisziplinärer Perspektive* / Hrsg. K. v. Greyerz unter Mitarbeit v. E. Müller-Luckner. München, 2007. S. 13-31; Ead. «Individuality», Relationships, Words about Oneself: Autobiographical Writing as a Resource (15th/16th centuries) – Konrad Pellikan's Autobiography // *Forms of Individuality in the Medieval and Early Modern Period* / Ed. F.-J. Arlinghaus. Turnhout, 2015. P. 151-175; Jancke G., Ulbrich Cl. Vom Individuum zur Person. Neue Konzepte im Spannungsfeld von Autobiographietheorie und Selbstzeugnisforschung // *Vom Individuum zur Person. Neue Konzepte im Spannungsfeld von Autobiographietheorie und Selbstzeugnisforschung* / Hrsg. Ead., und Ead. Göttingen, 2005. S. 7-27 (Engl. transl.: From the Individual to the Person. Challenging Autobiography Theory // *Mapping the I*. P. 15-33); Jancke G. Persons, the «Autobiographical Person» and Cultural Concepts of the Person: Early Modern Self-narratives from German-speaking Areas in Transcultural Perspective // *Medieval History Journal*. 2015. Vol. 18. No 2. P. 346-377.

(«человек»), с одной стороны, и уровнем конкретного содержания этих понятий («индивид», «самость», и т.д.), с другой. Как утверждал Марсель Мосс в своем основополагающем исследовании еще в 1938 году, человека как категорию нужно осмысливать заново в различных исторических и антропологических контекстах¹⁵.

Для изучения автобиографических сочинений концепты человека важны в трех аспектах: (1) их осмысления и употребления авторами автобиографий раннего Нового времени в реальной жизни и реальном социальном окружении (т.е. в смысле человека за текстом), (2) их оформления в автобиографическом тексте (т.е. в смысле «автобиографического человека»), (3) их использования исследователями в своем аналитическом инструментарии (т.е. в смысле аналитического языка для изучения исторических личностей и текстов). Если взять первые два аспекта, исторические исследования выявили по меньшей мере семь характеристик человека раннего Нового времени: (i) относительная: Люди понимались и описывались через их социальные отношения и, в более общем смысле, как реляционные существа; (ii) партиципативная: Они представлялись как принадлежащие определенным социальным группам, т.е. как составные элементы отдельных социальных групп; (iii) перформативная: Они описывались через практики, т.е. как люди, которые проживают свои жизни, совершая поступки и ведя себя определенным образом; (iv) осмотическая: Они рассматривались как сущности с осмотическими границами; (v) гетерономная: Они описывались как движимые внешними силами – например, Богом, демонами,

---

¹⁵ Mauss M. Une Catégorie de l'Esprit Humain: La Notion de Personne, Celle de «Moi» // Journal of the Royal Anthropological Institute. 1938. Vol. 68. S. 263-281 (Engl. transl.: A category of the human mind: the notion of person; the notion of self // The Category of the Person. Anthropology, Philosophy, History / Ed. M. Carrithers, S. Collins, S. Lukes. Cambridge, 1985. P. 1-25); Identity: A Reader / P. du Gay, J. Evans, P. Redman (Ed.). London, etc. 2000. P. 325-345. Cp.: Vom Individuum. S. 23f.; From the Individual. S. 30f.; Jancke G. «Individuality», Relationships, Words About Oneself. P. 157-159.

духами – через их сны, страхи или фантазии; (vi) иерархическая: Они представлялись как занимающие определенные места на различных уровнях иерархии – в основном в контексте сословного общества; (vii) зависимая: Они рассматривались как зависимые друг от друга на самом деле, а также исходя из теоретических представлений об обществе и государстве как живом организме¹⁶. Имея все это в виду, чтобы углубить и расширить аналитический инструментарий, относящийся к категории человека, исследователям следует также обратить внимание на их собственные аналитические понятия. Для более широкого аналитического понимания человека важны по крайней мере семь только что упомянутых характеристик: (i) относительная, (ii) партиципативная, (iii) перформативная, (iv) осмотическая, (v) гетерономная, (vi) иерархическая, (vii) аспект зависимости. С их помощью можно отличить современные термины и категории осмысления человека от понятий, используемых в исторических источниках.

Третье: что понимается здесь под термином «религия» или «религиозный»¹⁷? В некоторых случаях, в особенности в церковной истории, темы выбираются исходя из соответствующих представлений о важности: людей, событий и богословских идей¹⁸. Кроме того, они следуют представлению о наличии важных социальных структур, сосредотачивая внимание на институтах макроуровня вроде

---

¹⁶ Hartmann E., Jancke G. Roupens «Erinnerungen eines armenischen Revolutionärs». S. 37; Jancke G. «Individuality, Relationships, Words About Oneself. P. 155.

¹⁷ О проблемах определения термина «религия», кроме прочего, см.: Veer P. van der. Art. Religion // Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology // A. Barnard and J. Spencer. L. (Ed.); NY, 1996. P. 482-487; Sered S.S. Priestess, Mother, Sacred Sister. Religions Dominated by Women. NY; Oxford, 1994. Asad T. Genealogies of Religion. Discipline and Reasons of Power in Christianity and Islam. Baltimore; L., 1993; Greyerz K. v. Religion und Kultur. Europa 1500-1800. Darmstadt, [2000]. S. 9-41.

¹⁸ Как, например, в недавнем исследовании: Jung M.H. Nonnen, Prophetinnen, Kirchenmütter. Kirchen- und frömmigkeitsgeschichtliche Studien zu Frauen der Reformationszeit. Leipzig, 2002. S. 77-120.

церкви или государства. Такие случаи не принимаются здесь во внимание вследствие узости их ракурса. Впрочем, кратко упомянуть о них все же стоит, тем более, что они также отсылают нас к представлениям о человеке. Прежде всего, понятие исторической «важности» или «неважности» предполагает заведомо эксклюзивный подход, который не позволяет рассматривать исторических действующих лиц, а также их окружение и практики в полном объеме. Выбор в этом исследовании фигур Каритас Пиркхаймер и Мартина Лютера продиктован именно этими соображениями. Оно, следовательно, не ставит задачу сопоставить выдающегося реформатора и теолога (мужского пола) с человеком (женского пола), чье положение, религиозные практики и теологические суждения считаются не имеющими особого значения для истории Реформации¹⁹. Выбор текстов, написанных автором-мужчиной и автором-женщиной, также не является свидетельством того, что аналитические рамки этого исследования строятся на дихо-

---

¹⁹ В одной из глав этого исследования, посвященной Каритас Пиркхаймер и Филиппу Меланхтону, Юнг на с. 77 прямо называет Пиркхаймер «малоизвестной и малозначимой монахиней Римской Католической церкви». Ее встречу с Меланхтоном он также описывает как «абсолютно малоинтересную для истории богословия». В своем тексте он концентрирует внимание на Меланхтоне и его богословии, воспринимая Пиркхаймер просто как «образованную женщину». Ее ученые занятия едва упомянуты, ее богословию вообще не уделяется внимания. Примечательно, что его сборник статей о женщинах в период Реформации обозначается как исследование «истории церкви и благочестия», маркируя допущение о связи женщин с благочестием, а также их отчуждение от теологии. Ср. противоположную позицию в тщательных исследованиях Ивы Шлутхойбер: Schlotheuber E. *Humanistisches Wissen und geistliches Leben. Caritas Pirkheimer und die Geschichtsschreibung im Nürnberger Klarissenkonvent // Die Pirkheimer. Humanismus in einer Nürnberger Patrizierfamilie. Akten des gemeinsam mit dem Verein für Geschichte der Stadt Nürnberg, dem Stadtarchiv Nürnberg und dem Bildungszentrum der Stadt Nürnberg am 25.-26. Juni 2004 in Nürnberg veranstalteten Symposions / Hrsg. Fr. Fuchs. Wiesbaden, 2006. S. 89-118; Ead. Caritas Pirkheimer und Melanchthons Verteidigung der Nürnberger Klosterfrauen // Reformation und Toleranz. Vom Umgang mit Außenseitern und Andersdenkenden / Hrsg. H. Kasparick. Wittenberg, 2013. S. 53-71.*

томических категориях мужского/женского, священно-го/сакрального, публичного/частного, богословской мысли/благочестия и повседневных практик, трансрегиональной и трансэпохальной значимости/локальных и ситуационных обстоятельств и т.д. Эти рамки свидетельствовали бы об упрощенном подходе к изучению исторической действительности, который подвергался заслуженной критике²⁰. К тому же исследование «религии» включает много больше, чем изучение теологии в смысле представлений «важных» теологов о «важных» религиозных вопросах, вроде божественной природы Христа, определений догматов или обязанностей служителей церкви. Понимание теологии также не должно быть ограничено отдельными, теоретически подкованными действующими лицами из университетской среды – то есть, в историческом контексте, обыкновенно мужчинами – за счет исключения всех других типов действующих лиц, а также монастырской и иных теологий, являвшихся составной частью религиозного образа жизни²¹. Имеется множество исследований религиозности в позднее Средневековье и раннее Новое время, которые включают – и даже ставят в центр внимания – религиозные взгляды и практики светских людей. Внимание к религиозности и ее практикам, однако, оставляет без внимания принципиальное различие между *богословием*, соотносимым с учеными-мужчинами, и *религиозными практиками*, соотносимыми с необразованными мирянами-простолюдинами, включая женщин всех социальных положений. Поэтому оно даже

---

²⁰ См. напр.: Sereed S.S. Priestess, Mother, Sacred Sister. S. 120f.

²¹ О теологии в разных институциональных контекстах, в связи с разными действующими лицами и разными образами жизни см.: Lutter Chr. Geschlecht & Wissen, Norm & Praxis, Lesen & Schreiben. Monastische Reformgemeinschaften im 12. Jahrhundert. Wien; München, 2005. S. 40-47; Köpf U. Monastische und scholastische Theologie // Bernhard von Clairvaux und der Beginn der Moderne / Hrsg. D.R. Bauer und G. Fuchs. Innsbruck, 1996. S. 96-135; Treusch U. Bernhard von Waging (gestorben 1472), ein Theologe der Melker Reformbewegung. Monastische Theologie im 15. Jahrhundert? Tübingen, 2011.

может привести – непреднамеренно – к дальнейшему укоренению этой дихотомии.

С другой стороны, чтобы преодолеть такой узкий взгляд и включить людей, не относящихся к верхушке общества, и их религиозные представления, много делает история ментальности²². Тем не менее, так же, как и в исследованиях культуры в целом, чтобы не игнорировать повседневность и властные отношения, полезно обращаться к практикам напрямую. Затем целесообразно задавать симметричные вопросы к различным группам исторических действующих лиц: и ученые-богословы, и миряне в каждом случае могут рассматриваться как с точки зрения практик, так и богословской мысли. В целом, изучение духовных лиц или иных людей веры не должно приводить исследователей к (1) узкому обозначению *тематики*: (а) обособлению духовного сословия и мирян, (б) институциональной организации церковной иерархии, (в) лиц, обладающих влиянием, вроде ученых и/или прочно институционализированных социальных контекстов, (г) богословию, вере, исповеди, литургии, и т.п., (2) к ограничению диапазона *носителей информации*: (а) богословским системам в виде компетенциумов, (б) руководствам для проведения богослужений, (в) церковным постановлениям и т.д., а также к (3) изолированию отдельных *сфер жизни людей*: (а) внутреннему миру, мыслям, эмоциям и процессу развития индивидов или/и (б) их внешним институциональным положениям и функциям, а, следовательно, к (в) макроинституциональным структурам вроде «церкви» или «государства», с которыми положения и функции этих людей должны соотноситься. Принятие подобных ограниченных представлений о религии означало бы игнорирование множества тем, носителей информации и сфер человеческой жизни, кото-

---

²² Ср.: Greyerz K.v. Religion und Kultur. S. 11, где религия, вслед за Лукманом, определяется как символическая система. См. также: Handbuch der Religionsgeschichte im deutschsprachigen Raum. Vol. 4: 1650-1750 / Hrsg. Id. und A. Conrad. Paderborn, etc., 2012.

рые были также важны для религиозной жизни исторических действующих лиц.

Вопреки таким избирательным подходам, обязанным определенным традициям, социальным структурам и представлениям о человеке (особенно в христианских контекстах), «религия», безусловно, охватывает более широкий диапазон смысловых полей: (а) не только богословскую мысль, но и практики, (б) не только сверхчеловеческие существа и силы, но также людей и их возможности, (в) не только знатоков и экстраординарные обязанности, но и обыкновенных людей и их дела, (г) не только специфические ситуации, пространства, периоды времени и последовательности, обусловленные ритуалом, но и обычные периоды времени, пространства и практики повседневной жизни – и так далее.

В этом исследовании «религия» понимается как важная область жизни людей и обществ – особенно для периода раннего Нового времени. Она рассматривается здесь как то, что проживалось, создавалось, обдумывалось и практиковалось людьми и, следовательно, как то, что требует от исследователей изучать поступки людей и их практики в конкретных исторических условиях²³. Религия неизменно является предметом споров между историческими действующими лицами, вследствие чего существуют разные и даже противоречащие друг-другу позиции, конфликты и процессы, приводящие к отторжению. Следовательно, в дополнение к названным выше конкретным сферам человеческой жизни – отдельные лица с (а) их внутренним миром и (б) с их институциональным положением, а также (в) с их макроинститутами, такими как «церковь» или «государство» – исключительно важным является четвертое измерение. Это измерение находится (г) на микро- и мезоуровне и относится к узкой области жизни человека, включающей (i) отношения с людьми и сверхъестественными существами и силами, (ii) устройство совместной жизни в разного

---

²³ Cp.: Asad T. *Genealogies of Religion*. P. 27-30.

типа братских/сестринских общинах, объединениях и общинных институтах, (iii) управление различного вида ресурсами, как материальными, так и нематериальными, и (iv) всевозможные повседневные практики. Любая религия, рассматриваемая исторически, в принципе демонстрирует высокую степень культурной сложности и исторической изменчивости. Принципиально важно, чтобы концепт религии как аналитической категории исторического исследования учитывал контекстуальность практик и мышления действующих лиц.

Религия понимается здесь как некий набор смыслов и практик, в котором различные религиозные группы, следуя аналитическому правилу проведения сравнений, прежде всего рассматриваются на одном уровне. Это взгляд снаружи, из контекста современного нам общества (этический подход), намеренно выбранный для целей этого исследования. Он не укоренен в тех христианских представлениях раннего Нового времени (эмический подход), которые не позволили бы, скажем, рассматривать иудаизм или ислам также как «религию» и, следовательно, в тех же понятиях, что и христианство. Тем не менее, очерченный здесь концепт религии призван дать толчок аналитической процедуре реконструкции взглядов исторических действующих лиц²⁴.

Из всех этих соображений очевидно, что контекст является важной и сложной аналитической категорией для изучения автобиографических сочинений, заслуживающей пристального внимания. Это справедливо во всех трех упомянутых выше отношениях: (1) в связи с человеком, пишущим автобиографический текст и ее или его обществом с соответствующими религиозными, социальными, политическими, экономическими властными отношениями и

---

²⁴ Cp.: Emics and Etics. The Insider/Outsider Debate / Ed. Th.N. Headland, K.L. Pike and M. Harris. Newbury Park, etc., 1990; Hahn Chr. Innensichten, Außensichten, Einsichten. Eine Rekonstruktion der Emic-Etic-Debatte. Aachen, 2005; Echevarría A.G. La dicotomía emic/etic. Historia de una confusión. Rubí, 2009.

нормами, которые поддерживали, затрудняли и придавали форму ее или его практикам; (2) в связи с самим автобиографическим текстом, в частности, с ситуацией его написания, включающей (а) мотивы, (б) стратегии письма, (в) назначение и (г) аудиторию конкретного текста; (3) в связи с современными исследователями и их (а) вопросами, (б) концептами и аналитическим инструментарием, (в) исследовательскими целями, а также более общими социальными и политическими программами изучения этих источников. Чтобы провести историческую реконструкцию избежав исторических недоразумений, особенно в тех случаях, когда рассматриваются исторические действующие лица и их практики, необходимо учитывать все три вида контекста.

2. Каритас Пиркхаймер и Мартин Лютер – два примера

Из 179 авторов автобиографий, составляющих эмпирическую базу этого исследования, две трети выросли как католики и 51 в разное время перешли в одну из протестантских церквей. Во время написания их автобиографических текстов 38 были клириками разных чинов церковной иерархии: приходскими священниками, аббатисами и аббатами, епископами, кардиналами. В общей сложности 70 автобиографов были богословами и/или клириками. Часть остальных вела глубоко религиозный образ жизни, не вступая в духовное сословие и не имея никакого специального образования в области богословия. Некоторые из них написали и опубликовали религиозные тексты, как, например, Катарина Целль (1498-1562) или Елизавета Бранденбургская (1510-1558), обе протестантки²⁵. Для некоторых их религиозная принадлежность была причиной серьезных жизненных трудностей, как, например, для ана-

---

²⁵ Более детальные сведения о большинстве упомянутых здесь авторов автобиографических текстов см.: Jancke G. *Autobiographie als soziale Praxis*.

баптиста Георга Фрелля (1530-1597), проведшего несколько лет в изгнании. Штефан Исаак (1542-1598) – пример чрезвычайно сложной религиозной биографии: он родился иудеем, но потом его отец вместе со Штефаном принял лютеранство, тогда как его жена и второй сын оставались иудеями. Через несколько лет отца принудили принять новую веру опять, теперь католическую, вместе с обоими сыновьями. Штефан Исаак был вынужден стать священником и богословом-полемистом, выступавшим против реформаторских протестантов – что было как против его собственных, так и отцовских склонностей. Потом он обратился в новую веру опять и сумел продолжить свою карьеру как женатый реформаторский пастор и суперинтендент. Каритас Пиркхаймер и Мартин Лютер рассматриваются дальше как два показательных примера на фоне этих разных людей веры и их автобиографических сочинений.

В 1520-е годы Каритас Пиркхаймер (1467-1532) написала автобиографический текст на немецком языке, который, хотя и предназначался для печати, остался рукописным. Он был впервые издан только в 1852-м²⁶. Пиркхаймер

---

²⁶ Первое печатное издание: *Der hochberühmten Charitas Pirkheimer, Aebtissin von S. Clara zu Nürnberg, Denkwürdigkeiten aus dem Reformationszeitalter, aus den Originalhandschriften zum ersten Male hg. und mit einem urkundlichen Commentare versehen v. Constantin Höfler.* Bamberg, 1852; критическое издание: *Die «Denkwürdigkeiten» der Caritas Pirkheimer (aus den Jahren 1524-1528). Textkritisch hg. v. Josef Pfanner.* Landshut, 1962. В настоящей работе используется издание: *Die Denkwürdigkeiten der Äbtissin Caritas Pirkheimer / Hrsg. Fr. Renner. St. Ottilien, 1982.* О самом тексте см. также: Jancke G. *Selbstzeugnisse im deutschsprachigen Raum (= Oxford Modern Languages and Literature Monographs / Ed. Ch. Woodford. Oxford, 2002. P. 78-105).* И дополнительно: Schlotheuber E. *Humanistisches Wissen und geistliches Leben; Ead. Caritas Pirkheimer und Melanchthons Verteidigung der Nürnberger Klosterfrauen; Jung M.H. Caritas Pirkheimer und Philipp Melanchthon; Cescutti E. Quia non convenit ea lingua foeminis – und warum Charitas Pirkheimer dennoch lateinisch geschrieben hat // Nonne, Königin und Kurtisane. Wissen, Bildung und Gelehrsamkeit von Frauen in der Frühen Neuzeit / Hrsg. M. Hohkamp und G. Jancke. Königstein, Ts. 2004. S. 202-224; Bar-ker P.S.D. *Caritas Pirkheimer: A Female Humanist Confronts the Reformation // Sixteenth Century**

создала этот текст в поздний период своей жизни, занимая руководящую должность и находясь на пике своей карьеры. Ее текст рассказывает о нюрнбергском монастыре Бедной Клары, аббатисой которого она была (с 1503 г.), и в основном охватывает период с 1524 по 1528 годы. В нем подробно описываются споры между монастырем с одной стороны и нюрнбергскими лютеранами (т.е. магистратом, лютеранскими богословами, родителями монахинь и в целом жителями Нюрнберга), с другой. Эти конфликты были связаны с вопросами реформатского богословия и религиозной жизнью монахинь в монастыре. Текст дает изложение в хронологической последовательности событий, документирующих вынужденный процесс перемен, которые монастырь был вынужден претерпевать, включая агрессивные и насильственные действия со стороны реформаторов извне и оборонительные действия аббатисы и монахинь изнутри. Текст фокусируется на последовательном документировании каждого события, подчеркивая единство монахинь – только одна из них изъявляла желание оставить монастырь, три были вынуждены оставить его против их собственного желания, подчинившись родительской воле и гражданским властям – и их компетентность в вопросах богословия, достаточную, чтобы убедительно возражать аргументам реформаторов. Эта часть рассказа завершается компромиссом, который аббатиса смогла достичь с магистратом в 1525 году после ее беседы с Филиппом Меланхтоном: оставшимся монахиням и аббатисе дозволялось находиться в монастыре до конца их жизни, но не разрешалось принимать новых сестер и иметь сношения с не лютеранскими церковнослужителями. Поскольку монахини лютеранских церковнослужителей не признавали, те составля-

---

Journal. 1995. No 2. S. 259-272; Strasser U. Brides of Christ, Daughters of Men: Nuremberg Poor Clares in Defense of Their Identity (1524-1529) // *Magistra: A journal of women's spirituality in history*. 1995. No 2. S. 193-248; Hess U. *Oratrix humilis. Die Frau als Briefpartnerin von Humanisten. Am Beispiel der Caritas Pirckheimer* // *Der Brief im Zeitalter der Renaissance* / Hrsg. Fr. J. Worstbrock. Weinheim, 1983. S. 173-203.

ющие их религиозной жизни, которые были связаны с таинствами и духовным наставничеством, быстро угасли. Последняя часть текста описывает серьезные материальные трудности, которые испытывали утратившие часть своих доходов монахини из-за необходимости уплаты налогов в установленные сроки одновременно со всеми остальными жителями магистрата. Постоянные просьбы об освобождении от этих налогов или, хотя бы, продлении срока их уплаты, показывают борьбу монахинь за выживание в угнетенном положении, как в материальном, так и в социальном смысле.

Очевидно, что целью сочинения было именно документирование истории и результатов конфликта, и что оно было адресовано в первую очередь сестрам монастыря и, может быть, также сестрам других монастырей, принадлежавших к этому же ордену²⁷. В случае публикации в печати это могла бы быть более широкая аудитория, как католиков, так и протестантов. Каритас Пиркхаймер, аббатиса, происходящая из семьи нюрнбергской знати, выступает в образе главы и сестры монастыря, с сознательным разрушением которого она была вынуждена столкнуться при исполнении своих обязанностей. Ее мудрое руководство в период нахождения в должности, кроме того, проявляется и в поведении каждой монахини в отдельности, и в поступках монахинь как сознательных членов всей группы, обнаруживающей тем самым крепкую организацию, способную защитить их совместную жизнь, общие религиозные представления и практики. И для аббатисы, и для монахинь богословие было частью их религиозной жизни в монастырском контексте женской религиозной общины²⁸.

В 1545 году Мартин Лютер (1483-1546) написал автобиографический текст на латыни и опубликовал его как

---

²⁷ В этом смысле сочинение Пиркхаймер преследует те же прагматические цели, что и монастырская хроника 1490-х. – См.: Schlottheuber E. Humanistisches Wissen und geistliches Leben. S. 118.

²⁸ Более детально об этом см.: Ead. Caritas Pirckheimer und Melanchthons Verteidigung der Nürnberger Klosterfrauen (особенно с. 61-63).

предисловие, представляющее первый том полного издания его латинских трудов²⁹. Создавая этот текст, как и Пиркхаймер, на высшей точке своей карьеры и в поздний период своей жизни, незадолго до кончины в 1546 году, он сконцентрировал внимание на периоде с 1517 по 1520/21, избрав полемику об индульгенциях в качестве ключевого периода своей жизни и опустив все остальные. Лютер подробно разъяснил, что он хотел сказать этим текстом, указав на несколько разных намерений: он хотел обосновать несистематический характер сборника его работ и объяснить, почему, несмотря на этот видимый изъян и отчасти против его собственных намерений, они должны быть переизданы в виде сборника; он хотел поместить свои работы в их биографический и исторический контекст (в первую очередь связанный с церковной историей) в качестве необходимого предварительного условия их оценки по достоинству; он хотел отвергнуть упрек в том, что его целью было создание вражды и неприязни, представив себя, напротив, консерватором; он также изображал себя скромным духовным лицом и преподавателем богословия, обретшим свои озарения через глубокое изучение Священного Писания как единственного источника и авторитета его богословских суждений, представляя себя тем самым послушным доподлинно истинному и законному авторитету веры. Помимо этого, представляя себя послушным также и светской политической власти, он посчитал необходимым отдать почесть саксонскому курфюрсту Фредерику Мудрому как его

---

²⁹ Публикации текста: Luther M. Vorrede zum ersten Bande der Gesamtausgaben seiner lateinischen Schriften, Wittenberg 1545 // *Id.* D. Martin Luthers Werke. Kritische Gesamtausgabe. Weimar, 1968. Vol. 54. S. 176-187 (сам текст – S. 179-187); Stracke E. Luthers großes Selbstzeugnis 1545 über seine Entwicklung zum Reformator, historisch-kritisch untersucht. Leipzig, 1926. Об автобиографическом тексте Лютера см. также: Jancke G. Autobiographie als soziale Praxis. S. 98, 152-157; Ead. Selbstzeugnisse im deutschsprachigen Raum. О жизни Лютера см.: Brecht M. Martin Luther. Bd. 1-3. Stuttgart, 1981-1987; Schilling H. Martin Luther. Rebell in einer Zeit des Umbruchs. München, 2012; Roper L. Martin Luther. Renegade and Prophet. London, 2016.

местному владыке и покровителю, в соответствии с указаниями которого он неизменно действовал. Кроме того, он указал на *Loci communes* Филиппа Меланхтона как на последовательное и основательное краткое изложение теологии Реформации, полезное для всех пасторов и богословов и потому настоятельно рекомендуемое им для ознакомления. Наконец, в последнем предложении он изобразил себя инструментом в руках Божьих³⁰.

Таким образом, Мартин Лютер, один из самых выдающихся церковных реформаторов и основателей протестантских церквей – правовед, монах, священник, профессор, бывший монах, муж и плодовитый писатель – представляет себя в качестве благочестивого ученого автора, знатока Священного Писания и преподавателя богословия, подчиняющегося Писанию как единственному религиозному авторитету, и одновременно как подданный, лояльный и послушный своему местному владыке, обращающийся к образованной читающей публике священнослужителей, отсылающий их к выдающемуся труду, созданному его коллегой, и, наконец, что с его точки зрения особенно важно, как орудие Божьей воли. Таким образом, этот автобиографический текст включает много больше, чем часто цитируемое суждение о его так называемом открытии оправдания в ходе Реформации, которое в действительности занимает только несколько строк и является лишь частью его аргументации.

Эти два автобиографических текста, оба написанные церковнослужителями, конечно, абсолютно разные. Пиркхаймер, ученая служительница церкви и член сообщества гуманистов, по праву подчеркивает *церковные* аспекты сво-

---

³⁰ Большинство этих мыслей недвусмысленно выражены в самом начале его текста. Другие – менее явно. В плане методологии исследования необходимо учитывать как непосредственно выраженные, так и имплицитные задачи автобиографического текста. См.: Jancke G. *Autobiographische Texte – Handlungen in einem Beziehungsnetz*. S. 76f. (Engl. transl.: *Autobiographical Texts: Acting within a Network*. S. 123f.); Ead. *Autobiographie als soziale Praxis*. S. 33f.; Enekel K. *Die Erfindung des Menschen*.

ей жизни, т.е. свое церковное положение монахини и настоятельницы монастыря, уделяя особое внимание современным делам. Она не фокусируется на описании самой себя. Вместо этого она акцентирует внимание на монастыре в целом как коллективе, помещая себя в него в качестве его лидера и подчеркивая свою ответственность за эту конкретную религиозную общину. Процесс написания этого текста был разделен между нею и несколькими монахинями: Пиркхаймер давала указания, вносила правку и отвечала за сочинение в целом, тогда как несколько монахинь писали непосредственно³¹. Решение строить текст от первого лица множественного числа (мы) с фрагментами от первого лица единственного числа (я), должно быть, принадлежало ей.

Лютер, также ученый церковнослужитель, подчеркивает *ученые* стороны своей жизни. Он упоминает о своем церковном статусе священника и монаха, но кратко, и также умалчивает о своей деятельности в орденах августинцев. Он также не упоминает о своей женитьбе на бывшей цистерцианской монахини Катарине фон Бора, положившей начало жизни в браке и семейному домохозяйству, а также центру ученых-реформаторов и изгнанников из разных мест. Папа описывается им не в религиозных или церковных понятиях, но как патрон – «patronus Pape», – который не соблюдает свои обязательства, проистекающие из отношений патронажа. Другие церковные власти помимо папы им почти не упоминаются. Взамен автор позиционирует себя просто как клиент и подданный его местного владыки, а также коллега его соратника по реформационному движению и ученого друга Филиппа Меланхтона.

Пиркхаймер защищала свой монастырь против тех нападок, которые Лютер провоцировал своими трудами – нападок, которые теперь предпринимались лютеранами свободного имперского города Нюрнберг на местном

---

³¹ Die «Denkwürdigkeiten» der Caritas Pirckheimer (aus den Jahren 1524-1528). S. 164-174.

уровне. Она, как и все монахини, хотела оставаться преданной их религиозному образу жизни – они отказались оставить монастырь и духовное сословие. Она, как и другие монахини, читала богословские тексты Лютера, и они обсуждали их между собой. В результате они разделяли многие его богословские взгляды, но не считали, что из-за этого им непременно следует оставить монастырь. Лютер же писал тогда, когда окончательно оставил свой орден. Еще на раннем этапе развития событий он стал религиозным лидером, яростно нападающим на папство и монашество, то есть лидером в трансрегиональном измерении. Больше того, он стал главой реформационного движения в целом и также главой новой реформированной местной церкви, которую один за другим поддерживали местные князья Саксонского электората. Тогда как Пиркхаймер документировала защиту своего монастыря как объединения монахинь, способного интегрировать новые богословские идеи, но не желавшего признать семейную жизнь как единственное религиозно оправданное жизнеустройство, Лютер своим автобиографическим предисловием провозглашал себя одним из главных реформационных богословов, оставляющим корпус своих богословских трудов для использования будущими поколениями ученых.

Однако наряду с этими отличиями оба текста также демонстрируют ряд общих характеристик: (1) Они имеют дело только с одним периодом жизни автора. (2) Они используют литературные жанры, выбранные из числа возможных. (3) Они смешивают автобиографические отрывки с другими литературными жанрами (напр. с собранием богословских трудов и историографией соответственно). (4) Они помещены в контекст конкретного жизненного периода и конкретной ситуации, а также в более широкий исторический, социальный, религиозный и литературный контекст. (5) Они следуют некоему замыслу и, соответственно, некоей стратегии письма. (6) Они преследуют прагматическую цель, связанную с конкретными проблемами, и в то же время включают перспективу более широких временных

отрезков и более широкой социальной структуры. (7) Они написаны на одном из языков, доступных автору, или выбранном им/ей как подходящий. (8) Они адресованы определенной аудитории, которая или подразумевается, или указывается прямо. (9) Они создают письменный акт коммуникации с избранной публикой. (10) Они делают это, в одном случае, в печатной, в другом, в рукописной форме.

Однако Каритас Пиркхаймер и Мартин Лютер не были исключениями. Они просто являются здесь двумя примерами, взятыми из большого числа церковнослужителей и людей веры, которые писали автобиографические тексты такого рода в период Средневековья и раннего Нового времени.

3. Люди веры как автобиографы – контекст социальной группы

Пиркхаймер и Лютер, писавшие соответственно в 1520-х и 1540-х годах, в период религиозной нестабильности эпохи Реформации, находились на более-менее противоположных полюсах. Однако построение автобиографических сочинений не определяется просто конфессиональными различиям или какой-то четкой границей секулярное-религиозное.

Пиркхаймер и монахини ее монастыря хотели остаться духовными лицами, конкретно – членами религиозного ордена и женской общины, возглавляемой женщиной. Поэтому, даже соглашаясь с протестантами-лютеранами по нескольким важным богословским вопросам, она тщательно подготовила свой автобиографический текст как документ борьбы за преемственность в институциональном и личном плане. Этот текст являлся продолжением хроники, рассказывающей об истории нюрнбергского монастыря Бедной Клары, которая была создана в 1490-х годах. Каритас Пиркхаймер, занимавшая в то время должность наставницы послушниц, отвечала за составление этой хроники

вместе с одним францисканским монахом. Обе хроники, ранняя 1490-х и поздняя автобиографическая 1520-х годов, имели прагматические цели и включали сведения, а также копии документов для практического использования, прежде всего во взаимоотношениях монахинь с магистратом³². Тогда как ее текст в основном охватывает лишь несколько лет из периода ее пребывания в должности, подобно тексту францисканской терциарки из Санкт-Галлена Вибрат Мёрли (до 1510-1550), другие начальницы монастырей – например, бенедиктинка Мария Магдалена Хайденбухер (1576-1650) или канонисса-августинка Клара Штайгер (1588-1656)³³ – документируют весь период своего нахождения в должности аббатисы или приорессы. В этих последних случаях автобиографический текст по-прежнему касается монастыря в целом, но в гораздо большей степени посвящен повседневным делам, связанным с управлением такого рода общезианием, включая различную имущественную деятельность: организацию сельскохозяйственных работ и работ внутри монастыря, получение и расходование арендной платы и других сборов, заботу о содержании строений, контроль за разного рода внешними связями со священниками, монахами, другими монахинями, крестьянами, бюргерами, ремесленниками, солдатами, епископами и т.д., а также внутренних отношений и проблем.

То же самое справедливо и по отношению к автобиографическим текстам, написанным церковнослужителями-мужчинами – аббатами или настоятелями, епископами, приходскими священниками. Большинство этих текстов имели вполне прагматический характер и часто форму дневника или хроники, отмечая события и дела день за днем, год за годом, в некоторых случаях разрастаясь в более пространные исторические описания, как, например, несколь-

---

³² Schlotheuber E. Humanistisches Wissen und geistliches Leben.

³³ Klara Staigers Tagebuch. Aufzeichnungen während des Dreißigjährigen Krieges im Kloster Mariastein bei Eichstätt / Hrsg. O. Fina. Regensburg 1981. Ср.: Jancke G. Clara Staiger – la priora // Barocco al femminile / Ed. Giulia Calvi. Roma; Bari, 1992. P. 97-126.

ко текстов, написанных бенедиктинским аббатом Иоганном Тритемием (1462-1516). В других случаях автобиографическая форма используется для того, чтобы сообщить сведения о жизни автора до его вступления в нынешнюю должность. Они могли служить для того, чтобы подтвердить пройденный ранее жизненный путь или воздать хвалу какому-то патрону, способствовавшему ее получению. Такая модель могла также обособить чью-то прежнюю жизнь от этапа, начинающегося в момент написания сочинения, как в случае с ново назначенным кардиналом Николаем Кузанским (1401-1464) или ново назначенным помощником епископа Иоганном Насом (1534-1590). Пасторы и теологи различных реформированных церквей, как и церковнослужители Римской католической церкви – например, цюрихский первосвященник Генрих Буллингер (1504-1575) – также иногда писали о своих должностных обязанностях, или о разных гостях, которых они принимали в своих братских общинах, как цюрихский профессор Ветхого Завета Конрад Пелликан (1478-1556).

Лютер, который в определенный период жизни по существу перестал быть священником и монахом, продолжал жить в здании своего бывшего монастыря в Виттенберге, в то время как его оставило большинство братии, и он продолжал находиться там после женитьбы, начав использовать дом для ведения хозяйства семейного типа. При этом он продолжил свою научную и пастырскую деятельность в качестве университетского профессора и проповедника. В то время как церковные институты, до этого времени обеспечивавшие в Саксонском электорате социальное и религиозное пространство для его деятельности, постепенно приходили в упадок, он продолжал совмещать свои обязанности профессора и проповедника в недавно созданных институтах местной лютеранской церкви. Соответственно, он выстроил свой автобиографический текст как часть этой неизменившейся сферы своей деятельности, добавляя тем самым важный компонент к своему общему аргументу о ее преемственности. Он не упоминает ни другие сферы дея-

тельности, с которыми он порвал, ни свои практические дела день за днем и год за годом. Как и другие ученые-клирики и университетские профессора, например, Иоганн Экк (1486-1543), или связанные с кругом гуманистов и их сообществами, например, Якоб Вимпфелинг (1450-1528), либо живущие и работающие независимо, как Эразм (1466/69-1536), он мог использовать различные жанры, способные достичь аудитории за пределами его церковной общины или религиозного ордена как в рукописном, так и в печатном виде, включая предисловия и письма. В качестве способа публикации либо через личные связи, либо через продажу потенциальным читателям, необязательно имеющим связи с автором, могли быть использованы и рукописная, и печатная формы³⁴. В соответствии с протестантскими представлениями о церкви и ее религиозных авторитетах, он больше не считал себя священнослужителем, строго отличающимся от мирян и одновременно интегрированным в кликальную иерархию Римско-католической церкви. Вместо этого он подчеркивал важность изучения Писания и свои отношения с влиятельным патроном: сначала Папой, а затем саксонским курфюрстом. Хотя это означало также изменение подчиненности церковным институтам на подчиненность светскому государству территориальной юрисдикции, он лишь упоминает о переходе от одного патрона к другому. Больше того, он изобразил себя находящимся в непосредственной связи с Богом, инструментом Бога и его слугой, руководимым Божьей волей. Как и многие другие автобиографы – как ведущие религиозную, так и светскую жизнь, – он был частью растущей социальной группы ученых с общей групповой культурой, практиками, связями, формами гостеприимства, устными и письменными способами коммуникации³⁵. Так же, как и во многих других его трудах, публиковавшихся на протяжении многих лет раньше, в своем автобиографическом тексте он проповедовал,

---

³⁴ Jancke G. *Autobiographie als soziale Praxis*. S. 197-209.

³⁵ *Ibid.* S. 166-210.

обращаясь к обладающей глубокими знаниями ученой публике.

Получить доступ к этой обширной публике со своими автобиографическими сочинениями, преодолевая границы (а) общины, (б) монашеского ордена и (в) последующих поколений, некоторым людям было проще, чем другим. Это особенно справедливо для представителей социальных элит, представителей церковных институтов и ученых вроде Мартина Лютера. Гендерная асимметрия и гендерная иерархия, соответственно наделяющие особыми правами преимущественно образованных мужчин, обладающих властными полномочиями, также имеет значение для широты аудитории и распространения текста³⁶.

В контексте таких групп существовали не только разного рода люди веры, но обычно и авторы автобиографических сочинений. Поскольку разные социальные группы могли накладываться одна на другую, у многих авторов был выбор. Автобиографические тексты XV и XVI веков отчетливо показывают, что их создатели помещали их в определенный коммуникативный контекст. Выбор и оценка этого контекста зависели от предпочтений авторов, и их тексты показывают, что они осознавали это и совершали его после тщательного обдумывания. Тогда как некоторые из них адресовали свои автобиографические сочинения членам их собственной социальной группы, находившимся в непосредственной или относительной близости, другие стремились преодолеть большие расстояния в смысле географического и социального пространства и времени³⁷. Что бы они

---

³⁶ Ibid. S. 198f. Cp.: Pomata G. Partikulargeschichte und Universalgeschichte – Bemerkungen zu einigen Handbüchern der Frauengeschichte // *L'Homme* Z.F.G. 1991. Nr. 2. S. 5-44.

³⁷ Jancke G. Selbstzeugnisse von Gelehrten und soziale Praktiken des Wortes – personale Identität? Personkonzepte, Zugehörigkeit und Vergangenheitskonstruktionen // *Geschichtsentwürfe und Identitätsbildung am Übergang vom zur Neuzeit*. Vol. 1: Paradigmen personaler Identität / Hrsg. L. Grenzmann, B. Hasebrink und Fr. Rexroth. Berlin; Boston, 2016. S. 234-265.

ни имели на уме в каждом случае, все их сочинения задумывались как социальные поступки в еще более широком контексте общества в целом.

4. Автобиографические сочинения раннего Нового времени – контекст общества и исторического периода

Как отмечалось выше, исторический контекст свидетельствует, что написание автобиографий являлось частью процесса исторических изменений. Для многих автобиографических текстов, написанных на протяжении XV и XVI столетий, принадлежность их авторов к духовному сословию была важной предпосылкой, однако ее относительная важность стала утрачиваться задолго до Реформации. Написание автобиографий людьми веры было частью их ближайших социальных и институциональных контекстов, которые могли оставаться, по существу, неизменными. Одновременно, оно являлось частью более широкого социального и религиозного пейзажа со многими другими действующими лицами и с далеко идущими процессами перемен. Написание автобиографий представляло собой социальную практику как в ближайшем, так и в более широком контексте. После рассмотрения ближайшего и среднего контекстов – ситуации написания и социальной группы – рассмотрим теперь более широкий контекст, включающий макроуровневые подходы.

Начиная с 1400-х в германоязычных странах писалось все больше и больше автобиографических текстов. Если в Средние века из числа христианского большинства населения обычно только церковнослужители имели достаточные навыки грамоты и время, а также материальные и институциональные возможности писать, сохранять и передавать тексты любого рода – включая автобиографические сочинения, – около 1400 года эта ситуация принципиально из-

менилась³⁸. К северу от Альп были созданы первые бумажные производства, начавшие делать бумагу, гораздо более дешевый материал для письма, чем пергамент. Ульман Штример (1329-1407), основатель (в 1392 году) и владелец первого бумажного производства в германоязычных странах, был также одним из первых светских авторов автобиографических записок. К тому же в светской среде росла грамотность, особенно среди мужчин и городской верхушки, купцов и ремесленников.

Ученые как особо значимая социальная группа, стали находить для своих специализированных знаний и навыков должности, не связанные с духовным сословием, и они создавали для себя такие должности во все возрастающем числе и в самых разных областях. В результате быстро развивалась нецерковная группа ученых, что имело далеко идущие последствия для складывания новых типов домохозяйств, частью которых они являлись³⁹. Больше того, ученым-мужчинам удалось сделать свои собственные специализированные знания и ценности значимыми для общества в целом. С течением времени верхушка ученых и знати подвергалась процессу реорганизации в соответствии с представлениями ученых и их практиками, полностью изменив властные практики дворянства и их представления о

---

³⁸ См. Schmolinsky S. *Sich schreiben in der Welt des Mittelalters*; Jancke G. *Autobiographie als soziale Praxis*; Ead. *Selbstzeugnisse im deutschsprachigen Raum*.

³⁹ См.: Schwinges R. *Chr. Karrieremuster: Zur sozialen Rolle der Gelehrten im Reich des 14. bis 16. Jahrhunderts* // *Gelehrte im Reich. Zur Sozial- und Wirkungsgeschichte akademischer Eliten des 14. bis 16. Jahrhunderts* / Hrsg. Id. Berlin, 1996. S. 11-22; Algazi G. «Sich selbst vergessen» im späten Mittelalter: Denkfiguren und soziale Konfigurationen // *Memoria als Kultur* / Hrsg. O.G. Oexle. Göttingen, 1995. S. 387-427; Id. *Gelehrte Zerstreutheit und gelernte Vergeßlichkeit* // *Der Fehltritt. Vergehen und Versehen in der Vormoderne* / Hrsg. P. v. Moos. Köln, etc., 2001. S. 235-250; Id. *Scholars in Households: Refiguring the Learned Habitus 1480-1550* // *Science in Context*. 2003. No 1-2. P. 9-42; Id. «Geistesabwesenheit». *Gelehrte zu Hause um 1500* // *Historische Anthropologie*. 2005. Nr. 3. S. 325-342; Id. *Eine gelernte Lebensweise. Figurationen des Gelehrten lebens zwischen Mittelalter und Früher Neuzeit* // *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*. 2007. Nr. 2. S. 107-118.

маскулинности, а также установив союз верхушки знати и ученых мужского пола друг с другом. Такое развитие событий внесло свою лепту в масштабный макроисторический процесс, начавшийся в XV столетии и продолжавшийся на протяжении всего периода раннего Нового времени⁴⁰. Основную массу авторов автобиографических сочинений XV и XVI веков, как мужчин, так и женщин, составляют теперь ученые (как светские, так и служители церкви), клирики (ученые или нет) и представители знати⁴¹. Одновременно среди языков этих текстов, помимо латыни, на первый план выходит местный язык. Глубокие сдвиги произошли также внутри Римской католической церкви вследствие реализации программ религиозных реформ, а также вследствие процесса ее разделения, следствием которого, начиная с XVI века, был рост Лютеранской, Реформированной и некоторых других менее значительных церквей. В результате такого развития событий Римская католическая церковь также испытала процесс преобразований и перемен, представления о религиозной жизни и людях веры существенно изменились, став более разнообразными.

---

⁴⁰ Jancke G. Der Wert der Worte – Bewerten und Prozessieren in Handlungsketten im Kontext von frühneuzeitlicher Gastlichkeit // Die Ökonomie sozialer Beziehungen – Ressourcenbewirtschaftung als Geben, Nehmen, Investieren, Verschwenden, Haushalten, Horten, Vererben, Schulden / Hrsg. G. Jancke und D. Schläppi. Stuttgart, 2015. S. 127-155; Ead. Gastfreundschaft in der frühneuzeitlichen Gesellschaft – Praktiken, Normen und Perspektiven von Gelehrten. Göttingen, 2013. S. 123-134.

⁴¹ Из 179 авторов автобиографий XV-XVI веков, составивших эмпирическую базу этого исследования, 113 учились в университетах, 70 были теологами и/или клириками, 38 принадлежали к духовному сословию, 79 были известны как писатели или люди искусства (каждая из этих групп могла перекрывать другую). Треть авторов принадлежала к аристократии или верхушке дворянства (18 происходили из семей аристократов и 43 из дворян). В общей сложности две трети авторов принадлежали либо к духовному сословию, либо к высшим светским. Все 8 авторов-женщин принадлежали к этим группам элиты (3 аббатиссы, 4 дворянки, одна религиозная писательница). – См.: Jancke G. Autobiographie als soziale Praxis. S. 16; Ead. Selbstzeugnisse im deutschsprachigen Raum.

В позднее Средневековье и раннее Новое время из преимущественно клерикальных контекстов Средних веков автобиографические сочинения, наряду с грамотностью и доступностью материалов для письма, стали распространяться и на другие общественные группы. Грамотность и письмо приобретали значимость в качестве источники информации в многообразных ситуациях и контекстах для все большей части населения, со временем глубоко трансформировав общество в целом, включая способы контроля над ресурсами, управление, юрисдикцию, коммуникацию, систему связей между людьми. Все больше и больше людей, не принадлежавших к духовному сословию, стали создавать тексты о себе, каждый изображая собственную особу и собственную жизнь. В результате этого процесса и церковнослужители в качестве авторов автобиографий, и написание автобиографических сочинений, включавших религиозные темы и проблемы, больше не были зависимы от чисто религиозных контекстов и институтов, как это было раньше. Письмо вторгалось в растущее число сфер жизни, тогда как религия становилась одной из них – как для служителей церкви, так и для мирян.

Рассказы о себе Пиркхаймер и Лютера были частью мира, в котором аргумент автобиографического характера, изложенный в письменной форме, мог быть использован в разных религиозных или светских сферах деятельности, с разных позиций, исходя из разных представлений, будучи расположен в разных социальных пространствах и в свою очередь формируя разные виды социального пространства. Таким образом, эти коммуникативные акты были действительны на микроуровне, а также на мезо- и макроуровне их общества. Они составляли специфический и легко приспособляющийся к ситуации набор социальных практик. Пиркхаймер и Лютер как люди веры были в той же мере частью этого меняющегося мира религии, церковных землевладений и грамотности, и их автобиографические сочинения в той же мере участвовали в процессах развития этих социальных практик, как и автобиографические сочинения

их неклерикальных, но необязательно нерелигиозных современников.

5. Религия в диалоге: литературный жанр, человек и общество

Безусловно, автобиографические тексты, не являются специфическим религиозным видом сочинений. Однако в смысле контекстов, аудиторий, содержания и целей, автобиографические тексты, написанные людьми веры Пиркхаймер и Лютером, безусловно, относятся к религиозной сфере жизни их авторов. Как литературные речевые акты⁴² эти тексты были частью религиозных практик, религиозных конфликтов, религиозных образов жизни и религиозных сообществ в ходе их формирования и переформирования. Они в первую очередь понимались как религиозные способы общения, делающие заявления религиозного характера для аудиторий верующих тем способом, который соответствовал религиозным нормам надлежащего поведения. Все сказанное глубоко укоренено в общем контексте трансформаций церкви, общества и государственного устройства в немецкоязычных регионах в начале XVI столетия.

Через призму этих автобиографических текстов оба писателя могут быть рассмотрены как исторические действующие лица, действующие схожим образом на микроуровне их собственных жизней в соответствующих контекстах. Это открывает новые перспективы исследований, не связанных с поздними суждениями об исторической важности этих людей для последующих поколений. Что касается исторических действующих лиц, рассмотрение религии через призму автобиографических текстов выводит на передний план ракурсы, ориентированные на представление о человеке, которое является одновременно контексту-

---

⁴² См. выше прим. 4.

альным, иерархическим, гетерономным, осмотическим, относителем и общественно-ориентированным. В отношении социальных групп исследовательская перспектива должна адаптироваться соответственно и включать установки каждого из действующих лиц, а также социальные связи, в первую очередь патронажа, дружбы, родства, отношений внутри общины, вражды. Чтобы писать на темы религии, и Пиркхаймер, и Лютер использовали своеобразную автобиографическую форму, обращаясь в другое время к иным жанрам. Оба автора писали как люди веры, начавшие свою деятельность в качестве церковнослужителей из монашеской среды. Для обоих главной темой их автобиографических текстов была религиозная и моральная индивидуальность, интегрированная в более широкие сообщества людей. Сравнение обоих текстов позволяет нам яснее увидеть, как неразрывно были связаны литературный жанр, человек и локальное сообщество.

Пиркхаймер столкнулась с адресованными ей и монахиням ее монастыря требованиями выйти из духовного сословия, чтобы обрести религиозную и нравственную индивидуальность в условиях изменившегося государственного устройства. Религиозная и нравственная индивидуальность, которую они столь успешно обрели ранее, поступив в монастырь и сообщество ордена францисканцев, была признана недействительной их противниками, поскольку составляла часть институциональной структуры Римско-католической церкви с соответствующей организацией духовенства и религиозными обрядами. Только выйдя из этой структуры монахини могли получить возможность заново обрести религиозную и моральную индивидуальность, став частью церковного и религиозного порядка их местного общества, в котором местная церковь была интегрирована в местное государственное устройство под надзором городского магистрата. Только отказавшись от основ своей религиозной и социальной общности, все еще представлявшей для них ценность, но отвергнутой их оппонентами, они могли стать частью важнейших социальных и моральных

связей, распространявшихся на всех членов новообразованного государственного устройства и составлявших основание, на котором зиждилось местное сообщество.

В то же самое время Лютер, фактически порвав с духовным сословием, столкнулся затем с ожесточенной критикой тех, кто видел в этом измену одновременно религиозной и моральной индивидуальности, религиозному, церковному и политическому порядку и всем социальным и моральным обязательствам. Ни о чем из этого не упоминается в его тексте прямо. Однако многолетняя резкая полемика между Лютером и его оппонентами вроде Иеронима Эмзера или Иоанна Кохлеуса косвенно в нем присутствует, обеспечивая необходимый фон для его понимания⁴³. В своем автобиографическом предисловии 1545 года Лютер имел дело с этой продолжающейся конфликтной ситуацией, отвечая своим критикам, не называя никого из них в отдельности и не касаясь их критических аргументов. Отмечая сдвиг моральных и религиозных предпочтений собственной индивидуальности от папства к местному государю и подчеркивая, что его покорность власти все это время оставалась неизменной, он одновременно показывал, что его личные принципы являются цельными, постоянными и, следовательно, заслуживающими доверия.

Очевидно, что в обоих этих автобиографических текстах религия понимается как ответ на вопрос, как жить в соответствии с вероисповедными принципами. Практики, а также местные сообщества, составляли основной элемент такой жизни. В обоих случаях это было связано с богословием: для Пиркхаймер оно было частью ее (и других монахинь) жизни монахини и аббатисы ее монастыря. Оно было частью ведения монашеского образа жизни, включающего молитву, литургию и таинства в том виде, в котором

---

⁴³ Ср.: Bagchi D.V.N. Luther's Earliest Opponents. Catholic Controversialists, 1518-1525. Minneapolis, 1991; Edwards M.U., Jr. Lutherschmähung? Catholics on Luther's Responsibility for the Peasants' War // Catholic Historical Review. 1990. No 3. P. 461-480.

они сложились и велись в поздней Античности, на протяжении всего Средневековья и в обновленном виде после реформ XV века⁴⁴. Для Лютера богословие было частью его жизни монаха, а также его жизни после того, как он прекратил жить монашеской жизнью. Его профессорская должность в Виттенбергском университете – местном учебном заведении, которое было основано, финансировалось и курировалось местным правителем – являлась для него важным элементом его личной и профессиональной цельности. Тогда как Лютер объединил монашеское богословие с университетским и пастырским богословием через устное и письменное слово, Пиркхаймер практиковала монашеское и пастырское богословие внутри ее монастыря, а также за его пределами посредством переписки. Через свои автобиографические тексты каждый из авторов отстаивал свою роль религиозного наставника и руководителя, имеющего пастырские обязанности по отношению к другим. Пиркхаймер и Лютер схожим образом использовали свои автобиографические сочинения для демонстрации того, что они в полной мере способны и компетентны, а также легитимны, для обладания соответствующими полномочиями.

Их богословие было интегрировано в практики религиозной жизни на повседневном уровне. Оно практиковалось, принималось и оценивалось в зависимости от его потенциала вовлеченности в микро-уровень бытия – особенно в виде богословия монашеского и пастырского, но также университетского. Лютер прямо говорит, что то контекстуальное богословие, которое он практиковал всю свою жизнь, должно быть отделено от его связи с обстоятельствами и полемиками. Публикация собрания его сочинений делало его богословие доступным для будущих поколений, а также для распространения внутри новосозданной традиции лютеранских церквей, составляя то, что было значимым вне конкретных локальных контекстов и ситуаций на микроуровне. Теперь, в конце жизни, его богословие долж-

---

⁴⁴ См. выше прим. 21 и 28.

но было перейти в канон долговременной традиции, чтобы им распоряжались ученые и знающие люди. Этот процесс превращения его богословия в великую традицию, которая мыслилась значимой за пределами конкретных контекстов и, следовательно, находящейся на макроуровне, впрочем, не зависел от его желаний⁴⁵.

И в их индивидуальных, и в общих контекстах Пиркхаймер и Лютер своими автобиографическими сочинениями развивают представления о религии, которые являются ситуативными, локальными, личными, но одновременно связанными со всеохватывающими структурами социального и церковного устройства. Для обоих важны их прожитые жизни в вере. И она, и он, обращаясь к своей аудитории, описывают именно свои жизни в вере, тем самым делая их открытыми для дискуссий – в обоих случаях на определенном этапе продолжающегося обсуждения их жизней. Эти обсуждения начались раньше и продолжались много позже окончания ими их автобиографических текстов. Литературный речевой акт автобиографического текста, как и практики религиозной жизни, были неизменно включены в сеть связей и обязательств социальных отношений, а также различных локальных сообществ, включая церковные и политические структуры и их меняющиеся отношения друг с другом.

---

⁴⁵ Об основании традиций в раннее Новое время и управлении ими см.: Jancke G. Tradition(en) als kollektive Ressourcen – Nutzung und Formen der Teilhabe in gelehrten Kontexten von der Frühen Neuzeit bis in die Gegenwart // Von der Allmende zur Share Economy. Gemeinbesitz und kollektive Ressourcen in historischer und rechtlicher Perspektive / Hrsg. M. Gruber und D. Schläppi. Berlin, 2017 (forthcoming); см. также прим. 37 выше. Понятие «великой традиции» как противоположности «малой традиции» было разработано антропологом Робертом Редфилдом: Redfield R. Peasant Society and Culture. Chicago, 1956. P. 40-59.

6. Заключение: Социальные практики, религиозные практики

В заключение следует привести три соображения:

(1) Эти автобиографические тексты обращены к аудитории других людей. Их авторы соответствующим образом выбрали для своих текстов язык. Они избрали, каждый для своей цели, жанр, понятный им самим и их аудитории. Аудитория состояла по-преимуществу из людей веры в том смысле, в каком понимал это каждый из авторов. Кроме того, аудитория обоих автобиографических текстов часто состояла из таких людей, перед которыми каждый из авторов по-своему чувствовал себя ответственным в качестве лидера. Одна изображала себя главой религиозной общины, другой – наделенным определенными полномочиями.

(2) Авторы хотели оставить след тем, что должны были сказать – отчасти желая повлиять на ход событий, по крайней мере в их непосредственном окружении, отчасти представить свой взгляд на происходящее для своих наследников в качестве завещания. В их непосредственном контексте – т.е. на микроуровне – автобиографические тексты были рассчитаны на то, чтобы, приводя положительные или отрицательные примеры, служить моделями поступков для соответствующей аудитории. В этом смысле автобиографическое сочинение было попыткой мотивировать читателей действовать определенным образом. На следующем этапе их действия, в свою очередь, должны были инициировать ряд поступков в их окружении, т.е. в их ближайших, а также более удаленных контекстах (т.е. на микро- и мезоуровне). Авторы разработали соответствующую стратегию и в соответствии с ней построили свои тексты. Кроме этого, автобиографические тексты являлись частью процесса создания ресурсов памяти на микро- и макроуровне. Следовательно, автобиографические тексты задумывались как проекты мемориализации, в которые включены будущие поколения. Они понимались как ресурс, из которого предстоит черпать современникам и потомкам, представляя на микроуровне малый элемент того большего, которое предстоит постро-

ить, коммуникативную память мезо-уровня, потенциально вливающуюся в коллективную культурную память общества на макроуровне⁴⁶.

(3) В своих автобиографических текстах писатели изображали разнообразные стороны их жизней и личностей, не обязательно связанные с религией в узком смысле слова. Во многих случаях практики автобиографического письма были прагматическими и социально ориентированными, нацеленными на ситуации микроуровня с перспективой более широкого охвата. Соответственно, социальные практики, которые они привели в движение, создавая эти тексты, имели широкий диапазон. В этом непосредственном смысле они могут казаться текстами не вполне религиозными. Однако их авторы были в конечном счете озабочены духовными благами и отношениями с Богом – своими собственными, а зачастую и других. Об этой религиозной направленности их автобиографические тексты свидетельствуют не всегда явным образом. По сути, как об этом убедительно свидетельствуют тексты Каритас Пиркхаймер и Мартина Лютера, такого рода сочинения могут интерпретироваться как часть широкого разнообразия *религиозных* практик. Что касается реконструкции религиозных последствий социальных практик автобиографического письма в деталях, то эту увлекательную задачу еще предстоит решать исследователям.

Перевод с английского Ю.П. Зарецкого

---

⁴⁶ Assmann A. Erinnerungsräume. Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses. 5., durchgesehene Aufl. München, 2010; Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1992; Ulbrich Cl., Medick H., Schaser A. Selbstzeugnis und Person. Transkulturelle Perspektiven // Selbstzeugnis und Person – transkulturelle Perspektiven / Hrsg. Ead., Id. und Id. Köln, etc. 2012. S. 1-19; Jancke G. Selbstzeugnisse von Gelehrten und soziale Praktiken des Wortes. S. 258.

Библиография

Источники:

1. Der hochberühmten Charitas Pirkheimer, Aebtissin von S. Clara zu Nürnberg, Denkwürdigkeiten aus dem Reformationszeitalter, aus den Originalhandschriften zum ersten Male hg. und mit einem urkundlichen Commentare versehen v. Constantin Höfler. Bamberg, 1852.
2. Die «Denkwürdigkeiten» der Caritas Pirkheimer (aus den Jahren 1524-1528). Textkritisch hg. v. Josef Pfanner. Landshut, 1962.
3. Die Denkwürdigkeiten der Äbtissin Caritas Pirkheimer / Hrsg. Fr. Renner. St. Ottilien, 1982.
4. Klara Staigers Tagebuch. Aufzeichnungen während des Dreißigjährigen Krieges im Kloster Mariastein bei Eichstätt / Hrsg. O. Fina. Regensburg 1981.
5. Luther M. Vorrede zum ersten Bande der Gesamtausgaben seiner lateinischen Schriften, Wittenberg 1545 // *Id.* D. Martin Luthers Werke. Kritische Gesamtausgabe. Weimar, 1968. Vol. 54. S. 176-187.

Исследования:

6. Algazi G. «Geistesabwesenheit». Gelehrte zu Hause um 1500 // *Historische Anthropologie*. 2005. Nr. 3.
7. Algazi G. «Sich selbst vergessen» im späten Mittelalter: Denkfiguren und soziale Konfigurationen // *Memoria als Kultur* / Hrsg. O.G. Oexle. Göttingen, 1995.
8. Algazi G. Eine gelehrte Lebensweise. Figurationen des Gelehrten

- lebens zwischen Mittelalter und Früher Neuzeit // Berichte zur Wissenschaftsgeschichte. 2007. Nr. 2.
9. Algazi G. Gelehrte Zerstretheit und gelernte Vergeßlichkeit // Der Fehltritt. Vergehen und Versehen in der Vormoderne / Hrsg. P. v. Moos. Köln, etc., 2001.
  10. Algazi G. Scholars in Households: Refiguring the Learned Habitus 1480-1550 // Science in Context. 2003. No 1-2.
  11. Asad T. Genealogies of Religion. Discipline and Reasons of Power in Christianity and Islam. Baltimore; L., 1993.
  12. Assmann A. Erinnerungsräume. Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses. 5., durchgesehene Aufl. München, 2010.
  13. Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1992.
  14. Bagchi D.V.N. Luther's Earliest Opponents. Catholic Controversialists, 1518-1525. Minneapolis, 1991.
  15. Bähr A., Burschel P., Jancke G. Räume des Selbst. Eine Einleitung // Räume des Selbst. Selbstzeugnisse transkulturell / Hrsg. A. Bähr, P. Burschel, G. Jancke. Köln etc., 2007.
  16. Barker P.S.D. Caritas Pirckheimer: A Female Humanist Confronts the Reformation // Sixteenth Century Journal. 1995. No 2.
  17. Brecht M. Martin Luther. Bd. 1-3. Stuttgart, 1981-1987.
  18. Cescutti E. Quia non convenit ea lingua foeminis – und warum Charitas Pirckheimer dennoch lateinisch geschrieben hat // Nonne, Königin und Kurtisane. Wissen, Bildung und Gelehrsamkeit von Frauen in der Frühen Neuzeit / Hrsg. M. Hohkamp und G. Jancke. Königstein, Ts. 2004.
  19. Dekker R. Egodocumenten: Een literatuuroverzicht // Tijdschrift voor Geschiedenis. 1988. No 2. S. 161-189; Egodocuments and History. Autobiographical Writing in its Social Context since the Middle Ages / Ed. R. Dekker. Hilversum, 2002.
  20. Echevarría A.G. La dicotomía emic/etic. Historia de una confusión. Rubí, 2009.
  21. Edwards M.U., Jr. Lutherschmähung? Catholics on Luther's Responsibility for the Peasants' War // Catholic Historical Review. 1990. No 3.
  22. Egodocuments / Ed. M. Fulbrook and U. Rublack // German History. 2010. No 3 (Special issue).
  23. Emics and Etics. The Insider/Outsider Debate / Ed. Th.N. Headland, K.L. Pike and M. Harris. Newbury Park, etc., 1990.
  24. Encyclopedia of Life Writing. Autobiographical and Biographical

- Forms / Ed. M. Jolly. 2 vols. London; Chicago, 2001.
25. Enekel K.A.E. Die Erfindung des Menschen. Die Autobiographik des frühneuzeitlichen Humanismus von Petrarca bis Lipsius. Berlin; New York, 2008.
  26. Genette G. Seuil. Paris, 1987.
  27. Greyerz K. v. Religion in the Life of German and Swiss Autobiographers (Sixteenth and Early Seventeenth Centuries) // Religion and Society in Early Modern Europe 1500-1800 / Ed. Idem. London, etc. 1984.
  28. Greyerz K. v. Religion und Kultur. Europa 1500-1800. Darmstadt, [2000].
  29. Hahn Chr. Innensichten, Außensichten, Einsichten. Eine Rekonstruktion der Emic-Etic-Debatte. Aachen, 2005.
  30. Handbuch der Religionsgeschichte im deutschsprachigen Raum. Vol. 4: 1650-1750 / Hrsg. U. Treusch und A. Conrad. Paderborn, etc., 2012.
  31. Hartmann E., Jancke G. Roupens «Erinnerungen eines armenischen Revolutionärs» (1921/1951) im transepochnen Dialog – Konzepte und Kategorien der Selbstzeugnis-Forschung zwischen Universalität und Partikularität // Selbstzeugnis und Person – transkulturelle Perspektiven / Hrsg. Cl. Ulbrich, H. Medick, A. Schaser. Köln, etc., 2012.
  32. Hess U. Oratrix humilis. Die Frau als Briefpartnerin von Humanisten. Am Beispiel der Caritas Pirekheimer // Der Brief im Zeitalter der Renaissance / Hrsg. Fr. J. Worstbrock. Weinheim, 1983.
  33. Identity: A Reader / Ed. P. du Gay, J. Evans, P. Redman. London, etc. 2000.
  34. Jancke G. «Individuality», Relationships, Words About Oneself: Autobiographical Writing as a Resource (15th/16th centuries) – Konrad Pellikan's Autobiography // Forms of Individuality in the Medieval and Early Modern Period / Ed. F.-J. Arlinghaus. Turnhout, 2015.
  35. Jancke G. (при участии М. Jarzebowski, К. Krönert и У. Аβmann). Selbstzeugnisse im deutschsprachigen Raum (Autobiographien, Tagebücher und andere autobiographische Schriften), 1400-1620. Eine Quellenkunde. URL: <http://www.geschkult.fu-berlin.de/e/jancke-quellenkunde>.
  36. Jancke G. Autobiographie als soziale Praxis. Beziehungskonzepte in Selbstzeugnissen des 15. und 16. Jahrhunderts im deutschsprachigen Raum. Köln, etc., 2002.
  37. Jancke G. Autobiographische Texte – Handlungen in einem Bezi-

- ehungsnetz. Überlegungen zu Gattungsfragen und Machtaspekten im deutschen Sprachraum von 1400 bis 1620 // Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte / Hrsg. W. Schulze. Berlin, 1996 (Англ. перевод: Autobiographical Texts: Acting within a Network. Observations on Text Type and Power Relations in the German-Language Regions from 1400 to 1620 // Mapping the I: Early Modern Self-Narratives in Germany and Switzerland. Research and Perspectives / Ed. Cl. Ulbrich, K. v. Greyerz, L. Heiligensetzer. Leiden, etc., 2015).
38. Jancke G. Der Wert der Worte – Bewerten und Prozessieren in Handlungsketten im Kontext von frühneuzeitlicher Gastlichkeit // Die Ökonomie sozialer Beziehungen – Ressourcenbewirtschaftung als Geben, Nehmen, Investieren, Verschenden, Haushalten, Horten, Vererben, Schulden / Hrsg. G. Jancke und D. Schläppi. Stuttgart, 2015.
  39. Jancke G. Die תגורכו (sichronot, Memoiren) der jüdischen Kauffrau Glückel von Hameln zwischen Autobiographie, Geschichtsschreibung und religiösem Lehrtext. Geschlecht, Religion und Ich in der Frühen Neuzeit // Autobiographien von Frauen. Beiträge zu ihrer Geschichte / Hrsg. M. Heuser. Tübingen, 1996.
  40. Jancke G. Gastfreundschaft in der frühneuzeitlichen Gesellschaft – Praktiken, Normen und Perspektiven von Gelehrten. Göttingen, 2013.
  41. Jancke G. Patronagebeziehungen in autobiographischen Schriften des 16. Jahrhunderts – Individualisierungsweisen? // Selbstzeugnisse in der Frühen Neuzeit. Individualisierungsweisen in interdisziplinärer Perspektive / Hrsg. K. v. Greyerz unter Mitarbeit v. E. Müller-Luckner. München, 2007.
  42. Jancke G. Persons, the «Autobiographical Person» and Cultural Concepts of the Person: Early Modern Self-narratives from German-speaking Areas in Transcultural Perspective // Medieval History Journal. 2015. No 2.
  43. Jancke G. Selbstzeugnisse im deutschsprachigen Raum (= Oxford Modern Languages and Literature Monographs / Ed. Ch. Woodford. Oxford, 2002.
  44. Jancke G. Selbstzeugnisse von Gelehrten und soziale Praktiken des Wortes – personale Identität? Personkonzepte, Zugehörigkeit und Vergangenheitskonstruktionen // Geschichtsentwürfe und Identitätsbildung am Übergang vom zur Neuzeit. Vol. 1: Paradigmen personaler Identität / Hrsg. L. Grenzmann, B. Hasebrink und Fr. Rexroth. Berlin; Boston, 2016.

45. Jancke G. Tradition(en) als kollektive Ressourcen – Nutzung und Formen der Teilhabe in gelehrten Kontexten von der Frühen Neuzeit bis in die Gegenwart // Von der Allmende zur Share Economy. Gemeinbesitz und kollektive Ressourcen in historischer und rechtlicher Perspektive / Hrsg. M. Gruber und D. Schläppi. Berlin, 2017 (forthcoming).
46. Jancke G., Ulbrich Cl. Vom Individuum zur Person. Neue Konzepte im Spannungsfeld von Autobiographietheorie und Selbstzeugnisforschung // Vom Individuum zur Person. Neue Konzepte im Spannungsfeld von Autobiographietheorie und Selbstzeugnisforschung / Hrsg. Ead., und Ead. Göttingen, 2005. S. 7-27 (Engl. transl.: From the Individual to the Person. Challenging Autobiography Theory // Mapping the I. P. 15-33).
47. Jung M.H. Caritas Pirczheimer und Philipp Melancthon.
48. Jung M.H. Nonnen, Prophetinnen, Kirchenmütter. Kirchen- und frömmigkeitsgeschichtliche Studien zu Frauen der Reformationszeit. Leipzig, 2002. S. 77-120.
49. Köpf U. Monastische und scholastische Theologie // Bernhard von Clairvaux und der Beginn der Moderne / Hrsg. D.R. Bauer und G. Fuchs. Innsbruck, 1996.
50. Krusenstjern B. v. Was sind Selbstzeugnisse? Begriffskritische und quellenkundliche Überlegungen anhand von Beispielen aus dem 17. Jahrhundert // Historische Anthropologie. 1994. Nr. 2.
51. Lutter Chr. Geschlecht & Wissen, Norm & Praxis, Lesen & Schreiben. Monastische Reformgemeinschaften im 12. Jahrhundert. Wien; München, 2005.
52. Mapping the I: Early Modern Self-Narratives in Germany and Switzerland. Research and Perspectives / Ed. Cl. Ulbrich, K. von Greyerz and L. Heiligensetzer. Leiden, etc. 2015.
53. Mauss M. Une Catégorie de l'Esprit Humain: La Notion de Personne, Celle de «Moi» // Journal of the Royal Anthropological Institute. 1938. Vol. 68. S. 263-281 (Engl. transl.: A category of the human mind: the notion of person; the notion of self // The Category of the Person. Anthropology, Philosophy, History / Ed. M. Carrithers, S. Collins, S. Lukes. Cambridge, 1985).
54. Microhistory and the Picaresque Novel. A First Exploration into Commensurable Perspectives / Ed. B. de Haan and K. Mierau. Newcastle upon Tyne, 2014.
55. Pomata G. Partikulargeschichte und Universalgeschichte – Bemerkungen zu einigen Handbüchern der Frauengeschichte // L'Homme Z.F.G. 1991. Nr. 2.

56. Redfield R. *Peasant Society and Culture*. Chicago, 1956.
57. *Religion und Gewalt. Konflikte, Rituale, Deutungen (1500-1800)* / Hrsg. K. v. Greyerz und K. Siebenhüner in Verbindung mit Chr. Duhamelle, H. Medick und P. Veit. Göttingen, 2006.
58. Roper L. *Martin Luther. Renegade and Prophet*. London, 2016.
59. Schilling H. *Martin Luther. Rebell in einer Zeit des Umbruchs*. München, 2012.
60. Schlothgeber E. *Humanistisches Wissen und geistliches Leben. Caritas Pirkheimer und die Geschichtsschreibung im Nürnberger Klarissenkonvent // Die Pirkheimer. Humanismus in einer Nürnberger Patrizierfamilie. Akten des gemeinsam mit dem Verein für Geschichte der Stadt Nürnberg, dem Stadtarchiv Nürnberg und dem Bildungszentrum der Stadt Nürnberg am 25.-26. Juni 2004 in Nürnberg veranstalteten Symposions* / Hrsg. Fr. Fuchs. Wiesbaden, 2006.
61. Schlothgeber E. *Caritas Pirkheimer und Melanchthons Verteidigung der Nürnberger Klosterfrauen // Reformation und Toleranz. Vom Umgang mit Außenseitern und Andersdenkenden* / Hrsg. H. Kasparick. Wittenberg, 2013.
62. Schmolinsky S. *Sich schreiben in der Welt des Mittelalters. Begriffe und Konturen einer mediävistischen Selbstzeugnisforschung*. Bochum, 2012.
63. Schwinges R. *Chr. Karrieremuster: Zur sozialen Rolle der Gelehrten im Reich des 14. bis 16. Jahrhunderts // Gelehrte im Reich. Zur Sozial- und Wirkungsgeschichte akademischer Eliten des 14. bis 16. Jahrhunderts* / Hrsg. Id. Berlin, 1996.
64. Sered S.S. *Priestess, Mother, Sacred Sister. Religions Dominated by Women*. NY; Oxford, 1994.
65. Smith S., Watson J. *Reading Autobiography. A Guide for Interpreting Life Narratives*. Minneapolis; London, 2001. Appendix A: Sixty Genres of Life Narrative.
66. Strasser U. *Brides of Christ, Daughters of Men: Nuremberg Poor Clares in Defense of Their Identity (1524-1529) // Magistra: A journal of women's spirituality in history*. 1995. No 2.
67. *Theoretical Discussions of Biography. Approaches from History, Microhistory, and Life Writing* / Ed. H. Renders and B. de Haan; foreword by N. Hamilton. Leiden; Boston, 2014.
68. Treusch U. *Bernhard von Waging (gestorben 1472), ein Theologe der Melker Reformbewegung. Monastische Theologie im 15. Jahrhundert?* Tübingen, 2011.
69. Ulbrich Cl., Medick H., Schaser A. *Selbstzeugnis und Person*.

Transkulturelle Perspektiven // Selbstzeugnis und Person – transkulturelle Perspektiven / Hrsg. Ead., Id. und Id. Köln, etc. 2012.

70. Veer P. van der. Art. Religion // Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology / Ed. A. Barnard and J. Spencer. L.; NY, 1996.
71. Von der dargestellten Person zum erinnerten Ich. Europäische Selbstzeugnisse als historische Quellen (1500-1850) / Hrsg. K. v. Greyerz, H. Medick und P. Veit. Köln, etc., 2001.

III. Социальные функции автобиографических нарративов

Исследование этнографии детства чувашей по автобиографическим материалам

Оксана Егорова

Автобиография является одним из важных источников в изучении детства. В ней можно найти интересующие нас данные о традициях и обычаях, связанных с взрослением и воспитанием детей: имянаречении, крещении, питании, одежде, способах и ритуалах их включения во взрослую жизнь. В отечественной историографии накоплен достаточно большой опыт работы с такого рода текстами и обобщены его результаты. Существенный теоретический вклад в изучение проблем специфики автобиографической памяти и ее роли и места в историческом исследовании внесли работы В.Г. Безрогова и О.Е. Кошелевой¹.

---

¹ См. работы Безрогов В.Г. «Воспоминания» как источник по истории детства // Труды кафедры педагогики, истории образования и педагогической антропологии. 2001. Вып. 2. С. 65-78; Педагогическая антрополо-

Объектом данной статьи являются автобиографии воспитанников и учеников Казанской духовной семинарии, Казанской земской учительской школы, Казанской учительской семинарии, Братских школ, хранящиеся в фонде Н.В. Никольского Чувашия государственного института гуманитарных наук. Большую ценность в фонде представляют автобиографии воспитанников. Н.В. Никольский оставил после себя ценнейший рукописный фонд документов по истории, этнографии, религии, музыке, фольклору народов России: чувашей, русских, татар, марийцев и др. Ученый вел огромную собирательскую работу. Корреспонденты, учителя, учащиеся, студенты представляли ему этнографические, фольклорные, лингвистические записи. Значительная часть автобиографий представляет собой тексты-воспоминания, изложенные в форме школьных сочинений. В преобладающем большинстве своем и эти источники есть источники «провоцированные», продуцированные, т.е. составленные не по собственной инициативе детей, а по просьбе, а зачастую – при прямом вмешательстве взрослых. Поэтому наряду с фиксацией, интерпретаций и актуализацией событий, явлений и состояний, значимых для ребенка и отложившихся в его памяти, они содержат то, что было важным и существенным в тот момент для «работавших» с ним взрослых². В данном контексте можно отметить, что дети описывают свою биографию, чтобы объяснить причины их поступления в то или иное учебное заведение. Автобиографии, главным образом, принадлежат мужчинам, поскольку основное число поступавших на обучение в указанные заведения составляли мальчики. Ранние годы жизни воспитанники реконструировали

гия: феномен детства в воспоминаниях / Безрогов В.Г., Кошелева О.Е., Мешеркина Е.Ю., Нуркова В.В. М.: Изд-во УРАО, 2001; а также Природа ребенка в зеркале автобиографий / Под ред. Б.М. Бим-Бада и О.Е. Кошелевой. М.: Изд-во УРАО, 1998.

² Об этом см. Сальникова А.А. Российское детство в XX веке. Казань: Казанский государственный университет им В.И. Ульянова-Ленина, 2007. С. 67-68.

на основе некоторых фактов, запомнившихся им по рассказам родителей.

В автобиографическом повествовании разворачивается персональная история человека. С одной стороны, она непредсказуема, с другой предопределена обстоятельствами конкретной местности и определенным хронологическим периодом. Сходство и повторяемость детского периода даёт ощущение достоверности и устойчивости воспоминаний. Начало жизни осознавалось возможностью быть несчастным человеком: ранняя смерть родителей, труд, отсутствие свободного для игр времени и возможности учиться, зависимость от зажиточных людей села. Приведенные воспоминания говорят о серьезном влиянии семейной атмосферы, взаимоотношений между родителями, родителями и детьми.

Подготовку к родам и рождение ребенка чуваша относили к миру сакрального, поэтому подробности такого события были известны только узкому кругу взрослых людей, имеющих непосредственное отношение к ним. Детям об этом не рассказывалось. Самые ранние воспоминания авторов о своем детстве относятся лишь к периоду крещения и именнаяречения: *«Крестили 29 мая во имя святого апостола Павла, назвали Павлом³», «Крестили в день именин Иоанна Предтечи, назвали Иваном»⁴*

В бытовой речи чуваша изменяли звучание официального имени, и порой дети до школы не знали свое официальное имя: *«В классе на вопрос как меня зовут я ответил “Стенки” и это вызвало смех, поскольку звали Константином»⁵*.

С крещением чуваша старались не затягивать, поскольку, по народным представлениям, некрещеному ре-

---

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 167. Инв. № 4925. С. 417.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед.хр. 233. Инв. № 5803. С. 239.

⁵ НА ЧГИГН. Ед.хр. 163. Инв. № 4845. С. 139.

бенку могли повредить нечистые силы и младенцем мог завладеть «злой дух». О. Калсанов – воспитанник Казанской учительской семинарии вспоминал, что его крестили через 10 дней⁶ после рождения, других – через одиннадцать⁷. Васильев Николай – ученик Ишаковской Братской школы в своей автобиографии отметил, что 2 февраля родился, а 4 уже крестили⁸. Крещение и крестины являлись обрядами, с помощью которых новорожденный включался в этноконфессиональную общность. Данные действия означали объединение ребенка со своей семьей и общиной, приобщение ко всему многообразию народной жизни с ее радостями и заботами.

Будущее детей матери предсказывали по снам. Слушатель чувашского отдела Федор Краснов вспоминал рассказ о том, что в ночь перед его рождением мать видела сон, в котором она нашла на берегу водоема меч с изогнутым концом, а накануне она видела двух ежей, переходящих ей дорогу. По воспоминаниям матери, Федор родился с увечной рукой. Мать стеснялась показывать ребенка людям⁹.

Рождаемость была высокой, однако исследованные автобиографии свидетельствуют о таком же высоком уровне смертности. В автобиографиях находим следующие высказывания: *«родился седьмой по счету»*¹⁰; *«из двенадцати детей шестеро выжили, остальные умерли»*¹¹; *«старшие два брата померли еще детьми»*¹². В дореволюционной Чувашии основными причинами смерти детей на первом году жизни были желудочно-кишечные, инфекционные заболевания и болезни органов дыхания. В воспоминаниях мы встречаем фразы: *«До четырех лет я был здоровый, но после этого пошла неблагоприятная пора*

---

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 168. Инв. № 4928. С. 5.

⁷ Там же С. 16.

⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 285. Инв. № 6055. С. 136.

⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 265. Инв. № 5965. С. 87-88.

¹⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 168. Инв. № 4928. С. 5.

¹¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 334. Инв. № 6311. С. 33.

¹² НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 168. Инв. № 4928. С. 24.

жизни. Пошли непрерывные болезни: то оспа, то корь и т.д.»¹³; «Когда исполнился год, заболел болезнью, которая приводит к искривлению позвоночника»¹⁴. Болезни детей многие чуваши объясняли действием материалистических и физических сил, злых духов. Разговоры родителей между собой надолго запоминались детям: «Когда заболела сестра, приглашали бабушку, действия которой мне были непонятными и мать их не объясняла, но сестра вскоре умерла и мать в беседе с отцом говорила, что и ворожение не помогло»¹⁵. Основная тяжесть заботы о детях и их лечения от болезней ложилась на матерей, что хорошо понимали авторы и часто с благодарностью писали об этом в своих автобиографиях: «Только благодаря ухаживаниям любящей матери перенес эти трудные минуты»¹⁶.

Многие воспитанники имели крестьянское происхождение. С детства их главным занятием было земледелие, а второстепенным – пчеловодство, садоводство, кирпичное дело¹⁷, занятие лесным промыслом¹⁸¹⁹, столярными и плотницкими работами²⁰. Чтобы прокормить семью, родителям приходилось много работать. Из-за сильной занятости как на работе, так и дома, у них не оставалось время на детей. В одном из воспоминаний мы встречаем: «...а меня мало оставляли на попечение чужих людей, где, конечно, я никогда не видел добрых, ласковых родительских отношений. Потому мне очень и очень неприятно вспоминать свое детство. Так как я в детские годы (до 7-летнего возраста) время большею частью проводил у чужих людей, мне страшно хотелось побывать в своем доме. Но меня не пускали. Потому я обиженный не любил болтать с чу-

---

¹³ Там же.

¹⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 285. Инв. № 6055. Л. 139.

¹⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 173. Инв. № 4994. С. 406.

¹⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 168. Инв. № 4928. С. 24.

¹⁷ Там же С. 5.

¹⁸ Там же С. 21.

¹⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 180. Инв. № 5169. С. 449.

²⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 228. Инв. № 5749. Л. 1060б. С. 101.

жими людьми о чем-либо, иногда я нарочно, чтобы не видеть их, удалялся в уединенные закоулки, плакал и накопец засыпал»²¹.

В своих автобиографиях авторы отмечают сильную зависимость их семей от зажиточных крестьян: «Приходилось им занимать у богача который за это заставлял работать (большей частью – жать) день, два, безвозмездно, или покупать»²². Некоторые воспитанники критически относились к существовавшим методам воспитания, которые использовали их родители, и часто возникающим причинам невнимательного отношения к детям: «...воспитывали даже так, как не следует. Потому я не помню из своей детской жизни ни одного веселого дня: только и помнятся одни слезы. Это объясняется тем, что родители мои не имели средств к пропитанию: занятия земледелием не вполне удовлетворяли, приходилось искать посторонних заработков и отсутствовать из дома. А меня малого оставляли на попечение чужих людей, где, конечно, я никогда не видел добрых, ласковых родительских отношений. Потому мне очень и очень неприятно вспоминать свое детство»²³. Однако наряду с подобного рода грустными воспоминаниями можно встретить и радостные: «В детстве я не знал ни горя, ни заботы. Жизнь была самая веселая и беспечная. С утра до вечера бывало играл с ребятами на улице»²⁴; «В течении восьми лет я кроме добрых примеров и советов, ничего не видал плохого»²⁵.

Особенности влияния расширенной семьи на развитие ребенка обнаруживаются при анализе социализирующей роли бабушек, к которым дети обычно особенно привязаны. Бабушки – знатоки культуры предков – удовлетворяли духовные потребности ребенка, рассказывая различ-

---

²¹ НА ЧГИГН. Ед.хр. 163. Инв. № 4845. С. 16-17.

²² НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 167. Инв. № 4925. С. 419.

²³ НА ЧГИГН. Ед.хр. 163. Инв. № 4845. С. 16.

²⁴ НА ЧГИГН. Т. 132. Инв. № 6027. С. 216-217.

²⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 180. Инв. № 5169. С. 449.

ные сказки и причты: *«Ухаживала с малых лет бабушка, которая рассказывала сказки»*²⁶. Старики нередко выдумывали истории на разные сюжеты и рассказывали их детям, которые в свою очередь с большим удовольствием слушали и пересказывали их своим сверстникам²⁷.

Таким образом, социализация ребенка происходила в условиях его ближайшего окружения, которое составляли родители, братья и сестры, сверстники, другие родственники. Они использовали разные стили и методы воспитания, однако основную воспитывающую функцию выполняли родители: *«Меня по возможности родители старались удерживать от сквернословия, так что я среди товарищей отличался скромностью в выражениях и эти безобразия производили на меня удручающее впечатление»*²⁸.

На историю жизни детей сильное воздействие оказывала та непосредственная среда, в которой они жили. В доме очень важными факторами выступали отношения между родителями. Иван Федоров, воспитанник Казанской Учительской Семинарии, отмечал отсутствие согласия между родителями. В своей автобиографии он отмечал: *«Часто происходили даже кровавые сцены, которые по всей видимости способствовали моей замкнутости и молчаливости. Ни в чем неповинный ребенок видел эти сцены и боялся, чтобы люди не знали об этих печальных сценах нашей семьи»*²⁹. Дети тяжело переживали семейные конфликты, вследствие чего убегали из дома, чтобы отогнать от себя печальные воспоминания³⁰.

В своих автобиографиях воспитанники чаще всего упоминали отцов. Можно встретить разные портреты, созданные детьми, но в основном авторы отзывались о них как о любимых, достойных уважения. Однако отдельные авторы писали о своих отцах как о плохих семьянинах и

---

²⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед.хр. 233. Инв. № 5803. С. 253.

²⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 180. Инв. № 5169. С. 465.

²⁸ Там же С. 465.

²⁹ Там же С. 465.

³⁰ Там же С. 466.

пьяницах: *«Он меня очень любил, поэтому мне его век не забыть, да и жили мы лучше при нем»*³¹; *«Отец, несмотря на около 60-летний возраст работает и воодушевляет семейство»*³²; *«Отец работающий и пьяница»*³³; *«К сожалению за отцом был порок – пьянство, следствием которого было убийство (моей матери и мое сиротство). Отца приговорили в Сибирь»*³⁴.

Приведенные воспоминания говорят о серьезном влиянии на развитие ребенка домашней атмосферы, взаимоотношений между родителями, между родителями и детьми. Еще в раннем возрасте дети чутко воспринимали конфликты и радостные события: наиболее яркие из них откладывались в сознании детей в виде определенных установок, что позволяет говорить о влиянии положительного или отрицательного восприятия отца на формирование характера ребенка и его воспитанности. Через осмысление фактов собственной биографии дети фиксируют и складывают свою модель семейной жизни.

Автобиографии помогают нам понять не только трудности роста ребенка, но и понять горе и скорбь, страдание и потери. Дети переживали смерть родителей очень тяжело. В автобиографиях воспитанники пишут, что при жизни отца они играли, бегали в лес за ягодами, собирали цветы, были более свободными, могли познать радости детской жизни, а после похорон отца отмечали отсутствие свободного времени, так как им приходилось выполнять непосильную работу, невнимание матери³⁵. Неожиданная смерть отца, повлекшая за собой глубоко личные переживания, внезапно возникшие трудности требовали от детей мобилизации всех внутренних ресурсов. Мать была самым дорогим в жизни воспитанников. Все они с огромным уважением и любовью характеризуют своих матерей, чьи обра-

---

³¹ Там же С. 140.

³² НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 168. Инв. № 4928. С. 34.

³³ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 180. Инв. № 5169. С. 106об.

³⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 228. Инв. № 5749. С. 101.

³⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 287. Инв. № 6073. С. 140.

зы неразрывно связаны с такими понятиями, как трудолюбие, забота, преданность детям, так как именно матери проводили с ними большую часть времени, ведя хозяйство в отсутствие отца. Многие отцы зарабатывали деньги во время отходничества, и в их отсутствие ведение хозяйства было в ведении матери³⁶. О матерях сохранили самые лучшие воспоминания: *«Мать добрая, хорошая, сердечная женщина»*³⁷; *«Мать в свободные часы учит братьев читать. Все мои братья и я до поступления в школу умели читать. Младшая сестра стала читать с 5 лет и немного умеет писать»*³⁸; *«... пред смертью она сказала отцу, чтобы он постарался дать мне надлежащее образование. Она желала, чтобы я был молитвенником за родителей. Это событие потрясло меня до глубины души и долго я не мог примириться с совершившимся событием»*³⁹.

Нередко вследствие послеродовых болезней матери умирали, и отцы женились по второму и третьему разу. Заметим, что не во всех семьях складывались доброжелательные отношения между мачехой и приемными детьми: одних мачех дети характеризуют злыми, отмечают их равнодушное отношение к грязной одежде, вторых сравнивают с родными матерями и называют «второй мамой»⁴⁰.

В доме очень важными факторами выступали религиозные верования членов семьи. Немаловажное значение родители придавали религиозному воспитанию. Но чаще всего обращение к православию не являлось серьезным личностным выбором, скорее это следование традициям семьи: *«Когда исполнилось 6 лет я начал ходить с отцом в церковь. Он просил меня ставить свечи, давать милостыню просящим ... Отец учил меня чувашским молитвам в течение пары часов. Во время Спаса вместе с отцом*

---

³⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 168. Инв. № 4928. С. 5.

³⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 228. Инв. № 5749. Л. 106об.

³⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 168. Инв. № 4928. С. 10.

³⁹ Там же С. 29.

⁴⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 243. Инв. № 5869. С. 567

постился и ходил в церковь»⁴¹; «Домашнее религиозное воспитание и суровое исполнение обрядовой стороны религии (например, мать, предварительно не прочитавши вместе с нею несколько молитв, не укладывала спать) поддерживалось и в школе»⁴²; «Я часто уединялся для молитвы, один раз убежал в лес, но голод и страх перед надвигавшейся ночью заставили меня вернуться домой»⁴³.

Автобиографии играют важную роль при реконструкции понимания становления верующего человека, отношения к религии в школе, всей религиозной жизни человека, пути религиозной социализации. Во многих семьях, принявших христианство, сохранялись языческие традиции: пекли ритуальные лепешки, проводили обряд «Чуклеме», причем объяснялось соблюдение подобных обрядов тем, что русский священник ничего не рассказывал о православии.⁴⁴ Учащийся Тарас Максимов из села Нижарово Янтиковского района Чувашской Республики вспоминал, что особо чтили праздник Семик – день поминания умерших, когда парами, подвесив на шею бубенчики, шли на кладбище некрещеных чувашей. По дороге проходили мимо Киремет (места жертвоприношения чувашей) молча, поскольку боялись, что разговоры могут повлечь за собой неприятные последствия.⁴⁵ Большое внимание чувашки уделяли воспитанию в детях почтительного отношения к Киремет и другим священным местам. С раннего возраста детей воспитывали в страхе перед зловредными божествами и необходимости строгого соблюдения различных правил поведения в местах их нахождения.

Главной целью домашнего воспитания детей считали воспитание хорошего человека, прежде всего умелого работника. Чувашские дети с раннего детства вовлекались в

---

⁴¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 213. С. 40-41.

⁴² НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 168. Инв. № 4928. С. 14.

⁴³ Там же С. 15.

⁴⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 173. Инв. № 4994. С. 198.

⁴⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 216. Инв. № 5679. С. 462-463.

домашние дела и весь годовой цикл сельскохозяйственных работ: *«Я начал с 6-7 лет исполнять некоторые работы. Плел лапти и т.д.»*⁴⁶; *«На седьмом году уже стали меня брать родители жать. Очень было трудно. Спина болит. Солнце жжет прямо. Пот льется градом. Иногда по неосторожности, срежешь бывало палец еще»*⁴⁷; *«С семи до десяти лет пас гусей»*⁴⁸; *«Когда мне исполнилось восемь лет стал помогать отцу в его работах: ездил с ним в поле, в лес, в луга и т.д.»*⁴⁹; *«До десяти лет молотил хлеб цепями»*⁵⁰.

В процессе совместного труда дети приобретали трудовые навыки и умения, а также понимали смысл и значение выполняемого труда. Взрослые показывали приемы трудовых операций, а во время дальних поездок знакомили с окружающим миром, объясняя, как извлечь из его богатства практическую пользу. Работа была способом самореализации и самоутверждения. Многие воспитанники отмечали, что уход в «ночное»⁵¹ был наградой для маленького ребенка и важным признаком «повзросления». Здесь у костра играли во всевозможные игры. После «ночного» дети до обеда отдыхали, а потом шли на пруд купаться. Родители старались присматривать за детьми, чтобы те ничего не натворили, поскольку за все возможные последствия отвечали сами. В автобиографиях находим оценки своим поступкам: *«Был мальчишкой резвым, бойким... Постоянно участвовал во «всех нелегальных похождениях» мальчишков. Красть яблоки, огурцы, морковь и т.д. – это мое дело»*⁵²; *«Мать отвечала жалующимся, что я ее не слушаю и просила их самих наказывать меня. Поймав на месте*

---

⁴⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 168. Инв. № 4928. С. 24.

⁴⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 167. Инв. № 4925. С. 425.

⁴⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 285. Инв. № 6055. Л. 139 об.

⁴⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 180. Инв. № 5169. С. 379.

⁵⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 285. Инв. № 6055. С. 193.

⁵¹ Там же С. 145, 149, 203.

⁵² НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 228. Инв. № 5749. Л. 106.

преступления меня уже секли сами хозяева»⁵³. Так, за участие в краже наказывали, били крапивой, причем это также могли сделать и хозяева, чужие люди, а родители, несмотря на боль ребенка, не жалели, а наоборот, ругали за плохое поведение⁵⁴.

Игра занимала большое место в жизни детского коллектива чувашей. Именно в игре ребенок учится взаимодействовать с окружающим миром, не касаясь его вплотную, а лишь моделируя наблюдаемое в нем в своем, безопасном и отгороженном от взрослых пространстве. Здесь соединяются реальность и воображение, создаются разнообразные миры, параллельные взрослому⁵⁵. Воспитанники отмечали нехватку времени на игры, но вопреки запретам старших они находили для себя время: *«Мне не особенно позволяли участвовать со сверстниками в детских играх, так что выводило меня из терпения и я часто тайком уходил куда-нибудь играть со сверстниками подальше, чтобы меня не могли скоро дождаться и чтобы вдоволь наиграться»⁵⁶.*

Весной, как только успевал сойти снег, дети выбегали на проталины и бегали босиком. Любимыми играми были игры в мяч и бабки⁵⁷. Загораживая воду, делали водяные мельницы⁵⁸. После зимней неволи воспитанники, полные впечатлений, описывают весну с особой радостью: *«Весною, не успел еще сойти снег, показались только где-нибудь на возвышенных местах проталины – мы уже бежим туда, разуваемся и давай бегать по земле. Как легко бегаются босому, просто, не чувствуешь ног под собою. В перегонку пустятся, кричат, смеются. Все веселы, все счастливы. Как только сойдет снег с полей и лугов, мы (с товарищами) выгоняли овец на луга. Тут же разводили костры и*

---

⁵³ Там же С. 106.

⁵⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 173. Инв. № 4994. С. 414.

⁵⁵ См. Природа ребенка в зеркале автобиографий. М. 1998. С. 162

⁵⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 180. Инв. № 5169. С. 466.

⁵⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 213. С. 39.

⁵⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 285. Инв. № 6055. С. 136.

пекли картофель. Игры здесь уже почти не прекращались: одна игра сменялась другою. Мы, ребяташки, каждый день ходили в лес собирать съедобные травы. Рвем цветы (весенние), слушаем песни птичек»⁵⁹; «Как поспевали ягоды, мы бегали в лес за ягодами. При этом мы не особенно разбирали: спелые ягоды или нет, более в наши руки попадало зеленых, неспелых ягод»⁶⁰. В зимнее время целыми днями играли в избе или катались на санках со склона горы⁶¹. Ребята постарше в зимнюю пору помогали матерям прясть пряжу, вязать варежки, шить платья, плести лапти⁶².

Достижение определенного успеха в жизни начиналось с преодоления трудностей семейного биографического пути, неосвоенного родителями. Чаще всего воспитанники описывают то, как они добились успеха. Практически все отмечают большое желание пойти учиться в школу: «Этому способствовали и мои родители, в особенности отец, который хорошо знал грамоту»⁶³; «С великою радостью и охотою я принялся за учение грамоте. Очень радостно стало мне, когда я увидел себя между учениками»⁶⁴; «С великой радостью я кинулся в школу, куда меня и брата повел отец»⁶⁵. На желание учиться оказывал влияние внешний вид и поведение ровесников. Николай Никитин, воспитанник Казанской учительской семинарии, вспоминал: «Я как-то в начале августа пошел в церковь. Предомной проходят два молодых человека оба в ... русской одежде (здешние семинаристы). Я спросил кто они такие и получив ответ, что они тоже чуваши и учатся в Каза-

---

⁵⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 167. Инв. № 4925. С. 422-423.

⁶⁰ Там же С. 424.

⁶¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 285. Инв. № 6055. С. 147.

⁶² НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 216. Инв. № 5679. С. 460.

⁶³ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 180. Инв. № 5169. С. 466.

⁶⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 167. Инв. № 4925. С. 398-399.

⁶⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 168. Инв. № 4928. С. 27.

ни, сильно позавидовал им... страшно захотелось быть таковыми же»⁶⁶.

К сожалению, сиротство и отсутствие теплой одежды вынуждало прекращать обучение в школе. Один из воспитанников вспоминал о своем старшем брате: «...он осиротел и вынужден был оставить школу, и принять роль руководителя в хозяйстве»⁶⁷. Другой воспитанник отметил, что его не пустили в школу, поскольку «не было никакой теплой одежды, а школа наше находилась в другом селе»⁶⁸.

В детских воспоминаниях воспитанников наиболее остро запомнились голодные 1891, 1921-1922 гг., охватившие не только Чувашию, но и огромную территорию страны, когда поля выгорели, посевы погибли, яровые не дали зерна. Воспитанники в автобиографиях писали: «У нас в этом году вышел хлеб до нового года еще. Не было корма для скотины. Родители мои принуждены были продать корову. Увидя это, я стал плакать. Мать вошла и стала меня утешать, обещала на будущий год купить корову. Но я плакал, плакал неутешно... На деньги, оставленные мужиком за корову, родители мои купили хлеба. Но, вероятно, его хватило не на долго. И когда [брат] приносил кусок хлеба, то это было праздником. Помню, как я обрадовано бегал в избе взад и вперед с куском черного хлеба в руках»⁶⁹; «Тогда у нас вышел весь хлеб до праздника Рождества Христова. Только брат мой кормился хлебом. Он тогда учился в сельской школ. Учеников, у которых родители не имели хлеба, кормили из упрывы»⁷⁰

Автобиографические повествования дают исследователю богатый материал по различным вопросам этнографии, в том числе и по исследованию детства. Многие авто-

---

⁶⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 228. Инв. № 5749. С. 107.

⁶⁷ НА ЧГИГН. Ед.хр. 163. Инв. № 4845. С. 16.

⁶⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 167. Инв. № 4925. С. 426.

⁶⁹ Там же С. 420.

⁷⁰ Там же С. 397.

биографии схожи по содержанию. Вместе с тем, они раскрывают общую картину отношения к детям с разных сторон, так как у каждого автора сочинения своя жизненная история и свое отношение к воспитанию детей.

Библиография

Источники и документы:

1. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее НА ЧГИГН). Т. 132. Инв. № 6027. С. 216-217.
2. НА ЧГИГН. Ед.хр. 163. Инв. № 4845. С. 16.
3. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 167. Инв. № 4925. С. 417.
4. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 168. Инв. № 4928. С. 5.
5. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 173. Инв. № 4994. С. 406.
6. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 180. Инв. № 5169. С. 449.
7. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 213. С. 40-41.
8. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 216. Инв. № 5679. С. 462-463.
9. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 228. Инв. № 5749. Л. 106об.
10. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед.хр. 233. Инв. № 5803. С. 239.
11. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 243. Инв. № 5869. С. 567.
12. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 265. Инв. № 5965. С. 87-88.
13. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 285. Инв. № 6055. Л. 139.
14. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 287. Инв. № 6073. С. 140.
15. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 334. Инв. № 6311. С. 33.

Исследования:

16. Безрогов В.Г. «Воспоминания» как источник по истории детства // Труды кафедры педагогики, истории образования и педагогической антропологии. 2001. Вып. 2. С. 65-78.
17. Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях: Учебно-методическое пособие // Безрогов В.Г., Кошелева О.Е., Мещеркина Е.Ю., Нуркова В.В / Под общ. Ред. Б.М. Бим-Бада. М.: Изд-во УРАО, 2001. Вып. 11.

18. Природа ребенка в зеркале автобиографий: Учебное пособие по педагогической антропологии / Под ред. Б.М. Бим-Бада и О.Е. Кошелевой. М.: Изд-во УРАО, 1998.
19. Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань: Казанский гос. университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007.

«Я изложил только основные черты биографического очерка...»: автобиография в структуре судебного-следственного дела¹

Алексей Килин

«Себя как в зеркале я вижу, но это зеркало не льстит», – это крылатое выражение не может быть отнесено к автобиографии как источнику информации о человеке, т. к. носит субъективный характер и содержит «рекламный компонент». Если сравнить работу над автобиографией с созданием цифровой фотографии, то очевидно, что без графического редактора (например, Photoshop'a), дело не обошлось. В таком случае, возникает вопрос – зачем изучать искаженную действительность? Все дело в интерпретации, в самопрезентации и искусственно сконструированной идентичности, предназначенной для внешнего пользователя. Способы самопрезентации, явные и скрытые цели создания данного документа позволяют понять дух эпохи, дают богатый материал для дискурсивного анализа.

Стремление в массиве делопроизводственной документации, среди формализованных и унифицированных материалов найти нечто особенное, живое и неординарное, с неизбежностью привлекает внимание к автобиографиям, в которых рассказ о жизненном пути человека звучит от первого лица. Автобиографии играют существенную роль в изучении истории повседневности, в исследовании исторической памяти, являются важным источником в рамках антропологического подхода.

«Историзация» индивидуальной памяти (воспоминаний) наблюдается в двух формах: во-первых, придание индивидом социальной значимости автобиографическим

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»)

событиям своей жизни; во-вторых, увязывание индивидуальной автобиографии с социально значимыми («историческими») событиями, вплоть до придумывания своего участия в них. В результате по отношению к социально значимому («историческому») событию субъект начинает выступать как Участник, Свидетель, Современник и Наследник, а его автобиографическая память превращается в «историческую память»². В контексте нашего исследования, поскольку речь идет об автобиографиях подследственных, субъект стремится не столько вжиться в роли «Участника» или «Свидетеля», сколько дистанцироваться от образа «Обвиняемого».

Методы и приемы, которые автор автобиографии может использовать, весьма ограничены, т.к. текст включен в систему делопроизводственной документации. Очевидно, что создание автобиографии с использованием широкого арсенала литературно-художественных методов, оказало бы более сильное эмоциональное воздействие на читателя, но не соответствовало бы предлагаемым обстоятельствам и жанру произведения.

В данном случае мы имеем дело, по определению Ю.П. Зарецкого, с «делопроизводственной биографией», которая формируется под воздействием внешних формальных требований, создается с конкретной целью (реализация определенных прав гражданина), что и предопределяет структуру и содержание документа³. На наш взгляд, несмотря на то, что структура и набор реквизитов идентичны, автобиография в структуре судебно-следственного дела имеет ряд специфических черт, отличающих ее от докумен-

---

² Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / Под ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: ГУ-ВШЭ, 2005. С. 188.

³ Субъективность и идентичность: автобиографии советских трудящихся / Научно-учебная группа междисциплинарных исследований автобиографии. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». [Электронный ресурс] <https://phil.hse.ru/autobio/seminar14> (дата обращения: 23.08.2016).

та, создаваемого в процессе трудоустройства и входящего в состав кадровой документации.

Обстоятельства создания источника чрезвычайно важны при его анализе, особенно если речь идет о так называемом «переходном периоде», когда все процессы общественного развития находятся в чрезвычайно динамичной фазе. Социальная трансформация общества, маргинализация значительной части населения приводит к необходимости переосмысления своего «я» и конструированию собственной идентичности на совершенно иных основаниях. Зачастую автобиографии строятся на противопоставлении «старого» и «нового», представляют собой контрастное и динамичное повествование. Единый жизненный путь человека делится на «до» и «после» революции, зачастую основан на отрицании ценностных установок прошлого и абсолютизации завоеваний нового строя. Столь радикальная ломка мировоззрения (вне зависимости от того декларируемая она или реальная), весьма болезненный процесс, поэтому особый интерес вызывают автобиографии, в которых человек остается верен своим идеям на протяжении всей жизни, порой вопреки изменившимся условиям. В автобиографиях доминируют либо «покаянные», либо «правдоискательские» мотивы. Тексты, в которых человек заявляет о своей позиции, отстаивает свою правоту, вызывают наибольший интерес, т.к. содержат собственную систему аргументации, они оригинальны по форме выражения своих мыслей, полемичны и остры. Использование шаблонных фраз и выражений из арсенала периодических изданий (как при оценке исторических событий, так и собственных поступков), в случаях с автобиографиями «борцов за справедливость» встречается намного реже, чем в «покаянных» произведениях.

1920-е гг. являлись периодом, когда процесс построения нового общества переместился с фронтов боевых действий в экономическую, социальную и правовую сферу. Противоречия нэпа, выразившие в сосуществовании обобщественного и частного секторов хозяйства, плановых и

рыночных начал, приводили к ситуациям, когда вполне легальная хозяйственная деятельность гражданина могла преследоваться и закончиться возбуждением уголовного дела. Зачастую судьбы следователей и подследственных были в чем-то схожими, между ними не было огромной дистанции культурного или образовательного плана. Однако «классовая борьба» формировала осязаемый рубеж, служила основой для деления граждан страны на «классы», а также для дискриминации и стигматизации социальных групп по признаку происхождения, вида деятельности и отношения к собственности. Именно этот период создает весьма пеструю картину социальной стратификации общества и автобиографии современников с одной стороны типичны, т.к. в них отражены все значимые исторические события, но в то же время уникальны, в связи с тем, что процесс построения новой собственной идентичности является «архиважной задачей» практически для всех граждан страны.

В сферу наших исследовательских интересов входит изучение частного торгового предпринимательства в годы новой экономической политики⁴, специфика деятельности которого заставляет обращаться к группе исторических источников, в которых частный торговец представляется по преимуществу в негативном свете. Проблема изучения источников пополнения частного (в терминологии тех лет «вольного») рынка дефицитными товарами и услугами, предопределила включение в источниковый массив материалов судебных процессов, в которых обвиняемыми выступали как частные предприниматели, так и представители государственных и кооперативных организаций, актив-

---

⁴ Килин А.П. Частная торговля и кредит на Урале в 1920-е годы // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 3. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2003. С. 118-147; Официальный сайт департамента «Исторический факультет» ИГНИ УрФУ. Архив сборника «Документ. Архив. История. Современность». [Электронный ресурс] <http://hist.igni.urfu.ru/dais/articles/3/Kilin.doc> (дата обращения: 12.09.2016).

но сотрудничавших с частником на принципах коммерческого расчета.

В Государственном архиве Свердловской области (ГА-СО) в фонде Уральского областного суда (Ф. 148-р) нами изучались судебно-следственные дела, в которых частные предприниматели и сотрудники государственных органов обвинялись в экономических преступлениях. В фонде сохранилось 6961 дело, сформированное с 1922 по 1973 гг. За период 1921-1935 гг. нами были выявлены материалы по 48 судебным процессам (71 единица хранения). Было изучено 45 дел, в составе которых было обнаружено пять автобиографий в виде самостоятельного документа.

На это обстоятельство необходимо обратить особое внимание. Биографические данные свидетелей или обвиняемых по делу, как правило, содержатся в тексте ряда документов (анкета арестованного, заявление, характеристика), но в качестве отдельного, самостоятельного документа автобиографии встречаются редко. Вопреки нашим ожиданиям автобиографии не являются массовым источником в структуре судебно-следственных дел. Напротив, в системе кадровой документации автобиографии можно рассматривать как массовый и унифицированный документ, входящий в качестве обязательного элемента в состав личного дела работника⁵.

Нами было проанализировано судебное-следственное дело, которое состоит из двух томов, имеющих общий заголовок: «Уголовное дело следственной части № 327/24 Уральского областного суда по судебному отделению по обвинению администрации Агрослужбы Пермской железной дороги Капустина, Суховерских, Новикова и других в числе десяти человек в бесхозяйственности и должностных преступлениях. 128, 128-а, 113 и др. ст. Уголовного кодекса (06.09.1924 г. – 1925 г.)» [3–4]. В одном из томов была вы-

---

⁵ Волошина С.В., Литвинов А.В. Анатомия делопроизводственной автобиографии в Новейшей истории России: композиция и содержание текстов // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. Т. 10. № 1. С. 40-54.

явлена автобиография начальника агрономической службы Пермской железной дороги Петра Петровича Капустина (1890-1938 гг.)⁶. Этот документ был нами подготовлен к печати и опубликован⁷, поэтому на анализе именно этого источника мы и сфокусируем свое внимание.

Судебно-следственные дела, как исторический источник, представляют собой разновидность делопроизводительной документации и содержат комплекс материалов, фиксирующих все стадии разбирательства⁸. В состав судебно-следственных дел входят: 1) постановления (о возбуждении дела, о принятии дела к производству, о задержании, об избрании меры пресечения, о назначении экспертизы, о завершении следствия и передачи дела в суд, о прекращении дела); 2) протоколы (допросов обвиняемых и свидетелей по делу, очных ставок, судебных заседаний, заседаний контрольных органов, иницирующих судебное разбирательство); 3) описи имущества; 4) анкета арестованного; 5) документы, характеризующие личность подследственного или свидетелей (характеристика, биография, трудовой или послужной список, анкеты госслужащих, справки с места учебы, работы, воинской службы, справки представителей правоохранительных и финансовых органов); 6) акты экспертиз и проверок (акты судебных экспертиз порой дубли-

---

⁶ ГАСО. Ф. 148-р. Оп. 1. Д. 181 (Т. 2). Уголовное дело следственной части № 327/24 Уральского областного суда по судебному отделению по обвинению администрации Агрослужбы Пермской железной дороги Капустина, Суховерских, Новикова и других в числе десяти человек в бесхозяйственности и должностных преступлениях. 128, 128-а, 113 и др. ст. Уголовного кодекса (06.09.1924 г. – 24.09.1925 г.). С. 22-25.

⁷ Килин А.П. Против всякого желания, я вновь очутился в вихре политической борьбы...». Автобиография Петра Петровича Капустина // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 16. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2016. С. 396-417; [Электронный ресурс] Электронная библиотека УрФУ. [Электронный ресурс]: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/40777/1/dais-2016-16-33.pdf> (дата обращения: 11.09.2016).

⁸ Русина Ю.А. Источниковедение новейшей истории России. / Ю.А. Русина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 49-50.

ровали собой акты ревизий и проверок, осуществленных в административном порядке); 7) собственноручные показания обвиняемого (оформлялись в виде протоколов, но могли быть представлены в качестве отдельных документов, например, в виде подробной автобиографии) его заявления и ходатайства; 8) обвинительное заключение (содержащее перекрестные ссылки с материалами дела); 9) судебное решение; 10) кассационные жалобы; 11) запросы следователей (на предоставление дополнительной информации); 12) повестки и т.д.

Обилие материалов, разумеется, радует исследователя, т.к. позволяет наиболее полно ознакомиться с ходом расследования, погрузится в повседневную жизнь людей той эпохи, получить дополнительную информацию об объекте исследования с различных, порой диаметрально противоположных, точек зрения. Напротив, избыточность материала воспринималась современниками, в первую очередь вышестоящими органами, как очевидный тормоз при ведении следствия. В процессе изучения Бюллетеня финансового и хозяйственного законодательства, который издавался Народным комиссариатом финансов с 1925 г., мы обнаружили Циркулярное письмо Народного комиссариата юстиции РСФСР Н. М. Янсона № 93 от 5 июля 1929 г., в котором говорилось: «Наиболее слабым местом нашего уголовного судопроизводства является постановка дела предварительного расследования. <...> Наш уголовный процесс во всех своих стадиях заполнен целым рядом различных формальностей, наибольшее число которых, пожалуй, приходится на долю предварительного расследования. <...> Значительную часть следственного производства составляют многочисленные протоколы допросов следователей. Однако практика показывает, что большинство этих протоколов не имеет никакой ценности для позднее разбирающего дело суда; допрашиваемые в качестве свидетелей лица очень часто либо ничего не знают по делу, либо дают несущественные показания, и среди них тонут и теряются показания, действительно существенные и решающие дело. Эти,

не имеющие для дела значения, показания, тем не менее, очень подробно, подчас дословно, записываются в формальных протоколах допросов, составление которых, отняв у следователей или агента дознания очень много времени, ничем расследованию дела не помогают, а лишь тормозят его. <...> В результате дело на $\frac{3}{4}$ загружается протоколами допросов совершенно ненужных свидетелей и ничего не разъясняющих по делу документами»⁹. Пожалуй, это тот редкий случай, когда излишние бюрократические формальности могут восприниматься нами как положительное явление.

Автобиография П.П. Капустина построена по хронологическому принципу и охватывает период жизни автора с рождения (1890 г.) до его ареста в 1924 г. по делу Агрослужбы Пермской железной дороги. П.П. Капустин возглавил Агрослужбу с 1 декабря 1922 г. и находился в этой должности до 6 августа 1924 г. Деятельность подразделения не была урегулирована с момента ее создания, т.к. отсутствовал точный учет как полученного от прежде существовавшей организации имущества, так и текущей коммерческой деятельности предприятия.

По всей видимости, деятельность Службы вызывала неоднократные нарекания, что и послужило основанием для проведения ряда обследований, в том числе и со стороны Рабоче-Крестьянской инспекции (РКИ). В выводах комиссии говорилось: «...Хозяйственные мероприятия... выполнили работу не полностью и убыточны. Заготовки Агрослужбы незаконны, без всякого плана и протекают с осложнениями и не могут быть допустимы»¹⁰.

---

⁹ Циркулярное письмо Народного комиссариата юстиции РСФСР Н.М. Янсона № 93 от 5 июля 1929 г. / Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства. 1929. № 32. С. 48-49.

¹⁰ ГАСО. Ф. 148-р. Свердловский областной суд Министерства юстиции РСФСР г. Свердловск (1923–1973 гг.). Оп. 1. Д. 180 (Т. 1). Уголовное дело следственной части № 327/24 Уральского областного суда по судебному отделению по обвинению администрации Агрослужбы Пермской железной дороги Капустина, Суховерских, Новикова и других в числе десяти

В ходе допросов П.П. Капустин обосновывал целесообразность и рациональность своих распоряжений, детально описывая все нюансы хозяйственной деятельности. В результате разбирательств было принято решение расформировать Агрослужбу. Суть обвинений сводилась к следующему: «Главное внимание транспортная агрономия должна была уделять крестьянину и, понятно, транспортнику <...> должна была проводить агрокультурную работу и агротехническую. Однако <...> по всей работе Агро-Службы, делается определенный уклон в сторону промышленно-хозяйственную и даже, в ряде случаев, в чисто коммерческую <...> Работы промышленно-хозяйственного и торгового характера стали занимать первое место <...> Разграничение работ Службы на эксплуатационные работы (агрокультурные и агротехнические) и хозяйственные (организация хозяйств, заготовки, коммерческие операции и т.д.) <...> не производилось. Неизбежным результатом уклона деятельности Агру в нужную ей область промышленного хозяйствования оказался ряд материальных ущербов Правлению Пермской железной дороги. Почти полная бездеятельность при наличии материальных затрат, входящих в состав Агру участков, целый ряд упущений в отчетности и т.д. Капустин в ущерб интересам Агро-Службы занялся устройством своего собственного хозяйства на одном из плодороднейших участков сельскохозяйственного коллектива железнодорожников Свердловского (бывшего Екатеринбургского) узла при станции Свердловск II. В данном случае следствием установлена явная «недобросовестность» Капустина, обуславливающая вменение ему в вину в порядке уголовном «бесхозяйственности» по Агро-Службе»¹¹. П.П. Капустину и его сотрудникам было предь-

---

человек в бесхозяйственности и должностных преступлениях. 128, 128-а, 113 и др. ст. Уголовного кодекса (06.09.1924 г. – 24.09.1925 г.). С. 290б.

¹¹ ГАСО. Ф. 148-р. Оп. 1. Д. 181 (Т. 2). Уголовное дело следственной части № 327/24 Уральского областного суда по судебному отделению по обвинению администрации Агрослужбы Пермской железной дороги Капустина, Суховерских, Новикова и других в числе десяти человек в бесхо-

явлено обвинение на основании статей 113 (дискредитирование власти) и 128 (бесхозяйственность) Уголовного кодекса РСФСР¹². Некоторым сотрудникам объявление было предъявлено заочно и их объявили в розыск.

В рассматриваемом нами деле есть лишь один документ, который свидетельствует о его завершении, это обвинительное заключение. Прочие документы (повестки в суд, протокол судебного заседания, решение суда или постановления о прекращении дела) отсутствуют. Напрашивается вывод о том, что часть документов (возможно, третий том) не была передана на хранение в архив или была изъята позднее в порядке надзора или при повторном рассмотрении дела.

Как уже отмечалось, помимо П.П. Капустина, в других делах фонда Уралоблсуда, были выявлены автобиографии Алексея Ивановича Рудакова – бухгалтера-ревизора Свердловского Областного финансового отдела, Александра Ивановича Басанина – заведующего Екатеринбургским отделением Всероссийского текстильного синдиката и Сергея Андреевича Варгасова – товароведа этого же Отделения.

Всех авторов объединяет их активная позиция в отстаивании своих интересов, т.к. все они не признали своей вины и предпринимали массу усилий, чтобы доказать свою невиновность. Автобиография не являлась обязательным документов в структуре судебно-следственного дела, создавалась по инициативе самого обвиняемого с целью вызвать симпатию со стороны следователя или судьи, опровергнуть или интерпретировать в выгодную для автора документа сторону сведения, полученные в процессе следствия от других участников. Все автобиографии написаны собственноручно, демонстрируют достаточно хороший уровень владе-

---

зайственности и должностных преступлениях. 128, 128-а, 113 и др. ст. Уголовного кодекса (06.09.1924 г. – 24.09.1925 г.). С. 242-270.

¹² Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // Юридическая Россия. Федеральный правовой портал. [Электронный ресурс]: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241189> (дата обращения: 21.09.2016).

ния письменной речью и относительно высокий уровень грамотности.

Когда мы говорим об особенностях данного источника, необходимо учитывать то обстоятельство, что у него был совершенно конкретный адресат. Это, прежде всего, следователь, во вторую очередь – судья. Очевидно, что решение по делу принимает судья, но существенную роль играл следователь, который вел следствие и формулировал обвинительное заключение. Поэтому, пусть и условно, но следователя можно считать не только адресатом, но и «соавтором» автобиографического сочинения обвиняемого. Порой, предвосхищая вопросы следователя, автор включал в свою автобиографию те или иные сюжеты. Общение со следователем, судя по материалам дел, носило достаточно продолжительный характер. Обвиняемый проходил через серию допросов, в рамках которых обнаруживались новые факты, которые нуждались в пояснении и оценке. Параллельно шли допросы других участников процесса, а предоставленные ими сведения, вносили свои коррективы в ход расследования. За столь продолжительное время подследственный мог понять установки следователя, выработать систему аргументов, призванных убедить его в своей правоте и искренности. Мысленный диалог со следователем, который вел заключенный в камере, документируется в процессе допроса, переносится на бумагу, в виде протокола, уточнений и комментариев к нему. В этом технологическом процессе автобиография служит существенным, но лишь дополнительным документом, приобщенным к основным материалам дела, которые носят не столь субъективный характер.

Разумеется, мы далеки от мысли, что все отношения между следователем и подследственным были построены на глубоком взаимном психологическом анализе и рефлексии, подобно связи между Родионом Раскольниковым и Порфирием Петровичем в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Однако этот литературно-

художественный пример иллюстрирует нашу мысль о том, что «соавтором» автобиографий был следователь.

Обстоятельства создания рассматриваемой нами автобиографии являются экстремальными. Текст составлялся человеком, который находился в Доме заключения, в переполненной тюремной камере. У автора отсутствовали необходимые документы, которые можно было бы использовать для подтверждения своих слов. Он не мог воспользоваться материалами из архивных и библиотечных фондов, обратиться с запросом в органы власти. Зачастую в тексте встречаются отсылки на документы, которые находятся в распоряжении следствия или которые можно запросить в соответствующих органах. Текст автобиографии составлялся самостоятельно, на основе воспоминаний (по памяти), в условиях острого дефицита информации, но при избытке свободного времени.

Дефицит информации, которая могла находиться в распоряжении обвиняемого, с избытком компенсировали другие участники следствия. Включенные в судебное дело протоколы допросов других обвиняемых, а также свидетелей и экспертов, подтверждают или опровергают данные изложенные в автобиографии, что позволяет на основе материалов одного дела, получить более разностороннюю или «объемную» информацию о человеке, воспользоваться «стереоэффектом». С горькой иронией можно констатировать, что ничто так подробно не позволяет ознакомиться с историей повседневности, как опись имущества арестованного и показания соседей и коллег, данные следователю на допросах.

В структуре автобиографии П.П. Капустина присутствуют все элементы, которые характерны для делопроизводственной автобиографии, в т.ч. и той, которая создавалась при приеме на работу. Это сведения о социальном происхождении, образовании, описание карьеры и общественной деятельности, данные о партийности и т.п. Отметим, что задача делопроизводственной автобиографии заключалась в том, чтобы создать благоприятный образ авто-

ра для достижения поставленной им практической цели. Если целью написания автобиографии при приеме на работу является замещение вакантной должности, то в рассматриваемом нами случае цель не столь конкретна. Можно предполагать, что автобиография была призвана создать положительный образ обвиняемого, а в дальнейшем надеяться на полное оправдание судом или смягчение приговора, в крайнем случае, обосновать ходатайство об изменении меры пресечения. В данном конкретном случае важны не только факты биографии, но и то, как расставлены акценты, о чем автор говорит подробно, а о чем умалчивает. Фактор умолчания, несомненно, присутствует. Наглядным примером служит уточнение, которое было сделано П.П. Капустиным в тексте автобиографии: «Я изложил только основные черты биографического очерка, каждый из которых может быть чрезвычайно расширен и дополнен, ряд, с моей точки зрения, незначительных эпизодов мною совершенно не затрагивается»¹³. Автор, используя прием умолчания, не указал в автобиографии весьма существенную деталь, но очевидно, что после напоминания следователя, был вынужден дополнить текст своего сочинения следующим постскриптумом: «Во время пребывания в Архангельске после белого переворота, я, как народный социалист, принимал участие в организации так называемого «Союза Возрождения России». Это было крайне непродолжительное время. После того как выявилась моя оппозиционность, меня из этого союза исключили как гласило [со]общение «за большевистские идеи». В Союзе возрождения России мое участие выразилось в участии на двух или трех заседаниях. Подробнее об этом я писал в заявлении тов. Кедрову [уполномоченный ВЧК по г. Архангельск – А.К.]»¹⁴.

При описании своего социального происхождения автор подчеркивает, что он сын крестьянина. Он указывает

---

¹³ Килин А.П. Против всякого желания, я вновь очутился в вихре политической борьбы...». Автобиография Петра Петровича Капустина. С. 416.

¹⁴ Там же.

свою этническую принадлежность – латыш, что демонстрирует его принадлежность к национальным меньшинствам царской России. Впрочем, в этом же деле есть указание, на то, что он русский.

Автор учился в средних и высших учебных заведениях (Крейцбургское народное училище, Московский сельскохозяйственный институт) но обучение в них не закончил по причине дефицита средств, плохого материального положения и необходимости содержать мать и малолетних братьев. Наличие или отсутствие имущества, зажиточность или бедность являлись весьма существенными социальными маркерами. Подлинный пролетарий, это тот, кто не имеет имущества, по крайней мере, собственного дома или домашнего скота. В протоколе допроса П.П. Капустина указано «Имущественное положение – дом»¹⁵. Напомним, что именно факт личного обогащения ставился ему в вину в ходе судебного разбирательства.

В своей биографии П.П. Капустин подчеркивает, что его политическая и общественная деятельность началась с раннего возраста и она, наряду с материальными трудностями, также послужила причиной отчисления его из института. Автор упоминает о том, что вел агитацию среди рабочих Московской окружной железной дороги. Этот факт должен был свидетельствовать о его революционных настроениях, характеризовать как сторонника рабочего движения. Весьма примечателен фрагмент, в котором говорится, как П.П. Капустин из Акмолинского края, где он находился в ссылке, нелегально переехал в Швейцарию, где продолжал изучать мелкое сельское хозяйство¹⁶. Эмиграция

---

¹⁵ ГАСО. Ф. 148-р. Свердловский областной суд Министерства юстиции РСФСР г. Свердловск (1923-1973 гг.). Оп. 1. Д. 180 (Т. 1). Уголовное дело следственной части № 327/24 Уральского областного суда по судебному разделению по обвинению администрации Агрослужбы Пермской железной дороги Капустина, Суховерских, Новикова и других в числе десяти человек в бесхозяйственности и должностных преступлениях. 128, 128-а, 113 и др. ст. Уголовного кодекса (06.09.1924 г. – 24.09.1925 г.). С. 387.

¹⁶ Килин А.П. Против всякого желания, я вновь очутился в вихре поли-

в Европу по причине давления со стороны властей, яркий и типичный эпизод биографии профессионального революционера.

При описании карьеры автором всегда подчеркивается значимость той или иной должности, которую он занимал, для подъема и развития сельского хозяйства. Образ профессионала, агронома наиболее четко отображен в тексте автобиографии. Очевидно стремление автора показать его работу непосредственно на земле, практический вклад в реальное дело, что характерно для позиции народников. Если попытаться одним словом охарактеризовать П.П. Капустина, то «агроном» будет наиболее точно и емко.

В качестве еще одного приема, который призван создать положительный образ автора, используется упоминание в документе имен известных и пользующихся большим авторитетом личностей, с которыми П.П. Капустин работал в различных регионах и на разных должностях. «После Григорковской школы я переехал на Урал и поступил на должность инструктора по животноводству и молочному хозяйству в Златоустовское хозяйство Уфимской губернии. Здесь меня застала империалистическая война и на меня была возложена большая экономическая работа по сохранению крестьянского племенного скота, разработка вопроса организации аппаратом земства заготовки мяса для армии и другое. В то время помощником уполномоченного Министерства земледелия (по Уфимской губернии) был товарищ Цюрюпа [Александр Дмитриевич Цюрюпа] (бывший нарком продовольствия)»¹⁷. Отметим, что точно установить характер взаимоотношений П.П. Капустина с А.Д. Цюрюпой, без дополнительного исследования не представляется возможным.

Несомненно, важным сюжетом является рассказ о его идейных расхождениях с представителями партии социалистов-революционеров, в особенности о конфликте по во-

---

тической борьбы...». Автобиография Петра Петровича Капустина. С. 411.

¹⁷ Там же. С. 412.

просу иностранной интервенции. Обращает на себя внимание переход П.П. Капустина от борьбы с большевиками к их признанию. Этой трансформации идеологических взглядов уделено достаточно много места в автобиографии, что должно было убедительно продемонстрировать его лояльность к существующей власти. Однако по своей сути П.П. Капустин остался верен идеологии народничества. В Государственном архиве административных органов Свердловской области нами обнаружено следственное дело¹⁸, в рамках которого П.П. Капустин обвинялся по ст. 58.1 УК (экономическая контрреволюция)¹⁹. В протоколах допросов он вновь говорит о своих политических предпочтениях, в том числе критически отзываясь о ряде мероприятий советской власти (раскулачивание, насильственное коллективизация). Он решительно отвергает обвинения в контрреволюционной деятельности, вновь обращаясь к своей биографии и доказывая, что на протяжении всей своей жизни он выполнял свое профессиональный долг, по мере сил стремился решать вопросы аграрной политики на вверенных ему участках. В этих текстах настойчиво звучит мысль о том, что он всегда стремился разделять свою профессиональную и политическую деятельность. «Я принимаю полностью обвинение меня в том, что я состоял в партии Народных Социалистов и категорически отрицаю какую-либо связь между моим состоянием в этой партии и моей дальнейшей работой, т.е. обвинения в состоянии в каких бы то ни было противосоветских организациях. Обвинение меня в антисоветской идеологии я считаю совершенно не-

---

¹⁸ Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р-1. Управление Федеральной службы безопасности РФ по Свердловской области. Оп. 2. Архивно-следственные дела на арестованных и осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР), впоследствии реабилитированных. Д. 9645. Следственное дело № 6161 по обвинению Капустина Петра Петровича (26.12.1930 г. – 19.02.1931 г.).

¹⁹ Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // Юридическая Россия. Федеральный правовой портал. [Электронный ресурс]: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241189> (дата обращения: 21.09.2016).

правильным по следующим причинам: за все время моей работы при советской власти я не ощущал острых расхождений в тех областях, где я являлся специалистом, что и позволяло мне занимать руководящие посты. <...> Касаюсь вообще гражданских свобод, то в этом вопросе я остаюсь при своих старых убеждениях и полагаю, что наличие гражданской свободы может лишь способствовать возрождению страны»²⁰.

Можно утверждать, что П.П. Капустин как во время допросов, так и при написании автобиографии уверенно и со знанием дела использовал систему аргументации, которая воспринималась его оппонентами, правильно выстраивал линию своей защиты. Очевидно, что сказался опыт работы на руководящих должностях. Он говорил со следователями на понятном им обоим языке, до той поры, пока общение осуществлялось рационально, с учетом здравого смысла, подчинялось элементарной логике. Его дореволюционная политическая активность, оппозиционность власти, открытость позиции по довольно острым вопросам советской действительности, по-видимому, импонировали следователям, тем адресатам, к которым он обращался в своих текстах, его аргументы воспринимались оппонентами. Его автобиография и поведение на допросах работали на него. Да, он был осужден за хозяйственные преступления, но по достаточно мягкой статье. Государство не могло себе позволить игнорировать его опыт, не использовать его навыки и умения.

Уголовное дело, возбужденное в 1930 г., в 1931 г. было закрыто, а П.П. Капустин оправдан по следующим основаниям: «Участие в контрреволюционной вредительской организации агронома Капустина Петра Петровича произведенным следствием не установлено, а равно и совершение им действий направленных на дезорганизацию овощезаго-

---

²⁰ Килин А.П. «Против всякого желания, я вновь очутился в вихре политической борьбы...». Автобиография Петра Петровича Капустина. С. 409-410.

товок. Принимая во внимание отсутствие в действиях Капустина П.П. состава преступлений, и руководствуясь ст. 4 и 204 УПК Постановил: Следственный материал по делу за № 6161 в отношении Капустина Петра Петровича по обвинению его по ст. 58 п. 7 [подрыв госпромышленности] и п. 11 [контрреволюционная организация] УК дальнейшим производством прекратить и сдать в архив»²¹.

Создание документа (в данном случае делопроизводственной автобиографии), впрочем, как и любого иного информационного продукта, предполагает, что он должен удовлетворять потребности не только его создателя, автора, но и его получателя, адресата, респондента. Цели автора достаточно ясны – это стремление создать свой положительный образ в глазах адресатов для более благополучного исхода дела (оправдание, смягчение приговора). Адресатом являются следователь и судья. Оценивая качество автобиографии не как исторического источника, а как делопроизводственного документа, рассматривая его с точки зрения цели создания необходимо соотнести совокупность данных о человеке и вынесенный в его отношении приговор, сопоставить степень наказания, которое было сформулировано в обвинительном заключении и вынесенное в итоге, содержащееся в приговоре суда. Если дело было закрыто или приговор был смягчен, следовательно, обвиняемый добился своей цели, и автобиография могла сыграть в этом определенную роль.

П.П. Капустин относительно благополучно прошел через серию судебных разбирательств, но его дальнейшая судьба сложилась трагично. Механизм репрессий 1937 г. не предполагал рационального подхода к выбору жертв, система аргументаций, сколько бы убедительными они не были, не срабатывала, а судьба обвиненных была предрешена.

---

²¹ Килин А.П. «Против всякого желания, я вновь очутился в вихре политической борьбы...». Автобиография Петра Петровича Капустина. С. 410.

В базе данных «Мемориала», составленной на основе материалов Тюменской области, содержится следующая запись: «Капустин Петр Петрович. 1890 г., с. Зила Витебской губ. Ссылный. Агроном колхоза «Кустарь» д. Смирновка, г. Ишим. Арестован 14.10.1937 г. Осужден «тройкой» Омского УНКВД 15.03.1937 г. Расстрелян в Омске 03.04.1938 г. Реабилитирован 23.03.1957 г.»²².

Отметим, что в нашем исследовании мы имеем дело с такими формами представления информации как текст и статистические данные. Материалы судебно-следственных дел 1920-х гг. практически не содержат информацию в графическом виде, в виде изображений. Фотографии в деле скорее исключение, чем правило. Нам удалось обнаружить традиционную фото-фиксацию арестованных в фас и в профиль, лишь в одном судебно-следственном деле. Именно поэтому при работе с автобиографиями мы испытывали острый дефицит визуальных источников (графика, фото, карты). При работе над этой темой постоянно ощущалась потребность воссоздать портрет автора биографии не только в виде текста, но и в виде изображения. В отношении П.П. Капустина нам так и не удалось увидеть реальный портрет или фотографию этого человека.

В анкете арестованного, входящей в состав судебно-следственного дела, могла находиться краткая запись о его отличительных антропометрических данных, к сожалению, таких данных нет в анкете П.П. Капустина. Приведем весьма показательный пример, который, впрочем, содержится в ином фонде и в деле, посвященном контрреволюционной деятельности: «Воскресенский Иван Дмитриевич – 31 год, прописан Холмская губерния, г. Бели. Три курса университета Варшава; арестован 22 апреля 1924 г.; медик; русский; бывший офицер; был на военной службе, поручик; в 1919 г. – член РКП, выбыл автоматически (по болезни); из мещан;

---

²² Капустин Петр Петрович / Мемориал. Списки жертв. Тюменская область. [Электронный ресурс]: <http://www.memo.ru/memory/tumen/> (дата обращения: 21.09.2016).

холост. Обвиняется в разложении Красной Армии. Рост средний, волос русый, бороды и усов – нет, глаза серые, лицо чистое, особых примет нет»²³.

Возможно, что дефицит визуального материала побудил нас, на основе анализа автобиографии П.П. Капустина, создать аккаунт в социальной сети «В контакте», который активно используется в образовательном процессе, как пример реконструкции биографии исторической личности с использованием разнообразных форм представления информации²⁴. Современные пользователи сети Интернет зачастую проецируют шаблон, на основе которого формируется аккаунт в социальных сетях, на исторические личности. С одной стороны, это модернизирует ситуацию, искажая историческую картину, с другой, позволяет привлечь новые источники информации, в том числе визуальные, для наглядного представления материала (фото, видео, сервисы геолокации). Отличительной чертой современной медиа-среды является доминирование графического контента над текстовым и повсеместная визуализация материала. Социальные сети играют важную роль, как в профессиональной коммуникации, так и в общении на бытовом уровне, позволяют накапливать информацию из различных источников с привлечением неограниченного круга лиц. Обращение к интернет-аудитории позволяет нам сохранять надежду на то, что мы в итоге получим доступ к визуальному портрету нашего героя.

---

²³ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 138-р. Екатеринбургский губернский суд (1921-1924 гг.) Оп. 3. Д. 71. Дело по обвинению Воскресенского Ивана Дмитриевича в агитации, направленной против Красной Армии (23.04.1922г.– 05.07.1923г.). С. 14.

²⁴ Петр Петрович Капустин (1890-1938 гг.) / Социальная сеть «В контакте». [Электронный ресурс]: <http://vk.com/id334025735> (дата обращения: 21.09.2016).

Библиография

Источники и документы:

1. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р-1. Управление Федеральной службы безопасности РФ по Свердловской области. Оп. 2. Архивно-следственные дела на арестованных и осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР), впоследствии реабилитированных. Д. 9645. Следственное дело № 6161 по обвинению Капустина Петра Петровича (26.12.1930 г. - 19.02.1931 г.)
  2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 138-р. Екатеринбургский губернский суд (1921-1924 гг.) Оп. 3. Д. 71. Дело по обвинению Воскресенского Ивана Дмитриевича в агитации, направленной против Красной Армии (23.04.1922г.-05.07.1923г.)
3. ГАСО. Ф. 148-р. Свердловский областной суд Министерства юстиции РСФСР г. Свердловск (1923-1973 гг.). Оп. 1. Д. 180 (Т. 1). Уголовное дело следственной части № 327/24 Уральского областного суда по судебному отделению по обвинению администрации Агрослужбы Пермской железной дороги Капустина, Суховерских, Новикова и других в числе десяти человек в бесхозяйственности и должностных преступлениях. 128, 128-а, 113 и др. ст. Уголовного кодекса (06.09.1924 г. - 24.09.1925 г.).
4. ГАСО. Ф. 148-р. Оп. 1. Д. 181 (Т. 2). Уголовное дело следственной части № 327/24 Уральского областного суда по судебному отделению по обвинению администрации Агрослужбы Пермской железной дороги Капустина, Суховерских, Новикова и других в числе десяти человек в бесхозяйственности и должностных преступлениях. 128, 128-а, 113 и др. ст. Уголовного кодекса (06.09.1924 г. - 24.09.1925 г.).
5. Капустин Петр Петрович / Мемориал. Списки жертв. Тюменская область. [Электронный ресурс]: <http://www.memo.ru/memory/tumen/> (дата обращения: 21.09.2016).
6. Петр Петрович Капустин (1890-1938 гг.) / Социальная сеть «В контакте». [Электронный ресурс]: <http://vk.com/id334025735> (дата обращения: 21.09.2016)

7. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. / Юридическая Россия. Федеральный правовой портал. [Электронный ресурс]: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241189> (дата обращения: 21.09.2016).
8. Циркулярное письмо Народного комиссариата юстиции РСФСР Н. М. Янсона № 93 от 5 июля 1929 г. / Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства. 1929. № 32. С. 48-49.

Исследования:

9. Волошина С.В., Литвинов А.В. Анатомия делопроизводственной автобиографии в Новейшей истории России: композиция и содержание текстов. // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. Т. 10. № 1. С. 40-54.
10. Килин А.П. Против всякого желания, я вновь очутился в вихре политической борьбы...». Автобиография Петра Петровича Капустина. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 16. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2016. С. 396-417; / Электронная библиотека УрФУ. [Электронный ресурс]: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/40777/1/dais-2016-16-33.pdf> (дата обращения: 11.09.2016).
11. Килин А.П. Частная торговля и кредит на Урале в 1920-е годы // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 3. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2003. С. 118-147; / Официальный сайт департамента «Исторический факультет» ИГНИ УрФУ. Архив сборника «Документ. Архив. История. Современность». [Электронный ресурс]: <http://hist.igni.urfu.ru/dais/articles/3/Kilin.doc> (дата обращения: 12.09.2016).
12. Русина Ю.А. Источниковедение новейшей истории России. / Ю.А. Русина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 49-50.
13. Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / Ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: ГУ-ВШЭ, 2005. С. 170-220.
14. Субъективность и идентичность: автобиографии советских трудящихся / Научно-учебная группа междисциплинарных исследований автобиографии. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». [Электронный ресурс]: <https://phil.hse.ru/autobio/seminar14> (дата обращения: 23.08.2016)

**«Я никогда не чувствовала себя неполноценной»:
Саморепрезентация людей с ограниченными
возможностями здоровья в автобиографиях¹**

Елена Носенко-Штейн

Введение

(Авто)биографический метод давно и успешно применялся в этнологии и антропологии (включая историческую антропологию), особенно для изучения проблем идентичности, культурного опыта, поведенческой культуры и т.п. Этот качественный метод (как и используемый в этнологии и социокультурной антропологии метод *OralHistory*) с успехом применяли в зарубежной культурной антропологии и социологии еще в 1920-х гг. Затем наступил период некоторого скептицизма, сопровождавшегося критикой метода в основном за его субъективизм. В последующие годы социологи сравнительно редко обращались к обоим методам, хотя в этнологии и социокультурной антропологии их продолжали использовать. Однако с 1970-х гг, сначала в зарубежных, а два десятилетия спустя и в отечественных социологических исследованиях наметилось оживление интереса к *LifeHistory* и *OralHistory*, их «реабилитация», совершенствование и появление новых разработок (в изучении элит, миграционных процессов, отношения народов к своему прошлому, культурных трансформаций² и т.д. В последние два-три десятилетия библиография, посвященная

---

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 15-06-05582/16.

² См. Bertaux D. From the Life History Approach to the transformation of the Sociological Heritage // *Biography and Society. The Life History Approach in the Social Sciences* // D. Bertaux. (ed.). Beverly Hills: University of California Press, 1981; Langness, L.L., Frank G. *Lives. Chandler and Sharp: Novato*, 1981.

этим методам, стала довольно обширной. Многие отечественные исследователи указывают на преимущества качественных методов, в том числе биографий и автобиографий при изучении таких сложных вопросов, как культурная идентичность и поведенческая культура³. Поэтому в изучении саморепрезентации людей с ограниченными возможностями здоровья автобиографический метод может дать необходимую перспективу. Причем, в отличие от *OralHistory LifeHistory* представляет собой не только разновидность интенсивного интервью, но и записи автобиографий, которые могут быть изложены в письменном или электронном виде (записки, мемуары, переписка и др.).

Источники

В этой статье делается попытка проанализировать некоторые вопросы саморепрезентации людей с инвалидностью. Для этих целей были выбраны тексты, опубликованные и/или размещенные в Интернете, а также тексты нескольких глубинных интервью, в которых информанты излагали истории своих жизней и опыта, связанного с инвалидностью. Это тексты, написанные известными людьми и

---

³ Среди зарубежных исследований отметим: Jonston D. An Introduction to Disability Studies. 2nd ed. Oxford: David Fulton Publishers, 2005; Grele R.L. Envelopes of Sound. The Art of Oral History. New York: Praeger, 1991; Hummersley M. The Dilemma of Qualitative Method: Herbert Blumer and the Chicago Tradition. London, UK & New York: Routledge, 1989; Kohli M. Biography. Account. Text. Method // Biography and Society. The Life History Approach in the Social Sciences // D.L. Bertaux (ed.). Beverly Hills: University of California Press, 1981; Ritchie D.A. Doing Oral History. New York: Twayne Publishers, 1995. Среди отечественных исследований стоит упомянуть диссертацию Винер Б.Е. Межпоколенная передача этнической идентичности у этнодисперсных меньшинств (на примере современного Петербурга). СПб. 1998; ее же статью Возвращение к вере предков. Конструирование современной этноконфессиональной идентичности (на примере Санкт-Петербурга) // Диаспоры / Diasporas. 2002. № 4. С. 200-220; а также нашу работу Носенко Е.Э. «Быть или чувствовать?» Основные аспекты еврейской самоидентификации у потомков смешанных браков в современной России. М.: ИВРАН-Крафт+, 2004.

людьми обычными. Среди них «История болезни» Ирины Ясиной, известной журналистки и писательницы⁴. В возрасте около 35 лет Ясиной был поставлен диагноз «рассеянный склероз» (заболевание нервной системы), которое считается неизлечимым и по мере прогрессирования приводит к очень тяжелой инвалидности.

Другой текст – «Записки слепого» А. Графова⁵. Анатолий Графов потерял зрение в 21 год в результате заболевания: «Слепота надвигалась исподволь, незаметно, словно подкрадывалась. Сидя над учебниками, я замечал, что строчки исчезают, наплывая одна на другую. Предметы теряли свои очертания, угасали краски, сливаясь в сплошную пелену одного цвета, или разделяясь на светлые и темные тона». В результате он был вынужден оставить учебу в университете, а также занятия спортом. Несколько лет А. Графов занимался неквалифицированным ручным трудом, потом закончил заочно юридический вуз, стал работать на предприятии для незрячих, потом стал его директором. В начале 2000-х гг. Графов был отстранен от должности, но продолжал работать.

Это также автобиография детской писательницы Тамары Черемновой⁶, инвалида детства (1 группа), заболевание опорно-двигательного аппарата (ОДА) в результате детского церебрального паралича (ДЦП). На момент опубликования текста Т. Черемновой было 58 лет. Когда ей было шесть лет, родители отдали девочку в специализированный детский дом, где ей поставили диагноз «олигофрения в стадии дебильности». Тамара сама научилась читать, само-

---

⁴ Ясина И. История болезни // Знамя. 2011. № 5. [Электронный ресурс]: http://royallib.com/book/yasina_irina/istoriya_bolezni.html; дата последнего обращения 25.08.2016).

⁵ Графов А.П. Записки слепого // Сибирские огни. 2009. № 10. [Электронный ресурс]: <http://www.av3715.ru/library/book.php?id=135631>; дата последнего обращения 27.09.2016).

⁶ Тамара Черемнова. Здравствуйте, добрые люди. История детской писательницы (обретения себя и сила мечты). <http://www.liveinternet.ru/users/anna203/post176605681/> (Дата последнего обращения 22.09.2016).

стоятельно прошла школьную программу, стала писать сказки и рассказы для детей. «Несправедливый диагноз» был с нее снят. Она много публикуется, ее книги переведены на несколько языков. Проживает в Новокузнецком Доме инвалида № 2.

Это также история Натальи Бархатовой (на момент написания ей было 28 лет), инвалида детства (заболевание опорно-двигательного аппарата), группы инвалидности не имеет, так как не желает статуса инвалида, незамужем, живет с матерью в Екатеринбурге. В настоящее время она успешно пишет музыку в стиле рэп и выступающая под псевдонимом Джимбо Ди, под этим же именем ведет блог в Живом Журнале; ее автобиография доступна на разных сайтах⁷.

Наконец, это тексты ряда интервью, проведенных мной в 2014-2016 гг. В них люди с ограниченными возможностями здоровья также рассказывают о своем жизненном опыте. Интервью проводились «глаза в глаза» или по электронной почте (в том случае, если информанту в силу заболевания или дефекта было сложно слушать и/или разговаривать). Это интервью с Ольгой Г., 42 лет, слабослышащей, инвалида детства (3 группа; Ольга почти полностью потеряла слух в 9 лет в результате неправильного лечения). У Ольги высшее образование, работает библиотекарем, незамужем, живет с матерью в Москве⁸. Это также рассказ Юлии В., 28 лет, инвалида детства (ДЦП) 2 группы, образование среднее специальное, не работает, живет с родителями в Москве⁹. Использовались также тексты некоторых других историй жизни, рассказанных информантами в 2014-2016 гг. [11, 12, 13].

---

⁷ Наталья Бархатова (Джимбо Ди). Дорогу указывает мечта. [Электронный ресурс]: <http://www.aspergers.ru/node/293>; (Дата последнего обращения 22.09.2016).

⁸ Полевые материала автора (далее – ПМА) - 1. Записано по электронной почте 02. 2014 г.

⁹ ПМА – 2. Записано по электронной почте в марте 2015 г.

Цифры и оценки

Говорить о статистических данных, относящихся к инвалидности и людям с инвалидностью в мире и в разных странах довольно сложно, так как в научной и публицистической литературе до сих пор нет общепринятого определения инвалидности (в разных странах для этого феномена существуют разные, иногда сосуществующие термины). Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) различает *impairment* – потерю органа/органов, нарушения каких-либо физических или ментальных функций организма, *handicap* – трудности в осуществлении нормальной деятельности человека в результате этих дефектов или нарушений и *disability* – ограничение возможностей человека в силу врожденных или приобретенных дефектов¹⁰. Все эти определения довольно расплывчаты и оставляют много места для различных интерпретаций. В последние два-три десятилетия наибольшее распространение получил термин *disability* (или *disabilities*), на русский язык обычно переводимый как *ограничение возможностей (здоровья)*.

В ряде стран к тому же плохо налажена медицинская статистика и учет людей с теми или иными дефектами или заболеваниями. Кроме того, статус инвалида в большинстве стран предполагает наличие тех или иных пособий, выплат, льгот и т.п. Это также приводит к значительной разнице в оценках численности людей с инвалидностью в мире и по отдельным странам. По данным ООН, в мире в 2011 г. насчитывалось 600 млн. человек с инвалидностью¹¹. На конец 2015 г. таких людей насчитывалось уже 650 млн. человек¹². Иными словами, люди с инвалидностью составляют около 10% населения земного шара. Высказываются и бо-

---

¹⁰ Всемирная организация здравоохранения:
<http://www.who.int/topics/disabilities/ru/>.

¹¹ Всемирный доклад об инвалидности:
http://www.who.int/disabilities/world_report/2011/ru/.

¹² Инвалиды – развитие права человека:
http://www.un.org/ru/rights/disabilities/background_7.shtml (Дата обращения 29. 09.2016).

лее устрашающие оценки (до 1,5 млрд. человек), что, как уже говорилось, связано с неопределенностью понятия «инвалидность».

В России на 2013 г. насчитывалось 13,5 млн. людей инвалидностью 1 и 2 группы; в последующем численность инвалидов в нашей стране неуклонно сокращалась, и на начало 2016 г. оценивалась в 12 750 тыс. человек¹³. Сокращение численности инвалидов происходит не столько за счет успехов медицины и реабилитологии, сколько за счет ужесточения социальной политики. Эти данные также не полностью учитывают такую большую группу, как инвалиды 3 группы, численность которых весьма значительна (учитываются в основном люди, имеющие эту группу на постоянной основе, в то время как имеющие временную инвалидность учтены плохо).

Но даже эти неполные и неточные данные показывают, что речь идет об очень значительном сегменте общества. Если же добавить к ним членов семей, чья жизнь нередко очень тесно связана с проблемами родных, имеющих статус инвалида, то можно смело говорить о 30-35 млн. человек. Эта часть общества имеет свои потребности, возможности, опыт и потенциал, которые не только не востребованы, но часто не изучены.

В нашей стране долго преобладал медицинский, или медикалистский подход к изучению инвалидности, в рамках которого инвалидность рассматривалась как чисто медицинская проблема, которую следует корректировать медицинскими же способами. Отсюда в рамках этого подхода произошло развитие коррекционной и лечебной педагогики и психологии. Сам же человек с инвалидностью воспринимался и нередко до сих пор воспринимается как несчастный и больной, нуждающийся в лечении, пособиях, льготах и разнообразной помощи, не способный к самостоятельной

---

¹³ Сайт Федеральной службы государственной статистики:
http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/#(Дата обращения 28.09.2016).

жизни¹⁴. В последние два десятилетия в России начал обретать все большую популярность социальный подход, согласно которому инвалидность – это социальный конструкт, а сами люди с инвалидностью представляют собой дискриминируемую часть общества¹⁵. Существуют и другие модели инвалидности. Наиболее перспективным мне видится социокультурный подход, сторонники которого рассматривают людей с инвалидностью как социальную группу, обладающую различными статусами, которые зависят от социальной политики и культурных факторов в каждом конкретном обществе. Кроме того, такой подход учитывает историко-культурный контекст, а также физиологические реалии (боль, физический или эмоциональный дискомфорт и т.п.).

Соответственно при изучении автобиографий таких людей я стремилась учитывать характер заболевания (ибо они нередко детерминируют те или иные ограничения жизнедеятельности), а также «тяжесть» инвалидности (т.е. группу инвалидности). Учитывались также возраст, образование, семейный статус и др. Более того, в статье проводится разграничение между инвалидами детства (с врожденной инвалидностью или получившими ее до 18 лет), которых обычно насчитывается около 15 % от общего числа людей с ограниченными возможностями, и людьми, которые приобрели ее в трудоспособном возрасте (от 18 до 65 лет), каковых значительно больше: 80-85 %. У людей, принадлежащих к разным группам, имеется различный жизненный опыт, установки, оценки инвалидности и того, что они считают «нормальными» людьми и «нормальной» жизнью.

---

¹⁴ Подробнее о медицинском подходе см. Jonston D. *An Introduction to Disability Studies*. 2 ed. Oxford, 2005.

¹⁵ См. Rasell M., Iarskaia-Smirnova E. *Conceptualising disability in Eastern Europe and the former Soviet Union* // M. Rasell, E. Iarskaia-Smirnova (ed.). *Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union: History, policy and everyday life*. Oxford, New York: Routledge, 2014.

Ранний опыт: инвалиды детства о детстве

Анализ текстов позволил выделить у инвалидов детства две основные проблемы, которые в дальнейшем оказывают сильное воздействие на их самоидентификацию: гиперопека со стороны близких и одновременно чувство душевного одиночества, даже изгойства. О гиперопеке и неверии членов семьи в их силы и возможности говорили многие инвалиды детства. Например, Наталья Бархатова (Джимбо Ди), страдающая серьезным заболеванием ОДА, писала: «В детстве боролась в первую очередь с гиперопекой»¹⁶. Об этом говорят почти все инвалиды детства независимо от заболевания или дефекта, а также их тяжести. Родители нередко не приучают детей даже к самообслуживанию, опасаясь, что те поранятся или «сделают что-то не так».

Например, Елена Н., 37 лет, незрячая, инвалид детства (1 группа), росла в г. Александрове (Владимирская обл.), окончила обычную школу, затем юридический колледж в своем городе и юридический факультет МГУ. Елена занимается бизнесом, замужем, двое детей. Елена рассказывала: «У моей мамы вообще был такой лейтмотив всегда: что ты будешь делать, если меня не будет?»¹⁷.

Ольга Г., слабослышащая (3 группа) писала: «Отец как-то меньше надо мной тряся, а мама и бабушка, те просто с ума сходили: что со мной будет, если я останусь одна. Ты же слесаря по телефону не вызовешь, ты же то не сможешь, сё не сможешь»¹⁸.

Такое отношение приводит к изоляции ребенка от его здоровых сверстников, что в свою очередь, вызывает сохраняющееся на долгие годы ощущение одиночества, ненужности. Об этом ярко пишет Наталья Бархатова (Джимбо Ди): «В 11 лет, после смерти бабушки, на которой держалось

---

¹⁶ Наталья Бархатова (Джимбо Ди).

¹⁷ ПМА – 3. Интервью записано на диктофон, Москва, март 2015 г.

¹⁸ Полевые материалы автора (далее – ПМА) - 1. Записано по электронной почте 02. 2014 г.

хозяйство, я вдруг оказалась на полной свободе. Мама, желая отвлечься от воспоминаний, ... с головой ушла в работу, стала чаще брать командировки, оставляя нас с 87-летней слабослышащей, но не утратившей интерес к жизни прабабушкой на две, а то и на три недели в месяц в одиночестве»¹⁹.

Особенно остро одиночество ощущается теми инвалидами детства, которые росли в специальных детских домах или интернатах, как Тамара Черемнова, выросшая именно в таком детском доме. Оно нередко перерастает в ощущение изгойства, собственной неполноценности и даже в самоневысказанность: «Я надолго замкнулась, по ночам кусала подушку, возненавидела себя и свой ДЦП, из-за которого меня вдобавок к плохо работающим рукам и ногам еще и объявили умственно неполноценной...» (выделено мной – Е. Н.-Ш.)²⁰.

К сожалению, воспоминания о школьных годах, проведенных в стенах обычной школы, только усугубляет ситуацию, усиливая ощущение инаковости, отделенности от других людей. На это восприятие большое влияние оказывает отношение сверстников и, как на это неоднократно обращалось внимание, в особенности учителей²¹. Но для людей с ограниченными возможностями такое отношение приобретает особую остроту, что, кстати, в очередной раз ставит под вопрос бездумное уничтожение (вместо реформирования) коррекционных школ и бездумное внедрение инклюзивного образования.

---

¹⁹ Наталья Бархатова (Джимбо Ди).

²⁰ Тамара Черемнова. Здравствуйте, добрые люди. История детской писательницы (обретения себя и сила мечты). <http://www.liveinternet.ru/users/anna203/post176605681/> (дата обращения 25.09.2016).

²¹ См. в частности статьи Бутовская М.Л., Луценко Е.Л., Ткачева К.Е. Булинг как социокультурный феномен и его связь с чертами личности у младших школьников // Этнографическое обозрение. 2012. № 5. С. 139-150; а также Вишневецкая В.И., Бутовская М.Л. Феномен школьной травли: агрессоры и жертвы в Российской школе // Этнографическое обозрение. 2010. № 2. С. 55-68.

Елена Н., которая училась в обычной школе, вспоминала: «Учителя помнили, у учителей разное было отношение – от жалости (ты сиди, ничего не делай, не напрягайся) до такого, что ты как обуза, что ли, что мне нужно уделять отдельное внимание... И некоторые учителя в школе нашей могли кинуть такую фразу: недаром тебя бог наказал»²².

Джимбо Ди испытывала еще большие трудности: «В детстве я была “белой вороной и синей овцой”: без веской причины ни с кем не общалась, рассчитывала только на свои силы и не умела “быть как все”... Из школы меня выживали, не на домашнее обучение, вообще, решив, что незачем на меня время тратить, все равно ничего путного не выйдет»²³.

До условной черты: в тупике

Люди, получившие инвалидность во взрослом возрасте, такого опыта, связанного со здоровьем, в детстве не имели. Отсутствие адаптации в детстве и неудовлетворительного состояния социокультурной реабилитации людей, ставших инвалидами либо сразу: в результате аварии, травмы, военных действий и т.п. (suddendisability), либо на протяжении длительного времени: в результате развития заболевания, последствий той же травмы и пр., нередко приводит к тяжелому жизненному кризису, сопровождающемуся депрессией и чувством фрустрации. Они внезапно и остро начинают ощущать себя как *Других* – «неполноценных», «никому не нужных», «отверженных». Надо сказать, что подобное отношение к инвалидам традиционно в российском обществе, оно характерно для традиционного общества, в котором такие люди воспринимались как «убогие», «калеки», в том числе и для классической литературы (русской и зарубежной). Это же отношение нередко под-

---

²² ПМА – 3. Интервью записано на диктофон, Москва, март 2015 г.

²³ Наталья Бархатова (Джимбо Ди).

держивалось и поддерживается СМИ²⁴. Например, в книге И. Ясиной «Человек с человеческими возможностями», посвященной людям с инвалидностью и предназначенной в первую очередь для подростков, в которой автор нередко говорит о силе духа и мужестве людей, преодолевших свой недуг, в то же время нередко употребляются термины «несчастный», «с более чем ограниченными возможностями» и даже «неполноценные».

Обычно такое ощущение возникает после травмы или произнесения медицинского «приговора», после которого для человека начинается другая жизнь. Этот момент обычно переживается как своего рода «поворотный пункт». А. Графов, потерявший зрение в студенческие годы, по мере развития исподволь развивавшегося заболевания сетчатки, писал: «Пробуждение было тяжелым. Проснувшись, ощутил гнетущую тяжесть от мысли, что я слепой. Непреодолимая боль и отчаяние клещами сдавливали грудь, подступали к горлу, в ушах звучали слова профессора, сказанные вчера: “Молодой человек, я не буду Вас обманывать. Зрение Ваше восстановить не удастся. Мужайтесь. Возможно, придет время, когда медицина сможет побороть эту болезнь, а пока Вам необходимо на время оставить университет, пройти медицинскую комиссию, получить инвалидность и вступить в Общество слепых”»²⁵. О подобных чувствах более или менее эмоционально писали и рассказывали все авторы автобиографий и информанты. Подобные состояния нередко продолжают длительное время; И. Ясина писала о том, что болезнь не сломала ее, но «неуклонно убивала ста-

---

²⁴ См. 31. Муравьева М.Г. Калеки, инвалиды или люди с ограниченными возможностями: обзор истории инвалидности // Журнал истории социальной политики. 2011. Том 10. № 2. С. 151-166; Lüse A., Kamerāde D. Between disabling disorders and mundane nervousness: representations of psychiatric patients and their distress in Soviet and post-Soviet Latvia. Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union. Oxford; NewYork: Routledge, 2014.

²⁵ Графов А.П. Записки слепого.

рые привычки, устоявшиеся интересы, меняла вкусы и отношения: к дому, к любви, к чужим слабостям»²⁶.

В дальнейшем восприятие инвалидности как непреходящей трагедии, а себя как «неполноценного» иногда – временно или даже навсегда – превращается в своего рода «несмываемое клеймо» (стигму).

Многие люди в такой ситуации пытаются избежать подобной стигматизации, с большим или меньшим успехом стремясь показать, что они такие же, как «нормальные люди». Вот как писал об этом А. Графов: «Внешне я не производил впечатления слепого и просто терялся, не зная, как себя вести. <...> Это ощущалось в поведении, в сознании и в психике. Я замкнулся, старался избегать ситуаций, в которых выдавал бы себя как слепой. Боялся показаться жалким и смешным. Терял хороших и дорогих для меня людей»²⁷.

Еще более выразительно пишет о своем опыте И. Ясина: «То, что предстояло мне, пугало больше смерти: беспомощность, зависимость, одиночество. Мне было страшно просыпаться. <...> Самым главным в жизни стало делать вид, что все по-прежнему. То есть, те же каблуки. Те же силы. Ни в коем случае не дать понять окружающим, что с моим телом что-то происходит»²⁸.

Это стремление избегать стигмы инвалидности приводило и приводит к тому, что такие люди стремятся всячески скрыть свою болезнь или дефект (не носить слуховой аппарат, сильные очки, обходиться без трости и пр.). Таким образом, в действие вступает механизм избегания и дистанцирования от нежелательного статуса, в данном случае статуса инвалида (подобные механизмы действуют в отно-

---

²⁶ Ясина И. История болезни // Знамя. 2011. № 5. [Электронный ресурс]: http://royallib.com/book/yasina_irina/istoriya_bolezni.html; дата последнего обращения 25.08.2016).

²⁷ Графов А.П. Записки слепого. Гл. 2.

²⁸ Ясина И. История болезни // Знамя. 2011. № 5. [Электронный ресурс]: http://royallib.com/book/yasina_irina/istoriya_bolezni.html; дата последнего обращения 25.08.2016).

шении людей или групп лиц, обладающих в конкретном обществе крайне низким социальным и культурным статусами)²⁹.

Такие механизмы иногда превращаются в жизненную стратегию. Уже упоминавшаяся слабослышащая Ольга Г. многократно подчеркивала, что она не инвалид, что у нее «небольшой анатомический дефект», она старается не общаться с глухими, которые, по ее словам, интеллектуально неразвиты (Ольга употребляет для их характеристики слова «дебилы», «глухня» и т.п.³⁰). У Ларисы Г., 58 лет, инвалида 3 группы по зрению, стремление дистанцироваться выразилось несколько иначе. Она тоже по возможности скрывала от окружающих свое плохое зрение, в семье никогда не касалась этого вопроса. Лариса до 45 лет не оформляла группу инвалидности, так как не хотела статуса инвалида, а ее слова: «я никогда не чувствовала себя неполноценной» вынесены мной в заглавие статьи.

Другая стратегия, характерная как для инвалидов детства, так и для людей, ставших инвалидами после 18 лет, заключается в принятии «роли» и статусов инвалида: такие люди либо не работают, либо работают на непрестижной и малооплачиваемой работе; вступают в брак с инвалидами или не вступают в него вовсе; круг их общения нередко ограничен их близкими и людьми со сходными заболеваниями или дефектами (своего рода «культурное гетто»).

Юлия В., имеющая 2 группу инвалидности по заболеванию ОДА, закончила юридический колледж, но работу найти не смогла, в дальнейшем прекратив поиски, так как не видит в этом смысла. Она живет с родителями, незамужем, встречается с молодым человеком, имеющим группу инвалидности. Юлия говорила: «Я пыталась найти работу,

---

²⁹ См. исследования Allport G.W. *The Nature of Prejudice*. London: Addison-Wesley. 1954; Chayne R. *Theorising Culture and Disability: Interdisciplinary Dialogues* // *Journal of Literary and Cultural Disability Studies*. Vol. 1.No 3. 2009. P. 101-104.

³⁰ Полевые материала автора (далее – ПМА) - 1. Записано по электронной почте 02. 2014 г.

но юристом инвалида ведь не возьмут. Как только узнают, что у меня инвалидность – привет. Я уже и не ищу. У меня родители очень хорошо зарабатывают, у меня пенсия есть, мы бабушкину квартиру сдаем. А зачем тогда работать? А до старости я и не доживу»³¹ (Юлия имеет в виду тот факт, что люди с ДЦП редко доживают до 50 лет).

Обретение смыслов

В ряде случаев люди с инвалидностью выбирают иные жизненные стратегии, которые предполагают не избегания статуса инвалида, но активной жизни и самореализации, несмотря на этот статус. Здесь возможна стратегия «активиста», т.е. человека, вовлеченного в деятельность организаций по работе с инвалидами. Такая стратегия была чрезвычайно распространена в советское время, когда инвалиды работали на специальных предприятиях, разнообразных социальных и досуговых организациях для инвалидов. Именно о такой деятельности рассказывает в своих «Записках слепого» А. Графов, который после потери зрения и ухода из университета не мог найти даже низкооплачиваемую работу, но всячески противился вступлению во Всероссийское общество слепых, не желая стать «таким, как они»: «В те мрачные дни я сполна познал состояние зависимости, ощутил на себе нездоровое, животное отношение окружающих, а также их равнодушие на грани предубеждения. Особенно оскорбительной для меня была фамиллярная жалость от людей с низким интеллектом: алкоголиков, неудачников. Я осознал собственную ненужность и стыдился сам себя. <...> А теперь меня самого постигла та же участь. Не верилось, что я, полный сил и светлых надежд на будущее, теперь *жалкий и беспомощный инвалид*»³² (Выделено мной – Е.Н.-Ш.). Резкий перелом, по словам А. Графова, наступил после того, как он вступил в ВОС и его сначала послали на курсы повышения квалификации для руково-

---

³¹ ПМА – 2. Записано по электронной почте в марте 2015 г.

³² Графов А.П. Записки слепого. Гл 2.

дителей ВОС, а затем на учебу во Всесоюзный заочный юридический институт (события происходили в 1960-1970-е гг.); впоследствии А. Графов успешно возглавлял предприятие для незрячих.

Другая стратегия, получившая распространение в последние десять-пятнадцать лет – это «выход из инвалидного гетто», сохраняя, однако, статус инвалида. Такие люди, как уже упоминавшаяся детская писательница Тамара Черемнова или композитор Наталья Бархатова (Джимбо Ди), реализуют себя в творчестве³³. Они не пытаются скрыть свою инвалидность или дистанцироваться от нее; их жизненная стратегия – это стратегия «одинокого воина», позиционирующего себя как самодостаточную личность и самостоятельно или с минимальной помощью преодолевающего трудности.

Сходна с ней стратегия, направленная на активный образ жизни и работу, не дистанцируясь от статуса инвалида. О такой жизненной стратегии рассказывала Елена Ф., 48 лет, инвалид по зрению 2 группы. Елена была слабовидящей с детства, но группу инвалидности не оформляла, так как не видела в этом необходимости: ее зрение, по ее словам, не мешало ей нормально учиться и работать. После 40 лет в результате неправильного лечения у Елены зрение резко упало, она получила 2 группу инвалидности, но после длительного периода депрессии и попыток самореабилитации вернулась к работе преподавателя, самостоятельно освоив компьютерные программы для слабовидящих, многие бытовые навыки и пр.: «Да, несколько месяцев было очень тяжело, я почти ничего не видела, все было в густом сером тумане. Было страшно не то что ходить одной. Просто по квартире двигаться. Не хотела я жить. <...> Повыв в квартире несколько месяцев, я взяла в руки белую трость, с которой слепые ходят. Никто меня не учил с ней ходить, это я потом уже узнала, что есть такое обучение где-то в Воло-

---

³³ Тамара Черемнова. Здравствуйте, добрые люди. История детской писательницы (обретения себя и сила мечты).

коламске. Я долго себя убеждала выйти с ней на улицу – стыдно было. И страшно, я же не умею с ней ходить. И когда я вышла, дошла до магазина, потом до концертного зала – знаете, мне показалось, что теперь я смогу все. <...> Потом много чего еще было – надо было и по работе много чего освоить, и по дому. Я же чай в чашку налить не могла, газ зажечь боялась. А слепые это легко делают, я знаю»³⁴. О подобном опыте рассказывали и другие люди с инвалидностью, успешно реализовавшие себя в дальнейшем.

Среди таких людей иногда встречается иное отношение к инвалидности как к уникальному личностному опыту, давшему им возможность реализовать себя в совершенно неожиданной области и открывшему новые перспективы. Так, Константин Б., 26 лет, инвалид 1 группы по зрению, полностью ослепший в 16 лет во время занятий спортом, получил высшее образование и работает психологом, говорил мне: «Знаете, я даже рад, что со мной это произошло. Я очень многое понял и получил такой опыт, которого у меня быть не могло. Я понял, что такое люди, их отношение ко мне. Мне было очень интересно учиться, а сейчас я работаю, помогаю людям, и я думаю, что всего этого просто не было бы, если бы я остался зрячим. Иное восприятие всего»³⁵.

Заключение

Анализ приведенных здесь текстов автобиографий и автобиографических интервью позволил выявить лишь некоторые аспекты саморепрезентации людей с ограниченными возможностями. Это, в первую очередь, саморепрезентация своего опыта в раннем детстве, в «поворотный момент» (осознания себя в новом статусе), а также выбор дальнейшей жизненной стратегии. Подробный анализ других аспектов саморепрезентации, стратегий супружества и материнства/отцовства, выбора друзей, организации досуга

---

³⁴ ПМА – 5. Интервью записано по скайпу. Москва, 2016 г.

³⁵ ПМА – 6. Интервью записано на диктофон. Москва, февраль 2014.

и многое другое не могут быть охвачены в рамках одной статьи.

Во всех процитированных текстах красной нитью проходит мысль об инвалидности как о несчастье, трагедии, а также о собственной ущербности или неполноценности. Подобное отношение – результат длительной стигматизации инвалидности и людей с ограниченными возможностями. Но если за рубежом во многих странах за последние 50 лет положение в этой сфере сильно изменилось, то в России в общественном мнении по-прежнему доминируют прежние ярлыки: «Веками в России в сознании людей формировался образ слепого как нищего, убогого человека. Слово “слепой” стало нарицательным, а “быть слепым” стало постыдным»³⁶. Если в этих строках А. Графова слово «слепой» заменить на «инвалид», то они довольно точно отразят состояние общественного мнения относительно людей с инвалидностью в нашей стране.

Реальная реабилитация людей с ограниченными, как мы видели, остается во многом задачей самих этих людей и их близких. Основные механизмы (само)реабилитации людей с инвалидностью, как явствует из текстов, довольно очевидны: активная жизнь, самореализация через работу, творчество и общение с другими людьми. Но анализ текстов также убедительно доказывает, что подобная реабилитация в нашей стране явно недостаточна. Люди, ставшие инвалидами во взрослом возрасте, практически не получают психологической и первичной бытовой реабилитации. Очень слабо налажена трудовая реабилитация и многое другое.

Правда, в последние годы, после ратификации Россией Конвенции ООН о правах инвалидов (2012 г.) в некоторых областях положение стало медленно меняться (попытки создать безбарьерную среду, внедрение инклюзивного образования). Однако интеграции людей с ограниченными возможностями в общество не происходит. Люди с инвалидностью остаются не просто Другими, но Чужими и даже

---

³⁶ Графов А.П. Записки слепого. Гл. 3.

Чуждыми, в отношении которых существует масса негативных стереотипов и ярлыков. Подобное отношение, безусловно, сказывается на самоидентификации и саморепрезентации самих людей с ограниченными возможностями. И далеко не каждому удастся вопреки стигматизации инвалидности реализовать свой потенциал.

Библиография

Источники:

1. Всемирный доклад об инвалидности: [Электронный ресурс]: http://www.who.int/disabilities/world_report/2011/ru/
2. Всемирная организация здравоохранения - <http://www.who.int/topics/disabilities/ru/>.
3. Графов А.П. Записки слепого // Сибирские огни, 2009. № 10. Доступен в электронном виде [Электронный ресурс]: <http://www.av3715.ru/library/book.php?id=135631>; дата последнего обращения 27.09.2016).
4. Инвалиды – развитие права человека.
5. http://www.un.org/ru/rights/disabilities/background_7.shtml (Дата обращения 29.09.2016).
6. Наталья Бархатова (Джимбо Ди). Дорогу указывает мечта. [Электронный ресурс]: <http://www.aspergers.ru/node/293>; (Дата последнего обращения 22.09.2016).
7. <http://www.liveinternet.ru/users/anna203/post176605681/>
8. Полевые материала автора (далее – ПМА) - 1. Записано по электронной почте 02. 2014 г.
9. ПМА – 2. Записано по электронной почте в марте 2015 г.
10. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/# (Дата обращения – 28.09.2016)
11. ПМА – 3. Интервью записано на диктофон, Москва, март 2015 г.
12. ПМА – 4. Интервью записано на диктофон. Москва, октябрь 2015 г.
13. ПМА – 5. Интервью записано по скайпу. Москва, 2016 г.
14. ПМА – 6. Интервью записано на диктофон. Москва, февраль 2014.
15. Тамара Черемнова. Здравствуй, добрые люди. История детской писательницы (обретения себя и сила мечты). [Электронный ресурс]:

<http://www.liveinternet.ru/users/anna203/post176605681/>; дата последнего обращения 25.09.2016).

16. Ясина И. История болезни // Знамя. 2011. № 5. Доступна в электронном виде – [Электронный ресурс]: http://royallib.com/book/yasina_irina/istoriya_bolezni.html; дата последнего обращения 25.08.2016).

Исследования:

17. Биографический метод: история, методология и практики / Под ред. В. Семеновй. М.: Институт социологии РАН, 1994.
18. Бутовская М.Л., Луценко Е.Л., Ткачева К.Е. Булинг как социокультурный феномен и его связь с чертами личности у младших школьников // Этнографическое обозрение. 2012. № 5. С.139-150.
19. Винер Б.Е. Возвращение к вере предков. Конструирование современной этноконфессиональной идентичности (на примере Санкт-Петербурга) // Диаспоры / Diasporas. 2002. № 4. С. 200-220.
20. Винер Б.Е. Межпоколенная передача этнической идентичности у этнодисперсных меньшинств (на примере современного Петербурга). Дисс... канд социол. наук. СПб.1998.
21. Вишневская В.И., Бутовская М.Л. Феномен школьной травли: агрессоры и жертвы в Российской школе // Этнографическое обозрение. 2010. № 2. С.55-68.
22. Космарская Н. «Русские диаспоры» политические мифологии и реалии массового сознания // Диаспоры / Diasporas. М. 2002. № 2. С.110-156.
23. Носенко Е.Э. «Быть или чувствовать?» Основные аспекты еврейской самоидентификации у потомков смешанных браков в современной России. М. ИВРАН-Крафт+, 2004.
24. Носенко-Штейн Е.Э. Некоторые проблемы изучения инвалидности и социокультурная антропология // Материалы Международной научно-практической конференции «Современная антропология: новые данные, перспективы развития и методологические принципы» (Минск, 25-27 июня 2014 г.) Минск: Беларуская навука, 2015. С. 523-530.
25. Муравьева М.Г. Калеки, инвалиды или люди с ограниченными возможностями: обзор истории инвалидности // Журнал истории социальной политики. 2011. Том 10. № 2. С.151-166.
26. Ясина И. Человек с человеческими возможностями. М.: Эксмо, 2012.

27. Allport G.W. *The Nature of Prejudice*. London: Addison-Wesley, 1954.
28. Bertaux D. *From the Life History Approach to the transformation of the Sociological Heritage* // D. Bertaux (ed.). *Biography and Society. The Life History Approach in the Social Sciences*. Beverly Hills: University of California Press, 1981.
29. Chayne R. *Theorising Culture and Disability: Interdisciplinary Dialogues* // *Journal of Literary and Cultural Disability Studies*. 2009. Vol. 1. № 3. P. 101-104.
30. Grele R.L. *Envelopes of Sound. The Art of Oral History*. New York: Praeger, 1991.
31. Hammersley M. *The Dilemma of Qualitative Method: Herbert Blumer and the Chicago Tradition*. London, UK & New York: Routledge, 1989.
32. Jonston D. *An Introduction to Disability Studies*. 2nd ed. Oxford, David Fulton Publishers, 2005.
33. Kohli M. *Biography. Account. Text. Method* // D.L. Bertaux (ed.). *Biography and Society. The Life History Approach in the Social Sciences*. Beverly Hills: University of California Press, 1981.
34. Langness, L.L., Frank G. *Lives. Chandler and Sharp*: Novato, 1981.
35. Lūse A., Kamerāde D. *Between disabling disorders and mundane nervousness: representations of psychiatric patients and their distress in Soviet and post-Soviet Latvia / Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union: History, policy and everyday life* / Ed. by Michael Rasell and Elena Iarskaia-Smirnova. Oxford; NewYork: Routledge, 2014.
36. Rasell M., Iarskaia-Smirnova E. *Conceptualising disability in Eastern Europe and the former Soviet Union* // M. Rasell, E. Iarskaia-Smirnova (ed.). *Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union: History, policy and everyday life*. Oxford; New York: Routledge, 2014.
37. Ritchie D.A. *Doing Oral History*. New York: Twayne Publishers, 1995.
38. Siebers T. *Disability Theory, Boldly Rethinking of the Last Thirty Years from the Vantage Point of Disability Studies*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2008.
39. Schutt R.K. *Investigating the Social World: The Process and Practice of Research*. Thousand Oaks: Pine Forge Press, 1996.

IV. Многообразие литературных форм

Жанр мемуаров во Франции: историческое и автобиографическое

Светлана Павлова

Жанр мемуаров зародился во Франции и достиг своего расцвета во второй половине XVII века. Как известно, мемуарно-автобиографические жанры по-разному соотносят индивидуальное и историческое, личное и общественно-значимое, частное и публичное. Собственно, мемуары в большей степени несут на себе отпечаток эпохи и показывают понимание человеком его места в историческом процессе. Современные определения жанра отражают такое понимание и опираются на формулировку, предложенную еще в XIX веке. Согласно «Большому универсальному словарю французского языка» Пьера Ларусса, мемуары – это «письменный рассказ человека о событиях его жизни, участником или свидетелем которых ему довелось стать»¹. Это определение, в свою очередь, восходит к словарю Антуана Фюретьера 1690 года, где мемуарами называются «исторические сочинения, написанные теми, кто участвовал в событиях или был их очевидцем, или которые содержат

---

¹ Grand dictionnaire universel du XIX siècle par Pierre Larousse. Paris, 1866-1876. Т. 11. Р. 3.

описание их жизни или важнейших деяний»². Словарь XVII века более отчетливо акцентирует два важнейших для истории жанра момента: во-первых, его формирование в недрах исторической литературы и, во-вторых, связь с развитием самосознания личности.

В литературе раннего Нового времени процесс кристаллизации авторского «Я» зависел от целого ряда факторов, значимых для европейской культуры в целом. Однако Шатобриан, автор знаменитой мемуарно-автобиографической книги «Замогильные записки», выделяет и сугубо национальный фактор, объясняющий особую склонность французов к мемуаротворчеству: «Французы искони, даже во времена варварства, обладали нравом тщеславным, легкомысленным, общительным. Француз не склонен размышлять о предмете в целом, зато он внимателен к деталям; взор его быстр, цепок, пронизателен; француз жаждет быть на виду и, даже делаясь летописцем событий, продолжает писать о себе. В мемуарах он волен не изменять своему духу»³. Шатобриан очень точно подчеркивает сконцентрированность французов на самих себе. Именно степень выявленности личностного начала позволяет увидеть эволюцию французской мемуарно-автобиографической прозы от средневековых хроник через мемуары к собственно автобиографии. Попытаемся проследить, как развитие автобиографических элементов повлияло на становление французских мемуаров в XV-XVII веках.

Первым общепризнанным образцом жанра мемуаров считаются «Мемуары» Филиппа де Коммина (1489-1498), в которых явственно обнаруживается новый тип исторического повествования, отличный от средневековых хроник.

---

² Furetière A. Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes, et les termes de toutes les sciences et des arts. Rotterdam-La Haye, 1690. [Электронный ресурс]: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k50614b/f930.item.r=Fureti%C3%A8re,%20Antoine> (дата обращения: 16.05.2016).

³ Шатобриан Ф.-Р. Гений Христианства // Эстетика раннего французского романтизма. М., 1982. С. 206.

Свою задачу французские хронисты видели в том, чтобы последовательно и строго излагать факты, выражая некий общий взгляд на прошлое. Они воспринимали свои записи как составную часть большой истории, своего рода подготовительный материал для более значительного труда. Именно так на протяжении нескольких веков складывались исторические хроники монастыря Сен-Дени и герцогства Бургундского. В XIII-XIV веках в хрониках Жуанвиля и Фруассара наметилась постепенная трансформация жанра, вызванная усилением авторского начала. Переходный характер этих сочинений отразил словарь Пьера Ларусса, в котором имена обоих хронистов упоминаются в статьях, посвященных и хроникам, и мемуарам.

Филипп де Коммин также включал себя в число хронистов, на что указывает авторское название книги – «Хроника и История». Так же, как и предшественники, он писал свои воспоминания для более значительного труда архиепископа Анжело Като, посвященного французскому королю Людовику XI. Вместе с тем Коммин отчетливо понимал особый характер своего отношения к историческому материалу и дистанцировался от других хронистов, утверждая, что они «о многом умалчивают или же подчас не знают правды»⁴. Личное участие в большинстве событий позволило Коммину настаивать на достоверности изображаемого и дало право на собственную интерпретацию прошлого. Его произведение обнаруживает принципиальный сдвиг от традиционной хроники, нейтрализующей, растворяющей авторское «я» в веренице исторических перипетий, к жанру мемуаров, для которого позиция автора станет определяющей.

Новое качество сочинения Коммина было закреплено в 1552 году в издании Дени Соважа, когда на титульном листе впервые появилось название «Мемуары» (*Mémoires*). Это слово употребляет в тексте и сам Коммин, являясь родоначальником термина. Вслед за ним его стали использо-

---

⁴ Коммин Ф. де. Мемуары. М., 1987. С. 191.

вать и другие авторы, а также издатели. Термин восходит к слову «мемуар» (*mémoire*), которое употреблялось для обозначения докладной записки о каком-либо конкретном событии. Такие записки использовались в политической либо военной сфере, носили исключительно информативный характер и служили способом сохранения необходимых сведений. Написание слова «мемуар» во множественном числе и с большой буквы означало, что из бессистемной, случайной и порой не востребовавшейся информации записки на память превратились в осознанную картину прошлого, зафиксированную конкретным человеком.

Закрепление нового жанра во многом зависело от его самоопределения по отношению к официальной историографии. По словам А. Бертьера, первые мемуаристы ощущали себя «бедными родственниками»⁵ историков. Дело в том, что во Франции строгие по своему стилю хроники постепенно утратили свое значение, и им на смену пришло новое представление об историографии, сложившееся в Италии в эпоху Возрождения. Ориентируясь на Тита Ливия, гуманисты предъявляли к историческим сочинениям высокие формальные требования: усложнение синтаксиса, использование риторических фигур, дидактических элементов, латинского языка. Критерии художественности никак не соотносились с задачами мемуаристов. Поскольку первые образцы жанра были созданы участниками военных походов короля, их авторы придерживались соответствующего военной тематике сухого и лаконичного стиля. Образцом для них служили «Комментарии» Цезаря, чье авторитетное имя мемуаристы использовали в качестве противовеса Титу Ливию. Несоответствие мемуаров формальным требованиям к историческим сочинениям выводило их за границы официальной историографии, но желание правдиво восстановить отрезок прошлого соответствовало задачам историков.

---

⁵ Bertière A. Le cardinal de Retz mémorialiste. Thèse présentée devant l'Université de Paris IV, le 28 juin 1976. Lille, 1981. P. 12.

Мемуаристы вполне могли поспорить с ними в точности, а главное, уникальности зафиксированных сведений. Их самоощущение могло быть суммарно выражено формулой, предложенной французской исследовательницей Н. Кюперти: «Мы пишем плохо, <...> но в действительности этот недостаток означает наше превосходство. <...> Мы привилегированные свидетели той истории, которую описываем, и наше положение наилучшим образом позволяет рассказать о ней, как можно ближе к истине»⁶. Позиция непосредственного свидетеля давала мемуаристам неоспоримое преимущество над историографами, которые черпали материал из письменных источников и, следовательно, создавали вторичные по характеру сочинения.

Личная осведомленность позволяла авторам надеяться на то, что мемуары будут восприняты как важный исторический источник, способный сделать картину прошлого более достоверной и объективной. Отсюда уверения в правдивости повествования, сопровождающие большинство текстов. Однако в действительности горизонт видения мемуаристов был ограничен. Декларируя свою приверженность истине, они отстаивали собственное понимание исторической правды, субъективно интерпретировали материал, нередко подключали не только память, но и воображение. Усиление личностного начала тормозило движение мемуаров в сторону истории как научного знания о прошлом, но открывало дорогу в другом направлении. Как верно заметил М. Фюмароли, свойственная мемуарам «свобода тона, дерзость быть собой <...> давала им шанс на литературное будущее»⁷.

Их качественное изменение в полной мере проявилось в XVII веке, когда мемуары заняли одно из ведущих мест в документально-художественной прозе. Расцвет жан-

---

⁶ Kuperty N. La stratégie des préfaces dans les Mémoires du XVI siècle // Le Genre des mémoires. Essai de définition. Colloque international des 4-7 mai 1994 à Strasbourg. Paris, 1995. P. 19.

⁷ Fumaroli M. Les Mémoires au carrefour des genres en prose // Fumaroli M. La diplomatie d'esprit. Paris, 1998. P. 199.

ра был в значительной степени предопределен формированием во Франции абсолютной монархии. Точкой отсчета нового, самого блестящего этапа в его развитии принято считать 1661 год, когда началось единоличное правление Людовика XIV. По статистике во второй половине столетия, в сравнении с предшествующим полуторавековым периодом, количество созданных мемуаров возросло в несколько раз⁸. Мемуаристов, взявшихся за перо в эти годы, французские исследователи называют «поколением Реца», используя определение, удачно найденное Андре Бертьером⁹. Значимые события описывали дипломаты, парламентарии, юристы, священники и т.д. Однако наибольший интерес с точки зрения кристаллизации автобиографических элементов в жанре представляют мемуары аристократов, особенно тех, кто сумел запечатлеть свою собственную жизнь, а не только придворные нравы. Среди них Мадемуазель де Монпансье, кардинал де Рец, Франсуа де Ларошфуко, Роже де Рабютен, София Ганноверская, Анри де Кампион, Мария и Гортензия Манчини и другие. В их мемуарах установка на личностное восприятие изображаемого, как правило, проявляется уже в начале, когда повествователь, если использовать терминологию Ф. Лежена, заключает «автобиографический пакт»¹⁰ с читателем. Так, например, кардинал де Рец уже на первой странице мемуаров сообщает о своем желании поведать «малейшие подробности [своей – С.П.] жизни»¹¹, а Мадемуазель де Монпансье о желании «вспомнить обо всем, что я видела, так же как и о том, что со мной произошло»¹².

---

⁸ См.: Démoris R. Le roman à première personne. Du classicisme aux Lumières. Paris, 1975. P. 63; Lesne E. La poétique des mémoires (1650-1685). Paris, 1996. P. 15.

⁹ Bertièrre A. Le cardinal de Retz mémorialiste. Thèse présentée devant l'Université de Paris IV, le 28 juin 1976. Lille, 1981. P. 30.

¹⁰ Lejeune Ph. L'autobiographie en France. Paris, 1998. P. 49.

¹¹ Кардинал де Рец. Мемуары. М., 1997. С. 7.

¹² Mademoiselle de Montpensier. Mémoires. Paris, 1985. En 2 t. P. 21.

Исторические условия способствовали тому, что знатные вельможи оказались перед необходимостью писать мемуары. Дело в том, что по мере укрепления абсолютистского государства средневековая практика взаиморасчетов между сюзереном и его вассалами отошла в прошлое и сменилась новыми формами взаимодействия, когда отношения между королем и знатью, как пишет Н. Элиас, «медленно перетекали из феодальной в придворную форму»¹³. Эти процессы стали особенно очевидны после окончания Фронды. Бывших ее участников Людовик XIV отправлял в ссылку, где гонимые аристократы, лишённые жизненно необходимой для них возможности быть при дворе, томились от состояния вынужденной праздности и скуки. Мемуаротворчество давало им шанс сохранить ощущение привычной жизненной активности. В мемуарах опальные фрондеры стремились скорректировать представление об истории, оправдаться в глазах современников и потомков. Вот почему они описывали неизвестные факты, уточняли детали, наконец, объясняли причины своих и чужих поступков. Такая установка привела к углублению аналитического начала в мемуарном жанре и развитию разных форм проявления авторского «я»: от намеков и предположений до прямых оценок и комментариев. Глубоко субъективный и ярко выраженный взгляд на недавнее прошлое привел к различным интерпретациям одних и тех же событий Фронды, что, в частности, показательно демонстрируют мемуары кардинала де Реца и герцога Ларошфуко. Мемуаристы-фрондеры пытались запечатлеть свою роль в истории, продемонстрировать благородство собственных помыслов, доказать несправедливость опалы. В результате фокус повествования зачастую перенаправлялся в сторону личности мемуариста, что можно рассматривать как одно из проявлений автобиографического начала.

---

¹³ Элиас Н. Придворное общество. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 222-223.

В абсолютистской Франции мемуары аристократов воспринимались как форма протеста, напоминавшая о былой славе знатных семейств. Однако спад героического начала во второй половине XVII века все же наложил заметный отпечаток на их содержание. Поскольку статус аристократа стал в большей степени зависеть от положения при дворе, на смену военным мемуарам пришли светские, рассказывающие о галантных историях, придворных нравах, семейных отношениях. Изменение тематики мемуаров отразило процесс формирования сферы частной жизни. Как справедливо пишет М.С. Неклюдова, при Людовике XIV все, что находилось за пределами двора, «не было по-настоящему публичным»¹⁴. Исходя из такого понимания, частью приватной жизни аристократов стало повседневное времяпрепровождение в своих владениях. Описание каждодневных занятий занимает заметное место в женских мемуарах. Обычный день знатной дамы состоял из прогулок верхом и игр, переписки и чтения, охоты и балов, театральных представлений и музыкальных вечеров. Рассказ о разнообразных формах досуга, уже сам по себе уводивший в сторону от «большой истории», служил, помимо этого, поводом для описания туалетов, угощений, подарков, предметов интерьера и т.д. Так, Мария Манчини отводит треть страницы описанию постели, в которой принимала гостей после рождения первенца¹⁵, София Ганноверская проявляет интерес к интерьеру¹⁶, Мадемуазель де Монпансье также подробно воспроизводит внутреннее убранство замков, но не в меньше степени и наряды придворных¹⁷.

---

¹⁴ Неклюдова М.С. Искусство частной жизни: Век Людовика XIV. М., 2008. С. 63.

¹⁵ *Mémoires de Marie Mancini // Mémoires d'Hortense et de Marie Mancini.* Paris, 1965. P. 126.

¹⁶ *Sophie de Hanovre. Memoires et letters de voyage.* P. Fayard. 1990. P. 52, 105, 155.

¹⁷ *Mademoiselle de Montpensier. Mémoires.* P., 1985. Т. 1. P. 399, Т. 2. P. 81, 105.

Ощущение более близкого соприкосновения со сферой частного создают те фрагменты мемуаров, в которых речь идет о болезнях или потере близких, как, например, в сквозном для мемуаристики эпохи сюжете о смерти Генриетты Английской. Дела сердечные и семейные также соотносятся с частным и служат поводом для выражения эмоций. В этом плане наиболее показательны мемуары Мадемуазель де Монпансье, включающие подробное изложение истории ее любви и несостоявшегося брака с графом де Лозеном. Повествование передает динамику ее переживаний: от нетерпения, надежды и влюбленности до отчаяния, гнева и разочарования. Эмоциональный фон присутствует и в мемуарах сестер Манчини, которые используют жанр, в том числе для того, чтобы вызвать сострадание к своим семейным невзгодам. В мемуарах Мадемуазель де Монпансье и Гортензии Манчини намечаются элементы интроспекции и психологического анализа. Так, Гортензия, рассказывая о годах юности, пишет: «<...> моим самым большим удовольствием в это время было желание запереться в одиночестве, чтобы записать все, что мне приходило в голову. <...> Это были сомнения и вопросы, которые я обращала к самой себе относительно всего, что мне было трудно понять. Я никогда не разрешала их так, как мне хотелось, но я все же упорно искала то, что не умела найти»¹⁸. Согласимся с французской исследовательницей Э. Лен, что этот редкий пример четкого разграничения пространства частной и публичной сферы показывает, как «за формой беседы наедине с собой формируется интимная жизнь»¹⁹.

В мемуарах второй половины XVII века углубление интроспекции было во многом связано с влиянием «Исповеди» Августина Аврелия, переведенной Робером Арно д'Андилли в 1649 году. Ее высокая популярность в кругах французской аристократии, а также распространение янсе-

---

¹⁸ Mémoires d'Hortense Mancini // Mémoires d'Hortense et de Marie Mancini. P., 1965. P. 25.

¹⁹ См. Lesne E. La poétique des mémoires (1650-1685). Paris, 1996. P. 413.

нистских идей и контакты знати с «отшельниками» Пор-Рояля оказали заметное влияние на содержание мемуаров. Поворот к внутреннему миру и попытки изобразить духовный опыт обнаруживается в мемуарах Мадемуазель де Монпансье и Кампиона.

Еще одним способом расширения автобиографического пространства в мемуарном повествовании становится описание детско-юношеского возраста. Для мемуаристов-мужчин важнее оказывается период юности, поскольку он позволяет показать взросление протагониста с последующей инициацией при дворе или на поле сражения. Именно такую тактику используют Ларошфуко и Бюсси-Рабютен, создавая ироническую дистанцию по отношению безумствам молодости, вполне простительным в эти годы²⁰. В мемуарах женщин значимое место начинает занимать и детство. Они описывают непосредственные эмоциональные реакции ребенка, создавая тем самым более индивидуализированный и психологически достоверный образ. Кроме того, эти фрагменты мемуаров интересны в плане формирования автобиографического «Я». В «детских» эпизодах намечаются основные черты характера мемуаристок, которые будут развиваться в дальнейшем повествовании. Так, Мадемуазель де Монпансье сразу предстает настоящей принцессой, с высоким чувством собственного достоинства, София Ганноверская умной и острой на язык, Гортензия Манчини дерзкой, ее сестра Мария непокорной.

Таким образом, во многом благодаря развитию автобиографических элементов жанр мемуаров постепенно переходит из области исторических сочинений в сферу литературных. Эти элементы проявляется в усилении аналитизма, описательности, ретро и интроспекции, призванных подчеркнуть уникальность позиции мемуариста. На уровне тематики нарастанию автобиографического начала способствует поворот в сторону частной жизни. Хотя, в целом, ме-

---

²⁰ Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимумы. Л.: Наука, 1971. С. 14. Bussy-Rabutin R, comte de. Mémoires. Paris: Mercure de France, 2010. P. 50-51.

муары отражают характерный для раннего Нового времени приоритет всеобщего над индивидуальным и публичного над частным, жанр позволяет работать на границах устоявшихся культурных и дискурсивных моделей. Тем самым он становится благодатным полем для кристаллизации новых форм самовыражения автора в слове.

Библиография

Источники:

1. Кардинал де Рец. Мемуары. М., 1997.
2. Коммин Ф. де. Мемуары. М., 1987.
3. Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимумы. Л.: Наука, 1971.
4. Шатобриан Ф.-Р. Гений Христианства // Эстетика раннего французского романтизма. М., 1982.
5. Bussy-Rabutin R, comte de. Mémoires. Paris: Mercure de France, 2010.
6. Mademoiselle de Montpensier. Mémoires. Paris, 1985. En 2 t.
7. Mémoires d'Hortense Mancini // Mémoires d'Hortense et de Marie Mancini. P., 1965. P. 29-87.
8. Mémoires de Marie Mancini // Mémoires d'Hortense et de Marie Mancini. Paris, 1965. P. 89-207.
9. Sophie de Hanovre. Memoires et letters de voyage. Paris. Fayard. 1990.

Исследования:

10. Неклюдова М.С. Искусство частной жизни: Век Людовика XIV. М., 2008.
11. Элиас Н. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии. М.: Языки славянской культуры, 2002.
12. Bertièrre A. Le cardinal de Retz mémorialiste. Thèse présentée devant l'Université de Paris IV, le 28 juin 1976. Lille, 1981.
13. Démoris R. Le roman à première personne. Du classicisme aux Lumières. Paris, 1975.
14. Fumaroli M. Les Mémoires au carrefour des genres en prose // Fumaroli M. La diplomatie d'esprit. Paris, 1998. P. 183-215.
15. Furetièrre A. Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes, et les termes de toutes

les sciences et des arts. Rotterdam-La Haye, 1690.

[Электронный ресурс]:

[http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k50614b/f930.item.r=Furet i%Сз%A8re,%20Antoine](http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k50614b/f930.item.r=Furet%20Antoine) (дата обращения: 16.05.2016).

16. Grand dictionnaire universel du XIX siècle par Pierre Larousse. Paris. 1866-1876. Т. 11.
17. Kuperty N. La stratégie des préfaces dans les Mémoires du XVI siècle / Le Genre des mémoires. Essai de définition. Colloque international des 4-7 mai 1994 à Strasbourg. Paris, 1995.
18. Lejeune Ph. L'autobiographie en France. Paris, 1998.
19. Lesne E. La poésie des mémoires (1650-1685). Paris, 1996.

Травелог как автобиографическое сочинение

Абубакар Абдулвахиду Майга

Термин «травелог»¹ относительно недавно вошел в русскую науку и литературу². Долгое время российские литературоведы называли «травелог» «литературными путешествиями», «литературой о путешествиях», «путевыми заметками» (ср. франц. «*récits de voyage*»), или просто «путешествием». На сегодняшний день имеется достаточно работ и теорий, посвященных исследованию травелога. Среди известных российских исследователей, можно назвать В.А. Михайлова, Н.М. Маслоу, В.М. Гуминского, М.Г. Шадрину, В.А. Шачкову и О.М. Скибину. Самая большая трудность в изучении травелога заключается в определении его жанрового статуса, так как травелогические произведения обычно вбирают в себя несколько различных форм: дневник, письмо, мемуары, очерк и т.д., это одна из причин того, почему некоторые ученые, как, например, канадский исследователь Ролан Ле Унен, называют его «полиморфным» жанром, а точнее, жанром с «разнообразными формами и образами»³.

---

¹ Термин образован от глагола «travel» (от англ.) – путешествовать, и существительного «logue» (от др.-греч. «λόγος») – слово, речь, рассказ, учение.

² Принято считать, что термин «травелог» ввел в традицию русской литературы А.М. Эткинд. См. Эткинд А.М. Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах / А.М. Эткинд. М.: Новое лит. обозрение, 2001.

³ Le Huenen R. Le récit de voyage : l'entrée en littérature // *Études littéraires*, «L'Autonomisation de la littérature». printemps-été 1987. Vol. 20. No. 1 P. 46.

Более того, одно и то же травелогическое произведение может содержать разные виды повествования и дискурса: исторический, политический, лингвистический, географический, этнологический. И поскольку его авторы тоже могут быть кем угодно (миссионер, солдат, моряк, ученый, журналист, историк, писатель), травелог несет в себе одновременно документальные и художественные черты. Именно поэтому его и считают документально-беллетристическим жанром, который Адриен Паскуали определил как «монтаж», «смесь» различных литературных «жанров и видов дискурсов»⁴. Для итальянского исследователя «одна из отличительных особенностей жанра травелога – это его способность принимать разнообразные жанры и типы дискурсов, без стремления их гомогенизировать»⁵. Французский ученый Филипп Антуан пишет в предисловии к книге «Роман и травелог»: «травелог является одним из тех смешанных жанров, которые никакая поэтика не может строго определить с первого взгляда»⁶. В.А. Шачкова почти повторяет то же самое другими словами, утверждая, что «в современном литературоведении до сих пор нет единого мнения относительно границ и признаков путешествия как литературного жанра»⁷.

Травелогическое повествование подчиняется двум принципам, изображая то, что видит путешественник и то, что происходит вокруг него во время поездки. Таким образом, сочинение колеблется между описанием и повествованием. Рассказчик-наблюдатель является одновременно героем. Он становится главным объектом своего рассказа. Автор путешествия иногда пользуется анекдотами и воображаемыми диалогами, чтобы внедрить свою личную жизнь в

---

⁴ Pasquali A. *Le Tour des Horizons. Critique et récits de voyage*. Paris: Klincksieck, 1994. P. 113.

⁵ Ibid.

⁶ Gomez-Géraud M., Antoine P. *Roman et Récit de Voyage*. Paris. 2001. P. 5.

⁷ Шачкова В.А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 3. С. 277.

рассказ и таким образом поделиться с читателями своим личным мнением на различные темы. Согласно Н. Хушманду, именно за счет анекдотов «путешественник становится похож на героя, который входит в географическую и социальную среду»⁸. Н. Чернышевский считал, что описание путешествия «это отчасти роман, отчасти сборник анекдотов»⁹.

Надо отметить, что наличие анекдотов не только затягивает повествование, но делает его более интересным и трансформирует травелог в художественный рассказ, создавая при этом интригующие моменты. В некоторых случаях, по мнению

В. Магри-Мург, «травелогическое повествование имитирует общение, устанавливая односторонний диалог между путешественником-рассказчиком, который хочет передать какое-то знание и потенциальным читателем»¹⁰. Ж. Солэ полагает, что применение этих различных приемов беллетризации повествования путешественниками объясняется тем фактом, что «вымысел (*fiction*) пробуждает любопытство читателя и в то же время вызывает его удивление <...>. Если бы ситуация была реальной, то любознательный читатель был бы в опасном и предосудительном положении по отношению (трансгрессии) к табу»¹¹. Паскуали, в свою очередь, пишет, что «лучшие моменты проявления личности писателя в травелоге – это остановки»¹². А. Шачкова добавляет, что «к типичным “дорожным” мотивам и событиям относятся аварии, стихийные бедствия, болезни, потери документов, общение с попутчиками. Пространство “города” обычно в путешествиях вмещает посещения трактиров, ресторанов, обеды, зна-

---

⁸ Hooshmand N. Etude générale du récit de voyage / Plume. Téhéran (Iran). 2011. No 12. P. 54.

⁹ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. – Т. IV. М.: ГИХЛ, 1948. С. 978.

¹⁰ Gomez-Géraud M., Antoine P. Roman et Récit de Voyage. Op. cit. P. 162.

¹¹ Ibid., P. 22.

¹² Pasquali A. Le Tour des Horizons. Critique et récits de voyage. Paris: Klincksieck, 1994. P. 125.

комства с людьми, пребывание в гостиницах, знакомство с самим городом, развлечения героев»¹³.

Именно в XX веке все виды передвижения становятся важными данными для художественной литературы. Путевой опыт занимает центральное место в автобиографических романах¹⁴. Например, романы Блеза Сандрара, «заполненные материалами его бесчисленных скитаний по всему миру»¹⁵, или три романа Виктора Сегалена о Китае («Рене Лейс» (*René Leys*, 1922), «Сын неба» (*Le Fils du ciel*, 1917) и «От Пекина до Тибета» (*Équipée: De Pékin aux marches tibétaines*, 1929) были вдохновлены его китайскими путевыми впечатлениями.

Однако у такого современного писателя-путешественника, как Жан-Мари Леклезю, путешествие следует за художественным текстом. Согласно Мадлен Боргомано, у Леклезю «вымысел <...> позволяет придать форму мечте. Она заменяет реальность»¹⁶. Поэтому Мари-Кристин Гомез-Жеро пишет, что у Леклезю «“настоящий травелог” пускает свои корни в химерное пространство, которое служит путеводителем для реального путешествия. Без этого открытия воображаемого места, как можно еще писать о мире, который утратил свои запасы неопубликованного (невысказанного)?»¹⁷. К примеру, роман «Золотоискатель» (*Le Chercheur d'or*) (1985) открывается таким предложением: «Сколько себя помню, я слышал море». Затем, через несколько строк читаем следующий нереалистический вывод: «Море в моей голове, и закрывая глаза, я его вижу и слышу лучше»¹⁸. Так же его «<...> “Путешествие в Родригес” (*Voyage à Rodrigues*, 1986) не отличается от романа <...>. Рассказчик в этот раз сливается с самим Леклезю, чтобы

---

¹³ Шачкова В.А. Указ. соч. С. 280.

¹⁴ См. Cogez G. *Les écrivains voyageurs au XXe siècle*. Paris: Seuil, 2004. P. 25.

¹⁵ *Ibid.*, P. 26.

¹⁶ Gomez-Géraud M., Antoine P. *Op. cit.* P. 185.

¹⁷ *Ibid.*, P. 251.

¹⁸ *Ibid.*, P. 185.

«следовать по стопам» своего деда; того самого, историю которого он придумал в «Золотоискателе» под маской Алексиса»¹⁹. Такой метод, встречающийся в произведениях Леклезио, по мнению Боргомано, «бросает вызов (обыкновенным) травелогическим моделям»²⁰.

Литературный травелог, на наш взгляд, содержит все основные признаки, перечисленные Филиппом Леженом при определении жанра автобиографии, а именно: «ретроспективный рассказ в прозе, который кто-то делает о своем собственном существовании и в котором он ставит основной акцент на своей личной жизни, особенно же на истории свой личности»²¹. Таким образом, в травелоге «писатель-путешественник является творцом произведения, зачастую привилегированным объектом повествования, организатором и главным действующим лицом рассказа. Он одновременно рассказчик, актер, экспериментатор и объект эксперимента, <...> герой своей собственной истории в иноземной среде, на далекой, но весьма актуальной за счет травелога сцене <...>», – утверждает Даниель-Анри Пажо²².

Бывает, что автор травелога – то есть писатель-путешественник заключает со своим читателем «автобиографический пакт»²³, с помощью которого, по определению Лежена, «автор в заглавии, во вступительных словах книги берет на себя ответственность <...> описать свою жизнь с максимальной искренностью. Этот пакт подразумевает идентичность личности автора, рассказчика и персона-

---

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid. Исходя из этого замечания, можно сказать, что профессор Монреальского университета Изабель Донай была права, когда писала, что «травелог – это не полное и не законченное произведение, а некий переход к творчеству, размышление о творении». См. Daunais I. *L'Art de la mesure ou l'invention de l'espace dans le récit d'Orient*. Saint-Denis: Presses Universitaires de Vincennes, 1996. P. 24.

²¹ Stalloni Y. *Les genres littéraires*. Paris : Armand Colin, 2012. P. 107.

²² Pageaux D.-H. *La littérature générale et comparée*. Paris: Armand Colin, 1994. P. 35.

²³ См. Lejeune P. *Le Pacte autobiographique*. Paris : Seuil, collection «Points», 1996.

жа»²⁴. И поскольку травелог зачастую представляет собой смесь автобиографических жанровых форм (дневник, мемуары, роман от первого лица, автобиографическая поэма, автопортрет), то можно предположить, что в нем присутствуют параметры, выделенные Ф. Леженом в «Автобиографическом пакте» (1975): «Язык (повествование, проза), сюжет (личная жизнь, история личности), положение автора (идентичность автора (фамилия которого отсылает к реальному лицу) и рассказчика) и позиция рассказчика (идентичность рассказчика и главного героя, ретроспективность рассказа)»²⁵.

Поэтому, как замечает Пажо, сходство между автобиографическим романом и травелогом очень тесное. Французский компаративист пишет: «путешественник воспроизводит фрагмент своей автобиографии, создает странный текст, где смешиваются наблюдение и вымысел, где “Я”, которое пишет, что путешествует, соединено с другим “Я”, которое волнуется во время путешествия <...>. (Травелог – это) всегда страстный, субъективный рассказ; также исповедь о путешествии является свидетельством чувствительности человека, а, может быть, и целого поколения или всей эпохи»²⁶. Согласно Пажо, когда автор травелога описывает события, которые он пережил на своем пути, он «говорит о себе, видит себя, движущегося в пространстве, перечисляющего места, которые следует изучить. <...> Параллельно разворачивается более или менее ясное “самоописание”, <...> то, что, без сомнения, делает путешествие одновременно увлекательным и тревожным, но не за счет описанных приключений, а благодаря присутствию в тексте человека, который представляет себя как авантюриста, играет свою роль и получает от этого удовольствие»²⁷.

---

²⁴ Stalloni Y. Op. cit. P. 108.

²⁵ Алташина В.Д. Autofiction в современной французской литературе: легио из эго // Известия ЮФУ Филологические науки. 2014. № 3. С. 15.

²⁶ Pageaux D.-H. Op. cit. P. 35-36.

²⁷ Ibid. P. 37.

Такой пример сходства между травелогом и автобиографическим романом часто встречается у Андре Жида, который постоянно черпал творческое вдохновение в путешествиях. Так, например, в «Имморалисте» (*L'Immoraliste*) французский писатель-путешественник воспроизводит почти дословно историю своего последнего путешествия с женой Мадлен в Алжир в 1900 г. спустя два года (1902). Например, он выбирает Туггурт, где умирает Марселин (жена Мишеля – главного героя романа), потому что этот город ему напоминает о несчастливых «двенадцати днях», которые его молодой жене Мадлен Рондо пришлось провести в Бискре в «ужасном одиночестве»²⁸, после того, как Жид и Геон уехали оттуда в Суф (Souf). Кроме того, как отмечают некоторые исследователи (К. Мартен), исчезновение Марселины частично отождествляется у Жида с потерей другой Мадлен, которую он желал больше всего, то есть Мадлен, обожающей путешествие. В дальнейшем мы увидим, что после этого путешествия пары в Бискру (1900), Жид стал чаще путешествовать без жены.

Кроме того, Жид смело чередует в одном и том же рассказе воспоминания о своих многочисленных, следующих друг за другом, поездках в Магриб. Как отмечает профессор Пьер Масон: «<...> в “Имморалисте”, <...> Жид смешивает <...> историю своего выздоровления в Алжире с историей своего первого путешествия с Мадлен; Марселин в некотором роде заменяет Поля Лорана <...>»²⁹. Действительно, «Имморалист» вбирает в себя события, пережитые автором во время его первых путешествий в Северную Африку. Нельзя не отметить прямое сходство между героем

---

²⁸ В декабре 1900 г., Мадлен заболела и написала мужу много писем в надежде, что тот вернется из Туггурта к ней в Бискру. Но Жид все равно продолжил намеченный путь до Эль-Уэда. См. Martin C. La maturité d'André Gide de "Paludes" à "L'immoraliste" (1895-1902): Thèse / Claude Martin. Lille : Service de reproduction des thèses de l'Université de Lille III, 1980. P. 489.

²⁹ Masson P. André Gide: voyage et écriture / Pierre Masson. Lyon: Presses Universitaires de Lyon, 1983. P. 238.

«Имморалиста» Мишелем и автором романа – Жидом. Все это, – не только географические перемещения (Швейцария, Италия, Алжир, Бискра, Кайруан и т.д.), но и внутренние переживания, а также психологические и метафизические исследования и открытия автора. Мишель, как Жид, открывает в Северной Африке свободу, свою гомосексуальность и, таким образом, «вкус жизни и восторг чувств»³⁰. Под персонажем Бахир в «Имморалисте» скрывается тот самый Али из Сусса, благодаря которому Жид смог избавиться от болезни во время своих первых путешествий. Отсюда Массон заключает, что «путешествие персонажей [романов Жида] – это, прежде всего, путешествие самого автора»³¹. Разве Жид сам не признался в том, что «<...> в исповеди есть предел: за ним начинаются искусственность и принуждение, <...>. Воспоминания всегда искренни лишь наполовину, как бы мы ни пеклись о правде: все всегда гораздо сложнее, чем об этом говоришь. Быть может, больше приближаешься к истине в романе».³²

Однако травелог, если даже и представляет зачастую личные сведения, отличается от автобиографического романа; ведь в отличие от автобиографического повествования, в травелоге «приключение субъекта начинается не с рождения, но с отъезда и не развивается произвольно, но должно быть завершено возвращением»³³. Ле Унен объясняет, что «порядок травелога является, прежде всего, хронологическим <...>, похоже, что эта хронологичность, и отсутствие логического протокола, отличают этот жанр по-

---

³⁰ Lestringant F. André Gide, L'inquiéteur. Paris: Flammarion, 2011, Т. 1. Р. 457.

³¹ Masson P. André Gide: voyage et écriture. Op. cit. P. 201.

³² Жид А. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 7: Если зерно не умрет; Et nunc manet in te / Пер. с фр. Е. Гречаной; Возвращение из СССР / Пер. с фр. А. Лапченко; Комментар. С. Зенкина. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. С. 222.

³³ Roudaut J. Le récit de voyage / Encyclopedia Universalis, Tome XIX, 1989. Р. 631.

вестования от “fiction”»³⁴. Кроме того, как и в любом автобиографическом произведении, в травелоге автор не «рассказывает все. Читатель сам должен угадывать между строк причины некоего молчания, некоего ускорения в ряде моментов, и некоего энтузиазма <...>»³⁵. Вот почему Ив Сталони спрашивает: «автобиография должна ли, хочет ли, может ли поведать обо всем? (Постоянное) утверждение искренности не является ли иллюзией?»³⁶. Так, для того, чтобы решить эти вопросы – то есть «совместить автобиографию и fiction, Серж Дубровский предложил в 1977 г. понятие «*autofiction*» (*автовымысел*)»³⁷; многие современные литературоведы считают его более удачным, чем «автобиографический роман», хотя и по сей день имеется много разногласий насчет уникальности этого жанра³⁸.

Термин «*autofiction*» «состоит из двух корней: *auto* (grec *αυτός*: “*soi-même*” “сам”) и *fiction* – от латинского глагола “*figere, fingo, is, fixi, fictum*”, что означает: управлять, трогать, составлять, причесывать, моделировать, притворяться, придумывать, воображать. <...> Если в момент своего зарождения на первом плане был корень “авто”, т.е. акцентировалась личная жизнь рассказчика, то в последнее время главным становится “вымысел”»³⁹. В.Д. Алташина подчеркивает, что «Автовымысел – жанр литературы, определяемый “оксюморонным пактом”, сочетающим два противоположных типа повествования: с одной стороны, это повествование, основанное, как и автобиография, на принципе трех совпадений: автор является рассказчиком и главным героем, а с другой – на вымысле в повествователь-

---

³⁴ Le Huenen R. Qu'est-ce qu'un récit de voyage ? / Les modèles du récit de voyage, Littérales, N°7. Paris : Université Paris X Nanterre, 1990. P. 24.

³⁵ Pageaux D.-H. Op. cit. P. 35.

³⁶ Stalloni Y. Op. cit. P. 108.

³⁷ Ibid.

³⁸ Подробнее об этих разногласиях см. Genon A. Autofiction: Pratiques et théories. Articles. Paris: Mon Petit Éditeur, 2013. P. 9.

³⁹ Алташина В.Д. Указ. соч. С. 15.

ной стратегии и паратексте (заглавие, жанр)»⁴⁰. Исследовательница указывает, что в автовымысле «имя автора может совпадать с именем героя и при этом жанр произведения определен как роман; имя героя может не совпадать с именем автора, но при этом автор опирается на факты своей биографии; и, наконец, имя героя и жанр могут быть не обозначены»⁴¹. Тем не менее, «автовымысел – не просто новый литературный жанр, но средство, которое личность нашла для самопознания, для того чтобы отказаться от идеи однозначной истины и взять на себя ответственность за свои внутренние надрывы. Как писал Серж Дубровски в «Разбитой книге»: «Если пытаюсь вспомнить о себе, то я себя изобретаю». Автобиография нашего времени будет автовымыслом или не будет вовсе...»⁴².

В исследованиях травелога принято считать, что автовымысел или автобиография начинает четко утверждаться в эпистолярных путевых текстах XVII и XVIII веков. Тогда предполагалось, что путевой рассказ, в котором повествование ведется от первого лица, является подлинным. И многие писатели-путешественники пользовались этой привилегией, чтобы привлечь внимание общественности к своей личности, к своему мнению по различным вопросам, к своему образу жизни, к своим предпочтениям и т.д. Исходя из этого, Жан Рудо рассматривает травелог как одну из автобиографических форм. Он уверен, что «автор, рассказчик и путешественник являются одним лицом; их путешествие не начинается рождением, но должно заканчиваться возвращением»⁴³.

Один из знаменитых «автофикциональных» травелогов-романов XX века – это «Если зерно не умрет» (1926) Андре Жида. В этом произведении писатель-путешественник погружается в свои воспоминания об Алжире, или, го-

---

⁴⁰ Там же С. 14.

⁴¹ Там же. С. 16.

⁴² Там же. С. 19.

⁴³ Roudaut J. Op. cit. P. 631.

воря словами Ривалин-Падью, «автосоздается»⁴⁴ рядом с Оскаром Уайльдом, раскрывая свою личность и в то же время воплощая личность Мадлен в персонаже Эммануэль. Этим доказывается, что Жид воспринимает свою жизнь как «роман, внутри которого рождается другой роман»⁴⁵.

Для Жерара Кожеза именно «этнографы, возможно, лучше других подчеркнули необходимый для травелога автобиографический аспект, независимо от того, является ли он этнографическим или нет»⁴⁶. Французский этнолог Жорж Баландые не только соглашается с ним, но даже просит «сделать исключение для этнолога», поскольку «его подход требует исключительной чувствительности, постоянных усилий по регулировке (воспоминаний). Кроме того, необходимо, чтобы он сам себя “открывал” (познавал себя) в процессе изучения результатов своих исследований»⁴⁷.

Исходя из всего нами сказанного, можно присоединиться к Луи Марену, который писал, что травелог – это такой «тип повествования, в котором история переходит в географию и в котором каждая последующая строка, являющаяся формальной единицей рассказа, может связывать между собой не события, происшествия и повествовательных актеров, но описание местностей, а также маршрутов и пересечения разных маршрутов, что и будет составлять содержание рассказа <...> Сущность травелога – в последовательности посещаемых мест; дорога, отмеченная именами и местными описаниями, которые путешествие делает известными читателю»⁴⁸.

Травелог, если сравнивать его «с другой разновидностью документально-художественного, мемуарного жанра, а именно с “литературой анекдотов”, существенно расши-

---

⁴⁴ Masson P., Claude J. (eds.). André Gide et l'écriture de soi : actes du colloque, Paris, 2 et 3 mars 2001 [organisé par l'Association des amis d'André Gide]. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 2002. P. 204.

⁴⁵ Masson P. André Gide : voyage et écriture. Op. cit. P. 238.

⁴⁶ Cogez G. Op. cit. P. 23.

⁴⁷ Balandier G. Afrique ambiguë. Paris : Librairie Plon, 1957. P. 22.

⁴⁸ Cogez G. Op. cit. P. 27.

рил горизонт описания чужой страны: в поле зрения авторов путевых записок попадают уже не только представители политической элиты <...>, но и “простонародье”, быт и нравы различных слоев <...> общества, некоторые явления духовной жизни (религия, архитектура, музыка, народный танец, <...> даже литературная жизнь <...>)», – отмечает А.Р. Ощепков⁴⁹. Что касается травелогических произведений в виде автовымысла, они предполагают «совершенно особенный пакт между автором и читателем. Автор берет на себя только одно обязательство: лгать читателю самым достоверным способом»⁵⁰.

Таким образом, под травелогом мы понимаем повествование о путешествии (реальном или воображаемом), совершенном рассказчиком, выражающим свой субъективный взгляд при описании таких аспектов пространства, как рельеф, флора, фауна, быт и нравы жителей, религия, политическое устройство и т.п., при этом возможно преобладание одного или нескольких указанных параметров. Доминирование документальности (описание реалий) или фикциональности (художественный стиль, субъективизм, вымысел) определяет принадлежность травелога к документальной или к художественной литературе. Эти черты травелога могут быть использованы при отражении нового экзистенциального опыта, полученного писателем в результате путешествия.

---

⁴⁹ Ощепков А.Р. Образ России во французской прозе XIX века: дис. ... Док. филологических наук/ Ощепков Алексей Романович. М., 2011. С. 378.

⁵⁰ Алташина В.Д. Указ. соч. С. 15.

Библиография

Источники и документы:

1. Жид А. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2: Имморалист: Повесть / Пер. с фр. А. Радловой; Изабель: Повесть / Пер. с фр. А. Рычагова; Подземелья Ватикана: Небылица / Пер. с фр. М. Лозинского под редакцией Л. Токарева. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002.
2. Жид А. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 7: Если зерно не умрет; Et nunc manet in te / Пер. с фр. Е. Гречаной; Возвращение из СССР / Пер. с фр. А. Лапченко; Комментар. С. Зенкина. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002.
3. Balandier G. Afrique ambiguë. Paris: Librairie Plon, 1957.
4. Cendrars B. Œuvres autobiographiques complètes I, II. Paris: Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade, sous la direction de Claude Leroy, avec la collaboration de Michèle Touret (t. I), de Jean-Carlo Flückiger et de Christine Le Quellec Cottier (t. II), 2013.
5. Le Clézio J.M. G. Le Chercheur d'or. Paris: Gallimard, 1985.
6. Le Clézio J.M. G. Voyage à Rodrigues. Paris: Gallimard, 1986.
7. Segalen V. Équipée: De Pékin aux marches tibétaines. Paris: Les Œuvres représentatives, coll. «Le Beau voyage», 1929.
8. Segalen V. Le Fils du ciel: chronique des jours souverains. Paris: Flammarion, 1975.
9. Segalen V. René Leys. Paris: Georges Crès et Cie, 1922.

Исследования:

10. Алташина В.Д. Autofiction в современной французской литературе: легио из эго // Известия ЮФУ Филологические науки. 2014. № 3. С. 12-22.
11. Ощепков А.Р. Образ России во французской прозе XIX века: дис. ... Док. филологических наук / Ощепков Алексей Романович. М., 2011.
12. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. – Т. IV. М.: ГИХЛ, 1948.
13. Шачкова В.А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 3. С. 277–281.
14. Эткинд А.М. Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: НЛО 2001.
15. Cogeat G. Les écrivains voyageurs au XXe siècle. Paris: Seuil, 2004.

16. Daunais I. L'Art de la mesure ou l'invention de l'espace dans le récit d'Orient. Saint-Denis: Presses Universitaires de Vincennes, 1996.
17. Genon A. Autofiction: Pratiques et théories. Articles. Paris: Mon Petit Éditeur, 2013.
18. Gomez-Géraud M., Antoine P. Roman et Récit de Voyage. Paris: Presse de l'Université de Paris-Sorbonne, 2001.
19. Hooshmand N. Etude générique du récit de voyage // Plume. Téhéran (Iran). 2011. N°12. P. 43-64.
20. Le Huenen R. Le récit de voyage: l'entrée en littérature // Études littéraires, «L'Autonomisation de la littérature», vol. 20, no. 1, printemps-été 1987. P. 45-61.
21. Le Huenen R. Qu'est-ce qu'un récit de voyage? // Les modèles du récit de voyage, Littérales, N°7. Paris: Université Paris X Nanterre, 1990. P. 7-23.
22. Lejeune P. Le Pacte autobiographique. Paris: Seuil, collection «Points», 1996.
23. Lestringant F. André Gide, L'inquiéteur. Paris: Flammarion, 2011, T. 1.
24. Martin C. La maturité d'André Gide de «Paludes» à «L'immoraliste» (1895-1902): Thèse / Claude Martin. Lille: Service de reproduction des thèses de l'Université de Lille III, 1980.
25. Masson P. André Gide: voyage et écriture / Pierre Masson. Lyon: Presses Universitaires de Lyon, 1983.
26. Masson P., Claude J. (eds.). André Gide et l'écriture de soi: actes du colloque, Paris, 2 et 3 mars 2001. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 2002.
27. Pageaux D.-H. La littérature générale et comparée. Paris: Armand Colin, 1994.
28. Pasquali A. Le Tour des Horizons. Critique et récits de voyage. Paris: Klincksieck, 1994.
29. Roudaut J. Le récit de voyage // Encyclopedia Universalis, Tome XIX, 1989. P. 630-636.
30. Stalloni Y. Les genres littéraires. Paris: Armand Colin, 2012.

Автобиографический компонент в эпистолярии: Письма Г.И. Чулкова (1879-1939) к жене и возлюбленной¹

Мария Михайлова, Кьяра Рампаццо

Георгий Иванович Чулков (1879-1939) – заметный представитель литературы первых четырех десятилетий XX века. Поэт, прозаик, драматург, критик, публицист, журналист, мемуарист, он оставил обширное творческое наследие, куда, несомненно, может быть отнесена и его переписка, большая часть которой не опубликована до сего дня. Значительную часть его эпистолярия занимают письма к жене Надежде Григорьевне (1875-1961, урожд. Петрова, в первом браке Степанова), хранящиеся в РГАЛИ, и возлюбленной Людмиле Михайловне Лебедевой (нач. 1900-х – 1960-е – нач. 1970-х), находящиеся в НИОР ГРБ.

Писавшиеся на протяжении почти всей совместной жизни эпистолярные послания к Надежде Григорьевне представляют собой большой интерес для исследователей по нескольким причинам: огромное число сохранившихся документов – около 800 – позволяет проследить почти целиком жизненный путь Чулкова (начиная с 1902 года и до последних месяцев жизни писателя в 1938 году). Их подробное рассмотрение дает возможность уяснить некоторые, касающиеся второго и третьего десятилетия прошлого века, детали биографии писателя, по большей части не зафиксированные в официальных источниках (именно в это время деятельность Чулкова получает два измерения: внешнее и внутреннее); выявить его взгляд на общественную ситуацию, проследить воздействие культурных и поли-

---

¹ Марией Михайловой написана часть, относящаяся к переписке Г.И. Чулкова с Л.М. Лебедевой, Кьярой Рампаццо – часть, освещающая переписку писателя с женой, Н.Г. Чулковой.

тических событий на его мировоззрение. И как итог понять модус творческой судьбы Чулкова в идейно-культурном пространстве эпохи.

Эпистолярный корпус переписки супругов столь обширен потому, что им приходилось проводить много времени в разлуке по причине не только энергичной литературной деятельности писателя, но и в связи с последствиями его длительной болезни (туберкулез легких, перешедший в эмфизему и пр.), когда ему приходилось лечиться вдали от дома. Долгие месяцы провел Чулков вне дома и во время Первой мировой войны, когда оказался вблизи фронта в медицинских частях. Чулков писал жене почти ежедневно. Это были письма, маленькие записки, почтовые открытки. Он рассказывал об ежедневных событиях, встреченных людях, своих намерениях и планах. Пристрастие к написанию писем было присуще Чулкову с юных лет. Впоследствии оно перешло прямо-таки в страсть, характеризующую и его отношение к другим адресатам. Надо отметить, что культура эпистолярных посланий питалась у Чулкова интенциями Серебряного века, отшлифовавшего этот вид творчества. Значимость этого культурного дискурса была тесно связана с принципом «жизнетворчества» в среде символистов (и не только). Возникал своего рода художественный холст, на котором можно было создавать «художественно-жизнестроительный текст»².

Автобиографизм объединяет весь эпистолярный корпус. Естественно, что Чулков пишет о себе, раскрывает свои намерения и планы, характеризует отношение к происходящему, описывает ситуации и встреченных людей. В целом можно выделить четыре характерных направления, формирующие отдельные аспекты переписки: 1. Это давление бытовой повседневности, осложняющее творческое развитие писателя (неудобства с жильем, отсутствие денег и времени, препятствия со стороны издательств и органов

---

² Гиндин С.И. Биография в структуре писем и эпистолярного поведения // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 73.

печати); сюда же можно включить и последствия мучительных заболеваний; в результате проявляется ежеминутно ощущаемая связь социальных и творческих сфер жизни; 2. внешние и внутренние обстоятельства, оказавшие влияние на личное развитие автора; эпизоды, изменяющие его мирозерцание (контакты с душевнобольными родственниками, арест и ссылка, прессинг цензуры в советское время, лишение мест службы); 3. душевное и духовное развитие, приведшее к переосмыслению социальных и нравственных ориентиров (потеря ребенка, поиски религиозных основ жизни, появление возлюбленной); 4. творческая лаборатория писателя; литературное окружение, контакты с литераторами, восприятие художественных явлений.

Как можно понять из писем, экономические и социальные условия в 10-е, 20-е и 30-е годы оказали наиболее сильное влияние на творческую судьбу Чулкова. Известный биограф Роберт Джиттингс писал, что, «может быть, для современного биографа даже важнее чем изучение психологической или медицинской истории человека, является полная оценка экономических и социальных обстоятельств»³ его жизни. Центральным сюжетом биографии является жизнь человека, воспринимаемая, как совокупность «представлений и воспоминаний, удовольствий и страданий, намерений и движений»⁴. И ее «биографическая ценность», по определению Бахтина, заключается именно в том, что «важно не кто он, а что он прожил и что он сделал. <...> Эта жизнь в ценностном центре видения»⁵.

Невозможность найти издателя для своих произведений, необходимость перебрасывать их из журнала в журнал, из альманаха в альманах, обманы со стороны издателей, невыплата обещанных денежных средств, неподвиженное закрытие печатных органов, особенно в годы Пер-

---

³ Gittings, R. The nature of Biography. Seattle, University of Washington Press, 1978. P. 54.

⁴ См. Винокур Г.О. Биография и культура. М.: ЛКИ, 2007. С. 29.

⁵ Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 192-193.

вой мировой войны и начавшейся революции, подспудное влияние идеологического и политического размежевания приводили к тому, что, творческая судьба писателя менялась в зависимости от этих обстоятельств (в этом плане примечательно указание Чулкова, что журнал «Заветы» в лице редактора Р.В. Иванова-Разумника не принял роман «Сатана», потому что автор не увидел позитивных моментов в черносотенном движении, а либеральный «Вестник Европы» в лице одного из редакторов Д.Н. Овсяннико-Куликовского отклонил его же по причине насмешливого отношения к либералам). Процесс создания и издания произведений, сопровождавшийся неудачами, непониманием современников, цензурными препятствиями, усложняли житейские условия существования Чулкова. И нередко можно встретить его признания, что он принимается писать рассказ только для того, чтобы выслать деньги нуждающейся жене или расплатиться с гостиницей или хозяином квартиры. Таким образом, можно сделать вывод, что творческий процесс оказывался заметным образом скорректирован экономическими проблемами. Причем досада от неудачных контактов с литературной средой выливается даже в желание отойти от литературы, пожить наконец с «людьми нелитературными» (письмо от 8 сентября 1916 г.).

В сохранившемся корпусе писем и к жене, и к возлюбленной размышления над бытом составляют значительную часть (недостаток денег мешают совместным поездкам с Л.М. Лебедевой, например, в Ленинград на время репетиций пьесы «Дон Кихот»). В ранних письмах к Надежде Григорьевне, написанных в первых годах совместной жизни, когда ничего еще не было налажено, встречается как своего рода причитание часто повторяющаяся фраза «неудачно устроили мы наши житейские дела» (письмо от 19 марта 1911 г.).

Проблемам, связанным с выбором места жительства, отведена большая часть переписки с женой. Бесконечные колебания: что предпочесть – Москву или Петербург – объясняются также желанием найти издательства или более

дешевую квартиру. В годы Гражданской войны к ним прибавляется еще и желание оказаться подальше от опасных мест. Поэтому начинает фигурировать и Кавказ. Кавказ, а также Крым, начинают возникать в переписке и в связи с лечением болезни легких, для чего требовался сухой субтропический климат (кстати, по всей видимости, пребывание на юге и способствовало знакомству, а потом и сближению с юной балериной – Людмилой Лебедевой). Но над всем превалирует тема нестабильности и нехватки денег, влиявшая на возможность плодотворно работать.

Еще раз подчеркнем, что эта тема занимает едва ли не главное место в переписке с женой. А отсюда и подробное освещение процесса создания и издания произведений, объяснения по поводу возникающих неудач, отказов в публикациях, отсутствия оплаты, невыдачи авансов (в письмах к возлюбленной эти подробности преподносятся более шутливо или в завуалированной форме – и не выходят на первый план). В советские годы все более заметным становится присутствие рефрена: «если цензура разрешит», «не знаю, пропустит ли цензура», а также упоминания о постановлениях правительства, запрещающих то одно, то другое (поразительно, например, жалобы на невозможность переплести книгу, т.к. существует запрет переплетчикам под угрозой изъятия инструментов брать что-либо, кроме учетных книг советских учреждений). Слово – «нищета» – тоже едва ли не самое употребительное в это время. Однако оно встречается и в дореволюционных посланиях: «Но в конце концов все это суета сует и всяческая суета. Внутри меня, моя чудесная Надька, все-таки горит еще какой-то свет, несмотря на все невзгоды и житейские неудачи и несмотря на эту нашу нищету» (письмо от 24 сентября 1912 г.). Чулкова мучает ответственность за материальное положение близких людей (фраза «беспокоюсь за твои финансы» встречается с завидной регулярностью в переписке с женой; тема необходимости материальной помощи Лебедевой в письмах к ней также поднимается неоднократно). Много говорится о болезни, течение которой с годами утяжелялось: «Там, на

Волге, я совершенно не кашлял и дышал, как все люди. Дышать, как все, – это настоящее блаженство» (письмо от 14 июля 1930 г.). А это влечет за собой указания на условия пребывания в санатории или Доме творчества, рассказы о том, как и чем кормят, какого качества пища (надо сказать, что тема еды почти постоянна – что указывает на значение, которое придавалось этой области жизни).

Но особый интерес приобретают сведения, посылаемые с фронтов Первой мировой войны, когда Чулков находился в санитарной летучке (по образованию он медик): «Я пишу тебе под адский рев канонады, но сравнительно далекий. Воображаю, какое впечатление она производит на месте боя» (письмо от 3 августа 1916 г.); «Так вчера, например, было два незабываемых впечатления: всеобщая в палатке под гул орудий, а утром встреча с юным артиллерийским прапорщиком, который приехал с батареей справиться о четырех раненых солдатах. Трое из них умерли» (письмо от 14 августа 1916 г.). Еще более впечатляют постоянные упоминания об ужасной смерти людей от газовых атак. Чувствуется, что это самое страшное из вынесенных с фронта впечатлений оказывавшего помощь раненым Чулкова. К этим эпизодам он возвращается не раз, призывая сравнить мучения задохнувшихся с тем, что переживает в тылу Надежда Григорьевна, оставшаяся одна с только что родившимся сыном на руках (кстати, сопоставления писем Чулкова и писем его жены этого времени могут многое дать исследователю гендерной проблематики документов эпохи в плане сравнения мужского и женского жизненного опыта).

Откровенность дореволюционных посланий писателя неизмеримо большая, чем в последующие годы. «Отчет» о социальных потрясениях, происходивших в начале XX века, регулярно возникает на страницах писем. Чулков, с юношеских лет склонный к мятежности и бунтарству, остро переживал события, обрушившиеся на страну: революцию 1905 года, Первую мировую войну, Октябрьский переворот, Гражданскую войну, перипетии двух десятилетий советской

власти. Эти общественные катаклизмы подталкивали его к размышлениям, становились руководством к действию. Так, в начале XX века возникла попытка создания им теории «мистического анархизма», в русле которой он осуществлял свою деятельность на протяжении почти трех лет (сборник «О мистическом анархизме», выпуски «Факелов», усилия по созданию театра с таким же названием). Письма периода нахождения на фронте переполнены воодушевлением и готовностью служить отчизне до последнего. Особенно характерно замечание, что «поста» своего он «не покинет» даже для посещения долгожданной премьеры собственной пьесы «Невеста» в Александринском театре. Не менее показательно и признание, что они с Надеждой Григорьевной переживали свершающиеся в России события Февральской революции, «плача от любви к России» (письмо от 4 марта 1917 г.). Потрясает фраза: «Я чувствовал огромную Россию, неналаженную, но великолепную» (там же). И прозвучавшая уверенность: «Ветхой России уже нет, что бы теперь ни произошло нового и неожиданного» (там же). Однако некоторое время спустя, когда произошло именно много «нового и неожиданного» (а до этого его не пугали ни «развалины» Российской Империи, ни «руины» Российского государства – письмо от 1 августа 1917 г.), появилась такая характеристика происходящего: «все фантастично и безумно» (письмо от 16 ноября 1917 г.). Как видим, прошлая уверенность сменилась совсем другими чувствами.

Во время Первой мировой война, несмотря на службу в первом Сибирском отряде, где он выполнял медицинские обязанности, он не оставляет занятий литературой, хотя это уже не работа за письменным столом. А пропагандистский азарт выливается у него создание фронтовой библиотеки для офицеров и солдат («У нас, в отряде, теперь много бывает офицеров. Мною из(со?) данная библиотека имеет огромный успех. Нужны очень книги. При случае доставай книги и отправляй небольшими посылками» (письмо от 8 декабря 1916 г.). Он организует литературные беседы: «Вот вчера только наша сестра Н.А. Колубакина, дочь убитого на

войне депутата, читала или вернее рассказала солдатам и офицерам свои впечатления о немецком плене. Было очень торжественно и трогательно. После чтения оркестр военный играл туш, и все кричали ура в честь Колюбакиной и всех наших сестер» (письмо от 16 декабря 1916 г.). Он и сам не прочь вести такие беседы: «Теперь штаб предлагает мне выступить с каким-нибудь докладом перед господами офицерами. Я, кажется, поведу речь о духовных сокровищах России (подчеркнуто автором. – *М.М., К.Р.*). Настроение армии, солдат и особенно младших офицеров, да и некоторых генералов и полковников, превосходное во всех отношениях, не только в отношении естественного патриотизма. Нет, Россия, Бог даст, не пропадет. И мы с тобою увидим великолепные дни. А Володя наш (поздний ребенок Чулковых, умерший в 1920 г. – *М.М., К.Р.*) будет жить прекрасно» (письмо от 26 декабря 1916 г.). И это радужное состояние будет резко контрастировать с настроением последующих лет, когда только обращение к богу и творческое вдохновение, во многом рожденное возникшей влюбленностью, спасали его от отчаяния.

В письмах он делится своими творческими планами: на страницах отражаются замыслы о написании путевых заметок (в связи с путешествиями по России и за рубежом), пьес, говорится о театральных постановках его собственных драм, издании рассказов и стихотворений, изредка встречаются отдельные стихотворения, посвященные жене или написанные в связи с возникшими переживаниями. «Надо, надо писать роман! Только в этой форме возможно сказать все, что хочешь», – утверждает он 29 марта 1911 г. и действительно в скором времени выпустит целую серию крупных прозаических произведений. Это и «Сатана», и «Серезжа Нестроев», и «Метель». Много внимание уделено созданию любимого детища – пьесе «Дон Кихот»: «Я пишу пьесу на тему Сервантеса “Дон-Кихот”. Это моя давняя мечта» (письмо от 20 августа 1932 г.). Обнажение самых глубинных пластов процесса творчества прочитывается в словах, где герои пьесы соединяются с обликами знакомых деятелей

культуры: «Грузинский поэт Ираклий Абашидзе, очень высокий, говорит с акцентом. Мог бы играть Дон-Кихота, а Ермилов (известный литератор. – *М.М., К.Р.*) при нем Санчо. Они неразлучны» (письмо от 10 января 1937 г.). Т.е. пара приятелей ассоциируется с культурным мифом.

Культурная жизнь страны также обрисовывается на страницах писем; встречаются имена, места, события, связанные с заметными явлениями, происшествиями. Особенно яркими и запоминающимися предстают портреты деятелей символизма – течения, к которому принадлежал и сам Чулков. И его письма передают дух эпохи, стиль жизни ее создателей, пафос и напряженность литературного общения (достаточно указать на скандал в «Бродячей собаке», участником которого явился Бальмонт, к реакции окружающих на который Чулков возвращается неоднократно).

Но ключевое место в этом документальном корпусе все-таки занимает душевное состояние и духовное развитие писателя. Переломным моментом в жизни супругов стала смерть сына в сентябре 1920 года, после чего в их жизни происходит подлинное и полное воцерковление. После этого трагического события стиль писем меняется, они наполняются цитатами из православных писаний и богослужебных книг, начинают встречаться имена известных церковных деятелей (будущий патриарх, о. Сергей). Меняется теперь и тональность писем, форма обращения – они становятся более почтительными (раньше часто встречалось обращение «Надька»). Становится ясно, что отныне ритм их жизни подчиняется православными канонам. «Но верю, что Господь мне поможет освободиться от соблазна и заблуждений. Таковы итоги моей плотской и душевной жизни», – признается писатель в письме от 20 ноября 1923 г. А 18 июня 1925 г. сокрушается: «Я поставил крест в начале письма, а между тем живу совсем не по-христиански. Вот сейчас, например, нагрешил». В письмах звучат просьбы такого рода: «Помолись за меня угоднику, которого я чту и чувствую, как родного деда, очень близко и очень матери-

ально. Он – хороший. Он, ведь, принимал у себя и Богородицу, и медведя. Я, хоть и хуже зверя, но все же не потерял надежды на милость Серафима. Авось, и мне улыбнутся Стяжавшие Духа Святого, услышав твои молитвы, моя красавица!» (письмо от 29 июля 1926 г.). Вера в силу молитвы очень поддерживает его. И он старается вселить эту веру в иногда падавшую духом Надежду Григорьевну, заверяя, что ее молитва, как человека менее грешного, чем он, будет услышана непременно. «В этой тайне такая страшная сила и на познавшем эту тайну лежит такая ответственность, что нам, обыкновенным людям, приходится только об одном думать – о смирении» (письмо от 6 апреля 1936 г.).

История взаимоотношений Георгия Чулкова с Надеждой Григорьевной выступает в этой переписке как обладающая особой значимостью. Изначально возникшее как совместное сожительство по зову страсти, которое претерпевало многие трудности (именно письма приоткрывают некоторые тайны личной жизни писателя, снимают глянец будто бы с самого начала безоблачных отношений супругов – имеется в виду неоднократно возникающий мотив необходимости раздельного проживания, близящегося разрыва после вероятной измены Чулкова), в дальнейшем оно приобретает черты духовного соединения, сотрудничества, совмещения любви и веры («нас с тобою связало Провидение тугим до боли узлом, и его не развязать никак», – утверждает в письме от 19 сентября 1929 г.). Любовь ведет супругов к верности церкви, исповеданию исторического христианства («Помолись и ты за меня и все мне прости, всю мою жизнь. Ты можешь простить, потому что Бог дал тебе красоту бессмертную, а божественная красота милостива и щедра. Не смею сказать – ноги твои целую, нет – обувь, след ноги твоей на песке. Дай Господь тебе силы и здоровья», – так звучит его признание в письме от 22 сентября 1924 г.) Чулков испытывает к жене неизмеримую благодарность, усиливающуюся сознанием своей вины (о которой чуть ниже) перед нею: «Спасибо тебе за все – за все твои заботы обо мне, а – главное – за то, что ты еси ты, а это

уже само по себе для меня сокровище. Ты пишешь: “Я себе не нравлюсь”. Конечно, в порядке духовного опыта, для всех нас обязательного, естественно это собою недовольство, но ради Христа не забывай и того, что псалмопевец напоминает нам: “ви(ы?) – боги”. Значит, мы можем быть воистину прекрасными» (письмо от 14 мая 1938 г.). Любопытно отметить, что чувство всемирной вины и скорби всплывало изредка и в более ранние годы, еще до его обращения к историческому христианству: «Да, я виноват и перед Тобою, и перед самим собою, и перед Богом. Хочу молиться о тишине и не могу молиться. Неужели умру я неуспокоенный и не примирившийся и с таким ужасом в душе... Так не надо, Надя, зачеркивать все прошлые дни: много было мучительного и серого, и безразличного, но ведь было же и прекрасное. От него стыдно отказываться и грешно» (письмо от 28 августа 1911 г.).

Однако преданность жене не помешала автору испытать сильные чувства к другой женщине, бывшей моложе его приблизительно на 20-25 лет, – Людмиле Михайловне Лебедевой, которая возникла на его жизненном пути в последние 15 лет жизни, и отношения с которой были предметом его бесконечных страданий. О многом говорит такая запись в его дневнике «Откровенные мысли»: «В земной любви к людям мы видим лишь слабое подобие любви божественной. <...> Я люблю мою жену. Но люблю и других. Не исключается ли одна любовь другою любовью? (Я все больше и больше люблю мою жену, но я никак не могу не страдать за тех, с кем я был связан тоже “любовью” (я не знаю какую). Пусть моя брачная связь крепка (смерть Володи ее навек освятила), но как мне тогда <быть> с измученным сердцем той несчастной Агари, за судьбу коей я тоже отвечаю»⁶.

---

⁶ Михайлова М.В. «Не бойся смерти и разлуки...» // Чулков Г.И. Тайная свобода. Стихотворения из неизд. книг (1920-1938) / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Михайловой М.В. М., ПАЛЕАлиТ, 2003. С. 477-478.

Здесь также существуют обозначенные тематические пласты. Но естественно, что любовная тема выходит на первый план. В письмах к молодой возлюбленной прежде всего бросаются в глаза постоянно употребляемые «формулы», определенная ритуализованность, за которыми Чулков и прячет свои чувства, выдавая себя всего лишь за учтвого и галантного поклонника (эти бесконечные «Целую Ваши ручки»), и в то же время неосознанное (или сознательное?) их подчеркивание. Важной стороной писем является своеобразное оправдание этих чувств, которое Чулков подкрепляет ссылками на концепцию любви, имеющую своим истоком философию любви Вл. Соловьева. Но отсылка к богине любви Афродите теперь уже не подразумевает идущее от Платона и развитое Вл. Соловьевым деление на Афродиту Небесную и Простонародную (Urania и Pandemos), а объединяет их в одной – страстной богине любви и красоты, но присовокупляет к этому особое чувство, просыпающееся, как считает автор посланий, в мужчине только с возрастом: «<...> я хочу назвать, определить, то новое, чего мы в юности не замечаем. Знаете, что это такое? Это прозрение в женщине ребенка. Мы, седые и старые, видим в женщине одновременно и Афродиту, и ребенка. Этот наш внутренний опыт совершенно необычаен. В этом опыте, одновременно и чувственном, и духовном, есть безграничная нежность. Такое движение сердца и сладострастно до головокружения, и целомудренно до какой-то небесной голубизны» (подчеркнуто автором. – М.М., К.Р., письмо от 26 июня 1925 г.). Он чувствует, что в его теоретизировании есть нечто «кощунственное», но он пробует соединить Афродиту (страсть, земное начало) и Христа через понятие «чуда»: «Нельзя быть одновременно ребенком и Афродитой, но в Вас совершилось это чудо» (письмо от 15 июня 1925 г.).

Подобные чулковские рассуждения позволяют утверждать, что на страницах писем к возлюбленной он развертывает новую концепцию любви, которую он

художественно воплотит в поздних стихах, обращенных к Лебедевой, и нигде больше. Так что именно письма к возлюбленной фиксируют новый мировоззренческий этап, переживаемый писателем, предельно им утаенный, но говорящей о возможных вариациях соловьевской темы в его творчестве.

Письма к Лебедевой демонстрируют большую их связь с творческим процессом. Они почти лишены той бытовой конкретики, которой так много в письмах к Надежде Григорьевне. Т.е., конечно, есть упоминания и о поездках, и об условиях проживания, и о денежных неурядицах, но они звучат «под сурдинку». Конечно, невозможно, точно установить, когда возникло почти традиционное обращение к ней – «милая цыганочка», «прелестная моя цыганочка», «чудесная моя цыганочка» (показательно, что в письме к жене лета 1922 г. есть упоминание о «цыганке», которая «завтра уезжает, слава Богу», а это значит, что такое обозначение Лебедевой существовало и в семейном кругу!), «моя крошка», «прелестная Инфанта». Аналогичные развернутые формулы образа темноглазой плясуньи мы встретим и в его стихах, писавшихся на протяжении всех лет любовной связи. Также в лирических строках будут варьироваться те детали, которые постоянно отмечаются в письмах: маленькие ручки, крохотная ножка, милая головка, нежные пальчики и пр.

Одним из настойчивых мотивов этих писем является забота о здоровье Лебедевой с конкретными указаниями на то, как надо действовать, чтобы поправиться (важный компонент голодных годов, когда здоровье измерялось килограммами). О своей болезни Чулков пишет значительно меньше, что легко объяснимо, – и касается этого вопроса лишь в тех случаях, когда болезнь мешает свиданию. В других же случаях он часто прибегает к шутливому тону. Кстати, этот тон во многом превалирует в письмах, особенно тогда, когда он пытается скрыть свою ревность за игривыми требованиями давать полный отчет по вопросу обо всех спутниках, возникающих во время путешествий Лебедевой,

ее пребывания дома или на лечении. «Не посещают ли Васильскую Пахотную слободу какие-нибудь разбойники или, что ужаснее, Дон Жуан?», – спрашивает он в письме от 5 июля 1925 г. Также можно обнаружить и определенную долю кокетства с его стороны, особенно в тех письмах, которые или еще предшествуют полному сближению, пишутся на стадии ухаживания, или в подтексте содержат намек на возникшую близость. Например: «Надо бы ехать в настоящую пустыню. Не худо бы, впрочем, оказаться в пустыне вместе с Вами. Я думаю, нам было бы не скучно? Вы так думаете?» (письмо от 30 июня 1925 г.). Или: «Вчера днем я был у него (мужа Лебедевой. – *М.М., К.Р.*), не застал его дома и оставил ему записку, в коей, выражая свою зависть, признался, что намерен был вызвать его на поединок, но православный опыт и заветы Домостроя понудили меня отказать от дурных намерений и признать Ваше поведение правильным и, так сказать, благочестивым: муж, конечно, глава – и надо его чтить прежде всего, а поклонник пусть подождет. Под моей надписью в скобках пометил: (“отвергнутый Дон Жуан”»)» (письмо от 24 июня 1925 г.).

Подробностями собственной жизни Чулков начинает делиться с Людмилой Михайловной постепенно, они обрисовываются в письмах только со временем. Поначалу он ограничивается кратким упоминанием о том, что ему предстоит сделать или куда он едет (например, в Оптину пустынь). Но все же по отдельным пассажам можно судить, что возлюбленная в курсе его дел, знает его круг общения: «В Москве все по-прежнему – Юрий Верховский (поэт. – *М.М., К.Р.*) курит трубку, Евдокия Ивановна киснет, хотя мяукает, я корректирую гранки и дописываю своих злополучных «декабристов» (имеются в виду исторические очерки Г.И. Чулкова «Мятежники 1925 года». – *М.М., К.Р.*) Денег нет. Но я не унываю и все на что-то надеюсь» (письмо от 5 июля 1925 г.).

Естественно, что определенную часть этих писем составляет призыв соблюдать осторожность, не выдавать своих чувств и пр. (кстати, по-видимому, этим объясняется от-

сутствие писем адресата, т.е. Людмилы Михайловны, – вполне вероятно, что они или уничтожались самим Чулковым, или были уничтожены Надеждой Григорьевной после его кончины). При этом Чулков оказывается довольно немногословен и снисходителен к себе, предпочитая просто ставить возлюбленную в известность относительно того, что в данный момент у него нет возможности вступить с нею в переписку.

Немаловажную часть писем занимают вопросы трудоустройства Людмилы Михайловны, которая служила балериной в студии «Драмбалета»⁷. Возможно, это сыграло определенную роль в установлении контактов самого Чулкова с этой организацией⁸. Во всяком случае при тесном общении с Ниной Семеновной Греминой, начальницей Лебедевой, для которой Чулков намеревался создавать либретто по пушкинским текстам, не могли не возникать разговоры о будущем молодой балерины, талант которой сам Чулков высоко ценил (причем настолько, что уделил ее ролям несколько строк в своих воспоминаниях «Годы странствий», которые писались и печатались при его жизни, т.е. в присутствии жены).

Кроме того, Чулков по мере сил старается просветить молодую женщину (дает ей читать Пушкина, приводит цитаты из Тютчева), но одновременно оказывается снисходительным к ее промахам (у Лебедевой явные нелады с пунктуацией).

Из творческих коллизий, освещенных в письмах, стоит обратить внимание на подробный (обычно это краткие упоминания) рассказ об обстоятельствах постановки пьесы «Дон Кихот» в Малом драматическом театре в Ленинграде. Такая тщательность еще связана с тем, что предполагалось тайное свидание Чулкова и Лебедевой во время репетиций

---

⁷ Студия оказала значительное влияние на развитие советского балетного театра и хореографической педагогики 20-40-х годов XX века.

⁸ Подробнее см. Михайлова М.В. «... Ничего, кроме Пушкина, в ум нейдет» (Пушкиниана Г.И. Чулкова) // Филологические науки. М., 1997. № 3. С. 15-25.

пьесы. Но все равно в письмах чувствуется глубокая погруженность Чулкова в ситуацию, ясно прочитывается то, насколько он дорожит грядущей постановкой. Таких проявлений творческого горения в письмах к Лебедевой не очень много – но именно поэтому они особенно ценны.

Основное впечатление, возникающее в результате чтения анализируемой «двойной» переписки, – это представление о жизни как континууме, что подтверждает слова Леона Эделя: «Писатели имеют такое ощущение [о жизни как континууме. – *М.М., К.Р.*], в самой высокой степени: и когда мы пишем их жизни, мы пишем также историю нашей культуры и нашей цивилизации»⁹. Это особенно заметно в отношении жизни и творчества Чулкова, чей возникающий в переписке образ отражает взлеты и падения человека и литератора определенного времени, а также катаклизмы эпохи. Изучение корпуса проанализированной переписки позволяет утверждать, насколько важным фактором является изучение эпистолярного наследия деятелей культуры как объекта автобиографического познания. Писчая бумага становится полем для выражения собственных мыслей и размышлений, местом передачи сокровенной информации, важнейшей для истории личной жизни и жизни общества в целом.

Библиография

Источники и документы:

1. РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 480-484 Письма Чулкова, Георгия Ивановича к Чулковой, Надежде Григорьевне (1902-1938).
2. РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 399-401 Письма Чулковой, Надежды Григорьевны к Чулкову, Георгию Ивановичу (1901-1938).
3. НИОР РГБ. Ф. 371. К. 8. Ед. хр. 8-16. Письма к Лебедевой, Людмиле Михайловне (1923-1936).

---

⁹ Edel L. *Literary biography*. Bloomington and London: Indiana University Press, 1973. P. 153.

4. НИОР РГБ. Ф. 371. К. 9. Ед. хр. 1-3. Письма к Лебедевой, Людмиле Михайловне (1937-1938).

Исследования:

5. Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.
6. Винокур Г.О. Биография и культура. М.: ЛКИ, 2007.
7. Гиндин С.И. Биография в структуре писем и эпистолярного поведения // Язык и личность: Сб. статей, М.: Наука, 1989. С. 63-77.
8. Гордин Я.А. Индивидуальная судьба и система биографий // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука. 1978. Т. 37. № 6 С. 533-539.
9. Дубин Б.В. Слово – письмо – Библиография: Очерки по социологии современной культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
10. Магомедова Д.М. Переписка как целостный текст и источник сюжета (на материале переписки Блока и Андрея Белого) // Динамическая поэтика. От замысла к воплощению. Москва, 1970. С. 244-261.
11. Михайлова М.В. «Интересный и безукоризненно честный писатель...» / Чулков Г.И. Валтасарово царство. М.: Республика, 1998. С. 5-14.
12. Михайлова М.В. Пристрастный летописец эпохи / Чулков Г.И. Годы странствий. М.: Эллис Лак, 1999. С. 5-28.
13. Михайлова М.В. «Не бойся смерти и разлуки...» // Чулков Г.И. Тайная свобода. Стихотворения из неизд. книг (1920-1938) [сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Михайловой М.В.]. М., ПалеАлиТ, 2003.
14. Полонский В.В, Глухова Е.В. Переписка В. Розанова с литераторами «круга Мережковских»: предварительные итоги изучения и перспективы научного издания // Текстологический временник. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 573-581.
15. Тартаковский А.Г. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 35-55.
16. Урбан А. Автодокументальная проза // Звезда. 1970. № 10. С. 4-77.
17. Чулков Георгий. Откровенные мысли. Предисловие, публикация и комментарии Н.Ю. Грякаловой // Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

18. Baudin R. (a cura di). La revue russe N° 32. L'épistolaire en Russie du XVIIIème siècle à l'URSS post-stalinienne. Paris, Institut d'études slaves, 2009.
19. Gittings R. The nature of Biography. Seattle, University of Washington Press, 1978.
20. Edel L. Literary biography. Bloomington and London: Indiana University Press, 1973.
21. Jolly M. (Ed.). Encyclopedia of life writing: autobiographical and biographical forms. Routledge, 2013.
22. Starobinski J. «Le style de l'autobiographie» / Starobinski J. La relation critique, Paris, Gallimard, 1970. P. 83-98.
23. Viollet K., Montémont V. Le moi et ses modèles: genèse et textualités. Louvain-la-Neuve, Bruylant-Academia, 2009.

V. Общество, государство, современники

«Миссия в Хиву и Бухару...» графа Н.П. Игнатьева: Роль одного дипломата в среднеазиатской политике России по его собственным мемуарам¹

Роман Почекаев

Граф Н.П. Игнатьев (1832-1908) в течение довольно длительного времени являлся активным участником внешней политики Российской империи в ее отношениях с государствами Азии – среднеазиатскими ханствами, Китаем, Османской империей. Современники оценивали его достаточно противоречиво, однако в исследованиях, посвященных ему, этот деятель предстает как весьма энергичный и влиятельный политик, под конец своей деятельности незадолго до смерти пострадавший².

В молодости Н.П. Игнатьев сделал блестящую карьеру в качестве дипломата и государственного деятеля. Уже в возрасте 26 лет он осуществил свою первую самостоятель-

---

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 16–01–0022) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016-2017 гг.

² См. к примеру, Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатьев. Российский дипломат. М.: Квадрига, 2009; Mackenzie D. Count N.P. Ignat'ev; the father of lies? NY. 2002.

ную дипломатическую миссию в Бухарский эмират и Хивинское ханство (1858 г.). В следующем году он возглавлял российское посольство в Китай, где в результате успешного лавирования в условиях «второй опиумной войны» между европейскими державами и империей Цин сумел подписать выгодный для России Пекинский договор (1860 г.). В течение нескольких лет он возглавлял Азиатский департамент Министерства иностранных дел, а затем 12 лет являлся сначала чрезвычайным посланником, а затем чрезвычайным и полномочным послом Российской империи в Османской Порте. За это время, а затем и во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. он старался всячески содействовать освобождению славянских народов Балкан от османского владычества, за что его память до сих пор чтят в этих государствах (в Болгарии неоднократно публиковались биографические исследования, посвященные Н.П. Игнатьеву). Именно он подписал Сан-Стефанский мирный договор, завершивший боевые действия во время этой войны.

В конце 1870-х гг. Игнатьев с дипломатической деятельности перешел на административную. В 1879 г. он стал исполняющим обязанности нижегородского генерал-губернатора, в 1881 г. – министром государственных имуществ. В 1881 г. он достиг пика своей карьеры, став министром внутренних дел Российской империи. Однако императору Александру III не понравились либеральные проекты Н.П. Игнатьева по преобразованию системы власти и управления в России, и 30 мая 1882 г. он был отправлен в отставку, после чего к государственной деятельности более не привлекался, являясь лишь президентом ряда профессиональных и благотворительных общественных объединений – в частности, Общества для содействия русской промышленности и торговли (с 1884 г.) и Петербургского славянского благотворительного общества (с 1888 г.). Завершив политическую карьеру в 50 лет, т.е. в том возрасте, в каком большинство государственных деятелей лишь начинает свое возвышение, Н.П. Игнатьев, конечно же, счел се-

бя незаслуженно обиженным. И едва ли не единственной возможностью «реабилитировать» себя в глазах общест-венности, продемонстрировать ей, какой опытный ди-пломат и политик был столь опрометчиво «списан со сче-тов», стало написание им воспоминаний о своем славном прошлом – преимущественно дипломатическом.

Автобиографии как таковой Н.П. Игнатъев так и не написал, и его воспоминания представляют собой серию работ об отдельных этапах его дипломатической деятельно-сти. При жизни автора вышли в свет «Материалы, относя-щиеся до пребывания в Китае Н.П. Игнатъева в 1859-1860 годах» (СПб. 1895 г.), «Отчетная записка, поданная в Азиат-ский департамент в январе 1861 года генерал-адъютантом Н.П. Игнатъевым о дипломатических сношениях его во время пребывания в Китае в 1860 году» (СПб. 1895 г.) и «Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта пол-ковника Н. Игнатъева» (СПб. 1897 г.), которая и является предметом анализа в рамках настоящего исследования. Уже после его смерти в «Известиях Министерства ино-странных дел» и «Историческом вестнике» за 1914 г. были опубликованы отдельные части его записок о пребывании в Османской империи, а также в 1916 г. отдельными книгами в Петрограде вышли записки «Сан-Стефано» и «После Сан-Стефано», т.е. о событиях после русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Воспоминания графа Н.П. Игнатъева неоднократно привлекали внимание исследователей, для которых явля-лись важным историческим источником о событиях, в ко-торых принимал участие сам автор. Первые такие работы стали появляться уже вскоре после его смерти, продолжает-ся исследование мемуаров Игнатъева и в наши дни³.

---

³ См. работу А.А. Дмитриевского. Граф Н.П. Игнатъев как церковно-политический деятель на православном Востоке. По неизданным пись-мам его к о. архимандриту Антону Капустину. СПб. 1909; а также недав-ную кандидатскую диссертацию Е.Ю. Блудновой. Мемуары Н.П. Игнатъева как исторический источник. М.: РУДН, 2007.

Между тем, нельзя не отметить, что в своих записках этот государственный деятель в немалой степени занимается самолюбованием, существенно преувеличивая собственную роль в государственной жизни и, в частности, во внешней политике Российской империи (что, впрочем, вполне объясняется целью написания мемуаров, о которой говорилось выше). Стремясь подчеркнуть свою значимость и компетентность, он ни в коей мере не был готов признавать свои собственные ошибки в тех или иных дипломатических неудачах, которые и у него бывали, как у любого другого дипломата. Соответственно, все ошибки и неудачи он относил на счет других лиц, которые имели отношение к его дипломатическим миссиям – причем нередко обвинял людей, которые уже давно умерли и, соответственно, не могли опровергнуть его утверждения. Одним из наиболее ярких примеров подобного подхода стало сочинение «Миссия в Хиву и Бухару...», в котором Н.П. Игнатъев описал свою первую самостоятельную миссию, с которой, собственно, и началась его карьера дипломата. Ниже мы намерены проанализировать, как именно автор старался продемонстрировать свое значение в качестве дипломата и, по сути, ключевой персоны в развитии отношений Российской империи с ханствами Центральной Азии, и как он объяснял ошибки миссии и, в конечном счете, ее неудачу в целом.

Посольство 1858 г. под руководством Игнатъева стало ответом на мирную инициативу со стороны Хивинского ханства, с которым до этого времени у Российской империи были напряженные (если не прямо враждебные) отношения. Хивинцы претендовали на власть над казахами Младшего жуза, которые еще в 1731 г. приняли российское подданство, поддерживали казахских бунтовщиков, захватывали русских пленников и т.д. Все предыдущие попытки российских властей нормализовать отношения с Хивой не встречали ее поддержки. Однако в середине 1850-х гг. в ханстве началась борьба за власть, и за 1855-1856 гг. сменилось три хана. Последний из них, Сейид-Мухаммад, стремясь укрепиться на троне, решил устранить внешнюю угро-

зу и в 1857 г. направил в Оренбург к генерал-губернатору А.А. Катенину своего посла Фазылходжу, через которого поздравил его с недавним вступлением в должность и предложил восстановить мирные отношения⁴.

Петербург ухватился за эту возможность, и в следующем году было принято решение направить в Хиву ответную миссию, причем перед ней также была поставлена задача – посетить и соседний Бухарский эмират, с которым у России не было столь напряженных отношений, поэтому Россия стремилась, в первую очередь, заключить с Бухарой торговый договор. В качестве главы миссии был поставлен Н.П. Игнатьев, который, не смотря на свои 26 лет, уже имел воинское звание полковника, придворный чин флигель-адъютанта и имел некоторый дипломатический опыт: в 1856 г. принимал участие в Парижской мирной конференции (завершившей Крымскую войну 1853-1856 гг.), а затем был назначен российским военным агентом в Лондоне.

Нельзя не предположить, что причиной столь фееричной карьеры совсем еще молодого человека являлись не только его собственные способности и дарования, но и тот факт, что его отец, П.Н. Игнатьев, был высокопоставленным чиновником: как раз в это время он занимал пост санкт-петербургского генерал-губернатора. Положение отца, его служебные и семейные связи, несомненно, стали причиной быстрого продвижения сына и, по всей видимости, повлияли на его поведение и стиль общения с другими представителями власти, в т.ч. и теми, кто был выше его в чиновной иерархии.

Как бы то ни было, посольство было сформировано, и задачи, поставленные перед ним, были весьма масштабными и разноплановыми. К политическим относились установление государственных границ с Хивинским ханством, требование к Хиве не оказывать поддержки казахским мятежникам, не захватывать русских пленников и освободить

---

⁴ Об это см. Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии. М.: Наука, 1974. С. 367.

тех, кто в настоящее время находился в ханстве. Экономические задачи состояли в получении разрешения русским судам ходить по Амударье, заключении торговых договоров с Хивой и Бухарой и уменьшении размера пошлин с русских торговцев (который взимался в двойном размере по сравнению с торговцами из мусульманских государств). Наконец, имелись и научные задачи: участникам миссии предстояло изучить судоходные возможности Амударьи и провести топографическую съемку прилегающих к ней земель. Для этого в состав миссии были включены, помимо самого Н.П. Игнатьева, сотрудники Министерства иностранных дел Е.Б. Килевейн, М.Н. Галкин, Н.Г. Залесов, морской офицер А.Ф. Можайский (впоследствии известный изобретатель), астроном К.В. Струве, востоковед и археолог П.И. Лерх. Руководству Оренбургского края было поручено оказывать всяческое содействие миссии, в распоряжение которого также была откомандирована Аральская флотилия во главе с ее начальником капитаном 1 ранга А.И. Бутаковым.

Результаты миссии оказались весьма скромными. В Хиве, несмотря на то, что именно хивинские власти выступили инициаторами восстановления мирных отношений, к ее участникам отнеслись весьма враждебно, неоднократно угрожали самому Н.П. Игнатьеву смертью – как писал сам Игнатьев, «напоминая нам об участи отряда Бековича-Черкасского»⁵ (который был отправлен в Хиву по приказу Петра I и уничтожен хивинцами в 1717 г.). Хан подписал предложенный ему миссией «Обязательный акт», который, однако, сам же Игнатьев охарактеризовал как «клочок бумаги, скрепленный ханской печатью, но не представляющий существенного для нас значения по отсутствию гарантий исполнения»⁶⁷. В возврате русских пленных и разреше-

---

⁵ Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году флигель-адъютанта, полковника Н. Игнатьева. СПб. Государственная типография, 1897. С. 149.

⁶ Там же. С. 188-189.

⁷ Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). С. 375.

нии русским судам ходить по Амударье хан отказал. Переговоры с бухарским эмиром Насруллой оказались более успешными: стороны подписали торговые соглашения, были освобождены русские пленные и дано согласие на уменьшение пошлин с русских купцов – при условии, что аналогичные льготы будут предоставлены и бухарцам в России. Исследовательская задача миссии была, впрочем, выполнена: ее участники установили, что Амударья судоходна и вполне пригодна для плавания русских судов.

Имперские власти сочли миссию достаточно успешной: ее участники, равно как и лица, оказывающие ей содействие, были награждены; сам Н.П. Игнатъев получил звание генерал-майора и вскоре, как уже отмечалось, был направлен с еще более важной миссией в Китай. Однако сам Игнатъев в своих мемуарах оценил результаты своего посольства весьма низко, отметив многочисленные ошибки и просчеты тех, кто помогал ему в организации миссии – в первую очередь, оренбургского генерал-губернатора А.А. Катенина и начальника Аральской флотилии А.И. Бутакова.

Справедливости ради, впрочем, стоит отметить, что «Миссия в Хиву и Бухару...» имеет немалую ценность для исследования истории отношений Российской империи с ханствами Средней Азии в середине XIX в. Н.П. Игнатъев отличался большой наблюдательностью и достаточно подробно описал особенности государственного устройства и системы управления Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Он дал весьма важную характеристику расстановки политических сил, отметил, кто именно в обоих ханствах принимает решение, обратил внимание на специфику «азиатского» отношения к международно-правовым актам (противопоставив его «европейскому», подразумевающему скрупулезное соблюдение подписанных официальных актов): со многими предложениями российской дипломатии азиатские партнеры не могли согласиться по той простой причине, что смысл тех или иных «европейских» положений был им непонятен. Также представляют интерес соб-

ственные предложения Игнатьева по дальнейшему развитию отношений с ханствами (достаточно агрессивные, следует отметить). Четкость и обоснованность его суждений создали дипломату репутацию знатока Востока – не случайно он в 1861-1864 гг., как уже упоминалось, возглавлял Азиатский департамент МИДа.

Однако если обратиться к оценке хода и результатов самой миссии, то опытный дипломат и вдумчивый исследователь предстает перед нами в куда менее привлекательном образе резкого и язвительного критикана, всячески стремившегося обелить и превознести себя за счет обвинения других в ошибках и неудачах. Обвинения в адрес А.А. Катенина и А.И. Бутакова начинаются уже на стадии организации миссии. При этом как-то не принимается во внимание, что, когда Катенин приступил к организации миссии, включая подбор ее участников, подготовку провианта, транспорта и пр., сам начальник миссии отдыхал в Италии и палец о палец не ударил для ее подготовки. Зато, когда Игнатьев прибыл в Оренбургский край и обнаружил, что еще не все готово, а многое сделано не так, как он ожидал, то обрушился с упреками на генерал-губернатора и его подчиненных, усмотрев в их действиях намеренное воспрепятствование успеху его дипломатической миссии.

Кроме того, когда А.А. Катенин, который являлся не только оренбургским генерал-губернатором, к этому времени уже успевшим сформировать представление о политической ситуации в регионе, но и другом отца Н.П. Игнатьева (как пишет сам дипломат, Катенин был «ему семейно знакомый»), решил дать молодому полковнику несколько рекомендаций по ряду аспектов его миссии. Однако избалованный быстрым карьерным ростом и придворными связями, Игнатьев встретил его рекомендации с неприкрытой враждебностью, восприняв их как стремление какого-то провинциального начальника навязать ему – представителю центральных властей! – свою волю. В воспоминаниях о миссии в Бухару и Хиву (написанных, впрочем, спустя более трех с половиной десятилетий после смерти А.А. Кате-

нина) он не жалел черных красок, характеризуя главу оренбургской администрации. По его словам, «генерал-губернатор... смотрел на Оренбургскую степь и прилежащие ханства, как на свою вотчину и, при непомерном самолюбии и заносчивом характере, не допускал, чтобы в его владения вступал и принимал начальство над чинами, командирруемыми для экспедиции из Оренбургского ведомства, – штаб-офицер с независимым в Петербурге положением флигель-адъютанта его величества. Катенин был недоволен решениями комитета и приходящими из Петербурга распоряжениями»⁸. При этом он противопоставлял «самодуру»-губернатору себя самого как носителя независимого мнения: «ему не нравилось, что во главе посольства находится флигель-адъютант, имеющий непосредственный доступ к государю, и хотя ему семейно знакомый, но обладающий независимым характером, не легко поддающимся административному давлению или постороннему влиянию»⁹. Рекомендации Катенина насчет оптимального пути следования миссии Игнатьев осмеял, опять же, не упустив случая воспеть собственные действия: «Думая распорядиться как под Красным Селом, на маневрах [по воспоминаниям современников, именно успешными действиями на маневрах во главе Преображенского полка Катенин снискал милость императора Николая I – Р.П.], генерал-адъютант Катенин, не воображаясь с политическими обстоятельствами, характером сношений ханов с нами и между собою, а также местных и климатических препятствий, сделал все распоряжения для обратного следования посольства из Бухары снова через Хиву и Усть-Урт. Усмотрев уже в Оренбурге неудобоисполнимость сего плана, я письменно предупредил начальника края о невозможности заранее предпринять вопрос о предпочтительности направлений моего обратного путешествия, тем более, что одною из це-

---

⁸ Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году флигель-адъютанта, полковника Н. Игнатьева. С. 6.

⁹ Там же. С. 17.

лей моего отправления было составление маршрутов и карты и изучение страны на возможно большем пространстве»¹⁰. Резюмирует же свои впечатления от взаимодействия с генерал-губернатором Н.П. Игнатьев следующим образом: «Г. А. Катенин, человек способный и энергичный, но крайне самолюбивый и самонадеянный, даже в самых незначительных мелочах, и привыкший действовать по-сатрапски, преследовал всякое неодобрение и разномыслие, требуя от всех пребывающих в крае личного себе поклонения и считая всякое противоречие за злостную враждебность и интригу. Известно было, что все письма контролировались и переписка, посылавшаяся из степи чрез Оренбург, с нарочным, распечатывалась»¹¹. Подобная характеристика абсолютно не соответствовала действительности – в частности, характеристикам, данным Катенину другими современниками и последующими исследователями¹². Молодой полковник, не стесняясь, приводит в воспоминаниях свои послания как собственному отцу, так и директору Азиатского департамента МИДа Е.П. Ковалевскому, в которых он жаловался на действия Катенина и пытался заручиться их поддержкой в своем противостоянии с генерал-губернатором¹³.

Ставя целью свалить всю вину за провал миссии на оренбургского генерал-губернатора, Игнатьев предпочел забыть, что А.А. Катенин фактически спас не только миссию, но, вероятно, и жизни ее участников. Дело в том, что, долгое время, не получая сведений о судьбе посольства, он поступил так, как В.А. Перовский за двадцать лет до этого: задержал в Оренбуржье всех хивинских купцов и не отпус-

---

¹⁰ Там же. С. 45.

¹¹ Там же. С. 40.

¹² См. Записки Н.Г. Залесова / Ред. Н. Длусская // Русская старина. 1903. Т. 114. № 7. С. 21; Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова. Оренбург: Паровая типо-литография «Т-во печатного дела Каримов, Хусинов и К», 1907. С. 186.

¹³ Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году флигель-адъютанта, полковника Н. Игнатьева. С. 39-41, 48.

кал их, пока не получил сведений о том, что миссия благополучно покинула пределы Хивы¹⁴. Несмотря на то, что миссия в Бухару увенчалась бóльшим успехом, в целом дипломат оценил результаты миссии как неудачные. И, конечно же, виноватым в ее провале снова был Катенин, у которого, по словам Игнатьева, «сложилось убеждение, что всякий независимый от него человек, идущий в степь, для него может сделаться опасным в Петербурге, разоблачением существовавших непорядков, а потому он непременно хотел заручиться моею будущею подчиненностью, стараясь увлечь блестящими предложениями»¹⁵. Именно несогласие с его позицией и следованием указаниям центральных властей, как полагал Игнатьев, обусловили действия генерал-губернатора, препятствовавшие успешной реализации посольством его задач.

Не заладились отношения и между Н.П. Игнатьевым и А.И. Бутаковым. Глава дипломатической миссии, к 26 годам уже успевший получить чин полковника и флигель-адъютанта, не скрывал своего скептического отношения к результатам 10-летних изысканий начальника Аральской флотилии, называя их «смелыми бумажными предположениями»¹⁶. Кроме того, он постоянно подчеркивал свое верховенство над Бутаковым, при любом случае стараясь сослаться на распоряжения петербургских властей, в особенности – начальника Азиатского департамента Е.П. Ковалевского.

По всей видимости А.И. Бутаков попытался поставить на место чрезмерно амбициозного главу миссии, при этом не слишком хорошо знавшего обстановку в Средней Азии, прекрасно известную самому начальнику Аральской фло-

---

¹⁴ Залесов Н. Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 году // Русский вестник. Т. 92. 1871. С. 50; Халфин Н.А. Три русские миссии. Из истории внешней политики России на Среднем Востоке во второй половине 60-х годов XIX века. Ташкент: Изд-во САГУ, 1956. С. 55.

¹⁵ Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году флигель-адъютанта, полковника Н. Игнатьева. С. 41.

¹⁶ Там же. С. 37.

тилии. Однако добился лишь того, что в своих мемуарах Н.П. Игнатьев дал ему совершенно уничижительную характеристику: «Начальник Аральской флотилии Бутаков (Алексей) жил несколько лет в форте № 1 и снедаемый, скукою и желанием прославиться, считал Аральское море и впадающую в него Аму-Дарью своим исключительным достоянием, собираясь заведовать всеми изысканиями и стяжать исключительную славу, сопряженную со входом в эту реку первых русских военных судов. Увлеченный давно взлелеянной мечтой, он готов был встретить ревниво, недружелюбно и даже враждебно всякое лицо, по положению своему отнимающее у него руководящую власть. Искреннего, сердечного содействия новоприезжему из Петербурга начальнику трудно было от него ожидать»¹⁷, а несколько ниже: «Я не знаком лично с Бутаковым, но по тому, что я слышал о нем в Оренбурге и по словам Можайского (моряк, бывший в составе посольства) должен предположить, что Алексей Бутаков не совсем похож на возвышенно честных и самоотверженно благородных двух братьев своих. Судя, вероятно по себе, он вероятно напрасно вообразил, что я намерен действовать эгоистично, обойтись без участия флотилии и предоставить исключительно себе славу экспедиции по р. Аму. Сильно ошибся Бутаков, если думал так»¹⁸, и, наконец: «Под видом добросердечного моряка скрывается честолюбец не чуждый интриги. Он очень умен и образован, но слишком себялюбив и лукав иной раз, что несовместимо с обязанностями доброго и полезного слуги Отечества в этом дальнем крае»¹⁹.

Противоречия и своеобразное «местничество» между начальником Аральской флотилии и главой дипломатической миссии были неизбежны с самого начала: в то время как центральные власти предписали А.И. Бутакову (который к этому времени дослужился до звания капитана 1 ран-

---

¹⁷ Там же. С. 6.

¹⁸ Там же. С. 86.

¹⁹ Там же. С. 239-240.

га и, следовательно, в чинах был равен с Игнатьевым) «всемерно содействовать» успеху миссии Н.П. Игнатьева, оренбургский генерал-губернатор А.А. Катенин, которому Аральская флотилия подчинялась непосредственно, предоставил ей определенную свободу действий, обоснованно полагая, что ее начальник, имея многолетний опыт пребывания в Приаралье сам решит, каким образом можно принести большую пользу дипломатической миссии.

Кроме того, оказалось, что исследования русла Амударьи, проведенные А.И. Бутаковым на начальном этапе своего пребывания в этом регионе, в конце 1840-х гг., уже неактуальны: за прошедшее десятилетие ее русло оказалось засорено, а рукава значительно обмелели. В результате морякам Аральской флотилии пришлось заново проводить промеры, что привело к срыву сроков встречи с членами миссии. Раздраженный задержкой судов А.И. Бутакова, Н.П. Игнатьев в своих письмах отцу (включенных в текст его воспоминаний) остроумно, как ему казалось, описывал, как отправил топографа «на разведку и на открытие Бутакова, от которого ни слуха, ни духа»²⁰, не упустив, таким образом, случая пройтись и по поводу чрезмерной увлеченности начальника Аральской флотилии научными изысканиями.

Когда же флотилия, наконец, подошла к хивинскому городу Кунград, Н.П. Игнатьев, всецело сосредоточенный на целях своей миссии, предписал А.И. Бутакову немедленно двигаться по Амударье далее, надеясь, что решительность и напор российских моряков заставят хивинские власти стать сговорчивее и позволить (вернее, молчаливо согласиться) на проход кораблей через свои воды. Более того, он, противореча сам себе, сначала приказал Бутакову двигаться дальше только с разрешения властей, а чуть позже распорядился не ждать этого разрешения и объяснять дальнейшее продвижение тем, что на кораблях находятся дары дипломатической миссии хивинскому хану и Бухар-

---

²⁰ Там же. С. 74-75.

скому эмиру. Однако А.И. Бутаков не желал рисковать вверенными ему кораблями и решил сначала провести промеры будущего пути следования. В результате он установил, что в настоящее время дальнейшее следование по Амударье для флотилии невозможно, и есть риск потерять корабли, о чем он и написал главе миссии²¹. В результате Н.П. Игнатьев обвинил его, во-первых, в очередном срыве запланированных сроков следования дипломатической миссии, во-вторых, в том, что он внушил беспокойство хивинским властям тем, что проводил исследования русла Амударьи (хивинцы решили, что это – подготовка к очередному вторжению России в пределы ханства), и, наконец, в том, что, не пройдя дальше Кунграда, он лишил самого Н.П. Игнатьева такого важного козыря в переговорах с ханом как возможность упомянуть «находящиеся под боком» корабли военно-морского флота Российской империи. Последнее обвинение было необоснованным, поскольку, хотя корабли Аральской флотилии и не миновали Кунград, слухи о флотилии, дошедшие до хана оказались весьма грозными: так, хивинцы считали, что в распоряжении А.И. Бутакова есть некие «подводные корабли», способные незаметно дойти до Хивы, а также, что русские войска в большом количестве собраны у границ ханства (что не опровергали и моряки флотилии)²²²³. Все это заставило хивинского хана согласиться с рядом условий русско-хивинского договора. Тем не менее, в своих мемуарах Н.П. Игнатьев пошел еще дальше и фактически обвинил А.И. Бутакова (равно как и поддерживавшего его генерал-губернатора А.А. Катенина) в провале своей миссии в Хивинском ханстве.

Двуличие Игнатьева проявилось и в том, что все обвинения в адрес Катенина и Бутакова он сформулировал в

---

²¹ Залесов Н. Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 году. С. 465, 471.

²² Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году флигель-адъютанта, полковника Н. Игнатьева. С. 151.

²³ Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). С. 374-375.

мемуарах, опубликованных в 1897 г. (т.е. спустя почти 40 лет после смерти Катенина и почти 30 лет после смерти А.И. Бутакова). Непосредственно же по итогам миссии он повел себя совершенно иначе, признав в отчете по итогам миссии ценность исследований русла Амударьи и высоко оценив «распорядительность и деятельность» А.И. Бутакова во время миссии. В рапортах генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу и морскому министру он ходатайствовал о награждении начальника и офицеров Аральской флотилии²⁴, однако в итоге А.И. Бутаков был награжден орденом св. Анны 2-й степени все же в результате хлопот А.А. Катенина, а не Н.П. Игнатьева.

Однако, повторимся, все это было написано Игнатьевым в 1897 г., тогда как в вышеупомянутом отчете представил собственное мнение о ситуации в Средней Азии, которое было весьма близко к позиции А.А. Катенина и его подчиненных, расходясь с ней лишь в деталях. В частности, оба сходились на том, что неуспехи дипломатических контактов с Хивой и Кокандом следует компенсировать военным продвижением в Среднюю Азию²⁵.

Забавной выглядит попытка Игнатьева приписать себе заслуги по улучшению отношений с мятежными кочевыми подданными Российской империи – в частности, с казаками Младшего жуза, чьи враждебные действия против России поддерживали хивинские власти. В течение более чем года А.А. Катенин вел переговоры с предводителями мятежников (причем в этом ему препятствовали даже некоторые собственные чиновники) и сумел убедить многих из них вернуться в Россию, обещав амнистию.

Однако Н.П. Игнатьев, совершая свою миссию в Хивинское ханство, имел возможность пообщаться по пути с некоторыми из сдавшихся мятежников и в своих воспо-

---

²⁴ Калинин А.И. «Такими офицерами мог бы гордиться любой флот». Документы об участии российских моряков в миссии Н.П. Игнатьева в Хиву и Бухару. 1857-1859 гг. // Исторический архив. 1996. № 4. С. 23, 31.

²⁵ Об этом см. Хевролина В.М. Указ. соч. С. 66-69.

минаниях целиком и полностью приписал заслугу в их сдаче себе. По его словам, получалось, что Катенин, несмотря на все свои дипломатические усилия, не сумел добиться доверия мятежников, тогда как молодой полковник из Петербурга, прежде никогда не имевший дела с кочевниками, за считанные дни сумел завоевать их доверие, убедить в бесперспективности дальнейшей борьбы, их «безвыходном и жалком положении». И якобы вскоре по всей степи разнеслись «вести о ласковом приеме и моих угощениях»²⁶. Удалось Игнатьеву и пообщаться с одним из самых влиятельных мятежных казахов – батыром Исетом Кутобаровым (которого, по словам Игнатьева, Катенину так и не удалось поймать), причем, чтобы подчеркнуть «объективность» сведений о своих заслугах, он даже включил в воспоминания выдержку из воспоминаний другого участника его посольства – Н.Г. Залесова, впрочем, вырвав необходимый ему фрагмент из общего текста повествования²⁷. Следуя своей версии о желании Катенина удовлетворить лишь собственные амбиции, Игнатьев завершил рассказ об этом случае характерным пассажем: «Ожидаю, что Катенин будет очень недоволен случившимся и моим невольным вмешательством в дело с Исетом. Вероятно, оренбургское начальство постарается изобразить это событие перед Петербургом совершенно иначе или в ином свете. Бог с ним. Я исполнил свой долг»²⁸. Однако свидетельства современников, служивших в оренбургской администрации, опровергают его утверждения и позволяют считать умиротворение мятежников заслугой именно А.А. Катенина²⁹.

Однако другие участники событий (в т.ч. и участники миссии Игнатьева) совершенно иначе оценили действия А.А. Катенина, противопоставив его дипломатичность и

---

²⁶ Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году флигель-адъютанта, полковника Н. Игнатьева. С. 60.

²⁷ Там же. С. 63-64.

²⁸ Там же. С. 68.

²⁹ Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771-1867 годы). Алма-Ата: Наука, 1964. С. 450-452.

знание ситуации в регионе амбициозности и самонадеянности молодого дипломата, а также отметив ведущую роль генерал-губернатора в организации миссии. Лучше всего необъективность Игнатьева отражает тот факт, что участники его посольства не только представили собственную интерпретацию хода и результатов миссии, но и остались на службе в Оренбургском крае, став деятельными сотрудниками А.А. Катенина.

Таким образом, записки графа Игнатьева по содержанию и стилю представляют собой яркий пример собственной апологии и преувеличения собственной роли в государственной жизни страны, что в полной мере объясняется его полной и несправедливой, по его мнению, отставкой и, соответственно, крахом карьеры.

Библиография

Источники и документы:

1. Галкин М.Н. Выдержки из дневника следования в 1858 г. из Оренбурга в Хиву Киргизской степью и Амударьей / Галкин М.Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб.: Изд. Я.А. Исакова, 1868. С. 164-189.
2. Залесов Н. Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 году // Русский вестник. Т. 91. № 2, 3. 1871. С. 421-474.
3. Залесов Н. Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 году // Русский вестник. Т. 92. 1871. С. 42-82.
4. Записки Н.Г. Залесова / Ред. Н. Длусская // Русская старина. 1903. № 7. С. 21-37.
5. Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова. Оренбург: Паровая типо-литография «Т-во печатного дела Каримов, Хусаинов и К», 1907.
6. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771-1867 годы). Алма-Ата: Наука, 1964.

7. Калинин А.И. «Таковыми офицерами мог бы гордиться любой флот». Документы об участии российских моряков в миссии Н.П. Игнатьева в Хиву и Бухару. 1857-1859 гг. // Исторический архив. 1996. № 4. С.22-34.
8. Килевейн Е.Б. Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сеид-Мохаммед Хана, 1856-1860 // Записки Императорского Русского географического общества. 1861. Кн. 1. Отд. II. С. 95-108.
9. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году флигель-адъютанта, полковника Н. Игнатьева. СПб.: Государственная типография, 1897.

Исследования:

10. Блуднова Е.Ю. Мемуары Н.П. Игнатьева как исторический источников. Дисс. ... канд. ист. наук. М.: РУДН, 2007.
11. Дмитриевский А.А. Граф Н.П. Игнатьев как церковно-политический деятель на православном Востоке. По неизданным письмам его к о. архимандриту Антону Капустину. СПб.: Типография В. Киршгбаума, 1909.
12. Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М.: Наука, 1974.
13. Халфин Н.А. Три русские миссии. Из истории внешней политики России на Среднем Востоке во второй половине 60-х годов XIX века. Ташкент: Изд-во САГУ, 1956.
14. Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатьев. Российский дипломат. М.: Квадрига, 2009.
15. Mackenzie D. Count N.P. Ignat'ev; the father of lies? New York: The Columbia University Press, 2002.

**Кавказские посредники в российской имперской
политике на Северном Кавказе.
Мемуары Мусы Кундухова**

Руслан Мамедов

История взаимоотношений народов, населяющих земли Кавказа с представителями России насчитывает уже несколько столетий. В силу различных факторов, как позитивных, так и негативных, складывалась сложная и многогранная парадигма выстраивания отношений. С началом активной колонизации Кавказа представители имперской политики прибегали к использованию различных практик выстраивания отношений с местным населением. Одним из способов колонизации и интеграции Кавказа в общеимперское сообщество была избрана практика аманатства. По сути добровольного или вынужденного заложничества. Представители кавказской знати в юном возрасте отправлялись на обучение в имперские учебные заведения, чаще всего военного направления, по окончании которых возвращались на Кавказ, но уже в ранге представителей политики Российской империи. Используя данную практику, российская администрация рассчитывала на помощь горцев аманатов. Будучи представителями местных народов и зачастую исповедуя ту же религию, что и местное население, созданные «солдаты империи» – но горцы по происхождению – должны были стать своеобразным посредником между колонизируемым населением и имперской действительностью, какой она представлялась её функционерам.

Однако горец аманат зачастую оказывался перед роковой дилеммой о месте собственной личности в развивающейся картине действительности.

Обратившись к мемуарам видного деятеля эпохи активной колонизации Кавказа Мусы Алхастовича Кундухова, мы можем попытаться воссоздать то, каким образом представитель местных народов Кавказа воспринимал российскую экспансию. Благодаря изучению мемуаров Мусы Кундухова мы попытаемся обратить внимание на то, как автор создаёт концепцию собственной личности в мемуарах; как посредник аманат, используя различные примеры и практики, создает аутентичную парадигму действительности, чем он руководствуется, какие факторы влияют на отображение различных событий. Мы также попытаемся выяснить, каким образом на посредника влияет практика аманатства, и как мы можем проследить это в мемуарах Мусы Кундухова. И, наконец, как Муса Кундухов, быстро продвигавшийся по служебной лестнице и обладавший всеми «благами» представителя империи, приходит к радикальному решению, изменившему не только его судьбу, но и повлиявшему на историю целых народов. В данном исследовании мы не претендуем на выяснение достоверности реалий, описанных в рассматриваемых мемуарах, для этого потребовалась бы иная база источников и отдельное исследование. Мемуары будут интересовать нас как один из аутентичных источников личного происхождения, в котором хотелось бы обратить внимание именно на авторское восприятие и конструирование действительности.

Биография Мусы Кундухова в разное время вызывала интерес у целого ряда учёных. Исследователи обращались как к изучению пребывания Кундухова в Российской империи, так и к деятельности генерала после эмиграции в Османскую империю. Благодаря целому ряду работ, и непосредственно самим мемуарам, можно достаточно точно воссоздать жизненный путь автора.

Муса Алхастович Кундухов, уроженец аула Саниба, был пятым сыном осетина мусульманина Алхаста Кундуха

и Долет Ханым, урожденной Дударовой, представителей осетинской знати – алдаров. В двенадцать лет в качестве аманата Муса Кундухов попадает в Петербургский Павловский корпус, откуда по истечении шестилетнего обучения в 1836 году выпускается в должности корнета при кавалерии и направляется на Кавказ для несения службы. В 1837 году сопровождает в качестве переводчика императора Николая I во время его посещения Кавказской линии. Быстро продвигаясь по служебной лестнице, он уже в 1841 году был произведен в капитаны, награжден орденами Святой Анны 3-й степени (а позже 1-й и 2-й), Святого Владимира 4-й степени и Станислава 2-й степени. После ряда неудач в Чечне и Дагестане М.С. Воронцов, главнокомандующий всеми войсками на Кавказе, в 1848 году обращается лично к Мусе Кундухову с предложением принять участие в переговорах с представителем движения горцев имамом Шамилем. Там Кундухову предложено выступить посредником между имамом и российской администрацией. Однако переговоры, в силу различных причин, не увенчались успехом. Вот что пишет по этому поводу Кундухов: «Переговоры мои сначала шли очень удачно, но, к сожалению, под конец они не состоялись. Шамиль требовал независимости от русских всех горцев, бывших тогда под его властью, на что князь согласился, исключая из этого числа Малую Чечню. К несчастью, в то самое время, при набеге около гор. Кизляра, небольшой чеченской партией был взят в плен один оставший русский майор, которого, не знаю за что, Шамиль приказал расстрелять. Поступок этот до того рассердил князя Воронцова, что, узнав о нем, князь прекратил с ним всякие переговоры»¹.

Муса Кундухов в том же году по приказу Воронцова во главе пополнения конно-горского полка отправляется в Варшаву, а в последствии в Венгрию для участия в подав-

---

¹ Мемуары Мусы Кундухова; Дарьял [Электронный ресурс]: http://biblio.darial-online.ru/text/Kunduhov/index_rus.shtml (дата обращения 23.04.2016.).

лении волнений на почве волны освободительных движений. Позднее он был вынужден покинуть службу и вернуться на Кавказ в связи с переходом его брата Хасбулата на сторону Шамиля. В период Крымской войны (1853-1856 гг.), уже в чине подполковника, М. Кундухов руководит организацией горского конного ополчения и участвует в крупных сражениях против турок в Закавказье. По ее окончании, получив звание полковника, он достигает значительных успехов не только на военном, но и на административном поприще.

В январе 1857 года Кундухова назначают начальником военного Владикавказского округа, где он разрабатывает проекты по преобразованию данной территории. В 1860 году Кундухов получает очередное продвижение по службе: в чине генерал-майора его назначают в один из самых проблемных для российской колонизации округов – Чеченский. «В Чечне прежняя вражда и ненависть к русским начинала оживляться с новой силою и надеждою, так что в Нагорной Чечне шатоевцы, чибирлоевцы и ичкерийцы восстали и начали осаждать русские крепости»,² – пишет Кундухов. Кундухов, на основании «Прокламации к чеченскому народу» от имени Александра II заявляет старейшинам чеченских селений, склоняя их к союзу с Российской империей: «Милость Государя чеченскому народу, объявленная уже вам на сборе всех почетных людей ваших, обрадовала меня больше, нежели вас самих. Более добра, более милости народу сделать нельзя. Каждый из вас вполне должен успокоиться не только за свою будущность, но и за будущность своих наследников». Кундухов также предотвращает всё нараставшие волнения в регионе: «Вступив в управление Чеченским округом, не теряя времени, я начал объезжать все аулы, где как духовенство, так и жители во всех аулах откровенно высказывали мне свои жалобы и неудо-

---

² Там же.

вольствия на окружное управление и опасения за их будущность»³.

В течение 1863 года администрацией кавказской линии рассматривается проект о переселении чеченцев с их земель и основании целого ряда казачьих станиц с целью окружения «непокорных чеченцев» и водворения порядка. Мусе Кундухову предлагается возглавить организацию данной операции и надзор за переселением, однако будучи противником подобного метода, как крайне неблагоприятного и способного повлечь за собой новые волнения на всей территории Кавказа, Кундухов видит единственный выход из сложившейся ситуации в переселении недовольных русской политикой в Османскую империю: «Во избежание бесполезного кровопролития я рекомендовал ходатайствовать у Великого Князя дозволения желающим переселяться в Турцию, объявив всенародно, что не желающие русского подданства могут переходить в Турцию, и убедил его в том, что из Чечни много переселится народу, и тем водворится в крае желанное спокойствие».

В мае 1864 года проект переселения, разработанный генералом Кундуховым, одобрен императором Александром II и уже в августе того же года Кундухов отправляется в Стамбул для переговоров с правительством Порты о переселении горцев. По прибытии из своей поездки генерал представляет рапорт, в котором сообщается о согласии османской стороны на переселение горцев, более того Кундухов планирует лично возглавить переселение. Вследствие целого ряда встреч и переговоров с представителями чеченских и карабулакских старшин Муса Кундухов убеждает их в необходимости переселения в Османскую империю: «Я объявил им, что переселение совершится сухим путем по Военно-Грузинской дороге и со всеми удобствами. Они остались очень довольны и поклялись готовиться к переселению, не делая беспорядков в крае». Первые группы мухаджиров этой волны переселения отправляются в направ-

---

³ Там же.

лении Военно-Грузинской дороги в мае 1865 года, однако по прибытии в Турцию мухаджиреы расселяются османскими властями вопреки первоначальному проекту. Не вблизи российской границы, а в менее пригодных для горцев районах Диарбекира и Эрзинджана. Муса Кундухов с частью осетинских и кабардинских семейств поселяется в селении Батманташ округа Токат. В конце 1866 года Кундухов отправляется в Стамбул с прошением о предоставлении ему соразмерной его способностям должности на службе у «Высокой Порты». В марте следующего 1867 года Муса Кундухов был представлен к званию Мир-лива (бригадный генерал). Не оставляя без внимания сложное положение части мухаджиров, в 1868 году Муса-паша выступает с предложением о созыве съезда представителей аристократии, духовенства и старшин Сиваского вилайета с целью преодоления критической ситуации, сложившейся вследствие конфликтов среди переселенцев и местного населения, а также организации незаконных формирований мухаджиров на территории вилайета. Собравшийся в июле 1868 года съезд принял и одобрил выработанный лично Кундуховым свод правил, регулирующий отношения в мухаджирском сообществе. При посредничестве военного министра постановления съезда были переданы на рассмотрение правительства, однако власти Османской империи придерживались несколько иного взгляда на положение горцев. Опасаясь усиления местной мухаджирской элиты и возможность организации незаконных военных формирований из горцев, совет министров на заседании 31 августа 1868 года постановил поручить командованию 4-й императорской армии дозор над раздельным переселением горцев с целью растворения эмигрантов среди местного населения. Опасаясь усиления активности колонизаторской политики Англии в Азии и вследствие обострения русско-турецких отношений, правительство Российской империи отправляет генерала Фадеева в Стамбул с целью налаживания связей с мухаджирской общественностью для ее использования в противовес английской политики, а также исключения вариан-

тов, при которых горцы в очередном возможном русско-турецком конфликте будут сражаться в составе османской армии. Во время встречи с сыном Шамиля Гази-Мухаммадом и Мусой Кундуховым Фадеев предлагает создание автономного государства горцев на границе Афганистана под эгидой Российской империи, однако представители горцев-эмигрантов отклоняют данное предложение. С ухудшением российско-турецких отношений вследствие обострившегося «восточного вопроса» в конце 70-х годов XIX века Муса-паша вновь предпринимает попытку организации мухаджиров для возможной интервенции на Кавказ в составе османской армии. Так, в поданной записке на имя великого визиря и военного министра Кундухов предлагает в случае начала боевых действий подготовить и высадить на черноморском побережье десант, состоящий из горцев переселенцев. С началом кампании 1877-1878 года Кундухов принимает участие в формировании десанта, состоящего из мухаджиров, высадившегося севернее Сухума в середине мая 1877 года. Муса-паше также было предложено лично отбыть в Абхазию для ведения боевых действий, однако Кундухов отказался, заявив, что османские силы десанта слишком малочисленны для удачного проведения кампании на Кавказе. Тем не менее Муса-паша принимает активное участие в этой войне на восточноанатолийском фронте. Возглавляя добровольные иррегулярные формирования мухаджиров, он принимает участие в ряде сражений, оказавшихся крайне неудачными в связи с неорганизованностью и непривычной формой ведения боевых действий для горцев. В начале июня 1878 года Муса Кундухов освобожден от командования иррегулярными добровольческими формированиями и назначен командующим 1-ой пехотной дивизией на Анатолийском фронте. В боях под Бег-ли-Ахметом и Владикарсом сначала в качестве командующего кавалерийской дивизией, а позднее начальника штаба анатолийской армии Муса-паша реабилитирует свое положение и проявляет себя как подготовленного военного.

На заключительном этапе войны Кундухов принимает участие в переговорах с представителями российских оккупационных войск о сдаче Эрзерума. После подписания Берлинского трактата и ухода русских из Эрзерума Мусапаша, получивший к тому времени звание ферики (бригадного генерала), был назначен военным комендантом города и вилайета, где принимает активное участие в налаживании обострившихся отношений между христианским и мусульманским населением. В 1879 году Кундухов переведен в Сивасский вилайет, где принимает участие в подавлении мятежей и пленении лидера курдских племен шейха Убейдуллы, командуя 8-й бригадой 4-й императорской армией. В 1888 году османское правительство направляет Кундухова в составе экспедиционного корпуса в Багдадский вилайет для подавления волнений среди местных племен Хаманда и Шаммар. Вскоре Муса Кундухов покинул службу и поселился в своем имении в Эрзеруме, где в 1889 году скончался и был похоронен в мечети Нарманлы джами рядом с могилой своего старшего брата Хасбулата – бывшего наиба Шамиля. Итак, ознакомившись с биографией Мусы Кундухова, мы перейдем к непосредственному анализу его мемуаров. Рукопись Мусы Кундухова, переданная его внуком Шевкетом Кундухом, и впервые опубликованная в парижском эмигрантском журнале «Кавказ» в 1936-1937 годах представляет собой воспоминания о пребывании в Российской империи генерал-майора, впоследствии дивизионного генерала Османской империи, Мусы Алхастовича Кундухова. Спустя год после публикации в Париже, некоторые главы мемуаров были переведены и опубликованы в англоязычном журнале «The Caucasian Quarterly», а в России мемуары Кундухова были изданы в полном объеме лишь спустя более полувека после первой публикации, в 1995 году в журнале «Дарьял».

Принимаясь за написание мемуаров, уже будучи поданным Османской империи, Муса Кундухов в предисловии к своей работе обозначает задачи и цель её написания. Претендуя на последовательное добросовестное изложение

фактов и свидетельств, собранных в ходе «двадцатидевяти-летней моей службы в России», мемуары являются структурированной работой, поделенной на 12 глав, излагающих события, отобранные автором и характеризующие, с его точки зрения, описанную эпоху. Временные рамки работы Мусы Кундухова поддаются достаточно чёткому определению. Начало первой главы повествует о посещении Кавказа императором Николаем I в 1837 году. В последних же главах автор упоминает о событиях, произошедших на Кавказе уже после его эмиграции, и, скорее всего, известных ему из рассказов мухаджиров поздних волн, датированных автором 1868 годом. Мемуары представляют интерес как произведение, описывающее взаимоотношение российской администрации и колонизируемого населения Кавказа данного периода, чему Кундухов уделяет основное внимание. Здесь дается авторская оценка освободительному движению горцев, основным событиям этого периода Кавказской войны, действиям российской администрации на Кавказе, личностным характеристикам, как уполномоченных империи, так и представителей местных народов, участников событий. Автор упоминает также своё пребывание в составе экспедиционного корпуса в Польше и Венгрии для подавления национально-освободительных движений. В тексте присутствует как описание событий, непосредственным участником которых был автор, так и заимствованные свидетельства. Следует отметить также наличие бытовых и порой хрестоматийных рассказов, которыми автор иллюстрирует и подтверждает свои размышления, опираясь на которые Муса Кундухов делает определённые выводы и обуславливает свои действия. Однако наш основной интерес к мемуарам Мусы Кундухова вызван вниманием к формированию личности автора, а также к авторским способам конституировать действительность под воздействием различных факторов – реальных и воображаемых. Существование на границе культурных миров, по-разному взаимодействующих между собой, вызывает у автора целый ряд вопросов о месте его личности в этом соприкосновении и о моральной и

политической оценке своей деятельности, вызванной и оправданной теми или иными событиями. Во вступлении к тексту автор предстает перед читателем как человек, пытающийся с помощью бумаги и пера ответить на ряд вопросов, возникающих перед ним самим.

Одной из первостепенных проблем, возникающих при работе с мемуарами, является внимание к интересу, благодаря которому Муса Кундухов приступил к написанию мемуаров: «У кого что болит», – заявляет автор «о истине», побудившей его взяться за написание мемуаров. Таким образом, М. Кундухов акцентирует внимание на необходимости написания своей работы. Возможно, сложное положение горцев, эмигрировавших в Османскую империю, нарастающее недовольство среди мухаджиров, вызванное бедственным и порой критическим положением эмигрантского сообщества, и, наконец, обвинение в адрес Кундухова во лжи и предательстве, в попытках склонить горские народы к переселению и принятию подданства Порты, среди части эмигрировавших представителей кавказских народов, побудили Кундухова к попытке оправдания своего личного выбора. Выступая с обвинениями в адрес российской администрации на Кавказе, рисуя неблагоприятную картину колонизации края для горцев, автор ставит перед «лучшей частью народа» жизненно важный вопрос: остаться в России и покориться, и быть обращенными в христианство, потеряв свою культуру и историю, или же, эмигрировав в Османскую империю и слившись с единоверным народом – «османлы», сохранить свой самобытный дух и, вернувшись в составе освободительной армии, очистить Кавказ от колонистов: «Не желая своему потомству горькой участи, я обязан искать ему отечество, и выбор мой, как мусульманина, пал на Турцию, где, безукоризненно слившись сердцем и душой с османлы, оно будет с ними долить скорбь и радость своего отечества... а здесь стыдно и грешно нам слиться с врагом, лишившим нас отечества и всех прав»⁴.

---

⁴ Там же.

Однако вследствие эмиграции, мухаджиреы сталкиваются с целым рядом проблемных ситуаций: возникших как на бытовом уровне, в связи с конфликтами с местным населением, так и в отношениях с правительством Османской империи. Возможно, именно чувство вины играет основную роль в создании мемуаров, оправдание перед горцами в невозможности должного обустройства их быта в эмиграции. Интерес к общественно-политической жизни мухаджиров, продемонстрированный автором в мемуарах, является для Кундухова одним из способов реабилитироваться в глазах некоторой части горцев. Одним из аспектов нашего исследования также является стратегия представления автором собственной личности в произведении по отношению к российской гражданской и военной общественности. Представляя себя как верного солдата царя и империи, Кундухов остаётся верным собственному народу и не может, несмотря на долг службы, противостоять своей сущности: «А кто счастьем считает только чины и ордена, тот может быть по своим понятиям, позволит себе сказать, что я, не оценив щедрые награды русского правительства, как неблагодарный человек, перешел в Турцию. На это, кроме того, что читатели поймут, ниже скажу, что я, как солдат, принадлежал царю, но, как человек, ни в каком случае не мог не принадлежать народу». Оправдание перед российской общественностью в «предательстве» империи, облагородившей его и предоставившей все возможные блага, сталкивается с описанием критического положения собственного народа, попыткой объективного обоснования своего выбора, представлявшегося автору единственно правильным, и согласованным с собственными представлениями о совести и морали, и наконец авторским оправданием перед историей и потомками.

Следует также обратить внимание на один из аспектов мемуарной работы: каким образом автор мемуаров конституирует свою личность относительно тех или иных исторических событий? Как он связывает себя с историей, какое место отводит для своей личности в рамках исторического

процесса? Вслед за И. Паперно мы поставим вопрос об «историческом сознании» М. Кундухова, о том, как автор соотносит собственное «я» с событиями истории. Кундухов, связывая свою фигуру с теми или иными историческими событиями, пытается дать определение собственной личности в событиях эпохи. Говоря о концепции мировосприятия горцев, автор акцентирует внимание на их развитии. Характеризуя их ментальные наклонности, Кундухов обращается к историческому процессу. Будучи представителем имперских интересов и в то же время принадлежа к колонизируемым народам, к представителям иной культуры, автор оказывается перед выбором, или вернее целым рядом выборов, задаваясь постоянным вопросом, в зависимости от сложившейся ситуации, как действовать. Представитель российской администрации Муса Кундухов обнаруживает неразрывную связь с аспектами обычного права собственной культуры, встретив кровника своего рода и убив его. Таким образом, Кундухов невольно становится заложником адата (обычного права у горцев). Автор раскаивается в этом поступке: «Тут выстрелом из пистолета своего исполнил данный мною обет и Бехо был убит (в чем раскаиваюсь)». Таким образом, он обнаруживает себя в совершенно нетипичном для него как горца ракурсе. Как бы задаваясь вопросом об истинном положении своего «я», Кундухов пытается воссоздать в мемуарах свою модель поведения, при этом, безусловно, проводя неразрывную связь с культурой собственного народа, и, в каком-то смысле, придавая этой культуре историческую последовательность. Автор осознает себя как часть исторического процесса развития своего народа, активного политического деятеля и историческую личность: «...я не мог не принадлежать народу. И потому должен был переселиться туда, куда лучшая часть его, в числе более ста тысяч дворов, бросая все, кинулась спасаться от жестокого преследования». Стремление автора к описанию событий реальной действительности неразрывно сопровождается наличием субъективного авторского начала. Различные события предстают перед нами в авторской ин-

терпретации с использованием различных шаблонов, сложившихся в авторском видении действительности, в связи с чем в мемуарах неминуемо возникает элемент специфической авторской окраски, основаный на личностных психологических установках, авторской проекции действительности.

Любой текст, так или иначе, не может существовать вне культурной традиции, пласта окружающих его работ, имеющих общие черты, приёмы, посылы. Влияние этого атмосферного пространства не может не отобразиться на формировании содержания работы. Человек не имеет возможности находиться в разрыве с историческим временем, в котором он существует и действует. Текст обладает культурной памятью и существует в неразрывной связи с работами современников, а также предшествующими его появлению текстами. Работая над мемуарами Кундухов, возможно, бессознательно прибегает к образам, нарративным формам, принятым в культурной традиции Российской империи той эпохи. Уже в первых строчках сказывается русское аристократическое образование, данное Кундухову, сыну алдара мусульманина, попавшему в 1830 году в Санкт-Петербург, бурно развивающийся общественный и культурный центр и столицу империи того времени. Павловское Военное училище, общение и дружба с представителями российской военной и интеллектуальной элиты во многом предопределят и создаст модель мировосприятия «корнета из горцев»: «Что же касается до наград моих, то я их не выслужил и не получил как милость по протекции: в продолжение всей моей службы никогда не позволял себе подумать ни о трудности, ни об опасности там, где надлежало исполнить долг службы. Все чины и ордена, кроме корнета и генерал-майора и короны на орден св. Анны 2-ой степени, получил за отличие в делах против неприятеля», – пишет автор мемуаров, по-видимому, рассматривая «неприятеля» как любого противника Российской империи. Кундухов прибегает к образам, популярным в имперской аристократической традиции той эпохи, – презрению к погоне за чи-

нами и наградами, гимнам истинной справедливости и чести, тем самым отсылая читателя к образам героев Грибоедова, Пушкина, Лермонтова: «А кто счастьем считает только чины и ордена, тот может быть по своим понятиям, позволит себе сказать, что я, не оценив щедрые награды русского правительства, как неблагодарный человек, перешел в Турцию...». Описывая те или иные события, автор прибегает к сложившимся в его сознании имперскими проекциями о Кавказе, вступившими во взаимодействие с местными моделями восприятия действительности. Говоря о «туземных и примитивных обычаях» горцев, Кундухов в тоже описывает честь и доблесть кавказского характера: «Мы, понимая истину, что русские подобными блестящими камнями, чинами, золотом и серебром хотят помрачить навсегда блеск (нур) Кабарды, просим Бога, чтобы отныне навсегда всякий кабардинец отворачивался как от харама (запрещенного) от русских подарков и чинов, от которых мы, как от харама, перед нами и перед потомством омываем себя вот этой Баксанкой. Со словами этими подарки из рук князей полетели в глубину быстротекущего Баксана. В это время из среды съезда раздались многочисленные громкие голоса: – Афорни! (браво). Вот что значит чистая кровь! Вот что требует намус (честь)». Так перед нами предстают хрестоматийные и порою полумифические образы Бейбулата Таймиева и Хаджи-Мурата Хунзахского, к которым в разное время обращались как историки, так и литераторы.

Вопросом также является то, каким образом автор структурирует и конституирует собственную работу. В некоторых моментах, приёмах описания, перед нами предстаёт типичный представитель военной элиты России того времени, генерал и общественный деятель с собственным взглядом на политические и социальные аспекты той эпохи: «К глубокому сожалению система, избранная правительством на Кавказе в буквальном смысле основана на праве сильного. Начальство в отношении народного управления действовало по своему произволу, вопреки своим за-

конам и туземным обычаям. В политике обман, изворотливость и противоречие до той степени были допущены, что народ перестал верить и бывшим благомыслящим начальникам». Кундухов, возможно сам того не осознавая, вписывает себя в целую плеяду мемуаристов, участников и свидетелей событий колонизации Кавказа. Не соотнося себя с какой-либо «традицией», автор воспроизводит привычные для него концепции отображения действительности в мемуарном аспекте своей деятельности, характерные для представителей колониального движения на Кавказе. Вопросом для нас также представляется политическая и идеологическая составляющая мемуаров. Критикуя позицию представителей имамата Шамиля в попытке государственного устройства и ведения антиколониальной борьбы, Кундухов вырабатывает концепцию, в его понимании более «передовую» и «современную». Автор всеми возможными способами старается использовать своё положение для привлечения внимания к кавказской общественности. Так, в составленных им записках к администрации Кавказской линии описывается бедственное положение горцев с целью привлечения внимания и изменения ситуации. Кундухов также рассматривает возможности на определённых условиях добровольного перехода Кавказа под протекторат Российской империи. Кундухов видит благоденствие и процветание Кавказа в установлении доверительного в политическом и социальном аспектах отношения с местными народами со стороны российского руководства края, путём введения законов, объявления прокламаций и просвещения горцев. Однако вследствие целого ряда инцидентов, Кундухов изменяет свои взгляды на будущее горцев и видит единственным правильным шагом эмиграцию представителей кавказских народов в единоверную Османскую империю с последующей консолидацией кавказских народов и освобождением Кавказа, в результате освободительного похода в составе турецкой армии для установления кавказской государственности: «Вечером сын мой спросил меня, зачем я ездил в Стамбул. Я открыл ему свое намерение пе-

реселиться в Турцию и тем предоставить потомству нашему случай и возможность с помощью миллета (народа) Ислама вернуть нам священный Кавказ».

Кундухов в мемуарах не предстает русофобом и противником Российской империи, напротив, изобличает российское правительство, избравшее ошибочную и порою преступную политику. Здесь характерным представляется диалог Кундухова с одним из станционных смотрителей, в котором последний выражает скорбь о будущем переселенцев: «Ваше Превосходительство, какое сердце не заплачет, видя эту печальную картину. Ведь надо Бога бояться. Земля их родная, зачем мы их гоним Бог знает куда? Я их спрашиваю, куда они едут. Говорят, что в Турцию, но что с ними будет там, они сами не знают. Из сказанного смотрителем я убедился в том, что правительство русское поступает в действиях своих против русской природы».

Будучи в эмиграции, Муса-паша также не оставляет попыток систематизации и, возможно, юридической кодификации права мухаджиров, созывая съезды представителей эмигрантской общности и пытаясь создать устав, регулирующий отношения между мухаджирами. Кундухов предстаёт перед читателем мемуаров как представитель политических интересов горцев. Видя и провозглашая возможность политического существования горцев, мы можем проследить эволюцию выработки политической концепции Мусы Кундухова от Кавказа в составе Российской империи к провозглашению возможности существования свободного Кавказа. Далее нам бы хотелось обратиться к практике аманатства и её непосредственному влиянию на создание модели мировосприятия автора мемуаров.

Практика аманатов была распространена на территории Руси еще со времени Ордынского нашествия. Так, после подписания соглашений победившая сторона обязывала проигравших к аманатской присяге. Само слово аманат имеет арабские корни и означает ряд договорных исламских практик (в т.ч. *амана*, заключенное Богом с человеком), откуда оно вошло и в тюркские языки, где и получило

буквальную трактовку: «заложник», «залог», «поручитель».

С началом эпохи колонизации Кавказа Российская империя прибегает к практике использования аманатов, что явилось одним из аспектов политических отношений с колонизируемыми народами. Зачастую для закрепления двухсторонних договоров представителей аристократических фамилий выдавали в аманаты в знак подтверждения политической лояльности. Таким образом, Российская империя, заручившись гарантией безопасности в том или ином регионе, продолжала расширение собственных границ. Кроме собственно политических вопросов, выражавшихся в лояльности местной аристократии к российской администрации, власти пытались решить и другую проблему – формирования у местного населения иного отношения к российскому правительству через аманатов, овладевших в учебных заведениях империи русским языком. Приобщившись к имперским реалиям, они призваны были стать посредниками, благодаря которым местное население могло бы формировать определенную концепцию восприятия имперской администрации, олицетворяемой представителями собственных народов. Система аманатства, использовавшаяся имперской администрацией на Кавказе, строилась на имперском же восприятии колоний. Представители знати колонизируемых народов, «облагороженные» русской культурой, и обучающиеся в учебных заведениях империи, воплощали в себе образ колонизируемого, безусловно знающего о своей земле больше, чем колонизатор. Таким образом, по возвращении на Кавказ для проведения службы аманаты призваны были стать посредниками между правительством империи и колонизируемыми народами. Аманат также выступал как носитель «идеального» представления о культуре колонии, с точки зрения империи, именно с ним сталкивалась колонизаторская политика, используя аманатов как инструмент в создании различных имперских проектов восприятия Кавказа.

Практика аманатства находит свое отображение и в рассматриваемых мемуарах Мусы Кундухова. Не раз обращаясь к теме аманатства, автор, анализируя данную практику, осуждает политику Российской империи на Кавказе. Автор мемуаров пишет: «В корпусах же не допускали горцев до определенного там курса наук, а выпускали их офицерами в армейские полки не по успехам в науках, как выпускали русских, а по достижении полного возраста, не обращая внимания, умеют ли они даже читать и писать». Кундухов обращает внимание на то, что любой порядочный человек по мере своих возможностей старался не отправлять своих сыновей в аманаты. В отрыве от своей культуры горцы также забывали местные кавказские традиции и по возвращении на родину для ведения службы вызывали неприязнь среди местного населения. Автор также указывает на критическое положение аманатов, содержащихся в русских крепостях на Кавказе вместе с арестантами, в следствие чего по возвращении на родину аманаты зачастую питали неприязнь ко всему русскому, видя во всех действиях российской администрации желание путем обмана и коварства колонизировать Кавказ.

На примере Мусы Кундухова весьма показательна практика аманатства. Будучи сыном мусульманина, Кундухов после передачи в аманаты получает российское военное образование в Петербурге. Проникшись русской и отчасти европейской культурой, Кундухов вынашивает планы кардинальной реорганизации жизни горцев, создания единой законодательной системы, отмены «варварских» и «первобытных» обычаев, интеграции и приобщения горского общества к общероссийским и европейским реалиям. Однако со временем Муса Кундухов сталкивается с отрицательным отношением к себе со стороны российской администрации и имперской общественности. Вследствие целого ряда примеров нежелания рассматривать горцев как равных союзников и отсутствие стремлений развивать регион со стороны колонизаторов приводит автора мемуаров к заключению о том, что вся политика российского прави-

тельства на Кавказе является ошибочной и приводит лишь к разжиганию очередных конфликтов: «К глубокому сожалению система, избранная правительством на Кавказе в буквальном смысле основана на праве сильного... вместе с тем во имя политических интересов исчезало уважение к веками освященным правам, преимуществам и обычаям горцев. Преследование некоторых народов доходит до невероятия».

Не используя аманата в благих целях, Россия пренебрегает возможностью ознакомления горцев с передовыми культурами и идеями – считает автор мемуаров. Таким образом, горец, взятый в аманаты, зачастую оказывается на разломе двух разных моделей мировосприятия, представляя собственную, он оказывается зачастую перед роковым выбором и постоянным вопросом о месте своей личности во взаимодействии разных культур, одновременно близких и далеких от его парадигмы конструирования и восприятия действительности.

Проблему интеграции аманатов на Кавказе и вопрос о пользе данной практики для российской политики в регионе рассматривают и представители имперской администрации. Так, барон Розен в своем рапорте к императору о снаряжении выпускников военно-учебных заведений при отправлении на Кавказ ставит вопрос о целесообразности использования аманатов и их пользе для правительства, предлагая отказать выпускникам «из горцев» в положенном им полном военном обмундировании, а использовать его впоследствии как способ награждения за усердную службу, однако лишь по истечении двух лет. Горцам также запрещалось использовать личные средства для составления обмундирования. Таким образом, представители колонизаторской политики на Кавказе также ставят под сомнение эффективность использования представителей местных народов, тем самым выражая сомнения в их пользе для правительства. Отсюда и повсеместное подозрение аманатов в связях с освободительным движением горцев. Так, несмотря на достижения Мусы Кундухова в военной службе,

часть администрации Кавказской линии все же относилась к нему с недоверием, подозревая Кундухова в связях с воюющими горцами под предводительством Шамиля. Чувство взаимного недоверия было характерно для взаимоотношений кавказских властей и «мирных» горцев. Используя систему доносов, зачастую ложных, администрация не упускала возможности обвинить аманатов в связях с «непокорными» и заключения их под стражу. Это произошло и с братом Мусы Кундухова – Хаджи Мурзой, который, «разуверившись в обещаниях российского правительства, в 1843 г. присоединился к Шамилю и ушел в Чечню».

Пример Мусы Кундухова является наглядным отображением действительности той эпохи. У аманата, по сути вырванного из собственной культуры, выстраивается собственная модель мировосприятия, не являющаяся в то же время исключительно имперской. Таким образом, аманат, созданный с целью посредничества между колонизаторами и колонизируемыми, оказывается исключенным из обеих моделей действительности как имперской, так и местной (кавказской). Хотя практика аманатства изначально была задумана лишь как один из способов проведения колонизаторской политики Российской империи на Кавказе, ее последствия были гораздо более широкими и отразились не только в политическом аспекте взаимоотношений народов, но и в социокультурной парадигме выстраивания отношений между колонизаторами и колонизируемым населением. Анализ мемуаров Мусы Кундухова отчетливо показывает влияние практики аманатства на мировоззрение одного из ярких политических деятелей эпохи кавказской войны. Автор мемуаров, используя при этом различные шаблоны и примеры, заимствованные как из имперской, так и из собственной культуры, оказывается на границе культурных миров, вступивших во взаимодействие.

Находясь в таком «пограничном» состоянии, аманат сталкивается с целым рядом вопросов и пытается найти на них ответы. Действуя в окружающей его действительности, он прибегает к заимствованным шаблонам и приёмам,

вступившим во взаимодействие в созданной им самой модели. Призванный для воплощения колонизаторской политики империи аманат не только не способствовал распространению влияния России на Кавказе, но иногда усугублял отношения между российской администрацией и представителями народов Кавказа.

Библиография

Источники:

1. Мемуары Мусы Кундухова; Дарьял [Электронный ресурс]: http://biblio.darial-online.ru/text/Kunduhov/index_rus.shtml, (дата обращения 23.04.2016.).
2. РГВИА Ф. 395 Оп. 144/437, Д. Корнет Кундухов 142. Л. 11. (Неопубликованный источник).
3. Милютин Д. А. Воспоминания. 1816-1843. М.: Студия «Тритэ», 1997.

Исследования:

4. Аманат / Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб. 1890-1907.
5. Бобровников В. О. Мухаджирство в «демографических войнах» России и Турции // Восток. М.: 2010. №2. С.68-78.
6. Ганич А.А. Алдар из Тагаурии // Дарьял. Владикавказ: 2003. № 4. С.164-177.
7. Дегоев В.В. Генерал Муса Кундухов: история одной иллюзии. [Электронный ресурс]: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2003/11/degoev.html> (дата обращения 23.04.2016).
8. Кантемир А. Муса Паша Кундухов // Кавказ №4/28. Париж. 1936. С. 13-19.
9. Краева Т.В. Мемуары как источник по истории представлений. Образ русской революции в воспоминаниях В. Сержа // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург:

Изд-во Урал. ун-та, 2005. №. 5. С. 308-313.

10. Паперно И.А. Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель. М.: НЛЮ, 2010. №103.
11. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях с древнейших времен до Ермолова. Вып. 1. Изд. 2-е. Спб. 1887.
12. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М.: «АИРО–XXI», 2008.
13. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Репринтное издание 1860 г. СПб.
14. Альфарет, 2012.
15. Чочиев Г.В. Генерал Муса Кундухов: некоторые факты жизни и деятельности в эмиграции // Кавказский сборник. 2006. Т.3. № 35. С. 65-87.

Мемуары Софьи Семеновны Чекиной: Автобиография без биографии

Юлия Клочкова

Ныне европейцы выброшены из своих
биографий, как шары из бильярдных луз.

О. Мандельштам. Конец романа (1922)¹

Мемуары Софьи Семеновны Чекиной (1888-1964), написанные в 1948 году, привлекли наше внимание в связи с интересом к судьбе и творчеству Вячеслава Петровича Чекина (1868-1925), писателя и журналиста, с 1910 по 1918 год работавшего в газетах Екатеринбурга. О том, как они были использованы для реконструкции биографии В.П. Чекина, создавшего в своих фельетонах живой и остроумный портрет Екатеринбурга начала XX века, мы писали в статье «Мемуары как основа творческой биографии: к истории семьи С.С. и В.П. Чекиных, журналистов и театральных деятелей»². Как отдельный феномен был проанализирован эпизод из воспоминаний С.С. Чекиной об организации при Ярославском драматическом театре им. Волкова агитационного театрального Плавучего (в орфографии автора Пловучего) парохода, курсировавшего по Волге и Каме в 1920 году³.

---

¹ Мандельштам О.Э. Сочинения. В 2 т. Т. 2. Проза. М.: Художественная литература, 1990. С. 201–205.

² Театральная мемуаристика: Одиннадцатые Междунар. научные чтения Театральная книга между прошлым и будущим. М.: РГБИ, Три квадрата, 2015. С. 174-194.

³ Театральный пароход: гастрольная поездка по Волге и Каме в 1920 году передвижного Плавучего театра (пролетарской драматической студии при Ярославском драматическом театре имени Ф.Г. Волкова) в мемуарах ее организатора С.С. Чекиной // Искусство театра: Вчера. Сегодня. Завтра: вып. 7: сб. статей. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2013.

В 2013 году нам было известно (по указанию члена семьи Чекиных Татьяны Георгиевны Чекиной) только о первой части этих воспоминаний, хранящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства⁴. На конференции по театральной мемуаристке Российской государственной библиотеки искусств⁵, благодаря встрече с зам. директора Центральной научной библиотеки Союза театральных деятелей Людмилой Сидоренко, выяснилось, что РГАЛИ хранит лишь часть мемуаров, а полностью они находятся в библиотеке СТД⁶. Скорее всего, они были заказаны С.С. Чекиной Мемуарной комиссией СТД, созданной в конце 1920-х годов. Коллекция этих мемуаров, представляющая замечательный источник для изучения истории русского театра, сохранена благодаря стараниям директора библиотеки Вячеслава Петровича Нечаева⁷.

Мемуары Софьи Семеновны Чекиной представляют несомненный интерес, но не столько как рассказ о личной судьбе, а скорее как документ эпохи; использовать их в качестве источника сведения о жизни давно забытого провинциального фельетониста практически невозможно, настолько ничтожно количество деталей о жизни семьи в этих воспоминаниях: причины этой особенности мы попытаемся раскрыть здесь. Однако они содержат любопытные сведения о театральной жизни 1920-30-х годов, и ранее неопубликованные части будут проанализированы в этой статье.

Начинаются мемуары с любопытного предупреждения: «Я очень далека от мысли привлечь внимание чита-

---

С. 63-80.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2413. Оп. 1. Ед. хр. 1061.

⁵ РГБИ. Одиннадцатые Международные научные чтения Театральная книга между прошлым и будущим, 2014.

⁶ РО ЦНБ СТД РФ. Фонд Коллекций мемуаров театральных деятелей. С.С. Чекина.

⁷ Подробно о коллекции см.: Сидоренко Л.Ю. Коллекция мемуаров театральных деятелей, хранящаяся в ЦНБ СТД РФ // Театральная мемуаристика: Одиннадцатые Междунар. научные чтения Театральная книга между прошлым и будущим. М.: РГБИ, Три квадрата, 2015. С. 60-67.

телей лично к себе. Но так сложился мой 40-летний творческий путь, так много интересных и ярких ситуаций, встреч и событий было в моей жизни, что, мне кажется, они могут представить некоторый интерес, и только поэтому я приступаю к своим запискам. Но поскольку совершенно невозможно осветить события, непосредственным участником которых я была, ничего не говоря о себе, – я постараюсь это сделать как можно лаконичнее и только в связи с общественными и творческими событиями, передающими дыхание определенной эпохи, общественный, моральный и политический колорит жизни».⁸ «Лаконизм» воспоминаний весьма специфичен: например, Софья Семеновна подробнейшим образом передает разговоры с А.М. Горьким и М.Н. Ермоловой, случившиеся в далекой юности, однако практически опускает описание редакций дореволюционных газет, ссылаясь на плохую память и гибель дневников, документов и писем в годы гражданской войны. Практически ничего она не пишет о творчестве мужа, лишь несколько раз упоминая его в мемуарах. Еще одна характерная для воспоминаний деталь: авторские оценки. Приведем пример одной из них: «“Уральская жизнь” на меня произвела впечатление газеты принципиальной, смелой, с демократическими тенденциями, хотя, позднее, *после Октября, это мнение мне пришлось значительно изменить* (курсив мой – Ю.К.)».⁹

На эти и подобные им свойства мемуаров Чекиной мы и ориентировались, когда выбирали названия статьи. А.М. Смелянский, характеризуя память мемуариста, находит очень точные слова: «перестраивающая реальность память <...> память истолковывающая, интерпретирующая, память, которая преломляется сквозь разные времена и ситуации». Эти слова посвящены характеру воспоминаний Михаила Чехова в автобиографии «Путь актера». Смелянский

---

⁸ РО ЦНБСТД РФ. Фонд Коллекция мемуаров театральных деятелей. – С.С. Чекина. Часть 1.

⁹ Там же С. 20.

считает, что в воспоминаниях Чехова срабатывает его же актерский принцип «пропускать реальность сквозь призму своего воображения, не скованного узостью мелкого бытового “я”». Этот принцип, по мнению А.М. Смелянского, должен относиться «и к вспоминающему человеку театра».¹⁰

Жизненный путь С.С. Чекиной связан с театром, но особым образом. Публикуя в дореволюционных газетах Поволжья и Екатеринбурга театральные рецензии и рассказы на театральные темы, играя на сцене любительских театров, после революции она занимается преимущественно организационной деятельностью. В 1918 году заведует молодежной студией при Ярославском театре им. Волкова (Пролетарской драматической студией), вместе с которой отправляется летом 1920 года в агитационное плавание по Волге и Каме на «передвижном плавучем театре». Переехав в Москву, работает в Театральном отделе Наркомпроса, заведующей Центральным управлением театров (ЦУТ), сотрудником Главреперткома, занимает различные организационные должности в московских театрах, в том числе Малом и Госцентюзе. То есть постепенно С.С. Чекина становится представителем советского театрального чиновничества, стоящего на страже новой идеологии и нового взгляда на искусство и жизнь вообще. Отсюда и специфика «перестройки реальности» в ее мемуарах.

Мемуары состоят из двух частей: первая часть – это жизнь до революции и в первые послереволюционные годы. Большая часть продолжения мемуаров посвящена гастролям Малого театра, где в то время работает С.С. Чекина, в Арктике (г. Игарка, остров Диксон).

Основной пафос первой части, где Чекина описывает дореволюционный период своей жизни – это обида на

---

¹⁰ См. Смелянский А.М. Театральные мемуары: правда и вымысел // Театральная мемуаристика: Одиннадцатые Междунар. научные чтения Театральная книга между прошлым и будущим. М.: РГБИ, Три квадрата, 2015. С. 50.

окружающий мир, не принимающий всерьез ее работу женщины – театрального рецензента, вообще отказывающий женщине из интеллигентной семьи в праве на трудовую деятельность вне семьи:

«Газету “Волжское слово” можно охарактеризовать модным в то время эпитетом «либеральная». Она уделяла довольно много места общественной жизни, была популярна, но мне в ней было как-то не очень по себе, может быть, потому, что я не чувствовала серьезного отношения к женскому труду и несмотря на то, что как журналистка я работала много, упорно и с увлечением, мне не раз мои коллеги говорили, что молодая женщина, посвящающая много времени работе, обкрадывает свою семью: мужа, детей, – уделяя им лишь крохи своих досугов. С болью я вспоминаю, что и в обществе, достаточно, казалось бы, интеллигентном, в котором я вращалась, к женскому труду относились с оттенком легкой иронии, с каким-то похлопыванием по плечу, которое можно было расшифровать может быть так: “Барынька забавляется”».¹¹

Годы работы в газетах Поволжья совпадают со временем недавнего замужества, рождением сына, однако Софья Семеновна посвящает этим, надо думать, счастливым моментам своей жизни одну-единственную фразу: «<...> меня захлестнули личные переживания. Я вышла замуж за журналиста Чекина (псевдоним Никто-не)»¹². Казалось бы, это право – не писать о личной жизни – она уже оговорила во вступлении, но один эпизод все-таки описан довольно подробно. Это арест мужа, Вячеслава Петровича Чекина, очевидно (даты здесь не указываются), в 1907 году:

«Неожиданно арестовали мужа, его обвинили в участии в подготовке вооруженного восстания в Сормове (пригород Нижнего Новгорода). Обыск продолжался всю ночь, собственно не дал никаких результатов, подтверждающих обвинение. У нас забрали много фото, в числе которых

---

¹¹ Там же. С. 16.

¹² Там же. С. 15.

между прочим были мои бывшие преподавательницы русского и французского языка, принятые агентами охраны за знаменитых «террористок», о чем они с торжеством заявили. Они забрали и всю нашу переписку, и много различных книг и документов, рукописей – вообще брали все подряд»¹³.

И хотя Вячеслава Петровича вскоре освободили, выбор именно этого эпизода, как и упоминание о личном знакомстве с Горьким, явно неслучайны.

Рассказ о работе в Екатеринбурге в основном наполнен все теми же сетованиями на пустоту и невнятность жизни до Октября, хотя Софья Семеновна продолжает публиковать свои рецензии и рассказы в екатеринбургских газетах, а семья участвует в жизни города, благотворительных спектаклях, концертах и прочих общественных мероприятиях. О творчестве своего мужа, заведовавшего литературным и театральным отделом газеты «Уральский край», позже переименованным в «Зауральский край», Софья Семеновна не упоминает ни слова. Хотя его публикации: стихотворные и прозаические фельетоны, стихи, статьи, обзоры литературы – публиковались в каждом номере газеты. Однако Софья Семеновна строго придерживается одной линии:

«Мне не в чем было упрекнуть себя. Все пьесы, о которых я писала, задолго до спектакля мною прочитывались, творческий путь рецензируемых актеров мной изучался, никаких “друзей” в театре я не имела, субъективным настроениям не поддавалась. Работала в своей области много, и ряд приглашений в различные города России на рецензентскую и литературную работу свидетельствовал, что я не была, как рецензент, на плохом счету. И хотя я продолжала работать и внешне казалась совершенно спокойной, я начала подумывать, что рецензирование надо оставить, что мир театра и его окружение опутано целой сетью предрассудков и традиций и что я в этом мире не

---

¹³ Там же. С. 19.

уживусь. Шли годы, я еще все работала, но глубокое раздумье овладевало мною все чаще, и я не знаю, чем бы оно кончилось, если бы не грянула революция».¹⁴

Настоящая жизнь Чекиной, как следует из воспоминаний, начинается в Ярославле. Семья планировала вернуться в Нижний Новгород в связи с усиливающимся напряжением в Екатеринбурге, к которому подступали белогвардейские части. Но на Волгу уезжает одна Софья Семеновна, причем в Ярославль, откуда пришло известие о болезни ее матери. И планы семьи, как и многих семей того времени, рушатся. В Ярославле вспыхивает восстание против большевиков, подавленное силами Красной армии, и окончательно устанавливается советская власть. Екатеринбург занимают части чехословацкого корпуса, власть переходит к антибольшевистскому Временному областному правительству Урала, сюда планирует перенести ставку Сибирской армии А.В. Колчак. После того, как красные вновь отбивают город в 1919 году, колчаковская армия начинает свое движение в Сибирь, и категорически не принимавший власть большевиков В.П. Чекин, как и множество екатеринбуржцев следует по тому же пути, оказавшись вначале в Омске, где печатается в омских белогвардейских газетах, а затем в Иркутске. Супруги расстаются до 1920 года, как неожиданно точно будет указано в воспоминаниях Софьи Семеновны. Сын Игорь все эти годы был с отцом. Здесь в воспоминаниях возникает некоторая путаница во времени. Рассказывая о своем отъезде в Ярославль, Софья Семеновна напишет:

«Как я тогда была далека от мысли, что мне не суждено будет вернуться в Екатеринбург и что не на одну неделю, а на много лет я рассталась с мужем и любимым сынишкой, так как Ярославль сделался жертвой белогвардейского мятежа, а Екатеринбург заняли Чехословаки» (орфография автора). Далее из воспоминаний станет известно, что Вяче-

---

¹⁴ Там же. С. 23.

слав Петрович с сыном приедет в Ярославль летом 1920 года:

«Летом, когда мы ездили с Пловучим театром, Нарообраз перевел из Иркутска на работу в Ярославль моего мужа, который, как оказалось, был в Сибири, получил там извещение о моей смерти и совершенно случайно узнав, что я жива и работаю в Ярославле, запросил Нарообраз и получил от него предложение переехать в Ярославль. С мужем был и мой сынишка. Семью я не видела больше трех лет».¹⁵ Гастроли Пловучего, по орфографии автора, театра состоялись в 1920 году. Уезжала Софья Семеновна из Екатеринбурга не позже начала июля 1918 года, по крайней мере, упоминая о нахождении в Екатеринбурге царской семьи, она не пишет об их расстреле, кроме того, в начале июля в Ярославле уже бушевал мятеж, а корпус чехословаков занял Екатеринбург в конце июля. Откуда появляются 3 года?

Здесь необходимы несколько слов о судьбе Вячеслава Петровича Чекина, тем более, что приведенные строчки – это последнее упоминание о нем в мемуарах. Происходил Чекин из дворянской семьи, хотя и небогатой. Новую власть, как уже упоминалось, не принял, о чем свидетельствуют его стихи, опубликованные в 1917 году. Приведем несколько строчек, поскольку они некоторым образом проливают свет на упорное нежелание Софьи Семеновны рассказывать о деятельности мужа хотя бы в екатеринбургский период. В смутный период между двумя революциями Чекин публикует достаточно красноречивые стихи. Таковы, например, стихи «Ленинская неделя», напечатанные в газете «Зауральский край» 3 июля 1917 года:

Ленин, Ленин, Ленин.

Ленин без конца.

В хаосе событий

Левого дельца.

Адвоката мира,

---

¹⁵ Там же. С. 51.

Как ни поверни,
Он глаза мозолит
Руси в эти дни.
Окружен созвездьем
Темных молодых,
С каждым днем наглет
Вождь большевиков <...>

Не в точности выражения мысли, но по силе эмоций эти строки напоминают известные стихи Мандельштама о Сталине: «А вокруг него сброд тонкошеих вождей, / Он играет услугами полулюдей». И после установки в Екатеринбург советской власти 26 октября (8 ноября) 1917 года пессимизм преобладает в стихах, публикуемых на страницах газеты «Уральская жизнь», где недолгое время Чекин занимал пост редактора. «Словесные бублики», 27 октября 1917 года:

Совет Республики
За речью речь,
Печет, как бублики, –
Довольно печь.
Слова красивые –
В них много лжи:
Шаги правдивые
Нам покажи.

Разумеется, такие строки, да и само движение В.П. Чекина по колчаковскому пути могло скомпрометировать советского номенклатурного работника, и С.С. Чекина предпочла не распространяться о муже. Жизнь его оборвалась в 1925 году в Ярославле, как удалось выяснить из служебной автобиографии его сына Игоря Чекина (1908-1970)¹⁶, сценариста и драматурга, парторга Мосфильма, ко-

---

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 40. Ед. хр. 1406.

торый по тем же причинам, что и мать, очень скупно писал об отце¹⁷.

Свое положение в Ярославле Софья Семеновна отнюдь не воспринимает как трагическое, хотя, как она утверждает, о семье, о маленьком сыне она ничего не знает. Но не это ввергает ее в трепет:

«Несмотря на то, что я сознавала, как трудно мне, совершенно никому неизвестной здесь, получить работу, ничего не имея при себе, кроме паспорта, зная, как после мятежа настороженно и подозрительно подходят ко всем неизвестным людям, особенно представителям интеллигентных профессий, я все-таки решила попытаться это сделать – не могла не только материально, но и морально жить без работы, привыкнув к труду с самых юных лет. И смущаясь, волнуясь, в трепетном страхе, что мне не поверят, я направилась к редактору Ярославских известий, он же председатель Ревтрибунала, рассказала ему о своем трудном положении, о своей прошлой работе и попросила взять меня на испытательный срок на любую работу. К моей безграничной радости, редактор сразу согласился и сказал, что в основном он проверит мои силы как театрального рецензента, но что пока мне придется делать все, что понадобится. Я помню, что, к моему стыду, я расплакалась и сказала: “я так боялась, что вы мне не поверите”, на что редактор мне спокойно и уверенно ответил: “почему вы так думали, у нас всегда есть возможность проверить человека, когда это нам нужно”».¹⁸

---

¹⁷ В результате семья Игоря Вячеславовича до недавнего времени ничего не знала о В.П. Чекине, хотя своего родного сына И.В. Чекин назвал Святославом, и домашнее имя у него было таким же, как у деда – Слава (по сообщению родственников В.П. Чекина по материнской линии). Святослав Чекин (1947-1991) учился во ВГИКе у С. Герасимова и Т. Макаровой, снимал документальные и игровые фильмы, успешно занимался джазом. В его судьбе тоже случился екатеринбургский (свердловский) эпизод: здесь в 1974 году С. Герасимов снимал кадры фильма «Дочки-матери», к которому С. Чекин написал музыку.

¹⁸ Там же. С. 26-27.

В газете, руководимой председателем Ревтрибунала, Софья Семеновна работала недолго, ее, как и большинство представителей интеллигенции, перебрасывают в городской отдел народного образования (Наробраз), в секцию художественного воспитания. Софья Семеновна все ближе к театру, ее карьера взлетает до заведующей Ярославским драматическим театром им. Ф.Г. Волкова и его молодежной студией, чему способствует знакомство с А.В. Луначарским, осуществляющего в городах Поволжья контроль над партийными группами и советскими учреждениями. С благословения Луначарского Софья Семеновна возьмется за организацию агитационного театра, куда войдет молодежная студия. На бывшей мучной барже, где был оборудован зрительный зал, прицепленной к буксирному пароходу, летом 1920 года со 2 июня по 1 сентября (здесь Чекина уже не скупится на точные даты), студия посетила Ярославскую, Костромскую, Иваново-Вознесенскую, Нижегородскую, Казанскую, Вятскую, Пермскую (снова Урал!) губернии¹⁹.

Контрастом к предыдущим описаниям работы в Поволжье и Екатеринбурге звучат мажорные слова о деятельности большевиков, представляющие идеологические привычные штампы, многократно повторяемые в документах, лозунгах, советских газетах и речах на разнообразных заседаниях и собраниях:

«Здесь, в этом обгоревшем, обезображенном городе я воочию убедилась, как замечательно строят, созидают, творят большевики <...>. Здесь, в атмосфере, насыщенной большим трудом и творчеством, широко развернулись неиссякаемая энергия большевиков, их горение, их чуткость и забота о советских людях, их невиданный мною никогда в жизни страстный энтузиазм. Вот когда мне стало

---

¹⁹ О деятельности Плавучего театра см. «Театральный пароход»: гастрольная поездка по Волге и Каме в 1920 году передвижного Плавучего театра (пролетарской драматической студии при Ярославском драматическом театре имени Ф.Г. Волкова) в мемуарах ее организатора С.С. Чекиной // Искусство театра: Вчера. Сегодня. Завтра: вып. 7: сб. статей. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2013. С. 63-80.

совершенно понятно, почему я сразу и без колебаний пошла за большевиками. Даже не анализируя, что они несут с собой в жизнь, такую до революции смутную и тяжелую»²⁰.

В подобной тональности будут написаны все последующие страницы воспоминаний, в которых все меньше будет сведений о личной судьбе, и все больше «правильных», идеологически выверенных оценок происходящего в стране. Мемуары все очевиднее будут восприниматься не как передача реальности, а как последовательное утверждение советского мифа о трудностях, которые неуклонно преодолеваются ради всеобщего счастья и светлого будущего.

Следующая должность Софьи Семеновны – уже в Москве, в ТОО Наркомпроса:

«Он ведал всеми профессиональными театрами страны, всей их творческой и финансовой жизнью, он же сосредоточил в себе и руководство самодеятельностью. Конечно, это была громадная работа. Стоили колоссальных усилий в тяжелые годы войны, в исключительно трудные годы советской экономики, в условиях голода, холода, ненормально работающего транспорта планировать, помогать строить репертуар, вести все театральное хозяйство. К тому же надо учесть, что далеко не сразу все театры осознали значение Октябрьского переворота, далеко не сразу поняли свои задачи и обязанности, далеко не сразу правильно восприняли все, что сможет дать Революция нашей стране. И надо было очень тонко, очень осторожно воздействовать на психику работников театра, помочь им самим пристально присмотреться к новой жизни, понять чаяния советских людей, понять, что должно нести с собой искусство в условиях советского строя. И здесь огромную роль сыграл А.В. Луначарский, его авторитет был исключителен, ему верили, за ним шли, и в политических и моральных сдвигах, в утвержде-

---

²⁰ Там же.

нии новых творческих традиций, его значение было очень велико»²¹.

Уже по этим строкам заметно, какое большое значение С.С. Чекина придает администрированию. В дальнейшем в воспоминаниях она будет создавать образ чиновника – мудрого советчика, изначально понимающего, какое содержание должен вкладывать драматург, писатель в свои произведения.

В части, посвященной Главреперткому, этот образ станет центральным, практически сдвинув на периферию тех, кто непосредственно создавал театральное искусство. Напротив, как будет ясно из мемуаров, у их автора нет сомнения в том, что именно работа чиновника является творчеством. Чекина стояла у истоков создания Главреперткома, организации, сыгравшей зловещую роль в творческой судьбе многих выдающихся советских драматургов, кино и театральных деятелей. Созданный в 1923 году (в мемуарах: «в апреле 1923 года получил путевку в жизнь Главный Репертуарный Комитет, в котором я начала работать с 1-го дня его организации»), Главрепертком должен был рассматривать все драматические, музыкальные и кинематографические произведения, предназначенные для публичного исполнения, составлять и публиковать списки разрешенных и запрещенных произведений, его редакторы – посещать спектакли, репетиции и премьеры, проводить разъяснительную и политико-воспитательную работу с художниками, одним словом, осуществлять повсеместный тотальный надзор над зрелищными искусствами, представляя не просто цензуру, но политический советский орган. Характерно, что должность редактора заменяется в нем должностью политический редактор, не оставляя сомнения в том, что цензурирование новых творцов советского искусства сопровождалось строгим над ними же надзором:

«В его распоряжении был штат неплохих политредакторов и поэтому почти с самого начала своей деятельности

---

²¹ Там же С. 53.

Главрепертком начал завоевывать популярность среди творческих работников. Правда, приходится отметить, что признание нового органа контроля не было единодушно и на ряду с его сторонниками, понимавшими цель и значение его организации были и открытые противники, смотревшие на Главрепертком, как на специфическую “цензуру”. Тоже расслоение было и среди авторов, произведения которых проходили через Главрепертком и среди актеров, худруков и других работников театра и эстрады. Но значительное большинство из творческого мира сконтактировалось с Главреперткомом и морально поддерживали его. В первые годы деятельности Главрепертком играл доминирующую роль. Он принимал не только генеральные репетиции, но выезжал и на черновые. Каждый из наиболее квалифицированных работников был прикреплен к группе театров. Он обязан был читать все пьесы из репертуара прикрепленных к нему театров, помимо генеральных репетиций, просматривать черновые прогоны, выступать на обсуждениях в театрах и делать обстоятельные доклады председателю Главреперткома. Председатель обычно приезжал только на последнюю генеральную репетицию, к приему которой политредактор обязан был выправить все ошибки, допущенные театром в сценической трактовке произведения. В редких случаях, преимущественно, в Художественный и Большой театр руководство Главреперткома заезжало на последний черновой прогон, поэтому работа политредактора требовала большой четкости, творческой настроенности и большого творческого подъема. <...> Главрепертком и был призван упорядочить репертуар, выбросить из него все антихудожественное, порнографическое и бороться за создание здорового советского репертуара, как в театре, так и на эстраде»²².

Методы работы так же описаны в воспоминаниях, и в основном это запретительные меры. Как бы проговариваясь, автор рассказывает об обидах писателя Гумилевского,

---

²² Там же С. 58-59.

режиссера Таирова, драматурга Афиногенова, чьи произведения Главрепертком не допускал до зрителя, очень сожалея о политической недалекости авторов запрещенных произведений.

Это постоянное присутствие властной структуры в творческом процессе, вмешательство в каждый его этап не вызывало особого энтузиазма у деятелей искусства. И мы находим немало сведений о том, как учились они обходить цензурные препоны, договариваться, менять, чувствовать конъюктуру. Ярчайшее тому свидетельство – история постановки пьесы «Дни Турбиных» в Художественном театре, на многочисленных обсуждениях которой С.С. Чекина тоже присутствовала, поскольку, как она пишет в мемуарах, была «была прикреплена к театрам: Художественному, Малому, Камерному, Моссовету, Революции, театру им. Ермоловой, Реалистическому, Пролеткульту и к театру под руководством Каверина» [1, 59]. В книге А.М. Смелянского «Михаил Булгаков в Художественном театре» читаем: «В булгаковском альбоме по истории постановки “Дней Турбиных” подклеена выписка из протокола совещания. Еще до начала, предварительно, редактор Чекина высказала представителям МХАТ мнение заведующего театральной секцией тов. Блюма, что “Белая гвардия” представляет собой сплошную апологию белогвардейцев и, начиная со сцены в гимназии до смерти Алексея включительно, совершенно неприемлема, и в трактовке, поданной театром, идти не может. От Художественного театра присутствовали Марков, Судаков и Лужский. Это были уже опытные театральные бойцы, знающие толк не только в прямой атаке, но и в обходном маневре. Они с Чекиной по существу спорить не стали. Более того, сообщили, и это зафиксировано в протоколе, что “после просмотра генеральной репетиции и сами поняли, что создалось неприятное впечатление, но что этот спектакль, созданный молодежью театра, им очень дорог и они готовы

переделать постановку»²³. Так что Главрепертком выработывал у художников театра и слова не столько политическую грамотность, сколько навыки изворотливости и конформизма в новых условиях существования творчества.

И примером тому служит пьеса-памфлет М. Булгакова «Багровый остров», «генеральная репетиция пьесы гражданина Жюль Верна в театре Геннадия Памфиловича», где по ходу репетиции, которая проходит в присутствии цензора Саввы Лукича, лихорадочно делаются исправления, оперативно вносятся идеологически правильные поправки. Поставленная в Камерном театре А.Я. Таировым с разрешения Главреперткома в 1928 году (то есть в годы работы Чекиной), она очень быстро им же была снята. Под образом Саввы Лукича Булгаков выводит заведующего театральной секцией Главреперткома Владимира Ивановича Блюма, травившего писателя еще со времени постановки во МХАТе «Дней Турбиных», одного из самых агрессивных людей в театральном мире тех лет, по замечанию А.М. Смелянского²⁴. Пьеса, смелая и откровенная, демонстрирует не только отношение двух гениальных художников – драматурга и режиссера – к ситуации тотального контроля и одергивания, но и жажду высказать свою позицию, столь поздно дошедшую до читателя (до конца 1980-х годов в СССР пьеса не ставилась и не печаталась).

Как пример недогляда и ошибки Главреперткома приводит Чекина и постановку Мейерхольда «Великодушный рогоносец», и пьесы драматурга-рапповца Киршона, в момент создания мемуаров уже репрессированных и расстрелянных.

В противовес драматическим эпизодам в мемуарах Чекина приводит «золотой список» авторов и произведений, которые, правда, с доработкой после замечаний Главреперткома, увидели сцену и стали большими теат-

---

²³ Смелянский А.М. Михаил Булгаков в Художественном театре. М.1989. С. 95.

²⁴ Там же С. 94.

ральными событиями. И это список классики советской литературы, общепризнанных и растиражированных писателей, создававших эталонные, идеологически выдержанные произведения. Разумеется, Булгаков, чей «прекрасно поставленный спектакль в МХАТе, прошедший с огромным успехом, но, несомненно, имевшим немало моментов апологии белого движения» (речь идет о «Днях Турбиных» и «апология белых», хотя и несколько смягченная, в мемуарах остается) в этот список не входит:

«И кто не помнит каким большим событием были постановки пьес “Шторм” Билль-Белоцерковского в театре М.Г.С.П.С., “Любви Яровой” Тренева и “Бронепоезда” в Малом театре и МХАТе, как горячо принимали “Враги” М. Горького, как взволновал “Егор Булычев”, какой огромный успех имели “Бойцы” Ромашова, сколько откликов, споров вызвали “Аристократы” Погодина и его поэма “Поэма о топоре”, “После бала”, “Мой друг” и позднее с какой любовью была воспринята его пьеса “Человек с ружьем”, а как тепло были встречены “Дурак”, “Страх”, “Салют Испании”, каким успехом пользовался “Человек с портфелем” Файко, “Гибель эскадры” и “Платон Кречет” Корнейчука, “Растратчики” В. Катаева, “Первая Конная” и “Оптимистическая трагедия” В. Вишневского, как сильно прозвучали спектакли “Мятеж” и “Чапаев” по Фурманову, как весело и шумно приняли все комедии Шкваркина, особенно “Чужой ребенок”».²⁵

Эта часть мемуаров – прекрасный материал для темы «Власть и художественная интеллигенция», наглядная иллюстрация отношения власти к художнику, как к неразумному ребенку, которого надо направлять, поправлять и художественно выверять:

«Мне могут задать вопрос: в чем же и как Главрепертком помогал театрам и авторам? <...> несомненную пользу приносили беседы в театрах и обсуждения репетиций. Режиссура спектакля, его исполнители и руководство театра

---

²⁵ Там же. С. 65.

так с головой окунаются в процесс создания спектакля, так им насыщены и охвачены, что иногда они теряют чувство самокритики и чувство объективной оценки собственного труда. Представитель Реперткома, серьезно изучивший пьесу, приходя в театр на черновой прогон, смотрит на работу театра свежими глазами, воспринимая ее зрительно <...> проводимое обсуждение, а часто и индивидуальная беседа с отдельными актерами помогала им критически разобраться в своей работе, в трактовке образа, в степени гармоничности авторского замысла, и его сценического воплощения. <...> Сами актеры научились выступать, делиться своими мыслями, анализировать собственные ощущения и работу своих товарищей. Кто знаком с процессом прохождения пьес через Главрепертком, тот знает, что почти не было ни одной пьесы, которая принималась в Репертком зрелой и творчески законченной. Прочитав пьесу политредактор, а нередко и председатель долго беседовали с автором и указывали ему, почему пьеса еще нуждается в поправках <...> И очень редко авторы не соглашались с мнением Реперткома, тогда, конечно за ними оставалось право обжаловать решение»²⁶.

В свете сегодняшних знаний, как проводились такие беседы и чем они заканчивались, как «делились мыслями» актеры на бесконечных собраниях, черня и уничтожая своих товарищей, эта светлая фраза приобретает зловещий оттенок.

В 1935 году «творческий» путь С.С. Чекиной в стенах Главреперткома завершается:

«Я была исключительно привязана к Главреперткому, с ним у меня связано почти 12 лет большой интересной работы, хорошие отношения с театрами, но я сознавала, что Главрепертком на новом этапе своей работы вряд ли внесет что-то новое в мою творческую жизнь. Я очень ценила культурного корректного председателя О.С. Литовского, хотя много с ним спорила, когда мне казалось, что он «ди-

---

²⁶ Там же С. 66-67.

пломат» больше, чем это требовалось от председателя, О.С. Литовский прекрасно ко мне относился, но я не могла не чувствовать, что рамки Главреперткома сужены. Вот почему, несмотря на любовь к своей реперткомовской работе, несмотря на возражения О.С. Литовского я приняла предложение Малого театра и взяла на себя заведывание литературной частью, а несколько позднее должность ответственного секретаря по творческим вопросам.

И вначале зимнего сезона 34-35 года я вступила в коллектив Малого театра, с болью оставив Главрепертком, но крепко веря в будущее, связанное с перспективами работы в старейшем театре нашей страны, блестящие актеры которого внесли свои славные имена в золотой фонд русского театра»²⁷.

О каких «суженных рамках» Главреперткома говорит Чекина, не понятно, видимо, хочет сказать, что «творчески» переросла свою работу, хотя вряд ли она сама ушла из этой организации. К середине 1930-х годов Репертком превратился в настоящего монстра, контролировал любые публичные зрелища и выступления, от докладов до музыкально-танцевальных вечеров, осуществлял политический контроль над репертуаром, вторгался, как вполне заметно из мемуаров, во все сферы творческой деятельности. Под руководством «корректного и культурного» Осафа Литовского, как известно, вместе с критиком Орлинским ставшего прообразом Латунского, погубившего Мастера, свирепого гонителя не только Булгакова, но и многих других писателей, он не пропускал ни одного спектакля без утомительных обсуждений и придирок. К 1936 году Главрепертком растворяется в еще более мощной цензурной организации, Главном управлении по делам искусств, руководимом П.М. Керженцевым. Не хватило «дипломатичности» Литовскому, вскоре снятому с поста и отправленному в Московский театр им. Ленинского комсомола, что характерно, тоже на пост завлита и режиссера. Бывшие цензоры всей

---

²⁷ Там же С. 68-69.

страны продолжали свои «контролирующие» функции на местах, превращаясь в соглядатаев и доносчиков.

Осторожные и расплывчатые оценки С.С. Чекиной вызывают ассоциацию с первой ершалаимской главой «Мастера и Маргариты», неожиданно высвечивая маленькую фигуру секретаря, записывающего разговор Понтия Пилата и арестанта Иешуа. При ясности позиций того и другого: «всякая власть является насилием над людьми» (Иешуа) – «не тебе, безумный преступник, рассуждать о ней» (Пилат), высказанной громко и откровенно, секретарь то роняет свиток, то смертельно бледнеет, пытаясь просчитать реакцию Пилата, и в конце концов решает «ничего не записывать и ничему не удивляться», пока не получит команду.²⁸

Читая строки, посвященные Главреперткому, мы не получаем объективной картины происходящего, как не получаем и сведений о жизни самой Софьи Семеновны, но они дают картину исполнения чиновников, четко, без особой рефлексии выполняющих требуемые от них функции, и при этом убежденных в их необходимости до такой степени, что искренне начинают любить свою работу.

Итак, следующий этап работы С.С. Чекиной – Малый театр. От заведования литературной частью, требующих совершенно других навыков, она быстро переходит к уже привычной надзорной и организационной работе. Этого она и не скрывает, хотя каковы были ее функции, разумеется, не пишет. Лишь в одном из эпизодов показывает, как выполняла иногда поручения своего бывшего высокого руководителя:

«Как-то случилось, что мое положение в Малом театре создавалось несколько необычное для Завлита, может быть потому, что я очень скоро была переименована в ответственного секретаря дирекции по творческим вопросам и по просьбе руководства старалась по возможности знакомиться с теми вопросами, с которыми отдельные актеры

---

²⁸ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита / Булгаков М.А. Сочинения. В 3-х тт. Т. 2. СПб.: Кристалл, 1998. С. 342-347.

шли на прием в дирекцию. Может, это происходило еще и потому, что начальником Комитета по делам искусств тогда был Платон Михайлович Керженцев, с которым до революции я немного работала и часто встречалась и, который в свою очередь давал мне иногда и свои задания. Некоторые из них я до сих пор не могу забыть, и о них мне хочется рассказать. Вера Пашенная очень хотела сыграть “Гамлета”. Она поделилась со мной, сказала, что это ее заветная мечта, что она давно работает над ролью и что ей очень хочется, чтобы дирекция посмотрела в ее исполнении небольшой отрывок из этой роли. Мы все были уверены, что ей этого делать не надо, что внешние данные Веры Николаевны – женщины довольно полной и крупной – противопоказаны для этой роли и что ничего, кроме неприятных минут, ей этот показ не даст. Но Пашенная – большая актриса, и совершенно игнорировать ее желание было неудобно, и вот дирекция, пригласив П.М. Керженцева, исполнила просьбу Веры Николаевны и просмотрела отрывок из “Гамлета”. Мне кажется, что и сейчас, когда я пишу эти строки, я переживаю чувство неловкости и боли за актрису очень талантливую и очень умную, но не всегда сознающую, что ей играть надо, а что не в ее данных. Монолог Гамлета она читала умно, используя все возможности своего красивого, мужественного голоса, но костюм (она исполняла в костюме и гриме) не мог скрыть специфики женской фигуры, также как и жест и мимика. Ведь лицо Пашенной, как бы ни удался грим, никогда не сможет передать облик Шекспировского “Гамлета”. Надо было очень тактично, мягко разбить иллюзию Веры Николаевны, искренне уверенной, что “Гамлет” в ее силах, и дирекция почувствовала себя в трудном положении.

Сразу никакого ответа Вере Николаевне не дали. А на другой день меня вызвал Керженцев и сказал: “Попробуйте по душам поговорить с Пашенной, Вам как женщине, это много проще будет, и убедите ее самой отказаться от несбыточной мечты. Сделайте это осторожно и сердечно”. Надо ли говорить, как взволновало меня это поручение, и с ка-

ким бьющимся сердцем я отправилась к Вере Николаевне. Беседа была длительной и для нас обеих волнительной. Я говорила ей, что она, такая талантливая, такая яркая и такая умная актриса, должна понять, что ее выступление в “Гамлете” вызовет нездоровую сенсацию в коллективе, что как бы она умно не играла Гамлета, она не сможет дать нынешнего образа, и уже это одно помешает ей дать ту художественную правду, которая так ценна во всех ее ролях.

Все было в этой беседе и протест Веры Николаевны, настаивавшей, что она хочет и может играть Гамлета и слезы, выступившие на ее глазах, но было очевидно, что ее уверенность все же поколебалась. Наконец она сказала, что знает, сколько волнений ей доставит неправильное истолкование ее искреннее желание выступить в Гамлете, что в ее жизни было много тяжелых минут и, что лучше, пожалуй, не стремиться к новым волнениям. Помню, что я вышла от Пашенной с лицом, покрытым красными пятнами и немедленно помчалась домой, чтобы товарищи не видели меня в таком убийственном виде»²⁹.

Достоинством мемуаров могло бы стать описание гастролей Малого театра в Арктике в 1936 году. Спектакли показали в городах Красноярск, Игарка, Туруханск и на острове Диксон. Не лишенная литературного слога Софья Семеновна впечатляюще описывает выезд театра на судовой верфь Придивное, где спектакль играли прямо на площади:

«Поездка эта была примечательна во всех отношениях. Поехала только одна группа исполнителей спектакля “На бойком месте” и я, как докладчик о театре. А пароход “Парижская Коммуна” был очень небольшой, и большинство из нас устроилось прямо на палубе. Как замороженные, любовались мы красотами Енисея, его глубокими, отливающими серебром водами, а когда небольшая авария на пароходе заставила нас задержаться на ночь на берегу, и мы разложили костер, пламя которого причудливо отражалось

---

²⁹ РО ЦНБСТД РФ. Фонд Коллекция мемуаров театральных деятелей. – С.С. Чекина. Часть 2. С. 6-7.

в воде, и сверкающее великолепными красками сибирское небо как бы слилось воедино с огненным каскадом залитых цветом пламени волн, мы все притихли, находясь в полной власти этой сказочной красоты. Эта сказочная ночь была только чудесным прологом наших переживаний в поселке Придивном. Там был клуб на 300 мест, а смотреть спектакль Малого театра хотело все население поселка – пять тысяч человек. И вот В.Н. (Вера Николаевна Пашенная) решает удовлетворить просьбу, поступившую от рабочих поселка, и сыграть “На бойком месте” прямо на площади. Все мы стали отговаривать В.Н. “Подумайте, Вера Николаевна, – возражали мы, – что же это будет за спектакль? Пропадут все оттенки, все нюансы, которыми так богато Ваше исполнение Евгении. Пусть посмотрят спектакль только 300 стахановцев, но это будет настоящий спектакль, достойный Малого театра, а на площади вместо спектакля будет сплошной шум и гул, как же это можно допустить?”. Но В.Н. стояла на своем. “Мы приехали обслуживать массы и обязаны это сделать. Хорошие актеры должны играть при всяких условиях, когда этого требуют обстоятельства”.

И спектакль был дан на площади. Что это было за зрелище! Несколько тысяч человек тащили с собой табуреты, скамьи, стулья, даже крыши были превращены в зрительный зал. Наскоро соорудили небольшую площадку, игравшую роль сцены. Толпа волновалась, гудела, шумно рассаживаясь на свои импровизированные места. Когда я вышла говорить вступительное слово, я живо вспомнила поездку с Пловучим театром и рыбацкие поселки, где смотрели наши спектакли женщины с грудными детьми. И теперь в Придивном также расселись в первом ряду матери с крохотными ребятишками, также детвора облепила все, где только можно было приткнуться, и также занервничала и взволновалась я, не зная, как можно выступать хотя бы с самым кратким и понятным словом при такой необычной аудитории. И также как и тогда оказались напрасными все опасения. Сразу притихла эта тысячная аудитория, и стало очень легко говорить, а когда я смотрела, как слушали и

смотрели спектакль, какой радостью блестели глаза зрителей, я поняла, что тысячу раз была права Пашенная в своем решении играть на площади. Мне кажется, что даже не надо подробно описывать, с каким огромным успехом прошел спектакль и с какой страстностью благодарили Пашенную»³⁰.

Эти эпизоды могли бы стать ценнейшим материалом для истории русского довоенного театра, если бы конкретные сведения не подменялись в них публицистическими клише и славословиями новой власти. Постепенно мемуары все больше становятся похожими на газетные тексты с обязательным набором тем, развивающих центральный советский миф о самой лучшей и свободной стране в мире. Рассказ о гастролях подменяется восторженными описаниями разросшихся Игарки и Туруханска. И, разумеется, ни слова о том, что строились они, в основном, руками политзаключенных. Возникает и тема интернационализма, которая воспринимается уже просто анекдотически:

«В Игарке есть уютный интернациональный клуб, куда была приглашена команда – и кочегары, и матросы, и даже – “о, ужас” негры, которых было немало на иностранных судах. Все они искренне, от души веселились, пели, танцевали и много рассказывали о своей безрадостной жизни, о жуткой безработице, о хроническом недоедании, о фактическом бесправии в так называемых “свободных культурных странах”»³¹.

В мемуарах есть также сведения о труппе Государственного центрального театра юного зрителя и Московского театра юного зрителя, спектаклях и авторах этого театра, строки о Валентине Сперантовой и других артистах этих театров. Последние эпизоды посвящены работе С.С. Чекиной в Союзе театральных деятелей (с 1942 года), в Репертуарном кабинете. Но здесь автор мемуаров выступает в роли не

---

³⁰ Там же. С. 20-21.

³¹ Там же. С. 29.

цензора, а, скорее, библиотекаря, обеспечивая фронтовые артистические бригады репертуаром.

Несомненно, мемуары Софьи Семеновны Чекиной представляют ценность. Она прожила большую жизнь в один из самых драматических периодов истории страны, была участницей многих хрестоматийных сейчас событий. Но объективной картины, насколько вообще могут быть объективны мемуары, ждать от них не приходится. Более того, некоторые сведения своей жизни, Софья Семеновна явно скрывает, а собственные оценки событий подменяет общепринятыми, проверенными и безопасными.

Перед нами текст, выдержанный в строгой сложившейся советской традиции представлять личную жизнь лишь как ответ масштабов великой современности, подвергнутый самоцензуре, лишенный какой-либо рефлексии, текст государственного служащего, привычно пишущего свою автобиографию, но не биографию. Размышляя о строчках Мандельштама, взятых эпиграфом к статье, можно сказать, что катастрофа с биографиями в нашей стране, произошедшая в первой половине XX века, у каждого была индивидуальной. У множества людей биография, а часто и жизнь, была отнята насильственно. Но многие, как, например, Софья Семеновна Чекина, отказываются от своей личной судьбы радостно-сознательно, вплетая ее в большой миф страны. Даже если первоначальный посыл мемуаров был направлен на то, чтобы рассказать не о себе, а о своих встречах и событиях, в которых довелось участвовать, то и здесь языковые и политические клише, общепринятые интерпретации событий и явлений не дают возможность увидеть сложную картину времени.

Библиография

Источники:

1. РО ЦНБСТД РФ. Фонд Коллекция мемуаров театральных деятелей. – С.С. Чекина. Часть 1. (Далее – ссылка на эту рукопись с указанием страницы оригинала).
2. РО ЦНБСТД РФ. Фонд Коллекция мемуаров театральных деятелей. – С.С. Чекина. Часть 2. (Далее – ссылка на эту рукопись с указанием страницы оригинала).
3. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита / Булгаков М.А. Сочинения. В 3 т. Т. 2. СПб. Кристалл, 1998.

Исследования:

4. Смелянский А.М. Театральные мемуары: правда и вымысел // Театральная мемуаристика: Одиннадцатые Междунар. научные чтения Театральная книга между прошлым и будущим. М. РГБИ, Три квадрата, 2015. С. 49-59.
5. Смелянский А.М. Михаил Булгаков в Художественном театре. М. Искусство, 1989.

VI. Авто/биографии писателей

Исповедальная интенция в «Истории моей жизни» Жорж Санд

Анна Попова

«История моей жизни» (1855) Жорж Санд – один из фундаментальных автобиографических текстов в истории французской литературы. Приступая к работе над воспоминаниями, автор оказывается перед проблемой выбора между двумя уже сложившимися к середине XIX века моделями повествования о себе – мемуарной и автобиографической. Фактически Жорж Санд определяет свое отношение к «Исповеди» (1770) Ж.-Ж. Руссо, на тот момент уже широко известной, и «Замогильным запискам» (1848) Ф.-Р. де Шатобриана, которые публиковались частями, одновременно с ее работой над книгой воспоминаний. И если опыт Шатобриана получает оценку преимущественно в письмах писательницы,¹ то сочинение Руссо становится объектом полемики непосредственно в «автобиографическом пакте», открывающем «Историю моей жизни».

Неприятие Жорж Санд вызывает не столько откровенность женеvского философа в отношении самого себя, сколько та беспощадность, с которой он обнажает тайны своих современников: «Je ne sais pas si, lors même qu'on est Jean-Jacques Rousseau, on a le droit de traduire ainsi ses

---

¹ Непосредственно в «Истории моей жизни» поэтическая апология в духе Шатобриана критикуется имплицитно. Не называя имен, Жорж Санд иронически уподобляет уверенного в своем величии самосозерцателя безумцу, вообразившему себя солнцем: «Le pauvre fou qui se prend pour le soleil et qui, de sa triste loge, crie aux passans: Prenez garde à l'éclat de mes rayons!» [7, II, с. 407] (Несчастный безумец, который воображает себя солнцем и кричит прохожим из своего печального приюта: «Берегитесь блеска моих лучей!»). См. Zanon D. Présentation. Notes // Sand George. Histoire de ma vie. Paris: Flammarion, 2001. Vol. 1. P. 17-18.

contemporains devant ses contemporains pour une cause toute personnelle»² (*Не знаю, можно ли, даже если ты Жан-Жак Руссо, вот так вот, ради сугубо личных целей, отдавать своих современников на суд им подобных*)³. В этом смысле она солидарна с Шатобрианом, негодующим в «Замогильных записках» по поводу неблагодарности Руссо: «un homme fut accueilli par une femme, et pour prix de l'hospitalité qu'il en reçut, il se crut philosophiquement obligé de la déshonorer»⁴ (*мужчина был радушно принят женщиной и в качестве платы за гостеприимство, которым он воспользовался как философ, счел себя обязанным ее ославить*). Признавая за автором право на самоотчет, писательница категорически не приемлет вторжения в частную сферу другого («confession d'autrui»⁵.⁶ При этом, обстоятельства собственной личной жизни также далеко не все подлежат обнаружению.

Принцип сознательного отбора воспоминаний как неотъемлемое условие описания собственной жизни упоминается в первом же предложении, открывающем автобио-

---

² Sand George. Histoire de ma vie. Edition Damien Zanone. Paris: Flammarion, 2001. Vol 2. P. 313.

³ Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, перевод мой – А.П.

⁴ Chateaubriand F.-R. de. Mémoires d'outre-tombe. Edition Jean-Claude Berchet. Paris: Bordas, 1989-1998. Vol. 4. P. 116.

⁵ Sand George. Ibid. P. 479.

⁶ Эта тема неоднократно всплывает в «Истории моей жизни». Так, Жорж Санд негодует из-за того, что Руссо рассказал о чувствах к нему Мадам де Варанс (Qui peut lui pardonner d'avoir **confessé Mme de Warens en même temps que lui?** [7, I, 54]); она недоумевает по поводу церковной исповеди перед первым причастием, во время которой ребенку предлагается признаться не столько в своих прегрешениях, которые в этом возрасте вполне невинны, сколько рассказать о поступках других («je ne sais pas de quoi peut s'accuser un enfant de douze ans, à moins que le malheureux n'ait été déjà souillé par des exemples et des influences hideuses, et dans ce cas-là c'est **la confession d'autrui** qu'il a à faire» [7, I, 479]), ее возмущают расспросы исповедника, последовавшие за ее признанием в недостатке дочернего почтения («un vieux bougru qui, <...> me demanda le pourquoi et le comment, et si ces révoltes de mon cœur étaient bien ou mal fondées. <...> Il persista à me demander de lui faire **la confession de ma mère**» [7, II, 195-196]). (Здесь и далее выделено мной. – А.П. Курсив в тексте французского оригинала – авторский)

графическое повествование: «...choisir, dans les souvenirs que cette vie a laissés en nous, ceux qui nous paraissent valoir la peine d'être conservés» (среди воспоминаний, сохранившихся у нас об этой жизни, выбрать те, которые как нам кажется, стоят того, чтобы их сохранить). Еще одна стратегия рассказа о себе – установка на умолчание. О ней Жорж Санд сообщает читателю в тринадцатой главе четвертой части, приступая к рассказу о своей эксцентричной жизни в парижской мансарде: «je dois commencer par dire nettement que je veux *taire* et non *arranger* ni *déguiser* plusieurs circonstances de ma vie»⁷ (вначале я хочу ясно дать понять, что не желая ничего подтасовывать и утаивать, собираюсь просто обойти молчанием ряд обстоятельств своей жизни).

Поводом для дополнительных разъяснений относительно меры откровенности в воспоминаниях послужила публикация в 1853-м году неизданных фрагментов произведений Руссо, в том числе, его Невшательского предисловия к «Исповеди»⁸. Дистанцируясь от опыта своего предшественника и учителя, Жорж Санд еще раз напоминает о твердом намерении говорить только лишь о себе, не заостряя при этом внимания на неприглядных фактах реальной жизни («le laid dans la vie réelle»⁹). Тут она вновь солидарна с Шатобрианом, утверждавшим в «Замогильных записках», что миру следует являть только прекрасное: «Il ne faut présenter au monde que ce qui est beau; ce n'est pas mentir à Dieu que de ne découvrir de sa vie que ce qui peut porter nos pareils à des sentiments nobles et généreux» [4, II, 157].¹⁰ (Нужно являть

---

⁷ Sand George. Ibid. P. 310.

⁸ Эту книгу Жорж Санд получила от Альфреда де Бужу [7, II, 313].

⁹ Sand George. Ibid. P. 311.

¹⁰ Ранее об этот же принцип Шатобриан формулирует в «Опыте об английской литературе» (1836): «Soutenir qu'il n'y a pas d'art, qu'il n'y a point d'idéal; qu'il ne faut pas choisir, qu'il faut tout peindre; que le laid est aussi beau que le beau, c'est tout simplement un jeu d'esprit dans ceux-ci, une dépravation du goût dans ceux-la, un sophisme de la paresse dans les uns, de l'impuissance dans les autres» [2, II, 253] («Если кто-либо утверждает, что ни искусства, ни идеала не существует, что надо изображать все, ничего не опуская, что уродство не менее прекрасно, чем красота, то это всего

миру лишь то, что прекрасно; верить из своей жизни лишь то, что может вдохнуть в нас подобных чувства великодушные и благородные, – не значит лгать Господу (пер. О.Э. Гринберг)). Вместе с тем, ей, в отличие от Шатобриана, импонирует идея автора «Исповеди» об универсальной пользе беспристрастного самоанализа, но при условии, что читатель не будет посвящен в то, что его не касается и что может повредить общественной нравственности.

О намерении написать «книгу нужную, безопасную и благопристойную, не тщеславную, равно как и не подлую» Жорж Санд упоминает в 1847 году, в письме к Ш. Понси¹¹. Такая повествовательная стратегия ставит автора перед дилеммой, суть которой озвучена в той же тринадцатой главе: «Certaines confidences personnelles, qu'elles soient confession ou justification, deviennent, dans des conditions de publicité littéraire, un attentat à la conscience, à la réputation d'autrui, ou bien elles ne sont pas complètes et par là elles ne sont pas vraies»¹². (Некоторые откровения личного характера, будь то исповедь или оправдание, получив огласку в литературном произведении, задевают чувства и репутацию другого человека, в противном случае, они не полны и поэтому не правдивы) О настойчивых поисках полноты самовыражения свидетельствует множество автобиографических текстов в творческом наследии писательницы¹³, а также ро-

---

лишь игра ума или извращенность вкуса, лень мысли одних и бессилие других» (пер. В.А. Мильчиной)).

¹¹ Моруа А. Жорж Санд / Пер. с фр. Е.С. Булгакова. Москва: Молодая гвардия, 1968. С. 287.

¹² Sand George. Ibid. P. 314.

¹³ К автобиографическим исследователи относят, помимо «Истории моей жизни», следующие произведения: «Путешествие в Испанию» (1829), «Путешествие в Овернь» (1829), «Наброски и намеки», (1833) «Дневник» (1834), «Отрывок письма, написанного в Фонтенбло» (1837), «Письма путешественника» (1837), «Ежедневные беседы с доктором Пиффёлем» (1837-1841), «Зима на Майорке» (1841), «Воспоминания о периоде с марта по апрель 1848-го года», «Дневник за ноябрь-декабрь 1851-го года», «После смерти Жанны Клезенже» (1855), «Театр и актер» (1858), «Белокрурая Феба» (1875), «Зимняя ночь» (1875), «Путешествие к господину

маны с отчетливым исповедальным компонентом – «Лелия» (1839) и «Исповедь молодой девушки» (1864)¹⁴.

Жорж Санд усваивает принцип, сформулированный Шатобрианом в «Гении христианства»: «On ne peint bien que son propre coeur, en l'attribuant à un autre»¹⁵ (*хорошо описать можно только свою душу, наделив ею другого человека* (пер. О.Э. Гринберг)), но следует ему не настолько буквально, как это казалось публике, охотно видевшей в каждой ее героине переодетого автора. По мнению писательницы, всякое произведение отражает лишь малую часть внутреннего мира автора, истинные же богатства души скрываются в ее недрах от любопытных взглядов и предназначены одному Богу: «Mais le public n'est pas obligé de savoir que les œuvres qui le charment et l'instruisent ne sont souvent que le débordement d'un vase qui a retenu le plus précieux de sa liqueur. <...> L'âme renferme toujours le plus pur de ses trésors comme un fonds de réserve qu'elle doit rendre à Dieu seul»¹⁶ (*Публике не обязательно знать, что произведения, пленяющие и просвещающие ее, зачастую представляют собой лишь то, что выплеснулось из сосуда, внутри которого осталась самая драгоценная влага ... Душа хранит истинные свои богатства как резервный фонд, который она должна вернуть Богу*). Кроме того, она, во-первых, считает свою натуру скроенной из слишком пестрой ткани («j'étais d'une étoffe trop bigarrée pour me prêter à une idéalisation quelconque»¹⁷, чтобы можно было без остатка воплотить ее в литературном персонаже, который, по определению, представляет собой

Блезу» (1875), «Ле Купери» (1875), «Театр марионеток в Ноане» (1876), «Мой двоюродный дедушка» (1876).

¹⁴ Героиня романа – тезка Жорж Санд, настоящее имя которой – Амантина-Люсиль-Аврора Дюпен (имена Люсиль и Люсьенна – производные от имени Люси (так зовут героиню еще одного романа Жорж Санд – «Мадемуазель ла Кентини»)).

¹⁵ Chateaubriand F.-R. de. Génie du christianisme, ou Beautés de la religion chrétienne. Paris: Migneret, 1802. Vol. 5. P. 18.

¹⁶ Sand George. Histoire de ma vie. Edition Damien Zanone. Paris: Flammarion, 2001. Vol. 2. P. 431.

¹⁷ Ibid. P. 365.

либо карикатуру, либо идеализацию оригинала («*caricature ou idéalisation*»¹⁸, а, во-вторых, она убеждена, что роман, в отличие от жизни, обладает продуманным сюжетом и строгой композицией, и введение в него героя, взятого целиком из реальной действительности, разрушит художественное целое («*L'homme est si peu logique, si rempli de contrastes ou de disparates dans la réalité, que la peinture d'un homme réel serait impossible et tout-à-fait insoutenable dans un ouvrage d'art*»¹⁹ (*Люди в действительности так нелогичны, в них столько контрастов и нестыковок, что изображение реального человека в произведении искусства было бы невозможно и совершенно невыносимо*)).

Именно это подчеркнутое расподобление автора и рассказчика в романах Жорж Санд создает дистанцию, необходимую для осмысления важных, зачастую травмирующих, жизненных ситуаций в отрыве от собственной персоны, позволяет моделировать обстоятельства, лишь отдаленно перекликающиеся с фактами ее биографии²⁰. Механизм такого дистанцирования она объясняет на примере «Писем путешественника» (1837), в которых главный герой – старик, испытывавший на своем веку много такого, чего не случилось и не могло случиться с самой Жорж Санд («*je voulais faire le propre roman de ma vie et n'en être pas le personnage réel, mais le personnage pensant et analysant. Et encore, tout en étant ce personnage, je voulais étendre son point de vue à une expérience de malheur que je n'avais pas, que je ne pouvais pas avoir*»²¹ (*я хотела написать роман о своей собственной жизни и при этом быть в нем не собой реальной, а думающим и анали-*

---

¹⁸ Ibid. P. 242.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Так, Мариэль Вандекерхов, отмечает, что в романе «Исповедь молодой девушки» болезненные для самой Жорж Санд темы незаконнорожденности, сиротства, соперничества двух женщин за ребенка, неразделенной любви к матери изображены в стилистике сентиментального дамского романа, словно замаскированы внутри мелодраматического сюжета, что исключает какие бы то ни было параллели с биографией автора [18, 23-24].

²¹ Ibid. P. 438-439.

зирующим персонажем. Кроме того, устами этого же персонажа, я хотела высказать свою точку зрения относительно печального опыта, которого у меня не было и быть не могло).

Тем не менее, каждый из созданных Жорж Санд образов, взятый по отдельности, раскрывает лишь ту или иную грань личности творца, но не дает целостного представления о ней, поскольку в романах авторская индивидуальность, преломляясь в различных персонажах, поневоле рассеивается и теряется в хитросплетениях сюжета («où notre personnalité, à force de se disséminer dans des types divers et de s'égarer dans des situations fictives, arrive à disparaître pour nous-mêmes»²²). Обретению этой полноты и цельности призвана послужить «История моей жизни».

Внешне незамысловатое заглавие книги звучит полевично, несмотря на уверения автора в том, что выбор продиктован исключительно желанием ограничиться рассказом о своей собственной жизни: «c'est à dessein que je me suis servi de ces expressions: *Histoire de ma vie*, pour bien dire que je n'entendais pas raconter sans restriction celle des autres»²³ (я намеренно воспользовалась формулировкой: *История моей жизни*, так как она ясно указывала на то, что я не собираюсь без утайки рассказывать о жизни других людей). С одной стороны, оно недвусмысленно отсылает к строкам из Невшательского предисловия Руссо к «Исповеди» (1764), где автор прямо противопоставляет свое сочинение всевозможным историям, жизням, портретам, характерам, т.е., жанрам, пользовавшимся популярностью в XVIII-м веке и, по его мнению, больше служившим для удовлетворения тщеславия автора, чем для поиска истины: «Des histoires, des vies, des portraits, des caractères! Qu'est-ce que tout cela? Des romans ingénieux bâtis sur quelques actes extérieurs, sur quelques discours qui s'y rapportent, sur de subtiles conjectures où l'auteur cherche bien plus à briller lui-même qu'à trouver la

---

²² Ibid. P. 439.

²³ Ibid. P. 312.

vérité»²⁴ (*Истории, жизни, портреты, характеры! Что все это такое? Искусные романы, выстроенные на нескольких внешних действиях, на нескольких высказываниях, с ними связанных, на изощренных догадках, в которых автор больше стремится блеснуть сам, чем отыскать истину*). С другой стороны, в нем можно усмотреть провокацию, так как оно в точности повторяет заголовок нашумевших мемуаров Казановы, публикация которых на французском языке в обработке Лафорга завершилась к 1838-му году. Искусный читатель сможет уловить в нем также отсылку к «Истории моих бедствий» (1132-1135) Абеяра, художественно переосмысленной в романе Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» (1757-1760). В этом видится одновременно и авторская установка на формат автобиографического текста (история МОЕЙ жизни), и вызов, желание показать возможности критикуемого Руссо жанра жизнеописания, и игра с ожиданиями любопытной публики (той самой публики, о которой Жорж Санд пренебрежительно отзывается в письме к Ш. Марлиани: «C'est une histoire de ma vie (non pas des confessions), le public est trop ignoble pour que je lui fasse l'honneur, soit de m'accuser, soit de me justifier devant lui»²⁵ (*Это история моей жизни (а вовсе не исповедь), публика слишком низка, чтобы я удостоила ее чести так обвинять себя, так и оправдываться перед ней*).

Формальный отказ от исповедальности, возможно, объясняется еще и тем, что, с появлением «Исповеди» Руссо, с формированием в начале XIX века романтической традиции исповедального или «личного» романа, понятие «исповедь» нивелировалось, стало ассоциироваться, прежде всего, с литературным жанром. Исповедь приобрела публичный характер, окончательно секуляризировалась, лишившись сокровенности, присущей религиозному таинству и позволяющей предельную цельность и откровенность самовыра-

---

²⁴ Doudet Estelle. Rousseau. Paris, 2004. P. 71-72.

²⁵ Zanon D. Présentation. Notes // Sand George. Histoire de ma vie. P. Flammarion, 2001. Vol. 1. P. 9.

жения. Вместе с тем, возникло осознание личной ответственности не только перед Богом, но и перед людьми, которое и станет основой нравственного пафоса литературной исповеди, а также причиной иного подхода к отбору жизненного материала. В случае Жорж Санд к этому прибавляется еще и гендерный фактор, на который традиционно обращают внимание исследователей ее творчества. Приступая к созданию «Истории моей жизни», автор всегда помнит о том, что ее книга будет прочитана как написанная женщиной²⁶, поэтому, критерием отбора становится не уважение к публике, как у Монтеня²⁷, и не сообразность со своим человеческим достоинством, как у Шатобриана²⁸ и даже не счастливое свойство памяти забывать несчастья, как у Руссо²⁹. Помимо пользы для читателей («*raconter la vie intérieure <...> en vue d'un enseignement fraternel*»³⁰, декларируемой с самых первых страниц, выбор обусловлен еще и тем, насколько непосредственное отношение тот или иной факт биографии писательницы имеет к ее личности и насколько он ею осмыслен. Здесь нет также и намек на то, что могло бы скомпрометировать автора как жену и мать: в первой главе она дважды повторяет, что эта книга – не для «любителей скандалов» («*qu'aucun amateur de scandale ne se*

---

²⁶ Об этом см. Murphy Sara E. *Refusing to Confess: George Sand's Histoire de ma vie and the Novelization of Autobiographical Discourse* // K. Busby (ed.) Amsterdam: Rodopi, 1992. P. 159; Planté Ch. *George Sand. Fils de Jean-Jacques* // N. Harkness, J. Wright (ed.) *French studies of the Eighteenth and Nineteenth Centuries* George Sand: Intertextualité et Polyphonie 1Oxford, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Wien: Peter Lang, 2010. P. 33; Zanon D. *Présentation. Notes* // Sand George. *Histoire de ma vie. Vol.1*. P. 32-33.

²⁷ *Essais de Michel de Montaigne: texte original de 1580 avec les variantes des éditions de 1582 et 1587* / Publ. par R. Dezeimeris & H. Barckhausen. Bordeaux: Féret et fils, 1870-1873. Vol. 2. P. 2.

²⁸ Chateaubriand F.-R. de. *Mémoires d'outre-tombe*. Edition Jean-Claude Berchet. Paris: Bordas, 1989-1998. Vol. 4. P. 157.

²⁹ Rousseau J.-J. *Oeuvres complètes de J.-J. Rousseau. Vol. I. Les confessions. Discours. Politique*. Paris: Houssiaux, 1852. P. 142.

³⁰ Sand George. *Histoire de ma vie*. Edition Damien Zanone. Paris: Flammarion, 2001. 2 vol. P. 54.

réjouisse, je n'écris pas pour lui»³¹; «amateurs de scandale, fermez mon livre dès la première page, il n'est pas fait pour vous»³².

Французский литературовед и биограф Жорж Санд, Д. Занон, утверждает, что, отбирая материал для своих воспоминаний, она постаралась совершенно исключить из них любое упоминание о чувственной стороне своей жизни, обойдя молчанием практически все свои любовные истории³³. Показательно, что, предпринимая первую попытку подвергнуть психологическому анализу свое «кровоточащее сердце» («en ouvrant mon coeur sanglant à l'expérimentation psychologique»³⁴ в «Письмах путешественника», она ведет повествование от лица немолодого мужчины³⁵. В «Истории моей жизни», где Жорж Санд снимает привычную мужскую маску, за которой скрывалась ее женская сущность, нигде прямо не говорится о специфике автобиографического повествования от лица автора-женщины, однако в размышлениях о церковной исповеди то и дело всплывает тема стыда, необходимости обнажать свою душу перед исповедником (априори – мужчиной).³⁶ Так, перед первым причастием бабушку героини и юную Аврору заботит, прежде всего, то, что священник на исповеди может быть недостаточно деликатным и осквернит нравственную чистоту девочки «стыдными

---

³¹ Ibid.

³² Ibid. P. 56.

³³ Zanon D. Présentation. Notes // Sand George. Histoire de ma vie. Vol.1. P. 17.

³⁴ Sand George. Lettres d'un voyageur (Nouv. éd.). Paris: Michel Lévy frères, 1857. IV.

³⁵ Прием, характерный для Жорж Санд, о чем она сообщает и в «Истории моей жизни»: «je ne me suis jamais mise en scène sous des traits féminins» [7, II, 364] (я никогда не изображала себя в женском облике).

³⁶ Проблема взаимоотношений женщины со своим исповедником и, шире, порочная, по мнению Жорж Санд, практика церковной исповеди будет положена основу сюжета ее романа «Мадемуазель ла Кентини» (1863).

вопросами» («ces questions infâmes»³⁷). При этом читателю остается только догадываться, что именно скрывается за этим эвфемизмом.

Похожий упрек прозвучит позднее из уст Эмиля Лемонтье, героя антиклерикального романа Жорж Санд «Мадмуазель ла Кентини» (1863). Рассуждая о негативной роли исповедника в отношениях между супругами, он говорит своей невесте Люси: «Ne faut-il pas leur dire tout, jusqu'aux plus délicats secrets de la pudeur, jusqu'aux choses qu'un père n'oserait demander à sa fille?»³⁸ (Ведь им нужно рассказывать все, не так ли? Вплоть до самых деликатных секретов невинного существа, вплоть до таких вещей, о которых отец не осмелится спросить у дочери?). Ее дед, старый деист, выражается еще более недвусмысленно: «cette âme candide était déjà déflorée par la science de soi-même imposée aux jeunes filles pieuses comme un devoir, comme une nécessité du sérieux de la confession»³⁹ (эту чистую душу уже растлили познанием своего я, навязываемым благочестивым девицам как обязанность, как важнейшее условие исповеди). Примечательно, что героиня другого романа – Люсьенна из «Исповеди молодой девушки» – свою пространную письменную исповедь адресует не священнику, а непосредственно будущему мужу, в котором видит искреннюю заинтересованность, а не праздное любопытство («Я заглянула во все тайники сердца, все вытащила наружу, все подвергла анализу, все записала на бумагу – что ж, читайте!»⁴⁰).

Включенные в текст воспоминания Жорж Санд о собственном опыте церковной исповеди проливают свет на избранный ею автобиографическую стратегию отбора фактов и

---

³⁷ Sand George. Histoire de ma vie. Edition Damien Zanone. Paris: Flammarion, 2001. Vol. 2. P. 478.

³⁸ Sand George Mademoiselle La Quintinie (Deuxieme. éd.). Paris: Michel Lévy frères, 1863. P. 154.

³⁹ Ibid. P. 42.

⁴⁰ Санд Жорж. Исповедь молодой девушки / Санд Жорж. Собрание сочинений. В 9-ти т. Пер. с франц. / Под общ. ред. И. Лилевой и др. Т. 8. Л.: Худож. лит. 1974. С. 625.

умолчания. Всего в «Истории моей жизни» описано шесть сцен исповеди и лейтмотивом четырех из них становится чувство отвращения и ощущение униженности исповедующегося: «La confession me causa une répugnance extrême»⁴¹ (*Исповедь вызвала у меня крайнее отвращение*); «je ne me sentais pas moins humiliée de m'être agenouillée devant un prêtre pour si peu»⁴² (*я не чувствовала себя менее униженной от того, что стояла на коленях перед священником совсем недолго*); «usage détestable qui violentait la conscience et condamnait à l'hypocrisie»⁴³ (*отвратительный обычай, который насилует совесть и вынуждал лицемерить*); «Je me levai du confessional sans en écouter davantage et saisie d'une indignation irrésistible»⁴⁴ (*Не став дальше слушать, я вскочила и покинула исповедальню, охваченная непреодолимым возмущением*).

Другой существенный, по мнению автора, недостаток исповеди – ее формальный характер, отсутствие индивидуального подхода к исповедующемуся и нежелание исповедника вникать в его сложные душевные переживания, стремление, напротив, свести весь спектр индивидуальных эмоций к универсальному перечню прегрешений («une formule»). Альтернативой становится духовная беседа, опыт которой Аврора Дюпен получает во время своего пребывания в женском Августинском монастыре. Ее духовник, иезуит аббат де Премор, видя смятение девочки перед исповедью, советует ей вместо заранее подготовленной покаянной речи просто рассказать ему о своих мыслях и поступках, представив себе, что она разговаривает с подругой: «Racontez-moi simplement et tranquillement toute votre existence, telle que vous vous la rappelez, telle que vous la concevez et la jugez. N'arrangez rien, ne cherchez ni le bien ni le mal de vos actions et de vos pensées; ne voyez en moi ni un juge ni un confesseur; parlez-moi comme à

---

⁴¹ Sand George. Histoire de ma vie. Edition Damien Zanone. Paris: Flammarion, 2001. Vol. 2. P. 478.

⁴² Ibid. P. 479.

⁴³ Ibid. II. 12.

⁴⁴ Ibid. P. 133.

une amie»⁴⁵ (Расскажите мне просто и спокойно обо всей вашей жизни, так как вы ее себе представляете и как ее оцениваете. Ничего не упорядочивайте и не правьте, не ищите ни хорошего, ни дурного в своих мыслях и поступках, не воспринимайте меня ни как судью, ни как исповедника; говорите со мной так, как вы бы говорили с подругой).

В «Истории моей жизни» формула «n'arrangez rien» становится основным принципом организации воспоминаний⁴⁶. Частично это объясняется несовершенством человеческой памяти, которая не вмещает в себя воспоминания о минувшей жизни во всей их полноте: «On ne s'attend pas sans doute à ce que je mette de l'ordre dans des souvenirs qui datent de si loin»⁴⁷ (Конечно, не стоит ожидать, что я смогу упорядочить такие давние воспоминания); «ce sera un tableau général et un peu confus, comme mes souvenirs»⁴⁸ (это будет общая картина, немного расплывчатая, как и мои воспоминания); «je ne peux pas ordonner mes souvenirs avec exactitude»⁴⁹ (я не могу расположить мои воспоминания в точной последовательности); «Je ne peux pas toujours suivre ma vie comme un récit qui s'enchaîne, car il y a beaucoup d'incertitudes dans ma mémoire sur l'ordre des petits événemens que je me retrace»⁵⁰ (у меня не всегда получается описывать свою жизнь последовательно, в форме связного рассказа, потому что я не всегда могу ясно вспомнить точный порядок мелких событий, о которых веду речь) и т.д., но это также и сознательная установка, сформировавшаяся в юно-

---

⁴⁵ Ibid. P. 13.

⁴⁶ С эти же критерием Жорж Санд подходит и к определению молитвы: «Je n'appelle pas prière un choix et un arrangement de parole lancées vers le ciel, mais un entretien de la pensée avec l'idéal de lumière et de perfections infinies» [7, II, 529] (Для меня молитва – это не специально подобранные и упорядоченные слова, обращенные к небу, а мысленная беседа с сияющим и бесконечно совершенным идеалом).

⁴⁷ Ibid. I. P. 174.

⁴⁸ Ibid. P. 224.

⁴⁹ Ibid. P. 300.

⁵⁰ Ibid. P. 433.

сти, в результате общения Авроры со своим духовником в монастыре.

Именно форма бытовой исповеди, разговор по душам с другим, как правило, близким человеком, становится моделью рассказа о себе. В первой главе автор сообщает читателю, что повествование будет неупорядоченным и бессвязным («Je pourrai donc parler sans ordre et sans suite»⁵¹, структурно соответствующим непринужденному ходу мыслей («la forme de ce laisser-aller de mon esprit»⁵²; «où mon récit m'entraîne»⁵³. Д. Занон видит в этом влияние эссеистического стиля Монтеня⁵⁴, что не противоречит сказанному выше, поскольку сочинение Монтеня – это тоже разновидность светской исповеди, обращенной не к Богу, а к другим: «я наедине с собой перед другими»⁵⁵. При этом, автор рассказа о своей жизни волен выбирать, о чем и как ему вспоминать, в отличие, например, от ученого-историка, который не имеет права что-либо смягчать и причесывать (именно это качество Жорж Санд ставит в заслугу Луи Блану, говоря о его книге «История десяти лет», о первой половине царствования Луи Филиппа: “l'historien n'a jamais le droit d'arranger et d'atténuer”»⁵⁶. Именно так поступает юная Аврора во время исповеди деревенскому священнику. На неделикатные вопросы о ее предполагаемых любовных переживаниях она отвечает, что раз не говорит ему об этом, значит, не считает себя ни в чем виноватой и что вообще его это не касается: «je ne comprends pas que vous doutiez de ma sincérité. <...> J'eusse dû vous dire que cela ne vous regardait pas»⁵⁷ (*мне непонятно,*

---

⁵¹ Ibid. P. 54.

⁵² Ibid.

⁵³ Ibid. II. P. 28.

⁵⁴ Zanon D. Présentation. Notes / Sand George. Histoire de ma vie. Vol.1. P. 605.

⁵⁵ Кириленко Г.Г., Шевцов Е.В. Философия. М.: Филол. о-во «СЛОВО», 2003. [Электронный ресурс]: <http://uchebnik-online.com/36/01.html>, свободный. – Загл. с тит. экрана (дата обращения: 10.09.2016).

⁵⁶ Sand George. Histoire de ma vie. Edition Damien Zanone. Paris: Flammarion, 2001. Vol. 2. II. P. 454.

⁵⁷ Ibid. P. 133.

почему вы сомневаетесь в моей искренности.... Вынуждена вам сказать, что вас это не касается). Точно так же она относится и к повествованию о своей жизни, практически повторяя эту формулировку в главе, посвященной драматическим отношениям с матерью: «Le reste ne regarde que moi»⁵⁸ (*Остальное касается только меня*). Чтобы оно было правдивым, следует просто-напросто изъять из него все, что требует корректировки и маскировки: «Dieu me garde d'altérer pour moi, par un parti pris d'avance, le charme de mes propres souvenirs; mais c'est l'histoire de ma vie, et, dans tout ce que j'en veux dire, je veux être vraie»⁵⁹ (*Слава Богу, в собственной памяти я не искажаю намеренно прелести своих воспоминаний; но это история моей жизни и я хочу правдиво, рассказать о том, о чем хочу рассказать*). Эту особенность повествования отмечают все исследователи, в частности, один из ее биографов, П. Саломон, который пишет: «Elle dit la vérité, mais par pudeur ou par un reste de sentiment des convenances, elle ne la dit pas toute. Elle écarte délibérément ce qui pourrait déplaire ou choquer»⁶⁰ (*Она говорит правду, но из стыдливости, или из остатков приличия, она не говорит ее всю целиком. Она сознательно умалчивает о том, что могло бы обидеть или шокировать*). Жорж Санд убеждена, что даже если отредактированные таким образом воспоминания покажутся менее интересными, от этого они не станут менее искренними и полезными для читателей («Je retire à mes souvenirs une portion de leur intérêt, mais il leur restera encore assez d'utilité»⁶¹). Она рассказывает не обо всем, но о том, что достойно обнародования, она говорит искренне и без прикрас. Выстроенная по модели исповеди, как откровенный рассказ о себе от первого лица, обращенный к

---

⁵⁸ Ibid. P. 208.

⁵⁹ Ibid. P. 98.

⁶⁰ Szabó A. Histoire de ma vie ou ce que silence veut dire // Lire «Histoire de ma vie». Études réunies et publiées par S. Bernard-Griffiths et J.-L. Diaz. Cahiers Romantiques, n° 11. Mars 2006. P. 85.

⁶¹ Sand George. Histoire de ma vie. Ed. D. Zanone. Paris: Flammarion, 2001. Vol. 2. II. P. 314.

другому, история жизни требует соответствующего адресата. При этом автору важно не только мнение, но и личность воспринимавшей стороны.

Поиск идеального реципиента представлен в тексте историей непростых взаимоотношений героини с ее исповедниками, к интеллектуальным и нравственным качествам которых (как и к своим потенциальным читателям) она предъявляет высокие требования. В отличие от Руссо и Шатобриана, лишь вскользь упоминавших о своем опыте церковной исповеди и о тех, кто ее принимал⁶², Жорж Санд подробно описывает каждого священника, которому она исповедовалась, и у каждого обнаруживает те или иные недостатки, такие как бестактность, излишнее любопытство, ограниченность, необразованность, дурное воспитание, а также отсутствие достоинства и милосердия. Так, от противного формируется образ идеального исповедника, воплощенный в особе иезуита де Премора: «C'était un vrai jésuite que l'abbé de Prémord, et en même temps un honnête homme, un cœur sensible et doux. Sa morale était pure, humaine, vivante pour ainsi dire. Il ne poussait pas au mysticisme, il prêchait terre à terre avec une grande onction et une grande bonhomie»⁶³ (*Аббат де Премор был настоящим иезуитом и в то же время человеком порядочным, с чувствительным и кротким сердцем. Его нравоучения были простыми и человеческими, другими словами, они были живыми. Он не проповедовал мистицизм, а, напротив, мягко и добродушно советовал*

---

⁶² Руссо: «C'était le P. Hemet, jésuite, bon et sage vieillard dont la mémoire me sera toujours en vénération. Quoique jésuite, il avait la simplicité d'un enfant, et sa morale, moins relâchée que douce, était précisément ce qu'il me fallait <...>» [6, 126] («Это был отец Геме, иезуит*, добрый и мудрый старец, чью память я всегда буду чтить. Он был иезуитом, но отличался детской простотой, и его мораль, скорее мягкая, чем снисходительная, была именно тем, в чем я нуждался» (пер. Д.А. Горбова и М.Я. Розанова). Шатобриан: «J'avais pour confesseur le supérieur du séminaire des Eudistes homme de cinquante ans, d'un aspect rigide» [4, I, 245] (Моим исповедником был ректор семинарии эдистов, – суровый на вид мужчина лет пятидесяти).

⁶³ Ibid. P. 13.

обратить свой взор на земные дела). Он ненавязчив, внимателен и чувствителен, он умеет слушать и способен понять сердечные волнения и душевные тревоги исповедующейся («L'excellent homme m'écoula avec une attention soutenue, avec un intérêt paternel; plusieurs fois je le vis essuyer ses larmes»⁶⁴ (Этот милейший человек выслушал меня с неослабным вниманием и с отеческим интересом; несколько раз я замечала, как он утирал слезы). Это те самые качества, которых автор «Истории моей жизни» ждет и от адресата своей книги.

Автобиографическое повествование Жорж Санд ориентировано на идеального читателя, «читателя-друга», обладающего мирочувствованием, близким автору или совпадающим с ним – благовоспитанного, с чувствительным и добрым сердцем. К нему она обращается «mon lecteur» (реже – «mes lecteurs») и противопоставляет любопытной и скорой на осуждение и расправу публике («Le public n'agit pas ainsi; il condamne et lapide»⁶⁵. Именно такой реципиент является непременной составляющей той неканонической модели исповеди, которую избирает для организации своих воспоминаний Жорж Санд. Рассказ о своей жизни строится как не имеющая четкого плана, непринужденная дружеская беседа, искренняя и открытая, но при этом не задевающая нравственного чувства собеседника, ничего не приукрашивающая и не обнажающая постыдных тайн, помогающая лучше понять себя как говорящему, так и его слушателям.

Установка на самоанализ выражается также в словоупотреблении. В книге на лексическом уровне представлено влияние как руссоистской традиции самоанализа, так и хорошо известной Жорж Санд практики религиозной исповеди. Она именно «анализирует» себя («s'analyse»), исследуя свои мысли и чувства в разные периоды жизни: «Cela s'expliquera peut-être pour moi quand je repasserai mes souvenirs avec ordre, ce qui m'arrivera, certes, pour la première fois de ma vie,

---

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Ibid. P. 311.

en les écrivant, et je pourrai analyser la situation de l'âme aux prises avec la foi et le doute»⁶⁶ (*Возможно, я найду этому объяснение, когда вернусь к своим воспоминаниям, записывая их по порядку на бумаге, что случается со мной впервые в жизни. Так я смогу проанализировать состояние души, в которой вера борется с сомнением*). Отрицая в начале повествования наличие у нее способности анализировать (например, описывая свои чувства по отношению к куклам, автор замечает: «sans l'expliquer, je puis aisément le définir»; «si j'eusse pu l'analyser»⁶⁷ (*я не могу его объяснить, зато легко могу описать; если бы я могла его проанализировать*)), в конце, говоря о духовном родстве с Франсуа Роллина, Жорж Санд в числе общих с ним качеств упоминает страсть к анализованию («même manie d'analyse»). Рассуждая о пережитых чувствах и мотивах своих поступков, она употребляет также глаголы «examiner» (детально изучать), «avouer» (признаваться), «rendre compte» (давать отчет) «s'accuser» (сознавать себя виновным), традиционно используемые в теории и практике церковного обряда исповеди (именно в таких терминах описывается процесс подготовки и проведения исповеди в «Практическом руководстве к таинству покаяния», изданном в Лионе в 1841-м году)⁶⁸.

Таким образом, несмотря на подчеркнутое дистанцирование от исповеди как литературного жанра и религиозной практики, исповедальность становится одним из элементов авторской стратегии, что выражается в отказе от четко продуманной композиции, свободном характере повествования («Je pourrai donc parler sans ordre et sans suite»⁶⁹, пристальном внимании к жизни души и наличию адресата. При этом рассказ о себе у Жорж Санд оказывается весьма далеким от церковного ритуала самоотчета, сопряженного

---

⁶⁶ Ibid. I. P. 337.

⁶⁷ Ibid. P. 168.

⁶⁸ Vermot A. Questions pratiques et de direction sur le sacrement de pénitence. Lyon: Périsse, 1841.

⁶⁹ Sand George. Histoire de ma vie. Edition Damien Zanone. Paris: Flammarion, 2001. 2 vol. I. P. 51.

не только с самообнажением, но и с покаянием. По сути, в «Истории моей жизни» нет ни того, ни другого. Вместе с тем, характер повествования вполне соответствует представлениям автора о том, какой должна быть подлинная исповедь. «История моей жизни» написана как вдумчивый и неспешный самоанализ в присутствии благожелательного, понимающего слушателя. Ценность этой своеобразной исповедальной практики заключается в ее публичности, целью которой является не самобичевание, а новое знание о себе самом, которое может извлечь из нее читатель. Автобиографическое слово имеет значение лишь в той мере, в какой оно дает возможность делиться с аудиторией универсальным опытом страданий и преодоления: «Le récit des souffrances et des luttes de la vie de chaque homme est donc l'enseignement de tous» (*Рассказ о жизненных страданиях и борениях каждого человека – это урок для всех*). Исповедальная интенция воплощается здесь не в обнажении чего-то постыдного или тайного, сопряженного с интимной сферой, не в воспроизведении личного травматического опыта, а в открытости автора читателю, в искренности описываемых автором чувств и суждений, которыми он готов поделиться с аудиторией не ради себя, но для блага своих читателей.

Библиография

Источники и документы:

1. Санд Ж. Исповедь молодой девушки / Санд Ж. Собрание сочинений. В 9-ти т. Пер. с франц. / Под общ. ред. И. Лилеевой и др. Т. 8. Л.: Худож. лит. 1974.
2. Chateaubriand F.-R. de. Essai sur la littérature anglaise et considérations sur le génie des hommes, des temps et des révolutions. Paris: Furne et Gosselin, 1836. vol. 2.
3. Chateaubriand F.-R. de. Génie du christianisme, ou Beautés de la religion chrétienne. Paris: Migneret, 1802. vol. 5.
4. Chateaubriand F.-R. de. Mémoires d'outre-tombe. Edition Jean-Claude Berchet. Paris: Bordas, 1989-1998. Vol. 4.

5. Essais de Michel de Montaigne: texte original de 1580 avec les variantes des éditions de 1582 et 1587. / Publ. par R. Dezeimeris & H. Barckhausen. Bordeaux: Féret et fils, 1870-1873. 2 vol.
6. Rousseau J.-J. Oeuvres complètes de J.-J. Rousseau. Vol. 1. Les confessions. Discours. Politique. Paris: Houssiaux, 1852.
7. Sand G. Histoire de ma vie. Ed. D. Zanone. Paris: Flammarion, 2001. Vol. 2.
8. Sand G. Lettres d'un voyageur (Nouv. éd.). Paris: Michel Lévy frères, 1857.
9. Sand G. Mademoiselle La Quintinie (2. éd.). Paris: Michel Lévy frères, 1863.
10. Vermot A. Questions pratiques et de direction sur le sacrement de pénitence. Lyon: Périsse, 1841.

Исследования:

11. Кириленко Г.Г., Шевцов Е.В. Философия. М.: Филол. о-во «СЛОВО», 2003. [Электронный ресурс]: <http://uchebnik-online.com/36/01.html>, свободный. – Загл. с тит. экрана (дата обращения: 10.09.2016).
12. Моруа А. Жорж Санд. / Пер. с фр. Е.С. Булгакова. – Москва: Молодая гвардия, 1968.
13. Doudet Estelle. Rousseau. Paris, 2004.
14. Levin Susan M. The Romantic Art of Confession. Columbia, S.C.: Camden House, 1998.
15. Murphy Sara E. Refusing to Confess: George Sand's Histoire de ma vie and the Novelization of Autobiographical Discourse // K. Busby (ed.) Amsterdam: Rodopi, 1992. P.157-164.
16. Planté Ch. George Sand. Fils de Jean-Jacques // N. Harkness, J. Wright (ed.). French studies of the Eighteenth and Nineteenth Centuries George Sand: Intertextualité et Polyphonie. Oxford, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Wien: Peter Lang, 2010. P. 23-46.
17. Szabó A. Histoire de ma vie ou ce que silence veut dire / Lire «Histoire de ma vie». Études réunies et publiées par Simone Bernard-Griffiths et José-Luis Diaz. Cahiers Romantiques, n° 11. Mars 2006. P.77-92.
18. Vandekerkhove M. Romanesque et autobiographie dans «La Confession d'une jeune fille» // Les Amis de George Sand. Nouvelle Série. 1998. No. 20. P. 20-28.
19. Zanon D. Présentation. Notes // Sand George. Histoire de ma vie. Paris: Flammarion, 2001. Vol.1. P. 7-36; 603-633.

Феномен Льва Толстого-автобиографа

Ирина Салманова

Автобиографические сочинения стали сегодня предметом пристального научного интереса специалистов-гуманитариев. В изучении автобиографии как феномена культуры задействован целый корпус новых понятий (его-текст, автодокументальные жанры и дискурсы, автобиографическая память и самосознание, автобиографические автокоммуникации, нарративная самоидентификация, автобиографическое пространство), необходимых не только для выявления типологических черт разнообразнейших автобиографических материалов, но и для выработки комплексного, междисциплинарного подхода, обусловленного актуализацией проблемы личности человека, природы его самоидентичности, интересом к «живым» автобиографиям как фактам истории, к персонологической скриптологии. Предметом нашего исследования является автобиографическое начало, пронизывающее все творческое наследие Л.Н. Толстого. Определяющим в статье становится исповедально-диалогический подход в выявлении единства биографического бытия и творческого мышления, слова и поступка; и шире – природы целостности, лежащей в основе познания Толстым себя и мира.

Попытаемся определить многообразное и творчески развивающееся наследие Л.Н. Толстого как единый автобиографический текст. Автобиографический дискурс в данном случае не сводится или не равен некоему суммирова-

нию (комплектованию, систематизации) отдельных автобиографических жанров (дневники, переписка, мемуары, исповедь, литературная автобиография, автобиографическое начало художественных текстов), наличествующих в толстовской жизни и творчестве; он может быть определен как сложное сосуществование и взаимодействие указанных жанров в пределах времени жизни. Объединяющим началом этого, измеряемого временем жизни, дискурса становится «Я» Толстого-художника, мыслителя, педагога, исторического деятеля, семьянина, сосредоточенного на самопознании и самосовершенствовании и, как следствие, на познании человека и смысла (истины) его существования. «Я хочу познать себя всецело»¹, – написал девятнадцатилетний Толстой, а спустя почти 60 лет, в 1906 году, все в том же дневнике можно прочесть следующее: «Тайна в том, что я всякую минуту другой и все тот же...»². Неустанному фиксированию как отдельных мгновений своего бытия, моментов своего духовного развития («расширения души»), так и важнейших сдвигов во внешней и внутренней перестройке, кардинально меняющей его жизнь, Толстой был верен до конца своих дней.

Автобиографическое начало можно обнаружить в творчестве любого писателя. Однако здесь мы имеем дело с особой органикой существования, проживания и переживания всего, что происходило с Толстым и воспринималось им же как акт творчества. Суть этого жизнетворческого процесса заключается даже не в его предельном субъективизме, о котором писали очень многие, в частности Д. Орвин, считающая, «что в памяти он был способен собрать себя воедино и создать некую целостность, организовав ее вокруг себя»³. Акцент следует перенести с внешнего жизненного сценария, организуемого собственным Я, на его

---

¹ Толстой Л.Н. Собр. соч в 22-ти тт. М.: Художественная Библиография, 1985. Т. 21. С. 21.

² Толстой Л.Н. Т.22, С. 226.

³ См. Орвин Д.Т. Искусство и мысль Толстого. 1847-1880. СПб.: Академический проект, 2006. С. 10.

внутреннюю противоречивую целостность. Специфика – в изначальной установке на постижение своей духовной сущности. Все, что фиксировалось практически непрерывно в дневниках и записных книжках, все, о чем сообщалось и что обсуждалось в письмах, а затем перетекало в художественную канву, так или иначе фокусировалось на постижении, прежде всего, своей внутренней целостности. Постигая природу своего внутреннего Я, Толстой превращает этот процесс в некий универсальный метод (принцип) осмысления «другого» как внутри, так и вне себя. Этот единственный в своем роде опыт самопознания сквозь призму внутренней целостности, не исключая «текучности» и бесконечной изменчивости, становится базовым не только для структурирования собственного творческого мышления (диалог с собой и о себе; поиск собеседника в себе и вне себя, в тексте и вне текста), но и основой толстовского художественного всеведения, «Я мира», постижения человека и мира в их диалектическом единстве. Если бы Лев Николаевич оставался только индивидуалистом, «сверхубежденным в уникальной значимости своего личного опыта» (Орвин Д.), то он не создал бы столь убедительной в своей правде и полноте масштабной картины человеческого бытия. Парадокс в том, что предельный субъективизм (автобиографичность) порождает объективный, реалистический метод его изображения. Это становится возможным только в случае неизменности аналитического принципа – целостности.

Толстой не отказывается от этого принципа и после духовного кризиса, когда он категорически отрицает личностную, «животную» самодостаточность человека. В трактате «О жизни» он пишет: «Жизнь человека, как личности, стремящейся только к своему благу, среди бесконечного числа таких же личностей, уничтожающих друг друга и самих уничтожающихся, есть зло и бессмыслица, и жизнь истинная не может быть такою...»⁴. Ограниченность личност-

---

⁴ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. (Юбилейное) в 90 тт. М.: Художественная

ного, эгоцентричного самоутверждения все же не отменяет безграничности внутренней, «божественной» целостности человека, его связи со всем мирозданием.

Стремление «писать свою жизнь» в непрерывном хронологическом течении также никогда не покидало Толстого. «После Гете мы не знаем личности, так хорошо документированной внутренними и внешними наблюдениями», – отмечал С. Цвейг, считавший, что самонаблюдение Толстого «становится этически-религиозным самоизображением»⁵. Хронологический принцип был чрезвычайно важен для Толстого, разделявшего свою жизнь то на «семилетия», их было двенадцать, то на «периоды», их было четыре; в последние годы он делил свою жизнь на «фазисы», их было три. Но он был недостаточен.

Одним из первых это подметил В.Б. Шкловский в книге «Лев Толстой», указав на то, что «когда пишешь биографию, то трудно в жизни писателя отделить то, что было в таком-то году, от того, как это бывшее было понято через много лет»⁶. Может быть, именно поэтому написать собственную автобиографию в хронологическом «порядке» Толстому не удалось, несмотря на многочисленные попытки; он ограничился лишь отрывочными воспоминаниями.

Свои «Первые воспоминания» он начал писать 5 мая 1878 года. На этом пути его ждала неудача, трудно совместимая с его литературным гением. «Чем дальше я подвигаюсь в своих воспоминаниях, тем нерешительнее я становлюсь в том, как писать их. Связно описать события и свои душевные состояния я не могу, потому что не помню этой связи и последовательности душевных состояний». Не в состоянии вместить историю жизни, свой душевный мир в хронологические рамки Толстой отмечает: «Буду продол-

---

Библиография, 1928-1958. Т. 26. С. 327.

⁵ См. Цвейг С. Три певца своей жизни: Казанова, Стендаль, Толстой. М.: Республика, 1992. С. 273, 9 соответственно.

⁶ Шкловский В.Б. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 1963. С. 51.

жать, как придется. Когда кончу эти описания, поведу уже рассказ по времени, хотя и не связно, урывками...»⁷.

В 1903 году Толстой, помогая Бирюкову, который взялся написать его биографию, еще раз пытается написать воспоминания своего детства, осознавая всю трудность данного повествования. Задача вновь оказалась неподъемной. Воспоминания наполнены пометами автора, спорами с самим собой и фактами собственной биографии. Очевидно, что ни один факт не предстает перед ним в документальном виде, сам по себе, как метка времени. Автор продолжает неустанно анализировать себя и свою жизнь, всматриваясь в то, что уже свершилось, по сути, занимаясь не восстановлением событий, а их новым переживанием и созиданием.

Таким образом, недостаточность хронологического выстраивания автобиографии осознавалась, с одной стороны, самим писателем, с другой – его биографами и толстооведами. Для восприятия целостности толстовского автобиографического дискурса необходим иной подход: не столько хронологический, сколько исповедально-диалогический, заключающийся во временной переключке, споре, беседе автора с самим собой – прошлым и настоящим, «маленьким» и «большим». Способность вступать в отношения с самим собой, проникать в собственную человеческую сущность зачастую структурируется как внутренний диалог и проявляется во всех автобиографических формах.

Эту способность В.В. Бибихин называет непрерывным «вглядыванием в себя», «смотрением за собой»⁸ в изменчивости и неизменности при наличии главных оценок – хорошо и плохо, верх и низ, санкция или нет; он формирует в себе теоретика-наблюдателя, способного сиюминутное подключить к вечному. В этом всматривании и оценивании самого себя открывается, пожалуй, самое важное: одно и то же может иметь разные и противоположные смыслы, при-

---

⁷ Там же. С. 21.

⁸ См. Бибихин В.В. Дневники Льва Толстого. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. С. 49, 56-57.

мирить которые, следуя устоявшейся логике биографизма, невозможно.

Исповедально-диалогическое начало позволяет Толстому фокусироваться на главном: постижении природы собственной целостности, по-разному проявляясь в «промежуточных» жанрах – дневниках, письмах, записных книжках, воспоминаниях. В дневниках (именно в них начинается толстовский самоанализ, сформировавший его гений) идет процесс неустанной фиксации несовпадений с самим собой: намерения, устремления, мечты, идеальные размышления не совпадают с поступками, инерцией общепринятых установок, обстоятельствами. Затем следует покаяние, саморазоблачение, сменяющееся всякого рода правилами, нормами жизни, моральными сентенциями. Но наступает новый день, переворачивается страница дневника и повторяется то же самое: размышления о Боге, об идеальном соседствуют с правилами карточной игры, проигрышами, волочением за девками, молитвы с практически выкладками, поэтические зарисовки с поеданием борща, разглядыванием и ковырянием носа и т. д. «Смешно, 15-ти лет начавши писать правила, около 30 все еще делать их, не поверив и не последовав ни одному, а все почему-то верится и хочется»⁹, – не без иронии замечает Толстой.

Почти каждая из толстовских дневниковых записей поражает спонтанным соединением фиксируемых естественных, физиологических ощущений и отправлений, бесконечных бытовых наблюдений, характеристик, самооценок, исповедальных самобичеваний, молитв, наконец, размышлений обобщающего порядка. Дневниковый текст воспроизводит поток сознания, никак и ничем не ограниченного, кроме течения времени. Но каждый раз, так или иначе, звучит главный вопрос к самому себе: «Что я такое? Кто я? Зачем и с какой целью я живу?». Разноголосое, хаотичное, подчас абсурдное, экзистенциальное дневниковое

---

⁹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. (Юбилейное) в 90 тт. Т.47. С. 45.

письмо Толстого, тем не менее, позволяет говорить о «диалогической схеме» его творческого мышления.

«Каждый человек, в той мере, в какой он мыслит творчески, осуществляет свое мышление во внутреннем мысленном диалоге с самим собой; и этот мысленный диалог протекает как столкновение радикально различных логик мышления»¹⁰. В контексте этого рассуждения В.С. Библера Толстой предстает как уникальный субъект мышления, которому присущ как рациональный самоанализ, так и отступление от него, погружение в поток жизни. Уже в ранних дневниках начинает проявляться противоречивый диалог умозрения с опытом, в котором «мышление и бытие должны выступать (в логике) в качестве двух субъектов диалога» – в качестве «Я» и «Ты»¹¹. Именно в этом дневниковом диалоге рождается внутренний Собеседник, «Я теоретическое» (В.В. Бибихин), и основным критерием самооценки становится искренность, неизменная составляющая исповедальности.

Исповедальность неотделима от автобиографии писателя, становясь экзистенциальной первоосновой непрекращающегося внутреннего диалога. Как антропологический феномен исповедальность возникает одновременно на рефлексивном и эмоционально-интимном уровнях, проявляется как опознание в себе своего другого – внутреннего человека и становится «инструментом» самопознания. Одновременно исповедальность стимулирует процесс внутреннего преобразования и перерождения (самосовершенствования), основанного, как правило, на конфликте, борьбе и противоречиях с самим собой и окружающим миром. Толстой открыл исповедальность как начало, исключаящее любую надуманность, искусственность, требующее не только жесточайшего самоанализа, но и самообновления, преодоления несовпадений с самим собой. Однако сочетать автобиографическое (в данном случае дневниковое письмо) с

---

¹⁰ Библер В.С. Мышление как творчество. М.: Политиздат, 1975. С. 44.

¹¹ Там же. С. 65.

исповедальностью, не впадая в сочинительство, «литературность», необыкновенно трудно. Толстой часто «ловил» самого себя на неискренности. При этом не следует забывать, что толстовские дневники – это одновременно и биографические документы, и литературные произведения с записями кусков сюжетов, с пейзажными и портретными зарисовками. Литературные заготовки и жизнь в них сосуществуют. «Дневники Толстого документальны, но они аналитичны до такой степени, что уже, так сказать, роман-ны»¹². Другими словами, исповедально-диалогическое начало способствует перерождению внутреннего Собеседника в Автора, продолжающего самоанализ уже в пределах художественной целостности, перевоплощающегося в собственных литературных героев.

Процесс внутреннего раздвоения, несовпадения с самим собой точно воспроизводится в «Истории вчерашнего дня» – первой художественной попытке взглянуть на себя, проанализировать свое «Я» в литературном пространстве и времени. Психологический самоанализ героя «Истории» основан на диалогической оппозиции «я» – «ты». «Ты», к которому обращается, безусловно, автобиографический герой, «это вторая частица ума, которая занимается критикой»¹³. Этот текст, по сути, воспроизводит дневниковые записи Толстого начала 50-х годов. Однако именно эта внутрилитературная диалогическая оппозиция способствует превращению Толстого, пишущего дневник, в писателя. В трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность» диалогическая оппозиция «я» – «ты» преобразуется в иную диалогическую связку: «я» (взрослого) – «я» (десятилетнего мальчика), порождая цепочку последующих – «я» взрослого и «я» отрока, «я» взрослого» и «я» юноши. Выделив из своей мыслительной деятельности разные ипостаси собственного «я», превратив их в самостоятельные художественные образы, Толстой продолжает постигать себя, но уже сквозь

---

¹² Шкловский В.Б. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 1963. С. 781.

¹³ Толстой Л.Н. Собр. соч в 22-ти тт. Т.1. С. 355.

призму независимо существующих в художественном пространстве субъектов сознания и речи. Создается единое диалогическое поле, система диалогических оппозиций, в которой сочетается несочетаемое: это и авторский монолог о самом себе, и одновременно диалог с собственными, художественно обособившимися, сущностями. Однако «побег» в художественную целостность не спасает Толстого от самого себя. Он вновь возвращается к дневнику, эпистолярным диалогам, записным книжкам. Между тем, опыт художественного самоосмысления оказался бесценным, позволившим Толстому открыть «диалектику человеческой души». Автобиографичность Николеньки Иртеньева, Оленина, Пьера Безухова, Левина, Анны Карениной в ее предсмертных монологах, Иртенева в «Дьяволе» не вызывает ни у кого сомнения. В художественных текстах намеченный алгоритм становится основой психологического самоанализа героев и проявлением того, что Толстой-автор называет правдой в постижении внутреннего человека, его психологической сложности.

В поздних толстовских дневниках алгоритм самонаблюдений в целом не меняется, несмотря на кардинальную жизненную перестройку, «расширение души», обретение веры и публичное покаяние в «Исповеди». В толстовской «Исповеди» прежде всего видят назидательный монолог, перерастающий в откровенную проповедь. Однако не следует забывать, что исповедальный текст – итог мучительной внутренней работы, процесс которой запечатлен практически во всех предшествующих повествовательных формах, воплотивших гигантский исповедальный опыт в «искании истины» и в постижении самого себя. Исповедальное начало становится для Толстого универсальным способом прояснения человеком своего бытия, уникальным опытом самопознания, в которой диалог с собой и жизнью не прекращается. Исповедальное слово рождается в диалоге (полилоге), оно не может быть обращено в пустоту. В исповедальном тексте всегда незримо присутствует Другой, Собеседник, другое начало моего «Я». Без всепроникающего

диалогического начала исповедь теряет жизнетворящую, созидательную силу. Весьма показательна и густая жанровая наполняемость исповеди, особый исповедальный языковой синтез, способный к разнообразным трансформациям и проявлениям в отдельных литературно-художественных и рубежных жанрах – письмах, дневниках, автобиографиях, мемуарах. Многообразная целостность исповедального текста подобна самой жизни. Исповедь и есть текст жизни. «Исповедь» интересна не только как автосвидетельство духовного переворота Толстого, не только как его первая религиозно-философская книга, но и как продолжающийся поиск (теперь в форме исповеди) собственного «я». И вновь собственное «я» Толстого – одновременно и повествующий, исповедующийся субъект, и объект его же творческого постижения. Психологический момент трагической раздвоенности становится отправным. Толстой-аналитик и проповедник пытается объяснить и преодолеть его, Толстой-художник, диалектик души вновь и вновь возвращается к нему. «Исповедь» – длящийся на протяжении всего повествования диалог с самим собой, несмотря на наличие в тексте воображаемых собеседников, оппонентов – литератора, ученого, мудреца, обывателя, дьявола, Бога.

Та же раздвоенность, то же трагическое несовпадение «своих верований со своей жизнью» фиксируется и в поздних дневниках. Однако есть и принципиальная разница. Толстому, мучительно преодолевающему внутреннюю раздвоенность, так и не удается сообразно учению выстроить собственную жизнь, окончательно перевоплотиться в житейного героя, юродивого, аскета, заслужив одобрение Высшего Судии. Именно трагическая раздвоенность не позволяет Толстому застыть на мертвой точке проповедника извечных истин. Человек ищущий, заблуждающийся оказывается к истине гораздо ближе знающего ее теоретически. «Философичность» отвлеченного рассуждения о непреложных истинах вытесняется желанием исповедать свою веру в форме автобиографической драмы («И свет во тьме светит»). Более того, именно «текучесть» человека, его

внутренняя противоречивость, «живое» и «мертвое» в нем, как это ни парадоксально, становятся залогом нравственно-го прозрения и движения к Богу. Толстой и как мыслитель, и как художник продолжает неустанно поверять христианские идеалы человеческими отношениями, не переставая постигать многомерную целостность человека. «Человек течет и в нем есть все возможности: был глуп, стал умен, был зол, стал добр и наоборот. В этом величие человека. Какого? Ты осудил, а он уже другой. Нельзя и сказать: не люблю. Ты сказал, а оно другое»¹⁴. И «только страданием и смертью сам себе докажешь без сомнений и колебаний свою искренность»¹⁵.

В свое время Г.О. Винокур, характеризуя биографию как феномен культуры, как воплощение духовного опыта конкретной личности, писал о том, что «личность здесь – словно художник, который лепит и чеканит в форме переживаний свою жизнь из материалов действительности». Аргументируя свою мысль, он разъяснял: «В целом мы вправе смотреть на сферу переживаний как на сферу духовного опыта в широком смысле слова. Здесь бьет ключом и творится та жизнь, постичь которую хочет биограф. Это и в самом деле есть та сфера личной жизни, где мы получаем право говорить о личной жизни как творчестве»¹⁶. Удалось ли великому Льву Толстому преодолеть собственную раздвоенность? Думается, что нет, так как внутренняя конфликтность оставалась залогом его самобытной целостности и неудержимого творческого развития. Автобиографический дискурс Толстого, воплотивший сложнейший процесс перехода и трансформации жизни в текстовую целостность и обратно в реальность, подтверждает нашу мысль о необходимости воспринимать наследие национального гения как единый автобиографический текст. Способность Толстого вступать в исповедальный диалог с самим собой в

---

¹⁴ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. (Юбилейное) в 90 тт. Т.53. С. 179.

¹⁵ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. (Юбилейное) в 90 тт. Т.67. С. 50.

¹⁶ Винокур Г.О. Биография и культура. М. 1927. С. 39.

разные периоды собственной жизни в поисках внутренней целостности объединяет все формы автобиографического повествования (дневники, переписку, записные книжки, «Исповедь», автобиографичность художественных произведений) в живую структуру (единый дискурс), воссоздающую единство его жизнетворчества.

Библиография

Источники и документы:

1. Толстой Л.Н. Собр. соч в 22-ти тт. М.: Художественная Библиография, 1985.
2. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. (Юбилейное) в 90 тт. М.: Художественная Библиография, 1928-1958.

Исследования:

3. Библер В.С. Мышление как творчество. (Введение в логику мысленного диалога). М.: Политиздат, 1975.
4. Бибихин В.В. Дневники Льва Толстого. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012.
5. Винокур Г.О. Биография и культура. М., 1927.
6. Орвин Д.Т. Искусство и мысль Толстого. 1847-1880 / пер. с английского А.Г. Гродецкой. СПб: Академический проект, 2006.
7. Цвейг С. Три певца своей жизни: Казанова, Стендаль, Толстой. М.: Республика, 1992.
8. Шкловский В.Б. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 1963.

**Трансформация или углубление?
Образ А.П.Чехова в автобиографической
литературе современников:
Л.А. Авилова «А.П. Чехов в моей жизни»**

Лариса Мартынова

Как в XX, так и в XXI веке не угасает интерес не только к творчеству, но и к личности А.П. Чехова. Многие исследователи обращаются к документам, письмам, мемуарной литературе о Чехове для создания своей концепции чеховской биографии или воссоздания отдельных ее точек. Одним из таких мемуарных свидетельств являются воспоминания Л. Авиловой «А.П.Чехов в моей жизни»¹. Эти воспоминания цитируют, на них ссылаются в литературоведческих исследованиях, их экранизируют. Но никто до сих пор серьезно не занимался их изучением. Если рассмотреть эти мемуары с событийной, с текстовой, со стилистической, с лексической точек зрения, провести интертекстуальный сравнительный анализ, то открывается много интересного, в корне меняющего общепринятую более 70 лет картину взаимоотношений Л.А. Авиловой и А.П. Чехова.

И.А. Бунин в своих воспоминаниях о Чехове писал: «Была ли в его жизни хоть одна большая любовь? Думаю, что нет»². В.Н. Бунина³ пишет, что после прочтения воспо-

---

¹ Авилова Л.А. (1864-1943) – писательница, пользовавшаяся известностью в 1890-1900-е годы. Выпустила в свет несколько книг (сборники «Счастливец» и другие рассказы, 1896; «“Власть” и другие рассказы», 1906; “Первое горе”, 1913; “Образ человеческий”, 1914).

² Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 10 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 10. С. 153.

минаний Л.А. Авиловой Бунин подчеркнул свои слова в книге красным карандашом и на нижнем поле страницы твердым почерком написал: «Нет, была. К Авиловой». Позднее Бунин писал: «А ведь до сих пор многие думают, что Чехов никогда не испытал большого чувства. Так думал когда-то и я. Теперь же я твердо скажу: испытал! Испытал к Лидии Алексеевне Авиловой»⁴. И ниже напроорочествовал: «Да, с воспоминаниями Авиловой биографам Чехова придется серьезно считаться».⁵ Более того, в свою незаконченную книгу о Чехове Бунин перенес много эпизодов из текста Авиловой, цитируя ее в определенных местах своего повествования. В одном из отрывков Бунин замечает: «И до чего все было сложно. Разве можно после опубликования воспоминаний Авиловой серьезно говорить о Мизиновой»⁶. Таким образом, Бунин своими комментариями, вычеркивает из жизни Чехова О.Л. Книппер⁷, зачеркивает Л.С. Мизинову и лигитимирует взаимную любовь Авиловой и Чехова. Причем Бунин считал все написанное Авиловой достоверным! Так или иначе, впоследствии Лидия Алексеевна Авилова со своими воспоминаниями заняла значительное место в мемуарной литературе о Чехове. Так что же представляют собой сами воспоминания «А.П. Чехов в моей жизни»?

Впервые некие воспоминания Авиловой о Чехове появляются в газетах – в «Русских ведомостях» №13 от 17 января 1910 и в «Голосе Москвы» №13 от 17 января 1910 года. То есть в двух различных газетах в один день в юбилейный месяц и год выходят воспоминания Л.А. Авиловой, и тем самым она занимает определенную нишу и право на публикацию своих мемуарных текстов; хотя пока она – в ряду

---

³ Бунина В.Н. (1881-1961) – жена И.А. Бунина.

⁴ Бунин И.А. О Чехове: в 4 т. Нью-Йорк, 1955. С. 134.

⁵ Там же. С. 147.

⁶ Мизинова Л.С. (1870-1939) – русская певица, актриса, переводчица, мемуарист, литературный и театральный критик. Там же. С. 134.

⁷ Книппер-Чехова О.Л. (1868-1959) – жена А. П. Чехова, русская и советская актриса.

других и ничем особенным не выделяется. Затем краткие воспоминания Авиловой о ее знакомстве с Чеховым были напечатаны в сборнике «О Чехове: Воспоминания и статьи. С портретами и иллюстрациями» в 1910, и назывались «Мои воспоминания». В 1910 же году воспоминания Авиловой «На основании договора. Мои воспоминания» были напечатаны в сборнике «Юбилейный сборник о Чехове». Ни в первом, ни во втором случае в них не было и намека на личные романтические отношения. Корпус воспоминаний, который и вошел в чеховиану, Л.А. Авилова закончила в 1940 году, когда ей было 76 лет, и назвала их «А.П. Чехов в моей жизни». Отрывок из них под заглавием «Последнее свидание» был опубликован в «Литературной газете» в 1940 году. Впервые воспоминания были опубликованы, но с сокращениями, в сборнике «Чехов в воспоминаниях современников» в 1947 году. Отдельным изданием воспоминания Авиловой были напечатаны в Англии и Америке (1950), затем во Франции в журнале «Europe» (1954). В отрывках воспоминания были опубликованы в журнале «Советская Библиография» 1980 №1. В сборнике «Л.А. Авилова “Рассказы. Воспоминания”» (М., 1984) эти воспоминания были напечатаны в сокращенном варианте. В сборнике «А.П. Чехов в воспоминаниях современников» воспоминания Л.А. Авиловой были переизданы в 1952, 1954, 1960, 1986, причем только в 1986 воспоминания были опубликованы в более расширенной версии. Из этого списка публикаций мы видим, какой интерес, какова востребованность и, соответственно, степень доверия к этим материалам.

Если говорить об истории их создания, то первоначально Авиловой пишется некий текст, который она сама называет «О любви». Это заглавие однозначно заявляет главную тему текста, претендующего на объективные воспоминания. Нельзя не заметить, что это заглавие полностью повторяет заглавие повести А.П. Чехова («О любви», 1898), тем самым отсылая к сюжету повести, намекая на повторение ее канвы (в самих же воспоминаниях Авилова утверждает, что повесть Чехова рассказывает именно об их

с ним отношениях). Однако она, очевидно, понимает, что название «О любви», выбранное ею для своего сочинения, – слишком субъективно и беллетристично, а значит на написанное сразу ложится тень недоверия читателей. И тогда она меняет название на «А.П. Чехов в моей жизни», заявляя таким образом, что ее текст – это не беллетристическое произведение, а именно воспоминания, претендующие на достоверность. К корпусу текста «Воспоминаний» Л.А. Авиловой примыкает «Предисловие», которое было получено от племянницы Авиловой – Н.С. Авиловой и впервые было опубликовано в 68 т. Литературного наследства. Это предисловие отсутствует в первоначальном машинописном тексте. Если принять во внимание, что Авилова отдает свои воспоминания для подготовки к публикации в 1940 году, то надо думать, что «Предисловие» написано после 1940 года. Значит тема «держала», не отпускала ее, она считала свою работу неясной, незаконченной и решила дать пояснения? Иначе как объяснить появление «Предисловия», которое появляется значительно позже самого текста и, по сути, «отстает» от него. В самом начале этого «Предисловия» Лидия Алексеевна четко обозначает задачу своего текста: «Это не прибавит ничего в его /Чехова/ облике как писателя, общественного деятеля и мыслителя». И тогда читатель ожидает посыл вроде: «Но откроет его как человека и друга». Однако Авилова говорит о другом: «Эта страница, оставшаяся до сих пор совершенно белой, о том, как протекала его сердечная жизнь, о том, как он относился к любви, к семье, к женщине». В конце этого предисловия – кода, ради которого, я думаю, и написано это «Предисловие», финал которого построен на риторических вопросах: «Ничего не утверждая, я представляю тем, кто прочтет его /роман/, решить самим, был ли Антон Павлович сух и холоден? Действительно ли в его жизни не было любви?»⁸. И эти риторические вопросы подразумевают однозначный,

---

⁸ Литературное наследство. Т. 68. Чехов. М.: Издательство академии наук СССР, 1960. С. 261.

весомый утвердительный ответ. В этом «Предисловии» встречаются весьма любопытные «пассажи», и хочется дать им некоторые комментарии.

Авилова пишет: «Этот роман, о котором никогда никто не знал, хотя он длился 10 лет», «Это наш роман». Она говорит здесь о «романе» как любовных отношениях и переживаниях. Эта фраза содержит однозначное утверждение: «Да, роман БЫЛ». Причем используется местоимение «наш», говорящее о неразрывности пары и подчеркивающее взаимность чувств. Но через предложение Авилова вдруг пишет: «Ни одного слова выдумки в моем романе нет». То есть автор вдруг «переключает» читателя на иное значение слова «роман»: роман как повествовательный жанр. Ниже: «/.../ боюсь, мой роман похож на протокол» (заметим в скобках – совсем не похож); «Одним словом, я написала свой роман, как могла»; «Мой роман, возможно, дополнит отчасти этот пробел, и потому он без умных разговоров покажется значительным и интересным»⁹. Таким образом, несколько раз на малом отрезке текста Авилова повторяет, что пишет роман. Это не может не противоречить самому понятию «мемуары», «воспоминания». Авилова, понимая это и не отказавшись от понятия достоверности, придумает новый жанр и назовет его мемуарный роман.

Итак, в «Предисловии», написанном Авиловой позднее всего корпуса текста «А.П. Чехов в моей жизни» и не попавшем ни в одно издание как действительное предисловие, Лидия Алексеевна вводит слово «роман» и играет им, сознательно смешивая и переплетая два вышеуказанных понятия, усиливая одно через другое. В этом «Предисловии» каждая строчка благодаря лексическим повторам, риторическим вопросам, обилию личных местоимений буквально кричит: если вы еще не поняли по моим воспоминаниям, что Чехов любил только меня, то я подчеркиваю – только меня. Она берет на себя смелость открыть широкой

---

⁹ Там же. С. 261.

публике «белую страницу» сердечной жизни Чехова. Там же она замечала: «Все время, пока я писала, я чувствовала себя связанной страхом увлечься своей фантазией, мечтой, предположением, догадкой и этим исказить правду». По сути, ее страх понятен, так как замысел ее грандиозен и сложен: одновременно она должна соблюдать (каким-то образом) баланс и взаимопроникновение двух пластов: 1 – повествовательного (романного), где возможны фантазия и выдумывание и 2 – мемуарного (объективного), где в реальном времени представлена жизнь реальных людей. По большому счету она справилась со своей задачей: после публикации ее текст воспринимался современниками как документальное и биографическое повествование.

Итак, в тексте «А.П. Чехов в моей жизни» существуют две сюжетные линии (две любимые идеи автора): 1 – моя любовь к Чехову, наша тайная любовь с Чеховым; 2 – я писательница. Структура текста мозаична, отрывочность изложения продиктована сюжетной линией, в основе которой реальные события биографии автора. И эти события – встречи Авиловой и Чехова. Каждая такая встреча лежит в основе своеобразной новеллы. И каждая новелла имеет свою композицию и тему, поэтому каждой из них можно дать заглавие. Например, «Первая встреча», «Встреча на маскараде» и т.д. Все новеллы складываются в один роман, объединенный одной общей идеей и одним общим героем, в данном случае – двумя. Авилова в пространстве текста выступает в трех функциях, которые часто переплетаются: 1. – автора; 2. – повествователя; 3. – героя. В этой связи выявляется, что Чехов – не мемуарное историческое лицо, произвольные действия которого фиксируются наблюдателем, и впоследствии он, наблюдатель, их описывает как воспоминание. Нет, при анализе текста становится понятно, что Чехов – герой, которым «управляет» автор (он наделяет его монологами, эмоциями, включает в диалоги, создает поведенческие ситуации). Кстати, русская Библиография знала подобную (новелльную) композицию. Например, роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего време-

ни». Причем интересно, что Лермонтов использует два «Предисловия», чтобы пояснить свой замысел. Л.А. Авилова идет тем же путем – в «Предисловии» она поясняет основную идею своего сочинения. Правда, Лермонтов использует немало второстепенных героев, для того чтобы дать более полную характеристику своему герою. Авилова делает с точностью до наоборот: в ее мемуарах нет других действующих лиц. События происходят как бы в безлюдном пространстве – таково описание ее первой встречи с Чеховым в доме Худяковых¹⁰, полном гостей; или описание «неожиданной» встречи на грандиозном праздновании 25-летия газеты Худякова; или описание встречи с Чеховым на масленицу в доме Н. Лейкина¹¹, или на маскараде в театре Суворина¹² Авилова сознательно «выбеливает» фон, отключает себя и Чехова в момент встречи от внешнего мира, сосредотачивает внимание читателя только на «здесь и сейчас». Мужчина и Женщина. Чехов и Авилова. Поэтому в воспоминания не включаются ни исторический, ни литературный контексты. Для нее не важны даты – поэтому мы их и не найдем в ее мемуарном романе. Происходивший реально факт встречи взят в определенную событийную рамку, то есть Лидия Алексеевна обрамляет встречу, которая была в реальности, событиями и эмоциями, достоверность которых установить невозможно. И наполняет эти события определенными смыслами, которые важны ей. Остальное для нее несущественно – и оно отсекается.

Однако из новеллы в новеллу переходит еще одно действующее лицо, муж Авиловой, Михаил Федорович Авилон. В «Предисловии» она пишет: «Мне /.../ пришлось очень односторонне представлять своего мужа, но иначе я

---

¹⁰ Худеков С.Н. (1837-1928) – драматург, беллетрист, историк балета, редактор-издатель «Петербургской газеты». Худекова Н. А. (1846-1918) – жена Худекова, сестра Лидии Авиловой.

¹¹ Лейкин Н.А. (1841-1906) – русский писатель, журналист, редактор журнала «Осколки».

¹² Суворин А.С. (1834-1912) – русский журналист, издатель, писатель, театральный критик и драматург.

поступить не могла или не сумела»¹³. Муж, безусловно, вынесен на периферию повествования, но у его фигуры несколько важнейших функций. Во-первых, поддержание пусть и слабой, но идеи «любовного треугольника». Во-вторых, Авилова показывает, что именно в муже причина того, почему у нее несчастная семейная жизнь, а, значит, она имеет внутреннюю причину полюбить кого-то другого. В-третьих, очень явно звучит идея: у нее, Лидии Авиловой, есть муж, дети и семья, и это причина того, почему она не может быть с Чеховым, почему они оба должны страдать. Безусловно, все это абсолютно созвучно сюжету рассказа Чехова «О любви», что собственно и нужно Авиловой.

Таким образом, можно видеть, что в «А.П. Чехов в моей жизни» существуют сюжет, сюжетные ходы, устойчивые темы и мотивы. Отсюда – особенности хронотопа. Если исходить из того, что некое событие происходит в реальности в объективно текущем времени жизни людей, встречающихся иногда по разным поводам, то оно происходит спонтанно, непредсказуемо и нелинейно. Но именно этого-то мы и не наблюдаем в тексте Авиловой. События, о которых пишет Авилова, имеют заданность, подчинены определенной задаче и сюжету, т.е. выстроены как художественный, а не как автобиографический текст.

Рассмотрим несколько эпизодов с точки зрения приемов создания «мемуарного» события. В V главе можно выделить отрывок, с условным названием «Совместный отъезд из гостей». После празднования масленицы у Лейкина Чехов хочет проводить Авилову: «Мы вышли на крыльцо целой гурьбой. /.../ опасаясь, что всех /извозчиков/ разберут, я сказала Чехову, чтобы он поторопился. Тогда он быстро подошел к одним саням, уселся в них и закричал мне: “Готово, идите”. Я подошла, но Антон Павлович сел со стороны тротуара, а мне надо было обходить вокруг саней. Я была в ротонде, руки у меня были несвободны, тем более что я под ротондой поддерживала шлейф платья, сумочку и

---

¹³ Литературное наследство. Т. 68. Чехов. С. 261.

бинокль. Ноги вязли в снегу, а сесть без помощи было очень трудно. “Вот так кавалер!” – крикнул Потапенко¹⁴ отъезжая. Кое-как, боком, я вскарабкалась. Кто-то подоткнул в сани подол моей ротонды и застегнул полость. Мы поехали. “Что это он кричал про кавалера?” – спросил Чехов. – “Это про меня? Но какой же я кавалер? Я – доктор. А чем же я проштрафился как кавалер?”. “Да кто же так делает? Даму надо посадить, устроить поудобнее, а потом уже самому сесть как придется”»¹⁵.

Как ведет себя Чехов в этой маленькой зарисовке? Это поведенческий портрет грубого, невоспитанного, неинтеллигентного, самодовольного, самовлюбленного мужчины. Авилова рисует здесь Чехова таким, как будто в 35 лет он так и не научился быть элементарно вежливым по отношению к людям, и в частности к женщине. В версии Авиловой Чехов удивляется ее замечаниям и искренне недоумевает, что же он делает не так, а она его поучает, открывает ему глаза! Чехов в этом отрывке неузнаваем! Складывается впечатление, что Авилова специально создает такой непривлекательный образ, чтобы разрушить уже сложившееся в мемуарах впечатление о нем, как о мягком, интеллигентном, очень воспитанном и предупредительном человеке. Ниже в этой же новелле она закрепляет созданный ею образ «невоспитанного», «неинтеллигентного» Чехова. Вот, что происходит дальше. «Мы подъехали, и я вышла и позвонила у подъезда. Извозчик с Чеховым отъехал и стал поворачивать, описывая большой круг по пустынной широкой улице. Мы продолжали переговариваться. “Неприменно приеду, – говорил Чехов своим прекрасным низким басом, который как-то особенно звучал в просторе и тишине, в мягком зимнем воздухе. – Хочу убедить вас писать роман. И как вы были влюблены в офицера”. “Кто это сказал?” “Вы

---

¹⁴ Потапенко И.Н. (1856-1929) – русский прозаик и драматург, друг А. Чехова.

¹⁵ Авилова Л.Н. А.П. Чехов в моей жизни // Чехов в воспоминаниях современников. М.: Художественная Библиография, 1986. С. 139.

сами. Давно. Не помните? Будете спорить?”. Дверь отпирал швейцар в пальто внакидку. “Ну, до завтра”. “Да. А вы не будете сердиться? Будете добрее? Женщина должна быть кротка и ласкова”»¹⁶.

Сама ситуация с точки зрения реальности – абсурдна. Представим картину: дом, как мы понимаем, стоит не в чистом поле, вокруг другие дома, поздняя ночь. И в этой ночи, на «широкой улице» продолжается диалог двух людей, один из которых в разворачивающихся по широкому кругу санях, а другая – на противоположной стороне этой «широкой улицы» у дверей своего подъезда. Этот диалог должен быть более чем громким, иначе собеседники рискуют не услышать друг друга (добавим еще и скрип санных полозьев). Итак, получается, что Чехов просто-таки кричит на всю улицу, не обращая внимания на позднее время и на многочисленные квартиры, окна которых выходят на эту улицу. И о чем же? О том, что завтра приедет непременно, о том, что у Авиловой был роман с офицером, о том, что нужно писать роман, и вдобавок – поучение о том, что женщина должна быть доброй, кроткой и ласковой. Вот таким Авилова рисует Чехова в этом эпизоде – невоспитанный мужчина, не знающий норм приличия. Напомним: ему 35, он человек с университетским образованием, известный писатель.

В V главе привлекает внимание еще два эпизода. Первый можно назвать «Эполеты». В нем звучит повторяющийся мотив. Авилова пишет: «Вдруг он позавидовал толстым эполетам какого-то военного (а может быть, и не военного) и стал уверять, что, если бы ему такие *эполеты*, он был бы счастливейшим человеком на свете. “Как бы меня женщины любили! Влюблялись бы без числа! Я знаю!”, “Вы похожи на старуху, когда ворчите. А вот будь на мне *эполеты*... /.../”, “У вас скверный характер. Но если бы на мне были густые *эполеты*”» (курсив мой – Л.М.)¹⁷. Сам по себе

---

¹⁶ Там же. С. 143.

¹⁷ Там же. С. 141.

образ «эполет» применительно к Чехову появляется впервые и, пожалуй, единственный раз звучит именно в рассказе Авиловой. Этот образ никак не мотивирован и не обусловлен предыдущим текстом. И тем более неожиданно, что Антон Павлович связывает свой успех у женщин, пусть и шутливо, но настойчиво, именно с «эполетами» – и с их красотой, и со всем тем, что они символизируют. Трехразовый повтор этих «эполет», используемый Авиловой, только лишний раз подчеркивает, как они неорганичны для Чехова. Этот образ, конечно, не чеховский, скорее всего Авилова берет его у Лермонтова из «Героя нашего времени». Сравним, у Лермонтова Грушницкий говорит Печорину: «/.../ я говорил раза два с княжной и более, но, знаешь, как-то напрашиваться в дом неловко /.../ Другое дело, если бы я носил эполеты»¹⁸. Или далее – Грушницкий ликует: «Сколько надежд придали мне эти эполеты... О, эполеты, эполеты! Ваши звездочки, путеводные звездочки...»¹⁹. Во всяком случае – созвучие и перекличка очевидны.

Второй эпизод можно назвать «Спор». Чехов провожает Авилову из гостей и в санях происходит спор: «Извозчик уже съезжал с моста: “А куда ехать, барин?”, “В Эртелев”²⁰ переулоч!” – крикнула я. “Что? Зачем? На Николаевскую”²¹. “Нет, в Эртелев. Я вас провожу, а потом усядусь поудобнее и поеду домой”. “А я за вами, сзади саней побегу, как собака, по глубокому снегу, без перчаток. Извозчик, на Николаевскую!” “Извозчик! В Эртелев!” Извозчик потянул вожжи, и его кляча стала: “Уж и не пойму... Куда же теперь?” Поехали на Николаевскую»²². В этом эпизоде Авилова хочет показать, как легко и запросто она общается со знаменитым Чеховым. Она сознательно провоцирует этот

---

¹⁸ Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: в 4 т. М.: Правда, 1953. С. 233.

¹⁹ Там же. С. 247.

²⁰ Эртелев переулоч – там была квартира Суворина, в которой останавливался А. Чехов.

²¹ Николаевская улица – улица, на которой жила Л. Авилова.

²² Авилова Л.Н. А.П. Чехов в моей жизни. С. 142.

спор, и в этом чувствуется ее кокетство и флирт. Однако самое главное для Лидии Алексеевны не это! Главное – скрытый посыл читателю: «Я нравлюсь Чехову, он влюблен в меня, он готов даже бежать за моими санями». И, используя яркое сравнение, визуализирует и закрепляет эту мысль в сознании читателя: «А я за вами, сзади саней побегу, как собака, по глубокому снегу, без перчаток», – говорит ей Чехов. И этот образ не может не остаться в памяти читателя.

Рассмотрим несколько любопытных эпизодов VI главы, которую можно назвать «Прием гостей и Чехова поздним вечером. Признание в любви». Авилова приглашает Чехова в гости, причем на достаточно позднее время – на 9 часов вечера: «Приезжайте завтра вечером ко мне, – неожиданно для самой себя предложила я. Антон Павлович удивился: – К вам? Мы почему-то оба замолчали на время. У вас будет много гостей? – спросил Чехов. – Наоборот, никого. Миша на Кавказе, а без него некому у меня и бывать. Надя вечером не приходит. Будем вдвоем и будем говорить, говорить»²³.

Ситуация несколько щепетильная. Замужняя женщина приглашает в отсутствие мужа на позднее время в гости мужчину, который ей очень нравится, но который не бывал до этого в доме ни разу, не был представлен мужу. Вот как она оценивает предстоящую встречу: «Но ведь теперь я уже сделала проступок. Миша с ума сойдет, а я... мне уж нечем защищаться и бороться. Правоты у меня нет. Но какое счастье завтра! Какое счастье!»²⁴. То есть она сама понимает, что задуманная ею встреча бросает тень на ее добропорядочность, но не хочет ничего менять. И вот, когда наступает время прихода Чехова, происходит непредвиденное событие. «В начале десятого раздался звонок. /.../ Тогда я тоже вышла в переднюю и прямо застыла от ужаса. Гости было двое: мужчина и женщина, и они раздевались. Меня особенно поразило то, что они раздевались. Значит, это не бы-

---

²³ Там же. С. 143.

²⁴ Там же.

ло недоразумение: они собирались остаться, сидеть весь вечер /.../ Они с аппетитом принялись за еду. Я угощала, подкладывала...»²⁵. Был ли этот визит на самом деле – не представляется возможным выяснить, но в сюжете этой новеллы, когда Авилова ожидает Чехова и предвкушает разговор наедине, эпизод появления незваных гостей – это особый поворот сюжета, который несет функцию эскалации напряжения, обострения переживаний.

В связи с этим неожиданным визитом к Авиловой шумных супругов Ш. возникает несколько вопросов. И ответить на них сможет не только специалист по этикету конца XIX века. Во-первых, можно ли было приходить семьей в семейный дом без приглашения и предупреждения? Во-вторых, можно ли без приглашения и предупреждения приходить в семейный дом в десятом часу вечера? В-третьих, можно ли, будучи не в родственных, а только в приятельских отношениях, не докладывая хозяйке и без ее приглашения оставаться в доме. Визит Чехова в этот вечер тоже вызывает вопрос. Вот, как описывает его Лидия Алексеевна. «На наших больших столовых часах было половина одиннадцатого. Ясно, что Антон Павлович не придет, и я уже была этому рада. Все равно все пропало. Вдруг в передней раздался звонок, и я услышала голос Антона Павловича. Он о чем-то спросил Машу. – Что с вами? – крикнула В.У. – Петя! Скорей воды... Лидии Алексеевне дурно. Но я сделала над собой невероятное усилие и оправилась. /.../ Вошел Антон Павлович, и я представила друг другу своих гостей»²⁶.

Обратим внимание на то, во сколько появляется Чехов в этом доме – в половине одиннадцатого. Возникает тот же самый вопрос, который выше был адресован по отношению пришедшей супружеской чете Ш.: прилично ли было появляться ночью в семейном доме у дамы, да еще в первый раз, да еще не будучи представленным главе дома и в его отсут-

---

²⁵ Там же. С. 144.

²⁶ Там же. С. 145.

ствии. Вот что написано в комментариях к этому эпизоду в «А.П. Чехов в воспоминаниях современников»: «Как договорились накануне, Чехов был у Авиловой 10 февраля 1895 г. Пришел поздно, т.к. был с компанией писателей в ресторане Палкина»²⁷. Если объединить описание эпизода и комментарий к нему в одно смысловое поле, то становится очевидным, что в этом эпизоде Чехов настолько равнодушен к нормам поведения и так просто ко всему относится, что, будучи приглашенным (по словам Авиловой) к 9 часам вечера (что и так не рано), он появляется у дамы только в половине 11, потому что ему была важна компания его друзей-писателей. И вот, хорошо посидев с ними, он едет в гости в незнакомый дом к даме в отсутствие ее мужа. Но, в дневнике Ф.Ф. Фидлера²⁸ об этом вечере есть запись, и она проливает свет на многое, в первую очередь на то, во сколько на самом деле Чехов пришел к Авиловой (если допустить, что он там действительно был). Читаем у Фидлера: «В пять часов Потапенко собрался уходить», – пишет Фидлер. Они уговаривали его вернуться, и он обещает: «Но я приду от восьми до девяти, только куда? – В «Кавказский», «Хорошо». /.../ Чехов пил умеренно; он собирался посетить еще один дом. /.../ Едва Чехов ушел, Баранцевич²⁹ стал хныкать: «Ну вот, опять я дурака сваял – первый предложил ему /Чехову/ выпить на брудершафт /.../ «До чего же я напился!» – стонал он, когда мы ели в “Кавказском” шашлык и пили вино. Ровно в полдевятого явился Потапенко»³⁰. Итак, проанализируем ситуацию. Ресторан «Палкин» находился по адресу Невский проспект, 47. Второй ресторан, «Кавказский», находился на Николаевской ул.,1. То

---

²⁷ Ресторан «Палкин». Авилова Л.Н. А.П. Чехов в моей жизни. С. 649.

²⁸ Фидлер Ф.Ф. (1859-1917) – переводчик (в основном, русской поэзии на немецкий язык), педагог и собиратель частного «литературного музея», посвященного литераторам России и Германии, автор дневника – хроники жизни литераторов.

²⁹ Баранцевич К.С. (1851-1927) – русский писатель.

³⁰ Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 160.

есть Чехов покидает компанию в ресторане «Палкин» на Невском, 47. Мы не знаем во сколько, но он не идет с друзьями в «Кавказский». Его приятели сидят какое-то время в «Палкине», потом перебираются в «Кавказский» – на это требуется какое-то время. В «Кавказском», как мы понимаем из контекста, они заказывают шашлык, на приготовление которого тоже требуется время, едят этот шашлык, пьют вино. То есть от полутора до двух часов времени на все это было нужно. И вот только после этого, в половине 9 появляется Потапенко. Если отбросить от 20.30 полтора – два часа, то получится 19.00 – 18.30. То есть Чехов покидает эту компанию как минимум в 18.30. Авилова, как мы знаем, живет на Николаевской, перпендикулярной Невскому, поэтому дойти или доехать до ее дома – максимум полчаса. Значит, теоретически Чехов никак не мог быть у Авиловой в 22.30. Он был у нее самое позднее в половине восьмого (в крайнем случае – около в 20.00) – вполне нормальный для визита час. Таким образом, этот расклад времени совершенно «отменяет» придуманное Авиловой «неприличное» (22.30) время появления Чехова в ее доме. Хотя она выбирает для своего повествования именно его, так как оно интимнее и многозначительнее, в нем есть некий тайный послыл читателю. Тогда этот временной расклад полностью снимает и поворот сюжета о внезапном и беспардонном вторжении в квартиру вульгарной пары Ш. в 9 часов вечера, разрушившей всю чайную композицию и романтические ожидания Авиловой до прихода Чехова.

В этой главе внимания заслуживает еще один эпизод, который можно назвать «Разговор Чехова с Авиловой о ее творчестве» (не забудем, что одна из идейных линий мемуарного романа Авиловой – «я – писательница»). Лидия Алексеевна сетует: «“Антон Павлович, а я вашей оценки часто совсем не понимаю”. “Рассказ хорош, даже очень хорош, но то, что есть Дуня (героиня моего рассказа), должно быть мужчиной. Сделайте ее офицером, что ли /.../”. Видите, я даже выучила наизусть вашу рецензию.

– Ну, и оставили бы все, как было. Правда, хорошо. Ведь я писал вам, что по языку вы мастер и что я платил бы вам, будь я редактором, не меньше двухсот за лист»³¹. На самом деле письмо Чехова к Авиловой существует, но звучит несколько иначе: «Рассказ хорош, даже очень, но, будь я автором его или редактором, я обязательно посидел бы над ним день-другой. Во-первых, архитектура... Начинать надо прямо со слов: “Он подошел к окну”... и проч. /.../ Но лучше произвести кое-какие перестройки – спешить ведь некуда. Перепишите рассказ еще раз, и Вы увидите, какая будет перемена: станет сочнее, круглее и фигуры яснее (выделено мной – Л.М.). Что касается языка, манеры – то Вы мастер. Если бы я был редактором, то платил бы Вам не менее 200 за лист /.../».³² Это письмо было написано Чеховым Лидии Авиловой 21 февраля 1892 года. Описываемая в мемуарном романе встреча героев происходит 10 февраля 1895 года. То есть между этими событиями проходит 3 года. Вряд ли Авилова помнила письмо Чехова наизусть. Безусловно, в своем тексте она обращается к реальному письму, причем видно, что «разбавляет» цитату, «прореживает» ее по своему усмотрению и опускает настойчивый совет Чехова посидеть и переработать рассказ.

В своих мемуарах Лидия Алексеевна не единожды обращается к приему «цитирования писем»: она использует необходимые ей цитаты из определенного письма Чехова, берет из него произвольно то, что ей нужно, не заботясь о временном соотношении письма и эпизода. И дает эту цитату как реплику героя. Еще одним ярким примером такого использования цитат из переписки можно найти в эпизоде, когда Авилова едет с Чеховым от Лейкина и он поучает ее, как нужно писать: «Ну, а вы будете писать роман? Пишите. Но женщина должна писать так, точно она вышивает по канве. Пишите много, подробно. Пишите и сокращайте.

---

³¹ Авилова Л.Н. А.П. Чехов в моей жизни. С. 147.

³² Чехов А.П. Полное собрание сочинений: в 30 т. М.: Наука, 1978. Т. 4. С. 359.

Пишите и сокращайте»³³. А вот, как звучит письмо Чехова к Авиловой от 15 февраля 1895 года, на которое она опирается: «Пишите роман. Пишите роман целый год, потом полгода сокращайте его, а потом печатайте. Вы мало отделяете, писательница же должна не писать, а вышивать на бумаге, чтобы труд был кропотливым, медлительным»³⁴. То есть то, что было написано Чеховым 15 февраля, она помещает в свой текст как реплику его монолога при личной встрече 9 февраля. Его единичный совет в письме «пишите роман» она тиражирует в этом коротком (и по тексту, и по времени протяженности события) эпизоде несколько раз, и получается, что Чехов просто умоляет ее писать роман.

Здесь же хочется упомянуть еще об одном приеме Лидии Алексеевны: в одном эпизоде ее мемуарного романа явно просматривается текст другого автора: она берет чужие воспоминания о Чехове, слегка изменяет их и «отдает» Чехову как реплику в одном из диалогов с ней. Так, Чехов советует писательнице Авиловой: «Надо писать то, что видишь, то, что чувствуешь, правдиво, искренно. Меня часто спрашивают, что я хотел сказать тем или другим рассказом. На эти вопросы я не отвечаю никогда. Я ничего не хочу сказать. Мое дело писать, а не учить! И я могу писать про все, что вам угодно, – прибавил он с улыбкой. – Скажите мне написать про эту бутылку, и будет рассказ под таким заглавием: “Бутылка”»³⁵. На самом деле подобный эпизод описывается у В.Г. Короленко³⁶: «– Знаете, как я пишу свои маленькие рассказы? Вот... Он оглянул стол, взял в руки первую попавшуюся на глаза вещь, – это оказалась пепельница, – поставил ее передо мною и сказал: – Хотите, завтра будет рассказ... Заглавие “Пепельница”». Впервые этот отрывок был опубликован в журнале «Русское богатство» в

---

³³ Авилова Л.Н. А.П. Чехов в моей жизни. С. 142.

³⁴ Чехов А.П. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. С. 25.

³⁵ Авилова Л.Н. А.П. Чехов в моей жизни. С. 124.

³⁶ Короленко В.Г. (1853-1921) – писатель, журналист, публицист, общественный деятель.

1904 году, так что с высокой долей вероятности Авилова была с ним знакома.

Итак, вернемся к новелле, в которой описывается встреча в доме Авиловой и происходит разговор о ее творчестве. Разговор об издателях и журналах имеет в повествовании Авиловой эпизод, в котором Лидия Алексеевна эмоционально нажимает на Чехова, рассказывая, как она ходила к Буренину³⁷: «– Это что, – вяло сказала я. – Вы не знаете, куда я еще ходила! К Буренину. Чехов так и подскочил. Даже фалды его сюртука взлетели. – Какой идиот послал вас к этому негодяю? – не повышая голоса, но грозно спросил он и так нахмурился, что я удивилась. – Да, ходила, – подтвердила я. – Он сказал мне, что если я сама буду приносить ему свои рассказы... Понимаете? Ему и сама... – то он будет их печатать»³⁸. И для Чехова, и для читателя последняя фраза не оставляет сомнений в том, какие неприличные намеки делал Буренин начинающей писательнице. Для нее важно показать реакцию Чехова, а реакция однозначна: Чехов рассердился, нахмурился, «грозно спросил». Таким образом, она показывает гнев и ревность одного мужчины по поводу того, что другой мужчина посягает на его возлюбленную. Писательница виртуозно «выстраивает» для читателя не прямое подтверждение равнодушного отношения к ней Чехова. Казалось бы, можно остановиться и закончить на этом эпизод. Но нет! Следом появляется новый абзац: «Сказала и раскаялась. Совсем лишнее! глупо! Ведь это мне просто понравилось, что Антон Павлович сердится, и я постаралась еще усилить впечатление. Это называется кокетством»³⁹. Здесь она признается читателю, что сделала это специально. Но если она пишет, что таким образом хотела покочетничать с Чеховым (заметим, чтобы он ее поревновал), то рассказ об этом, признание в этом – это

---

³⁷ Буренин В.П. (1841-1926) – русский театральный и литературный критик, публицист, поэт-сатирик, драматург.

³⁸ Авилова Л.Н. А.П. Чехов в моей жизни. С. 147.

³⁹ Там же.

не что иное, как кокетство с читателем. Но история с рукописью и Бурениным отнюдь не исчерпана, она имеет очень интересное продолжение, в корне меняющее мемуарную достоверность события.

У Авиловой эпизод похода к Буренину заканчивается так: «– Ну, конечно, я ушла со своей рукописью и никогда больше носа туда не покажу, – прибавила я»⁴⁰. Из этой фразы мы понимаем, что свою рукопись Авилова Буренину не отдала. Но кому же она ее тогда отдает? Конечно, Чехову! Ведь первое, о чем Антон Павлович говорит, когда ушло семейство Ш. и они «в изнеможении перешли в кабинет», – это именно о произведениях Лидии Алексеевны: «Кстати... не можете ли вы дать мне то, что обещали. Газеты с вашими рассказами и рукопись»⁴¹. Заметим, к слову, что мотив «Чехов хочет читать мои произведения» звучит постоянно из новеллы в новеллу. Ненавязчиво показывая такой настойчивый интерес Чехова к ее рассказам на протяжении долгого времени, Авилова исподволь дает читателю понять, просто-таки внушает, что она как автор – интересна, значима, раз сам Чехов «выпрашивает» то, что она написала.

Но вернемся к тому, что происходит в кабинете в квартире Авиловой. Войдя в кабинет, Чехов, очевидно, занимает определенное место: он «сидел на диване, откинувшись головой на спинку»⁴². И до конца свидания находился именно там, на диване, не вставал и не ходил – все косвенные «ремарки» говорят именно об этом. Авилова на этот раз передает Антону Павловичу написанное: «Я все собрала заранее и передала ему пакет»⁴³. Логично предположить, что Чехов кладет этот полученный от нее пакет где-то рядом. Допустим, здесь же, на диван. Но вот, что мы читаем через 2 страницы, на которых описывается горячее и трагическое признание Чехова ей в любви: «Он что-то искал гла-

---

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 146.

⁴² Там же С. 139.

⁴³ Там же С. 147.

зами на столе, на диване. – Я, кажется, обещал еще завтра повидаться с вами, но я не успею. Я завтра уезжаю в Москву. Значит, не увидимся. Он опять внимательно оглянулся, пошел к столику у окна и взял пакет с рукописями»⁴⁴.

Что мы видим? В первую очередь – небрежность автора. Она не замечает, забывает, что незадолго пред этим ее героиня уже отдала рукописи герою, они уже в его, а не в отчужденной зоне, поэтому он не может и не должен передвигаться по комнате в их поисках. Но автор настойчиво заставляет героя искать пакет в комнате. Складывается впечатление, что Авилова как автор не увидела явного несоответствия в действиях героев, потому что ее внимание привлекает другая задача, и именно на ней она сосредоточена. Авилова использует свой излюбленный прием повтора, чтобы акцентировать внимание читателя и закрепить в его сознании то, что ей необходимо, а именно: Чехов очень заинтересован в том, чтобы прочитать то, что она, писательница Авилова, сочиняет. Даже в эмоционально трудной, напряженной ситуации – объяснения ей в любви – он не выпускает из памяти, что должен на этот раз обязательно взять ее рукописи с собой, настойчиво ищет их, находит, берет и уносит. Сколько внимания, как бы вскользь, но на самом деле осознанно уделено автором мемуаров этому эпизоду! И не случайно! Авилова пишет, что после ухода Чехова она много думала, переживала, что «оттолкнула его», ничего не ответила на его признание.

«А на другой день я получила с посылным пакет с книгой и моими рукописями и письмо. Книга была только что вышедший сборник его рассказов с сухой надписью: «Л.А. Авиловой от автора».⁴⁵ Если предположить, что Чехов был у Авиловой 10 февраля, то «на другой день» – это 11 февраля. Но письмо Чехова, которое Лидия Алексеевна приводит на страницах своего мемуарного романа, от 15 февраля. Читатель такого «смещения дат» (к которому как

---

⁴⁴ Там же С. 149.

⁴⁵ Там же С. 151.

к творческому приему часто обращается Авилова) уловить не сможет, так как в тексте вообще нет дат, от которых можно вести отсчет. Но на самом деле было еще одно письмо Чехова к ней, о котором она умалчивает и именно с ним была передана книга. Это письмо от 12 февраля (действительно – на другой день). И в нем Антон Павлович среди прочего пишет: «/.../ Буренина я не видел сегодня и, вероятно, не увижусь с ним, так как постараюсь завтра уехать к себе в деревню. Посылаю Вам книжку и тысячу душевных пожеланий и благословений /.../».⁴⁶ Почему же это письмо Авилова не публикует? Потому что письмо Чехова от 12 февраля разрушает всю конструкцию новеллы, весь ее замысел, связанный и с признанием Чехова в любви, и с разговорами о ее творчестве. В «выброшенном» Авиловой из повествовательного мемуарного пространства, но реально существующем письме Чехова от 12 февраля очень неожиданно, на первый взгляд, возникает имя Буренина, более того, Чехов зачем-то пишет Лидии Алексеевне, что не видел его. Но все становится понятным, если обратиться к сохранившейся в архиве Чехова записке к нему Буренина: «Авилова прислала мне письмо, которое я прилагаю. Я отвечаю ей, что передал Вам рассказы. “Власть” я сейчас прочитал: напечатать, конечно, можно, но еще лучше не печатать. Другого рассказа не помню»⁴⁷. И вот тогда выстраивается очень понятная событийная линия, то есть то, что было на самом деле.

В свете письма от 12 февраля и записки Буренина история с Бурениным выглядит на самом деле иначе, чем рассказывала ее читателю Авилова. Во-первых, получается, что она действительно ходила в редакцию к Буренину и оставила там два своих рассказа – о них Буренин и пишет в своей записке Чехову. Тогда рассказ о том, что она не оставила у Буренина свои рукописи из-за его неприличных намеков, не имеют под собой никакой почвы. Во-вторых, логично,

---

⁴⁶ Чехов А.П. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. С. 23.

⁴⁷ Там же. С. 391.

что, когда Чехов приехал к Авиловой, он не брал никаких ее рукописей, потому она не передавала их ему – этих рукописей у нее просто не было, они были у Буренина. Из записки Буренина можно сделать вывод, что Чехов просил Буренина вернуть рукописи Авиловой, но вернуть именно ему, Чехову. А это значит, что во время визита Чехова Авилова попросила Антона Павловича забрать ее рукописи у Буренина. Почему она попросила его об этом, мы не знаем, но очевидно, она рассчитывала, что Чехов возьмет рукописи и принесет ей, что будет причиной еще одной встречи. Поэтому письмо от 12 февраля «мешало» Лидии Алексеевне, ведь именно в нем Чехов пишет, что пока не видел Буренина. Буренин по просьбе Чехова возвращает ему рукописи Авиловой, Чехов читает их и 15 февраля пишет свое мнение о прочитанном. То есть рассказы Авиловой «Власть» и «Кодню ангела» Чехов получает от Буренина, а не от самой Лидии Алексеевны. Таким образом, не помещая в свое повествование письмо Чехова от 12 февраля и цитируя его письмо от 15 февраля, Авилова красиво «замыкает» свой «творческий» сюжет в этой новелле: в ее версии Чехов настойчиво просит ее рассказы для прочтения, она передает их ему, он читает и возвращает со своими комментариями. На самом деле Чехов просто передает Авиловой ее рукописи, взятые им у Буренина по ее просьбе. Как видим, Авилова полностью придумала эпизод с Бурениным и рукописями в том ключе, который ей был нужен, при этом вплетая в повествование реальное письмо Чехова к ней, что придает рассказу несомненную достоверность. Весь текст «Чехов в моей жизни» Л.А. Авиловой буквально пронизан такого рода эпизодами и ситуациями. Объем статьи не позволяет изложить анализ, например, небезызвестной истории с брелком, который Авилова «послала» Чехову; или проанализировать эпизод, когда она подробно рассказывает о том, как Чехов в своей пьесе «Чайка» посылает ей со сцены зашифрованный «ответ», который вплетен в текст пьесы навеки.

В заключение хочется обратиться к некоторым особенностям текста мемуарных воспоминаний Л.А. Авиловой.

Во-первых, всю ткань текста пронизывают лексические и смысловые повторы. Например, местоимение «мы» и «наш». «Мы глядели друг на друга удивленно и обрадованно», «наши чувства», «мы испытывали». Признание Чехова в любви в одной из глав – просто замечательное использование этого приема. Вот так оно звучит в первый раз: «Да знаете ли вы?.. Знаете, что я был серьезно увлечен вами? Это было серьезно. Я любил вас. Мне казалось, что нет другой женщины на свете, которую я мог бы так любить. Вы были красивы и трогательны, и в вашей молодости было столько свежести и яркой прелести. Я вас любил и думал только о вас. /.../ Я вас любил /.../ Но я знал, что вы не такая, как многие женщины, которых и я бросал и которые меня бросали; что вас любить можно только чисто и свято на всю жизнь. И вы были для меня святыней. Я боялся коснуться вас, чтобы не оскорбить. Знали ли вы это?»⁴⁸ Как видим, это достаточно длинный, эмоциональный, искренний, взволнованный монолог. И одно из ключевых мест ее воспоминаний, так как в нем сам Чехов признается ей в любви. Конечно, это производит впечатление на читателя! Но Авиловой этого мало. И в следующей главе она опять возвращается к этому признанию, применяя прием развернутого повтора: «Когда Антон Павлович ушел, я закуталась в платок и стала ходить по комнатам. Ходила и тихо стонала. Было не то что больно, а невыносимо тревожно, тесно в груди /.../ Очень устала ходить и немного пришла в себя. В голове облака начали проясняться, исчезать. «Я вас любил...», – вдруг ясно прозвучало в ушах. Я пришла в темный кабинет и села на прежнее место. «Знали вы это? Я любил вас. Мне казалось, что нет другой женщины на свете, которую я мог бы так любить...» Я закрыла лицо руками и дрожала. «...еще тяжелее расстаться... Еще тяжелее... /.../ Вас любить можно только чисто и свято на всю жизнь. Я боялся коснуться вас, чтобы не оскорбить». Он это сказал. И еще:

---

⁴⁸ Авилова Л.Н. А.П. Чехов в моей жизни. С. 148.

«Вы были для меня святыней...»⁴⁹ Итак, после основного признания звучит еще одно как абсолютный повтор первого. Причем «Я вас люблю» – звучит в этом маленьком эпизоде дважды. Все это нужно Лидии Алексеевне, чтобы закрепить в сознании читателя главную мысль своего сочинения. Но и этого мало автору: через несколько абзацев мы опять встречаемся со словом «любовь», применительно к чувствам Чехова: «И зачем было ему говорить о своей былой любви? /.../ А если... если он не решился сказать “люблю” и сказал “любил” и ждал моего ответа, а я сидела как мертвая и не сказала ни одного слова»⁵⁰. Разнообразных повторов в тексте много, они нужны автору закрепления в сознании читателя определенного факта или эмоционального состояния героев, что лишает читателя свободы интерпретации происходящего.

Другой особенностью текста является, несмотря на сюжетность, определенная статичность новеллы. Если использовать метафору, то уместно говорить о луче прожектора, который из потока жизни и окружающих людей выхватывает двоих, отсекает их от других, и зритель погружается только в их диалог. Кстати, Чехов на страницах воспоминаний Авиловой дан только через диалоги. Поэтому складывается только вербальный портрет Чехова. Но с лексической, стилистической и интонационной точек зрения он «воссоздан» автором через много лет после происшедшего общения, поэтому не может быть индивидуализирован, а значит и достоверен. Поэтому через него проступает речевой портрет автора текста – писательницы Авиловой, а не объективный образ Чехова.

Последней особенностью текста, которую хочется здесь отметить, является его «кинематографичность», а точнее – «раскадровка», то есть в своем тексте Авилова выступает как «сценарист», «режиссер» и «оператор» одновременно. Вот, например, характерный отрывок, когда Че-

---

⁴⁹ Там же. С. 149.

⁵⁰ Там же. С. 150.

хов покидает дом Авиловой после своего признания в любви. Все, что описывает Авилова, выглядит как сценарий напряженного эпизода фильма: «Я с трудом встала и пошла его провожать. – Так не увидимся, – повторил он. Я молчала и только вяло пожала его руку. – Мы жили на четвертом этаже. Вся лестница была ярко освещена. Я стояла на площадке и смотрела, как он бежит вниз. На повороте я его окликнула: – Антон Павлович! Он остановился и поднял голову. Подождал и опять побежал. Я ничего не сказала»⁵¹. Неправда ли, перед внутренним взором читателя так и встает этот эпизод как сменяющие друг друга кадры фильма.

Таким образом, проведенный текстуальный и интертекстуальный, сравнительный анализ текста «А.П. Чехов в моей жизни» и переписки Чехова и Авиловой показывает, что для создания нужного событийного пространства Лидия Авилова использует приемы перестановки, умолчания, замены, отмены, ретроспекции, подмены. Текст изобилует недоговоренностями, намеками, ложноскрытыми ситуациями. Опираясь на реальный биографический факт Авилова делает его протособытием для сюжетной, повествовательной канвы, создавая биографическую легенду, которая прочно занимает место достоверно свершившегося исторического факта в биографии исторического лица. На самом же деле то, о чем пишет Лидия Авилова, является фактом литературного творчества и, по большому счету, фактом ее литературной биографии, так как именно эти воспоминания вывели ее из безвестности в середине XX века.

---

⁵¹ Там же. С. 149.

Библиография

Источники и документы:

1. Авилова Л.Н. А.П. Чехов в моей жизни // Чехов в воспоминаниях современников. М.: Художественная Библиография, 1986.
2. Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 10 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 10.
3. Бунин И.А. О Чехове: в 4 т. Нью-Йорк, 1955.
4. Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: в 4 т. М.: Правда, 1953.
5. Литературное наследство. Т. 68. Чехов. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
6. Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
7. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Художественная Библиография, 1960.
8. Чехов А.П. Полное собрание сочинений: в 30 т. М.: Наука, 1978. Т. 4.
9. Чехов А.П. Полное собрание сочинений: в 30 т. М.: Наука, 1978. Т. 6.

Косвенный адресат в «Дневниках странной войны» Ж.-П. Сартра

Наталья Шуринова

В фокусе нашего внимания – военные дневники Ж.-П. Сартра и особая роль косвенного адресата, посредством которой реализуется авторское исследование своей личности в данном тексте. Традиционно считается, что отправитель и получатель дневникового текста совпадают: именно об этом говорил Ю.М. Лотман, определяя тип коммуникации в дневнике как «Я – Я»¹. Однако подчеркнем, что уже при данных условиях адресат и адресант могут различаться ввиду временного несоответствия: диарист может перечитывать записи спустя какое-то время. М.Ю. Михеев для характеристики дневникового текста использует понятие «пред-текст»: «В моем понимании это текст в его неокончательном, черновом, незаконченном виде, к которому автор еще предполагает вернуться, чтобы его переписать или дополнить»². Вносимые пометки и корректировки, таким образом, акцентируют этот временной разрыв.

Поэтому отдельно выделяется и такая особенность дневникового текста, как потенциальная диалогичность. Хотя дневник обычно пишется автором для самого себя, это не исключает возможности косвенного адресата, под которым подразумевается постороннее лицо. А. Жирар в своей работе «Дневник и понятие личности» писал: «Монолог в личном дневнике – на самом деле монолог с продолжени-

---

¹ См. Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты // Семиосфера. СПб: Искусство. 2000.

² Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX-XX). М. 2007. С. 5.

ем, при ведении дневника присутствие другого никогда не исключается»³. Внутреннюю диалогичность дневника замечает и Б. Галтье: «Разумеется, личный дневник – это форма разговора с самим собой, но, когда текст написан, в нем уже нет ничего монологичного – именно потому, что он написан»⁴. А.А. Зализняк указывает на то, что «автор дневника является одновременно его адресатом, и при этом имеется потенциальный второй, косвенный, адресат»⁵. В дневнике он может принимать и вполне определенные черты. Л.Н. Летагин, анализируя поведенческий аспект практики ведения дневников, рассуждает о том, что философскую основу дневника составляет перманентное чувство «подотчетности», которое испытывает диарист во время протокольного фиксирования на бумаге своих поступков и мыслей. Необходимая мнемоническая операция, производимая в конце каждого дня, структурирует жизненное течение, определяя для автора дневника строй жизни: «Дневник сохраняет и доносит ценность «проходящих моментов», встраивая их в ритмически и семантически упорядоченную зависимость, «точки сравнения», в которой оказываются соотнесены с пульсацией человеческой идентичности»⁶. Принцип самоотчета предполагает для автора дневника возможность смотреть на свою личность как на объект. С потребностью в самообъективации и связан, по мнению исследователя, тот факт, что в самоотчет может вовлекаться дополнительный собеседник, дневник может реализовывать себя как эпистолярный жанр: «В многовековой истории своего культурного бытования, <дневник> не всегда рассматривался как «форма интеллектуального

---

³ Girard A. Le journal intime et la notion de la personne. Paris: Université de Paris, 1963. P. 506.

⁴ Galtier B. Le journal personnel: dialogues de solitaires // Solitude: écriture et représentation. Grenoble. 1995. P. 190.

⁵ Зализняк А.А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. С. 171.

⁶ Летагин Л.Н. Дневник: самосознание жанра // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 56. С. 66.

уединения». Не изменяя своим функциональным качествам, «записки для себя» могли стать самоотчетом «для другого»⁷.

Диалогичность дает возможность diarисту на страницах дневника вести разговоры с воображаемым или реальным собеседником, отображать чужие прочтения дневника уже в процессе его написания и активно реагировать на них. В результате второе лицо начинает проникать в дневниковую ткань, становится реципиентом авторской исповеди, организуя и структурируя дневниковое высказывание. Текст личных записок может превращаться уже в классический коммуникативный акт, где присутствует конкретный отправитель и конкретный получатель сообщения.

Подчеркнем, что сам Сартр крайне негативно относился к практике ведения дневников: в его представлении интроспективный взгляд diarиста на самого себя для самопознания бесполезен. В «Трансцендентности эго» автор, основываясь на концепции интенциональности Э. Гуссерля, пришел к выводу о том, что эго представляет собой результат конститутивной деятельности сознания. Сознание переживает различные состояния, из которых затем и конструируется «трансцендентное эго». При этом данный образ может быть результатом воспоминаний, и, благодаря особенностям памяти, представлять собой ложный образ. Именно такой «конструкт», как считал Сартр, описывает автор личного дневника, исследующий собственный внутренний опыт: «Сомнения, угрызения совести, так называемые “кризисы сознания” и проч., короче говоря – все то, что составляет материал изданий, где описывается интимная жизнь сознания, превращается в простые репрезентации».⁸ «Дневники странной войны» показывают его постепенное осваивание этой формы: «Нахожу общий язык с этим дневником. В первые дни я натягивал перчатки, когда

---

⁷ Там же. С. 63.

⁸ Сартр Ж.-П. Трансцендентность Эго. набросок феноменологического описания // Логос. 2003. Т. 37. №2. С. 115.

писал в нем».⁹ Однако во время своего пребывания на фронте Сартр заполняет записями пятнадцать дневниковых тетрадей. Очевидно, что дневник, несмотря на указанный недостаток, стал для автора формой, позволяющей исследовать собственную личность в экзистенциальном ракурсе.

Как мы полагаем, немаловажную роль здесь играет то, что возможность введения косвенного адресата предполагает для Сартра реализацию дневника как текста, предназначенного к прочтению Другим, который является одновременно условием объективации и отчуждения, а также необходимой инстанцией, структурирующей процесс самопознания. Встреча с Другим видится философу объективацией: каждый стремится к тому, чтобы превратить Другого из субъекта в объект, в результате чего возникает робость и стыд. Но при этом внешний свидетель представляет собой необходимость социологического характера: в концепции Сартра любому человеку необходим собеседник, социальность является важнейшей характеристикой сознания. При отсутствии Другого человек впадает в иллюзию обладания абсолютной свободой, которая точно также отчуждает его от реальности. Р. Болдюк пишет по этому поводу: «В своем желании “тотальной прозрачности” <философ> никоим образом не стремится разорвать связи с другими. Человеческое существо, будучи существом диалогичным, выстраивает свою идентичность посредством согласия или несогласия с Другим».¹⁰

Другой в роли косвенного адресата позволяет отстраниться от внутренней жизни, чтобы, вступив в диалог, строить свой проект в режиме коммуникации. Его появление в таком качестве предполагает внешнюю оценку поступков и принятых решений, а также возможность про-

---

⁹ Сартр Ж.-П. Дневники странной войны (сентябрь 1939 – март 1940). СПб: «Владимир Даль», 2002. С. 110.

¹⁰ Bolduc R. Le journal comme dialogue. Réflexions sur l'écriture de soi et l'authenticité à partir des Carnets de la drôle de guerre de Sartre // Horizons philosophiques. 1999. Vol. 10. № 1. P. 160.

верки действий и мыслей на способность «выдержать взгляд Другого». Ж.-Ф. Луэтт замечает, что внимание к внешней оценке позволяет автору избежать нарциссизма: «Сартр-писатель предпочитает не быть своим единственным читателем, этим разбивая зеркало, в котором и заключается ловушка самолюбования»¹¹. Ж. Симон называет сартровские дневники «личным дневником без интимности» («journal intime sans intimité»), акцентируя принципиальный отказ писателя от интроспекции¹².

Под косвенным адресатом в сартровских дневниках мы подразумеваем, во-первых, имплицитного читателя, о котором автор неоднократно размышляет на страницах тетрадей. Несмотря на то, что изначально публиковать военные дневники не предполагалось, писал их Сартр все же не для одного себя. Автор постоянно размышляет насчет горизонта адресатов и дальнейшей судьбы дневников: будут ли они предназначаться только его близким или же он действительно сможет их когда-нибудь опубликовать, поверить широкой публике? С самого начала он не исключает вариант посмертного издания текста: «Мне вовсе не кажется, что этот дневник будут упрекать в том, что автор гоняется за двумя зайцами: интимностью и публичностью (он говорит об интимном, самом что ни на есть интимном, но для того, чтобы потом предать огласке)»¹³. Это говорит о том, что Сартр рассчитывал на биографическую ценность дневников, возможность трансляции через время информации о приватной жизни знаменитого писателя и философа.

Однако «Дневники странной войны» примечательны еще и тем, что косвенный адресат в них приобретает конкретность. Их первой читательницей являлась С. де Бовуар:

---

¹¹ См. Louette J.-F. *La main extime de Sartre // Les Mots et autres écrits autobiographiques*. Paris: Éditions Gallimard, 2010.

¹² См. Simont J. *Carnets de la drôle de guerre (Septembre 1939 – Mars 1940)*. Notice // *Les Mots et autres écrits autobiographiques*. Paris: Éditions Gallimard, 2010. P. 1368.

¹³ Сартр Ж.-П. *Дневники странной войны (сентябрь 1939 – март 1940)*. С. 77.

изначально тетради назывались «военным дневником» и были снабжены посвящением «моему очаровательному Бобру». В первой тетради имеется и указание на то значение, которое имел данный адресат: «Эти заметки, в которых говорится только обо мне, не содержат, однако, ничего интимного, я и не считаю их таковыми. Все, что со мной происходит, все, о чем я размышляю – всем эти я собираюсь поделиться с Бобром; едва событие происходит, как я его уже рассказываю».¹⁴

«Публичность» дневников влияет и на авторский стиль, выбор способа подачи фактов. Сама предполагающаяся возможность обсуждения идей и наблюдений, зафиксированных в дневнике, навязывает и определенную манеру изложения: «Я не знаю более публичного человека, чем я. Когда я думаю, то по большей части с мыслью убедить того или иного определенного человека, когда рассуждаю, то следую духу риторики, чтобы убеждать или разубеждать»¹⁵. Таким образом, благодаря ориентации на косвенного адресата автор пишет о себе как аналитик: все, что написано в дневнике, должно быть понятно Другому, должно быть выражено при помощи ясного и прозрачного языка.

На наш взгляд, здесь дополнительно сказывается момент с ориентированностью на коммуникативность самих языковых средств. Сартр принимал во внимание функциональное различие художественного и аналитического языка, предполагающего рассмотрение реальности при помощи логических категорий. Первый, так называемый «язык ребенка», является средством овладения вещами, и потому более ёмок, так как с его помощью можно охватить большую часть действительности, прибегая к относительно малому количеству языковых средств. Аналитический язык предполагает последовательное уточнение понятий и терминов, универсален и понятен всем. То, что художественно

---

¹⁴ Там же. С. 76.

¹⁵ Там же.

выражается несколькими емкими фразами для того, чтобы охватить словом как можно большую часть реальности, аналитик-философ должен расчленить на составляющие элементы, дабы представить на суд Другого.

С «Бобром» Сартр обменивался дневниковыми тетрадами, обсуждал идеи, проекты романов, читал и корректировал статьи. Работа над собой, которая разворачивается в сартровских дневниках, сопровождается соответствующими местами из переписки с де Бовуар, где автор сетует на себя за свои убеждения, неподлинность своего существования. Именно поэтому данный текст примыкает к переписке того времени: письма, как указывает С.Л. Фокин, «представляют собой своего рода “паратекст” дневников»¹⁶.

При этом первая читательница часто противоречит Сартру, указывая на недостатки его философских зарисовок, описанных в военных тетрадах, или просто на неправоту. На просьбу высказать свое мнение по поводу дневников, он получает в ответ: «Я закончила читать ваши дневники. Я хотела написать вам длинное письмо о тех идеях, о которых вы просите меня высказаться, но они действуют на меня (уж извините), как сочинения Бергсона, когда я была молодой: столь определенно и правдиво, что сказать мне нечего»¹⁷.

«Бобер» становится и особым условным «персонажем» военных тетрадей, активным и действующим, вмешивающимся в ход авторской мысли и, как следствие, линию дневников. Многие записи конструируются как ответ на заданный де Бовуар вопрос или сделанное ей замечание: «В ответ на вопрос Бобра: она удивляется, что мир человеческой реальности имеет такие громадные измерения. Не может ли она быть в мире с человеческими пропорциями? Ответ: человеческие пропорции – это пропорции челове-

---

¹⁶ Фокин С.Л. Автопортрет философа на фоне войны: Жан-Поль Сартр и его дневники // Жан-Поль Сартр. Дневники странной войны (сентябрь 1939 – март 1940). СПб: «Владимир Даль», 2002. С. 791.

¹⁷ De Beavoir S. Lettres à Sartre. 2 volumes. Paris: Éditions Gallimard, 1990. Vol. 1. С. 350.

ской деятельности, а не сознания»¹⁸. Далее автор обосновывает свою идею о трансцендентальном сознании, которое обезоруживается там, где заканчивается предел орудийности, посредством этого противоречия между конечным и бесконечным реализуется заброшенность человека в мир: «Отсюда удивление Бобра на мысе Дю-Раз: именно из-за того, что воспринимать какую-то гору – значит ею пользоваться <...> даль звезд и вызывает оцепенение – близкое к ужасу Паскаля»¹⁹. Данное рассуждение повторяется также и в письмах.

Многие размышления, описываемые в дневниках, имеют ссылку на имевший место разговор, что также можно посчитать примером имплицитного диалога, принимая во внимание предполагаемое прочтение соответствующих записей. Выражая сомнение в своем этическом решении «принять войну», Сартр приводит свой диалог со спутницей: «Я объяснил, например, Бобру, что <...> на этот раз у меня действительно есть то, что нужно защищать, а именно защищать мою свободу писателя от нацистской идеологии. На что Бобер отвечала: «У вас возможно и есть. Но что защищать сеვენнскому пастуху? И можете ли вы принять эту войну для него?» С чем нельзя было поспорить»²⁰. Отказываясь от стоической позиции, которую он занимал в начале войны, автор пишет: «В сентябре 1939 г. я сказал: «Я переживаю войну, как холеру». Но это была ложная точка зрения, на что указала мне Бобр. Война – это не холера»²¹. Категория метафизического оптимизма, использованная на страницах записей как обозначение ключевого для личности автора комплекса, возникает благодаря выражению, использованному де Бовуар: «Ведь идея прогресса, дополняющая идею судьбы, тоже сидит во мне. Что Бобер и

---

¹⁸ Сартр Ж.-П. Дневники странной войны (сентябрь 1939 – март 1940). С. 121.

¹⁹ Там же. С. 123.

²⁰ Там же. С. 94.

²¹ Там же. С. 18.

называет моим оптимизмом»²². В тексте можно увидеть множество примеров этой имплицитной диалогичности, благодаря которой автор уточняет свои мысли, или, более того, выстраивает свои убеждения, споря или, наоборот, соглашаясь с де Бовуар, ссылаясь на высказанное ей мнение. Можно заключить, что косвенный адресат в военных дневниках является активной инстанцией, определяющей их своеобразие. Это связано со стремлением Сартра избежать психологического самоописания, фиксации ложного образа «трансцендентного эго», а также с необходимостью Другого в процессе самопознания. В тексте присутствуют различные косвенные адресаты: имплицитный читатель текста, первая читательница дневников С. де Бовуар, которой посвящаются записи. Появление читателя определяет стилистическую организацию текста: благодаря прочтению дневников автор излагает свои идеи и наблюдения при помощи аналитического языка, делая записи максимально ясными и доступными, способствуя последующему диалогу. Мы отметили также, что потенциальный реципиент может становиться условным «персонажем» дневников, влияющим на ход авторской мысли и организующим процесс самоисследования.

Библиография

Источники и документы:

1. Сартр Ж.-П. Дневники странной войны (сентябрь 1939 – март 1940). СПб: «Владимир Даль», 2002.

Исследования:

2. Зализняк А.А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение, 2010. № 106.
3. Летягин Л.Н. Дневник: самосознание жанра // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 56.
4. Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты // Семиосфера. СПб: Искусство, 2000.

---

²² Там же. С. 22.

5. Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX-XX). М.: Водолей-Publishers, 2007.
6. Сартр Ж.-П. Трансцендентность Эго. набросок феноменологического описания // Логос. 2003. Т. 37. №2.
7. Фокин С.Л. Автопортрет философа на фоне войны: Жан-Поль Сартр и его дневники // Жан-Поль Сартр. Дневники странной войны (сентябрь 1939 – март 1940). СПб: «Владимир Даль», 2002.
8. Bolduc R. Le journal comme dialogue. Réflexions sur l'écriture de soi et l'authenticité à partir des Carnets de la drôle de guerre de Sartre // Horizons philosophiques. 1999. Vol. 10. № 1.
9. De Beauvoir S. Lettres à Sartre. 2 volumes. Paris: Éditions Gallimard, 1990. Vol. I.
10. Galtier B. Le journal personnel: dialogues de solitaires // Solitude: écriture et représentation. Sous la direction d'André Siganos. Grenoble: Université de Stendhal, 1995.
11. Girard A. Le journal intime et la notion de la personne. P. Université de Paris, 1963.
12. Louette J.-F. La main extime de Sartre // Les Mots et autres écrits autobiographiques. Paris: Éditions Gallimard, 2010.
13. Simont J. Carnets de la drôle de guerre (Septembre 1939 – Mars 1940). Notice // Les Mots et autres écrits autobiographiques. Paris: Éditions Gallimard, 2010.

VII. Голоса и образы «маленьких» людей

**«Маленькая художница» Барбора Диджиокене
/ Варвара Горохова:
автотексты эмигрантки по зову сердца²³**

Наталья Капоче

Как жаль, что я художница,
а не писательница.
Сиди себе у печки и пиши.

Барбора Диджиокене

Барбора Диджиокене или Варвара Горохова (1896-1976) – художница русского происхождения, жила в Литве с 1921 г. и активно участвовала в литовской культурной жизни межвоенного периода. Варвара Горохова родилась в Санкт-Петербурге. Её родители служили у графов Демидовых. Мать была гувернанткой, учила детей графа русскому языку и грамматике, а отец был поваром. Сама Варвара Горохова работала телеграфисткой, но мечтала стать художницей. Она ходила на выставки объединения «Мира искусства», посещала Санкт-Петербургскую государственную художественно-промышленную академию им. А.Л. Штиглица

---

²³ Исследование выполнено при финансовой поддержке Научного совета Литвы (договор № LIP-029/2016).

(1914-1915), училась в частных мастерских (1916-1917), в художественной школе пролеткульта в Смоленске (1919). В одной из таких частных мастерских Варвара познакомилась с известным литовским художником Владасом Диджиокасом (1889-1942), который был на стажировке в Санкт-Петербурге. Так начался роман художника и преподавателя Владаса Диджиокаса и телеграфистки Варвары Гороховой, которая мечтала стать художницей, и Диджиокас пообещал ей помочь воплотить эту мечту²⁴.

Вслед за мужем, по зову сердца, Варвара Горохова эмигрирует в Литву в Каунас, который в межвоенный период был столицей тогда независимой Литвы, и становится Барборой Диджиокене. Это поворотный момент в судьбе Варвары/Барборы. Её жизнь в Литве будет трудной, она будет ощущать себя чужой, хотеть вернуться в Россию, переживёт побои и унижения, смерть сына-подростка по вине Диджиокаса, через два года после смерти сына и смерть самого Диджиокаса. Главная мечта Варвары Гороховой сбудется: она станет художницей, заметной персоной в художественном мире Литвы, но это произойдет не благодаря, а вопреки мужу.

Барбора Диджиокене рисовала портреты, шаржи, натюрморты, карты, занималась сценографией. Есть основания подозревать, что некоторые работы Владаса Диджиокаса выполняла Барбора. Известность Диджиокене получила как художница, рисующая кукол. У кукол Диджиокене было две функции: это игрушки ее сына Юргиса/Георгия (традиционная функция) и модели ее картин (неповседневное, художественное бытование). Театрализация быта, интерес к маскам, к комедии дель арте характерны для того времени, но в картинах Диджиокене куклы появляются не

---

²⁴ По внешнему виду пара Владас Диджиокас – Варвара Горохова похожа на пару Диего Ривера – Фрида Кало: высокий, крупный, грубоватый мужчина и хрупкая, невысокая женщина. Похожа и история интереса к работам этих пар художников: современники интересуются картинами Риверы и Диджиокаса, позже интерес смещается к работам Кало и Диджиокене.

как дань традиции и актуальное направление искусства того времени: она была вынуждена рисовать кукольные композиции, так как ее муж, обещавший сделать из нее художницу, дать ей возможность рисовать, выгонял всех моделей, которые приходили позировать Барборе²⁵. И тогда Диджиокене начинает рисовать кукол, которые иногда напоминают известных персон межвоенного Каунаса²⁶.

Всё время Варвара/Барбора пишет дневники. Дневники Варвары Гороховой становятся основой «Воспоминаний маленькой художницы», как Диджиокене называет свои автотексты о детстве, родителях, реалиях революционного Петербурга. После смерти сына Юргиса Барбора перестает вести дневник, о чём делает запись, и начинает переписывать уже написанное. Эти записи сохраняют форму дневника. В данной статье будут рассмотрены особенности автотекстов Барборы Диджиокене.

Последние десятилетия автотексты (автобиографии, воспоминания, дневники, письма, записные книжки и т.п.) привлекают внимание ученых разных областей гуманитарных наук. Автотексты используются как источник исторических и биографических фактов, на их основе изучаются и описываются стратегии индивидуального поведения в определенный культурный или временной промежуток, или особенности механизма человеческого сознания (например, памяти, эмоций, рефлексий и т.п.)²⁷. Вместе с

---

²⁵ Кроме того, например, покупал краски, которыми Барборе было трудно рисовать. Все эти трудности Барбора описывает в своих дневниках.

²⁶ Здесь можно вспомнить кукол, соединяющих в себе черты организма и механизма, сюрреалистов (Ханс Беллмер, Леонора Каррингтон, Леонор Фини и т.д.). Подробнее о куклах в творчестве Б.Диджиокене: Justina Augustytė, Barboros Didžiokienės gyvenimas ir kūryba: Didžiokienė, Barbora. Mažosios dailininkės prisiminimai. (Rachlevičiūtė, Ramutė sud.). Vilnius: Vilniaus universitetas, Lyčių studijų centras, 2011. P. 506-588.

²⁷ Например, Popkin, Jeremy D. History, historians and autobiography. Chicago: University Of Chicago Press, 2005; Economists' Lives: Biography and Autobiography in the History of Economics / E.R. Weintraub, E.L. Forget (ed). Durham: Duke University Press, 2007; Неклюдова М. Искусство частной жизни. Век Людовика XIV. Москва: ОГИ, 2008.

тем всегда возникает вопрос о степени доверия к таким текстам как к документу²⁸.

Автобиографические тексты в литературе имеют особый статус: их положение определяется как пограничная область художественной литературы. Русский формалист Юрий Тынянов в работах 1920-х гг. («Литературный факт» (1924), «О литературной эволюции» (1927)) вводит понятие литературного факта и литературного быта. Литературный быт понимается как периферия литературы, из которой пополняется арсенал литературных фактов, тех явлений, которые в тот или иной период находятся в центре литературы, являются каноном. Понятие литературного быта и литературного факта Тынянов объясняет на примере взаимодействия в литературе XVIII в. бытовых (что в терминологии Тынянова синонимично (авто)документальному²⁹) текстов с собственно художественными жанрами.

Тынянов подчеркивает, что «"Художественный быт" <...> по функциональной роли в нем искусства, нечто отличное от искусства, но по форме явлений они соприкасаются»³⁰, т.е. обладают схожими качествами. Если Тынянов

---

²⁸ «Ложь, всё ложь» так назвала главу своего авто/биографического исследования «Пропавшие без вести» Мэри Эванс (Evans, Mary. Lies, all lies: auto/biography as fiction: Evans, Mary. Missing persons. London: Routledge, 1999, 26-51). Определение границ правды / лжи (вымысла) одна из основных проблем, которую поднимают исследователи авто/биографических текстов. Об этом свидетельствуют и названия работ: Eakin, Paul John, Fictions in Autobiography: Studies in the Art of Self-Invention. Princeton: Princeton University Press, 1988; Adams, Timothy D. Telling lies in modern American autobiography. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1990; Gudmundsdóttir, Gunnthórunn. Borderlines: autobiography and fiction in postmodern life writing. New York: Routledge, 2001.

²⁹ Разные исследователи используют различные термины для определения автобиографических текстов: автодокументальные тексты (термин, который использует Тынянов), автореференциальные тексты, авто/биографические тексты, эгодокумент, автотекст. В данной статье я называю эти тексты автотекстами.

³⁰ Тынянов Ю. Литературный факт. Поэтика. История литературы. Кино. Москва: Наука, 1977. С. 264.

работал над проблемами истории литературы, то Роман Jakobson проблематизировал само понятие литературы. Как хорошо известно, Jakobson предлагал говорить не о литературе, а о литературности, которая и должна быть предметом теории литературы, это тот особый признак текста, по которому он включается в литературу. Тогда общий признак, общее качество текстов, о котором говорит Тынянов, это литературность, которая сконцентрирована в центре и рассеивается к периферии.

Первыми в фокус интереса исследователей попадают автобиографии известных людей. Однако в 2003 г. на конференции «Автобиографическая практика в контексте современной европейской культуры» классик исследований автотекстов Филипп Лежен в своем докладе «Практика ведения дневника» указывает смещение интереса исследователей от сконструированной, обдуманной, структурированной автобиографии к границе автобиографических текстов – к дневникам и другим личным записям обычных людей³¹.

Особое место и важность личных записей «маленьких людей» для исследований автобиографических текстов еще в 1993 г. подчеркивал французский социолог и антрополог Даниель Фабр. Он ввел термин «обычное письмо» (*écritures ordinaires*)³² – личные тексты обычных людей, которые позволяют выявить особенности автобиографических текстов «нулевого уровня».

Сама идея европейско-христианской автобиографии возникает из христианской исповеди, которая будучи интимной, частной практикой, изначально была публичной. Как подчеркивает Михаил Бахтин, «в условиях греческой площади, где началось самосознание человека, о такой дифференциации [частное/публичное] не могло быть еще и

---

³¹ Доклад был прочитан 29 октября 2003 г. в Российском государственном гуманитарном университете. Эту идею Лежен повторил и в интервью в 2004 г. http://www.fondationlaposte.org/article.php3?id_article=572 [просмотрено 30-09-2016].

³² *Écritures ordinaires* (Fabre, D Daniel dir.). Paris: P.O.L., BPI. Centre Georges Pompidou, 1993.

речи. Внутреннего человека — “человека для себя” (я для себя) и особого подхода к себе самому еще не было. Единство человека и его самосознание было чисто публичным. Человек был весь вовне, притом в буквальном смысле этого слова»³³. Первый пример европейской автобиографии — это «Исповедь» Блаженного Августина, которая берет начало в частных («бытовых») исповедях верующих, но «в ее форме еще настолько жив дух греческой площади», что ее «нельзя читать “про себя”, а нужно декламировать вслух»³⁴. Как резюмирует Джеймс Олней, один из основных современных исследователей автобиографических текстов³⁵, «из акта исповеди автобиография становится литературным актом»³⁶.

Истоки жанра дневника тесно связаны и актом исповеди. Как свидетельствует Лежен, исследуя женские дневники, он надеялся найти в них спонтанность, но выяснилось, что написание дневника контролировала мать или воспитательница, которые следили за тем, чтобы дневник велся последовательно, исправляли орфографические и стилистические ошибки, советовали, о чем писать. Основное событие дневника — это первая исповедь и подготовка к ней, и только позже написание дневника становится частным, интимным делом³⁷. Катрин Вьолле и Елена Гречаная дополняют исследования Лежена и утверждают, что исповедь оказала влияние не только на дневники женщин (девушек), но и вообще на формирование жанра дневниковых записей. Долгое время дневник использовался как вспомо-

---

³³ Бахтин М. *Формы времени и хронотопа в романе: Эпос и роман*. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. С. 62.

³⁴ Там же. С. 63.

³⁵ Точкой отсчета современных исследований авто/биографических текстов можно считать сборник работ «Автобиография: теоретические и критические эссе» под редакцией Дж. Олнея, который появился в 1980 г.

³⁶ *Autobiography: Essays Theoretical and Critical* // O. James (ed.). New Jersey: Princeton University Press, 1980. P. 13.

³⁷ Лежен, Филипп. «Я» молодых девушек / Lejeune, Philippe. *Le «Je» des jeunes filles: Автобиографическая практика в России и во Франции/Pratiques Autobiographiques en Russie et en France*. С. Viollet, E. Gretchanaia (ed.). Москва: ИМЛИ РАН, 2006. С. 13-30.

гательное средство для подготовки к исповеди, здесь фиксировались грехи и стратегии самовоспитания. Написание такого дневника контролировал священник³⁸. Средством личной саморефлексии дневник становится позже. Переход от модели духовной автобиографии к светской начинается с «Исповеди» Жан-Жака Руссо, где переосмыслиется форма «Исповеди» Блаженного Августина, и текст из религиозной сферы, периферии литературы, перемещается в центр. Последняя из серии автобиографических текстов Руссо, книга «Прогулки одинокого читателя» своей структурой напоминает дневник, в котором Руссо рассуждает о ценности любого личного опыта.

Все исследователи дневников подчеркивают, что самое большое влияние на развитие жанра дневника имели именно тексты «маленьких людей», представительниц «второго пола» – женщин, для которых дневник часто был ежедневной практикой и единственной возможностью самовыражения³⁹.

Каким образом в эту традицию ведения дневниковых записей вписываются автотексты Барборы Диджиокене?

Архив семьи художников Диджиокасов хранится в Канасе в Художественном музее им. М.К. Чюрлёниса. Внимание исследователей привлекал архив Владаса Диджиокаса, и только недавно, благодаря искусствоведу, преподавателю Вильнюсской художественной академии Рамуте Рахлявичюте в зону видимости попал архив Барборы Диджио-

---

³⁸ Вьолле К., Гречаная Е. Дневник в России в конце XVIII – первой половине XIX в. как автобиографическая практика / Viollet, Catherine, Gretchanaia, Elena. *Le journal intime en Russie comme pratique autobiographique (fin du XVIIIe – première moitié du XIXe siècle: Автобиографическая практика в России и во Франции // Pratiques Autobiographiques en Russie et en France.* С. Viollet, E. Gretchanaia (ed.). Москва: ИМЛИ РАН, 2006. С. 57-112.

³⁹ *Marginal Voices, Marginal Forms: Diries in European Literature and History* // R. Langford, R. West (ed.). Amsterdam: Rodopi, 1999; Didier, Béatrice. *Le journal intime.* Paris: Presses universitaires de France, 2002; Hocke, Gustav Rene. *Europäische Tagebücher aus vier Jahrhunderten. Motive und Anthologie.* Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch-Verlag, 1991.

кене, были изданы два тома ее автотекстов: «Воспоминания маленькой художницы» и дневники периода эмиграции⁴⁰. Большую часть архива Диджиокене составляют письма мужа, родственников, которые остались в России, и друзей, а также неотправленная корреспонденция самой Диджиокене этим адресатам. Эта часть архива будет систематизирована и подготовлена к публикации в ближайшее время. Архивные записи художницы и ее мужа сделаны на русском языке. Архив семьи Диджиокасов составляют и личные записи (дневники, записные книжки, переписка с друзьями) их сына Юргиса, который умер в подростковом возрасте. После его смерти Диджиокене переписала и систематизировала его дневники. Юргис вел свои записи на литовском языке, которым не владела Диджиокене и плохо владел Диджиокас, поэтому здесь мы имеем дело только с механической обработкой дневника: переписывание в новые тетради, нумерация и т.п.

Свои же дневники Диджиокене не только переписывает в новые тетради, но и переструктурирует, а на основе своих петербургских дневников пишет объемную работу «Воспоминания маленькой художницы», тем самым меняя изначальную форму автозаписей и их адресата.

Систематизированная часть архива «маленькой художницы» состоит из 18 тетрадей, которые Диджиокене пронумеровывает, а на обложке пишет название или дату. Страницы тетрадей пронумерованы двумя способами. В тетрадях-дневниках номера страниц пишутся только на одной стороне листа, но номера дается два: в верхнем правом углу указывается общий номер страницы всех тетрадей-дневников, а в правом нижнем углу номер страницы именно той тетради, в которой ведется запись. Вторая сторона листа и очерченные поля оставляются для пометок и ком-

---

⁴⁰ Didžiokienė, Barbora. Mažosios dailininkės prisiminimai. (Rachlevičiūtė, Ramutė sud.). T.I. Vilnius: Vilniaus universitetas, Lyčių studijų centras, 2011. Didžiokienė B. Mažosios dailininkės prisiminimai. (Rachlevičiūtė, Ramutė sud.). T.II. Vilnius: Vilniaus universitetas, Lyčių studijų centras, 2015.

ментариев, которые периодически встречаются в этих дневниках. У тетрадей-воспоминаний отдельная нумерация: страницы пронумерованы по порядку. На «титульной странице» и тетрадей-дневников, и тетрадей-воспоминаний указывается имя автора – Б. Диджиокене⁴¹. Тетради № 1-6 и № 16 – это дневники, тетради № 7-15 и № 17-18 – воспоминания. «Названия» тетрадей-дневников – это даты, когда изначально были сделаны записи. Они написаны на обложке тетрадей: № 1, 1 апреля 1921 г. – 15 марта 1922 г.; № 2, 15 марта 1921 г. – 10 августа 1927 г.; № 3, 10 августа 1927 г. – 26 ноября 1935 г.; № 4, 26 ноября 1935 г.; № 5, 14 ноября 1939 г.; № 6, 10 апреля 1949 г.; № 16, 28 февраля 1964 г. – 21 февраля 1974 г.

Тетради-воспоминания называются «Воспоминания маленькой художницы», «Жизнь маленькой художницы», «Воспоминания о моих родителях», «Учитель Виолле». Кроме того, указывается дата, когда Диджиокене делает запись в этой тетради, и период, который охватывают эти воспоминания. Например, обложка тетради №11 выглядит следующим образом: «Жизнь маленькой художницы, начато 9 января 1961 г., закончено 31 января 1961 г. Описание жизни с октября 1916 г. по декабрь 1916 г.». Название тетрадей-воспоминаний позволяют утверждать, что воспоминания написаны на основе дневниковых записей, так как в названии указывается точный временной промежуток, описанный в этих записях.

Дневники, которые хранятся в архиве, переписаны Диджиокене 1940-1954 гг. В записи от 23 апреля 1940 г. говорится: «Теперь больше я дневника моего личного вести не буду»⁴². Эта дата становится началом переписывания дневниковых записей. Дневник за 1921 г. переписывается достаточно быстро. В той же самой тетради № 5, запись от

---

⁴¹ Авторская подпись на тетрадях выглядит следующим образом: В. Диджіокіене. Исключение тетрадь № 1, где имя написано на литовском языке – В. Didžiokienė.

⁴² NČDMA, G 157128-157145. тет. № 5. С. 268 (33).

31 декабря 1940 г.: «Сегодня окончила переписывать все мои дневники от 1921 г.»⁴³. В тетради №1, куда переписываются дневники за 1921 г., есть комментарий: «Что если он [сын] будет точно такой же негодяй, как и отец». Этот комментарий сначала переписывается из дневника-оригинала, потом перечеркивается и рядом пишется комментарий-манифест, инструкция к чтению дневника: «Через 20 лет после этих событий я переписываю мой дневник и могу сказать, что сын мой походил на отца только чертами лица, но он был чудесный ангел мальчик, и теперь его уже со мной нет, ангела мне прислал Бог в виде сына, он был моя радость и утешение и награда за все мои страдания, которые я претерпела, а теперь нет со мной моего ангела, и я, когда приведу в порядок мои дневники и моего покойного сына, – или уеду в Москву, или покончу самоубийством, невыносимо мне жить рядом с моим мужем деспотом и убийцей моего сына. В этом дневнике я вычеркнула все описания мелких ссор, и описания моих переживаний, чтобы не утруждать того, кому не лень будет прочесть эту единственную книгу на всем свете»⁴⁴. В то же время Диджиокене начинает переписывать дневники сына Юргиса: «из этих и моих дневников можно создать грустную повесть о жизни сына художника, его радостях, страданиях и смерти».

Сам акт переписывания дневников включает их в литературную традицию публикации дневниковых записей. Диджиокене указывает, что дневники предназначены для широкого читателя («не утруждать того, кому не лень будет прочесть эту единственную книгу на всем свете») и говорит о них, как о повести («повесть и жизни сына художника»). Причина, по которой дневники начинают переписываться и готовиться к публичному бытованию, связана со смертью: умирает сын, и Диджиокене планирует самоубийство после того, как закончит переписывать дневники. Это своеобраз-

---

⁴³ Там же. С. 280 (46).

⁴⁴ Там же. С. 41 (43).

ное воссоздание традиции публикации дневников умерших молодых девушек⁴⁵. Интонация таких дневников трагическая – ранняя смерть, а основной сюжет дневника – анализ своих поступков и грехов. Стратегия дневника Диджиокене близка этой традиции. Хотя она не юная девушка (в начале переписывания дневников ей 44 года), но поводом к «литературированию» дневников была смерть сына, который изображается как ангел, присланный ей за все мучения. В предисловии к своим дневникам и записям сына Диджиокене подчеркивает трагизм и мучения, которые пришлось пережить. Диджиокене создает своеобразную «богобязанную» литературу, житие святых мучеников. Эта стратегия поддерживается и выбираемыми сюжетами. Так как дневники переписываются, становится особенно важным, что именно сохраняется для предполагаемого будущего широкого читателя.

В дневниках Диджиокене можно выделить три повторяющихся сюжета: (1) *быт*, где основная тема – это отношения с мужем, ссоры с ним и их последствия; (2) *самоанализ*, где рефлексировются отношения с собственным телом, описывается борьба с грехами, показывается путь исправления, сопротивление греховному окружению; (3) *хроника культурной жизни межвоенного Каунаса*, в которой для Диджиокене особенно важно показать и описать свое место.

Первый сюжет обуславливает модус дневников как жития святых мучеников, где особенно важным становится протоколирование фактов физических мучений и страданий. Насилие со стороны мужа и физические страдания становятся стратегией жизнеописания именно в дневниках. Если сравнить дневниковые записи с письмами того же периода, то в письмах факты насилия и страдания опускаются. Например, в неотправленном письме от 31 июня 1931 г.

---

⁴⁵ Такие дневники были очень популярны во времена молодости Диджиокене. Подробнее: Лежен, Филипп. «Я» молодых девушек // Lejeune, Philippe. Le «Je» des jeunes filles: Автобиографическая практика в России и во Франции / Pratiques Autobiographiques en Russie et en France. С. Viollet, Е. Gretchanaiа (ed.). Москва: ИМЛИ РАН, 2006. С. 13-30.

подруге, такой же эмигрантке по зову сердца, Ольге Дубенецкене-Калпокене, Диджиокене пишет: «Насчет нераспустившегося цветка и завянувшего преждевременно – вы ошибаетесь. Судьба исполнила все мои желания – и я была счастлива настолько, насколько позволили условия жизни». В тетради №3, куда переписываются события 1931 г., нет никаких следов счастья. В письме родителям от 20 апреля 1939 г. Диджиокене пишет: «отец [Владас Диджиокас] присмирел, мало пьет со страху [сын Юргис серьезно болеет] и уже его [Юргиса] не бранит и ничего ему не жалеет, только бы он поправился». Но в дневниках того периода, например, запись от 15 марта 1939 года, Диджиокене пишет: «Владас злой, как сатана, придирается к Юргису, муштрует его как раба, ставит на колени за малейшую провинность, и даже бьет его по лицу, а иногда ремнем, так что на теле остаются красные полосы»⁴⁶. Запись от 3 июня 1939 г. свидетельствует: «Владас заявил, что через две недели у нас в доме будет ремонт. <...> Я его просила ремонт не делать, потому что Юргис еще окончательно не поправился “Я так приказал, мой указ, так будет” <...> Несмотря на долги, которые наделали за лечение Юргиса, он [Владас] влез в долг и делает ремонт, кроме того посадил 120 деревьев. Он ни с чем не считается и выполняет свои затеи»⁴⁷ (примеры можно множить). В дневниках нет ни одной записи о том, что отец заботится о своем сыне.

Первый сюжет, соответствующий принципам модели написания жития святых мучеников, дополняет и второй повторяющийся сюжет, который можно разделить на два подсюжета: (2.1.) отношения со своим телом и (2.2.) отношения со своей душой.

В дневниках отношения с телом представлены следующим образом: «Я очень боюсь превратиться в самку. <...> Я сейчас не более как беременная сучка, гадкая всем окру-

---

⁴⁶ Тет. № 4. С. 219 (45).

⁴⁷ Там же. С. 223-224 (49-50).

жающим и самой себе»⁴⁸, дальше следует несколько записей о том, что Барбора не чувствует счастья от того, что родится ребенок, об отвращении, испытываемом к собственному телу. «Но все-таки для такого гадкого утенка как я – их [семьи Калпокасов⁴⁹] визиты для меня радость»⁵⁰; «В этом году мне исполнится 30 лет. Я за лето пополнела. Юргис мой растет умницей, только ему с такой неудачницей мамашей скучно»⁵¹; «подсела к столу послушать, о чем умные говорят»⁵²; «а все-таки неприятно чувствовать себя одинокой <...> а кому какое дело до скромно одетой русской художницы, общество которой даже муж игнорирует? И я одна в моем черном лапсердаке ковыляю домой»⁵³; «15 декабря. Вчера по старому стилю мне исполнилось 32 года. А сегодня 11 лет как я замужем. Хотя я и старуха, но Владас от меня может ожидать разных сюрпризов»⁵⁴; «Мне скоро исполнится 36 лет. <...> я постарела, лицо мое одутловато и нечисто, от худосочия прыщики, от курева и кофе цвет лица зелено-желтый <...> расслабленная старая крыса»⁵⁵; «Я живу как усталая амфибия, похудела и мало кушаю»⁵⁶; «Я же сама себе противна. Мне 43 года, нос обвис, зубы плохие, изо рта пахнет, одета скверно <...> Я не опустила, мне буквально не на что одеться и лечить зубы»⁵⁷ (примеры можно множить).

Отношения с душой (анализ грехов, сопротивление ближайшему окружению) в дневниках представлены сле-

---

⁴⁸ Тет. № 2. С. 119 (58).

⁴⁹ Семья Калпокасов: Пятрас Калпокас (1880-1945) – литовский художник, профессор; Ольга Дубенецкене-Калпокене (1891-1967) – родилась в Петербурге, эмигрировала вместе с первым мужем Владимиром Дубенецким в Литву, балерина, модель, художница.

⁵⁰ Тет. № 2. С. 95 (34).

⁵¹ Тет. № 2. С. 118 (57).

⁵² Там же. С. 119 (58).

⁵³ Тет. № 3. С. 128 (8).

⁵⁴ Там же. С. 135 (15).

⁵⁵ Там же. С. 149 (29).

⁵⁶ Тет. № 4. С. 194 (20).

⁵⁷ Там же. С. 214 (40).

дующим образом: (2.2.): «Я много выпила, была пьяная»⁵⁸, «14 октября 1923 г. С глубоким прискорбием я запишу вчерашний вечер. Владас меня зазвал пойти на лекцию Горбачевского. <...> Я неохотно пошла, чувствовала, что из этой прогулки ничего хорошего не выйдет. Или поругаемся, или будут глупо пропиты деньги. <...> По дороге домой они [Диджиокас и директор художественной школы Венужинский] затащили меня в ресторан Метрополь. Тут выпили бессмысленно много вина и ликера <...> Директор тащил меня и Владаса нюхать кокаин, конечно, от этого я отказалась. Владаса тошнило. Меня мутило и я, не раздеваясь, спала до утра. <...> Чувствую себя плохо, и мучает совесть, зачем я пошла с Владасом на эту лекцию. <...> Дала себе слово, что больше с этими босяками никуда не пойду и если я этого слова не сдержу, я последняя тварь, и нет мне прощения, и я погибну»⁵⁹, через четыре дня: «Как раз зашли Калпокасы. <...> Я их угостила вишнежкой, сама не пила ни капли, и мне совсем не хотелось пить. Слава Богу! Значит, я не буду пьяницей»⁶⁰; «Мне плохо, потому что я злая. <...> Но Бог мне простит, ведь мои нервы от неприятностей напряжены до крайности и я вспыльчива, чего со мной раньше не бывало. Да! Жизнь портит человека»⁶¹; «Я сказала Венужинскому: “Я дала слово не пить, я дала мое слово порядочного человека. <...> Если быть вашим знакомым – значит пить”»⁶²; «Мой муж погибает. Я это единственный светоч для него и потому он меня так цепко держит. Ни я, ни мой талант ему не нужны – ему нужна моя чистота, около которой он греет свою грязную душонку»⁶³; «19 сентября 1924 г. <...> Могу с радостью заметить, что победила две мои слабости. Во-первых, я не пью, во-вторых, перестала

---

⁵⁸ Тет. № 2. С. 82 (21).

⁵⁹ Там же. С. 93-94 (32-33).

⁶⁰ Там же. С. 94 (33).

⁶¹ Там же. С. 95-96 (34-35).

⁶² Там же. С. 97 (36).

⁶³ Там же. С. 98 (37).

любить мужа»⁶⁴; «Теперь я чувствую, что это наказание за все мои грехи»⁶⁵; «Много зол я одолела. Бросила совсем пить. <...> Порвала со многими вредными знакомствами, примирилась с жизнью и ничем не интересуюсь кроме сына, работы и моего дома. <...> А курить бросить не могу»⁶⁶ (примеры можно множить). Оба подсюжета, записи Диджиокене о душе и теле, соответствуют христианской (церковной) традиции ведения дневника, для которой характерна фиксация своих грехов, их анализ и самоуничтожение.

Можно предположить, что то, что мы сейчас читаем, это не первая редакция дневников. Как отмечает Диджиокене на листочке, вложенном в тетрадь №6, «Вчера окончила переписывать мои дневники за период 1921-1940 гг. Интересно, надо еще раз их переработать [подчеркнуто мной – Н.К.] – тогда можно будет их дать кому-нибудь почитать», а на последней заполненной странице тетради карандашом дописано «1954 г. 19/III. Но мне самой это перечитывать интересно». В тетради №16, где заполнено только 5 страниц, последняя запись от 25 января 1974 г. следующая: «Только через 3 года возобновила работу с архивом». О том, что дневники многократно перечитывались и редактировались, свидетельствуют и записи, сделанные разными чернилами. Иногда отличаются не только чернила основного текста и комментария, но и пометок, сделанных на той же самой странице.

В ситуации редактирования и переписывания дневника особенно важными становятся комментарии и пометы, для которых специально оставляется место, и которые пишутся не параллельно с текстом, а во время перечитывания. В большинстве случаев в этих комментариях говорится о судьбе картин Диджиокене. Например, «Нарисовала пару букетов бумажных цветов»⁶⁷, на полях «(подарила аку-

---

⁶⁴ Там же. С. 109 (48).

⁶⁵ Тет. №. 3. С. 126 (6).

⁶⁶ Там же. С. 153 (33).

⁶⁷ Тет. № 2. С. 78 (17).

шерке»); «Я нарисовала куклу-поэта»⁶⁸, на полях «(собственность О.И. Калпокене)»; «Нарисовала натюрморт»⁶⁹, на полях «(не знаю, где)» – такие комментарии-пометы в большом количестве встречаются во всех дневниковых тетрадях Диджиокене. Встречаются двойные комментарии-пометы, например, «Начала писать натюрморт»⁷⁰, на полях «есть у меня», и еще одна помета на полях ниже «Подарила заведующей художественного салона *Katuriakytei*».

Комментарии-пометы в дневниках Диджиокене иногда носят характер *биографических указаний*: «Я состригла совсем волосы. Они от постоянного жара в течение 3,5 месяцев почти вылезли»⁷¹. Эта запись помечена звездочкой и на другой стороне листа комментарий «был жар 40-41 почти 2 месяца, потом 1,5 месяца температура уменьшилась»; «был Тумас»⁷², сверху над основным текстом вставка «ксендз, писатель Вайжгантас»; «Юстинас Венужинский пошел на Клайпедос улицу»⁷³, на полях «Клайпедос улица, где всё бардаки и проститутки»; «отпустила Юргиса с Йозасом Ранапинским в деревню»⁷⁴, на полях «начало больших бед» (примеры можно множить).

Эти комментарии-пометы составляют третий повторяющийся сюжет дневников Диджиокене: описание (культурной) жизни Каунаса межвоенного периода. Этот сюжет позволяет этим дневникам, а вместе с ними и «маленькой художнице» попасть в «Большую» историю.

Автотексты Диджиокене – это *écritures ordinaires*. Они находятся на границе литературы, принадлежат литературному быту. Но Диджиокене пытается «приблизить» свои тексты к центру литературы. Она их переписывает, обрабатывает, таким образом, увеличивая их литературность.

---

⁶⁸ Там же. С. 84 (23).

⁶⁹ Там же. С. 89 (28).

⁷⁰ Тет. №4. С. 218 (44).

⁷¹ Тет. № 2, с. 75 (14).

⁷² Там же, с. 115 (54).

⁷³ Тет. № 3, с. 134 (14).

⁷⁴ Тет. №4, с. 219 (45).

Диджиокене наполняет свои дневники травматическими (в прямом смысле) подробностями своих отношений с мужем, мучительными деталями быта, описаниями телесной и душевной боли, тем самым встраивая свои дневники в ряд житий святых мучеников, где из всей биографии святого выбираются моменты страданий и мучений. Так же дневникам Диджиокене характерны черты, свойственные первым дневниковым записям, с которых и началось формирование жанра дневника – дневник как вспомогательное средство для подготовки к исповеди, реестр грехов и усилий по их исправлению/искуплению. А интерес к дневникам Диджиокене должны гарантировать факты культурной жизни и художественной среды Каунаса, которые выносятся на поля и в буквальном смысле обрамляют дневниковые записи. И это обрамление, «рамка» должна привлечь внимание широкого читателя к «картине» жизни «маленькой художницы».

Библиография

Источники и документы:

1. NCDMA, G 157128-157145

Исследования:

2. Бахтин М. *Формы времени и хронотопа в романе: Эпос и роман*. Санкт-Петербург: Азбука, 2000.
3. Вьолле К., Гречаная Е. *Дневник в России в конце XVIII – первой половине XIX в. как автобиографическая практика / Viollet, Catherine, Gretchanaia, Elena. Le journal intime en Russie comme pratique autobiographique (fin du XVIIIe – première moitié du XIXe siècle: Автобиографическая практика в России и во Франции/Pratiques Autobiographiques en Russie et en France // С. Viollet, Е. Gretchanaia (ed.). Москва: ИМЛИ РАН, 2006.*
4. Лежен Ф. *«Я» молодых девушек / Lejeune, Philippe. Le «Je» des jeunes filles: Автобиографическая практика в России и во Франции/Pratiques Autobiographiques en Russie et en France*

- (Viollet, Catherine et Gretchanaia, Elena eds). Москва: ИМЛИ РАН, 2006.
5. Неклюдова М. Искусство частной жизни. Век Людовика XIV. Москва: ОГИ, 2008.
  6. Тынянов Ю. Литературный факт. Поэтика. История литературы. Кино. Москва: Наука, 1977.
  7. Adams T. D. Telling lies in modern American autobiography. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1990.
  8. Autobiography: Essays Theoretical and Critical // J. Olney (ed.). New Jersey: Princeton University Press, 1980.
  9. Didier B. Le journal intime. Paris: Presses universitaires de France, 2002.
  10. Didžiokienė B. Mažosios dailininkės prisiminimai. (Rachlevičiūtė, Ramutė sud.). Vilnius: Vilniaus universitetas, Lyčių studijų centras, 2011.
  11. Eakin P. J. Fictions in Autobiography: Studies in the Art of Self-Invention. Princeton: Princeton University Press, 1988.
  12. Economists' Lives: Biography and Autobiography in the History of Economics (Weintraub E. Roy, Forget L. Evelyn (ed.) Durham: Duke University Press, 2007.
  13. Écritures ordinaires (Fabre, D Daniel dir.). Paris: P.O.L., BPI / Centre Georges Pompidou, 1993.
  14. Evans M. Missing persons. London: Routledge, 1999.
  15. Gudmundsdóttir G. Borderlines: autobiography and fiction in postmodern life writing. New York: Routledge, 2001.
  16. Hocke G. R. Europäische Tagebücher aus vier Jahrhunderten. Motive und Anthologie. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch-Verlag, 1991.
  17. Lecarme-Tabone E. L'Autobiographie. Paris, 1997.
  18. Marginal Voices, Marginal Forms: Diries in European Literature and History // Langford R. and West R. (ed.). Amsterdam: Rodopi, 1999.
  19. Popkin J. D. History, historians and autobiography. Chicago: University Of Chicago Press, 2005.

**Неизданная рукопись воспоминаний врача
С.Д. Чечулина (1866-1940) «Ежегодник моей жизни»**

Наталья Демкова, Сергей Лунц

В домашнем архиве известного русского физика-теоретика Юрия Николаевича Демкова (1926-2010), почётного профессора СПбГУ, хранится рукопись (автограф) воспоминаний его деда, врача Сергея Дмитриевича Чечулина, озаглавленная автором «Ежегодник моей жизни»¹. Сергей Дмитриевич Чечулин (1866-1940) долгие годы работал железнодорожным врачом в Москве, Можайске и Харькове (1890-1905), был главным санитарным врачом при строительстве железной дороги в Благовещенске-на-Амуре (1910-1916), командовал санитарным поездом на Западном фронте в годы Первой мировой войны (1916-1917), оказался современником и очевидцем бурных событий 1917 года, а последние двадцать лет жизни проработал врачом в родном Череповце, где и написал свои воспоминания. «Ежегодник» посвящен жене и написан для детей и потомков.

Яркие черты характера С.Д. Чечулина – увлеченность учебой и работой врача, основательность и отвага – отразились не только на его жизни, но и на стиле его мемуаров. Обстоятельное описание детства в Белозерске, учебы в Ярославской гимназии и на медицинском факультете Московского университета, женитьбы, счастливой семейной жизни и непрерывного труда русского интеллигента, врача чехов-

---

¹ Заглавие рукописи: «Врач С.Д. Чечулин. Ежегодник моей жизни. 1866-1927 гг. Г. Череповец». 36 а.л. При цитировании текстов из «Ежегодника» сохранены авторские написания имен и фамилий, иногда отличающиеся от принятых в наше время.

ских времен, покоряет читателей вниманием автора к людям, их краткими, но выразительными характеристиками. Приметы и детали насыщенной событиями жизни (начиная с описания Университета и лекций московских светил медицины и кончая описанным отдельно арестом в 1938 году и неожиданно быстрым освобождением²) позволяет читателям почувствовать сложнейшую эпоху разрушения империи³, жизнь губернского городка, движение взбурдаженных масс; понять высокую духовность тружеников-интеллигентов из разных кругов общества (немалое место в рукописи уделено старшему брату автора – известному историку века Екатерины II, члену-корреспонденту Российской Академии наук Николаю Дмитриевичу Чечулину (1863-1927), известному источниковеду, библиографу, литературоведу, переводчику, знатоку западноевропейской и русской гравюры, историку круга В.Г. Дружинина и академика С.Ф. Платонова⁴, автору полутора сотен опубликован-

---

² Два отрывка приложены к «Ежегоднику моей жизни» С.Д. Чечулина отдельно, уже после его завершения: это воспоминания 30-х годов и описание ареста в 1938 году.

³ Перу С. Д. Чечулина принадлежит поэма, посвященная Февральской революции 1917 года, ранее хранившаяся в семейном архиве Ю.Н. Демкова.

⁴ Н.Д. Чечулин, прославившийся магистерской диссертацией «Города Московского государства в XVI веке» (1889), удостоенной в 1892 году Уваровской премии, и докторской диссертацией «Внешняя политика Екатерины II. 1762-1774 гг.» (1895), был первым публикатором «Записок» А.Т. Болотова и переписки канцлера Н.П. Румянцова, переводчиком записок Е.Р. Дашковой, знатоком и исследователем рукописей, в том числе – многих документов XVI-XVIII веков. Отметим особый интерес Н.Д. Чечулина именно к городам России, к российской провинции. Влияние старшего брата, всю жизнь прожившего вместе с семьёй С.Д. Чечулина, могло сказаться и на мемуарах Сергея Дмитриевича. Видя, как драгоценны для Н.Д. Чечулина все свидетельства мемуаристов XVIII века о провинциальном быте, Сергей Дмитриевич описывает свою жизнь с невероятной точностью и подробностью, вплоть до распорядка дня, а иногда прикладывает и иллюстрации (чаще всего – планы квартир, в которых ему доводилось жить). Обстоятельность, с которой описывает свою жизнь младший брат, наводит на мысль о том, что писал он не только для детей и внуков, но и для будущих историков, причём идеальный ис-

ных работ⁵ – и огромного труда «Русская провинция во второй половине XVIII века»⁶, увидевшего свет лишь недавно).

«Ежегодник» Сергея Дмитриевича Чечулина, даже не будь он написан человеком наблюдательным, пунктуальным и остроумным, представлял бы собой огромную ценность как исторический источник уже в силу того, как много пришлось повидать в жизни его автору. С.Д. Чечулин вёл подробные записи с 1885 по 1922 годы, эти записи были собраны в 1926-1927 годах и дополнены в конце 1930 годов. Два периода описанных кратко (детство в Белозерске и Ярославле, с 1866 по 1885 гг., и жизнь и службу в Череповце, с 1922 по 1936 гг.), С.Д. Чечулин восстановил по памяти. Последняя мемуарная запись С.Д. Чечулина об аресте и освобождении 13-14 августа 1938 года сделана за полтора года до его смерти в 1940 году. Более того: кругозор желез-

---

торик, способный воспользоваться всеми этими описаниями, представлялся С. Д. Чечулину похожим на его старшего брата Николая. Дата «1927», стоящая на обложке «Ежегодника моей жизни» С.Д. Чечулина как время завершения мемуаров, совпадает с годом смерти Н.Д. Чечулина, хотя позже С.Д. Чечулин включил в состав «Ежегодника» и записи о событиях 1930-х годов.

⁵ См. указатель, выпущенный информационно-библиографическим отделом и краеведческим отделом череповецкой Центральной городской библиотеки им. В.В. Верещагина в серии «Ученые, писатели, краеведы – наши земляки»: Николай Дмитриевич Чечулин: К 140-летию со дня рождения. [Указатель]. Исправленное и дополненное издание. Череповец, 2009.

⁶ Эта книга, в целом дописанная в 1922 году в усадьбе Борисоглебское под Череповцем и далее пополнявшаяся лишь небольшими фрагментами, ждала своего издания 85 лет: семья передала её в Русский Музей, и только в 1990 годы эта рукопись была найдена в архивах уже Этнографического музея. Опубликована монография лишь недавно, П.Л. Вахтиной и О.С. Острой, под редакцией А.В. Коновалова, А.К. Байбурина, А.Ф. Белоусова, Б.Ф. Егорова, Н.К. Леликовой, А.И. Раздорского, Д.Н. Шилова и Л.С. Гейро, см.: Чечулин Н.Д. Русская провинция во второй половине XVIII в. СПб, «Российская национальная библиотека», 2010. До сих пор в рукописи осталась и монография Н.Д. Чечулина «Литература общественных знаний в России XVIII в.» и Описание его поездки по западно-европейским художественным музеям.

нодорожного врача, объездившего чуть ли всю Россию, сделал «Ежегодник моей жизни» Сергея Дмитриевича не только ценным историческим источником, но и ценным географическим и статистическим справочником: в «Ежегодник» включены и травелоги, подробные путевые заметки о нескольких путешествиях.

Неизданный⁷ «Ежегодник моей жизни» С.Д. Чечулина – новый исторический источник, полезный для изучения духовной истории России, жизни и психологии частного человека и семьи, для понимания исконно-христианских гуманистических ценностей, которые не раз спасали Россию. «Ежегодник» интересен и с историко-типологической точки зрения: как памятник русской автобиографической литературы, начинающейся с «Поучения» Владимира Мономаха.

Сергей Дмитриевич Чечулин родился в Череповце 7 мая 1866 года, детство провёл в провинции: в усадьбах (Борисоглебское на Ирме; Мотома; Комонево; Смыслово, Тарханово, Красово, и Ширяевское на Суде) и городах (Белозерск, Ярославль, Рыбинск, Вологда); гимназию окончил в Ярославле. Особенно интересны записи о студенческих годах Сергея Дмитриевича: с 1 сентября 1885 г. он учился на Естественном факультете Санкт-Петербургского Университета, слушал лекции Бутлерова, Менделеева, Докучаева, Вернадского и Батнера; хлопотал о переводе на Медицинский факультет Московского Университета, поскольку в Москве жила его мать, да и ему самому хотелось учиться ближе к Ярославлю, где жила его невеста, Мария Ивановна Спасокукотская; в 1886-1890 годах учился на Медицинском факультете Московского Университета, слушал лекции Столетова, Захарьина, Склифасовского, Новацкого, Снегирёва, Филатова, братьев Корсаковых, Пospelова, Мансуро-

---

⁷ Единственным опубликованным на данный момент отрывком из мемуаров С.Д. Чечулина остаются его детские воспоминания до 1871 года, подготовленные к печати Ю.Н. и Н.С. Демковыми; см.: Чечулин С.Д. Ежегодник моей жизни: 1866-1871 гг.: (воспоминания) // Белозерье: краеведческий альманах. Вологда, 1998. Вып. 2. С. 166-173.

ва, Боброва, Зернова, Синицына, Кузьмина, братьев Клейн, Никифорова, Шервинского, Ельчинского, Остроумова, Павлинова, Шереметьевского, Сеченова, Бульгинского, Фохта, Мюллера, Эрисмана, Нейдинга, Навроцкого, Кожевникова, Маклакова, Брауна, Богословского, Дубелира, Корсакова, Рота, Бабухина, Огнева, Колосова, Штейна, Тихомирова, Успенского, Никоница, Соловьёва и Макеева; стиль преподавания многих из них описан в «Ежегоднике». Во время учебы С.Д. Чечулин был постоянно переизбираемым старостой курса; предпочёл хирургии акушерство⁸; с пятого курса был женат и занимался в Москве частной практикой. С 1891 года С.Д. Чечулин работал врачом в госпитале Брестской железной дороги в Москве, на Живодёрке у ворот Товарной станции, потом – в Можайске, Мухине, Кубинке, Одинцове; был секретарём Акушерского Гинекологического Общества; ездил к родственникам и пациентам в Петербург, Ялту, Севастополь, Феодосию, а по службе – в Киев, в Нижний Новгород. В мае 1903 года дядя С.Д. Чечулина, Михаил Павлович Петров, порекомендовал племянника в качестве врача Николаю Павловичу Петрову, генералу и члену Государственного Совета при императоре Николае II⁹, командированному в тот момент на Сибирскую желез-

---

⁸ Об этом важном профессиональном выборе С.Д. Чечулин пишет так: «Я упоминал выше, что Н.В. Склифасовский считал возможным, когда я был еще на IV курсе, оставить меня при факультетской хирургической клинике. Его ассистент Иван Константинович Стажарный после окончания экзаменов снова подтвердил мне, что Николай Васильевич мог бы оставить меня ординатором при своей клинике. Но я по своим силам не решился выбрать хирургию, меня больше всего пугало незнание иностранных языков и, кроме того, хирургия страшила меня своим безграничным объемом. Я ответил Стажарному: «Океан мне страшен, и я желал бы изучить лишь море», и отправился к проф. А.М. Макееву. Явился я к Макееву очень взволнованным и просил его разрешить мне, если возможно, поработать при его клинике, так как я желал бы изучить акушерство».

⁹ Н.П. Петров (1836-1920) – известный русский учёный-механик и инженер, профессор, основоположник гидродинамической теории смазки, инженер-генерал, отец хирурга Н.Н. Петрова; с 1893 г. – товарищ министра путей сообщения, с 1900 г. – член Государственного Совета, в этом

ную дорогу для того, чтобы выяснить, можно ли увеличить её провозоспособность. Во время этой инспекционной поездки по всей Сибирской железной дороге С.Д. Чечулин подробно описал путь от Москвы до Иркутска и обратно; его путевые записные книжки были переработаны и включены в «Ежегодник моей жизни». Перечислим станции и населенные пункты, описанные С.Д. Чечулиным и составлявшие маршрут инспекционной поездки: Царицино, Тула, Узловая, Пенза, Жигулёвские горы, Самара, Уфа, Златоуст, Томск, Тапшет, Тереук, Зима, Воловина, Иннокентьевская, Иркутск, Нижнеудинск, Красноярск, Тайга, Болотная, Обь, Чулым, Канск, Татарская, Омск, Пикетная, Исиль-Куль, Петропавловск, Макушино, Курган, Шумиха, Челябинск, Златоуст, Бердяш, Миньяр, Аша, Балашевская, Игмен, Уфа, Раевка, Абдулино, Похвистовка, Самара, Батраки, Сызрань, Кунец, Пенза, Моршанск, Узловая, Протопопов, Тула и Серпухов. С той же подробностью С.Д. Чечулин описал события 1905 года в Москве: он бродил по баррикадам Московского восстания 1905 года и даже зарисовывал их, оставил подробную хронику московских забастовок, был избран восставшими в «старшие», решительно отверг это избрание, но всё равно лишился за это места после подавления восстания. «Грозу» Сергей Дмитриевич переждал своём Борисоглебском; в том же году устроился на работу в родильный приют имени Лепехина; а в 1906-1907 годах заведовал в Крыму, в Кучум-Ламбате близ Алушты, санаторием для больных и раненых воинов Японской войны. В 1908 году С.Д. Чечулин был восстановлен в должности железнодорожного врача и сразу же назначен санитарным врачом всей сети Южных железных дорог, с жильством в Харькове, а с 1910 года – старшим врачом при постройке Средней части Амурской железной дороги. Шесть лет С.Д. Чечулин прожил в Благовещенске-на-Амуре, где был чуть ли не единственным безоружным человеком в городе, рассчиты-

---

качестве Н.П. Петров изображен на картине И.Е. Репина «Заседание Государственного Совета» (Русский Музей).

вая на свою фигуру и силу¹⁰; подробно описал ужасающие бытовые преступления, обычные для Благовещенска, эпидемию брюшного тифа 1912 года, лесной пожар, в котором он спасся чудом, сибирскую язву; написал брошюру «По-становка санитарного дела при перевозке рабочих на постройке средней части Амурской железной дороги», встретился со знаменитым путешественником Фритъфом Нансеном¹¹ и дважды выиграл у него в шахматы¹². Через два года после начала Первой мировой войны, в 1916 году, С.Д. Чечулин был отправлен как военный врач на Западный фронт, служил старшим врачом санитарного поезда № 1030, красочно описал манёвры над Минском германских «аэропланов и цеппелинов», то есть самолётов и дирижаблей; подробно рассказал о предреволюционных брожениях на фронте в 1917 году, вернулся с фронта в столичный Петроград к умирающему дяде Николаю Павловичу Петрову; ухаживал за ним, пытаясь не расстраивать тяжело больного

---

¹⁰ Эту яркую черту в жизни Благовещенска-на-Амуре С.Д. Чечулин отмечает лишь мельком: «Я ходил без револьвера, рассчитывая на свою фигуру и силу, а также на то, что меня знали очень многие из шпаны (как тогда называли бродяг и беглых каторжан). Нападения в Благовещенске бывали постоянно».

¹¹ О всеобщем почтении к Ф. Нансену С.Д. Чечулин пишет так: «Станцию Поздеевку подумывали тогда переименовать в Нансеновку, в память того, что от этой станции Нансен первый раз поехал до родины сплошным рельсовым путем. Однако впоследствии эта мысль была оставлена в виду того, что Фритъф Нансен в те времена считался, и не без основания, демократом. Я не буду заносить подробности этого путешествия, так как описание его уже имеется в отпечатанных путевых заметках Нансена, даже в русском переводе. Скажу лишь, что в этих заметках Нансен немного перепутал, указав, что он там встретился со старшим врачом постройки Гуссаковским, так как фигурирую в его рассказах я, Чечулин».

¹² «Во время пути, – пишет С.Д. Чечулин, – я сыграл с Нансеном две партии в шахматы, и обе партии выиграл. Нансен очень наблюдательный человек. Он многократно удивлялся на работу, проведенную на постройке Амурской дороги, так быстро, в такой тяжелой обстановке, и не раз высказывал похвалу строителям за то, что они бодро переносили все условия таежной жизни, которую нередко возможно приравнять к тем трудностям и неожиданностям, которые встречаются при проживании за полярным кругом.»

пересказом происходящих событий, и даже объяснял дяде-генералу, что шум стрельбы в Петрограде 1917 года – это лишь шум от снега, который сбрасывают с крыш, беседовал с дядей о «конечном» и «бесконечном» – и вылечил его! С.Д. Чечулин оставил описания Гучкова, Корнилова, Керенского и Брусилова, которых встречал лично; описал четыре митинга, на которых слово «республика» понималось чуть ли не как «Режь публику!»; отмечал резкое увеличение пьянства в революционную эпоху, через Вологду и Череповец добрался до семьи в Борисоглебске, там же спрятал и брата жены, Николая Ивановича Спасокукотского, убедив его скрыться из Череповца за несколько часов до неизбежного ареста¹³, вместе с братом Николаем Дмитриевичем Чечулиным сдал имение Борисоглебское «новой власти», Волостному исполнительному комитету, описал в «Ежегоднике» грубость и бесхозяйственность новой власти, не забыв тут же отметить и редкое астрономическое явление той зимы – частые северные сияния и огромный крест на небе, сложившийся из лунных гало, перечислил признаки грядущего голода и дефицита – и, в итоге, описал революцию «с точки зрения врача» – как «нервное переутомление или даже нервное истощение общества»¹⁴.

---

¹³ «Изредка, недели через две-три, я приезжал в Череповец и здесь видел, что революционное движение все расширяется, – писал об этом случае С.Д. Чечулин. – Но усадьба наша была почти отрезана от остального мира, – почта не ходила. Газет тогда мы не получали, только слухи, да “пантофельная” почта работала вовсю. Слухи были больше не политические, а местные, особенно относительно быстрых, жестоких и несправедливых решений и расправ “местных властелинов”. Я решил поехать в Череповец и увезти оттуда Николая Ивановича. Я приехал в Череповец вечером и застал Николая Ивановича больным, “с флюсом”, и уговорил его в ту же ночь уехать к нам в Борисоглебск. Отъезд его из Череповца был очень своевременным, так как утром в день нашего отъезда (ночью) явились к нему в дом для его ареста. Но все обошлось, – местные власти, не найдя Николая Ивановича в городе, успокоились, разыскивать его не стали, и Николай Иванович прожил у нас в Борисоглебске до 1918 года».

¹⁴ К июню 1929 года основная часть «Ежегодника моей жизни» была уже написана, и С.Д. Чечулин начал читать отрывки из неё (иногда – совершенно посторонним людям, что тоже характеризует его бесстрашие и

прямоту). Один из таких диалогов он и предположил описанию событий 1918 года: «Недели три тому назад (в конце июня 1929-го года) я читал некоторые отрывки моего ежегодника Илье Александровичу Боголепову. Боголепов, лет 35-ти, служил в это время доверенным врачом Вологодской участковой Страховой Кассы Северной железной дороги. Он был не особенно мне симпатичен, даже, пожалуй, просто антипатичен. Это человек “себе на уме”, самолюбивый и желающий создать себе карьеру, но человек неглупый. Он слушал мои выдержки и со вниманием и, по-видимому, с интересом около двух с половиной часов. И вот доктор Боголепов, прослушав мои выдержки, сказал мне: “Я вижу, Сергей Дмитриевич, что Вы в своем ежегоднике все-таки с удовольствием вспоминаете хорошие дореволюционные времена. Я лично не помню таких хороших условий жизни. Если же действительно было так недурно, даже было просто хорошо жить в те времена, как Вы описываете, то как Вы тогда объясните, отчего же произошла революция и совершилась она так бурно?!” Конечно не мне, современнику революции, можно дать точный и исчерпывающий ответ на этот вопрос. Этот вопрос сможет подробно осветить только историк, и притом лет через 50–100, когда он увидит все происходившее совершенно объективно и изучит массу материалов. Но все-таки и я попытаюсь остановиться на данном вопросе с точки зрения современника и свидетеля подобных огромных государственных потрясений. И прежде всего скажу, что изложить все подробно чрезвычайно трудно. Однако попробую. “Мне, как врачу, все это рисуется просто как “болезнь общества”, развившаяся на почве крайнего нервного переутомления или даже нервного истощения, вызванного войной и всеми предшествующими новшествами. <...>. Ближайшей причиной совершившейся революции следует, по моим взглядам, признать затянувшуюся войну. <...> Я решаюсь оставить все написанное здесь для того, чтобы можно было судить, что как трудно современнику разобраться во всех подобных вопросах. Однако можно довольно положительно сказать, что материальная сторона граждан России, то есть их скорее политическое социальное положение было всё-таки не так плохо, и вся Россия не представляла из себя такого бесправного, угнетенного состояния, каковое описывалось во времена Французской революции. А с другой стороны необходимо указать, что в нашей наступившей революции не было того возвышенного идеального, что наблюдалось при Французской революции, когда там главными лозунгами были эти действительно высоконравственные идеи: свобода, равенство, братство. Свобода у нас заменилась подчинением воле большинства, равенство было заменено уравнением не к подъему нижестоящих к высшему, а к отпусканию всего высшего на ступень низшую, наконец, братство заменилось товариществом, этим словом, начало которого было положено при С. Разине (“Товар ищи!” – был лозунг Разина для всех его разбойников, когда те вскакивали на купеческие лодки на Волге)».

С этого момента повествование в «Ежегоднике» становится короче и суше, и сам Сергей Дмитриевич объясняет причины этой метаморфозы: «Подробно, день изо дня или хотя бы из месяца в месяц, описывать весь этот и следующие все периоды представляло бы, возможно, и значительный интерес. Однако делать это для современника переживаемой эпохи было бы чрезвычайно рискованно и даже прямо не под силу, так как, во-первых, положительно не было времени, ибо приходилось всем много трудиться, чтобы доставать себе пропитание, причем трудиться физически, до усталости, просто до изнеможения; во-вторых, в эти времена так были перенапряжены нервы, что окончательно нельзя было взять в руки перо, почему и письма в эти годы писались так отрывисто; в-третьих, мы жили как на вулкане, не знали, куда занесет тебя не только на завтрашний, но даже и сегодняшний день, и зачастую приходилось собираться и переселяться в другое место в какие-либо два-три часа и бросать все свое имущество на произвол; наконец, в четвертых – каждый знал, что постоянно проводятся обыски и выемки всего, что ты имеешь, и что найденное, даже самое ничтожное, может повлечь за собой и аресты, и даже высшую меру наказания... и это, пожалуй, самое главное. По всем этим причинам и я здесь буду по возможности кратко, объективно заносить лишь факты, без описаний наших внутренних волнений и переживаний, предоставляя читателям этих записок наполнять своим собственным воображением всё то, что даёт общая картина этого времени. Из прежней спокойной, ровной и мирно текущей жизни у нас в это время не осталось ничего мирного, прочного и точного. Всё и вся менялось тогда ежедневно и даже чаще, в течение каких-либо нескольких часов. Сейчас тебя хвалят и даже как будто бы благодарят на словах, а через час за какое-либо самое ничтожное дело, или просто неосторожно вырвавшееся слово, или просто за твой какой-либо подозрительный “взгляд” и даже твою “мысль”, совершенно не высказанную тобой, окружающие готовы предать тебя суду “революционной совести” и даже без письменного обвине-

ния, и не только на суд, но и для помещения тебя в “исправительный дом”, откуда редко кто выходил здоровым ввиду бушевавшего тогда сыпного тифа, или же даже и просто тогда из этого дома шла торная дорожка и к месту высшей меры наказания...» Периоду с 1866 по 1918 годы посвящены девять десятых «Ежегодника», а периоду с 1918 по 1938 годы – лишь одна десятая часть, причём первая половина этой части посвящена 1919-1922 годам, период с 1922 по 1936 годы почти не описан, а вторую половину этой части занимают два последних развёрнутых описания – путешествия в Судиславль 1936 года и ареста в 1938 году. Тем не менее, некоторые из событий послереволюционной жизни С.Д. Чечулина тоже были включены в «Ежегодник»: команда 1030-ого санитарного поезда, избравшая Чечулина своим начальником в 1917 году, вызывала его к себе в 1918 году, но новые власти оставили его в Череповце как заведующего уездным отделом здравоохранения. С невозмутимостью и иронией автор описывает, как он вернул жене её рояль из их опечатанного дома, прятал хлеб «от советских глаз», договаривался с крестьянами об убежище и устраивал в стогу незаметное укрытие на десять человек, около месяца заведовал уездным отделом здравоохранения, служил в детском приюте, потом – в Здравотделе, потом – в Статистическом бюро, потом – в Управлении шоссежных дорог, устроился врачом и преподавателем гигиены в Череповецком Техническом училище, читал лекции по медицине в Учительском техникуме, принимал по 50-70 больных ежедневно в квартире, отведенной ему с семьёй в доме Технического училища, служил на четырёх новых советских службах одновременно, был командирован на борьбу с эпидемиями в Ирму, Кадуй, Белозерск, Андогу, Чайку, Рамешку, читал лекции с баржи, и сам слышал лекцию красного семинариста Чичкина, в которой интеллигенция сравнивалась с лимоном, который рабочий класс должен выжать и выбросить, и уподоблялась инженеру, который помог рабочим строить пирамиду – и затем был сброшен ими с её вершины. В жилом доме № 19 железнодорожной станции

«Череповец», куда его перевели, чтобы он оказался поближе к станционной амбулатории, Чечулин написал не только «Ежегодник моей жизни», но и брошюру «Путь к здоровью», разошедшуюся невиданным по тем временам тиражом в двух изданиях по 3000 экземплярах; какие-то из этих шести тысяч экземпляров могли сохраниться до наших дней. Здесь же в 1936 году Сергей Дмитриевич заинтересовался наследственностью, познакомился с трудами Менделя, завязал переписку с учёными-генетиками – «Пирсоном в Лондоне и Девинортом в Америке», и сам написал, что ему «...представилась возможность разобрать вопрос о наследственности в нашей семье», так что интерес к генетике тоже оказал влияние на работу над мемуарами. Последние страницы биографии написаны на хуторе Куликово под Судиславлем, на Шексне, в 1936 году, позже – только описание ареста в 1938 году.

Немногословно описаны в «Ежегоднике» значимые события российской жизни, современником которых довелось быть автору: Всероссийская выставка в Москве в 1881 года, на которую Чечулин поехал ещё гимназистом, и где он увидел первую электрическую железную дорогу; эпидемия сыпного тифа в 1881 году, от которого умер брат Сергея, Павел; эпидемия холеры в Москве в 1892 году; коронация Николая II и давка на Ходынском поле в 1893 году. С чужих слов описаны толки об освобождении крестьян и бродившие в народе слухи о том, что Александра II Освободителя убили в 1881 году якобы не народовольцы, а помещики; расстрел рабочих в Златоусте и убийство в ответ губернатора Богдановича в 1903 году, усмирение русскими войсками Боксёрского движения в Китае, Русско-японская война, Шекснинское восстание августа 1919 года, крушение на Судо-Глинской ветке в 1920 году. Однако каждый раз, когда автор «по долгу» описывает «известное», «историческое» событие, не затронувшее его напрямую, – оно уступает по яркости описания событиям из его частной жизни. Даже события, известные С.Д. Чечулину по чужим рассказам, описаны тем подробнее, чем меньше их масштаб: к

примеру, рассказ о расстреле Нафанаила, епископа Кирилло-Белозерского, лично знакомого С.Д. Чечулину, оказывается вдвое подробнее расположенного рядом рассказа о расстреле Николая II и царской семьи. Тем ценнее оказывается «Ежегодник» как исторический источник, не претендующий на описание важных для общества событий, но всегда точный и непредвзятый¹⁵ в своих непреднамеренных описаниях. В предисловии к «Ежегоднику моей жизни» сам Чечулин подчёркивает это свойство своих мемуаров: «Но всё-таки в описаниях я стремлюсь быть, по возможности, более объективным, и излагаю мою жизнь не так, как изображают писатели и романисты, а описываю обычно и серо, как переживал я, средний врач, в нашем среднем обществе в 1866-1926 годах в разных городах России».

Именно поэтому периодизацию своей жизни С.Д. Чечулин проводил совершенно иную, семейную: по занимаемым его семейством домам, причём планы этих домов он зарисовывал в том же «Ежегоднике» (в 1905 году он с той же скрупулёзностью зарисовывал баррикады в Москве).

---

¹⁵ Вся свою жизнь С.Д. Чечулин писал то, что думал; даже в тех случаях, когда его мнение расходилось с общим. Отметим отдельно отсутствие у автора политической ангажированности: «Отношения между крестьянами и помещиками перед войной в нашей, по крайней мере, местности, несмотря на бурно протекший 1905 год, – были вполне хорошие. Крестьяне окружающих деревень постоянно обращались к помещикам почтительно, нетребовательно, не нахально, но вместе с тем и без лести или боязни и панибратства. Они всегда благодарили за советы. Ко мне крестьяне обращались и за врачебными советами, но и за другими. Обращались они по домашним делам и к жене и всегда сердечно благодарили; но и мы постоянно помогали, чем только могли, и лекарствами, и советами, и разной мелочью, и деньгами; а если они обращались по судебным делам или по землеустройству, то я направлял их к Николаю Ивановичу, который устраивал все, что мог и всегда по возможности дешево. Но мы с братом и моей женой никогда не входили с ними в рассуждения о политике, так как я по натуре своей в этих вопросах ничего не понимал». Всех своих современников С.Д. Чечулин оценивает не по их социальному происхождению или политическим взглядам, а по их профессионализму, деловым и человеческим качествам, иногда – весьма резко, но всегда – очень пронизательно.

«Придерживаясь плана», принятого в его «Ежегоднике», он описывает по часам распорядок своего дня, перечисляет, чем питался он и его домочадцы, указывает, сколько денег уходило на хозяйство; перечисляет курьёзные события, связанные с бытом и жизнью своих современников и предков. Отметим, что он с равным вниманием описывает быт самых разных слоёв российского общества. Это касается и недавно получивших дворянство после окончания Московского Университета братьев Чечулиных, и весьма влиятельных «государевых людей» Петровых, и родственников жены (Спасокукотских, происходивших из духовного звания, и князей Шелеспанских, происходивших от князей Белозерских, и Сташевских, происходивших от польской шляхты), и друзей-врачей и друзей-пациентов (Голунских, Юрасовских, Бояркиных, Сумароковых, Ламановых, Резвяковых), и друзей-железнодорожников (Калашниковых, Кереновских, Якубовских, Менделеевых, Прониных, Левкес и Выдриных). С той же обстоятельностью он характеризует и выдающихся крестьян, и духовных лиц, с которыми его сталкивает судьба, и «новых правителей» и «новых специалистов» при советской власти, описанных с беспощадной прямоотой, а иногда и с убийственной иронией. Описания уклада жизни, обыкновенного для уездных помещиков и мещан (Чечулиных, Пушторских, Паниных, Афанасьевых, Петровых, Спасокукотских, Сабанеевых, Шубиных, Окерблом, Достоевских, Флоридовых, Яровицких, Чарыжниковых), придают «Ежегоднику» Сергея Дмитриевича Чечулина и ценность статистико-этнографического источника.

Отметим изменения в стиле мемуаров. При всей независимости и незаурядности Сергея Дмитриевича – первого озорника в гимназии, постоянно избираемого старосты всего своего курса в студенческие годы, картёжника, любителя сыграть в винт даже в беспокойные годы частной практики – и позже, до самой старости, неутомимого землепроходца на строительстве Амурской железной дороги, бесстрашного командира образцового санитарного поезда в годы Первой Мировой войны, «дипломата» и примирителя людей во все

времена своей жизни, – всё-таки видно, как меняется язык его записок от эпохи к эпохе, отражая ту речь, которую он слышал от современников. Убеждения Сергея Дмитриевича (человека набожного с юности, при этом – поверившего в коммунизм как альтруистическую идею, но главное – гуманиста и труженика, человеколюбие которого оказалось прочной основой для обеих этих идеологий) менялись значительно слабее, чем язык его записок.

Кроме фактографии «Ежегодник моей жизни» С.Д. Чечулина интересен и двумя важными качествами: во-первых, он показывает тот уровень образованности и духовной культуры, которым обладала провинциальная интеллигенция рубежа XIX-XX веков, а во-вторых – иллюстрирует значение семьи и рода для человека этой эпохи. Рассмотрим обе эти темы.

Чуть ли не главная черта членов большой семьи С.Д. и М.И. Чечулиных – чувство долга, осознание собственной ответственности за свое дело, удивительная добросовестность. Работа воспринимается этими интеллигентами-тружениками как радость; «дельное» не утомляет, а утешает; раздражает именно бессмысленное. Физический труд привычен; даже в самые тяжёлые годы Сергей Дмитриевич пишет о своих детях: «Работала молодежь чрезвычайно энергично и добросовестно, как люди интеллигентные и притом здоровые», и подчеркивает, что им приходилось заниматься для пропитания тем самым трудом, которым они раньше занимались просто для радости, а потому – оказались к нему готовы. Об успехах своих детей в учебе автор пишет с гордостью: «Дети у нас все окончили Высшие учебные заведения – Лида и Оля в Петербургском Педагогическом Институте (конец 1914 г.), Лена – Институт Гражданских Инженеров в 1921 г., Саша – на Медицинском факультете в 1926 году. Такое счастье выпадает не каждой семье». Александр Сергеевич Чечулин прославился как хирург, ученик основателя отечественной онкологии академика Н.Н. Петрова, полярник; Елена Сергеевна Чечулина – как гражданский архитектор, автор множества зданий на

Кольском полуострове, в Комсомольске-на-Амуре и в Ленинграде; а старшая дочь Лидия Сергеевна Чечулина, в замужестве Алексеева, воспитала внуков: инженеров Владимира и Ивана (конструктора подводных лодок, лауреата государственной премии СССР) и Марию (архитектора). Идея рода в «Ежегоднике» С.Д. Чечулина органично вырастает из привычки жить в большой, многолюдной и дружной семье, не теряя связей с тётушками, дядюшками, многочисленными племянниками. Эта идея вырастает из детской привязанности С.Д. Чечулина к братьям Павлу и Николаю, к сестре Лидии, к супруге Марии Ивановне (урожденной Спасокукотской), которую он впервые увидел в 1880 году и вместе с которой прожил всю жизнь, и к детям, которым и адресованы его мемуары. Посвящение жене подчёркивает «семейный характер» мемуаров: «Моей жене Марье Ивановне Чечулиной. Тебе, дорогая моя, посвящаю я “Ежегодник моей жизни”. Пусть эти записки пронесут тебя воспоминанием по всему земному пути, пройденному нами совместно. Пусть будет легка для тебя эта жизнь, согретая одной лишь любовью. Пусть наши потомки узнают, как жили их предки, как протекала наша семейная жизнь, всегда согреваясь в лучах любви, так ровно и чисто лившихся от тебя, солнышка моей личной жизни». Одно из самых ярких детских воспоминаний Чечулина – первая встреча в 1880 году в Ярославле с Машей Спасокукотской, его будущей женой, описанная в «Ежегоднике»: «Зало с хорами помещалось во втором этаже, туда вела большая, широкая лестница, и вот поднимаюсь я по этой лестнице вверх, а на площадке наверху стоит Иван Васильевич Спасокукотский, рядом с ним – девочка лет двенадцати, мне показалось – взрослая, в гимназическом коричневом платье. Хотя я и очень уважал Ивана Васильевича, но всё мое внимание приковала его дочь, ее спокойный круглый взгляд, ее открытое лицо, ее доброта, строгость, вера, так ярко выступавшие для меня во всём ее виде, подкосили меня; я замедлил свои шаги, почувствовал какое-то внутреннее содрогание и свое земное ничтожество перед ее спокойствием, ее

верой и добротой, перед чем-то неземным. Эти моменты значительно изменили мои дальнейшие взгляды. Я почувствовал, что для меня просыпается новая жизнь, новая радость, открывается новый путь к моему дальнейшему существованию... Нас, кажется, и не знакомили, я молчал... Вскоре начался концерт. Помню из этого концерта два куплета из песни Славянского: «А из рощи, рощи темной, песнь любви несется. Песня неги, песня страсти раздаётся. <...> Не течет река обратно: что прошло, того не будет; Только песнь о днях минувших она больше не забудет». Эти слова и теперь постоянно стоят в моей голове, и сейчас так нежно и стройно звучат в моих ушах... Итак, началась моя новая индивидуальная жизнь».

Культура провинциальной интеллигенции не отделяется от быта, она растворена в нём; в заметке пациенте, крестьянине из Коленца, Чечулин пишет: «Через несколько дней больной значительно окреп, а через две недели пошел пешком верст за пятнадцать домой совершенно здоровым. Кажется, именно этот случай создал мне известный авторитет среди местного населения, и он, во всяком случае, поднял меня в моих собственных глазах. Этот больной прислал мне большого черного петуха, и я смеялся, что пациент поступил как истинный древний грек, приносивший при выздоровлении своим богам черного петуха». Другой случай «вторжения античности» в быт XIX века в «Ежегоднике» – анкетная запись, сделанная троими студентами 4 курса, С.Д. Чечулиным, А.В. и М.Н. Ивановыми, о приёме и обследовании роженицы в Акушерской клинике. Эта длинная медицинская запись была выполнена гексаметрами, но при этом в точности следовала образцу анкеты: «1. Сюда к нам неожиданно явилась Дарья Петрова. 2. Из дома. 3. От рода имея протекшими лет тридцать восемь, не боле. 4. А день был девятый, ноябрьский, текущего года, с полночи прошел целый час, не хватало пяти лишь минуток. 5. Ты жизнь проводила – щи, кашу, и прочие снеди готова, <...> 9. Мы, трое дежурных, Чечулин, Ивановых двое, к тебе подошли и тебя исследовать стали...». Способность посмеяться, сопо-

ставив современность с Древней Грецией, – знак естественности культуры, не отделённой от повседневности. В этой культуре они жили, её атмосфера пронизывала весь быт не только семьи Чечулиных, но и многих других семей провинциальной интеллигенции.

Неизданный «Ежегодник моей жизни» С.Д. Чечулина – новый исторический источник для изучения психологии и жизни частного человека и семьи, интересный и с историко-типологической точки зрения, как памятник русской автобиографической литературы. Воспоминания С.Д. Чечулина не только обогащают современного читателя знаниями новых фактов и реалий отечественной истории, утверждённой традицией радостного, вдохновенного труда, свойственной русской интеллигенции, но и являются новым документальным источником для понимания жизни и духовного мира героев такого выдающегося романа XX века, как «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака, поскольку действие этого романа происходит ровно в ту же эпоху и точно в той же среде. Мемуары С.Д. Чечулина, требующие издания и исторического комментария, сами по себе являются подлинным исторически и психологически созвучным источником для комментирования текста романа «Доктор Живаго» Бориса Пастернака. Это обстоятельство подтверждает необходимость публикации «Ежегодника» и использования его в качестве источника по культуре провинции начала века.

Библиография

Источники и документы:

1. Чечулин С.Д. Ежегодник моей жизни. 1866–1927 гг. Череповец. [Рукопись]. 36 а.л.
2. Николай Дмитриевич Чечулин: К 140-летию со дня рождения. [Указатель]. Исправленное и дополненное издание. Череповец, 2009.
3. Чечулин Н. Д. Русская провинция во второй половине XVIII в. СПб., «Российская национальная библиотека», 2010.

«Это всё для памяти П.В. Бугрова»: Жизненный путь в дневниках ярославского крестьянина с точки зрения микроистории

Ирина Слепцова

Изучение биографий обычных людей (биографический метод, персональная или индивидуальная история) при исследовании исторических явлений и процессов в обществе в целом занимает в современных науках о человеке все большее место. При этом, как правило, основное внимание уделяется историческим личностям, оказавшим заметное влияние на глобальные исторические процессы и на духовное развитие человечества. Однако можно отметить в качестве тенденции современной гуманитаристики рост интереса к роли и месту в истории обычного человека¹. Исследователей привлекает возможность раскрыть значения и смыслы тех или иных исторических событий, основываясь на свидетельствах самих участников, исходя из их понимания и при помощи их собственных категорий. При этом основное внимание неизбежно должно уделяться ин-

---

¹ Сотворение Истории. Человек – Память – Текст. Казань: Изд-во КГУ, 2001; История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2005.

дивиду, выступающему как в качестве героя рассказа, так и в качестве автора, рассказчика истории².

Биографические исследования составляют основу микроистории, такого направления в историографии, которое нацелено на изучение жизненного пути конкретного человека в конкретных исторических обстоятельствах, в контексте окружающего его социального пространства и социальных взаимодействий³. Одной из задач микроистории является – «через реконструкцию опыта отдельного индивида и микрогрупп выйти на уровень объективации социального»⁴. При этом исследуется судьба отдельного индивида, а также персональные тексты (источники личного происхождения, эго-документы). Личность анализируется в контексте социального окружения (семьи, локальной группы), изучаются ее взаимоотношения с другими членами социума и функции, которые она выполняет в данном сообществе. В такого рода исследовании эго-документы не могут быть заменены никакими другими традиционно привлекаемыми историческими источниками, но могут быть ими дополнены, что позволяет более полно представить исторический контекст.

Обращение к эго-документам позволяет лучше понять, как действуют «движущие силы истории» с точки зрения рядового человека. В рамках данного подхода ключевое значение имеет понятие «жизненный путь» (Life course), трактуемое и как индивидуальная история человека, и как эволюция личности и последовательность возрастных этапов ее биографии, и как интегративное направление междисциплинарного исследования процесса разви-

---

² Бургос М. История жизни. Рассказывание и поиск себя. Л.: Мысль, 1982. С. 99.

³ Решина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М.: Дрофа, 2004. С. 239.

⁴ Гусева И.И. Микроракурсы социального и стратегии их исследования // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. № 2. С. 17.

тия человека от младенчества до старости и смерти и взаимодействия между личными и социальными событиями⁵.

Еще одно обстоятельство делает эго-документы чрезвычайно ценным источником. Они незаменимы, когда исследователь ставит перед собой герменевтические задачи, то есть стремится понять мотивы поведения и действий людей, живших в другие исторические эпохи и принадлежавших к разным социальным группам, реконструировать ментальные представления, разобраться в их отношении к тем или иным историческим событиям и т.д.

В данной статье мы обратимся к истории жизни одного из представителей «безмолвствующего большинства» (А.Я. Гуревич), которые редко оставляют о себе личные свидетельства, рассмотрим дневники ярославского крестьянина П.В. Бутрова, хранящиеся в архиве Ярославского музея-заповедника и относящиеся к одному из наиболее драматичных периодов в истории России – первой трети XX века. Автор дневника выражает собственный взгляд на окружающий его мир и социальные отношения, пытается выстроить собственную «философию» семейных и общественных коммуникаций, этику и политику, то есть осмыслить все пространство актуального «жизненного мира» (по Ю. Хабермасу)⁶. Наш анализ позволяет дополнить интуитивную (наивную) картину мира крестьянина фактами «большой истории», включить описываемые в дневнике факты в концептуальные схемы микроисторического анализа, описать механизмы возникновения и функционирования социальных практик, благодаря которым происходят изменения в экономической и социокультурной сферах. Это дает возможность понять, как действия человека из ни-

---

⁵ Elder G.H. The Life Course // Encyclopedia of Sociology. Second Edition. Vol. 3. New York: MacMillan Reference Books, 2000. P. 1614-1622; Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 21-28.

⁶ Дивисенко К.С. (Авто)Биографический нарратив как коммуникативное действие и репрезентация жизненного мира // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 37.

зов приводят к изменению окружающей социальной среды и почему те или иные, казалось бы, значительные события не находят отклика у обычных людей и оказываются невосстребованными отдельными социальными группами или стратами. Таким образом, наша цель — продемонстрировать на конкретных примерах возможности микроанализа для макроисторических исследований.

Крестьянские дневники можно рассматривать как свидетельство происходящей индивидуализации сознания, когда все большую роль начинает играть личный жизненный опыт и уменьшаться значение опыта предшествующих поколений, зафиксированного в традиции. Применение биографического метода заставляет внимательно отнестись к личности автора. В данном случае исследователь смотрит на историю глазами конкретного человека и должен учитывать его понимание описываемых ситуаций, а также мировоззрение в целом, поскольку восприятие реальности и ее оценка определяются особенностями личности автора, его жизненным опытом, социальным статусом и иерархией ценностей.

Об авторе дневников. Павел Васильевич Бугров родился в 1869 году в д. Ворокса Даниловского уезда Ярославской губ. в очень бедной крестьянской семье. В три года с ним случился паралич «от крику пьяного отца», последствия которого сказывались всю жизнь. Вероятно, бедность и болезнь помешали ему получить образование, он ходил в школу только одну зиму, хотя несколько раз записывал в дневниках о том, что «учился хорошо, но сильно баловал, часто ставили на колени и болваном» [1/20, 1915 г.]. В юности он восемь месяцев лечился в Мариинской больнице в Петербурге, по-видимому, от следов детского паралича. В 1890 г. был призван на военную службу, но довольно быстро уволен с нее по болезни. В своих воспоминаниях о службе он упоминает, что «был гармонист, имел ротную гармонию, играл под пляску для солдат новобранцев до мозолей на пальцах от гармонии. <...> И был запевалой военных песен от девятой роты, т.е. песенник» [1/41, 1930 г.]. После

армии он жил и работал у своего старшего брата, однако в пьяном состоянии ударил вилкой в ногу свою невестку, жену брата, что привело ее к инвалидности. За это он получил полтора года арестантских исправительных рот. По возвращении из тюрьмы он проживал то у одного, то у другого родственника, перебиваясь случайными заработками. В 1897 году ему удалось купить маленький домик — «келью» у своего дяди, тогда же он женился на крестьянке из Архангельской губернии, у которой был девятимесячный внебрачный сын. Дальнейшая его жизнь также была очень нелегкой. Не имея земельного надела, он долгое время был вынужден зарабатывать на жизнь поденным трудом. Да и позже, когда ему удалось взять в аренду душевой надел, купить телку и заняться подсобным промыслом, экономическое положение семьи стало ненамного лучше. В семейной жизни тоже было много тяжелого: из восьми рожденных в браке детей выжили только двое. Его вспыльчивость и импульсивность, частое пьянство, игра в карты и побои жены и детей тоже осложняли семейную жизнь. Жена с детьми три раза пыталась уйти от него, но все же возвращалась обратно. В конце жизни ему еще пришлось пережить смерть своего приемного сына, жены и маленького внука.

Если попытаться охарактеризовать личность П.В. Бугрова и выделить главную ее черту, во многом определяющую его отношение к жизни и выбор жизненных стратегий, то, вероятно, это будет «любопытность». Он обладал особым складом ума, который можно назвать «исследовательским». Так, Бугров проводил эксперименты и наблюдения за домашними животными и растениями, записывал зависимость урожая от количества вносимых на разных участках удобрений, а также влияние качества корма и условий содержания на здоровье скотины, на протяжении многих лет ежедневно вел метеорологические и фенологические записи и т.д. Нередко фиксация тех или иных интересовавших его явлений сопровождалась заметками «всё проверю», «примечу к чему», а описание результатов экспериментов — «вперед наука». Стремление сохранить свой

опыт для следующих поколений проявляется и в неоднократно повторяемых в дневниках словах: «Это все для памяти Павла Васильевича Бугрова» [1/9, 1906 г.] или «Прочтут дети мои все дневники со вниманьем и скажут, незавидна же путь жизни наших родителей». Иногда он прямо пишет: «Накажу своим детям» [1/10, 1907 г.]. Это хорошо отражает общий принцип крестьянского мышления, построенного на обобщении множества эмпирических фактов, наблюдаемых в окружающей действительности и представляемых в виде системы традиционных знаний, как в бесписьменной, так и в письменной форме.

Представленные в дневниках интересы П.В. Бугрова, позволяют говорить о его широком кругозоре. Его привлекала история, он характеризовал себя как «страшного любителя древностей». Он покупал книги по истории (об удельных князьях, книгу 1785 года об Англии и др.), каталоги старинных денег и марок, а также сами старинные монеты. Кроме того, проводил своего рода «исторические исследования», расспрашивая стариков о прошлом. Например, его интересовало, когда появился в Воротке первый самовар, когда построили старую часовню, какие фамилии были в Воротке раньше, о происхождении прозвищ, о наименовании родственников раньше и теперь, о своем деде Никите и т.д. Он вел переписку с Ярославским историческим музеем в связи с найденными в окрестностях деревни археологическими артефактами (каменными молотками, браслетами). Среди выписываемой им периодики есть и журнал «Наука».

Таким образом, в случае с П.В. Бугровым можно говорить о культурной мобильности, не связанной с социальной, или о трансгрессии⁷. Оставаясь в течение всей своей жизни представителем беднейшей части крестьянства, в культурном плане П.В. Бугров поднялся значительно выше тех рамок, которые были заданы его происхождением и об-

---

⁷ Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины. М.: НЛЮ, 2016. С. 14-17 и др.

разованием. Это обстоятельство, казалось бы, налагает определенные ограничения на наши выводы о типичности некоторых черт личности и мыслительных стереотипов, выявляемых при анализе биографии Бугрова. Однако изучение содержания дневников позволяет утверждать, что ему были свойственны крестьянское мировоззрение, ментальные установки, система ценностей и поведенческие стереотипы.

Структура дневников. Специфику информации, которую можно получить при изучении данных документов, нельзя понять без хотя бы поверхностного знакомства с их структурой. Дневники с 1900 по 1922 годы построены по приходно-расходному принципу, то есть записывались за работок П.В. Бугрова и его жены, впоследствии детей, и покупка товаров, страховка, налоги и проч. Записи носят не регулярный (поденный, понедельный) характер, а структурированы по темам, которые образуют различные разделы. Таким образом, событие одного дня, скажем, поездка на ярмарку или в город было расписано по нескольким разделам: стоимость проезда, посещение чайной, перечень приобретенных продуктов питания, одежды, посуды, различных бытовых предметов и т.п. Причем, для каждой позиции делалась своя таблица, например, «продукты» включали в себя рубрики: «хлеб ржаной», «хлеб пшеничный», «крупа», «крендели», «масло коровье», «масло постное», «масло божье», «мясо», «чай», «сахар», «соль», «огурцы и картофель» или «овощи», «вино» и т.д. С 1920-х годов принцип записей был изменен на погодный, то есть каждый день фиксировались погода и направление ветра и попутно приводились какие-либо сведения, который Бугров посчитал наиболее важными. Погодные записи вначале были довольно фрагментарны, но со временем сложился алгоритм, согласно которому и происходила их фиксация. Больше всего внимания посвящено описанию экстраординарных явлений природы: шаровая молния, сильное наводнение на Волге, ураган и т.п.

После «хозяйственной части» следовали рубрики «Газеты и разные книги и календари», «Разные события», куда заносилась информация о различных происшествиях, выписанных газетах, журналах и книгах, о болезнях и лечении людей и домашней скотины, способы изготовления и починки тех или иных вещей и т.д. Приводилось содержание отосланных писем разным людям и ответов на них. После начала Первой мировой войны появились рубрики: «Жертва на войну или на раненых», «Сколько взято человек на войну», «Сколько убито и ранено людей», «Набор лошадей на войну» и т.д. В годы Гражданской войны и последующей разрухи появилась новая графа «Товарообмен», в которую записывались сделки по обмену (например, паточки на хлеб, картофеля на одежду в Костроме, картофеля и паточки, из которой он сам варил ландрин, на солому, сено, мыло и на «разный товар»).

Очень много ценной информации как для реконструкции быта, ментальности крестьян, так и для понимания социокультурных и демографических процессов содержит раздел «Умершие в деревне Вороксе», который Бугров вел на протяжении почти 20-ти лет. Практически все записи содержат характеристики, иногда очень подробные, с указанием продолжительности жизни, болезни, причин смерти, описанием истории жизни и личных качеств покойного, нередко упоминается устройство похорон и состав поминальной трапезы.

Каждый дневник заканчивается записью долгов Бугрова, анализ которых также может быть полезен. Выявляется круг постоянных заемщиков, людей более состоятельных, размер займа и иногда его назначение.

Последние два сюжета (умершие и долги) позволяют составить перечень индивидуальных контактов П.В. Бугрова, а также их интенсивность, и увидеть существование особого рода микрогрупп, основанных как на родстве, так и на личной привязанности, которые составляли деревенский социум в целом.

Характерной чертой дневников является сочетание записей, отражающих текущий момент и написанных по горячим следам (например, о драках, случае самосуда, ссорах с женой и сыном и др.), с мемуаратами о детстве, женитьбе, покупке «кельи» и др. Нередко автор возвращался к описанию прошедших событий, давая им оценку. Тем самым в данном документе сосуществуют черты как собственно дневника, так и автобиографии. Кроме того, рубрика «Летопись событий», которую он вел с 1905 года и куда заносил информацию о различных фактах как личного, так и местного и государственного масштаба, придает дневникам характер исторической хроники.

В отличие от дневников чисто фактографического характера записи П.В. Бугрова отличаются не только фиксацией повседневной жизни и экстраординарных происшествий, но и содержит эмоциональное отношение к описываемым событиям. Это позволяет воссоздать как основные личностные черты автора, так и систему ценностей, ментальность его референтной группы.

Содержание дневников. Теперь обратимся к содержательной стороне дневников и выделим некоторые важные доминанты, характерные для крестьянского мировидения в целом. В первую очередь мы постараемся на основе описываемых П.В. Бугровым событий проследить изменения, происходившие в массовом сознании крестьян, вызванные резкими социально-экономическими и политическими преобразованиями первой трети XX века.

Постоянной и главной темой дневников является хозяйственная проблематика: доходы и расходы, структура хозяйства (скотоводство, огородничество, полеводство, подсобные промыслы), рацион питания, обеспеченность одеждой и обувью. Данная тема является ключевой для сельского социума, поскольку в нем отражаются основные личностные его доминанты. Хозяйственная деятельность связана с внутренней жизнью социума и является центром жизненных интересов любого крестьянского сообщества, от нее зависит благополучие семьи и здоровье, взаимоотно-

шение с другими членами общины, уважение односельчан и занимаемый статус в общине. Показательно, что этот компонент мало трансформировался за время ведения дневников, что отражает устойчивость мировоззренческих и аксиологических установок среднерусского крестьянина, несмотря на произошедший переворот в социально-экономической реальности. Приводимые П.В. Бугровым сведения хозяйственного характера позволяют реконструировать экономику крестьянства и ее динамику на протяжении описываемого им периода. Однако этот вопрос требует отдельного исследования в силу своего масштаба и сложности.

С хозяйственной непосредственно связана тема погоды, как явления, от которого во многом зависит благосостояние крестьянской семьи. Это приводит к стремлению предсказать ее и заранее подготовиться к наступлению неблагоприятных дней. Так, на протяжении многих лет П.В. Бугров ведет метеорологический календарь, стараясь проверить достоверность распространенного представления о зависимости погоды весны и лета от осени и зимы. Кроме того, он выписывает прогноз погоды из газеты «Русское Чтение» за 1914 г. и проверяет, соответствует ли оно действительности, отмечая позже, что «в нашем месте сошлось только в конце марта и Волга прошла позже» [1/19]. Так же он отнесится и к народным метеорологическим приметам.

Важным топи́ком является тема семейной жизни и связанная с ней тема здоровья самого П.В. Бугрова и его семьи. Вообще, П.В. уделяет много внимания семейным проблемам. Он фиксирует болезни и лечение детей, происшествия, случившиеся с ними, обучение детей и начало их работы, взаимоотношения и конфликты с детьми и с женой и т.д. Особо выделяются памятные записи об умерших детях, которые неоднократно повторяются в дневниках. Как справедливо записывает Бугров: «Много детей померло от недостатка содержания и уходу за ними. <...> ни пашни, ни скотины не было. <...> Жизнь была, как подумаешь о прошлом, так сердце и сжимается от боли» [1/10, 5

октября 1907 г.]. Эти материалы могут послужить основой для дальнейших исследований по этнографии детства.

В семейной жизни наиболее ярко представлены стереотипы группового поведения и сознания. Дневники П.В. Бугрова очень хорошо отражают патриархатный характер гендерных отношений, которые преобладали в сельском социуме в тот период. Все записи, посвященные описанию конфликтов с женой, демонстрируют этот факт. Например, в дневнике 1912 г. он записывает: «18 февраля. Захворал, заболело в груди, перестало позывать на пищу и питье, плохо спал, расстроила жена. Захворал от расстройства, разругался с женой. Причина ругани — послал жену за газетой к соседу, и она изволила ходить цельные два часа. Самовар был поставлен, и мы все угорели от самовара. Ей попало по роже за это от меня. Вперёд наука жене» [1/17].

Даже сообщение о смерти жены и приемного сына Григория отмечены печатью гендерной асимметрии. Если о смерти жены сообщается только дата и ее желание быть похороненной в воскресенье, «потому что больше будет народу при похоронах», то смерть приемного сына, последовавшая через полтора года, описывается со многими деталями, касающимися его службы на флоте, работы, хода болезни, обстоятельств смерти и подробным описанием «красных похорон».

Однако гендерные отношения стремительно меняются на глазах автора вслед за социально-экономическими преобразованиями, произошедшими в послереволюционный период, и это отражается в дневниках. Описания конфликтных ситуаций в семье (изменения в отношениях с женой и детьми) передают динамику общественных интересов и мировоззренческих принципов. В 1920-е годы часто появляются записи, из которых становится ясно, что прежние отношения в семье, основанные на непререкаемой власти отца, уже не существуют. Часты сетования на непослушание и грубость жены и детей. Хотя сам Бугров демонстрировал такой же стиль поведения по отношению к своим родным еще лет десять назад, но он считал это нормой, ко-

гда же столкнулся с аналогичным отношением к себе, то воспринял это чрезвычайно болезненно, как слом всей жизни. «4 июля 1924 года. Так расстроился с жизнью, никто не слушает, делают нехотя, потому из крестьянства ничего не выходит. Придется, видно, сказать, как хотите, так и делайте. <...> Если появится откуда-нибудь копейка, то себе на наряды, отцам ничего. А матки на их стороне. Скажешь что-нибудь из прожитой жизни, что надо, а что не надо, даже обругаешь толстой матерью, т.е. по-матерны, а если хлестнешь по роже с досады, то получишь обратно. А matka станет дыбом против мужа и станет предьявлять, как жили раньше, когда дрался или ругался, и я тебя боялась. Но теперь, говорит, не раньше, и срать на тебя не хочу. И этими рассказами, и упреками на мужа озлобляет детей против отца» [1/32]. Аналогичные явления он отмечает и в семьях односельчан.

Следующее поколение демонстрирует уже другие гендерные установки. Например, в комментарии, оставленном сыном П.В. Бугрова Константином в дневнике отца по поводу конфликта с женой от 18 февраля 1912 г. (там, где она ходила за газетой к соседу и задержалась), написано: «Его жестокость не имеет пределов. Он слишком <переполнен> самолюбием. 26/II 32. К.Бугров».

Еще одной важной темой можно считать то, что условно назовем «политикой». Речь в данном случае идет об интересе автора дневников к событиям общегосударственного масштаба, которые являются внешними по отношению к жизни сельского социума, но которые при этом непосредственно затрагивают многие важные стороны как отдельно взятой личности, так и всего коллектива в целом. В ней наиболее ярко выражаются стереотипы крестьянского мировоззрения. Записки П.В. Бугрова позволяют реконструировать настроения крестьянства, отношение к проводимой государством политике и преломление в сознании крестьян тех идеологических посылов, которые транслировались властными структурами.

Эта тема начала активно проявляться с началом Первой мировой войны. Много записей посвящено влиянию войны на жизнь деревни прежде всего в экономической сфере. В дневниках постоянно присутствуют сюжеты, связанные с повышением цен, недоступностью ряда продуктов и ухудшением их качества. Подводя итог 1915 году, Бутров дает ему характеристику, составляя список из самых важных событий, которые он пережил не только в этом году, но и на протяжении всей своей жизни. Он выстраивает собственную шкалу их значимости, не разделяя при этом события общегосударственного и местного масштаба, поскольку они одинаково негативно воздействуют на жизнь сельского сообщества.

«Небывалое бедствие за мою жизнь 45 лет.

1. Небывалая, такая кровопролитная и химическая война.

2. Неурожай травы в 1914 году, дороготня сена зимой.

3. Небывалая большая, по слухам везде, вода.

4. Сильные ветра. Разбило водой много дворов и бань, сараюшек и картофеля.

5. Сильная неправда в людях.

6. Сильная дороготня на хлеб. 9 руб. мешок 4 1/2 пуда, это было в мае [в лавке] у П.А. Бурова» [1/20].

О бедственном положении крестьян свидетельствует и эмоциональное описание престольного праздника. Оно особенно показательно, если принять во внимание, что престольный праздник был важной частью крестьянского миропорядка, и всегда праздновался очень широко, с обильным угощением, сбором многочисленных гостей, длительным гуляньем и взаимным гостеваньем. Невозможность отметить праздник так, как это предписывалось обычаем, несомненно, расценивалось крестьянами как нарушение мироустройства. «21 ноября провожали престольный праздник Введеньев день без белой муки и чаю. Оржаной было занято у Екима Николаевича Королева, спасибо. Круп никаких не было. Всё равно как в старину постились в Великие посты, так и мы нонча. Весь пожилой народ

унылый. А маленькие детки бегают себе как будто и сытые, удёржу нет. <...> Жуткий был праздник» [1/25, 1917 г.].

П.В. Бугров отмечает в годы войны резкое возрастание количества внутригрупповых конфликтов (драк, разбоев и убийств). Часто эти записи предстают как случаи немотивированной агрессии со стороны молодежи. Однако тот факт, что описанные им нападения связаны с отпращиванием церковных обрядов, позволяет подозревать наличие у них идеологической подоплеки, хотя прямо об этом Бугров и не говорит. «Новое безобразие молодежи в 1915 и 1916 годах. 5 декабря прибили Ивана Ивановича Муравьёва на паперти в церкви (Ивану 18 лет), когда ходил в сочельник за крещенской водой. И убежал, не послушал литургии, т.е. не молился.

Это было в 1915 году 17 декабря во время венчанья дочери Павла Ивановича Хортова Александры. Прибили Степана и Павла Хортовых, они были шаферами.

Летом 1914 года носили иконы в церковь к Петру и Павлу после крестного ходу из Вороксы. Избили Павла Васильевича Хортова и моего Гриньку палками и камнями до сильной боли. Что будет дальше, как жить на свете, нельзя сходить в церковь, но священник ничего не говорит» [1/23].

В 1917 году Бугров фиксирует первый конфликт, который имел социальный характер. Так, из-за отсутствия хлеба, который должны были привезти на завод Понизовкина, начались волнения. «20 октября у нас стукали [оповещали, стуча в окна. — И.С.] в деревне: ИДИТЕ ГРОМИТЬ ПОНИЗОВКИНА. Такой неслыханной призыв всех ошеломил и напугал сразу» [1/25, 1917 г.].

В качестве положительного явления, вызванного войной, Бугров отмечает рост интереса крестьян к информации о положении дел в государстве, в частности, к событиям на фронте, что выразилось в увеличении количества выписываемой в деревне прессы: «По случаю войны пошло просвещение, дай Бог» и «Усилилась выписка газет с июля 1914 г. по случаю войны страшной». В этом году в деревне выписывали по одной газете 9 человек, П.В. выписывал газету и

журнал «Огонек». В 1915 году число крестьян, получающих газеты и журналы, увеличилось до 16-ти, а в 1916 г. до 27-ми человек. Благодаря тому, что он фиксирует, кто и какие именно издания получает, можно понять, под каким влиянием формировались взгляды крестьян на текущую политику. Так, в 1914 г. он упоминает следующие издания: газету «Свет» получало 3 человека, «Современное слово» — 3 человека, «Русское слово» — 2 человека, «Копейка» — 2 человека, «Сельский Вестник», «Петербургский листок» — по 1 человеку, и, кроме того, для чайной выписывали газету «Новое время». Записи о войне носят следы официальной риторики и часто сопровождаются комментариями, типа: «Пошло неслыханное пролитие крови невинной», «Великая и неслыханная и многоубийственная война»; «Война, 1915 год самый трудный, военные налоги, и отправка самых нужных людей на войну, кормильцев детей, а некоторые и родителей-стариков» [1/19; 1/20].

Анализ конкретных ситуаций, описываемых Бугровым, позволяет увидеть сосуществование в деревне и разных социальных типов, и различных социальных установок, как, например, в эпизоде с пожертвованием на фронт. Здесь П.В. Бугров предстает как человек с повышенной жертвенностью и самоотречением. Он противопоставляется расчетливо-прагматичному типу казначея, во многом знаменующему новую эпоху. «Событие в кредитном товариществе. Я пришел в кредитное товарищество занять денег 50 рублей для покупки акций государственного займа 1915 года. А деньги эти собирались на войну. А купить хотел билет не для своей пользы, а помочь государству в войне с Германией. А мне сказал казначей Ив. Лог. Серов, видно, говорит, у тебя денег много. Не посоветовал купить билеты. Я говорю, так как же, я за этим пришел. И пиесец, Василий Дружинин, мне сказал, давай запишем хоть на хлеб. Ну, я говорю: пиши, если нельзя на государственный заем. Значит, я солгал на что брал, это не своей волей» [1/20, 1915 г.].

Те же качества он проявляет, откликаясь на призыв о помощи фронту. В течение всех лет войны Бугров активно

участвует в сборе средств для раненных. Например, его «жертва на войну или на раненных» в конце 1914 года составила 2 руб., и в том же 1914 году в Благотворительной лотерее «в пользу раненных и больных воинов, куплено 10 купонов по рублю за купон, итого на 10 рублей» [1/20, 1915 г.]. Укажем для сравнения, что за день работы на разгрузке баржи Бугров получал около 1 рубля; а за рытье картошки — 60 копеек. В дальнейшем размер пожертвований только возрастает. Таким образом, эти выплаты составляли немалую сумму при его весьма скудном доходе и наличии семьи.

Еще один сюжет, который все чаще встречается на страницах дневников в годы войны, это падение религиозности в деревне, затронувшее не только молодежь, но и взрослую часть населения. Несмотря на явную рациональность и прагматичность, стремление к новшествам, демонстрируемые Бугровым в хозяйственной сфере, он придерживался достаточно консервативных взглядов в идеологической и политической областях. Отмечаемое Бугровым изменение отношения к церкви говорит о трансформации индивидуального и коллективного сознания крестьян. Характеризуя положение дел в своей деревне в 1916 году, он пишет: «Сильный упадок веры православной. Никто не понимает священного писания, никто не ходит в церковь. Только норовят как бы обмануть друг друга. Господи, да пройдёт ли всё это. Жить стало невозможно» [1/23].

Наращение негативных явлений в социуме отражается в противопоставлении жизни «раньше» и «теперь». Постоянны сетования на то, что жить стало невозможно, «какая ложь в народе, невежество, небрежь, усиленное сквернословие и разврат малых детей. А всё больше от молодых родителей. Как будем жить дальше, не знаю» [1/25, 1917 г.]. Это свидетельствует не только о реальных изменениях, произошедших в быту во время Первой мировой войны, но и об определенной трансформации системы ценностей и самих представлений о жизни Бугрова, обусловленных взрослением, женитьбой, появлением детей и ответственностью за благополучие семьи. Напомним, что он в молодом

сти отсидел полтора года в тюрьме за хулиганство, часто участвовал в драках и демонстрировал другие формы социально неодобряемого поведения, однако эти факты проходят мимо его сознания и не отражаются на оценке прошлого.

Война и связанные с ней бедствия не изменили идеологических и политических пристрастий П.В. Бугрова, и это очень хорошо прослеживается по его дневникам. Одновременно его записки показывают, что в оценке внутреннего положения в стране крестьянство не только не придерживалось одних и тех же взглядов, не составляло однородной массы, но и, вероятно, немалая его часть была настроена радикально. Об этом, например, свидетельствует его заметка об отношении части крестьян к некоторым газетам, которые имели репутацию «черносотенных». «Пропадают газеты в деревне Вороксе. Газеты эти считают черносотенными т.е. газеты эти не верующие люди в бога и не знающие правды на земле говорят, что это всё врут, нас обманывают. <...> Господи, помоги народу этому дать просвещение с высоты верующих в бога и просвещенных людей страны нашей России. И вот газету “Сельский вестник” нельзя почитать на улице при народе. А то скажут, уйди-ка ты с ней, говна-то не слыхивали. И вот я принужден газету “Сельский вестник” читать один. А то как получают с почты эти люди газету, то не передают по назначению. Ярые противники правды» [1/20, 1915 г.]. Далее он приводит список из шести фамилий, но отмечает, что есть «и многие другие, но не так хитрые».

Данный факт позволяет понять причины неодинакового отношения крестьян к Октябрьской революции и связанной с ней перестройке социально-экономического уклада. Например, он фиксирует сопротивление части крестьян — жителей окрестных деревень, входивших в т. наз. «Зеленую армию». Это крестьянское восстание охватило в 1919 г. значительную часть Европейской России, в том числе и Ярославскую и Костромскую губ. Сам Бугров, вероятно, не понимал причин крестьянских выступлений, поэтому опи-

сание расстрела лишено какой-либо оценки. Однако он назвал его «великим событием» и даже подчеркнул это использованием прописных букв, что свидетельствует о его глубоком эмоциональном переживании. Тем более среди погибших были и люди, которых он знал лично.

«С седьмого на восьмое июня ст. стиля БЫЛО ВЕЛИКОЕ СОБЫТИЕ.

С седьмого на восьмое июня ст. стиля около 12 часов ночи было расстреляно, по слухам, двадцать два, 22 человека, в “обсаде” [место, обсаженное деревьями. — И.С.] у Понизовкина в новой сосновой роще при конце обсады с верху и от той стороны, от Гузицына. Расстрелянные были разных деревень, из Гузицына один — Николай Васильевич Шушлин, он же Горев, около 19 лет от рождения. Из Рыбниц — Купатовых два брата, из Липовиц и из разных деревень. Эту ночь я не спал, слышал, как расстреливали, так как было слышно, что сегодня ночью будут расстреливать столько-то человек. Я лежал на сильнице и слышу три залпа во много ружей. Потом стали одиночные выстрелы, это видно достреливали в яме. Ям было вырыто две, немного отступя от забора. Гринька пришел на сильницу и говорит мне: “Слышали, тятя, как расстреливают людей?” Я говорю: “Слышал, Гриня, я ведь не сплю, а слушаю”. За какие преступления расстреливали, я не знаю. А только что этим летом много людей бегало по лесам, и их называли “зелёная армия”, у них были ружья и револьверы» [1/27, 1919 г.].

Отдельные дневниковые записи свидетельствуют о конформизме Бугрова, существовании патерналистских ожиданий по отношению к власти, что характерно для ментальности крестьянства и его мировоззрения в целом. В них появляются элементы риторики, типичные для официального советского дискурса. Например: «Советское управление государства существует год. Управлять деревней всем народом, даже судить споры и драки односельчан, снабжать неимущих всем необходимым в жизни» [1/26, 1918 г.].

Следуя официальной пропаганде, он празднует очередную годовщину Октябрьской революции, но как видно

из его записи, этот праздник в деревне не отмечался, да и для самого Бугрова это является только поводом для устройства выпивки. «1925 г. 25 октября. Праздник октябрьского переворота 1917 года 25 октября. Величайший новый праздник переворота. Качалов Павел Иванович пришел к нам с четвертной самогонки от Петра и Павла [из села. — *И.С.*], это было вчерашний день. Меня напоил пьяного. Я его повез на лошади до Юрошны, до его квартиры, вечером. Привез на квартиру, сели за стол и стали угощаться и петь песни» [1/35].

Наряду с подобными записями соседствуют и такие, которые отражают совсем иное отношение автора к происходящему. По всей видимости, его не устраивает постоянное вмешательство властей, принудительные работы или сбор продуктов. «Каждый день собрание в деревне, т.е. десяток, по-нашему названью, чтение бумаг, распоряжение сельского совета и районного совета, наряды подвод на разные дела. То дрова пилить в лес, то ехать за дровами тоже в лес и везти на государственный завод Понизовкина, то возить песок к Понизовкину для устройства гавани для судов, то подводы в Ярославль кого-нибудь везти, то до волостного совета кого-нибудь везти, то картофель везти. Одним словом, дела и дела. То спрашивают для государства говядины, масла, яиц, то кожу сдавать в потребиловку, то ехать за товаром в Ярославль для потребиловки. В народе говор, вздохи, свалка дела на того да на другого, что он не едет, что он нейдет» [1/28, 1920 г.].

При описании нового устройства крестьянской жизни нередко прорывается скрываемое раздражение. «Как весь народ торопится и кидается на дела, но дело не спорится и никак на всё не хватает. И перестали радоваться, как богатых обирали, стали забывать, как расстреливали людей в осаде» [1/32, 1924 г.].

Бугров принимает без осуждения вводимые властью новые обряды: гражданский брак («свадьбы без венчанья и без церковных обрядов») и «красные похороны» (так были похоронены его приемный сын и внук), но, как и раньше,

весьма болезненно реагирует на пренебрежительное отношение со стороны односельчан к церковным обрядам. «4 марта Икона ходила Енадей Преподобный. Мы не принимали, так как икона очень высока, а изба мала очень, из-за тесноты и из-за денег. Монахов не было, один священник и паренек за иконой. Народу ходило очень мало, только бегали парнишки и баловали, и воровали по избам, у кого спички украдут, у кого замок или табак. Попрежде этого не было, а за иконой ходило народу очень много, и все праздновали.

6 марта икона ходила Николай Чудотворец, это была главная икона, но народу тоже мало ходило. Но хотя народ и исстрадался, а вера совсем падает» [1/35, 1925 г.].

В целом, дневники Бугрова наглядно демонстрируют тот факт, что общественное сознание крестьянства в послереволюционную эпоху представляло собой очень сложный феномен, в котором сталкивались как традиционные воззрения, так и новые, внедряемые властными структурами и прессой.

Таким образом, дневниковые записи П.В. Бугрова позволяют реконструировать не только черты его личности и жизненный путь, но и представить социокультурный облик той сельской локальной группы, представителем которой он являлся, а также проследить их взаимодействие и взаимовлияние в реальной жизни. С одной стороны, П.В. Бугров, обладая особым складом ума, который можно назвать «исследовательским», в практических вопросах был настроен рационально и был склонен к новаторству. С другой стороны, в сфере межличностных отношений, религии и политики он проявлял консервативность.

Изучение записок П.В. Бугрова вскрывает сложность и неоднородность даже небольшого социума, существования в нем нескольких социальных сетей, образованных на принципах родства, свойства, дружеских привязанностей, одинакового экономического положения, патернализма, обмена услугами и т.п. Эти материалы также показывают

различие реакций на одни и те же явления, что обусловлено существованием разных идеологических взглядов.

Анализ конкретных ситуаций социального взаимодействия позволяет увидеть стереотипы данного сообщества и то, насколько они определяли поведение автора дневника, в частности, как они сказывались на выборе индивидом конкретных жизненных стратегий, которые могли влиять на социальный порядок (вмешательство/невмешательство в социальные конфликты или участие/неучастие в определенных акциях). Здесь отчетливо проявляется зависимость макроистории от микроисторических процессов.

Библиография

Источники и документы:

1. Материалы Бугрова П.В. — Ярославский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Фонд личного происхождения. Шифр: ЯМЗ-18152/1, 2, 3 и т.д. (Первая цифра обозначает номер собрания, вторая — дневника). Так как дневники не имеют пагинации, в тексте статьи указывается только номер дневника и при необходимости год. Цитаты даются в современной орфографии.

Исследования:

2. Бургос М. История жизни. Рассказывание и поиск себя. Л.: Мысль, 1982.
3. Гусева И.И. Микроракурсы социального и стратегии их исследования // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. № 2. С. 15-20.
4. Дивисенко К.С. (Авто)Биографический нарратив как коммуникативное действие и репрезентация жизненного мира // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 36-52.
5. История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2005.
6. Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс: Миров русской деревенской женщины. М.: НЛО, 2016.

7. Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М.: Дрофа, 2004.
8. Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
9. Сотворение Истории. Человек – Память – Текст. Казань: Изд-во КГУ, 2001.
10. Elder G.H. The Life Course // Encyclopedia of Sociology. Second Edition. New York: MacMillan Reference Books, 2000. P. Vol. 3. 1614-1622.

Приложения

**От редакторов журнала «AvtobiografiЯ»
Русские автобиографические тексты:
взгляд с Запада
(Несколько примеров из опыта работы жур-
нала «AvtobiografiЯ»)**

Андреа Гуллотта, Клаудиа Кривеллер¹

1.

Русская словесность богата различными формами эгодокументов: мемуарами, дневниками, автобиографиями, автобиографическими романами. И их изучение, как показывают уже теоретические и критические работы формалистов начала XX века, является одной из ключевых тем в истории русской литературы. Кроме того, русские формалисты внесли важный вклад в определение научного поля, которое сегодня в англоязычных странах условно называется «Life Writing» (ср. Jolly 2001).

В западной научной среде многие русские исследования, даже в переводах на европейские языки, мало известны за пределами русистики. Так, например, работы Юрия Тынянова о «литературном факте» и о его месте в системе литературы, а также о художественных элементах эгодокументов [Тынянов, 1975] переведены на языки Западной Европы и подробно изучены. Однако фундаментальное исследование о художественности в биографии Григория Винокура [Винокур, 1927], благодаря которому ее изучение в России становится «научной» областью, западным исследователям почти не знакомо. Другим примером исследований, обойденных вниманием западных ученых, являются работы советских и современных критиков и теоретиков

---

¹ Андреа Гуллотта является автором второй и третьей частей данной работы, Клаудиа Кривеллер – первой и четвертой.

литературы о жанре «нон фикшн» или «документальной прозы». К этому жанру Местергази относит дневники, биографии, мемуары, письма, записки, очерки, документальные повести и романы (например, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, (1973-1975)) [Местергази, 2007].

Недостаточная известность работ русских и советских исследователей не позволяет увидеть значимость их вклада в дискуссию о художественности жанров автобиографии и биографии, развернувшейся на Западе в 1950-е гг. В частности, важность развития ими тезиса о том, что усиление документального характера сочинения не уничтожает его литературность. В этой связи стоит напомнить точку зрения Машинского [Машинский, 1960], по мнению которого автобиография является «художественным фактом». В том же направлении ведет свои исследование Явчуновский [Явчуновский, 1974], рассматривающий проблему фикции и действительности в художественно-документальной литературе, к которой относит и исповедальную прозу. Этих интересные, но малоизвестные на Западе работы находятся «в тени» других знаменитых исследований русских ученых: Лидии Гинзбург о психологической прозе [Гинзбург, 1997], Михаила Бахтина о жанре и типологии биографии [Бахтин, 1975] и Юрия Лотмана о достоверности фактов и их восприятии читателем [Лотман, 1986].

С другой стороны, фундаментальные работы, появившиеся на Западе и с середины 1950-х годов щедро питающие эту научную область (например, работы Гусдорфа [Gusdorf, 1972] и Мандела [Mandel, 1980]), в наши дни развивающуюся главным образом в англоязычных странах, Франции и Северной Европе, не переведены на русский язык и долго отсутствовали в дискуссиях по российской проблематике.

Международные исследовательские группы стали появляться только в последнее время. К ним относятся Группа междисциплинарных исследований автобиографии Высшей школы экономики, предлагающая использовать общеевропейские подходы и методологии. Другой пример –

международная научная группа, создавшая в 2012 году в рамках проекта, финансируемого Падуанским университетом, тематический рецензированный журнал «Avtobiografija» (<http://www.avtobiografija.com>), посвященный авторепрезентации в русской и славянских литературах.

Тематические журналы, посвященные изучению эго-документов, как известно, довольно многочисленны. Укажем в качестве примера журнал международной ассоциации изучения автобиографии («European Journal of Life Writing», <http://www.ejlw.eu>) и журналы, посвященные национальным литературам, список которых опубликован на сайте <http://www.autopacte.org> Филиппа Лежена, автора знаменитого «автобиографического пакта». Отсутствие среди них журнала, посвященного русской и славянской литературам, сразу бросилось в глаза главным редакторам будущего издания. Поэтому они, а также редакционный и научный советы журнала «Avtobiografija», поставили перед собой цель интеграции двух разных научных традиций. Нам кажется, что диалог исследователей является эффективным средством комплексного изучения автобиографического наследия разных культур.

На протяжении немногих лет своей жизни журнал стал настоящей лабораторией, местом встречи учёных из разных стран и научных традиций. Ими рассматриваются традиционные и современные тенденции в изучении эго-документов, сравнивается используемая в разных научных традициях терминология и предлагается новая, разрабатываются теоретические аспекты изучения дневников, автобиографических заметок, личной переписки и других эго-документов, принадлежащих к разным векам и культурам.

Во многих работах сохраняется традиционный подход к изучению автобиографических жанров, который интерпретирует их как источник биографических и исторических сведений. К этим работам можно отнести анализ дневника Кюхельбекера времен его ссылки, содержащий сведения пограничные между реальностью и фикцией [Алоэ, 2013],

образа Петербурга в мемуарах авторов шестидесятых годов XIX века [Вассена, 2013], связей между русской и чешской культурами в контексте послереволюционной эмиграции [Triá, 2013], политических и националистических взглядов автора в автобиографии Николая Костомарова [Franco, 2014], жанра фельетона в литературных воспоминаниях опубликованных в чешском самиздате [Mella, 2014], роли «авторских прочтений» Гоголя в письмах и воспоминаниях [Манн, 2015], биографии Достоевского, написанной Георгием Чулковым [Богданова, 2016] и биографии Платонова, написанной Борисом Пильняком [Малыгина, 2016].

Немало статей, опубликованных в журнале, посвящены также проблеме жанра. В них рассматриваются не только такие традиционные, прочно утвердившиеся в литературной критике сюжеты, как мемуарная проза в творчестве Марины Цветаевой [Смит, 2012], письма из ссылки Александра Радищева [Бодэн, 2013] и путевые женские дневники 1790-1842 гг. [Murphy, 2013], но и жанры, которые изучаются редко и только недавно были обозначены термином «автобиография по заказу» [Deotto, 2012; Деотто 2013]: «автобиографическая заметка» Дмитрия Мережковского [Холиков, 2012], мемуары журналистов [Родигина, Сабурова, 2014].

Рассмотрение теоретических вопросов группой исследователей, сложившейся вокруг журнала, позволяет преодолеть идею эгодокумента как исключительно биографического источника, сблизив разные научные традиции и подходы. Маша Левина Паркер, например, интерпретирует автобиографические работы Андрея Белого в ключе теорий «серийной автобиографии» американского исследователя Ли Гильмор [Gilmore, 2001] и французских теорий о «самосочинении» (autofiction) [Левина Паркер, 2014]. Биографический метод исследует Виолетта Гудкова в тематическом разделе журнала, посвященном биографии [Гудкова, 2016], здесь же Валерий Тюпа рассматривает теоретические аспекты стратегий писательской биографии на материале жизнеописаний Чехова [Тюпа, 2016]. Итальянские исследо-

ватели Валентина Паризи и Марко Пулери посвятили свою статью автофикциональным аспектам творчества Лимонова [Parisi, 2014; Puleri, 2014], а российский, Илья Кукулин, – автобиографическим письмам Павла Улитина, новаторским для творчества писателя [Кукулин, 2014].

В некоторых работах, опубликованных в журнале, исследовательская перспектива расширяется в результате использования междисциплинарного подхода. Например, прослеживается связь между рисунками и текстом в автобиографии Евфросинии Керсновской [Viollet, 2012] и роль фотографии в биографии писателя на материале «образа памяти» Дмитрия Мережковского [Холиков, 2013]. Исследователи анализируют автобиографический элемент в музыкальной ткани «Детской» Модеста Мусоргского [Artoni, 2014], воспоминания о детстве в фильме Любови Аркус «Антон тут рядом» [Климова, 2015], мотив детства в авторских песнях Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого и Александра Галича [Ошевич, 2015].

Тематические разделы, публикуемые в каждом номере журнала, подчеркивают внутренние связи между различными теоретическими подходами, превращаясь в настоящие гипертексты. В четвертом номере (2015 г.) это раздел о памяти детства, редактором которого является Марина Балина, а в пятом (2016 г.) под редакцией Алексея Холикова опубликована серия статей, посвященная жанру биографии.

Наиболее спорный аспект проблематики автобиографического письма, рассматриваемый в журнале, – вопрос об отношениях между вымыслом и действительностью. Во многих статьях его разработка стала главной темой. Так, исследователями были прослежены фиктивный характер мемуаров Георгия Иванова [Лаццарин, 2012], соотношение между автобиографией и правдой в рассказе протопопа Аввакума о Настасье Марковне [Зарецкий, 2013], трансформация памяти о писателе [Холиков, 2013], осмысление литературы как оформления опыта жизни на примерах Бориса Эйхенбаума [Добренко, 2013] и Осипа Мандельштама

[Сальман, 2013]. Вопрос о соотношении правды и вымысла рассматривался также в номере журнала за 2016 г., в частности статьях, посвященных биографии Бабеля, отразившейся в его сочинениях [Погорельская, 2016] и рассмотрению связи биографии Ивана Дмитриева с мифологией [Велижев, 2016].

2.

В разделе «О нас» на сайте нашего журнала мы говорим, что одна из главных целей «Avtobiografija» – стать мостом между Западом и Россией. Как выше уже сказано, журнал был вдохновлен убеждением обоих главных редакторов в необходимости создания места встречи между традициями автобиографических исследований, появившихся и развивающихся как в России, так и на Западе и имеющих мало точек соприкосновения. Отсутствие таких площадок, позволяющих вести диалог между этими традициями, казалось нам очень серьезным пробелом в современном научном мире, и мы попытались заполнить его нашим журналом.

Предыдущая часть данной статьи, по нашему мнению, свидетельствует, что эта попытка оказалась довольно успешной. В этой части работы мы рассмотрим более подробно несколько исследований, в которых западными подходами к изучению автобиографии в русском контексте воспользовались и русские, и иностранные учёные.

Многие из таких исследований, служащих «мостом», заслуживают упоминания, однако, поскольку мы ставим перед собой цель кратко выделить преимущества этой научной практики в рамках автобиографических исследований, рассмотрим по одной статье из каждого номера журнала, оставляя читателю удовольствие обнаружить в «Avtobiografija» и другие случаи.

В первом номере вышла статья Натальи Родигиной (Новосибирский государственный педагогический университет) и Татьяны Сабуровой (Омский государственный педагогический университет), посвященная изучению авто-

биографического письма как жанра на основе анализа писем Елизаветы Водовозовой и Ариадны Тырковой-Вильямс [Родигина, Сабурова, 2012]. Авторы посвящают значительную ее часть работам, которые являются теоретическим основанием их анализа, т.е. гендерным исследованиям о женской автобиографии (с. 121-124). В их статье, имеющей преимущественно социально-историческую направленность, авторы упоминают теории Мэсон [Mason, 1988], Смит [Smith, 1987; Smith, 1993] и Джелинек [Jelinek, 1980], согласно которым женская автобиография имеет свои особенности, связанные с социально-культурным контекстом их создания. Анализ автобиографических писем Е. Водовозовой и А. Тырковой-Вильямс на основании этих теорий позволяет Родигиной и Сабуровой продемонстрировать, что автобиографический акт обеих авторов является попыткой самоидентификации через раскрытие «новой идентичности» как в семейном, так в социальном контекстах. «В привлеченных нами текстах, – пишут авторы статьи, – возрастает значение новых идентичностей (политической, профессиональной, поколенческой, гендерной) и включения с их помощью женщины-мемуаристки не столько в семейное «Мы», сколько в «Мы» социальное, в общий ход исторического развития России» [с. 141]. Таким образом, Родигина и Сабурова успешно показывают, что «анализ способов идентификации и самоидентификации, зафиксированных в автобиографическом письме, может способствовать лучшему пониманию проблемы социальной структуры российского общества, особенно в период модернизационных трансформаций» [с. 125], приходя к тем же выводам, что их западные коллеги.

Второй номер журнала включал другую статью об идентичности в социальной сфере, однако, проанализированные с помощью иных теоретических подходов, заимствованных в западной научной традиции. Раффаэлла Вассена (Миланский государственный университет) пыталась в ней рассмотреть городское пространство Петербурга как специфическую социальную площадку формирования кол-

лективной памяти [Вассена, 2013]. В её тексте на основе подходов Хальбвакса [Halbwachs, 1992], Нора [Nora, 1984-1992; Nora, 1996] и Рикера [Ricoeur, 2000] анализируются многочисленные мемуары эпохи великих реформ, и показывается, что «коллективная память всегда воплощается в пространстве: в образах и в материальных предметах, в которых проявляется общий идентификатор социальной группы или народа. Поскольку “помнить” – это действие социального свойства, оно близко связано с тем, как воспоминания разрабатываются, структурируются и вписываются в пространство. Город является одним из самых важных мест, в котором реализуются стратегии строительства и управления общественной памятью» [с. 63]. Воспоминания главных героев такого особого исторического периода, как эпоха великих реформ рассматриваются Вассеной в виде отдельных составляющих общего коллективного представления эпохи в пространстве Северной столицы. Петербург рассматривается как зрелище, «в котором мемуарист оказывается одновременно зрителем и постановщиком общественного петербургского зрелища шестидесятых годов, действующим лицом и автором воспоминания, которое является уже не индивидуальным, а коллективным» [с. 70].

Из статей третьего номера, одна, как нам кажется, предлагает наиболее инновационные теоретические подходы. Это исследование Филиппа Кола (Свободный университет Берлина), посвященное Дмитрию Пригову, в частности, его роману «Живите в Москве» [Kohl, 2014]. После общего введения в художественный мир Пригова – в отличие от двух ранее цитируемых нами статей, текст Кола написан на английском языке – автор рассматривает проблему правдоподобия текста, который исследователь, основываясь на некоторых автобиографических теориях западного происхождения, определяет как «гибридный текст». Кол тоже подчеркивает разницу между понятиями «быт» и «бытие» в романе Пригова, опираясь на слова самого Пригова, подтверждающего, что он «не рассказчик о событиях своей частной жизни. Но лишь повествователь о мощном общем,

общественном бытии, прокатывающемся через меня» [с. 174]. Автор статьи связал такое отношение Пригова к быту и бытию с концепциями, сформулированными Джорджо Агамбеном [Agamben 1998] о разнице между *bios* (т.е. социально-общественная жизнь) и *zoe* (жизнь вне политической сферы). На основе новейшей теории «зоеографии», разработанной голландским ученым Луи ван ден Хенгелем [van den Hengel, 2012], Кол предлагает свежий перспективный взгляд на творчество Пригова.

Как уже упоминалось, с четвертого номера мы стали посвящать значительную часть выпусков журнала тематическим разделам. Главным редактором первого из них, отданного теме детской литературы, стала Марина Балина (Университет Уэсли в Иллинойсе). В одной из его статей Лариса Рудова (Помона-Колледж, США) рассматривает малоизученный текст – «Дом с башенкой» Фридриха Горенштейна [Rudova, 2015]. При этом автор использует как западные, так и русские подходы, определяя текст Горенштейна как *autofiction* – термин, введенный в академический мир писателем Сержем Дубровским, и сегодня широко признанный в научном сообществе. Однако Рудова, опираясь на разработанные в исследованиях автобиографии детства теории Кнопфлмахера-Майерса [Knoepflmacher and Myers, 1987] и Коу [Coe, 1984], идентифицирует повествовательные стратегии Горенштейна также как «*cross-writing*», в которых «писатели употребляют голос ребёнка и голос зрелого человека в контексте творческой кооперации» [с. 33]. По мнению автора, эти стратегии близки бахтинскому пониманию гетероглоссии [там же].

Монографический раздел недавно опубликованного пятого номера посвящен биографии писателя. Этот раздел, написанный на русском языке русскими авторами, был «компенсирован» текстом американского специалиста по русской литературной биографии Ангелы Бринтлингер (Университет штата Огайо). Мы специально пригласили автора написать текст, позволяющий предложить западную перспективу рассмотрения русской писательской биогра-

фии [Brintlinger, 2016]. Бринтлингер написала вполне оригинальный текст, в котором рассматривает проблему исходя из её собственного профессионального опыта, убедительно подтверждающего, что биография – это риторический жанр. Её текст является примером успешного диалога между Западом и Россией, фокусом плодотворного обмена идеями и эмоциональными переживаниями, в ходе которого теории Тынянова соседствуют с его изображением, выполненным американской студенткой.

3.

Важность научного обмена между Западом и Россией казалась нам, авторам этой статьи, ключевой для исследований автобиографических жанров, связанных с литературой травмы. Это как раз та область, в которой западные литературоведы-русисты открыли многочисленные новые подходы, позволяющие расширить спектр интерпретаций текстов русской традиции.

Что касается литературы травмы, то можно сказать, что сегодня западное и российское литературоведение идут параллельными путями. В последние два-три десятилетия в англоязычном и франкоязычном научных сообществах получила развитие целая область науки, исследующая отношения между автобиографией и травмой, включающая филологов, психологов, историков, философов. Учёные занимались этой темой в связи со случаями пыток, изнасилований, терактов. В рамках темы «автобиография травмы» они фокусировали также свое внимание на опыте людей, столкнувшихся с инвалидностью и неизлечимыми болезнями, попавших в тяжелые аварии. Среди многочисленных работ по этой теме, опубликованных на западе, нужно упомянуть работы Доминика ЛаКапра [LaCapra, 2001], Кэти Карут [Caruth, 1996] и Жан-Франсуа Киантаретто [Chiantaretto, 1999], и целую серию статей, опубликованных в тематических журналах².

---

² См. например «Journal of Poetry Therapy» и «Journal of Literature and Trauma Studies».

До совсем недавнего времени русские коллеги за редким исключением игнорировали этот поток публикаций. Автобиография травмы в России изучалась почти исключительно через призму документальной прозы. Долгожданные публикации работ западных учёных (например, [Хальбвакс, 2009; Трубина, Ушакин, 2009]) стали здесь переломным моментом. Однако они не изменили принципиально общую картину, что особенно удивительно в случае самой важной части русской литературы травмы, литературы ГУЛАГа. Надо отметить, что многие теоретические подходы в вышеупомянутых западных работах, хотя и были разработаны при изучении Холокоста, имеют универсальный характер для изучения травмы, однако российскими исследователями используются редко.

Исследования эгодокументов ГУЛАГа и репрессий советского времени, как нам кажется, уделяют недостаточно внимания травме, хотя российское литературоведение изучало ее и без связей с западной научной традицией. Западные теории, однако, могут углубить наше понимание литературы ГУЛАГа, или «литературы советских репрессий» (такое название этого корпуса текстов нам кажется более точным)³. Помимо травмы западные теории рассматривают и другие проблемы автобиографических свидетельств, в частности, проблему правдивости.

Литература ГУЛАГа в основном является литературой свидетельства⁴. Главным образом, написание мемуаров и других текстов о ГУЛАГе – это акт, направленный на расширение знаний о советских концлагерях и их ужасах в невосприимчивом историческом контексте. Первые воспоминания такого рода, написанные беглецами из советских ла-

---

³ Об этом, см. Gullotta 2012.

⁴ Следует подчеркнуть, однако, что помимо автобиографий и мемуаров она содержит бесчисленные литературные произведения (рассказы, романы, повести, поэмы, стихи), написанные авторами, умеющими придать художественную форму испытанному ими ужасу. К сожалению, в этой статье нет возможности рассмотреть отношения между травмой и её репрезентацией в художественной литературе о советских репрессиях.

герей в 1920-х – 1930-х годах и опубликованные за рубежом, были направлены на информирование читателей за пределами Советского Союза о существовании советских лагерей и о страшных условиях содержания в них заключенных. Значительное количество воспоминаний было написано после смерти Сталина, в период оттепели, когда казалось, что СССР был готов говорить публично о трагической странице своей истории, скрытой для большинства граждан. Однако, когда выяснилось, что возможности для их публикаций (за исключением редких случаев) практически не было, мемуары и воспоминания стали циркулировать в самиздате, выполняя функцию так называемой «resistance literature» [см. Harlow, 1987]. После перестройки, многие из них были опубликованы, создав пространство для публичной дискуссии о ГУЛАГе и стимулируя многих других бывших его заключенных писать свои воспоминания. Разные исторические обстоятельства написания и публикации этих экодочументов непосредственно связаны с вопросом о достоверности литературы ГУЛАГа.

В рамках литературы свидетельств критерий достоверности текстов является наиболее значимым. Перефразируя Лежена [Lejeune, 1975], можно сказать, что уважение автобиографического пакта принципиально важно для того, чтобы текст оказывал конкретное влияние на общество. Поэтому не случайно, что большая часть исследований автобиографических произведений о коллективных травмах настаивают на достоверности, и что несколько судов о Холокосте и о ГУЛАГе были основаны на использовании в качестве доказательств личных свидетельств и мемуаров. Вопрос достоверности, однако, не простой: автор воспоминаний о травматическом опыте своей жизни может опустить некоторые составляющие этого опыта и даже лгать. Рассмотрим дальше три разные ситуации, связанные с Соловецким лагерем, чтобы показать, как западные подходы позволяют лучше понять поведение авторов: их упущения, ошибки, ложь.

Иногда авторы воспоминаний о ГУЛАГе пропускают отдельные стороны их жизни в лагере. Например, в мемуарах Бориса Ширяева [Ширяев, 1954] полностью отсутствует описание его деятельности в роли лагкора: в этой роли Ширяев публиковал в журналах и газетах СЛОНа статьи о производственной деятельности лагеря, где часто прославлял принудительный труд.

«Стоит лес. А монахов уже нет. Рассеялись. [...] Иные люди пришли. Торопливые, шумные, деловитые. [...] Пришел хозяин. [...] И чудно лесу и боязно, и любопытно слушать песни неслыханные, гудки непонятные, сквозь похруст иголочек льдистых ветви-лапы его усыпавших. Пришел хозяин» [Ширяев 1925, с. 94].

Ширяев был также и поэтом: в Соловецкой прессе можно найти его стихи против духовенства:

Но, как с трудом? Попы немного

Надеялись на милость бога,

Но сила веры их слабела

По мере приближения дела. [Акар 1924, с. 52]⁵.

Иногда авторы мемуаров о ГУЛАГе лгут бессознательно. Такое случается в воспоминаниях академика Дмитрия Лихачева, в юности отбывшего в лагере срок. Лихачев описывает последнюю встречу заключенного Георгия Осоргина с его женой. Он пишет, что жена Осоргина прибыла на Соловки неожиданно, сразу же после того, как муж был приговорен к смертной казни. По воспоминаниям академика, Осоргин смог провести последние часы жизни с женой, ничего не знавшей о казни мужа [Лихачев 1995, с. 262-263]. Незадолго до отъезда жены, Осоргин был расстрелян. Однако в 1995 году театровед Татьяна Кузякина в её книге о театре Соловецкого лагеря процитировала архивные документы, отрицающие эту версию. В них сказано, что между последней встречей супругов и исполнением приговора Осоргину прошло много месяцев [Kuziakina 1995, p. XVI].

---

⁵ С. Акар – один из псевдонимов Ширяева на Соловках.

Иногда авторы мемуаров о ГУЛАГе лгут сознательно: Созерко Мальсагов, первый беглец из советских концлагерей и автор мемуаров, опубликованных в Лондоне в 1926 году [Malsagoff, 1926], подробно описывает Соловецкий лагерь, однако далеко не все приводимые им детали точны. На самом деле, Мальсагов на Соловецких островах никогда не был: он бежал из пересыльного пункта в Кеми, в Карелии.

Причины этих трех случаев неправдоподобия/лжи/упущений разные, но все они тесно связаны, с одной стороны, с моментом написания текста, с другой, – с его жанровыми особенностями. Как правило, автобиографический акт связан с разными причинами, однако в случае литературы ГУЛАГа главная причина в том, что История даёт автору его (или её) «право на биографию». Поэтому автор чувствует, что имеет «право на биографию» не благодаря собственной личности, а благодаря тому, что он был свидетелем необычной, невысказанной или мало кому известной истории.

Главную роль в неправдоподобии/лжи/упущениях лагерной литературы и мемуаристики играет момент создания автобиографического текста, хотя сам его характер тоже важен. Приехав за границу, Созерко Мальсагов решил поделиться своим личным опытом репрессированного с современной европейской публикой, будучи убеждён, что рассказ о пережитом им был для нее необходим: он открывал неизвестные ей сведения о советских трудовых лагерях. Очевидно, что в своей истории Мальсагов не мог опустить описание жизни в Соловках. В 1926 году они считались самым страшным из советских лагерей и молчание о них ослабило бы эффект от его книги. Текст Мальсагова является тем, что немецкий писатель Кристоф Хайн называет «социальная автобиография» [Hein, 1991, p. 34], имея в виду нарратив, который «speaks of that which affected individuals, of that which afflicted, struck or astonished them. It would be 'autobiography, not in the sense of private autobiography, but nevertheless personal, not representative or para-

digmatical, but rather a social autobiography» [McKnight, 1995, p. 10]. По мнению Хайна, в таких нарративах социальный аспект имеет первостепенное значение, даже за счет неправдоподобия: «The facts, which may not have been presented accurately, are not always crucial, but the consequences and reaction to history by the observers, by the afflicted and the affected, determine how we think about history» [там же].

Что касается Ширяева, то его забывчивость имеет иную природу. Просидев много лет в советских лагерях, Ширяев эмигрировал в 1944 году в Европу. Здесь, в безопасности, он создает текст, в котором обращается к своему травматическому опыту, чтобы засвидетельствовать увиденный им и его сокамерниками ужас. Как видно уже из самого названия его произведения, Ширяев сочинял свою историю, будучи глубоко вдохновлён религией и будучи уверен, что Бог искупает человеческие грехи⁶. Понятно, что в такой картине нет места для антирелигиозных стихов, опубликованных им в соловецкой прессе. Вопрос о соотношении автобиографии и действительности изучался многими учеными («People are prone to transform their experi-

---

⁶ См.: «В 1922 году Преображенский собор сгорел. Его сожгли первые большевистские хозяева острова, чтобы скрыть расхищение ценностей, украшавших его древний пятиярусный иконостас и оставленных в ризнице ушедшей на Валаам братией. В те годы зарево великого пожара стояло над всей Русью. Новые хозяева жгли украшавшие ее сокровища Духа. Сотворенное человеком — видимое — сгорало. Сотворенное Богом — невидимое — жило. Оно — вечно. Четыре века со всей Руси притекали трудники к стенам Соловецкой обители. Земные, отягченные злобой, грехом, изъязвленные, смрадные, покрытые гноем и струпами в душах своих, сбрасывали они тяготу своих грехов, бремя земной юдоли у гробниц Святителей Соловецких, омывались покаянными слезами, и многие, в жажде светлого преображения трудились во имя Божие, кто год, кто три, кто пять. Иные оставались тут навек и погребены на острове. Века сплетаются. Оборвалась золотая пряжа Державы Российской, Святой Руси — вплелось омоченное в ее крови суровье РСФСР, а в них обоих в тугом узле — тонкие нити жизней новых соловецких трудников согнанных метелью безвременных лет к обугленным стенам собора Святого Преображения. О них — эта запись безвременных лет» [Ширяев, 1954, с. 32-33].

ence over time into a coherent autobiography that explains how their current self came to be and how their future will unfold» [Landau, Greenberg and Sullivan 2009, p. 1012] – авторы цитируют важный текст о теме [McAdams, 1985]), однако мне кажется, что объяснение обозначенных выше лакун у Ширяева лучше объясняется понятием «активного автобиографа», предложенным Джоном Полом Икином: «I am concerned [...] with autobiographies that feature the active, conscious construction of the point of intersection between the individual's life and the larger movement of history of which it is a part. I shall argue that in these cases, autobiography not only records an imaginative coming-to-terms with history, it functions itself as the instrument of this negotiation» [Eakin, 1992, p. 144].

Самый удивительный из трёх проанализированных нами случаев неправдоподобия – история о последней встрече супругов Осоргиных, рассказанная Лихачевым – отличается от первых двух. Отбыв срок на Соловках в молодости, Лихачев (в отличие от почти всех своих солагерников) долго прожил в СССР, стал всемирно известным ученым и приобрел всеобщее уважение как общественный деятель. И когда в конце восьмидесятых годов он пишет мемуары то, по словам Икина, «comes to terms» с тем, что произошло в его прошлом.

В данном случае проблема состоит в том, что академик написал свой текст через почти шестьдесят лет после описываемых им событий, опираясь лишь на собственную память. Во многих таких случаях, ошибки зависят от естественного ухудшения памяти или от влияния коллективной памяти на индивидуальную. Исходя из понятия коллективной памяти, разработанного Морисом Хальвбаксом, человеку невозможно точно и последовательно вспомнить события без участия различных социальных контекстов (или социальных групп), которые он называет «Les Cadres sociaux de la mémoire» [Halwbachs, 1992, pp. 37-191]. Историю с супругами Осоргиными, рассказанную Лихачевым, можно обнаружить и у Солженицына в «Архипелаге

ГУЛАГ» – его фамилия включена Солженицыным в список лиц, с которыми беседовал Солженицын, собирая материалы для своего труда. Михайл Розанов, автор интереснейшей книги о Соловецких мемуарах, предположил, что источник этой истории – или сама жена Осоргина, или один из бывших заключенных Соловецкого лагеря [Розанов, 1979, кн. 1, с. 217]. Это значит, что эта история была частью коллективной памяти либо уже в лагере, либо после публикации книги Солженицына. Вполне вероятно, что личная память Лихачева включила событие, существовавшее только в коллективной памяти, и, таким образом, вымысел заменил действительность. В связи с этим явлением Хальбвакс пишет: «I believe that the mind reconstructs its memories under the pressure of society. [...] Society from time to time obligates people not just to reproduce in thought previous events of their lives, but also to touch them up, to shorten them, or to complete them so that, however convinced we are that our memories are exact, we give them a prestige that reality did not possess» [Halbwachs, 1992, p. 51].

Эти три ситуации показывают, какой непростой оказывается проблема правдивости в воспоминаниях о ГУЛАГе. Социальный автобиограф Мальсагов лжёт сознательно, чтобы укрепить эффект его текста в социальном пространстве; Ширяев сознательно опускает часть своего прошлого, чтобы придать важность и последовательность его «активной» автобиографии; Лихачев бессознательно делает ошибку из-за превосходства коллективной памяти над индивидуальной.

4.

Связь реальности с фантазией, как было отмечено, является одним из основополагающих вопросов интересующей нас научной области, в центре внимания важнейших русских и западных исследований. Эта связь составляет важный элемент автобиографичности в многочисленных произведениях советского времени: как подцензурных, так и относящихся к андеграунду. В каждом случае, однако, связь между реальностью и вымыслом в организации тек-

ста и выражения автобиографизма имеют разные функции. Обозначенный вопрос я дальше постараюсь рассмотреть на материале автобиографических повестей Лидии Чуковской «Софья Петровна» (1939-1940) и «Спуск под воду» (1952-1957) и сочинений Евгения Харитоновна, главным образом его рассказов «Слезы об убитом и задушенном» и «В холодном высшем смысле».

Автобиографические повести «Софья Петровна» и «Спуск под воду» лежат на грани документальной и художественной прозы, отличаясь от большей части женской литературы о советских репрессиях, состоящей из писем, воспоминаний и дневников, элементом литературности и эстетической организацией повествования. В первой повести автобиографические элементы раскрываются не только в образе главной героини, но в каждом действующем лице-женщине. Они не выражены открыто, например, отсутствует соответствие имени автора и имени главного действующего лица, на котором основывается автобиографический пакт Филиппа Лежена. Несмотря на вымышленность персонажей, во всех узнаются элементы, напоминающие судьбу автора: матери, чей сын арестован и репрессирован; женщин, стоящих в длинных очередях у входа в тюрьму, где находится их близкий человек. Чуковская разрабатывает хорошо знакомые ей лично места, ситуации и чувства в фикциональном ключе, при этом за кулисами фантазии ее личные черты полностью скрывается, вместе с реальностью, о непонятной трагичности и абсурдности которой ей невыносимо говорить откровенно.

В «Спуске под воду» автобиографический элемент драматизма укрепляется еще сильнее, в связи с тем, что после начальной растерянности перед героиней обнажилась трагическая сущность репрессий. Фикциональный характер организации автобиографического повествования воплощается в метанарративной стратегии «романа в романе», которую Филипп Гаспарини [Gasparini, 2004, 2008] в своей монографии о жанре автофикции, относит к самым распространенным техникам авторепрезентации автора. По его

мнению, общая или близкая к авторской, профессия (писателя, переводчика, критика и т.д.) фикционального действующего лица позволяет определить автобиографичность образа даже тогда, когда нет соответствия между именем главного героя и именем автора.

В повести содержится рассказ в рассказе, написанный самой Ниной Сергеевной, главной героиней. Сюжет идущего от первого лица повествования явно автобиографический: женщина, пытающаяся узнать об арестованном муже, постепенно знакомится с миром террора и семьями заключенных; она свободна только внешне, на самом деле – его жертва. Главное действующее лицо рассказа Нина Сергеевна – молодая женщина, стоящая в очереди с маленькой девочкой на руках. Она боится, что потеряет место в очереди и не движется даже когда замечает, что маленькая девочка умерла.

Посредством её голоса Нина Сергеевна обнажает мир, который является собственным миром самой Чуковской. Она показывает без лишних деталей те же самые места, действия и образы мира террора, которые и Нина Сергеевна, и Чуковская хорошо знают, но о которых не могут открыто сказать. Игнорирование реальности абсурдного мира тоталитаризма просматривается за ложью и государственной мистификацией. Автобиографичность нарратива и его связь с реальностью становятся эксплицитными, когда в «рассказе в рассказе» персонажи цитируют и оценивают рассказ Чуковской «Спуск под воду». Метатекстуальный референциальный прием показывает функцию литературы в процессе эстетической разработки интимного опыта. В случае повестей Чуковской метатекстуальная стратегия автобиографического повествования способствует перестройке самого себя и своей жизни в условиях террора. Автор находит себя в фикциональном мире литературы, единственной реальности, где события могут быть сознательно пережиты и отображены.

Элемент вымысленности в повествовании Чуковской можно, наверное, интерпретировать в рамках идеи «предыдущей фикции», предложенной Филиппом Виленом:

La conception de l'imaginaire autobiographique m'invite à postuler l'hypothèse d'un fictionnement antérieur, autrement dit, l'idée que la fiction précéderait sa mise en texte même, et, que la perception du réel, inconsciemment préfictionnée, pourrait être finalement une forme anté-narrative dont la finalité se fixerait moins pour objectif de mettre une vie en roman, de décrire son lot d'événements insolites, comme c'est souvent le cas dans de nombreuses autobiographies, que de retranscrire simplement cette vie perçue d'emblée comme irréelle et, par un déplacement de point de vue, d'en supprimer l'extraordinaire irréalité pour la rendre vraisemblable [Vilain, 2005, p. 124-125].

«Предыдущая фикция» конкретно реализуется в советском тоталитарном обществе, в котором отражается система лжи, являющейся частью той же реальности, даже предшествующей ей. Человек принимает и ощущает ложную реальность через фильтр мистификации, производящей саму реальность, поколение в «футляре», неподвижно смотрящее на правду на основе ложных убеждений. На этом фоне Нина Сергеевна и Лидия Чуковская, действующие лица и свидетели террора, аннулируют неспособность пережить обманчивую действительность и с помощью литературы преодолеют её в поисках себя и истины.

Аналогичные приемы использует через много лет писатель и театровед Евгений Харитонов, о жизни которого известно главным образом то, что содержится в документах следственных органов и воспоминаниях современников. Изолированный как от официальной культуры, так и от диссидентства в своей «тюрьме культуры» [Харитонов, 2005, с., 223] из-за его гомосексуальности, Харитонов стал настоящим мифом для поколения 1970-1980-х гг., о чем свидетельствует премия Андрея Белого, которой его наградили в 1981 году посмертно. В театральной же группе «Последний шанс», к которой он принадлежал, его обвиняли в нонконформизме и автоизоляции. За свою жизнь он не о

публиковал ни одной строчки – все его произведения появились лишь после его кончины. Главная тема его рассказов – это цензура, перечеркнувшая творчество гомосексуалиста и литератора андерграунда, который, как свидетельствуют воспоминания, всю жизнь пытался жить по общественным правилам и даже пользовался популярностью в театральной среде. Он не мог жить свободно, хотя именно вследствие этого избежал преследований и арестов.

В отличие от традиции автобиографии, начатой Жан-Жаком Руссо, в которой «автобиографический импульс» рождается с целью показать свою искренность и опровергнуть обвинения, в своих многочисленных автобиографических рассказах Харитонов старается построить и укрепить архитектуру своей эфемерной, тайной жизни человека из подполья. У него, как и в случае с произведениями Чуковской, автобиографизм является не только «маркированным стилистическим приемом» [Медарич 1996, с. 31-56], но определенной литературной стратегией, на которой основывается эстетическая архитектура текста. Обнажать свою жизнь, даже в фикциональном ключе, оказывается для Харитонова действием смелым, позволяющим приобрести «право на биографию» [Лотман, 1986]. Как и Чуковская, Харитонов старается создавать себя посредством литературы. В интимном повествовании он находит, парафразируя Роберта Фолькенфлика, место сознательного поведения. Только здесь автор может писать или переписать свою автобиографию и создать себя (ср. «A life is created or constructed by the act of autobiography» [Bruner, 1993, p. 38]).

В более конкретном плане из элементов конструкции «я» в многочисленных рассказах Харитонова можно выделить осознание своего тела, ссылки к образованию, обозначение сексуальной ориентации и развитие темы писателя, «человека, живущего в слове» [Харитонов, 2005, с. 323].

В рассказе «В холодном высшем смысле» [Харитонов, 2005] писатель, как и в случае Чуковской, маскирует себя в «тексте в тексте». В коротком произведении речь идет о процессе изложения рассказа, в котором повествователь

является писателем. По сравнению с рассказом Нины Сергеевны этот рассказ в рассказе является второстепенным и его границы точно не определены. Харитонов описывает, как работает писатель, в частности, как он печатает на машинке, и как ему это трудно делать. Текст писательского романа имитирует рукопись, в него включаются, в частности, страницы с корректурой и машинописный текст, который постепенно исчезает со страницы, превращаясь в едва видимый, белые пятна на листе, по которым можно проследить, как писатель пишет, стирает и переписывает. Аллюзии к технике ОБЭРИУТов, Вагинова, Белого, Маяковского тут довольно яркие, однако описание работы писателя-ремесленника становится почти сказочным и на основании его строится аутентичный миф о работе писателя. Воображаемый мир далек от вымысленности и мистификации. Харитонов отказывается от них и становится сам по себе объектом повествования. Он ищет реализм в репрезентации своего мира, и даже если имя главного героя не соотносится прямо с именем автора, многочисленные параллели с его биографией (профессия писателя, гомосексуальность, жизнь в Москве, знакомые события) позволяют читателю узнать Харитонова на страницах его автобиографического рассказа.

Искренность повествования открывается только во второй жизни Харитонova – неофициальной, тайной, «бумажной», однако единственной аутентичной. Образ писателя, который вырастает из его нарратива, превращается в настоящий миф и распространяется на многочисленные другие рассказы Харитонova, наподобие стратегии, описанной Сузанной Нальбантиан [Nalbantian, 1997], в монографии о модернистской автобиографии. Исследовательница называет эту стратегию «multiplication» и «diffusion»: автобиографический герой разлагается в разных произведениях и общие биографические черты повторяются и множатся в образах многочисленных героев, сливаясь в одного настоящего героя. Вымысел, таким образом, служит автору, чтобы придать конкретность своей жизни и расширить ее до пре-

дела мифологизации, подтверждая свою настоящую натуру писателя и человека в условиях цензуры и преследований.

Библиография

Источники:

1. Вассена Р. Санкт-Петербург как «общественное зрелище» в мемуарном дискурсе об эпохе Великих реформ, «AvtobiografiЯ», 2013, с. 63-72.
2. Лихачев Д. Воспоминания, СПб., Logos, 1995.
3. Родинга Н., Сабурова Т. «О себе стараюсь говорить поменьше, но все-таки говорю»: самоидентификация и память в русском женском автобиографическом письме конца XIX – первой половины XX вв., «AvtobiografiЯ», 2012, с. 121-143.
4. Харитонов Е. Слезы на цветах, в 2 тт., М, Глагол, 1993.
5. Харитонов Е. Под домашним арестом, М., Глагол, 2005.
6. Чуковская Л. Софья Петровна, Сочинения в 2 тт., Повести, воспоминания, М., Гудьял-Пресс, 2000, т. 1, 11-81.
7. Чуковская Л. Спуск под воду, Сочинения в 2 тт., Повести, воспоминания, М., Гудьял-Пресс, 2000, т. 1, 85-171.
8. Ширяев Б. Неугасимая лампада. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954.
9. Brintlinger A. Biography as an Oratorical Genre, «AvtobiografiЯ», 2016, pp. 153-171.
10. Kohl P. Autobiography as Zoography: Dmitrii A. Prigov's Zhivite v Moskve, «AvtobiografiЯ», 2014, pp. 171-183.
11. Malsagoff S. An Island Hell: A Soviet Prison in the Far North, London, A.M. Philpot, 1926.
12. Rudova L. «Cross-Writing» and War Memory: Fridrich Gorenshstein's Autobiographical Story The House with a Turret, «AvtobiografiЯ», 2015, pp. 29-46.

Исследования:

13. Акар С. Москва-Соловки (путевка), стихи, «СЛОН», 9-10 (1924), с. 52.
14. Алоэ С. Реконструкция литературной среды: Дневник В.К. Кюхельбекера в годы заточения и ссылки // AvtobiografiЯ, 2013, с. 129-169.
15. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики, М., Художественная литература, 1975.
16. Богданова О. Новое звено в биографии Ф.М. Достоевского // AvtobiografiЯ», 2016, с. 55-73.

17. Бодэн Р. Простота стиля и конструирование идеального эпистолярного «я»: пример писем из ссылки Александра Радищева // *AvtobiografiЯ*, 2013, с. 25-35.
18. Велижев М. «Сенатор» «Поэт»: (автобиографическая мифология и литературная репутация И.И. Дмитриева // *AvtobiografiЯ*, 2016, с. 117-150.
19. Винокур Г. Биография и культура, «Труды государственной академии художественных наук», Филосовское отделение, II, 1927.
20. Гинзбург Л. О психологической прозе, М, Интрада, 1997.
21. Гудкова В. Населяя историю людьми: биографический метод как инструмент гуманитарной науки // *AvtobiografiЯ*, 2016, с. 17-37.
22. Деотто П. Автобиографическая и литературная память при составлении автобиографии по заказу // *AvtobiografiЯ*, 2013, с. 101-107.
23. Добренко Е. Молодой Эйхенбаум и Молодой Толстой: Литература как оформление опыта жизни // *AvtobiografiЯ*, 2013, с. 89-100.
24. Зарецкий Ю. Автобиография и правда: Аввакум Петрович о Надежде Марковне, «*AvtobiografiЯ*», 2013, с. 13-23.
25. Климова Н. «Где я?»: Воспоминания детства в контексте киноповествования в фильме Любови Аркус Антон тут рядом (2012), «*AvtobiografiЯ*», 2015, с. 111-131.
26. Кукулин И. Фрагментация жизни? Проза Павла Улитина и смена парадигмы автобиографического письма 1950-1970-х годов // *AvtobiografiЯ*, 2014, с. 129-169.
27. Лаццарин Ф. Фиктивный характер (псевдо)мемуарного текста как эстетическая программа. Еще раз о Петербургских Зимах Георгия Иванова // *AvtobiografiЯ*, 2012, с. 101-120.
28. Левина Паркер М. Введение в самосочинение: autofiction, «Новое Литературное Обозрение», 2010, 103, с. 12-40.
29. Левина Паркер М. Андрей Белый: путь к распятию как аспект серийного самосочинения // *AvtobiografiЯ*, 2014, с. 93-128.
30. Лотман Ю. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. Тарту, 1986. Вып. 683.
31. Малыгина Н. Роль Бориса Пильняка в писательской биографии Андрея Платонова, // *AvtobiografiЯ*, 2016, с. 95-115.

32. Манн И. Рим Гоголя: авторские чтения повести как факт творческой истории // *AvtobiografiЯ*, 2015, с. 189-197.
33. Машинский С. О мемуарно автобиографическом жанре // *Вопросы литературы*, 1960, VI, с. 129-145.
34. Медарич М. Автобиография и автобиографизм // *Russian Literature*. 1996, XL, с. 31-56.
35. Местергази Е. Литература нон-фикшн, Совпадение, М., 2007.
36. Ошевич Б. Автобиографический мотив детства в избранных авторских песнях Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого и Александра Галича // *AvtobiografiЯ*, 2015, с. 133-149.
37. Погорельская Е. Биография Исаака Бабеля: мифы и реальность // *AvtobiografiЯ*, 2016, с. 75-94.
38. Родинга Н., Сабурова Т. Время, пространство, память в мемуарах русских журналистов конца XIX – начала XX вв. А.В. Амфитеатрова и В.М. Дорошевича // *AvtobiografiЯ*, 2014, с. 61-92.
39. Розанов М. Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922-1939: Факты – Домыслы – «Параши»: Обзор воспоминаний соловчан соловчанами. В 2 кн. и 8 ч., США, Изд. автора, 1979.
40. Сальман М. О разных смыслах автобиографичности у О.Э. Мандельштама: на примере Шума времени // *AvtobiografiЯ*, 2013, с. 135-149.
41. Смит А. Мемуарная проза Марины Цветаевой как анти-памятник: очерк Живое о живом (1932 г.) в контексте мифотворческих тенденций российского и европейского модернизма 1910х-30х годов // *AvtobiografiЯ*, 2012, с. 167-210.
42. Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. Опыт художественного исследования, УМСА-Press, Paris, 1973-1975.
43. Трубина Е., Ушакин С. (сост.) Травма: пункты. Сборник статей, Новое литературное обозрение, М., 2009.
44. Тынянов Ю. Литературный факт / История литературы. Поэтика. Кино, М., Наука, 1975, с. 255-270.
45. Тюпа В. Стратегии писательской биографии (на материале жизнеописаний А.П. Чехова) // *AvtobiografiЯ*, 2016, с. 39-53.
46. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память, «Неприкосновенный запас», 2005, 2-3, с. 40-41.
47. Холиков А. Автобиографическая заметка Д.С. Мережковского как механизм самозапечатления в культурной памяти // *AvtobiografiЯ*, 2012, с. 89-100.
48. Холиков А. Трансформация памяти о писателе на пересечении словесного и визуального «пространств» //

- AvtobiografiЯ, 2013, с. 73-87.
49. Ширияев Б. Ели Соловецкие (впечатления с лесоразработок), «Соловецкие Острова», 2 (1925), с. 94.
  50. Явчуновский Я. Документальные жанры, Саратовский гос. Университет, Саратов, 1974.
  51. Agamben G. Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life, Stanford University Press, Stanford, 1998.
  52. Artoni D. Musorgskij e i ricordi di infanzia: Tracce liriche e musicali in Detskaja // AvtobiografiЯ, 2014, pp. 223-232.
  53. Bruner J. The Autobiographical Process // R. Folkenflik (ред.) The Culture of Autobiography, Stanford, California, Stanford UP, 1993, с. 38-56.
  54. Caruth C. Unclaimed Experience: Trauma, Narrative and History, Johns Hopkins UP, Baltimore/London, 1996.
  55. Chiantaretto J.F. Écriture de soi et trauma, Anthropos, Paris, 1999.
  56. Coe R.N. When the Grass Was Taller: Autobiography and the Experience of Childhood, Yale UP, New Haven, Connecticut, 1984.
  57. Criveller C. Gli studi sui generi auto-biografici e memorialistici in Russia // AvtobiografiЯ, 2012, pp. 21-48.
  58. Criveller C. Io sono il padrone del mio sogno. Evgenij Charitonov e la letteratura del sottosuolo come costruzione dell'io, «E-Samizdat», 2011, VIII, pp. 119-133.
  59. Criveller C. Sof'ja Petrovna e Nina Sergeevna: le «donne nell'astuccio» di Lidija Cukovskaja tra realtà e finzione / A. Oboe, A. Scacchi (ред.) A garland of true plain words. Padova, Unipress, 2012, pp. 339-357.
  60. Deotto P. L'autobiografia su commissione: definizione e limiti di un genere // AvtobiografiЯ, 2012, pp. 49-58.
  61. Eakin J.P. Touching the world: reference in autobiography, Princeton, Princeton University Press, 1992.
  62. Folkenflik R. (ed.) The Culture of Autobiography, Stanford, Stanford UP, 1993.
  63. Franco A. L'autobiografia di Nikolaj Ivanovič Kostomarov: le fondamenta dell'ucrainofilismo politico nel filtro dell'autocensura // AvtobiografiЯ, 2014, pp. 233-243.
  64. Gasparini P. Autofiction. Une aventure du langage, Seuil, Paris, 2008.
  65. Gasparini P. Est-il je? Roman autobiographique et autofiction, Seuil, Paris, 2004.
  66. Gilmore L. The Limits of Autobiography: Trauma and Testimony,

- Ithaca, N.Y., Cornell U.P., 2001.
67. Gullotta A. Trauma and Self in the Soviet Context: Remarks on Gulag Writings // *AvtobiografiЯ*, 2012, pp. 73-87.
  68. Gusdorf G. Conditions and Limits of Autobiography / J. Olney, *Metaphors of Self. The Meaning of Autobiography*, Princeton U.P., Princeton, 1972, pp. 28-48.
  69. Halbwachs M., *On Collective Memory*, The University of Chicago Press, Chicago, 1992.
  70. Harlow B. *Resistance Literature*, Methuen, New York, London, 1987.
  71. Hein C. *Öffentlich arbeiten: Essais und Gespräche*, Berlin, Aufbau-Verlag, 1991.
  72. Jelinek E. *Women's Autobiography: Essays in Criticism*, Indiana University Press, Bloomington, 1980.
  73. Jolly M. *Encyclopaedia of Life Writing, Autobiographical and Biographical Forms*, Fitzroy Dearborn, 2001.
  74. Knoepflmacher U.C., Myers M. (Ed.), 'Cross-Writing' and the Reconceptualizing of 'Children's Literary Studies', «*Children's Literature*», 1997, XXV, pp. VII–XVII.
  75. Kuziakina N. *Theatre in the Solovki Prison Camp*, Luxembourg, Harwood Academy Publishers, 1995.
  76. LaCapra D. *Writing History, Writing Trauma*, The Johns Hopkins University, Baltimore/London, 2001.
  77. Landau M.J, Greenberg J., Sullivan D., *Defending a Coherent Autobiography: When Past Events Appear Incoherent, Mortality Salience Prompts Compensatory Bolstering of the Past's Significance and the Future's Orderliness*, «*Personality and Social Psychology Bulletin*», 2009, Vol 35, Issue 8, pp. 1012-1020.
  78. Lejeune P. *Le pacte autobiographique*, Paris, Editions du Seuil, 1975.
  79. Mandel B. *Full of Life Now / J. Olney, Autobiography: Essays Theoretical and Critical*, Princeton U.P., Princeton, 1980, pp. 49-72.
  80. Mason M. *The Equality Trap*, Simon and Schuster, New York, 1988.
  81. McAdams D.P. *Power, intimacy, and the life story*, New York, Guilford, 1985.
  82. McKnight P.S. *Understanding Christoph Hein*, Columbia, University of South Carolina Press, 1995.
  83. Mella S. *Il diario di un'epoca "normalizzata". Strategie narrative autobiografiche nell'editoria clandestina cecoslovacca degli anni*

- Settanta // *AvtobiografiЯ*, 2014, pp. 395-408.
84. Murphy E. Memory and Identity in Russian Noblewomen's Francophone Travel Narratives (1790-1842) // *AvtobiografiЯ*, 2013, pp. 37-49.
  85. Nalbantian S. *Aesthetic Autobiography. From Life to Art in Marcel Proust, James Joyce, Virginia Woolf and Anais Nin*, Houndmills-Basingstoke-Hampshire-London, 1997.
  86. Nora P. *Les Lieux de mémoire*, 7 vols., Edition Gallimard, Paris, 1984-1992.
  87. Nora P. From lieux de mémoire to realms of memory, in P. Nora, L.D. Kritzman eds., *Realms of memory: Rethinking the French past. Vol. 1: Conflicts and divisions*, Columbia University Press, New York and Chichester, 1996, pp. XV-XXIV.
  88. Parisi V. Je est un autre – Edicka. Autofiction e scrittura di sé in Eduard Limonov, «*AvtobiografiЯ*», 2014, pp. 409-425.
  89. Puleri M. «Eto ia – Carrère»: Analysing the Influence of Limonov's Autobiographical Mode in Carrère's Literary Work // *AvtobiografiЯ*, 2014, pp. 427-437.
  90. Ricoeur P. *La mémoire, l'histoire, l'oubli*, Seuil, Paris, 2000.
  91. Schaeffer J.M. *Jean Marie Schaeffer, Pourquoi la fiction*, Paris, Seuil, 1999, pp. 136-145.
  92. Smith A. Searching for a New Self: Truth-Telling and Double Vision in Joseph Brodsky's *Essay In a Room and a Half* (1985), «*AvtobiografiЯ*», 2013, pp. 151-169.
  93. Smith S. *A Poetics of Women's Autobiography: Marginality and the Fictions of Self-Representation*, Indiana University Press, Bloomington, 1987.
  94. Smith S. *Subjectivity, Identity, and the Body: Women's Autobiographical Practices in the Twentieth Century*, Indiana University Press, Bloomington, 1993.
  95. Tria M. Una topografia della memoria: Praga e i suoi luoghi negli scritti autobiografici di alcuni emigrati russi // *AvtobiografiЯ*, 2013, pp. 119-133.
  96. van den Hengel L. *Zoography: Per/forming Posthuman Lives // Biography: An Interdisciplinary Quarterly*, 2012, XXXV, 1, pp. 1-20.
  97. Vassena R. I ricordi d'infanzia nel *Dnevnik pisatel'ja* di F.M. Dostoevskij: interazioni tra memoria individuale e memoria collettiva // *AvtobiografiЯ*, 2013, pp. 211-222.
  98. Vilain P. *Défense de Narcisse*, Paris, Grasset, 2005.

Автобиографические тексты

«Настоящий христианин, по прозвищу старовер по вере моих родителей»: автобиографии старообрядцев XIX-XX веков

Елена Агеева

Автобиографическая практика долгое время была несвойственна старообрядчеству. Постоянные преследования, необходимость скрываться не позволяли последователям старой веры углубляться в саморефлексию¹. Краткие сведения о духовных отцах сохранились в Синодиках, более подробные жизнеописания – в переписке, иногда зашифрованной, но главным образом, их можно было найти в

---

¹ К настоящему времени исследователями разных исследовательских центров проведена большая работа по воссозданию биографий старообрядческих деятелей. Значительное место им уделено, к примеру, в «Православной энциклопедии». Выявление автобиографических материалов и изучение автобиографических практик, на наш взгляд, требует дальнейших исследований.

следственных делах. Как правило, полученные в ходе расследований, рассказы не отличались полнотой личных наблюдений или интроспективных размышлений². Примером такой автобиографии служит рассказ С.С. Гнусина (1756-1839), допрошенного 23 декабря 1821 г. в присутствии бургомистра Судиславля Андрея Москвина и местных чиновников:

«От роду себе имею 65 лет, федосеевского старообрядческого толку, напред сего был я дворовый человек помещика Осокина Оренбургской губ. Белебеевской округи, от коего лет 16 тому назад бежал, скитался по лесам и разным селениям, есть ли где иногда и спрашивали, то назывался настоящим своим именем и помещика своего, притом уверял, что имею при сем письменный вид, хоть оного и не было. Через два же года пришел в столичный город Москву, где встретился у Юхотного ряда³ с вольноотпущенником крестьянином помещика Шапошникова Петром Никифоровым, с коим разговором узнал, что он одного со мной согласу, и объявил ему о себе настоящим образом, что беглый и не имею на свободное проживание письменного вида, которой [т.е. П. Никифоров. – Е.А.] по старости лет из сожаления ко мне отдал свою отпускную, а сам уехал в дом свой в Саратов. С каковою отпускною называл я себя Петром Никифоровым. По знанию моему живописного мастерства записался в цех ремесленной управы и проживал в Москве до 1813 года, а потом через приятеля своего г. Казани сокольного помытчика⁴ Андрея Васильева

---

² Все приводимые автобиографические сюжеты публикуются по рукописным источникам с сохранением авторских особенностей.

³ Ряд, где торговали кожами. Известны были казанские охотники или кожевники. См.: Даль В. Толковый словарь в 4-х тт. М.: Терра, 1995. Т. 4. С. 670.

⁴ Помытчик – охотник, натравливающий ловчую птицу на жертву. См.: Даль В. Толковый словарь. Т. 3. С. 277.

Шаронова получил уже от помещика своего настоящую отпускную, совершенную в Казанской палате Гражданского суда, с которой и приписался 22 декабря 1815 г. к московскому мещанству по высочайшему манифесту о 7-мой ревизии. Назад же тому года с три или более по извету отпадших от нашего согласия московского купца Лаврентия Иванова Осипова с прочими в том, что я имел чужую отпускную, за что и был судим, но как преступление сие сделано было до Всемилостивейшего манифеста прошлого 1814 г. августа в 30 день⁵, то от суда и следствия освобожден без наказания, после чего проживал в городах Москве в Преображенском богаделенном доме, по временам ездил в Коломну в таковой же богаделенный дом⁶. А с год времени укрывался я по разным местам с получаемым заочно от Московского общества паспортами и проживал у старообрядцев одного со мною согласу в г. Коломне и с. Писцове⁷ от того, что отпадшие московский купец Осипов с прочими начали делать на меня ложные доносы. В Судиславльский богаделенный дом прибыл я два дни назад. Содержателю дома купцу Папулину показал паспорт, который и принял меня и отвел особый покой. Из живущих при богадельне едва ли кто и заметил ли, приезд мой я не известил. Естее мне приносила с кухни старушка, ее зовут – не знаю. Сам же никуда не выходил, кроме для телесной нужды, но и для сего есть место подле самой комнаты, а потому едва ли видеть, кто мог меня. С ворами, беглыми

---

⁵ Высочайший Манифест был выпущен в честь мира с Францией.

⁶ Богаделенный дом в Коломне был устроен на средства Ивана Федотова – друга С.С. Гнусина и ходатая по разным делам федосеевцев – по образу московского на Преображенском кладбище.

⁷ Село Писцово Нерехтского у. Костромской губ. (ныне Комсомольского р-на Ивановской обл.) – родина одного из основателей Преображенского кладбища в Москве И.А. Ковылина.

знакомства не имею и о пристанищах их не знаю. Показую суцую справедливость. К подлинному допросу руку приложил московский мещанин Сергей Семенов Гнусин. С подлинным верно: секретарь <подпись>» [1. Л. 41–42 об.].

Особая ценность этого нарратива состоит в том, что долгие годы, начиная с конца XVIII и до 2006 г., когда обнаружались в Московском историческом архиве Москвы многочисленные документы, связанные с жизнью Преображенского Богаделенного Дома и С.С. Гнусина в частности, последний был носителем недостоверной, полной отрицательных коннотаций, биографии, составленной его духовными оппонентами⁸.

Публикуемые впервые автобиографические тексты, написанные непосредственно старообрядцами, а не их единомышленники или противниками, сохранились и в фонде Н.И. Субботина (1827–1905) – профессора МДА, известного противника, но в тоже время и знатока старообрядчества. Автобиографическая заметка архиерея Филарета⁹, со временем из старообрядца, превратившегося в оппонента этого движения, а потом и перешедшего в единоверие, написанная, очевидно, после 1864 года, перед переходом его в единоверие¹⁰, отличается простотой изложения. Глав-

---

⁸ Об этом см. Агеева Е.А. Судьба старообрядца в императорской России: история жизни «учительного» настоятеля С.С. Гнусина // Старообрядчество в России (XVII – XX вв.). Вып. 4. М., 2010. С. 185–233.

⁹ Игумен Филарет (в миру Фёдор Захарович) (1838/1839?–1901). После перехода в единоверие был казначеем Никольского единоверческого монастыря, сподвижником архимандрита Павла Прусского. Во многих миссионерских делах отец Филарет помогал настоятелю отцу Павлу (Ледневу), а порой и успешно заменял отсутствовавшего настоятеля. Скончался игумен Филарет 11 июля 1901 года и был похоронен на Братском кладбище Никольского единоверческого монастыря.

¹⁰ Об этом свидетельствуют следующие воспоминания Филарета: «В последних числах октября 1864 года Филарет в первый раз имел честь познакомиться с г. Субботиным, прибыв нарочито в Лавру, и вручить ему материалы для составления статей. Игумен Филарет (Захарович). Об ис-

ное в ней – история крещения, его правильность, что и позволяет ему считаться настоящим старообрядцем и выполнять важные поручения. Правильность крещения и на сегодняшний день строго соблюдается в отношении члена общины. В данном случае все эти сведения безупречности происхождения были важны и для перехода в единоверие. Записка написана из тетради в клетку:

«Родители мои Захарий Ульянов и Параскева Петрова австрийские подданные, жительства (отечество) имеют в Австрийском государстве, в герцогстве Буковина серетского Бецирка (уезда) в старообрядческом селении Климоуц, лежащем в расстоянии двух верст от Белой криницы. В этом селении и я родился в 1838 году, и так как в то время не случилось беглого попа, то меня первоначально погрузил простолюдin – дед мой Ульян и назвал Фёдором; после того явившийся беглый поп иеромонах Ириней довершил в 1853 году. На 15 году жизни моей по смерти родителя моего, я определен в Белокриницкий монастырь, где жил до 1855 с двумя выходами опять в родительский дом, что делал по убеждению родительницы и сродников. В 1856 году произведен митрополитом Кириллом в чтеца, и вручена мне была должность пономаря.

1860 года 1 февраля митрополитом пострижен в иночество и того же 3 апреля хиротонисан в диакона, с этих пор предоставлено было мне письменное избрание, позвал меня своим секретарем. В 1861 году послан был с другими wybranными депутатами в Вену для исходатайствования у государя некоторых прав, как для митрополии, так и для старообрядческих селений. Тогда я в первый раз посетил митрополите Амвросия. В 1862 году произведен в архидиакона, а в начале 1863 года был с

митрополитом в Москве, откуда возвращаясь, заезжали к митрополиту Амвросию. Того же года в месяце ноябре послан я митрополитом в лице его посланника в Москву, откуда возвратился в февралю месяце 1864 года и опять с новым поручением послан в Москву, где и до днесь нахожусь» [2. Л. 2-2об.].

Также в собрании сохранилась копия автобиографии, написанной известным старообрядческим епископом Пермским Геннадием¹¹. Автобиография Геннадия, как и вышеприведенная, Филарета, представляются крайне редкими источниками. Следует заметить, что Геннадий – суздальский узник, проведенный 18 лет в заточении, не раз общал сведения о своей жизни и в следственных комиссиях, и в тайных многочисленных посланиях, сохранившихся в собрании Московского Рогожского кладбища. Даже предпринимал попытки связаться с Львом Толстым, называя его князем Тульским. Но все эти автобиографические заметки были кратки и фиксировали только наиболее важные события, свидетельствующие о принуждениях мальчика в детстве и преследованиях в дальнейшем уже активного деятеля старообрядческой церкви. Автобиография из собрания Н.И. Субботина носит исповедальный характер, насыщена переживаниями автора, подчеркивает его необыкновенные духовные способности. О полемичности трудов и высказываний автора было хорошо известно и до заключения в монастырь, и позже, когда Геннадий одно время был епископом Харьковским, но в данном тексте владыка сосредотачивает свое внимание на спорах с беспоповцами, то есть с теми, кто не хотел признавать Белокрыницкую иерархию и перешел к беспоповской практике.

Автобиография написана на белых нелинованных листах in folio, переписчик местами мог не понимать, о чем

---

¹¹ Агеева Е.А. Старообрядческий епископ Геннадий: между властью духовной и светской / Вестник церковной истории. 2007. № 4(8). С. 189-214.

идет речь или переписывать небрежно, отчего местами текст недостаточно понятен, и не закончен. Даты нет, но можно с уверенностью предположить, что речь идет о периоде жизни Геннадия до заключения в Спасо-Евфимиев монастырь,¹² когда владыка развивал бурную деятельность по расширению и укреплению Белокриницкой иерархии на Урале и в Пермском крае:

«Честь имею о себе вполне донести. Я имею жительство Пермской губернии того же уезда её сиятельства княгини Бутеро в Лысьвенском заводе, родился я от родителей старообрядцев Василия Ефимова Беляева и Дариш Фёдоровны, впрочем, родителя, перешедшего из православия по родительнице природной в старообрядчество в 30-х годах. Родился, надо полагать, в 1824 года и крещен бабою, а совершено крещение о. Иоанном Комогоровым и наречено имя мне во святом крещении Григорий, а с 1836 года поступил я против воли своих родителей моих на 11 году по огнеопальному желанию в заводское училище учиться грамоте, в котором находился три года. Учил краткую Священную историю и Катехизис, и Грамматику, и Арифметику, но в начале учил славянскую Псалтирь. Когда стали меня вынуждать в Церковь ходить, тогда я по наставлению родительницы и брата Якова Васильева перестал ходить в училище и стал укрываться, поэтому не совершил учение мое в науках. Но способности мои ценили Начальство. Были у нас учителя – в начале о. диакон не ученый в семинарии Степан Иванович Комогоров – сын священника о. Иоанна Комогорова, да пономарь Григорий Иванович Первушин, которые весьма лю-

---

¹² Агеева Е.А. Старообрядцы в Спасо-Евфимиевом монастыре / Спасо-Евфимиев монастырь в истории и культуре России (к 650-летию основания монастыря). Материалы научно-практической конференции. Владимир-Суздаль, 2003. С. 54-67.

били меня за способности Богодарованные, а также и приказчики завода Иринарх Григорьевич Прядильщиков и Афанасий Шайдуров. Когда диакон подал на покой, тогда поступил к нам из окончивших курс семинарских наук, другой диакон молодой, не упомяну, как звать, потому я мало при нем учился – все бегал от преследования, когда я не согласился подписаться к православию, тогда послали меня в рудник от родителей, и тогда я находился около трех лет, где мучили меня всячески, пока приехал к нам в завод зимою Преосвященный Аркадий Архиепископ Пермский и Верхотурский, тогда вызвали всех старообрядцев на увещание, в числе последних и я, но не являли на лице его Преосвященству, впрочем, передано было ему обо мне, который строго запретил угнетать несовершеннолетних, потому я и остался в заводе. Наконец, через год опять стали приневоливать к подписке, в случае не подпишусь, в солдаты, обещали в солдаты отдать, я предпочел за лучшее по моему убеждению веру блюсти и со Христом царствовать. Я и прежде мало того недели на две отлучался, за что меня постегали. Как слышан я был, что есть в Кунгурском уезде верст на 90 от нас скит в пустыне Шамарских лесов, спасаются иноцы, настоятель отец Серапион и отец Савватий. Оба они были иноки схимники с братией, к которым и я в 1841 году поступил и жил с ними около года; потом с их учеником о<тцом> Елисеем с 1842 по 1848 год, а отцы Серапион с братиею по отшествии нашем взяты в Кунгуре и скончались в остроге. Они были постриженники Сергия – настоятеля Сыртского монастыря, что на Урале. Инок-схимник Савватий скончался в Перми во время Севастопольской войны на 120 или 116 году. Мы жили у отца Елисея со Степаном Кулаковым 5 лет с половиною, наконец, перешел я опять в Шамары к отцу настоятелю

иноку схимнику Никите, и Степана сманил с собой, который жил со мной вместе в скиту. Вперед я облечен в рясофор, чрез полгода и его одели, меня назвали Геннадием, а его Симеоном. В 1849 и 1850 годах были мы в России с другими иноками, они ездили в Москву, а я простудился и захворал в Казани, у Кознецова [так! - Е.А.] лежал в горячке недель 6. Приехали домой уже в пост 1850 году в березовские кельи. Наконец, в 1853 году прибыл к нам из-за границы инок Никодим с пропагандой, я увидел его в губернском городе Перми, я согласился с ним ехать за границу, доехали до Казани, опять разговорили ехать, и тогда же отправился в Сыртовский монастырь к Сергию, и жил довольно у него, в то время постригся там же в иночество и в диакона поставлен, как о сем написано в биографии, хранящейся в Перми. Наконец, в 1855 году попал я в Оренбургской губернии как бродяга и приведен в свою губернию. По строгости того времени осужден я за монашество и самовольную отлучку. В 1856 году осужден я в арестантские гражданские роты на полтора года, несмотря на то, что Манифест был издан, как за то не снимает иночество, за ношение свит монашеских, и за роскошь я не удостоился монаршей милости. Когда же я приведен был в арестантскую роту, заковали меня как раскольника и разбойника в тридцатифунтовые кандалы и работать заставили в них. К крайнему огорчению взяли у меня икону медную и слили её с медью. Я не больше и не меньше рассудил: вот новые восстанут иконоборцы; и так по прилежной молитве Господь услышал молитву мою, на вечерне 14 сентября послал Ангела своего, который и извел, о чем подробно описано мною в показаниях, и кандалы спали долой, так и ушел в ночь восемьдесят верст, а далее увезли добрые люди до места, рассказал все свое путешествие и о священстве

старообрядческом из Австрии, и избрали нас с отцом Симеоном меня в священники, последнего же в диакона, между тем депутатство изо многих обществ и Юги-Осокиного завода огромного, и так отправились несмотря ни на что ревностью распаляем, дошли до Москвы, ничего не нашли, потом возвратились, из Казани отправили нас в Хвалынь, а Юговской отправился в Москву, но бумага была от общества, подпись рук загадками, которую я перевел вполне на месте у епископа Афанасия. И так мы приняты, и постриг я Симеона в инока Савватия, который, и в диакона поставлен, а я во священника октября 29 дня, впрочем 21 ноября я поставлен во архимандрита, и так мы служили до Рождества Христова, в процессе служения обучились мы кое-чему, и вдруг Архиепископ Антоний присылает письмо епископу Афанасию, чтоб привезти в Москву священноинока Пафнутия, и так отправили в Москву и поставлен был архиепископом Антонием с Иовом Кавказским¹³, в избрании был и Конон Зыб<ковский>¹⁴, посвящен я был в епископа января 9 дня, а Пафнутий Казанский 10 января поставлен, и так отправился я восвоеси из Москвы, и в Казани священноинока Савватия захватил с собой. Приехали сперва в Кунгур, чрез Вятскую губернию Сарапульский уезд, тамо много крестили до 700 души обоого пола. Прилучилось в деревне Черной нам быть, и дано было знать соседнему наставнику в деревне Светлой Иоанну, он же отверг предложение от нас сказанное. Вдруг после вестника объяла его болезнь, в которые минуты я сказал, что он скоро будет сюда. Ещё не успели бе-

---

¹³ Агеева Е.А. Иов (Зрянин) // Православная энциклопедия. Т. XXV. М. 2010. С. 306.

¹⁴ Агеева Е.А. Конон (Дураков) // Православная энциклопедия. Т. XXXVI. М. 2014. С. 651-653.

седу окончить о нем, как он человек хороший, рассказывают, удивляются его отказу, глядишь, нежданно кое-как его вводят в избу, весь, как обваренный, пал пред ногами моими, кается, прощения от меня просит, когда же начал положил и прощение прочитал, и тут же облегчилась болезнь его. И начал с нами служить, нам помогать. Тогда с пламенной любовью и благочестивыми чувствами попросил нас в дом к себе, и тут преможество крестили. В последний день вдруг приносят напоследу всех расслабленного младенца лет семи, ни корпусом двинуться не мог, ни рукою, ни ногою шесть лет повернуться отнюдь не мог, ручки и ножки так иссохли, как цевочки¹⁵. Ужасное для всех зрелище! Я ему сказал: "Хочешь ли, я тебе здоровья привез". Он, как бы улыбаясь, желает, но говорить отнюдь не мог за немощь и исхлать; мать, же плачет о единородном своем сыне Симеоне. Мы сейчас окончили и ушли из моленной, пообедали и уехали. Летом я опять проезжаю, посети<ть> постом, и вдруг представляют мальчика мне полненького хорошенького, велят кланяться и рассказывают о нем отец его Никита с матерью и со всеми соседями, что сей был самый полумертвый младенец, благодарят меня, будто я восставил от одра смерти его посредством наведением миропомазания и причащением пречистых Христовых тайн. Говорят, принесли в дом, вдруг запросил кушать и пошел на ногах ходить. Эта любовь отца его ко мне столь расположила, что он на выкуп моего священника Анания 5 тыс. руб. серебром давал, всегда благодарные поклоны посылал к моему недоимству, называл меня воскресителем и избавителем от смерти. Но я-то, не я, а Благодать Божия во мне хиротонии. От чего это дело святое

---

¹⁵ КОСТОЧКИ

благодатное было? Вот от чего: когда меня поставили в епископа, и после сего попадись мне у архиепископа Антония Служебник с выходом Никона патриарха, как я заревел с испугу: ох, вы, окаянные, уловили меня в ересь. Так и не простился с архиепископом Антонием, как с еретиком. Это вполне может передать епископ Пафнутий Казанский. Как было, я сокрушался перед Господом и просил Господа Бога, чтобы он оправдал свое благодатное священство во мне, если оно есть во мне. Я беспокоился и день, и ночь, чтобы не отступить ни на шаг милости. Он сам во мне явил священства благодать свою: более не искушу Господа к тому, увы, мне, аще не благовествую его благодать, свидетельствует его действие мною недостойным, яко орудием. Кому угодно поверить его благодать на младенце бывшем, ныне уже юноше. Сарапульского уезда деревня существует, и люди не все умерли, наипаче родители или сам тот юноша Семен, того ради унижить благодать священства не мог, ей аминь. Ещё в 1862 году одна женщина отступила без доказанной причины, я ль, что ли ей отметил за хуление, не Господь ли? Поистине Господь попустил на ню лукавого духа, которую давил, когда же прощение принесла, оставил ю дух, потому я и жаждал скорбей и преследований, не боялся входить в беспоповские собрания, даже книги их ложные отбирал, а именно: 1-ю свои толкования на лжепророчества к настоящему времени возведено на Святую Церковь, которую я сжег в Миасском заводе по прочтении; 2-ю – Титин, в ней 18 разделов, были возражения приписаны с опровержениями на рассказы их на полях написаны; 3-ю книгу “Меч духовный” я торжественно в собрании, как несогласную со священными книгами изъясняющую изобличил и взял как негодную: поэтому последние от неё отреклись и сознали, что она несходствен-

на со святыми книгами душеполезными; наконец, я отдал Пафнутию Казанскому со всеми опровержениями на полях в оной, написанными мною, и прочих Цветников, я нарочито покупал и в собраниях прочитывал, строгую критику соблюдал со сличением святых книг, и негодное выдирал и сожигал из последних: это екатеринбургские старицы подтвердят. В 1862 году так горячо с беспоповцами златоустовскими и миасскими и прочих заводов и мест сражался, за сию ту смелость трижды откупался: 1-е в Миассе, 2-е не упомяну, как называется завод, глядишь полиция рублей 50 сер. возьмёт и отпустит, даже и чиновники заседали на некоторых собраниях со мной. Но в Юговском заводе взяли с меня тысячу рублей серебром, вместо меня Спиридон сел и выручил, дорогою едуци в Кунгур, и там сидел за мою личность целый год, потом родители его исхлопотали. Он только отличался от меня малограмотностью и острою отворов, почему священник юговский и сознал помененным, потому, как я в полиции с ним полемикую вел, всех противу его ругательств возражал отчетливо, так же и единоверческому попу – великану необразованному и ругателю незаслуженно, да держали меня в кандалах месяца два, а потом за тысячу рублей <от>пустили, эта тысяча мне пророчески дана откупиться от внешних священноиноком отцом Афанасием, будучи в Москве. И так отправился из Москвы, и на пути стяжался в заводе, именуемом Курашим, с беспоповцами, показал пред ними правоту Церкви и ложные их книги опроверг торжественно, далее заставил беспоповца не молящегося нашим иконам (это было на полустанке у Филиппа прихожанина нашего). Убедился старик доказательствами, выходя из дома, три поклона положил нелицемерно святым иконам. Итак, наш беспоповец и ушел, и нас на другой день отвез до

города Кунгура, тогда-то я отправился из Кунгура в скит и в Екатеринбург. После того был я в златоустовских заводах и в скиту, написал я тогда против беспоповцев, защищающихся Филаретовым указом о белорусах и разбор на все изложение. Сличением правил показал по Кормчей, и с приятием чина от ересей к Церкви приходящих, за что благодарность получил от златоустовского беспоповского наставника. Ещё написал на книжицу под именем "Опровержение на книжку (о Парфения) о промысле Божии" 1-е как не в духе христианском писано; 2-е много голословного прибавлено и не в такту и прочее. Сию книгу мою читал епископ, бывший Антоний Оренбургский и Уфимский, весьма похвалил и благодарил златоустовских старообрядцев, и позволил беспрепятственно часовню открыть и молиться, беспоповцам все, напротив, отказал. Ещё мною написана книга "Возражение против беспоповцев": собственно на их крещение от неосвященных крестителей без условных причин и прочих всех или загоняемых обрядов вместо из седми Святых Таинств имеют благодать и силу ко спасению и прочее. Ещё две тетрадки краткие ясные и весьма резкие на обличение прельстившихся в первой о Лаичевском крещении¹⁶, и в последней о ненуждающихся подтверждать у священника доводы о чувственном антихристе, не опровергая и исконного антихриста ещё от Каина начало оказавшего, убившего брата Аве-

---

¹⁶ В VII главе древнейшего памятника кон. I – сер. II века (возможно, и более раннего времени) из сиро-палестинского региона «Дидахе» описывает чин Крещения, предваряющийся оглашением учения и однодневным постом. Причём постились не только оглашенные, но и все участники таинства. Крещение преподаёт ещё не епископ, а кто-то из общины, поэтому нет ни обряда возложения рук, ни чина отречения от сатаны. Т.е. это — типичное лаическое (мирянское) крещение, характерное для «всеобщего священства» народа Божьего.

ля, изображающего в себе Христа невинно убиенного за мирские грехи спасшие. Ещё была книга: сличение ересей, бывших прежде, где прямо у еретиков находился дух антихриста по их верованию, как то: в арианах, в павликианах, несторианах, единотественниках и единовольниках и прочим по Божеслову: кто не исповедует их во плоти пришедши (от Девы), тот антихрист есть¹⁷. И затем чистоту церкви русской доказывал, как не причастной тех ересей. Если от первых антихристиан церковь принимала по присоединении их в своих санах, тем более от господствующей в сей Церкви достоин принимать с честью в сане их. Ещё Окружное послание сочинено мною на неправильное послание, возведение окрест престола, но во всех древлеписменных и печатных Филарета [книгах] сказано: и водим бывает около престола, якоже и каждое бывает. Я первый в своей епархии начал по уставу водить хиротонисуемых¹⁸, но волнение народа сим утишил: послал в подтверждение сочинение в завод Тагил справиться в единоверческой церкви в хранящемся там Потребнике большом Филарета патриарха 1862 г.¹⁹ Последнее мое сочинение – рассуждение об уступках церквей православных старообрядческой и грекороссийской взаимно, и тем разрушится бы раскол в 20 пунктах заключалась. Жаль, что черновой не осталось, потому я послал в Москву к Его Преосвященству Антонию архиепи-

---

¹⁷ Геннадий не указывает название книги, посвященной обличению ересей. Речь может идти о разделе Кормчей или старообрядческом сочинении, автор которого пожелал остаться анонимом. Описание содержания книги завершается изложением фрагмента из 1 Соборного Послания ап. Иоанна. Глава 4:3.

¹⁸ Хиротонисую – глаг. (χειροτονῶ) рукополагаю, посвящаю. Хиротонисуемые – рукополагаемые, посвящаемые в священнический сан.

¹⁹ Речь идет о перепечатке одного из дораскольных изданий Потребника, выполненной в Единоверческой типографии в Москве.

скопу Владимирскому бывшему, а ныне древлеправославных христиан, за что я получил благодарность за оное сочинение, потом меня вскоре взяли в Екатеринбурге, и конец. Впрочем, не осталось без плода: возбудило мое сочинение составить "Окружное послание". А что же меня возбудило о возъеденении? Вот что: когда я был летом того года в Москве на Соборе видел и слышал несогласие в чину обрядов церковных от пресловутых древлеправославных епископов. Я всячески старался сделать единообразие по всем церквам по писанному уставу, не тут-то было: всяк поп по своему запел: как то за началы, то за пострижение в крещение власов на главе крещаемого, а именно делали в Москве попы наемные по неучености, но по деньгам во угождение хозяев, открывающих сокровища, постригали на главе, един совершая крест, а четыре приглашенные говорили, например: 1-е начал кто и делал первый рог креста, а молитву всю глаголя: Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя. 2-е нижний рог то же глаголет. 3-е [кто делает] рог креста то же глаголет и 4-е совершает креста рог последний, будет ли правильно, как в положении руки на чело и живот, потом с правого на левое плечо-то есть крест, а молитв Иисусовых четыре, так и в пострижении неправильно младенческое безрассудное действие совершалось, изображая крест един, как жертвенник, священнодействова, бо на нём один искипитель, принесший себя Богу и Отцу, равно честну и сопрестольну святому Духу в жертву в воню благоприятную за весь род человеческий, как же здесь сожаления не достойны, тако богатеющие в злато, а не во единую Святую Троицу. Четыре Троицы проповедуют на крестном жертвеннике. О, ужас! О, рассмотрите крикуны! Воробьёв со своими клевреты. Я Вам показывал в книзе блаженного Си-

меона Столпника в чину пострижения, а Господи помилуй 12 припевает клир в том изъяснении, догмат есть, дабы Господь сохранил во дни 12 часов, и так простите моей худости за осуждение.

Еще, будучи я в скиту златоустовском, заведующие тамо захотели соорудить церковь походную. Некоторые христороубы, паче же боголюбцы взяли материи и газов для обшивки, просто, без намерения, с крыжиками²⁰, вытканными на оных. Когда шили оную, не говорил инок Викентий²¹ ничего, когда окончили и освятили, тогда стал указывать на оные, как бы крыжи лятские²²: пошло шире, и даже смутил всю братию, поднял даже и слепого старца в полемику, вырезал ему из бересты крест (изобрести!) и дал в руки, так все закричали: "не хотим шить ересь!" Я показываю в Псалтири крест [четырёхконечный, приложено изображение – Е.А.] полиелейных дней и в прочих местах, а отрицании о латин не называется мерзким, но Хри-

---

²⁰ Крыжики. См. Крыж м. крест, особ. косою; говор. о кресте христианском, крест западный, католический, римский. Крестообразный знак, метка, помета краскою, мелом или нарезкой». Даль. Т. 2. С. 204.

²¹ Викентий (в миру – крестьянин Василий Михайлович Носов) родился в 1835 г. в с. Городце Балахнинского уезда Нижегородской губернии. По исполнении 20 лет Василий принял монашеский постриг в скитах при Златоустовском заводе при архимандрите Зиновии, поставленном Геннадием. В январе 1859 г. златоустовский скит был обнаружен, а монахи арестованы. Лишь по случайной случайности удалось спастись Викентию (Василию) и Савватию (впоследствии – епископу Тобольскому). Викентий сопровождал Савватия в его поездках по Сибири, а с 1863 г. – находился при епископе Константине, затем арестован и переведен в Верхотурскую тюрьму. Очевидно, не выдержав тяжести жизни в заключении, он решил перейти в единоверие. В 1867 г. Викентий, которому было разрешено сохранить иноческий чин, был удостоен сана иеромонаха. Дальнейшая его судьба неизвестна. Белобородов С.А. «Австрийцы» на Урале и Западной Сибири (Из истории Русской Православной Старообрядческой Церкви – белокриницкого согласия). Электронный ресурс. Код доступа: http://www.semeyskie.ru/history_ural.html

²² Очевидно, лядские, то есть польские.

стовым и прочее. С Викентия требую настоятельно, чтобы показал в Писании, где называется печать антихриста, мой Викентий голословствует, ссылаясь на кусинских²³ беспоповцев, что у них видел в печатной книге старой напевы, я его вытолкал, чтоб принес и показал братии, если же не принесет да будет отлучен, как возмутитель. Пошел, чуть не замерз, чрез неделю приходит мой Викентий с покаянием и со слезами, а книги не нашел печатной. Без неё и так вся братия примирилась оттоле. Викентий в братии стал во лжи. С того времени крест четвероконечный стал в чести у братии, не как изуверы, беспоповцы – экрестохульники, яве и христовы хулители: ибо сам он распялся четвероконечно, тем все концы усвоая висинные. Теперь я спрошу их: осмиконечность ли осватила четыреконечного, или четыреконечный осьмиконечного? Я лобызаю обоя: и не древо лобызаю, освятившего жизнедателя Христа. Наконец, Викентий, подражая мне, применяясь моим оборотам, вскоре предпринял все артикулы учения, начал уже сам сочинять и возражать противу беспоповцев. Я о себе скажу: многих беспоповцев в изумление приводил, особенно при их обществе, когда их доказательства и цветнички с желчию смешанные на меня не действуют, и меч их духовный не посекает; то они обращаются, тогда к мечу железному против моего доказательства, и предадут полицию меня, потом подкупят, что б взяла меня, и тем вера их остаётся непоколебимою. Благодарю их и благословляю за все их предательства. Конечно. Я поколебал и смутил их мир и единство, разрушал их веру, весьма близко мы сошлись с ними, не возбраняли даже молиться своим иконам,

---

²³ Речь идет о старообрядцах-беспоповцах Кусинского завода – ныне г. Куса Челябинской обл.

особенно чудотворцу Св. Николе, гостю петербургскому за 15 тыс. вер купленному²⁴, коим последним уверились, что орел двуглавый несть от Петра I, и не есть антихрист, а от греков принесенное христианское знамение, потому, говорят, предки наши ошибались в том, что эта сия икона, говорят, греческого письма, на ней св. Никола изображен, стоит на двуглавом орле.²⁵ И, действительно, изображен святой в приготовительной в епископа хиротонии на двуглавом орле, я весьма порадовался их приобретению св. иконы и поблагодарил их. И позаочь скажу благодарность: спаси их, Господи, помилуй за здоровое сознание и принятие истины. Есть из них добрые люди, даже отпустил своего единоверного в скит к нам и благословил жить, но когда я уехал из скита и на другой год приезжаю, изменил мысли мой любимец: взял своего духовного ученика из скита. Тогда-то мой любимец просил изъяснение подробное о Филаретовом изложении, на что и написал в сравнении согласно правилам апостольских и отеческих, что не можно предпочесть Филаретов указ частной церкви о белорусцах написанный, паче соборных правил Вселенской церкви. В то время мы ездили с отцом Паисием в какой-то завод поставлять священника. И там много стечения народа было из деревень. [Не упомяну] как звать инока-схимника Галактиона, который прибыл тут же через четыре дня по при-

---

²⁴ Выражение «за 15 тыс. вер купленному», видимо, связано с внутренней полемикой между согласиями.

²⁵ Описание изображения святого традиционно: под ногами обычно изображался овальный коврик – «орлец», указывающий на высшее небесное происхождение и достоинство епископа. Изображенный на нём орел является символом высшей горней твари ангельских чинов. Становясь на орлец, епископ оказывается как бы постоянно носимым орлом. Благодарю за консультацию научного сотрудника Музея имени Андрея Рублева Татьяну Игнатову.

езде нашем, его долго ждали, не знали, что ему случилось, потому что расстояние только 30 верст, но он с сущими с ним бедными маялся, вез верхом на лошади бесом одержимую женщину, чтоб её исправить. Бес же всячески не давал ей ехать, скорчевал её в куб, хотя привязанную в седле, отрывал её и на землю бросал, так на одной, говорят, версте раза по три и по четыре сбрасывал с лошади из седла и опять поднимали оную привязывали. Едва, едва привезли оную и внесли в дом, по желанию её исповедалась от отца Паусия и воспрямилась, на утро же во время обедни опять корчилась. Когда запели Херувимскую песнь, тогда лукавый не стерпел, сбросил её на пол, и тут причастили её, Господь исцелил её, сделалась здрава; тут, сколько было слёз – то от неё, то прочие предстоящие за нею се хлипали. Благодарили Господа Бога и Пречистую его мать и всех святых Его, и так отправилась здоровою, помощь наша была от Господа Бога, сотворшего небо и землю, и во имя Господне, ей аминь!

Ещё в другое время прибыл я в пустынный скит, там рассказывали мне о беснующемся, бывшем Михаиле бельце, как отец Паусий над ним читал молитвы на прогнание бесов, и как бес его торкнул о землю и пением течением вышел и сделался здоров, благодаря Богу.

Ещё в другой раз приезжаю осенью, там же рассказывают о беснующейся женщине знатной именем Александре, Единоверческой церкви принадлежащей: что попы православные заклинание читали, ничего легче нет, потом привозили к ним в скит, молились тако же, ничего почти лучше не было: Викентий – монах бывший, больной подкладывал к возглавию тихонько: то просфору, то епитрахиль или поручи. И вдруг бес в ней начнет беспокоиться, тело её коверкать и разбудит спя-

щую, закричит: "Ей тошно! Чего вы тут положили?" Спрашивают: "Да что же? – скажи!" И нехотя, едва-едва скажет: "Да, святое!" – "Да что святое?" – спрашиваю, кое-как скажет: "Да просфора или епитрахиль!" Случилось и мне видеть её и слышать от неё. Приехали за нами зимою нарочно и привезли в дом. Я начал к ней приближаться, вдруг она как бы сделалась мертвою». [З. Л.1-6 об.]

Закон о свободе вероисповедания резко изменяет положение старообрядцев. Вплоть до конца 1920-х гг. бурно развивается рукописная старообрядческая Библиография, где порой находят место и автобиографические рассказы. Открытие её и изучение связано с многолетними археографическими экспедициями, в том числе и Московского университета. Наиболее ярким событием стали встреча и продолжительная дружба с историографом и старообрядческим писателем А.К. Килиным (1916-2002)²⁶, написавшим в 1980-х годах по просьбе археографов МГУ, и в соответствии с его горячим желанием поделиться с новым поколением знаниями о прошлом, автобиографическое повествование «Коллекционировании жизненных явлений или повесть дней и страстей XX века». В сочинении Килин осмысливает свой жизненный путь через историю страны и своего согласия «староверов-беспоповцев, не приемлющих общин». Для подготовки статьи о Килине в «Православной энциклопедии»²⁷ Ананий Клеонович написал краткую, исключаящую множество подробностей и трагических событий, версию своей биографии, публикуемую впервые: «Килин Ананий Клеонович, год рождения 1916, октября²⁸ крещен, и имя получил, место рождения небольшая деревня назва-

---

²⁶ Агеева Е.А. «К формуле духовного учения устремляю свой взор...» Памяти А.К. Килина // Культура российской провинции. Екатеринбург. 2005. С.649-655.

²⁷ Агеева Е.А. Килин Ананий Клеонович // Православная энциклопедия. Т. XXXIII. М., 2013. С. 507-509.

²⁸ Дата по старому стилю.

ние Еронова, теперь не существует, крещен настоятелем, по вере своих родителей, старовер, беспоповец, не часовенный²⁹, рос обыкновенным деревенским мальчиком, в воскресенье и праздники посещали моленную, отец воспитал нас строго, мы боялись его. Отец Клеоник (Клен) Спиридонович год рождения 1870, мать – Александра Стефановна, таких же лет, была скромная, как и отец религиозные были. Дед со стороны отца Спиридон Евстегниевич, был добрым дедом, и мы его уважали, он много нам сообщил о прошлом своей жизни. Бабушка Елена Кириловна рано умерла, и мы её плохо помним. В 19-летнем возрасте ушел учиться в келью к старичку Михаилу Илларионовичу. Два года пробыл с ним, в 22-летнем возрасте поженились с Федосьей Ивановной и началась наша жизнь странствовать, то в колхоз не хотелось, то ищю по некоторым другим причинам, и странство безропотное, забрались на север по реке Енисей. Через два года на фронт, три года на передовой, разведчик. Не без приключений, только милость божия сохранила меня от смерти. Войну закончил в Австрии от г. Вены 90 км. В 1945 году демобилизовался, работу нашел на железной дороге, начальству не понравился, уехали на шахту угольную, 12 лет работал, с шахты уехали в Киргизию в г. Пржевальск, 14 лет прожили, в Грузии в г. Поти четыре года

---

²⁹ Староверы-часовенные. У истоков согласия в начале XVIII в. стоял священноинок Софонтий. Самоназвание – «християне»; часовенными их стали называть позднее по месту богослужений в часовнях без алтарей. В прошлом они – беглопоповцы, принимавшие путем миропомзания священников синодальной церкви, но из-за запретительного законодательства Николая I приток священников прекратился. Часовенные пришли к выводу об исчезновении трехпогружательного крещения в синодальной церкви, поэтому священников нужно было принимать в согласие как еретиков с перекрещиванием по I чину, тем самым они теряли свой сан. Согласие перешло к беспоповской практике, но его последователи помнят и чтут память о священниках своего прошлого. Согласие, к которому принадлежал Килин, уверены, что их предки никогда не принимали синодальное священство, не имели часовен, не регистрировали своих общин.

прожили, в Белореченске живем 23-й год, за все, слава Богу. Писать начал для МГУ в 70 лет, а так любительски занимался раньше, но было опасно» [4. Л.1-1 об.]. Сочинения А.К. Килина, как и других старообрядческих авторов XX столетия, позволяют понять жизнь эпохи, способы выживания личности в условиях резкого слома культуры и тяжелейших испытаний.

Библиография

Источники:

1. Допрос С.С. Гнусина // ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 31. Д. 9.
2. Автобиографическая заметка архидиакона Филарета // РГБ. Ф. 294. К. 22. № 1.
3. Автобиография Геннадия еп. Пермского // РГБ. Ф. 294. К. 11. №. 6.
4. Письмо А.К. Килина от 24 мая 1999 г. // Архив автора.

Исследования:

5. Зарецкий Ю.П. Историки и автобиографии. Доступно: http://visantrop.rsuh.ru/article.html?id=1167090#_ftn1
6. Автобиографические свидетельства: перспективы междисциплинарных исследований / отв. ред. Е.К. Карпенко. СПб.: Алетейя, 2016.

Сведения об авторах

Агеева Елена Александровна, старший научный сотрудник Музея истории МГУ им. М.В. Ломоносова, куратор темы «Старообрядчество» ЦНЦ «Православная энциклопедия».

Алташина Вероника Дмитриевна, д.ф.н., профессор кафедры истории зарубежных литератур Санкт-Петербургского государственного университета.

Божков Олег Борисович, старший научный сотрудник Социологического института РАН, Санкт-Петербург.

Глебкин Владимир Владиславович, к.ф.н., доцент кафедры культурологии и социальной коммуникации Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ; заведующий отделением теории и истории мировой культуры, гимназия 1514, Москва.

Гуллотта, Андреа, Ph.D., лектор русского языка и литературы Школы современных языков и культур университета Глазго (Великобритания).

Деккер Рудольф, Ph.D., руководитель Центра по изучению эгодокументов и истории при Институте Хёйзинги Амстердамского университета.

Демкова Наталья Сергеевна, д.ф.н., профессор кафедры русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета.

Егорова Оксана Вениаминовна, д.и.н., профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории

Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

Зайцева Юлия Евгеньевна, к.п.н., доцент кафедры общей психологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Зарецкий Юрий Петрович, д.и.н, профессор школы философии НИУ «Высшая школа экономики», Москва.

Игнатова Светлана Николаевна, научный сотрудник Социологического института РАН, Санкт-Петербург.

Капоче Наталья, Ph.D., Вильнюсская художественная академия (Литва).

Катцер Николаус, доктор, профессор, директор Германского исторического института в Москве.

Карпенко Елена Константиновна, к. филос. н., доцент школы культурологии НИУ «Высшая школа экономики», Москва.

Килин Алексей Павлович, к.и.н., доцент кафедры документационного и информационного обеспечения управления УФУ им. Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург.

Клочкова Юлия Владимировна, к.ф.н., доцент кафедры истории искусств Екатеринбургского государственного театрального института.

Кривеллер Клаудиа, Ph.D., научный сотрудник Департамента лингвистики и литературы университета Падуи (Италия).

Луниц Сергей Андреевич, младший научный сотрудник, Институт русской литературы РАН («Пушкинский Дом»), Санкт-Петербург.

Майга Абубакар Абдулвахиду, к.ф.н., ассистент кафедры литературы факультета филологии Университета Филологии и Гуманитарных Наук Бамако (Мали).

Мамедов Руслан Азерович, студент 4 курса школы исторических наук НИУ «Высшая школа экономики», Москва.

Мартынова Лариса Анатольевна, к.ф.н., член Чеховской комиссии РАН, Москва.

Михайлова Мария Викторовна, д.ф.н., профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва.

Носенко-Штейн Елена Эдуардовна, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

Павлова Светлана Юрьевна, к.ф.н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы Саратовского национального исследовательского университета им. Н.Г. Чернышевского.

Попова Анна Валентиновна, к.ф.н., доцент кафедры зарубежной литературы, Донецкий национальный университет.

Почакаев Роман Юлианович, к.ю.н., профессор, ведущий кафедрой теории и истории права и государства НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург.

Рампаццо Кьяра, аспирантка Падуанского университета (Италия).

Юрьевна, д.социол.н., профес-сор кафедры анализа социальных институтов НИУ «Высшая школа экономики», Москва.

Ружжью Франсуа-Жозеф, Ph.D., профессор центра им. Р. Мунье университета Сорбонна (Париж IV), заместитель директора Института гуманитарных и социальных наук Национального центра научных исследований (CNRS).

Салманова Ирина Федоровна, к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных наук Белгородского государственного института искусств и культуры.

Слепцова (Кызласова) Ирина Семеновна, старший научный сотрудник отдела этнологии русского народа Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Шуринова Наталья Сергеевна, аспирантка кафедры теории и истории мировой литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (Ростов н/Д).

Шушпанова Зинаида Владимировна, аспирантка школы философии НИУ «Высшая школа экономики», Москва.

Янке Габриэла, доктор, приват-доцент, сотрудник Института Фридриха Мейнеке отделения истории и наук о культуре Свободного университета Берлина.

Abstracts

Elena Ageeva. «A True Christian, named Old Believer according to the Faith of My Parents»: Autobiographies of Old Believers, XIX-XX centuries

Keywords: Autobiography, Old Believers, Tradition, Court Documents, Manuscript Literature.

The old believers' autobiographical tradition, which has been initiated already by the arch-priest Avvakum, but later all but disappeared due to persecutions and the general weakness of self-reflection in Russia before the Schism, is being analyzed on the basis of the courts documents. These data helped to formulate certain differences in self-reflections of old believers in XIX century. Since the Religious Freedom law has been implemented and until 1920s, the old believers' manuscript literature begun to flourish including some autobiographical genres. The discovery of this literature and its study become possible due to many years of field research done, among others, by the Moscow State University field expeditions. In 1980s, the autobiographical compositions of old believers emerge anew with their attempts to understand their life through the history of their communities and the country as a whole.

Veronika Altashina. Autofiction and the Theory of possible worlds

Keywords: the autofiction, the theory of possible worlds, the autofictional pact, the fiction, the fact, French litteratury, Ph.Lejeune, J.-M.Schaeffer, L. Doležel

The genre of the autofiction which received a wide circulation in the French literature at the turn of the 20th-21st centuries and has already become a subject matter of scholarly analysis is discussed in the article from the perspective of the theory of possible worlds that has been actively developing in the western literary criticism since the 1970s. The conceptual issues of the theory which have been put forward by L. Doležel and Th. Pavel and further developed by J.-M. Schaeffer and F. Lavocat appear productive for studying the new genre which came into

being in the same years, the neologism «autofiction» being coined by a French writer S. Dubrovsky in 1977). On the basis of the analysis of a significant body of literary texts of the 20th-21st cen. and building on the definition of the autobiographical pact offered by Ph. Lejeune, the author of the article proposes a definition of the autofictional pact, which completes the empty columns of Lejeune's table.

Oleg Bozhkov, Svetlana Ignatova. Three major factors of success of an interdisciplinary research

Keywords: auto/biography, methodology, interdisciplinarity, social and human sciences

The article presents three main factors, which we consider necessary for a successful interdisciplinary research. First, all participants of an interdisciplinary project have to be experts in their own fields of knowledge. Second, there should be «a search of common language» between representatives of different disciplines. Third, empirical material must be relevant for all participants of interdisciplinary swimming. The Biographic foundation of the SI RAS – the collection of (auto)biographical materials of «simple people» - acts as an object of the interdisciplinary project. We consider dominating priorities and purposes of specialists, who appeared to be participants of such project, such as psychologists, historians, sociologists, linguists, ethnographers, etc.

Andrea Gullotta, Claudia Criveller. Russian autobiographical texts: a westerners view (Some observations from the editors of «AvtobiografiЯ» journal)

Keywords: Autobiography, Autofiction, Autobiography of Trauma, Gulag Literature, Memoirs, Fiction, Samizdat, Kharitonov, Likhachev, Chukovskaia

This paper analyses the benefits of the exchange of approaches, practices and theories in the study of autobiographical texts between Russia and the West. The authors, editors of the international academic journal «AvtobiografiЯ», devote the first two parts to the analysis of examples of such ex-

change, while the other two parts take into considerations the question of the negotiation between reality and fiction in some Russian texts (Gulag-related texts and works circulated in samizdat) through the use of approaches born in the West.

Natalja Demkova, Sergey Luntz. «Yearbook of my life»: unpublished manuscript of memories written by Dr. S.D. Chechulin (1866-1940)

Keywords: private life, Russian history (1880–1927), First World War (hospital train № 1030), the February revolution, the October revolution «from a medical point of view», the organization of the medical service (Cherepovets), genetics, the family as the basis of human life stability, the joy of labor, provincial intelligentsia of the late XIX – early XX century

The home archive of the theoretical physicist Y. Demkov kept the manuscript (autograph) of memories of his grandfather, Dr. Sergei Dmitrievich Chechulin (1866-1940), an obstetrician, a railway doctor in Moscow, Mozhaysk and Kharkov (1890-1905), the chief sanitary doctor on the construction of the railway in Blagoveshchensk-on-Amur (1910-1916), commander of the hospital train during the First World War (1916-1917), the witness of turbulent events of the year 1917. The last 20 years he had lived and worked in Cherepovets, where he described his childhood in Belozersk, studies at the Yaroslavl gymnasium and Moscow University, a marriage, a happy family life and the work of the Russian intellectual, a physician of the Dr. Chekhov's time. Unpublished «Yearbook of my life», written by Dr. Chechulin, is a new primary source for the study of psychology and the life of a private individual and the family, interesting also as a monument of autobiographical literature and as a commentary on the novel by Boris Pasternak «Doctor Zhivago», taking place in the same era.

Oksana Egorova. The study the Ethnography of childhood of the Chuvash people according to autobiographies

Keywords: socialization, children's religion, autobiography, play, sickness, sacred places.

Autobiography is one of the most important sources in the study of childhood. In autobiographies one pays great attention to impressions and events, which remained in one's memory and are concerned with life and death, diseases and their treatment using rational and irrational methods. In a distinguish an intentional process, when one deliberately takes steps which should help out with an objectionable situation, and an institutional one, when children begin to study an educational institutional, make families and clamb the professional ladder.

Gabriele Jancke. Charitas Pirckheimer, Martin Luther, and other clerics. Autobiographical writing as social practice in the German-speaking areas (15th and 16th centuries)

Keywords: early modern history, German-speaking areas, autobiographical writings, religion, social practices

The essay deals with two autobiographical texts written by members of the clerical estate in the Reformation context. It attempts to do two things: First, to study religious topics, and especially to study religious persons as authors of a particular kind of texts, these writings not necessarily being of a religious nature. The focus of this perspective is on human agents, who are living their religion through their practices, embedded in their historical and cultural contexts. Second, the essay tries to deal with aspects of religion that may become visible through autobiographical writings. The focus, then, is on a particular kind of sources as a lens for insights about religion in early modern contexts.

Natalja Kapoce. «Little artist» Barbora Didziokiene / Varvara Gorochova: autotexts of emigrant by the heart

Keywords: autotexts, letters, memoirs, diaries, literaturization of the everyday, literary periphery, literary center, literariness, documentariness, écritures ordinaires

This article discusses the autotexts of artist Barbora Didziokiene / Varvara Gorochova. These autotexts are écritures ordinaires (Daniel Fabre). They allow to identify the characteristics of autobiographical texts of 'zero' degree which is typical

of autotexts of 'little people'. The theoretical framework of this study is built upon the articles of Philippe Lejeune and Yuri Tynianov.

Vladimir Glebkin. Autobiographies from the cognitive science perspective

Keywords: Autobiography, cultural-historical typology, narrative, contrast «experiencing Self – remembering Self».

The research focuses on three interdisciplinary issues concerned with autobiographies and autobiographic memory. The first issue is situated in the domain of cultural-historical typology. There is clear evidence that autobiography is a characteristic of theoretical cultures, but hardly of «sympractical» (hunter-gatherer, etc.) ones. The second issue addresses a difference between oral and written memories. A problem of Self and its representation in autobiographies is a purport of the third issue. In particular, the contrast experiencing Self – remembering Self has been discussed.

Alexey Kilin. Autobiography in structure of judicial and investigative affairs of the Urals regional court (1923-1934)

Keywords: office work biography, autobiography, judicial and investigative case, source study, information potential, the Urals region, New Economic Policy.

Judicial and investigative affairs represent a complex of the office documents reflecting both the procedure of pretrial investigation, and the legal procedure course. Materials contain personal data of defendants and witnesses. Bio data are included in structure of such documents as the questionnaire of the arrested, the record of interrogation, the statement of the convict, the characteristic from a place of employment, etc. The autobiography of the person under investigation in the form of the separate and independent document meets seldom. It wasn't the obligatory document in system of a judicial clerical work, it was constituted and provided at the initiative of the defendant and pursued the aim to create a positive image of the person in the opinion of the investigating officer and judges. On the ex-

ample of Petr Petrovich Kapustin's autobiography (1890 - 1938) it is considered the information potential of this type of a source which can be carried to «office work biographies» is considered. Unlike the autobiographies included in structure of a personnel clerical work, the source isn't neither mass, nor standard since it is more variable both in a form, and on the structure. Contents of texts allow to make a conclusion about rather high education level of authors, about skills of a logical and figurative statement of the thoughts in writing.

Iuliia Klochkova. The Memoirs of Sofia Semenovna Tchekina (1948): Autobiography without Biography

Keywords: Theatre, journalism, Bolshevik culture management, Glavrepertkom, control over theatre repertoires, Maly Theatre, tours.

This article is devoted to the the memoirs of S. S. Tchekina (1888-1964). She wrote theatre reviews in the 1910s and represented the Soviet bodies of censure and control after the October Revolution (Glavrepertkom). The article is illustrated with the excerpts from the memoirs which provide details of the Moscow and Yaroslavl of the 1920s – 1940s.

Aboubacar Abdoulwahidou Maiga. Travelogue as a self-writing

Keywords: Travelogue, autobiography, travel, autofiction.

The travelogue is generally an intimate diary, where the narrative is doing in the first person - the person the traveler, and where the author's identity and subjectivity play an important role. Hence his autobiographical nature. Consequently, we try to prove in this article that travel-writer is not only the main object of his story, but he concludes with his readers some «autobiographical pact» by which he assumes responsibility to describe his journey's life with the utmost sincerity, but not being afraid sometimes to distort reality for artistic purposes or creative needs.

Larisa Martynova. Transformation or intensification: a figure of A.P. Chekhov in autobiographical literature of contemporaries. L.A. Avilova «A. P. Chekhov in my life»

Keywords: Chekhov and Avilova, the memoir novel, the protosobytie, the novel type of composition, the event-frame, the lack of credibility, the features of hronotop, the distortion of the real image, the storyboard episode principle, the principle of semantic and lexical repetition, the static character of novel space, the verbal portrait.

In the report the text of Avilova's memoir is analyzed in historico-literary and genre-stylistic aspect. History of creation of Avilova's memoir novel is provided in the report as well. The author of the report consider the question of creation of an image of Chekhov in literary consciousness and Avilova's world: its stylistic, lexical, semantic and emotional features. Transfer process of the real biographic fact in a biographic legend is studied in the article. Other autobiographical texts of Avilova, and also her correspondence with Chekhov are involved in the research.

Maria Mikhailova, Chiara Rampazzo. The autobiographical component in epistolary: The letters by G.I. Chulkov (1879-1939) to his wife and to his beloved

Keywords: Georgiy Chulkov, wife Nadezhda Chulkova, beloved Lyudmila Lebedeva, letters, autobiographical component

The article focuses on the thematic and problematic cruxes of the wide corpus of letters, written by the famous Russian writer and symbolist Georgiy Chulkov, who remained in the Soviet Russia, and addressed to his wife and to his beloved. Their comparison reveals the emotional component of the writer's personality, which manifests itself in different ways when he deals with different addressees. Moreover, these letters allow to get inside his creative laboratory and establish the exact chronology of his works.

Elena Nosenko-Stein. «I never considered myself defective»: Self-Representation of people with Disabilities in autobiographies

Keywords: Disability Studies, disability, Russia, self-representation, autobiography

People with disabilities consist about 10 percent of world population. However, research of many problems of disabled people in Russia is scant, especially their self-identification. Life styles, life trajectories etc. On these pages the author drawing on autobiographical texts makes an attempt clarifying main aspects of self-representation of disabled people in Russia.

Svetlana Pavlova. Memoir Genre in France: the Historic and the Autobiographical

Keywords: memoirs, XVII-th century French Literature, memoir and autobiographical genres, autobiographical element, private life, childhood.

The article deals with the balance of the historic and autobiographical elements in the memoir genre from the moment of its beginning to solidify up to its prime in Louis XIV epoch. On the example of the French memoirs of the 17th century the instances of the autobiographical are analyzed on the level of the theme and ways of expressing the author's attitude. This helps to consider this genre as the one that enables working on the borders of the discursive and cultural models and facilitates the enhancement of the personalized approach in the literature of the early Modern Period.

Roman Pochekaev. Count N.P. Ignat'ev's «Mission to Khiva and Bukhara»: The role of one diplomat in the Central Asian policy as it was described in his own memoirs

Keywords: count N.P. Ignat'ev, Russian Empire, Bukharan Emirate, Khivan Khanate, Orenburg Region, Russian diplomacy, memoirs, autobiography.

In 1858 N.P. Ignat'ev was appointed a head of diplomatic mission to Bukharan Emirate and Lhivan Khanate Despite all possible support of central and regional authorities and assistance of Aral flotilla mission in general was unsuccessful. Later Ignat'ev made himself a career as diplomat and statesman – up to the Minister of the Interior. But in 1882 he was forced top

retire and didn't have an opportunity to participate in the public policy. In desire to "rehabilitate" himself in public opinion he began the work on memoirs on his diplomatic activity trying to overstate his role in the Russian foreign policy. He made it often by criticizing and understating of deserts of another statesmen including persons who already were dead for a long time. The glaring example of such approach is his work "Mission to Khiva and Bulhara" where count Ignat'ev gave himself the credit of development of the relations between the Russian Empire and states and peoples of the Central Asia while all mistakes and failures attributed to administration of the Orenburg Region.

Anna Popova. Implementation peculiarities of confessional intention in *Histoire de ma vie* by George Sand

Keywords: George Sand, confession, autobiography, ideal reader.

The article represents confessional reflection implementation forms in the narrative strategies of George Sand's memoirs. In the process of polemizing with the narrative patterns suggested by Rousseau and Chateaubriand, she is shown as the creator of her own autobiographical text, where truthful self-report by no means contradicts the author-female's dignity or public moral standards. The influence of Rousseau's self-analysis tradition and religious confession practices upon the principles of biographical facts selection and their organization within the text has been investigated, the correlation of George Sand's reflections upon the confessor's personality with the image of her ideal reader being established. The undertaken research results in the statement that formally refusing any confessional forms, the author of *Histoire de ma vie* accepts Rousseauist self-analysis techniques adapting them to the reader's perception shaped by a different cultural epoch.

Elena Rozhdestvenskaya. Coherence of (auto)biography and narrativisation of identity

Keywords: (auto)biography, coherence, narrative identity

The author considers in article the phenomenon of autobiography coherence in the context of narrative identity. Under the narrative identity the author understands the way in which individuals create in interactions a narrative production of situationally relevant aspects of their identity. The coherence of (auto) biography arises as a coherent image on the basis of autobiographical memories and biographical perspectives on its past. The article presents the empirical autobiographical case on the subject of design coherence.

François-Joseph Ruggiu. L'écriture de l'espace social dans les écrits personnels

Keywords: France des XVIIe et XVIIIe siècles, écrits personnels, espace social, renouvellements historiographiques

Cette contribution évalue le potentiel heuristique des écrits personnels pour la compréhension de l'espace social au sein desquels évoluaient leurs auteurs. Son terrain est la France des XVIIe et XVIIIe siècles ainsi que le début du XIXe siècle. Elle se situe dans le sillage des renouvellements historiographiques des années 1990, qui ont essayé de promouvoir une histoire des expériences et des pratiques des acteurs sociaux, mais qui n'ont pas tenu toutes leurs promesses. Différents des sources administratives ou des discours savants scrutés dans les années 2000, les écrits personnels permettent une analyse fine des représentations sociales d'une grande variété d'acteurs, surtout des hommes, mais situés à des places différentes de l'ordre social. Après avoir posé les bases méthodologiques de cette enquête, l'article explore le vocabulaire social des scripteurs, étudie la manière dont ils utilisent des marqueurs discursifs pour signifier des différences sociales, et analyse l'évolution de leurs capacités à dire le monde social.

Irina Salmanova. Phenomenon of Lev Tolstoy – biographer

Keywords: autobiographical discourse, self-knowledge, integrity, confessional dialogue, the beginning, diaries, letters, confessions, memories.

The article is devoted to identify diverse creative heritage of L. Tolstoy as a holistic autobiographical text. An autobiographical discourse in this case doesn't mean to simple summing up of individual autobiographical genres (diaries, letters, memoirs, confession, literary autobiography), but the main problem is describing how these forms coexistence complexly and in an interaction each other in the Tolstoy's life period. The integrity of Tolstoy's autobiographical discourse we can understand to toward identify the nature of confessional dialogue as the beginning and the algorithm, which didn't change during his life.

Nataliya Shurina. Indirect recipient in Jean-Paul Sartre's «Les carnets de la drôle de guerre»

Keywords: Sartre, diary, indirect recipient, communication, language

This article considers Jean-Paul Sartre's «Les carnets de la drôle de guerre» and their immanent indirect recipient through whose figure the author actualizes his own philosophical and psychological objectives. The reader of the war diaries makes Sartre's diary a tool-and-result of communication with the Other. Through the undertaken analysis we identified, that this indirect recipient can affect the author's stylistic choices: the possibility of discussion of ideas and observations, recorded in the diary, implies an analytical narration. Furthermore, a witness to the self-report can grow to a diary's character, structuring the process of self-recognition.

Irina Sleptsova (Kyzlasova). «It's for the memory P.V. Bugrov»: life story in Yaroslavl peasant diaries in terms of micro-history

Keywords: Russian ethnography, microhistory, personality in history, biographical method, ego-documents

The article examines diaries belonging Yaroslavl peasant P.V. Bugrov, relating to the first third of the XX century from the collection of the Yaroslavl State Historical-Architectural and Art Museum-Reserve. Learning diary allows you to reconstruct

not only the features of the author's personality and his way of life, but also to present a socio-cultural characteristics of the rural local group, of which he is. Specific examples cited in the article demonstrate the potential for microanalysis macrohistorical research.

Julia Zaitseva. Autobiographical Self-Narrative as an instrument of identity construction: communicative, narrative and existential aspects

Keywords: autobiography, psychology, identity construction, personal identity, I, Self-narrative, existential identity, narrative identity, dialogical self, valuation, narrative coherence, communicative action.

Three aspects of auto-biographing in context of multidisciplinary approach are considered in our research project "Time and space metaphor in Self-narrative and life script of different generation members", empirically based on (auto)biography's corpus, collected by Biographical Archive of The Sociological Institute of the Russian Academy of Science. 1) Autobiography as a communicative practice of selective sharing of the narrator's life world is discussed in conceptual framework of Dialogical Self Theory (H. Hermans), and models of communicative action and lifeworld representations (J. Habermas). 2) Autobiography as a narrative practice reveals social-cognitive mechanisms of interpreting, coding and sense-making of life events. 3) Autobiography as an existential practice shows narrator's reflecting viewpoint constructed by temporal coherence (T. Habermas, S. Bluck) and thematic focusing of Self-Narratives. Results of qualitative study of 43 autobiography (X and Y generations members) are discussed.

Научное издание

Автобиографические сочинения
в междисциплинарном исследовательском
пространстве: Люди, тексты, практики

Корректор: З.В. Шушпанова
Художественный редактор: Е.К. Карпенко
Компьютерная верстка и графика: Е.К. Карпенко

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» 101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 20 Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 15.12.2017.
Гарнитура Georgia. Усл. печ. л. 35
Тираж 500 экз.

Издание научных монографий:
mono@idbg.ru
+7 495 215 01 38
8 800 333 15 38 (звонок бесплатный)
Информация для авторов:
www.bgscience.ru

Отпечатано: ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42,
корпус 5
Тел.: +7 (499) 322-38-30